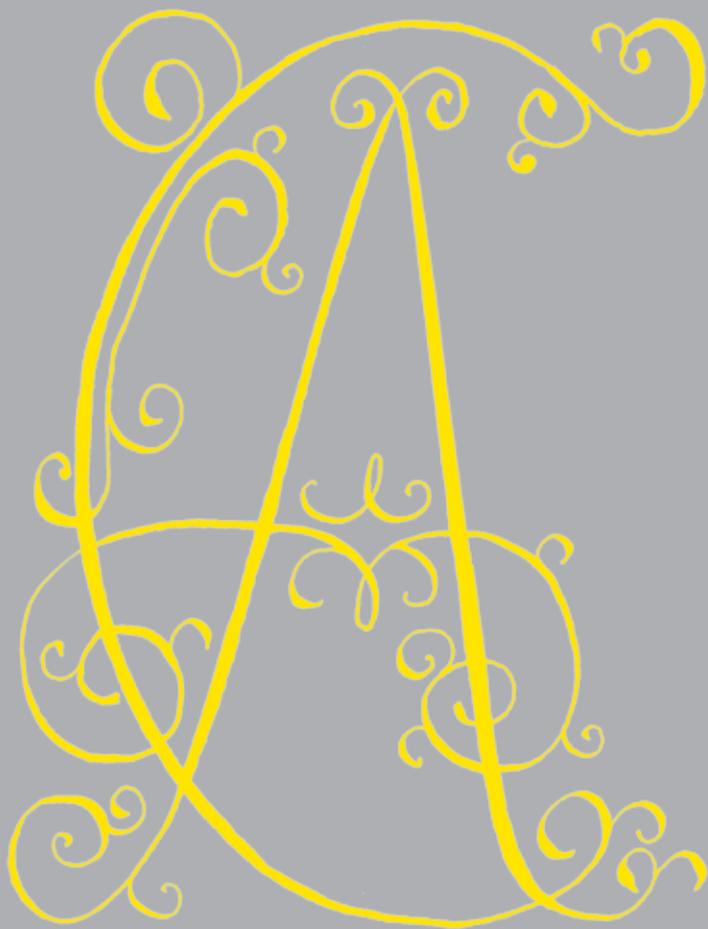

Славянский АЛЬМАНАХ

1-2 · 2016

Славянский АЛЬМАНАХ

Учредитель:
Институт славяноведения РАН

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

Свидетельство
о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-61134 от 30 марта 2015 г.

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

- Д. Батакович*, доктор исторических наук, профессор,
Институт балканистики САНУ, Сербия
- Т. И. Вендина*, доктор филологических наук, профессор
- А. Влашич-Анич*, PhD, Институт старославянского языка,
Хорватия
- Дж. Дзиффер*, профессор, Университет Удине, Италия
- П. Женьох*, доктор филологических наук, профессор,
директор Института славистики САН, Словакия
- А. Зуппан*, академик Австрийской академии наук, Австрия
- К. В. Никифоров*, доктор исторических наук, директор
Института славяноведения РАН (отв. редактор)
- М. Номати*, PhD, доцент, Славяно-евразийский
исследовательский центр Университета Хоккайдо, Япония
- В. Радева*, доктор филологических наук, профессор,
Софийский университет, Болгария
- М. А. Робинсон*, доктор исторических наук
- А. Розман*, PhD, профессор, Университет Любляны, Словения
- Н. Н. Старикова*, доктор филологических наук
- Е. С. Узенева*, кандидат филологических наук, доцент
- А. Л. Шемякин*, доктор исторических наук

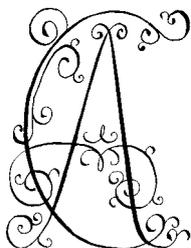
РЕДАКЦИЯ:

- Е. П. Аксенова*, кандидат исторических наук
- М. Ю. Дронов*, кандидат исторических наук
- К. А. Кочегаров*, кандидат исторических наук
- М. М. Макарецев*, кандидат филологических наук
- Е. С. Сергеенко*

Институт славяноведения РАН

СЛАВЯНСКИЙ
АЛЬМАНАХ

1-2 · 2016

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИНДРИК»
Москва 2016

УДК 94(367)
ББК 63.3(4)
С 47

Славянский альманах 2016. – М.: Индрик, 2016. – 464 с.

ISSN 2073-5731

Очередной выпуск (№ 1–2) «Славянского альманаха» за 2016 г. отражает основные направления комплексных научных исследований в области славяноведения. Издание включает статьи и материалы по актуальным проблемам истории славянских народов, истории славистики, истории культуры, литературы, этнолингвистики и фольклора, славянских языков и диалектов. Хронологический охват материалов – от Нового времени до современности. Издание рассчитано как на специалистов, так и на широкий круг читателей.

The issue № 1–2, 2016 of the academic magazine «The Slavic almanac» is focused on basic directions of multiple research in the field of Slavic studies. The edition contains articles and other materials devoted to topical issues in the history of Slavic peoples, Slavic studies, cultural history, literature, ethno linguistics and folklore, Slavic languages and dialects. Articles cover the period from the Early Modern Age till nowadays. The book is designed for specialists as well as a broad circle of readers.

© Институт славяноведения РАН, 2016
© Коллектив авторов, 2016
© Издательство «Индрик», 2016

Содержание

История

<i>Флоря Б. Н. (Москва). Павел Алеппский на Украине в середине XVII в.</i>	11
<i>Кирилина Л. А. (Москва). Неоиллиризм у словенцев.....</i>	25
<i>Дронов А. М. (Москва). Языковой вопрос на Военной Границе Габсбургской монархии в 1850–1870-е гг.</i>	44
<i>Колин А. (Кишинев), Стыкалин А. С. (Москва). Бессарабия начала XX в. глазами русских священнослужителей и церковных миссионеров (по материалам переписки митрополита Арсения)</i>	55
<i>Горизонтов Л. Е. (Москва). Метаморфозы идентичности поляков в России в период Первой мировой и Гражданской войн. (На материале воспоминаний Романа Дыбоского)</i>	69
<i>Ганин А. В. (Москва). Начальник украинского Генерального штаба А. В. Сливинский</i>	82
<i>Парфирьев Д. С. (Москва). Антипольское сотрудничество Литвы и УВО-ОУН в межвоенный период</i>	99
<i>Ковалев М. В. (Саратов). Русско-турецкая война 1877–1878 гг. в исторической памяти русской эмиграции</i>	109
<i>Кузьмичева А. Е. (Москва). Варшава или Москва? Зондажный визит Луи Барту в Польшу в 1934 г.</i>	126
<i>Смирнов А. И. (Москва). Взаимоотношения власти и католической церкви в Польше в 1956–1968 гг.</i>	136
<i>Майорова О. Н. (Москва). Правый поворот в Польше. Президентские и парламентские выборы 2015 г.</i>	147

История культуры

<i>Лескинен М. В. (Москва). Туранская теория Фр. Г. Духиньского и ее критика в контексте складывания концепции «великорусскости» в российской науке</i>	164
<i>Лабынцев Ю. А., Щавинская Л. Л. (Москва). Московский литератор И. А. Белоусов – переводчик и популяризатор поэтического наследия Тараса Шевченко и Янки Купалы</i>	181

<i>Антонов Д. И. (Москва). Змей-искуситель с женским лицом: генезис и вариации образа в русской иконографии</i>	194
<i>Ротт Д. (Катовицы). Изображение Варшавского восстания 1944 г. в современной массовой культуре</i>	211

Литературоведение

<i>Шестопалова И. М. (Москва). Образы «полякующих» в русской и польской пропагандистской литературе 1860-х гг.</i>	224
<i>Яблоков Е. А. (Москва). «Воет в трубе, истинный Бог, как дитя...» (Мифопоэтика рассказа М. А. Булгакова «Стальное горло»)</i>	237
<i>Амелина А. В. (Москва). Война в утопическом видении чешской межвоенной прозы</i>	254
<i>Колядко С. В. (Минск). «Автор – читатель»: эмотивные стратегии поэтического произведения (на материале белорусской поэзии Максима Танка и Евгении Янищиц)</i>	263
<i>Старикова Н. Н. (Москва). «Женский» вектор современной словенской прозы</i>	281
<i>Адельгейм И. Е. (Москва). «Мы все умрем и должны к этому подготовиться...» Страх смерти и художественная автопсихотерапия в польской прозе 2000-х гг.</i>	292

Этнолингвистика и фольклор

<i>Виноградова Л. Н. (Москва). Тексты народной культуры, наделенные интерпретирующей функцией (мотивировки ритуального поведения, толкования гаданий и снов, мифологическая трактовка знаковых событий)</i>	307
<i>Седакова И. А. (Москва). Русско-болгарские праздничные параллели: <i>Воздвижение</i></i>	322
<i>Гура А. В. (Москва). Символика тела в сновидениях</i>	339

Языкознание

<i>Вендина Т. И. (Москва). Русская диалектная лексика в лингвогеографическом аспекте</i>	356
<i>Кучко В. С. (Екатеринбург). Рус. оправдываться, оправдание: опыт диахронно-семантического портретирования</i>	375

История науки

- Аристова Л. Ю. (Москва). Концепция славянской культурной взаимности в контексте жизненного и научного пути В. И. Григоровича* 386
- Добычина А. С. (Москва). Геннадий Григорьевич Литаврин о болгаро-византийских отношениях в конце XII – начале XIII в.* 394

Рецензии и обзоры

- Седакова И. А. (Москва). Исследование погребальной обрядности болгар и влахов (в свете развития этнографии в Болгарии)* 409
- Сератионова Е. П. (Москва). Конец Первой мировой войны и возвращение чехов и словаков на родину* 417
- Задорожнюк Э. Г. (Москва). Русская философия в славянском мыслительном поле* 423
- Попов К. А. (Москва). Новый взгляд на словацкий политический антисемитизм* 427
- Куренная Н. М. (Москва). Венгерская литература в контексте национальной истории* 433

Хроника

- Цыбенко О. В. (Москва). Международная конференция «Хоревские чтения: Фактор преемственности в развитии форм художественного мышления. Опыт современных литератур Центральной и Юго-Восточной Европы»* 436
- Клементьев С. В. (Москва). Международная научная конференция «Вторая мировая война в славянских литературах и языках»* 441
- Мельников Г. П. (Москва). Международная научная конференция «Ян Гус в истории и культуре»* 448
- Научные чтения, посвященные 100-летию со дня рождения профессора Л. Б. Валева 451
- Сведения об авторах 456

Content

History

<i>Florya B. N. (Moscow)</i> . Paul of Aleppo in Ukraine in the middle of the 17th century	11
<i>Kirilina L. A. (Moscow)</i> . Neoillyrian movement of the Slovenes	25
<i>Dronov A. M. (Moscow)</i> . Language question at the Military Frontier of The Habsburg Monarchy in 1850–1870s	44
<i>Kolin A. (Chişinău), Stykalin A. S. (Moscow)</i> . Bessarabia at the beginning of the 20th century seen by Russian clergymen and church missionaries (based on the materials from the correspondence of metropolitan Arsenius)	55
<i>Gorizontov L. E. (Moscow)</i> . Metamorphoses of the Identity of the Poles in Russia during the First World and Civil Wars. (based on the Memoirs by Roman Dyboski)	69
<i>Ganin A. V. (Moscow)</i> . The Chief of the Ukrainian Joint Staff A. V. Slivinskij	82
<i>Parfiriev D. S. (Moscow)</i> . Anti-Polish Co-operation of the UVO-OUN and Lithuania during the Inter-War Period	99
<i>Kovalev M. V. (Saratov)</i> . The Russo-Turkish War of 1877–78 in the historical memory of the Russian emigration	109
<i>Kuz'mičeva A. E. (Moscow)</i> . Warsaw or Moscow? Luis Barthou's reconnaissance visit to Poland in 1934	126
<i>Smirnov A. I. (Moscow)</i> . Relations between the state and the Catholic Church in Poland in 1956–1968	136
<i>Mayorova O. N. (Moscow)</i> . The «right turn» in Poland. Presidential and parliamentary elections in 2015	147

History of culture

<i>Leskinen M. V. (Moscow)</i> . Turanian theory of Franciszek Duchyński and its critics during creation the «Great Russians» concept in the Russian thought	164
<i>Labyntsev Y. A., Shavinskaya L. L. (Moscow)</i> . Russian writer I. A. Belousov as translator and popularizer of the poetic heritage of Taras Shevchenko and Janka Kupala	181

<i>Antonov D. I. (Moscow)</i> . The Tempter Serpent with the feminine face: The Origin and Variations of the Image in the Old Russian Iconography	194
<i>Rott D. (Katowice)</i> . The depiction of the Warsaw Uprising of 1944 in the contemporary mass culture	211

Studies of literature

<i>Šestopalova I. M. (Moscow)</i> . The images of polonophiles in the Russian and Polish propagandistic literature in the 1860s	224
<i>Yablokov E. A. (Moscow)</i> . «Howls in a pipe, good God, as a child...» (Mythopoetics of Mikhail Bulgakov's story «The Steel Throat»)	237
<i>Amelina A. V. (Moscow)</i> . War in the utopian vision of the Czech interwar prose	254
<i>Kolyadko S. V. (Minsk)</i> . «Author – Reader»: an emotive strategies of poetic text (based on the Belorussian poetry of Maksim Tank and Evgeniya Yanishits)	263
<i>Starikova N. N. (Moscow)</i> . The «female» direction of the contemporary Slovene prose	281
<i>Adel'gejm I. E. (Moscow)</i> . «We are all going to die and have to prepare for it ...» The fear of death and the artistic autopsychotherapy in the Polish prose in the 2000s	292

Ethnolinguistics and folklore

<i>Vinogradova L. N. (Moscow)</i> . Texts of folk culture that have interpretative function (motivation of ritual behaviour, interpretations of fortunetelling and dreams, mythological explanation of meaningful events)	307
<i>Sedakova I. A. (Moscow)</i> . Russian-Bulgarian Festive Parallels: Exaltation of the Lifegiving Cross	322
<i>Gura A. V. (Moscow)</i> . The symbolism of human body in the dreams	339

Linguistics

<i>Vendina T. I. (Moscow)</i> . Russian dialectal lexis in the linguo-geographical aspect	356
<i>Kučko V. S. (Yekaterinburg)</i> . Russian words <i>оправдывать, оправдание</i> (‘to justify, to excuse’ and ‘justification, excuse’): the experience of diachronic-semantic portraying	375

 History of science

<i>Aristova L. Y. (Moscow)</i> . The concept of Slavic cultural mutuality in the life of V. I. Grigorovic	386
<i>Dobychina A. S. (Moscow)</i> . G. G. Litavrin about Byzantine-Bulgarian relations at the end of 12th – the beginning of the 13th century	394

Reviews

<i>Sedakova I. A. (Moscow)</i> . A new book on funeral and commemorative rituals (in the light of contemporary development of ethnography in Bulgaria)	409
<i>Serapionova E. P. (Moscow)</i> . The end of the WWI and the return of Czechs and Slovaks to the motherland	417
<i>Zadorozhnyuk E. G. (Moscow)</i> . Russian philosophy in the Slavic thought	423
<i>Popov K. A. (Moscow)</i> . A new view on the Slovak political anti-Semitism	427
<i>Kurennaya N. M. (Moscow)</i> . Hungarian literature in the context of the national history	433

Chronicle

<i>Tsybenko O. V. (Moscow)</i> . International conference «The Khorev reading: succession factor in the development of artistic thinking. The experience of contemporary literature in Central and South-Eastern Europe»	436
<i>Klementiev S. V. (Moscow)</i> . International conference «World War II in Slavic literature and languages»	441
<i>Melnikov G. P. (Moscow)</i> . International conference «Jan Hus in history and culture»	448
International conference commemorating the 100 th birthday of Professor L. B. Valev	451
About the authors	460

Б. Н. Флоря
(Москва)

Павел Алеппский на Украине в середине XVII в.

В середине XVII в. украинские земли посетил сириец Павел Алеппский, прибывший туда в свите антиохийского патриарха Макария. В статье показано, как условия пребывания, знание местной природы и культурных традиций отразились в составленных им записках о путешествии.

Ключевые слова: *Украина, казачество, православие, поляки, франки и их мир.*

Павел Алеппский, молодой сириец, сын антиохийского патриарха Макария, в середине 50-х гг. XVII в. принял участие в путешествии своего отца, патриарха Макария, в Россию. Считая происходящее большим историческим событием, Павел вел записки, положенные им в основу описания путешествия.

Путь в Россию вел через земли Молдавского княжества и украинского гетманства. Летом 1654 г. Павел вместе с патриархом и его свитой ехал по землям гетманства в течение 40 дней, а затем побывал на Украине на обратном пути летом 1656 г. В «Путешествии» особый раздел содержит подробные записи о том, что он видел и слышал, проезжая через эти земли. Достаточно скоро после издания русского перевода текста «Путешествия»¹ записки Павла Алеппского привлекли к себе внимание исследователей. Сопоставляя его тексты с записками других современников, М. С. Грушевский констатировал, что никто из них не дал такой яркой и подробной характеристики жизни украинского общества в середине 50-х гг. XVII в.² В текст своего обобщающего труда историк включил обширные извлечения из записок Павла Алеппского.

М. С. Грушевский пронизательно отметил, что в отличие от некоторых других современников Павел Алеппский «як представитель віками поневоленого народу» относится с глубоким сочувствием к борьбе казаков за освобождение от иноземной и иноверной власти³. М. С. Грушевский характеризовал Павла как малоученого провинциала, который поэтому, в частности, ничего не написал о Киево-Могилянской академии⁴. В этом, однако, М. С. Грушевский видел и определенное преимущество. В его записках отразились непосредствен-

ные впечатления «свіжого, незагромадженого знаннями і досвідом інтелекту»⁵. Отмечая целый ряд ошибок в рассказах Павла о восстании Б. Хмельницкого, М. С. Грушевский объяснял их тем, что в них отразились народные представления о происходящем, «голоси тих безпосередніх учасників, котрих він розпитував»⁶.

Характеризуя описания украинской природы в сочинении Павла Алеппского, М. С. Грушевский отметил, что его привлекали такие ее черты, которым не было соответствия в природе «сухої, каміністої, малоростинної Сирії»⁷.

Однако наблюдения М. С. Грушевского так и остались отдельными замечаниями, местами вкрапленными в обширные извлечения из «Путешествия». Между тем текст записок Павла Алеппского дает, как представляется, ценный материал для ответа на вопрос, какими возможностями для создания образа страны мог обладать внимательный и благожелательный наблюдатель, но ограниченный как условиями пребывания, так и языковым барьером: Павел Алеппский знал не только сирийский, но и греческий язык, но непосредственно общаться с жителями «страны казаков» он не мог.

Характеризуя описания Украины и населяющих ее людей, сделанные путешественником, следует остановиться на роли визуальных впечатлений в создании образа страны. В сочинении Павла Алеппского изображение украинской природы занимает видное место. Это образ края, богатого растительностью. Через земли гетманства Павел Алеппский проезжал в летние месяцы, поэтому обилие и разнообразие местной флоры особенно поражало его. «В этой стране, – записывал он, – во все лето до октября бывают зелень и цветы, и мы чрезвычайно удивлялись весенним цветам в летнее время»⁸. На страницах его записок неоднократно упоминаются леса, то сосновые⁹, то «из ореховых, вишневых и сливовых деревьев»¹⁰.

Еще одна черта украинского пейзажа – обилие воды. Уже на начальном этапе путешествия Павел видит многочисленные пруды и реки «справа и слева»¹¹, а затем на страницах его сочинения появляется многоводный, богатый рыбой Днепр¹². Очевидно, что внимание сирийца привлекали те особенности природы Украины, которые не имели соответствия в природе его родины.

Павел Алеппский был духовным лицом, но его интересовала не только украинская природа, но и воздействие человека на эту природу, и разным сторонам такого воздействия посвящено немало его сообщений. Во время путешествия он неоднократно восхищался природной мощью украинских полей. Так, 14 июня он видел посевы

«вышиной в рост человека, подобные огромному морю по длине и ширине»¹³. Подводя итоги своим украинским впечатлениям, он снова отметил, что он и его спутники неоднократно «ехали часа по два, по три полем ржи, по длине и ширине подобным морю»¹⁴. Сопоставляя свои сведения, он также записал, что в отличие от России «в земле казаков пашут на пяти-шести парах быков при пяти-шести погонщиках». Благодаря обилию урожаев ржи водка, которую «варят» из этой ржи, здесь «дешева, как вода», в то время как в России она «очень дорога»¹⁵.

Другая отрасль хозяйства, привлекающая внимание Павла, – это добыча рыбы. Разнообразной рыбой изобилует Днепр¹⁶. Но одновременно он описывает садки для разведения рыбы на многочисленных прудах, пруды наполняются водой с помощью плотин, и там же ставят мельницы. В итоге жители «имеют вместе и воду, и рыбу, и мельницы и ни в чем не нуждаются»¹⁷.

В самих поселениях внимание Павла привлекают домашние животные и сады. В каждом доме, по его оценке, имеется 10 видов животных – лошади, коровы, овцы, козы, свиньи, разнообразные птицы. Птицы, как отметил с удивлением Павел, «во множестве гуляют в полях и лесах», не подвергаясь нападениям каких-либо зверей¹⁸. Заметный интерес ученого араба вызвали отсутствующие в мусульманском мире животные – свиньи. Павел описывает разные породы свиней, говорит о поведении поросят, отмечает, сколько раз в год самки рожают детенышей¹⁹.

Особое внимание Павла Алеппского привлекли к себе сады в украинских поселениях. Многочисленные сады, «которым нет счета», для него – характерный признак украинского поселения²⁰. Он отмечает, что в таком поселении каждый дом окружен садом, где находятся и плодовые деревья (вишни, сливы и др.), и посеvy овощей²¹.

Подробные описания таких садов появляются в тексте путешествия по мере приближения к Киеву. Так, он сообщает о саде в Василькове, имении Киево-Печерского монастыря, где растут вишни, сливы и ореховые деревья²². Павел описывает «бесчисленные сады», окружающие сам монастырь²³. В Киеве также при каждом доме имеется «большой сад, где есть все плодовые деревья, какие только у них растут». Среди прочих он отметил присутствие «больших тутовых деревьев алеппских [...] но их ягодами пренебрегают»²⁴. Особое внимание Павла привлекло наличие в некоторых из этих садов виноградной лозы. Он констатирует, что после выезда из Молдавии впервые увидел виноградную лозу в саду именно в Василькове²⁵.

«Множество виноградных лоз» Павел заметил и в садах, окружавших Киево-Печерский монастырь²⁶. По его наблюдению, там делают темно-красное вино, которое «развозят из этого монастыря по всем церквам земли казаков»²⁷. Внимание Павла Алеппского привлекли к себе и шелковичные деревья в садах на землях Киево-Печерского монастыря. Как отметил Павел, митрополит Петр Могила «разводил на них шелковичных червей, и получался отличный шелк»²⁸. Таким образом, особый интерес Павла Алеппского вызвали такие растения и деревья, которые он хорошо знал у себя на родине.

С обилием свидетельств ученого араба о вышеописанных занятиях жителей Украины контрастирует скудость сведений о городской жизни. Разумеется, Павел отмечает такие особенности городов гетманства, которые отличают их от хорошо знакомых ему городских центров Ближнего Востока. Так, он записал, что «все города этой страны деревянные, и если они сгорят, то следы их исчезают», а дома в Киеве «великолепны, высоки и построены из бревен, выструганных внутри и снаружи», и эти дома окружены большими садами²⁹. Однако этим, пожалуй, все и ограничивается. Ни городские ремесленники, ни продукты их деятельности, ни лавки торговцев и ремесленников на городских базарах не привлекли его внимания. Ярмарка в Прилуках упомянута в его записках, по-видимому, потому, что в июне 1656 г. туда приехало много греческих купцов «из Румелии и Карамании»³⁰.

Рассказывая о рынке такого крупного городского центра, как Киев, Павел ограничился сообщением, что в лавках на базаре торгуют женщины – «они нарядно одеты, заняты своим делом, и никто не бросает на них нахальных взглядов»³¹. Эта особенность, как представляется, запомнилась ему потому, что в Алеппо на торгу дело обстояло иначе, но больше ничего на киевском торге его не заинтересовало. Неясно, произошло ли это в связи с тем, что в силу обстоятельств путешествия круг его наблюдений был ограничен, или в украинском городе он не увидел ничего достойного внимания.

Понятно, что в городах и пригородных монастырях особое внимание ученого араба привлекали церковные постройки и находившиеся в них памятники сакрального искусства. Эти сведения по достоинству оценены историками искусства и, как увидим далее, позволяют судить о восприятии памятников архитектуры и изобразительных искусств представителем ближневосточного православного мира.

Особое место Павел уделит типографии Киево-Печерского монастыря. Это, по его характеристике, «знаменитый печатный дом

[...] из него выходят все их церковные книги удивительной печатью, разного вида и цвета»³². Посещение типографии, как он отметил, связано было с необходимостью напечатать там большое количество «разрешительных грамот», получения которых добивались от патриарха жители гетманства. Внимание к этому сюжету и высокая оценка деятельности киево-печерской типографии были связаны с тем, что османские власти не позволяли христианскому населению Империи иметь свои типографии, и оно было вынуждено пользоваться печатными изданиями, выходившими в странах латинского Запада. В этих условиях принципиально важным было существование своей крупной типографии на территории православной страны.

Павел говорит о глубоком благочестии и набожности жителей гетманства. Эти заключения как будто подтверждаются наблюдениями, но следует принять во внимание ту особую ситуацию, в которой они делались. В основе подобных наблюдений лежал торжественный прием, который оказывало население разных городов патриарху и его свите. Это резко контрастировало с тем сдержанным отношением, с которым странники столкнулись в Молдавии, где Макария «никто [...] не принимал и не угощал даже лепешкой»³³. Между тем на территории Украины повсеместно патриарха и его свиту встречали большие собрания местных жителей во главе с духовными и светскими властями. Храмы были полны, и в них при большом стечении народа совершались службы, гораздо более длительные, чем на Ближнем Востоке³⁴. Устраивались приемы, на которых патриарху оказывались почести. Так, принимая его, гетман Богдан Хмельницкий, в отличие от правителей дунайских княжеств, посадил патриарха на почетном, более высоком месте, а сам сел ниже³⁵. У жителей Украины Павел Алеппский видел «набожность, богобоязненность и благочестие, приводящие в изумление»³⁶.

Следует, однако, иметь в виду, что, хотя сведения, собранные Павлом Алеппским, были правдивыми, он наблюдал жителей гетманства в своего рода чрезвычайных обстоятельствах. Дело не только в том, что одним из главных лозунгов восстания Хмельницкого была защита православной веры, которая в ситуации противостояния с католиками-поляками воспринималась местным населением как один из важнейших признаков своей идентичности. Визит антиохийского патриарха воспринимался как одобрение их борьбы международным авторитетом. Кроме того, для местного населения патриарх был тем высоким духовным авторитетом, который мог их благословить и дать отпущение грехов. Как отметил сам Павел, жи-

тели Украины приходили толпами, «чтобы получить благословение и приложиться к кресту [...] из рук патриарха»³⁷. В Киеве в киево-печерской типографии было отпечатано большое количество «разрешительных грамот»³⁸. На обратном пути из России такие грамоты раздавали жителям Киева³⁹.

Вероятно, если бы Павел Алеппский наблюдал жителей гетманства за рамками торжественной атмосферы, процессий, служб и приемов, его впечатления могли бы оказаться несколько иными. Все же он заметил, что «на дверях каждой из церквей казацких бывает железная цепь [...], всякому, кто [не] приходит в церковь на рассвете после звона, вешают эту цепь на шею на целый день»⁴⁰. На обратном пути при раздаче «разрешительных грамот», как отметил Павел, многие женщины просили такие документы для своих мужей-пьяниц⁴¹.

Более сложные ситуации возникали, когда личные наблюдения не позволяли корректировать устную информацию, от которой путешественник оказывался целиком зависимым. Следует также учесть, что Павел Алеппский мог общаться лишь с кругом людей, знавших греческий язык. Это были, вероятно, бывавшие на Украине греческие купцы или жившие тут греки, недостаточно знакомые с русскими традициями. Допущенные ими ошибки могли умножаться за счет непонимания рассказанного самим путешественником.

Отсюда многочисленные искажения в тех экскурсах в древнерусское прошлое, которые обнаруживаются в тексте украинской части рассказа Павла Алеппского. Так, при описании надгробного памятника князя К. И. Острожского в соборе («великой церкви») Киево-Печерского монастыря Павел записал: «Нам рассказывали, что он был царем над русскими, уверовал во Христа около 600 лет тому назад и построил эту церковь»⁴². Очевидно, что ему рассказывали о гробнице крестителя Руси князя Владимира, найденной Петром Могилой в развалинах Десятинной церкви, которую Владимир действительно построил. Павел же отнес эти слова к надгробию, которое он в тот момент осматривал.

В рассказе о Борисе и Глебе, записанном Павлом на обратном пути из России, в Борисполе, говорится, что коварный брат «пригласил их к себе в дом, где и убил их собственной рукой»⁴³. Согласно древнерусской традиции, братья были убиты подосланными убийцами в разных местах. Здесь перед нами искажения при передаче информации, за которыми явно не прослеживается какая-либо определенная цель.

Однако некоторые рассказы производят иное впечатление. Это относится прежде всего к рассказу о крещении Руси. Рассказ начинается с сообщения о браке Владимира с сестрой царя Василия «по имени Олиха». Далее все происходит при ее решающем участии. Она пригласила мастеров из Константинополя и построила многие церкви и монастыри. Она также вела войны с соседними языческими народами, победила их и заставила принять христианскую веру⁴⁴. Налицо явная контаминация двух разных сюжетов – о браке Владимира с сестрой императора Василия – Анной и о его бабушке Ольге как первой русской правительнице-христианке. Вместе с тем контаминация осуществлена таким образом, что главным лицом, осуществляющим христианизацию Руси, оказывается греческая принцесса.

Аналогичные особенности обнаруживаются в рассказе о киевских пещерах, где Павел видел гробницу двенадцати греческих мастеров, построивших во второй половине XI в. Успенский собор Киево-Печерского монастыря. У Павла читается, что эти мастера приехали «во дни царя Василия Македонянина», благодаря им жители «уверовали (в Христа)», и они сделались в Киеве «учителями (веры)»⁴⁵. В этих рассказах отразилось, как представляется, стремление проживавших на Украине греков дать освещение древнерусского прошлого, соответствующее их интересам.

Если исторические экскурсии Павла Алеппского вызывают много претензий, то, как представляется, потому, что он не придавал им особого значения. Совсем иначе обстояло дело с историей освобождения Украины от власти «ляхов» и установления на территории гетманства новой организации общества. Все это представляло, как справедливо отмечал М. С. Грушевский, для него первостепенный интерес как пример освобождения угнетенного и неполноправного православного населения от несправедливой иноверной власти. Этот пример не был чем-то абстрактным и далеким. В казаках Павел Алеппский видел силу, которая могла бы помочь его соотечественникам достичь такой же цели. Неслучайно он специально отметил слова сына Б. Хмельницкого Тимофея, что отец направил его в Молдавию, «чтобы избавить Великую Церковь от рук врагов»⁴⁶. Поэтому он приложил большие усилия, чтобы установить ход событий, приведших к победе Хмельницкого, и оценить последствия этой победы. Характеризуя порядки, установившиеся в гетманстве после победы восстания, Павел отметил, что соответствующие сведения он «после многих расспросов и проверки [...] собрал с трудом и утомлением»⁴⁷.

К сожалению, как и в других случаях, Павел не указывает, кто снабжал его сведениями об истории освобождения казаков от власти «ляхов». Можно, однако, определенно утверждать, что это были не только те украинские духовные лица, с которыми антиохийский патриарх и его свита общались во время своего путешествия. От них Павел никак не мог заимствовать рассказ о том, что сорок лет назад (то есть в начале XVII в.) поляки «сожгли митрополита земли казаков вместе с одиннадцатью его епископами и священниками, изжарив их в огне на железных прутьях»⁴⁸. Этот рассказ, совсем не соответствовавший не только историческим фактам, но и фольклорной традиции (рассказ о казни казацкого гетмана в раскаленном железном быке)⁴⁹, отражал стремление собеседников Павла показать в наихудшем виде власть «ляхов» и тем самым оправдать те жестокости, которыми сопровождалась победа восстания. Чтение труда показывает, что такие рассказы достигали желательной цели. Павел в своем труде констатировал, что жители Украины испытали от «ляхов» «нечестие и ужасы, какие не совершали в свое время идолопоклонники»⁵⁰, а в одном из мест своего труда, сравнивая порядки на Украине и в Османской империи, он даже записал: «Да увековечит Бог царство турок во веки веков! Ибо они берут харач и не входят ни в какие счета по делам веры»⁵¹.

Первоначально контакты с казацким войском, с которым патриарх и его свита столкнулись в Молдавии, вызвали у Павла и его спутников достаточно сложные и, скорее, отрицательные реакции. Он характеризует казаков как мужественных и искусных воинов, готовых довольствоваться самым малым, и одновременно как людей, которые грабят всех, «даже женщин», даже церкви и монастыри. Он говорит об их «беспримерных жестокостях» по отношению к туркам и евреям. «Евреев, – как записал Павел, – заключали в оковы и мучили в продолжение целых ночей [...] и наши сердца надрывались горем от плача их детей и младенцев»⁵².

Отношение к казакам стало меняться с приездом на Украину. Имели значение и очень теплый прием населением патриарха и его свиты, и обстоятельное знакомство с украинской версией событий, характеризовавшей происшедшее как борьбу против угнетения православной веры. Версия эта не вызвала у Павла никаких сомнений и убедила его в справедливости действий казаков. В его повествовании снова возникает еврейская тема. «Ляхи» не только преследовали православных и не давали им исповедовать свою веру, но и «отдавали их во власть врагов Христа, проклятых евреев». «В дни ляхов они-то были правителями и господами, заведовали таможняными и вконец по-

работили казаков»⁵³. Он пишет о том, что восстание сопровождалось поголовным истреблением не только «ляхов», но и евреев. В Тульчине «даже младенцев казаки вытаскивали из живота беременных женщин и убивали». Павел цитирует отзыв о Хмельницком, что тот «больше причинил им (евреям. – *Б. Ф.*) зла и больше совершил избиений среди них, чем в древности Веспасиан». Однако в украинской части путешествия не обнаруживается каких-либо сожалений об их участи. Напротив, сириец с удовлетворением писал, что на землях гетманства Хмельницкий «истребил [...] целиком чужие народы, и теперь эта страна занята чисто православными казаками»⁵⁴. «Великое достоинство ее (Украины. – *Б. Ф.*) в том, что в ней нет совершенно чужого иной веры, а только чисто православные, верные и набожные»⁵⁵. Очевидно, по его убеждению, для достижения такой желанной цели были оправданы все средства.

Вместе с тем в одном отношении версия событий, изложенная Павлом Алеппским, отличается от того, что он мог услышать от своих украинских собеседников. Так, у него встречается обвинение, что ляхи отдали православных «во власть евреям и армянам»⁵⁶, а затем утверждается, что восставшие истребили всех армян и евреев⁵⁷. Каких-либо конкретных деталей при этом не сообщается. Вероятно, перед нами домысел Павла Алеппского, хорошо знавшего о большой роли армян в хозяйственной жизни мусульманского ближневосточного мира, роли, во многом сходной с ролью евреев в хозяйственной жизни Речи Посполитой. Так как он мог узнать о существовании армянских колоний в некоторых украинских городах, ему нетрудно было вписать армян в картину отношений православных украинцев и евреев, которую рисовали ему украинские собеседники.

Павел Алеппский ехал через земли гетманства вскоре после его вхождения в состав Русского государства, поэтому представляет интерес, что говорили Павлу Алеппскому о роли России в происходивших событиях. Роль эта не рисовалась как значительная. Правда, в начале восстания Хмельницкий просил царя Алексея Михайловича о помощи, но тот не хотел помогать бунтовщику⁵⁸. Позднее он обратился к царю, «когда татары охладели к Хмельницкому и покинули его», и, наконец, соглашение было заключено «по причине ревности московитов к православной вере»⁵⁹. Очевидно, что украинские собеседники ничего не говорили ученому арабу об этническом родстве жителей Украины и жителей России.

Собеседники Павла Алеппского стремились создать у него впечатление об очень благоприятных условиях жизни в гетманстве. Так,

он записал, что с жителей не взимают «ни налогов, ни харача, ни десятины» и весь государственный аппарат содержится на поступления от таможенных пошлин⁶⁰. По-видимому, именно такое и подобные ему сообщения позволили Павлу Алеппскому сделать следующий важный вывод: «Быв в плену и рабстве, казаки теперь живут в радости, веселье и свободе»⁶¹. У Павла Алеппского были весьма ограниченные возможности для сопоставления нарисованной ему картины с собственными конкретными наблюдениями. Но все же, как внимательный наблюдатель, он отметил факт, противоречивший нарисованной ему благополучной картине. Уже при въезде на земли гетманства Павел мог заметить большое количество сирот – закономерное следствие долголетней гражданской войны. Как ему поясняли, их обучают священники «и не оставляют шататься по улицам невеждами». Средства для жизни они получают от того, что «ходят по всем домам просить милостыню» и поют, «пока не кончат учения»⁶². Получалось, что положение этих многочисленных сирот более или менее удовлетворительное и они окружены заботой. Однако совсем иной характер носили записи, сделанные в Прилуках, когда антиохийский патриарх и его свита уже направлялись к русской границе. Здесь перед ними появились «осиротевшие дети, нагие, при взгляде на которых разрывается самое жестокое сердце». Завидев путешественников, «они собирались вокруг нас тысячами за милостыней». Конкретные наблюдения расходились с полученной ранее информацией, и озадаченный Павел написал: «Нас удивляло, что они находятся в таком положении, живя во дни Хмеля, когда царит правосудие и справедливость»⁶³.

В целом ряде высказываний Павла Алеппского прослеживается восходящая, конечно, к высказываниям его современников и разделяемая им конфессиональная нетерпимость. Вместе с тем анализ некоторых других высказываний показывает, что его отношение к западному «франкскому миру» было более сложным.

Через все повествование проходит восхищение Павла украинским церковным пением. «Ничего, – писал он, – так не трогало наше сердце, как пение мальчиками от всей души “Достойно есть” и пр.»⁶⁴. В женском Вознесенском монастыре в Киеве монахини пели «нежными голосами, разрывающими сердце и исторгающими слезы»⁶⁵. Уже переехав на русскую территорию, он записал, что «пение казаков радует душу и исцеляет от печали», далее упоминаются их «нежные и сладостные мелодии». В России же нет такого пения. Здесь «насмеваются над казаками за их напевы, говоря, что это напевы

франков и ляхов»⁶⁶. Таким образом, пленявшее Павла Алеппского украинское церковное пение испытывало на себе влияние напевов западного мира, но это не мешало ученому арабу им восхищаться.

Сходную картину рисуют и оценки большого количества виденных Павлом памятников сакрального и светского искусства. В его сочинении мы встречаемся с описаниями мозаик Св. Софии и Михайловского Златоверхого монастыря, где все ограничивается перечнем сюжетов. Его восторг вызывают памятники современного ему искусства – большие барочные иконостасы: это иконостас Преображенской церкви в Триполье, построенной за 8 лет до его приезда⁶⁷, «новый» иконостас Св. Софии⁶⁸ и самый выдающийся по его оценке памятник искусства, созданный в 40-е гг. XVII в., – иконостас собора Густынского монастыря. Его иконы «являют крайний предел совершенства», «резьба царских врат удивительна». В храме находится образа, «изумляющие зрителя жизненностью лиц, их цветом и очертанием, как будто это живопись критских греков»⁶⁹. Таким образом, идеалом для этого жителя Ближнего Востока была иконопись критских художников, испытавшая на себе сильное воздействие итальянского искусства эпохи Возрождения, а затем стиля барокко. Стоит отметить и похвалы «жизненности» лиц изображенных. Это замечание не было случайным. Описывая Киев, Павел отметил, что «в этом городе среди казацких живописцев есть много искусных мастеров, которые обладают большой изобретательностью в изображении людей как они есть»⁷⁰. В другом месте отмечено, что этому умению они обучились «от франкских и ляшских живописцев» и достигли большого искусства «в изображении человеческих лиц со совершенным сходством»⁷¹. Таким образом, уровень искусства определяется умением воспроизводить действительность, и этому умению мастера учились во франкском мире, но это не мешало Павлу Алеппскому восхищаться их искусством.

Наконец, «франкский мир» воспринимается и как источник технических новшеств. Описывая укрепления киевской крепости, построенной по приказу Алексея Михайловича, он отметил, что «москвитяне обладают светлым умом подобно франкам, ибо они изобрели такие приспособления для укрепления этой крепости»⁷².

Эти суждения молодого сирийца, как представляется, характеризуют его как представителя той части ближневосточного православного общества, которая в середине XVII в. уже испытывала сильное воздействие разных сторон культуры западноевропейского мира того времени. Благодаря авторитету, которым пользовались в

русском обществе представители восточного православия, их суждения и оценки могли способствовать успешному переносу отдельных элементов западной культуры на русскую почву. Возможно, положительные оценки приезжими арабами украинских мелодий повлияли на решение Алексея Михайловича поселить в Новодевичьей обители монахинь из Белоруссии «вследствие пристрастия к их пению»⁷³.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 См. современную перепечатку издания XIX в.: Путешествие антиохийского патриарха Макария, описанное его сыном Павлом Алеппским. М., 2005.

2 *Грушевський М. С.* Історія України – Руси. Київ, 1997. Т. 9. Ч. 2. С. 966.

3 Там же. С. 969.

4 Там же. С. 966, 970–971, 989.

5 Там же. С. 966.

6 Там же. С. 969, 971.

7 Там же. С. 983.

8 Путешествие... С. 140.

9 Там же. С. 151.

10 Там же. С. 182. См. также упоминание «огромного леса» (там же. С. 144).

11 Там же. С. 135. См. также упоминание города «с водами» (там же. С. 144).

12 Там же. С. 175.

13 Там же. С. 135.

14 Там же. С. 208.

15 Там же.

16 Там же. С. 175.

17 Там же. С. 133, 143–144.

18 Там же. С. 143, 145.

19 Там же. С. 145.

20 Там же. С. 135, 144.

21 Там же. С. 145.

22 Там же. С. 152.

23 Там же. С. 153.

24 Там же. С. 176.

25 Там же. С. 152.

-
- 26 Там же. С. 153.
 - 27 Там же. С. 160.
 - 28 Там же. С. 153, 160.
 - 29 Там же. С. 175–176.
 - 30 Там же. С. 536.
 - 31 Там же. С. 176.
 - 32 Там же. С. 164.
 - 33 Там же. С. 91.
 - 34 Там же. С. 123, 126, 133, 141, 537.
 - 35 Там же. С. 147.
 - 36 Там же. С. 126, 141, 537.
 - 37 Там же. С. 139.
 - 38 Там же. С. 164.
 - 39 Там же. С. 537.
 - 40 Там же. С. 135.
 - 41 Там же. С. 537.
 - 42 Там же. С. 158.
 - 43 Там же. С. 540.
 - 44 Там же. С. 168.
 - 45 Там же. С. 162.
 - 46 Там же. С. 87.
 - 47 Там же. С. 149.
 - 48 Там же. С. 129.
 - 49 Об этой легенде см.: *Грушевський М. С.* Історія... Київ, 1995.
- Т. 7. С. 238.
- 50 Путешествие... С. 129.
 - 51 Там же. С. 125.
 - 52 Там же. С. 75–76.
 - 53 Там же. С. 142.
 - 54 Там же. С. 151.
 - 55 Там же. С. 138.
 - 56 Там же. С. 129, 130, 142.
 - 57 Там же. С. 132, 138, 177.
 - 58 Там же. С. 130.
 - 59 Там же. С. 132.
 - 60 Там же. С. 148.
 - 61 Там же. С. 142.
 - 62 Там же. С. 125.
 - 63 Там же. С. 187.
 - 64 Там же. С. 134.

- 65 Там же. С. 164.
- 66 Там же. С. 237.
- 67 Там же. С. 150.
- 68 Там же. С. 142.
- 69 Там же. С. 183–184.
- 70 Там же. С. 176.
- 71 Там же. С. 152.
- 72 Там же. С. 174.
- 73 Там же. С. 443.

B. N. Florja

Paul of Aleppo in Ukraine in the middle of the 17th century

Paul of Aleppo visited Ukraine in the middle of the 17th century as a member of the retinue of Makarius of Antioch. The article dwells upon the way the conditions of the stay, the knowledge of the local nature and cultural traditions are reflected in the travelogue he wrote.

Keywords: *Ukraine, Cossacks, Orthodoxy, Poles, Franks and their world.*

Л. А. Кирилина
(Москва)

Неоиллиризм у словенцев

В статье дается характеристика культурного течения неоиллиризма, распространившегося в словенских землях в начале XX в. и имевшего своих сторонников во всех общественно-политических и культурно-просветительных организациях словенцев. Рассматриваются особенности интерпретации словенскими неоиллирами идей культурно-языковой интеграции югославян, а также определяется роль идеологии неоиллиризма в формировании югославянских политических концепций накануне Первой мировой войны.

Ключевые слова: *неоиллиризм, словенцы, политические партии, югославянские идеи, культурно-языковая интеграция.*

Неоиллиризм – идейное течение, широко распространившееся накануне Первой мировой войны в словенских землях, корнями своими уходило в XIX в. Еще в 1830-е гг. под влиянием культурно-политического движения в хорватских землях среди словенских национальных деятелей (преимущественно либералов Штирии и Каринтии) стала популярной идея Великой Иллирии, общей прародины югославян. Часть из них являлись безоговорочными приверженцами хорватского варианта иллиризма и выступали за полный отказ от самостоятельного национального развития, за принятие хорватской культуры и языка, как, например, словенский поэт С. Враз, переехавший в Загреб и ставший хорватским национальным поэтом. Существовала и словенская разновидность иллиризма, идеологом которой являлся М. Маяр-Зильский, считавший, что иллирийский язык должен представлять нечто среднее между хорватским и словенским языками. В 1840-х гг. иллирийское движение пошло на спад в связи с националистическими позициями хорватов. Многие словенские патриоты, например, круг великого словенского поэта Ф. Прешерна, выступили против идей иллиризма, стремясь развить словенский язык до уровня литературного¹.

Иллиризм способствовал распространению идей славянской взаимности среди словенцев, практически создав почву для появления в 1848 г. югославянской идеи, с тех пор всегда в той или иной форме и степени присутствовавшей в словенской политике.

Мысль о том, что словенцы и хорваты являются единым народом и должны стремиться к сближению своих языков и культур, и позже периодически появлялась в словенской печати. Например, в своем выступлении в 1894 г. в Загребе один из лидеров либералов И. Тавчар воскликнул: «Союз словенцев и хорватов крепнет изо дня в день, и наш язык все больше приближается к хорватскому, что и хорошо!»² Однако политические предпосылки для дальнейшего развития и распространения подобных идей и их оформления в идеологию неоиллиризма сформировались лишь вначале XX в.

Это было бурное и трудное время для Австро-Венгерской монархии в целом. Динамичное экономическое развитие (все же недостаточное на фоне ведущих европейских государств, прежде всего Германии), демократизация политической жизни (избирательные реформы 1896–1907 гг.) и бесконечные правительственные кризисы, развитие национальных движений народов империи остро поставили вопрос о необходимости преобразования ее внутренней структуры. После аннексии Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины в 1908 г. югославянские идеи стали превалировать во всех трех словенских политических партиях.

Лидеры католической Всесловенской народной партии (ВНП) выдвинули свою программу триализма, предусматривавшую объединение всех австро-венгерских югославянских земель в отдельную федеративную единицу в составе империи. Они стремились к заключению союза с Хорватской партией права (так называемыми правашами), и в 1912 г. была создана объединенная «Хорватско-словенская партия права», выступившая за объединение австрийских югославян на основе хорватского государственного права. Однако праваша, предусматривая в своих планах присоединение части словенских земель к будущей Великой Хорватии, не воспринимали словенцев как самостоятельный народ, называя их «горными хорватами». Большинство либералов поддержало триалистическую программу католиков, однако некоторые из них уже вскоре стали выступать с ее критикой. Прежде всего это были радикально настроенная молодежь, ориентировавшаяся на сближение с Сербией, и приморские либералы, опасавшиеся за судьбу Триеста (в проекте католиков не предусматривалось его включение в состав югославянского объединения, поскольку это было неприемлемо для австрийских немцев, терявших в таком случае прямой выход к морю). Либералы стремились к сближению с Хорватско-сербской коалицией (ХСК) и к установлению более тесных контактов с сербами и болгарами.

Впрочем, лидеры ХСК, ориентировавшиеся прежде всего на сближение с сербами, не включали словенцев в свою концепцию триализма и в своих планах реорганизации монархии даже рассматривали вариант уступки словенского Приморья Италии. Словенские социал-демократы в основном придерживались плана создания в империи культурно-национальной автономии, не предусматривавшего административно-политического передела ее территории. А в 1909 г. на конференции в Любляне они приняли Тиволийскую резолюцию, в которой провозглашалась цель объединения всех югославян Австро-Венгрии, независимо от их диалектов, письменности, религии и территориальных границ.

Оформление неоиллиризма как идейного и культурного течения связано прежде всего с деятельностью историка литературы, публициста и педагога Ф. Илешича, убежденного сторонника и активного пропагандиста идей языкового и культурного сближения югославян и постепенного перехода словенцев со своего собственного языка на сербохорватский в научной и литературной деятельности. «Неоиллиризм» эту идеологию назвали ее противники из среды словенской интеллигенции, деятелей науки и культуры.

Неоиллиризм практически не получил серьезного освещения в словенской историографии. Его проблемы кратко затронуты в ряде общих трудов по истории Словении³, а также в монографиях и статьях, рассматривающих вопросы развития югославянских идей у словенцев⁴ либо более узкие темы⁵. Однако еще не написано ни одного специального исследования, посвященного идеологии неоиллиризма. Деятельности Ф. Илешича, хотя она была многолетней, интенсивной и разноплановой, на данный момент посвящены лишь три краткие заметки в энциклопедиях⁶. И это несмотря на то, что источников для ее изучения более чем достаточно. Имеются многочисленные публикации Илешича, его обширный личный архив хранится в Национальной и университетской библиотеке в Любляне, много интересных материалов содержится в фонде Словенской матицы в Архиве Словении. Вероятно, причиной столь малого интереса ученых к этому деятелю послужили его взгляды на будущее словенского народа. Как пишет словенский историк П. Водопивец, Илешич считал целью словенцев «полное объединение» с хорватами, так как сами по себе словенцы «ничего не значат»⁷. То есть Илешич – ренегат. Словенская исследовательница Й. Чех категорично утверждает, что «неоиллиризм Илешича перед Первой мировой войной наверняка был связан с психическими и социальными травмами автора, а также

с жестким германизаторским давлением в северо-западных словенских областях»⁸. Характеристика Илешича как человека с больной психикой не выдерживает критики и никак не объясняет широкого распространения идей неоиллиризма среди словенцев. Что касается второй части утверждения Й. Чех, то с ней можно согласиться. Штирия, откуда Илешич был родом, действительно входила в число наиболее подверженных германизации словенских земель, что не могло не отразиться на формировании взглядов идеолога неоиллиризма, его стремлении опереться на более развитую хорватскую нацию.

На наш взгляд, следует все же разделять теорию и практику. Какие бы романтически нереальные идеи ни высказывал Илешич по поводу будущего слияния словенцев с хорватами, в действительности он очень много сделал для развития словенской культуры и словенско-хорватских связей.

Целью данной статьи является более детальная характеристика развития идеологии неоиллиризма у словенцев. На основе исследований историков и различных источников – прежде всего словенской прессы того времени – мы попытаемся выяснить, насколько распространены были идеи неоиллиризма и какую роль сыграло это течение в формировании югославянских политических концепций накануне Первой мировой войны.

Еще в 1903 г. на заседании комитета Словенской матицы Илешич и его сторонники выступили за установление тесных контактов с Хорватской матицей, однако решение о сотрудничестве с ней было принято лишь в 1906 г.⁹ Благоприятные возможности для практического осуществления идей словенско-хорватского культурного сближения сложились в 1907 г., когда Илешич был избран председателем Словенской матицы в Любляне. На этом посту он находился до начала Первой мировой войны. В 1910–1913 гг. Илешич являлся и главным редактором журнала «Слован», на страницах которого он также вел активную пропаганду своих взглядов.

Главные постулаты неоиллиризма Илешич впервые выдвинул в статье «Анализ и синтез в нашей национальной жизни», опубликованной в научном и педагогическом журнале «Попотник» в 1907 г. В ней Илешич дал весьма необычную характеристику словенского национального движения с точки зрения «синтеза», то есть тенденции к сближению с другими югославянами, и «анализа» – стремления к самостоятельному национальному и культурному развитию. По мнению Илешича, для словенцев настал момент перейти от «анализа» к новому этапу – «синтезу»:

Мы, словенцы и хорваты, соседи, и наш единственный реальный синтез – расширение нашего культурного кругозора на хорватский мир, а хорватского на словенский и сербский.

...С хорватами нас связывает вся природа, земля и язык, мы с ними вместе дома. Если у других мы можем учиться, то с хорватами мы по природе должны всегда жить и работать вместе.

В этом заключается наша культурная задача¹⁰.

В том же году Илешич издал в Загребе брошюру «Культура и политика», в которой сформулировал новые задачи Словенской матицы, а также подчеркнул тесную взаимосвязь политики и культуры, а также приоритет культурного развития народа перед политическим. По его мнению, первоочередной задачей должно стать культурное развитие крестьян и молодежи, и проводить его следует в русле сближения с хорватами: «Плох тот словенец, который не любит хорватов, и наоборот». «Нашей конечной целью является общая культура», – провозгласил идеолог неоиллиризма¹¹.

За то время, что Илешич возглавлял Словенскую матицу, существенно окрепли ее связи с Хорватской матицей, осуществлялись новые проекты их сотрудничества, велась активная пропаганда идей неоиллиризма. Илешич высказывал свои взгляды на страницах журналов «Попотник», «Слован», в сборниках Словенской матицы и ряде других печатных изданий. Политика Илешича, имевшая в целом либеральный характер, вызывала много протестов, прежде всего со стороны католиков. Осенью 1913 г. ряд представителей католического направления выразил свое недоверие председателю и вышел из состава Комитета матицы¹², после чего эта организация, по верному замечанию Ж. Осета, окончательно превратилась в «либеральный оплот»¹³.

Первая дискуссия в словенской прессе по вопросу о сближении языков и культур югославянских народов произошла в 1908–1909 гг. Профессор Загребского университета А. Базала в журнале «Глас Матице Хрватске» опубликовал статью «Нужно ли переводить с хорватского языка на словенский». По мнению Базалы, «словенский и хорватский народы каждый сам по себе слишком малочислен, чтобы создать великую и мощную научную и художественную литературу», поэтому необходимо объединение культур словенцев, хорватов и сербов. Их языки близки, поэтому переводы с одного югославянского языка на другой – напрасная трата сил, ведь интеллигенция должна читать книги на каждом из них в оригинале.

Ф. Илешич перевел статью Базалы на словенский язык и опубликовал ее в журнале «Слован» со своими комментариями. То, что предлагает Базала, по мнению Илешича, является идеалом, «в настоящее время недостижимым». Среди простого народа надо «пробуждать интерес к соседнему народу... только на родном языке», ведь даже «словенская интеллигенция в массе своей не читает хорватских книг». Поэтому переводы с хорватского языка на словенский и наоборот необходимы, обстоятельства эти надо менять постепенно, «упорным трудом»¹⁴. Таким образом, Илешич выступил за эволюционный процесс сближения, откладывая окончательное слияние югославянских языков и культур на неопределенно долгий срок.

Эта дискуссия нашла отклик у представителей словенских национал-радикалов. В их органе «Омладина» в 1909 г. была напечатана статья В. Залокара «Голоса о югославянской взаимности». Залокар довольно резко выступил против идей унификации югославянских языков и отказа словенцев от своей национальной индивидуальности, пропагандировавшихся в обеих вышеназванных статьях. По его мнению, «если бы югославянская идея стремилась достичь этих целей, она была бы неосуществима и невозможна». Понятие культурной общности, как считал Залокар, подразумевает просто «изучение словенского, сербского и хорватского языков», и этим следует ограничиться¹⁵.

В том же году в «Омладине» была напечатана статья по югославянскому вопросу, написанная с противоположных позиций. Ее автор, серб Д. Орлич, подчеркнул, что в югославянском объединении центральное место должно принадлежать сербам и хорватам, и призвал: «Поможем же всеми силами начать процесс объединения, проложим путь будущему путем полной унификации наших языков, сформулируем общие идеи в литературе, убивающие всякий сепаратизм»¹⁶. Взгляды, высказанные Орlichem, отражали позицию ХСК (членом которой он являлся) по вопросу о будущем югославянском объединении. По справедливому замечанию словенского историка Л. Уде, для хорватов и сербов, являвшихся сторонниками такого объединения, «убедительным доказательством того, что словенцы тоже хотят стать частью югославянской общности... стал бы их полный отказ от собственного языка»¹⁷.

Независимая политическая газета «Ютро» (1910–1912), орган, имевший выраженную югославянскую и просербскую ориентацию, в котором охотно сотрудничали словенские младолибералы, также включилась в обсуждение этого вопроса. В апреле 1910 г. в ней была

опубликована статья «Проблема общего югославянского языка», автор которой заявил, что общий язык для югославян не нужен, сербохорватский и словенский языки – «два культурно развитых диалекта», и их дальнейшее сосуществование вовсе не будет «во вред культурному объединению югославянства, особенно если они постараются сблизиться». Необходимость этого сближения у автора сомнений не вызывала¹⁸.

С 1908 г. вопрос о культурно-языковой интеграции стала рассматривать и католическая печать, прежде всего журнал католической учащейся молодежи «Зора», находившийся под крылом ВВП. Среди словенских семинаристов сформировались два направления: «струя неоиллиров» и «струя Прешерна», выступавшая за сохранение национальной индивидуальности словенцев. Католический священник Ф. Трдан в статье, посвященной иллиризму и С. Вразу, выступил за «языковое объединение всех югославян»¹⁹. Представитель «струи Прешерна» А. Вебле возразил, что «период иллиризма показал нам, что невозможно создать единый югославянский литературный язык». Каждый из югославянских народов, по мнению Вебле, должен развиваться самостоятельно, на основе своего языка и своей системы образования, при этом нужно стремиться к их теснейшему сотрудничеству «в области науки и искусства»²⁰.

Ряд словенских деятелей культуры высказали резко отрицательное отношение к пропаганде идей неоиллиризма, выступая за самобытное развитие словенского языка и культуры. Так, писатель И. Цанкар, по воззрениям близкий социал-демократам, в 1911 г. в разговоре со своим двоюродным братом Изидором Цанкаром резко отозвался о деятельности Илешича, по его мнению, распространившего в Матице «иллирский гной» и превратившего эту организацию в «иллирскую агентуру»²¹.

Проблема культурно-языковой интеграции югославянских народов, прежде поднимавшаяся в словенской прессе лишь время от времени, приобрела особую актуальность в 1912–1913 гг., во время Балканских войн. Первую Балканскую войну и победы балканских славян над турками широкие круги словенской общественности восприняли с воодушевлением, и на его волне всколыхнулось и чувство их принадлежности к великой семье югославянских народов. Вторая Балканская война сильно разочаровала словенцев, чьи иллюзии относительно единения сербов и болгар потерпели крах. Качественно новый момент в развитие югославянской идеи в период Балканских войн привнесло движение гимназистов-«препородовцев» – полити-

ческой группы, впервые в словенских землях выступившей за образование югославянского государства вне рамок Габсбургской империи. И. Цанкар также высказался в апреле 1913 г. за образование южнославянской союзной республики, в которой объединились бы словенцы, хорваты, сербы и болгары. У большинства словенских политиков взгляды Цанкара и препородовцев поддержки тогда не получили.

Одним из знаковых моментов словенской публицистики периода Балканских войн стала дискуссия по вопросам сближения или слияния югославянских языков и культур, инициированная редакцией либерального журнала «Веда», издававшегося в Горице. И это не случайно: именно в Приморье угроза отторжения словенских областей в пользу немцев или итальянцев в случае образования югославянской единицы в составе империи была реальной.

В конце 1912 г. «Веда» опубликовала анкету о югославянстве, состоявшую из 21 вопроса. Ответы на нее печатались в журнале в 1913 г. На вопросы анкеты ответили 32 человека – 20 словенцев, 10 хорватов, 1 серб, 1 чех. В основном это были политики (либералы и некоторые социал-демократы) и юристы. Вопросы анкеты были сформулированы довольно нечетко, югославянский вопрос в ней трактовался как языковой и культурный, а не политический. На вопрос: «Достаточно ли обширна сфера словенского языка, чтобы в ней могли успешно развиваться все отрасли литературы и науки?» большинство участников опроса ответили отрицательно и высказались за языковое сближение. При этом некоторые предполагали именно сближение, создание общей научной терминологии, избавление от германизмов и т. п. Другие считали, что научные труды нужно писать на сербохорватском языке. Третьи утверждали, что насильственный отказ от словенского языка вреден, что он должен произойти лишь после политического объединения или естественным путем, пусть даже спустя много лет. Ответы на вопрос: «Желательно ли, чтобы словенцы полностью отказались от своего языка?» оказались неожиданными для многих современников.

За полный, немедленный и безусловный отказ от словенского литературного языка высказались только трое (2 хорвата и 1 серб). Ф. Супило, один из организаторов и ведущих политиков ХСК, высказался, что «словенский язык (диалект) как национально-литературный язык излишен», в «приверженности словенскому диалекту» он видит «только гибель полного национального единства хорватов, сербов и словенцев»²².

Большинство опрошенных словенцев выступило за отказ от словенского литературного языка на определенных условиях.

Крупный либеральный политик славянофил И. Хрибар выразил надежду, что «придет время, когда словенцы откажутся от своего языка», но это не значит, что сейчас они не должны заботиться о его развитии. Ф. Милчински видел «самое естественное решение» вопроса в «сближении и окончательном языковом объединении с хорватами»²³. По мнению П. Турнера, «единый общий югославянский письменный язык – великая благодать»²⁴.

Ф. Илешич написал: «Я представляю себе будущий результат развития как полное единство словенцев и хорватов. При этом возникнет высший литературный язык, и возникнет сам по себе, без грубого насилия, и станет вернейшим знаком такого единства... Не стоит стремиться к тому, чтобы словенцы сразу и во всей общественно-культурной жизни отказались от своего языка». Однако в перспективе «люди, занимающиеся наукой, должны бы стараться писать чисто научные труды на сербско-хорватском языке»²⁵.

Особое мнение высказал Иво Шорли, юрист и писатель, живший в Пуле среди хорватов. Он считал «охорвативание» губительным для национальной индивидуальности словенцев. Хотят ли словенцы стать хорватами? Если нет, то все это «сближение» бессмысленно, «поскольку ни один сознательный хорват не желает стать словенцем... Словенцами-крайцами *ни один образованный хорват не интересуется и не имеет к нам никаких симпатий*. Большого презрения к нашей культуре я не нашел даже в сердце немца или итальянца». Вместе с тем Шорли заявил, что «не плакал бы», если бы словенцы совершили это «благородное» предательство самих себя²⁶.

Только 13 человек решительно высказались за сохранение словенского литературного языка (2 из них – хорваты). Среди них – А. Дермота, Д. Лончар, Х. Тума, М. Вошняк. Один из идеологов социал-демократов Х. Тума считал, что «словенцы не должны отказываться от своего собственного языка». Он полагал, что «вследствие родства национальностей и политического объединения сама собой произойдет добровольная ассимиляция»²⁷.

Остальные участники анкетирования высказались за сохранение словенского литературного языка в художественной литературе и просвещении и как официального языка в словенских землях.

Главный редактор «Веды» либерал В. Кнафлич констатировал, что анкета не оправдала ожиданий, не все ответы оказались на ожидаемой высоте, и высказал свою точку зрения: окончательная цель югос-

лявян – слияние «трех или четырех литературных языков в один», при этом словенцам отказываться от своего языка не следовало²⁸.

Можно согласиться со словенским историком В. Меликом, отметившим, что ответы на анкету о югославянстве, предложенную журналом «Веда» в 1913 г., «производят грустное и жалкое впечатление»²⁹. К тому же, на наш взгляд, многие ответы кажутся непродуманными и непоследовательными, что свидетельствует о том, что позиция их авторов полностью еще не сформировалась. Однако именно тогда вопрос о культурно-языковой интеграции югославян впервые был обсужден организованно и массово: дискуссия, начатая «Ведой», в 1912–1913 гг. велась в словенской прессе всех политических направлений.

Печатный орган католиков, газета «Словенец», неоднократно подчеркивала, что «мы, хорваты и словенцы, один народ», что все равно, станут хорваты словенцами или наоборот, и даже что было бы «на пользу», если бы «словенцам пришлось пожертвовать своим языком»³⁰.

Один из ведущих философов и идеологов словенского католицизма, Алеш Ушеничник, опасался, что словенская национальность «может погибнуть под валом национализмов великих народов». Нацией словенцы могут стать только «в результате ассимиляции с другими этническими группами». У словенцев только две возможности – стать немцами или хорватами. Ассимиляция с хорватами «более естественна», так как они «того же племени» и язык похож. Ушеничник считал, что хорваты и словенцы еще не являются одним народом, но почему бы им не стать им? «Нас, словенцев и хорватов, сближает западная культура, византийская культура разделяет сербов и хорватов», поэтому «из хорватов и словенцев проще создать единый народ, чем из хорватов и сербов». Католический философ предложил перейти на хорватский язык при написании научных трудов, а язык народа приближать к хорватскому постепенно. Он подчеркнул необходимость не только культурного, но и политического объединения югославян на основах триализма: «Лучшее решение для словенцев – объединиться с хорватами в одну административную единицу и одно из союзных государств великой Австрии».

Ушеничник выдвинул тезис, кажущийся абсурдным. Он утверждал, что при объединении словенцы не пожертвовали бы своей национальностью, а, наоборот, получили бы ее. «Если мы ассимилируемся с хорватами, то в большей степени мы ассимилируем их: они бы нам дали свой более развитый язык, а мы бы им дали много

элементов своей культуры. Если абстрагироваться от языка, то хорваты бы в большей степени стали словенцами, чем словенцы хорватами»³¹. Эта необычная аргументация католического философа на первый взгляд вызывает недоумение и для ряда историков служит дополнительным подтверждением того, что словенцы очень плохо знали хорватов, еще меньше сербов, и их деятельность, направленная на воплощение в жизнь югославянской идеи, была исторической ошибкой. От такой интерпретации предостерегает словенский историк Я. Плетерски, утверждающий, что «заявление Ушеничника на самом деле является своеобразным ответом на вопрос, в чем видит его католицизм первое и настоящее отличие словенского народа: это не язык и не культура, а мощно преобладающее политическое влияние в нем современного католицизма! От языка можно отказаться ради того, чтобы обеспечить подготовленную “победу” католицизма во всем словенско-хорватском пространстве!»³² На наш взгляд, трактовка Плетерского, учитывающая стремление словенских католиков достичь с помощью подобной аргументации своих политических целей, является взвешенной и объективной.

Иллюзия о возможности словенизации хорватских земель была характерна для многих лидеров ВНП, однако, как нам кажется, все же стоит с осторожностью воспринимать их политические заявления о том, что «мы с хорватами единое целое», направленные на упрочение союза с «правашами», и не идентифицировать их как глубокие внутренние убеждения. Провести грань здесь очень сложно, поскольку как сами лидеры, так и партийные печатные органы делали заявления «на публику». «Зора» как молодежное издание была связана соображениями политической тактики в меньшей степени, поэтому именно в этом журнале дискуссия, инициированная «Ведой», нашла более полное отражение.

Поборниками неоиллиризма себя выказали Й. Коруза³³ и Й. Пунтар. Последний утверждал, что словенцы как «маленький народ» являются «культурным довеском большего соседа, поскольку развитие его литературы ограничено его малочисленностью» и что для них «лучше, чем быть слабой индивидуальностью, стать частью мощного... югославянства»³⁴. 15 студентов-богословов высказали свое согласие с содержанием статьи. «Прешерновец» Н. Великонья, в 1913 г. являвшийся редактором «Зоры», резонно возразил Пунтару, что «культура зависит не от количества, а от качества литературной продукции» и у словенцев «нет ни малейших поводов отказаться от своего языка и позабыть его»³⁵. В дискуссию включился «ряд бого-

словов» (подпись А.К.Р), заявивших, что «из-за малочисленности мы являемся народом второго сорта», не имеющим возможностей для самостоятельного развития культуры, и посему «нам необходимо объединиться с хорватами и писать на одном языке»³⁶. В ответ Н. Великонья резко выступил против «предательства своего языка»: «Это наш язык! Этот язык уже пустил глубокие корни в народе, уже стал частью его культуры!»³⁷ Й. Пунтар, ссылаясь на авторитет А. Ушеничника, привел ряд аргументов о необходимости создания «широкой психологии католических югославян» посредством общего литературного языка и пришел к выводу: «Лучше всего, чтобы мы постепенно охорватились. Тем самым мы не потеряем то, что для нас важно, но скинем немецкое рабство». В конце концов Великонья предложил прекратить полемику и дождаться результатов ответов на анкету «Веды»³⁸.

Многие либералы также были готовы отказаться от мысли о словенских интересах ради югославянства. Характерна в этом плане статья в их печатном органе газете «Словенски народ»³⁹. Сравнивая словенцев с только что побежденными болгарями, автор статьи утверждал, что «катастрофа, постигшая болгар, – это наука для нас, словенцев». «Давайте признаем всю тяжесть своего положения и увидим, что у нас есть значение и будущее только в тесном союзе со всем остальным югославянством». «Смешно противиться естественным процессам, например, языковой унификации. Мы, словенцы, как можно скорее и полнее будем перенимать хорватско-сербский язык, а сербохорваты примут нашу литературу в свою».

У препородовцев не было единой концепции относительно того, сохранят ли словенцы свою национальную индивидуальность в югославянском государстве или же сольются вместе с остальными народами в единый югославянский народ. Некоторые придерживались высказанного одним из лидеров движения В. Фабиянчичем мнения о том, что из всех югославянских народов «возникнет только один, новый, нераздельный народ югославянский... а к общему языку нас приведет естественное развитие». Ф. Фабиянчич считал, что словенский народ из-за своей малочисленности культурно менее развит, чем другие европейские народы, и может подняться на более высокий уровень культуры только в составе югославянского государства. Сходные мысли прослеживаются и в рассуждениях Л. Клеменчича. Я. Кос определенно высказался против языкового объединения, «поскольку оно противоречило бы естественному развитию». А. Енко подчеркивал, что члены их организации против «любого

насильственного языкового объединения», заметив вместе с тем, что они не считают «языковое объединение путем естественного развития никаким злом» и даже верят, что «когда-нибудь это произойдет».

Хотя в целом взгляды препородовцев близки неоиллиризму, один из участников движения, Е. Ловшин, впоследствии отмечал, что лишь единицы из них были «за интегральное объединение», многие выступали против его крайних форм. При этом нельзя упускать из виду то, что препородовцы, в отличие от «неоиллиров», главным считали политическое объединение, а произойдет ли впоследствии и культурно-языковое и в какой форме – это для них был уже второстепенный вопрос⁴⁰.

Против идей неоиллиризма резко выступил ряд видных словенских политиков и деятелей культуры. Так, И. Цанкар в своей знаменитой лекции «Словенцы и югославыне» подчеркнул исключительно политическое значение югославянского вопроса, как языковой и культурный он, по мнению Цанкара, не существовал. «По крови мы братья, по языку двоюродные братья, а по культуре, являющейся плодом многовекового раздельного развития, мы друг другу чужды намного больше, чем чужд наш крестьянин из Верхней Краины тирольскому или горицкий винодел фриульскому»⁴¹.

Сотрудники социал-демократического журнала «Наши записки» тоже высказались против неоиллиризма. Так, А. Дермота еще в сентябре 1912 г. отверг идею о том, что для словенцев существуют только две возможности – онемечиться или «утонуть в югославянстве», по его мнению, «самостоятельность народа нельзя приносить в жертву»⁴². А. Препелух в статье «Словенцы или югославыне?» писал: «Югославянская национальная идея ничего не приобретет и ничего не потеряет, если мы, словенцы, пожертвуем ей свою национальную индивидуальность, свою в тяжких боях завоеванную культуру – свой литературный язык. Однако же идея югославянской взаимности должна много приобрести, если мы свою национальную индивидуальность еще утвердим и укрепим, чтобы иметь достаточно сил достроить здание своей свободы и будущности»⁴³.

Категорически отвергал идеи неоиллиризма и либерал М. Ростохар. На страницах своего журнала «Напредна мисел» («Прогрессивная мысль») он вел жесткую полемику по этому вопросу с Ушеничником, младолибералами, препородовцами. Он утверждал, что этот «романтический идеал» теоретически не обоснован, с практической точки зрения является «неосуществимым фантомом», а исходя из позиции словенских национальных интересов – вообще неприем-

лем⁴⁴. По мнению Ростохара, каждый из югославянских народов уже сформировался, и из них «невозможно создать единый народ всех югославян, не разрушив прежде существующие в настоящее время национальные индивидуальности»⁴⁵. Иллиризм «для словенцев не что иное, как национальное самоубийство», являющееся следствием «крайнего национального пессимизма»⁴⁶. Ростохар пришел к выводу, что «никакой общей славянской и югославянской народности нет и никогда не будет»⁴⁷. В. Кржишник-Букич вполне обоснованно считает М. Ростохара первым словенцем, «заявившим научную позицию относительно словенского и югославянского вопроса»⁴⁸.

По мнению словенского историка Л. Уде, идеи Илешича не снижали успеха у словенской общественности⁴⁹. Точку зрения Уде поддерживают и некоторые современные исследователи. Так, в сборнике статей «Словенская хроника XX столетия» подчеркивается, что сторонники неоиллиризма представляли «меньшинство, не имевшее широкой базы»⁵⁰. Естественно, народ, состоявший преимущественно из крестьян, этим течением не заинтересовался (как, впрочем, и югославянской идеей вообще). Однако дискуссии в словенской прессе по вопросам культурного сближения югославян показывают: идеи неоиллиризма о том, что ради югославянского единства словенцам нужно отказаться от своей национальности, языка и культуры, были достаточно широко распространены и имели в то время своих сторонников во всех общественно-политических и культурно-просветительных организациях словенцев. О том же свидетельствуют и резолюции, принятые разными политическими партиями и организациями. В принятой социал-демократами еще в 1909 г. Тиволийской резолюции был записан следующий постулат: «Югославянская социальная демократия считает нынешние югославянские народы лишь элементами, которые должны создать единый народ... Прежде всего она считает необходимым заключить договоренность об общем национальном языке и правописании как первую предпосылку полной единой национальной жизни»⁵¹. В резолюции Хорватско-словенского съезда от 20 октября 1912 г. говорилось о «словенско-хорватском народе»⁵². Исполком старейшин национальных радикалов также принял резолюцию о том, что словенцы, хорваты и сербы являются «компактной языковой и этнической общностью»⁵³.

Противников неоиллиризма тоже было много. По сути, словенская культурно-политическая элита того времени разделилась по этому вопросу на два лагеря, и «эта двойственная культурно-политическая ориентация оставалась до войны (Первой мировой. – Л. К.)»⁵⁴.

Идея о том, что югославы являются либо должны стать единым народом, аргументировалась по-разному, но в основе было одно – сомнения в силах и жизнеспособности своего маленького народа, страх перед немецким национализмом и опасения, что сербы и хорваты заключат союз без словенцев, а без поддержки более сильных славянских народов они обречены. Казалось, что для словенцев существовали лишь две возможности: «или онемечиться, или утонуть в югославянстве». И многие словенские патриоты, которые горячо защищали права своего языка в борьбе против германизации, италянизации и мадьяризации и трепетно лелеяли свою культуру, готовы были отказаться от них ради югославянского объединения. При этом в большинстве своем они очень плохо знали народы, к объединению с которыми так страстно стремились. По мнению В. Мелика, идеи неоиллиризма были «нереальными, порожденными полным незнанием положения и действительных отношений между югославянскими народами, полными иллюзий, ошибочных представлений, а помимо этого полными невероятного самоотречения, отрицания своего прошлого и будущего»⁵⁵. Негативная оценка идеологии неоиллиризма разделяется и рядом других современных словенских исследователей (например, П. Водопивецом, Й. Чех⁵⁶).

Однако при комплексном рассмотрении явления неоиллиризма у словенцев все же не стоит слишком сгущать краски. Даже самые убежденные сторонники слияния словенского языка с хорватским откладывали реальное воплощение своих идей на неопределенный срок, радуя за эволюционное развитие этого процесса. Можно присоединиться к верному замечанию Л. Уде, что «течение неоиллиризма оставалось... чисто теорией, без каких-либо попыток применять ее также на практике»⁵⁷. На деле поборники этого течения во многом способствовали развитию словенской культуры, расширению культурных и научных связей словенцев с сербами, хорватами, а также другими славянскими народами.

Нельзя забывать и о политической подоплеке этого течения. Неоиллиризм можно охарактеризовать как крайнее выражение югославянской ориентации, присущей в то время всем словенским политическим партиям и группировкам. Для либералов идеи неоиллиризма являлись рычагом для укрепления положения словенского народа, для социал-демократов – средством содействия прогрессу общей борьбы югославянских пролетариев, для католиков – способом усилить позиции политического католицизма на всем югославянском пространстве Австро-Венгрии⁵⁸.

Учитывая все эти обстоятельства, широкое увлечение словенской общественности идеями неоиллиризма накануне Первой мировой войны можно рассматривать как естественную попытку представителей интеллектуальной элиты малого угнетенного славянского народа по возможности обезопасить его существование в условиях разраставшегося в Австро-Венгерской монархии политического кризиса. Осенью 1914 г., когда деятельность Словенской матицы была запрещена, а сам Илешич арестован, течение неоиллиризма не имело больше условий для развития, однако некоторые его постулаты стали культурно-идеологической составляющей югославянского политического движения во время Первой мировой войны. Вновь дискуссия о будущем словенского языка и культуры, о том, нужно или нет сохранять этническую самобытность словенского народа в новом югославском государстве, разгорелась уже в 1918 г. и достигла своего пика в 1930-е гг. в Королевстве Югославия.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Подробнее см.: *Кирилина Л. А.* Словенцы и революция 1848–1849 гг. М., 2000. С. 18–21.

2 Slovenski narod. Ljubljana, 28.VI.1894.

3 *Lončar D.* Politično življenje slovencev (1797–1919). Ljubljana, 1921; *Zwitter F., Sidak J., Bogdanov V.* Nacionalni problemi v habsburški monarhiji. Ljubljana, 1962; *Gestrin F., Melik V.* Slovenska zgodovina od konca XVIII stoletja do 1918. Ljubljana, 1973; *Melik V.* Slovenci 1848–1918. Razprave in članke. Maribor, 2002; *Pleterski J.* Dr. Ivan Šušteršič, 1863–1925: pot prvaka slovenskega političnega katolicizma. Ljubljana, 1998; *Pleterski J.* O nekaterih vprašanih slovenske politične zgodovine v zadnjem desetletju pred prvo svetovno vojno // *Zgodovinski časopis* 33. 1979. № 2; *Slovenska kronika* XX. stoletja. Ljubljana, 1995; *Vodopivec P.* Jugoslovanska ideja v slovenski politiki // *Slovenska novejša zgodovina*. Knj. 1. 1848–1992. Ljubljana, 2005. Avstrijska doba 1848–1918; *Vodopivec P.* Od Pohlinove slovnice do samostojne države. Slovenska zgodovina od konca 18. stoletja do konca 20. stoletja. Ljubljana, 2006.

4 *Biber D.* Jugoslovanska ideja in slovensko narodno vprašanje v slovenski publicistiki med balkanskimi vojnami v letih 1912–1913 // *Istorija* XX veka. Zbornik radova I. Beograd, 1959; *Ude L.* Slovenci in jugoslovanska skupnost. Maribor, 1972; *Melik V.* Slovenci v času Cankarjeva predavanja o jugoslovanstvu // *Melik V.* Slovenci 1848–1918. Razprave in članke. Maribor,

2002; *Rahten A.* Savezništva in diobe. Razvoj slovensko-hrvatskih političkih odnosa u Habsburškoj monarhiji 1848.–1918. Zagreb, 2008; *Rahten A.* Jugoslovenska Velika noć. Slovenski pogledi na balkanski vojni (1912–1913) in jugoslovensko vprašanje. Ljubljana, 2012.

5 На пример, см.: *Kržišnik-Bukić V.* Mihajlo Rostohar in «Napredna misel» // *Zgodovinski časopis*. Ljubljana, 1974. № 3–4; *Čeh J.* Cankarjev pogled na ilirizem in novoiliristične ideje Frana Ilešiča // *Preseganje meja*. Slovenski slavistični kongres (Zagreb, 2006). Ljubljana, 2006; *Oset Ž.* Idej-nopolitični spori v Slovenski matici od konca 19. stoletja do prve svetovne vojne // *Prispevki za novejšo zgodovino*. Ljubljana, 2009. № 1.

6 *Gantar Godina I.* Neoilirizem // *Oxfordova enciklopedija zgodovine*. Ljubljana, 1993. Knj. 2. S. 189; *Dolar D.* Ilešič, Fran // *Enciklopedija Slovenije*. Ljubljana, 1990. Zv. 4. S. 105; *Šlebinger J.* Ilešič, Fran // *Slovenski biografski leksikon*. <http://www.slovenska-biografija.si/oseba/sbi243208/>.

7 *Vodopivec P.* Od Pohlinove slovnice do samostojne države... S. 153.

8 *Čeh J.* Cankarjev pogled na ilirizem... S. 161.

9 *Oset Ž.* Idej-nopolitični spori... S. 98, 100.

10 *Popotnik*. Ljubljana, 1907. № 1. S. 1–7.

11 *Ilešič F.* Kultura i politika. Zagreb, 1907. S. 13–18.

12 Arhiv Republike Slovenije. F. 621 (Slovenska matica). Šk. 43. Zapisnik 203. odborove seje 9.10.1913.

13 *Oset Ž.* Idej-nopolitični spori... S. 106.

14 *Slovan VI.* Ljubljana, 1908. № 8. S. 233–236.

15 *Omladina VI.* Ljubljana, 1908/9. S. 62.

16 *Ibid.* 1909. S. 163.

17 *Ude L.* Slovenci... S. 47.

18 *Jutro*. Ljubljana, 11.4.1910.

19 *Zora XVI.* Ljubljana, 1909/10. № 8. S. 176.

20 *Ibid.* S. 183.

21 *Rahten A.* Jugoslovenska Velika noć. S. 184.

22 *Veda*. Gorica, 1913. S. 223.

23 *Ibid.* S. 226.

24 *Ibid.* S. 507.

25 *Ibid.* S. 366, 372, 374.

26 *Ibid.* S. 98.

27 *Ibid.* S. 366.

28 *Ibid.* S. 516–524.

29 *Melik V.* Problemi slovenske družbe 1897–1914 // *Melik V.* Slovenci 1848–1918. Razprave in članke. Maribor, 2002. S. 605.

30 *Slovenec*. Ljubljana, 2.X.1912; 19.X.1912; 31.III.1913.

- 31 Čas. Ljubljana, 1913. S. 435, 436.
- 32 *Pleterski J.* Dr. Ivan Šušteršič. S. 303.
- 33 Ibid. XIX. 1912/13. № 6. S. 153–155.
- 34 Ibid. № 7–8. S. 189–193.
- 35 Ibid. S. 193.
- 36 Ibid. № 9. S. 238–241, зд. 240.
- 37 Ibid. S. 241–244, зд. 243.
- 38 Ibid. № 10. S. 268–272.
- 39 Slovenski narod. Ljubljana, 28.7.1913.
- 40 Подробнее о препородовцах см.: *Кирилина Л. А.* Препородовцы. Начало пути к независимому югославянскому государству // Славянский альманах. 2015. № 1–2. С. 32–47.
- 41 *Cankar I.* Dela. VI. Ljubljana, 1985. S. 319.
- 42 Naši zapiski. Gorica, 1912. S. 289–292.
- 43 Ibid. 1913. S. 139.
- 44 Napredna misel. Praga, 1912. I. Zv. 3. S. 112–113.
- 45 Ibid. 1913. Zv. 3. S. 140.
- 46 Ibid. 1912. S. 179–182.
- 47 Ibid. 1913. S. 8–9.
- 48 *Kržišnik-Bukić V.* Mihajlo Rostohar in «Napredna misel» // Zgodovinski časopis. Ljubljana, 1974. № 3–4. S. 331.
- 49 *Ude L.* Slovenci... S. 31.
- 50 Slovenska kronika XX. stoletja. S. 137.
- 51 Zgodovinski arhiv KPJ. T. 5. Socialistično gibanje v Sloveniji 1869–1920. Beograd, 1951. S. 202.
- 52 *Melik V.* Slovenci v času Cankarjevega predavanja o jugoslovanstvu. S. 692.
- 53 *Kržišnik-Bukić V.* Mihajlo Rostohar... S. 341.
- 54 *Ude L.* Slovenci... S. 49.
- 55 *Melik V.* Problemi slovenske družbe 1897–1914. S. 606.
- 56 *Vodopivec P.* Jugoslovanska ideja... S. 51; *Čeh J.* Cankarjev pogled na ilirizem... S. 151.
- 57 *Ude L.* Slovenci... S. 49.
- 58 *Pleterski J.* Dr. Ivan Šušteršič. S. 303.

L. A. Kirilina

Neoillyrian movement of the Slovenes

The article gives a description of the Neoillyrian cultural movement that was spread in the Slovene territories at the beginning of the 20th century and had its supporters in all political and cultural as well as educational organisations of the Slovenes. Special attention is given to the interpretation of the cultural and linguistic integration of Yugoslav nations by the Neoillyrians. The role of the Neoillyrian ideology in shaping the national political conceptions in Yugoslavia before WWI is also described.

Keywords: Neoillyrian movement, Slovenes, political parties, ideas of Yugoslav nations, cultural and linguistic integration.

А. М. Дронов
(Москва)

Языковой вопрос на Военной Границе Габсбургской монархии в 1850–1870-е гг.

Одним из важнейших вопросов для композитарной Габсбургской монархии в XIX в. – веке формирования идеологий национализма и национальных систем образования – стал вопрос языка обучения в школах. В статье рассматривается данная проблема на примере Военной Границы как части монархии Габсбургов в 1850–1870-е гг.

Ключевые слова: *Военная Граница, монархия Габсбургов, язык обучения, школьная реформа, сербы, хорваты, югославизм.*

Монархия Габсбургов – исторически сложившаяся композитарная монархия¹ в Центрально-Восточной Европе. Военная Граница (с Османской империей) – особая территория с военным управлением на ее южных окраинах. Она была создана в 1578 г. из областей средневекового Венгерского королевства для защиты владений Габсбургов от турецких набегов. По Основному закону Военной Границы (*Grenz-Grundgesetz*) 1850 г. территория подчинялась непосредственно Военному министерству в Вене и делилась на два генералата: Хорватско-славонский с центром в Загребе и Банатско-сербский с центром в Темешваре (Тимишоара, Румыния). Генералаты подразделялись на полки (регименты), а те, в свою очередь, на роты (компании). Самой низшей административной единицей на Границе была община.

Одним из важнейших вопросов для композитарной Габсбургской монархии в XIX в. стал вопрос языка обучения в школах. Официальным языком в монархии в целом и на Военной Границе как милитаризованной ее части был немецкий. Так, в дополнение к § 7 Основного закона (1850) официальным языком армии назывался немецкий язык. Лишь командование компаний (рот) могло устно общаться с населением Границы на местных языках и наречиях, на которых следовало издавать все решения и распоряжения в общинах. Население также могло обращаться с просьбами к властям на родном языке, а решения по этим прошениям следовало переводить на язык,

Статья написана при финансовой поддержке РГНФ в рамках работы над проектом № 15-31-01003a1.

которым писал проситель или жалобщик². Ведь жившее на Границе население преимущественно говорило на диалектах сербского/хорватского языка, а также на румынском языке (в самой восточной части Границы).

Согласно § 8 Основного закона на Границе «сохраняется значение (курсив мой. – А. Д.) местных языков в политико-административных делах Границы, в судах, а также в средних и начальных школах»³. В дополнение объяснялось, что «как в гимназиях, так и в реальных и основных школах местный язык является обязательным предметом, однако немецкий язык – это язык преподавания»⁴. На местных наречиях изучались два предмета: религия и история в гимназиях, основных и начальных школах, но экзамены по этим предметам ученик мог по желанию сдавать и по-немецки. Только в народных школах все преподавание велось на местном языке.

Внимание к вопросу о необходимости создания в населенных сербами областях Габсбургской монархии сербских школ привлек в 1810 г. Урош Несторович, назначенный верховным инспектором православных школ Венгрии. Благодаря его стараниям венский двор принял план по организации и развитию сербских и румынских школ в Венгрии. Сербская школа по подготовке учителей (первая у сербов «педагогическая школа») была основана в Сентэндре близ Буды, а румынская – в Надьвараде (Орадя Маре, Румыния), кроме того, в Нови Саде была создана Высшая сербская православная гимназия.

Уже с конца XVIII в. открываются сербские школы на средства самих граничарских общин. Однако официально создание таких школ было разрешено лишь с 1836 г., когда появился сам термин «общинная школа», т. е. народное училище, содержащееся на деньги местного населения. При этом их деятельность зависела не только от разрешения местных властей, но и от наличия средств у самих общин, поэтому такие школы нередко закрывались именно из-за отсутствия финансирования. Общинные школы возникали и в среде немецкого населения, например «немецкие общинные школы» (Deutsche-Gemeinde-Schulen)* с поддержкой государства, но в них

* В XVIII в. имело место три волны массовых переселений немцев в Банат после окончательного присоединения этой территории к монархии Габсбургов по Пожаревацкому миру 1718 г. Австрийское правительство поощряло переселенцев различными привилегиями (освобождало их от налогов и военной службы), а также предоставляло наделы плодородной земли. В результате возникла вторая – после трансильванских саксов – большая немецкая («швабская») агломерация на востоке страны.

тогда явно господствовал немецкий язык в ущерб местному. Следовательно, такие немецкие школы полностью удовлетворяли запросам только немецкого населения Границы.

Самая крупная реформа сербских школ монархии Габсбургов начала проводиться с 1857 г. из Темешвара, временно созданной административной единицы Сербской Воеводины и Темешского Баната. Инициатором реформы выступил тамошний советник по православным школам Джордже Натошевич. Суть предложенной им реформы заключалась в наведении порядка в школьном управлении, а также расширении преподавания на родном (прежде всего сербском) языке и введении в школьную программу большего числа предметов. Речь идет, например, об уроках церковнославянского языка и церковного пения «для формирования особой идентичности», т. е. о том, чему нельзя было научиться в смешанных школах⁵.

Из трех духовных семинарий Военной Границы одна была католической и две – православными. Одна из православных семинарий находилась в г. Плашки (Огулинский регимент), а другая – в Карловцах (Сремски Карловцы, Сербия), т. е. в центрах западного и восточного, преимущественно сербских по населению, районов Военной Границы. Обучение там длилось три года. Языками преподавания были церковнославянский и сербский, но ее выпускники должны были хорошо владеть и государственным немецким.

На территории Габсбургской монархии сербы пользовались церковно-школьной автономией. Она берет свое начало в императорском «Законе о верующих греческого обряда» (1790), действие которого распространялось на все земли Венгерской короны. Согласно этому закону, всем сербам даровалось право подданства и, соответственно, приобретения недвижимого имущества на территории Венгерского королевства, поступления на государственную службу, свободного отправления религиозных обрядов, владения церковными бенефициями, воспитания молодежи и использования полученных привилегий в той мере, в какой они не противоречат основополагающим законам королевства. Далее церковно-школьная автономия сербов на территории Венгрии подтверждалась в условиях формирования системы австро-венгерского дуализма, в частности, в законодательстве 1868 г.⁶, причем это произошло несколькими месяцами раньше, чем было заключено Хорватско-венгерское соглашение (так называемая нагодба). Это предписание для сербских народных школ подтверждалось и императором-королем, причем с уточнением, что действие распространяется также на Военную Границу.

Принятый в 1868 г. венгерский «Закон о национальностях» (№ XLIV) допускал ведение делопроизводства, а также написания жалоб и прошений в суды, как и разбирательства, на языках немадьярских народов. Церковным судам и школам тоже давалась свобода выбора языка. В районах компактного проживания немадьяр преподавание в школах могло вестись на местном языке, а в новых школах язык преподавания мог выбирать их основатель (например, местная община). Далее, § 20 этого закона предполагал, что скупщины (советы) общин самостоятельно решали, как вести делопроизводство, а протокол заседаний дублировался также на одном из языков немадьярских народов, если на нем говорила хотя бы пятая часть скупщины⁷. Правда, в последнем параграфе (§ 29) было указано: данный закон не распространяется на королевство Хорватии и Славонии, с сабором (парламентом) которого заключен отдельный договор о языке⁸.

Однако «Закон о национальностях» был лишь временной уступкой венгров национальным меньшинствам. Многие из его положений так и остались на бумаге. Немадьярские народы не устраивало признание лишь одной – венгерской – политической нации на территории королевства. Исключение делалось только для хорватов. В результате венгерский язык стал обязательным в делопроизводстве, а все школы превратились в государственные. Сербам пришлось довольствоваться законом № IX от 10 августа 1868 г., который подтверждал сербскую народно-церковную автономию, но, согласно этому закону, школы у сербов могли быть только конфессиональными⁹. Немецкий историк Йоахим фон Путткамер в книге о роли школы в процессе национальной интеграции называет венгерский закон о народных школах 1868 г. «компромиссом, рожденным из политических дебатов»¹⁰. Йозеф Этвеш, один из творцов Соглашения 1867 г. и министр просвещения Венгрии в 1867–1871 гг., предлагал в соответствии с «традицией автономии протестантской церкви в Венгрии» сохранить самостоятельность церквей в вопросе языка обучения в школах¹¹. Таким образом, окраины Венгерского королевства (кроме Хорватии и Славонии) сохраняли языки национальностей лишь в конфессиональных школах.

Скоро отголоски этих изменений дошли и до Банатско-Сербской военной границы. Уже весной 1869 г. (еще до решений император-короля о постепенном упразднении института Военной Границы) сербские школьные управления военных городских округов, например Панчева, жаловались на притеснения, чинимые им со стороны

руководства католических и даже протестантских конфессиональных школ. Последние добивались отмены автономии сербских школ и взятия их под свой контроль. Под угрозой упразднения сербской автономной школьной системы в целом предлагалось даже создавать школы для сербских учителей в вассальном от Османской империи княжестве Сербия, чтобы укрепить преподавательский состав¹². Один из аргументов руководства венгерских и немецких школьных управ заключался в якобы нехватке сербских учителей в сербских конфессиональных и вообще народных школах. Причем стремление венгерских властей свести к нулю число пользующихся определенной автономией конфессиональных школ было очевидно.

В 1872 г. на заседании от 19 (31) мая сербский народно-школьный совет принял решение о том, что даже после упразднения Военной Границы уже существующая система окружных и местных школьных советов сохранялась, причем население имело право и в дальнейшем избирать членов этих советов на основе императорского рескрипта от 10 августа 1868 г. Совет также попросил Генеральное командование в Загребе не вмешиваться в дела сербских школ, а решать все вопросы через него¹³. Несмотря на это, в 1873 г. при упразднении Банатской военной границы все сербские конфессиональные школы вместе с коммунальными перешли в ведение венгерских гражданских властей. В итоге на территории бывшей Банатской границы сразу были упразднены все конфессиональные школы сербов-границар. Однако в этих сербских школах венгерский язык стал обязательным предметом лишь в 1879 г. (до этого он изучался факультативно). Тем не менее австрийский историк Йоганн Генрих Швикер приводит статистические данные за 1877 г., согласно которым в самой Венгрии в 259 начальных школах преподавание велось «только на сербском», а во «многих школах» сербский являлся «вторым и третьим языком» преподавания¹⁴.

Еще более сложная судьба была у сербского населения Хорватско-славонской военной границы и королевства Хорватии и Славонии. Как отмечают современные сербские историки, роль католицизма в Австрийской империи была выше, чем религиозный фактор в какой-либо другой европейской стране¹⁵. Еще император Иосиф II, известный своими декретами, отменявшими ряд дискриминационных мер в отношении протестантов и православных, одновременно запретил печатать книги на кириллице, сделав исключение лишь для богослужебных книг. Притом с 1779 г. латиница была обязательным письмом для печатания школьных книг для всех сербов Габсбург-

ской монархии. У австрийских властей кириллица зачастую ассоциировалась исключительно с Россией («русское письмо»). Поэтому увеличению числа школ, где преподавание велось бы на сербском, ставилось много преград. Власти шли на такие меры, как разрешение только напечатанных на латинице сербских книг.

Британский историк Эрик Хобсбаум трактовал политику шефа австрийской полиции времен канцлера князя Клеменса фон Меттерниха графа Йозефа Зедлницки по распространению сербских православных книг на латинице как «политику противодействия панславизму»¹⁶. Фактор письменности мог даже использоваться в политических дебатах. Так, из-за статьи в газете «Застава», где сербский радикальный политик Светозар Милетич заступился за кириллицу в Сереме (Срем, Сербия), официальный статус которой вознамерились отменить хорватские власти, в октябре 1870 г. он был приговорен к году тюремного заключения.

С другой стороны, политик и литератор Огнеслав Утешенович Острожинский (сам по происхождению серб с Военной Границы) приветствовал гаевицу (латиницу Людевита Гая для хорватского языка), так как видел в ней сближение с сербским. Можно предположить, что здесь он подразумевал штокавский диалект, взятый Л. Гаем за основу. Сам Утешенович признавался, что в молодости использовал «дубровникско-загребское» письмо (так, видимо, он определял подлинный ареал распространения латиницы, куда не входила Славония), но потом перешел на «родную, чисто сербскую» кириллицу¹⁷.

После семи лет пребывания в Вараждине Утешенович отмечал, что «начал забывать свой язык», так как там все говорили на «славянохорватском». По словам писателя, этот язык «далек от нашего красного наречия сербского, которое было принято и в Загребе в качестве письменного языка и языка делопроизводства»¹⁸. Таким образом, для О. Утешеновича Острожинского существовал один эталонный сербский (штокавский) язык, а другие наречия – кайкавское и чакавское (Вараждин как раз находится в зоне распространения кайкавского наречия) – ему чужды. Однако свое самое знаменитое лирическое произведение «Вила Острожинска» (1845) автор издал на латинице, так как мало кто даже из его образованных сверстников знал кириллицу. Южнославянское возрождение в форме иллиризма¹⁹ проходило в основном на базе латиницы. Это еще один факт в пользу отнесения иллиризма к чисто хорватской великой идее.

В середине 1849 г. Банский совет королевства Хорватии и Славонии принял «Основополагающие правила общественного образо-

вания в Хорватии и Славонии», согласно которым в низших и народных училищах предписывалось учить «родной язык настолько, чтобы ученики на нем были научены точно выражаться как устно, так и письменно». Кроме того, предлагалось «принять во внимание равноправность латинского и кириллического письма»²⁰. О церковно-приходских школах в документе говорилось: «Пусть будут устроены общие народные школы, только с разными учителями по богословским дисциплинам, притом что для учителей по другим предметам вероисповедание не имеет значения»²¹. Таким образом, «Основные правила» предполагали введение на территории Хорватии и Славонии (с распространением и на Хорватско-славонскую военную границу) общих (смешанных) народных школ, в том числе и смешанных церковно-приходских школ для католического и православного населения, в которых только учителя богословия были бы разными, а учителя по светским предметам – общими. Этот посыл явно исходил из общности языка преподавания (сербскохорватского). Причем латиница и кириллица были признаны полностью равноправными алфавитами. Однако внедрение данного закона проходило медленно, так, например, в 1852 г. понадобилось особое решение отдела просвещения Банского совета, которое разрешало использовать кириллицу в школьном преподавании, чтобы преодолеть «недовольство, злобу, глупость [...] и искоренить семя раздора и ненависти среди нашего народа»²². Здесь прослеживается явное стремление властей к унификации образовательного процесса для детей разных конфессий, но условно одного языка.

Важным в решении языкового вопроса хорватов и сербов стало Венское соглашение 1850 г. о едином сербскохорватском языке, заключенное между Вуком Караджичем и Людевитом Гаем на волне зарождения идеологии югославизма²³. Единый сербскохорватский язык взят на вооружение тем же Утешеновичем Острожинским для его политической программы рубежа 50–60-х гг. XIX в. Он требовал «всеобъемлющего» введения сербскохорватского «национального языка» в делопроизводство и народное просвещение (на двух языках – немецком и сербском – следовало преподавать только в военных школах). Большие надежды Утешенович возлагал на королевство Хорватии и Славонии, сохранившее «в чистоте национальный язык». Только в войсках он допускал использование «языка имперской армии»²⁴. Внедрением «национального языка» Утешенович хотел добиться развития национальной литературы, без которой были невозможны культурный расцвет и сохранение духовных ценно-

стей «нации»²⁵. Таким образом, единый «национальный» язык мыслился основой и для единства сербов и хорватов.

Однако сначала вуковица (сербская кириллица В. Караджича) и гаевица внедрялись среди сербов и хорватов Габсбургской монархии по отдельности. Так, в своем письме от июля 1857 г. Хорватско-славонскому наместничеству сербский патриарх Иосиф Раяич напоминал: «духовные власти» должны следить, чтобы образование молодежи было «не только религиозным, но и моральным и интеллектуальным»²⁶. Кроме того, иерарх обращал внимание на необходимость печатать книги на «правильном сербском языке», в том числе и многочисленные переводы с немецкого²⁷. Можно предположить, что к тому времени реформа В. Караджича уже обрела своих сторонников и в верхушке Сербской православной церкви. В 1864 г. хорватские приверженцы югославизма жаловались, что канцелярией используется «консервативный», а не гаевский вариант хорватского языка. В это время хорватский филолог и литератор Адольф Вебер Ткалчевич, который был в близких отношениях с председателем Хорватской придворной канцелярии Иваном Мажураничем, отстаивал старое («киллирское») хорватское правописание²⁸.

Однако после подписания нагодбы хорватский язык в саборе был признан единственным языком королевства Хорватии и Славонии, а также в Далмации и на Хорватско-славонской военной границе, которые сабор причислял к хорватским территориям, причем кириллица и латиница признавались равноправными вариантами одного языка. На своем XXXI заседании 11 марта 1869 г. сабор рассмотрел законодательную инициативу 15 депутатов во главе со Степаном Хервоичем о народной школе. Законодательная инициатива касалась не только народных, но и частных, а также сословных школ и школ, принадлежащих другим «корпорациям». Кроме того, в § 79 этого законопроекта было прописано, что при «провинциализации» Военной Границы и присоединении Далмации к королевству Хорватии и Славонии этот школьный закон будет распространен и на эти территории²⁹.

Важно заметить, что в § 46 школьного закона в качестве единственного языка обучения для народных школ был признан «хорватский язык, употребляющийся на латинице и кириллице»³⁰, то есть кириллица признавалась допустимым письменным вариантом хорватского языка, тогда как о сербском языке речи вообще не шло. Более того, в законе также было закреплено, что все учебники для учеников со второго класса и старше (кроме «богослужбных книг»)

должны печататься «на одном языке», но «латиницей и кириллицей попеременно», чтобы ученики «одинаково владели» тем и другим письмом³¹. Следует заметить, что такая инициатива хорватских народняков (членов Народной партии) вряд ли понравилась бы унионистам (сторонникам политической унии с Венгрией). Ведь когда чиновники из Серема писали прошение в хорватский сабор на кириллице, унионисты не хотели их читать, ссылаясь на «невозможность разбирать кириллицу», для овладения которой требуется якобы больше месяца³². Взгляд народняков на проблему двух вариантов письменности выражал, например, депутат Игнят Брлич на LV заседании хорватского сабора, когда он сравнивал необходимость знать латиницу и кириллицу с тем, что «каждый образованный немец» должен владеть «латиницей и швабицей»³³, т. е. готическим письмом. Такое сравнение стало возможным, так как латиница и кириллица признавались равноправными письменностями хорватского языка.

При этом все учебники для школы должны были печататься только в Загребе на средства бюджета королевства. Согласно § 49 школьного закона, «в местностях совсем иноязычных» в народных школах разрешалось вести обучение на родном языке воспитанников, но хорватский язык все равно должен был быть обязательным предметом, чтобы выпускники школ могли «переходить в высшие учебные заведения»³⁴. Таким образом, депутаты сабора постарались закрепить обязательность изучения хорватского языка для всех народов существовавшего тогда лишь на бумаге Триединого королевства Далмации, Хорватии и Славонии.

В заключение следует отметить, что, в соответствии с законодательством Военной Границы 1850 г., ее не немецкое население пользовалось некоторыми привилегиями в использовании своих национальных языков. Однако после дуалистического переустройства Габсбургской монархии начался постепенный процесс демилитаризации Границы, приведший к упразднению в 1872 г. Банатско-сербской военной границы, а в 1881 г. – и Хорватско-славонской. Соответственно, Банатско-сербская граница подпала под венгерское управление с сопутствующей мадьяризацией под эгидой идеологии единого венгерского политического народа, единственного государственного венгерского языка и превращением сербских и румынских коммунальных школ в венгерские государственные школы. Так, на Банатско-сербской военной границе обязательное преподавание венгерского языка в народных сербских школах окончательно было введено в 1879 г. При этом Хорватско-славонская военная граница, все

11 полков которой уже по Хорвато-венгерскому соглашению 1868 г. считались частью Триединого королевства Далмации, Хорватии и Славонии, подпала под хорватское право с единственным хорватским политическим народом и языком.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Композитарная монархия (composite monarchy) – историческая категория, описывающая государство Нового времени, состоящее из нескольких государственных образований под властью одного правителя, который управляет отдельными территориями без нарушения местных органических государственных структур управления и в соответствии с традициями населения этих территорий. Термин был введен в историческую науку английским историком Дж. Эллиотом. См.: *Elliot J. H. Europe of Composite Monarchies // Past and Present. 1992 (Nov). N 137. P. 52–53.*

2 *Hostinek J. Die k.k. Militär-Grenze, ihre Organisation und Verfassung. Wien, 1861. T. I. S. 151.*

3 *Ibid.*

4 *Ibid.*

5 Грађа о србима у Хрватској и Славонији: (1848–1914). Београд, 1995. Књ. 1. С. 171. О национальной политике австрийских властей в Сербской Воеводине см.: *Clewing K. Die doppelte Begründung der Serbischen Wojwodschaft 1848–1851. Ethnopolitik im Habsburgerreich // Südosteuropa. Von vormoderner Vielfalt und nationalstaatlicher Vereinheitlichung / Hrsg. von K. Clewing O. J. Schmitt. München, 2005. S. 253–302 (Südosteuropäische Arbeiten. Bd. 127).*

6 Грађа о србима у Хрватској и Славонији: (1848–1914). С. 229.

7 Знаменита документа за историју српског народа: 1538–1918. Нови Сад, 2007. С. 297.

8 *Ibid.* С. 298.

9 *Ibid.* С. 292.

10 *Puttkamer J. Schulalltag und nationale Integration in Ungarn. Slowaken, Rumänen und Siebenbürger Sachsen in der Auseinandersetzung mit der ungarischen Staatsidee 1867–1914. München, 2003. S. 74.*

11 *Ibid.*

12 Панчевац. 1869. 20.IV. N 2; 27.IV. N 3; 11.V. N 5.

13 Грађа о србима у Хрватској и Славонији: (1848–1914). С. 162.

14 *Швикејер Ј. Х. Политичка историја Срба у Угарској. Нови Сад; Београд, 1998. С. 318.*

- 15 *Roksandić D.* Vojna Hrvatska. La Croatie Militaire. Zagreb, 1988. S. 11.
- 16 *Хобсбаум Э.* Нации и национализм после 1780 г. СПб., 1998. С. 179.
- 17 *Утјешеновић Острожински О.* Златна књига породице Утјешеновића // Зборник о србима у Хрватској. Београд, 1995. Књ. 3. С. 233.
- 18 *Ibid.* С. 252.
- 19 Подробнее см. работы И. И. Лещиловской, например: *Лещиловская И. И.* Хорватия в XVII–XIX веках: культурные аспекты исторического развития. М., 2013.
- 20 Грађа о србима у Хрватској и Славонији: (1848–1914). С. 64.
- 21 *Ibid.*
- 22 *Ibid.*
- 23 Подробнее об идеологии югославизма см.: На путях к Югославии: за и против. Очерки истории национальных идеологий югославянских народов. Конец XVIII – начало XX в. М., 1997. С. 201–202, 204–216, 218.
- 24 *Utišenović O.* Die Militärgränze und die Verfassung. Wien, 1861. S. 127–128.
- 25 *Ibid.* S. 128–129.
- 26 Грађа о србима у Хрватској и Славонији: (1848–1914). С. 88.
- 27 *Ibid.*
- 28 *Ibid.* С. 121.
- 29 Dnevnik sabora trojedne kraljevine Dalmacije, Hrvatske i Slavonije držana u glavnom gradu Zagrebu godine 1868–1871. Zagreb, 1884. S. 310.
- 30 *Ibid.* S. 308.
- 31 *Ibid.*
- 32 *Ibid.* S. 687.
- 33 *Ibid.* S. 688.
- 34 *Ibid.* S. 308.

A. M. Dronov

Language question at the Military Frontier of The Habsburg Monarchy
in 1850–1870s

One of the most important issues for the Habsburg Monarchy in the 19th century was the language instruction in the schools. The article dwells upon the language question at the Military Frontier as a part of the Habsburg Empire in 1850–1870s.

Keywords: *the Military Frontier, the Habsburg Monarchy, Austria-Hungary language question, school reform, Serbian question, Croatian question, Yugoslavism.*

*А. Колин (Кишинев),
А. С. Стыкалин (Москва)*

Бессарабия начала XX в. глазами русских священнослужителей и церковных миссионеров (по материалам переписки митрополита Арсения)

На основе писем из Бессарабской губернии митрополиту Арсению (Стадницкому), хранящихся в его личном фонде в ГАРФе, в статье представлены некоторые аспекты межнациональных и межконфессиональных отношений в Бессарабии начала XX в. Ключевые слова: *Российская империя, Русская Православная Церковь, митрополит Арсений, Бессарабия, молдавское национальное движение, старообрядчество, еврейские погромы.*

К числу выдающихся иерархов Русской православной церкви начала XX в. можно по праву отнести митрополита Арсения (в миру Авксентий Георгиевич Стадницкий), чей богатейший личный фонд (ф. 550) в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) представляет огромный интерес для исследователей отечественной церковной истории. О громадном моральном авторитете владыки Арсения в церковной среде свидетельствует хотя бы тот факт, что в 1917 г. он был одним из трех кандидатов на выборах Патриарха всея Руси на Всероссийском церковном поместном соборе.

Авксентий Стадницкий (будущий митрополит Арсений) родился в 1862 г. в Северной Бессарабии, в селе Комарово (молд. Кумарэу) Хотинского уезда в семье настоятеля Успенской церкви этого села, относившейся к Кишиневской епархии. Его мать, урожденная Черноуцан, принадлежала к другому роду потомственных бессарабских священнослужителей. Свое образование Стадницкий начал в духовном училище в заштатном городе Единец на севере Бессарабской губернии, продолжил в Кишиневской духовной семинарии, которую с блеском окончил в 1880 г. Затем в течение года преподавал в Единце, откуда уехал для получения высшего образования в Киев, где в 1885 г. с отличием окончил Киевскую духовную академию. В этом высшем учебном заведении поддерживался высокий уровень преподавания как теологии и философии, так и истории церкви, читали лекции известные ученые – богословы, филологи и историки.

По окончании Киевской академии Стадницкий долгое время преподавал богословие и древнегреческий язык в родной Кишиневской духовной семинарии, в 1887–1895 гг. редактировал «Кишинев-

ские епархиальные ведомости». В эти годы он начал усиленно заниматься историей румынской, молдавской, бессарабской церкви на материалах из архивов не только Бессарабской губернии, но и зарубежных. В 1888 г. Стадницкий выезжал для научных исследований в Австро-Венгрию, а в 1890 г. в Румынию, где установил связи со многими священнослужителями, сохранявшиеся, судя по переписке, на протяжении десятилетий. В Кишиневе в 1890-е гг. был опубликован целый ряд его исторических работ. Одна из них, «Гавриил Банулеско-Бодони, экзарх Молдо-Влахийский (1808–1812) и митрополит Кишиневский (1813–1821)», вышедшая в свет в 1894 г., была защищена в качестве магистерской диссертации. Прежде всего за заслуги в изучении биографии этого выдающегося церковного деятеля А. Стадницкий уже в 1898 г. был награжден орденом Короны Румынии 3-й степени.

В 1895 г. А. Стадницкий был пострижен в монашество в Александро-Невской лавре в Петербурге, вскоре получил сан иеромонаха. С января 1897 г. возглавлял кафедру библейской истории в Московской духовной академии в Сергиевом Посаде, а через год уже был назначен ректором этого авторитетного высшего учебного заведения. В 1899 г. получил епископский сан. Заняв административный пост, он уделял большое внимание материальному обеспечению студентов, учредил своим ректорским приказом особые стипендии из бюджета академии для тех студентов, которые не находились на казенном обеспечении. Среди учеников Арсения по Московской духовной академии был будущий патриарх Московский и всея Руси Алексей I (Симанский), пронесший уважение к учителю через всю свою жизнь, о чем свидетельствует их обширная переписка, хранящаяся в личном фонде Арсения в ГАРФе. Уже в советское время Арсений, отправленный в ссылку, передал именно Алексею руководство новгородской митрополией.

Занимая ректорский пост, Арсений в то же время отнюдь не оставил научные исследования по истории молдавской церкви. В 1904 г. выходит его фундаментальный двухтомник «Исследования и монографии по истории Молдавской церкви», который до сих пор остается важным подспорьем для всех специалистов, обращающихся к церковной истории как Молдавского княжества, так и Бессарабии после 1812 г. В Румынии труд был отмечен королевской наградой *Vene Merente*, а в России – Уваровской премией¹. Но интерес Стадницкого к процессам, происходившим по другую от его родины сторону реки Прут, не был сугубо историческим. Поддерживая связи с румынскими иерархами, он старался почерпнуть как можно

больше информации о состоянии церковной жизни в современной ему православной Румынии. Об этом свидетельствует его изданная в 1902 г. в Сергиевом Посаде работа «Из современной церковной жизни в Румынии», представляющая и сегодня несомненный интерес для исследователей румынского православия рубежа веков. Судя по обширной переписке, хранящейся в ГАРФе, свои бессарабские, молдавские и румынские связи (церковные, общественные и научные) Арсений сохранял и после отъезда в 1903 г. из Сергиева Посада, при исполнении иных пастырских функций.

Наиболее значительной инициативой в бытность Арсения ректором Московской духовной академии стала экспедиция 1900 г., своего рода «академическое паломничество» в Святую Землю преподавателей и студентов Духовной академии во главе с ее ректором, организованное при содействии Императорского Православного Палестинского общества. Среди участников экспедиции были видные ученые – историк церкви, будущий член Государственной думы и член-корреспондент Императорской академии наук Н. Ф. Каптерев, исследователь Библии В. Н. Мышцын. Ряд студентов, выезжавших с Арсением в Иерусалим, впоследствии активно проявил себя как на церковном, так и на научном поприще. Итогом поездки в Палестину стало ее подробное научное описание, сделанное студентами под руководством Стадницкого. Вышедшая под его редакцией в 1902 г. книга «В стране священных воспоминаний», представляющая большой интерес для исследователей истории русской церкви и православной мысли рубежа XIX–XX вв., а также истории российской ближневосточной дипломатии, была переиздана в 2014 г. по инициативе Российского Палестинского общества².

После отъезда из Сергиева Посада Арсений был епископом в Пскове, основав там богатый церковно-исторический музей, затем архиепископом в Новгороде, много занимаясь охраной памятников церковной старины и организовав в этом городе в 1911 г. Всероссийский археологический съезд. В течение некоторого времени Арсений возглавлял учебный комитет при Святейшем Синоде, с 1907 г. был членом Государственного совета от монашеского духовенства. Продолжая заниматься историей молдавской церкви на основе новых источников, он опубликовал в 1914 г. труд под названием «Митрополит Сучавский Досифей в его сношениях с Россией, при свете новых исторических материалов».

Выдающийся проповедник и оратор, крупный историк и духовный писатель, неутомимый организатор церковной жизни, пользо-

вавшийся непререкаемым авторитетом среди духовенства и паствы, Арсений имел репутацию «самого строгого архипастыря» Русской православной церкви. Эта строгость проявлялась в требовательности к выполнению заповедей Христовых как духовенством, так и паствой, причем епископ (позже митрополит) распространял ее в полной мере и на самого себя. Между тем принципиальность Арсения не раз ставила его в ситуацию конфликта с бюрократией Святейшего Синода.

Арсений был заместителем председателя Всероссийского Поместного Собора 1917–1918 гг., фактически руководя большинством его заседаний. При выборе в октябре 1917 г. патриарха всея Руси он был, как отмечалось выше, одной из трех выдвинутых кандидатур, получив второе место при голосовании. В годы советской власти, как и патриарх Тихон, митрополит Арсений находился в состоянии перманентного конфликта с коммунистическим режимом, начиная с 1919 г. неоднократно арестовывался – прежде всего за отказ встать на сторону так называемых обновленцев, стремившихся превратить православную церковь в орудие церковной политики большевистского режима³. Сосланный в 1925 г. в Среднюю Азию, Арсений прожил там остаток своих дней и скончался в 1936 г. в Ташкенте, имея сан митрополита Ташкентского и Туркестанского. В последние годы его жизни все православные храмы в крупнейшем городе Средней Азии были закрыты. По свидетельствам современников, митрополит проводил службы под открытым небом, у кладбищенской часовни, в большие праздники в присутствии до 20 тыс. человек.

Русская зарубежная церковь уже в 1981 г. причислила Арсения к новомученикам православной веры, в постсоветской России память об этом выдающемся иерархе также стала официально почитаться, в Новгороде по благословению патриарха Алексия II с 1993 г. периодически проводятся Арсениевские чтения. Расширяется интерес к большому творческому наследию митрополита Арсения, постепенно вводятся в научный оборот новые его тексты и архивные документы, связанные с его деятельностью. Наряду с материалами поездок в Палестину и на Афон начата подготовка многотомного издания его обширных дневников, хранящихся в ГАРФе, – инициатива этого проекта принадлежит Православному Свято-Тихоновскому гуманитарному университету⁴. Дневник этот раскрывает Стадницкого как человека чувствительного к национальным чаяниям соотечественников – бессарабских молдаван. Можно привести в качестве примера его записи о вреде русификации даже с точки зрения интересов

самой Империи, выполненные им, еще 19-летним юношей, в марте 1881 г., вскоре после убийства сторонниками революционного террора императора Александра II. Стадницкий упоминает в своем дневнике, в частности, о том, что бессарабские крестьяне, недостаточно владевшие русским языком, превратно поняли сообщение об убийстве императора, подумали, будто он был убит собственным сыном, и это вызвало совершенно ненужные властям слухи в крестьянской среде⁵.

Если в целом наследие Арсения постепенно вводится в научный оборот, то та его часть, которая отражает бессарабские и румынские связи выдающегося российского церковного иерарха, оказывалась на периферии внимания российских исследователей, а потому до сих пор мало востребована. А между тем она содержит немало ценного материала как по истории Бессарабии, так и по истории российско-румынских отношений. Это касается и его переписки с иерархами Румынской православной церкви, зачастую на румынском литературном языке, которым Стадницкий неплохо владел. Но прежде всего речь идет о его переписке с участниками общественной жизни и интеллектуалами Бессарабии начала века (И. Халиппа), с коллегами – историками и филологами, земляками Стадницкого, обращавшимися в своем творчестве так или иначе к изучению румынской и молдавской культуры (П. Сырку, А. Яцимирский), и, наконец, с бессарабскими родственниками владыки Арсения из среды духовенства. В письмах, адресованных Стадницкому из Бессарабии, нашли отражение многие события общественно-политической жизни края, начиная от еврейского погрома 1903 г., событий времен революции 1905 г. и кончая последними годами Первой мировой войны, драматическими событиями 1917–1918 гг., завершившимися вхождением Бессарабии в состав Румынии. Многие корреспонденты с большой готовностью хотели поделиться с владыкой Арсением своими впечатлениями о тех или иных событиях в Бессарабии, поскольку он пользовался огромным уважением среди земляков независимо от национальности. Как читаем в письме, адресованном Стадницкому его учеником священником Иваном Сахаровым, посланным в Бессарабию для выполнения миссионерской работы среди старообрядцев-липован, «чем более приобретал я знакомых, тем более и более убеждался, что Вы оставили здесь по себе самую светлую память. Вы гордость бессарабцев»⁶. Кстати, среди его корреспондентов, от которых он черпал информацию о жизни родного края, были бессарабцы разных убеждений – как явные румынофилы, вроде будущего

влиятельного митрополита румынской церкви межвоенной эпохи Гурия (в миру Георге Гросу), так и последовательные противники прорумынского вектора развития общественных движений бессарабских молдаван, а также русские интеллигенты Бессарабии, далекие от молдавских национальных движений.

На процитированном выше источнике стоит остановиться чуть подробнее как на одном из ценных фрагментов обширной бессарабской корреспонденции Арсения, отражающей как общественные настроения в крае, так и те или иные конкретные события общественной жизни. Иван Сахаров, выпускник Московской духовной академии, кандидат богословия, был рекомендован Арсением в 1898 г. для выполнения миссионерских функций в Бессарабии. Сохранилась соответствующая переписка Арсения с кишиневской епархией с рекомендательным письмом⁷. О том, насколько большое значение владыка Арсений придавал миссионерской деятельности и искоренению раскола, можно судить и по его дневникам, и по его переписке, недаром он завоевал, как уже отмечалось, репутацию самого строгого архипастыря Русской православной церкви. Письма Сахарова Арсению охватывают период более 20 лет начиная с 1898 г. Последнее письмо датируется 1921 г., когда Сахаров уже не служил в Бессарабии. Как можно установить из писем, И. Сахаров прибыл на службу в Кишинев в ноябре 1898 г. и уже зимой–весной 1899 г. совершил две длительные поездки с миссионерской целью по Хотинскому, Сорокскому и Оргеевскому уездам. Его описания бессарабской старообрядческой среды дают представление о чрезвычайной сложности стоявшей перед ним задачи и фактической невыполнимости планов Русской православной церкви, направленных на возвращение в лоно пост-никоновского православия основной массы старообрядцев и раскольников, в том числе бессарабских, которые с большим упорством и последовательностью держались своей веры и своих духовных традиций. Один из староверов откровенно говорил ему: «Господин миссионер, уж Вы пожалуйста к нам более не приезжайте. Говоря с нами, Вы напрасно будете тратить время. Все, что Вы говорили нам вчера и сегодня, хорошо; но знайте, что если бы Вы на куски стали нас резать, то и тогда мы не пошли бы в вашу православную веру».

Вместе с тем заметки Сахарова несколько ставят под сомнение бытующие в описании старообрядчества стереотипы, в соответствии с которыми подчеркиваются высокие моральные качества старообрядцев, их трудолюбие, деловитость, честность партнерских отношений. Конечно, эти качества были распространены в среде мо-

сковской старообрядческой элиты, давшей России богатейших купцов и предпринимателей Рябушинских, меценатов и коллекционеров художественных ценностей Морозовых и т. д. Но, по оценкам Сахарова, ими были наделены отнюдь не все обитатели села Кунича, одного из традиционных центров старообрядчества Северной Бессарабии: «...село Кунича почти исключительно состоит из отбросов общества, и обитатели его издавна пользуются репутацией мошенников и воров. Они дают у себя приют лицам, бежавшим от острога из внутренней России, и посему население Куничи растет чрезвычайно быстро. В настоящее время их там более 2 тыс. человек. Полиция точных сведений о них не имеет, так как опасается их и вообще избегает иметь с ними дело. И эти опасения не напрасны: несколько лет назад куничане сбросили с моста станowego пристава (и он разбился до смерти), и что всего удивительнее, остались безнаказанными. И теперь не проходит года, чтобы они не совершили убийство, но еще никогда не случалось, чтобы убийцы понесли заслуженное наказание». Трудно сказать, доминируют ли в описаниях Сахаровым бессарабского старообрядчества его собственные наблюдения, сделанные при посещении Куничи и других липованских сел, либо он, как и подобает служителю Русской православной церкви, а тем более миссионеру, посланному в Бессарабию искоренять все следы церковного раскола, считает необходимым строго придерживаться официальной линии и оценок в отношении старообрядцев. Тем более что старообрядчество представляло собой достаточно сильный источник фрондерских настроений. Как бы то ни было, в письмах Сахарова Стадницкому фиксируются не только большой потенциал антигосударственной оппозиционности в бессарабской старообрядческой среде, но и напряженность в отношениях липован как с властями, так и с окружающим миром – ведь можно предполагать, что репутация мошенников и социально опасных элементов закрепились за куничанами в глазах не только полиции, но и жителей окрестных сел. Очевидно, что в некоторых районах Северной Бессарабии происходило реальное противоборство официальной православной церкви и старообрядцев (в бессарабском случае – липован), их борьба за умы и сердца прихожан, прежде всего великороссов и малороссов. Из писем узнаем, например, что по настоянию родителя владыки Арсения отца Георгия Стадницкого в селе Сыркова Хотинского уезда была разрушена старообрядческая молельня.

Интересно посмотреть, как кандидат богословия Сахаров оценивал интеллектуальный потенциал бессарабского старообрядче-

ства и знание его приверженцами учения Христова. «За время своего миссионерства я убедился, что на севере Бессарабии среди раскольников нет не только выдающихся, но и сколько-нибудь дельных начетчиков, возражения миссионеру нередко делаются или наивные, или такие, которые обличают в слушателях полнейшее невежество». Кстати, по наблюдению Сахарова, в Куниче не было школы – старообрядцам не разрешали открыть официально зарегистрированную школу, а православной церкви, при которой можно было бы создать приходскую школу, в селе не было. С другой стороны, старообрядцы очень внимательно следили за любого рода скандалами в Русской православной церкви и приводили их как аргумент в богословских спорах. Они часто, например, ссылались на случай, когда один бессарабский священник был осужден за «насилование детской совести». Для староверов это было нагляднейшим свидетельством того, что официальная церковь встала на путь греха и растления. В то же время, если верить Сахарову, «среди единецких (г. Единец в Северной Бессарабии. – А. К., А. С.) старообрядцев развит содомский грех и другие гнусные пороки». Впрочем, миссионер готов признать, что подобного рода грехи присущи отнюдь не только староверам. «Недавно священник Хотинского собора смещен (и, вероятно, будет лишен сана) за то, что занимался в своей квартире педерастией с детьми школы, в которой он состоял законоучителем. Не правда ли, больно на душе становится, когда приходится узнавать про такие вещи. Некоторое утешение можно находить лишь в мысли, что совершение подобных преступлений свойственно лишь очень немногим людям, потерявшим стыд и страх Божий», – резюмировал Сахаров. На основании одной из своих миссионерских поездок Сахаров подготовил статью для «Кишиневских епархиальных ведомостей» под названием «Как ведут себя на беседах с миссионерами бендерские старообрядцы». Сама тема, однако, вызвала настороженное отношение: вероятно, Русская православная церковь не была заинтересована в раскрытии методов своей миссионерской деятельности. Правда, у Сахарова сложилось впечатление, что отказ в публикации статьи был вызван скорее всего иными причинами, а именно тем, что молодой миссионер проявлял слишком мало внимания к дочкам директора Кишиневской семинарии, редактировавшего журнал. К этому можно добавить, что жесткое отношение самого Арсения к старообрядчеству проявилось и в 1905 г., в условиях революции, когда на повестку дня встал вопрос о придании старообрядческим общинам правового статуса. Арсений в качестве члена Госсовета от

монашествующего духовенства резко выступал против принятия соответствующего закона.

Немалое внимание в письмах Сахарова Стадницкому уделено описанию знаменитого кишиневского погрома 1903 г. Причем это далеко не единственный в личном фонде владыки Арсения источник, дополняющий новыми деталями наши знания об этом нашумевшем на всю Россию и имевшем международный отклик событии. Можно упомянуть еще подробное описание погрома в письмах Стадницкому его родственника, преподавателя русского языка в кишиневском епархиальном женском училище Дмитрия Щеглова⁸. Описание Сахарова интересно как изложением хроники событий, так и своей трактовкой мотивов действий организаторов погрома, но он пытается также разобраться и в мотивах бездействия властей, при чем попустительстве произошли столь ужасные события. Он также пытается оценить последствия погрома 1903 г. для дальнейшей жизненной стратегии еврейской общины Бессарабии, равно как и для последующих взаимоотношений евреев и христиан в этом крае. Не лишним было бы в этой связи приведение ряда показательных цитат, дающих представление о том, как воспринимался кишиневский погром русским священнослужителем родом из Ярославля, не уроженцем Бессарабии, однако прожившим в Кишиневе уже несколько лет и успевшим в ходе своих миссионерских поездок неплохо познать Бессарабскую губернию изнутри.

Сахаров обращает внимание на то, что, хотя в грабежах и погромах еврейских магазинов на Пушкинской улице Кишинева участвовало не более 30 человек, «возле магазинов стояла огромная толпа зрителей, поощрявшая буянов разными одобрительными криками», и это несмотря на то, что среди толпы были и лица вполне интеллигентные. Более того, «грабеж производился на глазах полиции и войск, которые совсем не останавливали буянов и ни разу не предложили толпе зрителей разойтись по домам. Было для всех очевидно, что сочувствие офицеров и солдат было совсем не на стороне евреев». Лишь через несколько часов, когда дело уже не ограничивалось битьем стекол в еврейских лавках, а приняло куда более серьезный оборот, в городе было введено военное положение, сохранившееся 4 дня, к этому времени уже было убито 37 человек, среди которых, кстати сказать, были и христиане. Дело было на Пасху, и «некоторые евреи для спасения себя ставили на окна иконы и куличи, взятые у христиан, но во многих случаях и это не спасало их от погрома»: «Из жидовских перин и подушек был выпущен весь пух, он покрыл собою улицу на далекое расстояние и как инеем одел деревья».

Сахаров пытается установить взаимосвязь событий в Кишиневе с трагедией в приднестровском местечке Дубоссары, где накануне произошло убийство христианского мальчика якобы евреями, а вслед за этим были вырезаны все евреи. Он пытается также проанализировать, какую роль в возбуждении толпы и развитии событий по столь печальному сценарию сыграли слухи, оказавшиеся ложными, о том, что евреи якобы осквернили плащаницу в кишиневском соборе, выколол Спасителю глаза, опустили в клозет Святой Крест и т. д. «Этим рассказам, намеренно распространявшимся вожаками погрома, верили не только простонародье, но и лица вполне интеллигентные».

В часто используемых в литературе источниках не так уж сильно отражены настроения и действия еврейского сообщества Бессарабии после погрома. Письма Сахарова Стадницкому отчасти восполняют этот пробел. «В настоящее время кишиневские евреи страшно возбуждены против русских (выше, кстати, он отмечает, что вожаками погромщиков были именно люди великорусской национальности. — А. К., А. С.). Они держат себя по отношению к христианам так вызывающе, что гулять по городу опасно не только поздним вечером, но даже и днем. Вставлять у себя стекла и чинить окна и двери евреи медлят из опасения нового на них нападения». Евреи собрали сходку за городом, на еврейском кладбище. По оценке Сахарова, в ней участвовало почти все взрослое еврейское население Кишинева, включая женщин. Какие решения были приняты на сходке, нам не известно, однако в городе очень многие опасались, что евреи станут теперь отравлять продукты, покупаемые христианами в еврейских лавках. Сразу после погрома произошло сильное подорожание всех продуктов питания. Показателен для понимания взглядов миссионера его вывод: «Несомненно, что евреи взыщут с русского населения все свои убытки». Впрочем, новое нападение на евреев, по оценке Сахарова, едва ли могло состояться, так как Кишинев теперь находился под усиленной охраной. Казенные винные лавки не торговали из опасений, что народ снова придет в возбуждение. По субъективному мнению Сахарова, очевидно, не чуждого некоторым предубеждений антисемитского толка, евреи «отыграются» на произошедшей трагедии, они не только компенсируют свои убытки, но и получают определенную прибыль. Ведь большинство корреспонденций, опубликованных в прессе, «принадлежат перу потерпевших», событию придавался еще больший размах, нежели оно, как полагал Сахаров, приобрело в реальности. Оно возымело поистине международный

резонанс, в Кишинев даже приезжал корреспондент лондонской газеты «Times», что ранее трудно было себе представить жителям в общем рядового российского губернского города. При этом по Кишиневу ходили слухи о том, что барон Ротшильд направил в пользу пострадавших сумму, сильно превосходившую понесенные убытки. Такой поворот событий всполошил губернское начальство, тем более что, как пишет Сахаров, «власти проявили в дни беспорядка поразительное бездействие. В том, что громилы действовали в присутствии и даже под покровительством полиции и войск, сходятся решительно все очевидцы погрома. Случалось, что нападавших на еврейский дом было 10 человек, а возле них стоял, любуясь зрелищем, отряд солдат в 30 и даже 50 человек». Кроме того, «евреи за несколько дней до праздника (то есть до Пасхи, когда начались погромы. – А. К., А. С.) просили губернатора принять меры в виду слухов о готовящемся на них нападении, но губернатор отнесся к этому сообщению равнодушно и никаких мер не принял. Даже во время беспорядков он, по слухам, беспечно играл в карты». Теперь, когда события приобрели столь невиданный резонанс и в Кишинев для производства дознания прибыло высокое полицейское начальство из Петербурга, губернатор и главный губернский полицмейстер перекладывали ответственность за события друг на друга. Разумеется, не обошлось без смены губернской власти. По представлению министра внутренних дел В. К. фон Плеве, на пост бессарабского губернатора в июне 1903 г. был назначен чиновник с безупречной репутацией – князь С. Д. Урусов, близкий друг выдающегося праволиберального правоведа Б. Н. Чичерина.

Одно из своих посланий с описанием погрома И. Сахаров писал Стадницкому во время ночлега на станции Кобыльня в ожидании подводы на Куничу, куда совершал очередную свою миссионерскую поездку. На основании своих бесед с жителями Северной Бессарабии Сахаров заметил, что кишиневский погром стал по всей Бессарабской губернии «предметом самых оживленных толков. Рассказы очевидцев события так действуют на деревенских жителей, что они выражают желание “разнести” местных евреев. Вот почему пристава и урядники запрещают по селам всякие разговоры о кишиневском событии, грозя наказанием всякому ослушнику этого приказа». В уездном Оргееве (молд. Орхей) евреи были до такой степени напуганы кишиневскими событиями, что собрали 2 тыс. рублей и выписали из Кишинева отряд солдат в 75 человек. Впрочем, у них все обошлось благополучно, что не удивительно, учитывая, что, по по-

следней переписи, из 22 тыс. жителей города евреи составляли 19 тыс. человек.

Отголоски кишиневского погрома были живы в памяти бессарабских евреев на протяжении многих лет. Напряженность в отношениях христиан и иудеев сохранялась, тем более что имели место новые погромы. Один из наиболее значительных произошел в октябре 1905 г., как раз в те дни, когда Российской империи была дарована конституция. Описания этого погрома находим в письмах Арсению его родственника Д. Щеглова. Эти письма написаны человеком еще более правых, чем у Сахарова, взглядов⁹. Хотя он и не симпатизирует погромщикам, однако придерживается того мнения, что октябрьский погром 1905 г. был спровоцирован либеральными речами, в которых проявилось неуважение к личности Государя. В письмах Щеглова находит отражение роль в тех событиях члена Государственной думы и влиятельного черносотенного публициста Павла Крушевана как харизматического лидера правого движения в Бессарабии и человека, известного далеко за пределами губернии. Кроме того, в них отразились положение дел в кишиневской семинарии, настроения семинаристов и преподавателей. Из писем узнаем о конфликте начальства семинарии с Крушеваном, который в статьях на страницах своей газеты «Бессарабская жизнь» неоднократно ругал руководство семинарии за воспитание студентов в либеральном духе. После каждой из таких статей семинаристы опасались, что им грозит побитие со стороны ярых приверженцев Крушевана. Однако среди части семинаристов имели место, по всей вероятности, и другие настроения. В одном из писем читаем, что «ученики семинарии, недовольные псевдолиберальным и жидовствующим направлением газеты “Одесские новости”, скупили у разносчиков все номера газет и застлали ими проспект, собираются при этом устроить овацию Крушевану, который ратует за сохранение Россией ее исконных начал». В письме от 16 июня 1909 г. содержится описание похорон Крушевана, скорпостижно скончавшегося едва ли не на пике своей всероссийской славы в правом лагере. Его смерть, как отмечается, произвела и на друзей, и на врагов огромное впечатление, чуть не весь город вышел на похороны, ходили слухи, что Крушевана объявят святым.

Всплески официального патриотизма, поощряемого сверху, периодически охватывали губернский центр Кишинев. Так, из письма Стадницкому директору Кишиневской семинарии А. Яновского (1904 г.)¹⁰ узнаем, что начало войны с Японией вызвало в Кишиневе совершенно

невиданные манифестации, собравшие на улицах более 10 тыс. человек и продолжавшиеся три дня. По центральным улицам несли портрет государя императора, пели «Боже, Царя храни», организовывались сборы денег в помощь армии. Любой всплеск официального патриотизма сопровождался ожиданием новых еврейских погромов, не менее масштабных и трагических. В письме Д. Щеглова, относящемся к 1906 г., читаем: «Евреи, как лучший барометр, предсказывающий наступающую бурю, массами уезжают из Кишинева. Все это не к добру».

В переписке Стадницкого с бессарабскими земляками находят отражение и проезд в Кишинев по пути в Румынию Николая II в начале лета 1914 г., за считанные недели до начала большой войны¹¹, и реакция бессарабского общественного мнения на начало Первой мировой войны, а также на вступление Румынии в войну в 1916 г.

Дальнейшая разработка исследователями личного фонда митрополита Арсения в ГАРФе обещает им новые и новые открытия, способные дополнить существенными штрихами наши знания различных аспектов церковной и общественно-политической истории многонациональной Российской империи начала XX в. Это касается и сложных межэтнических отношений на западных окраинах державы (в первую очередь в родной А. Г. Стадницкому Бессарабии) в канун Первой мировой войны.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 О вкладе Стадницкого в изучение истории румынской и бессарабской церкви см.: *Гросул В. Я.* Митрополит Арсений Стадницкий – историк румынской и молдавской православных церквей // Новая и новейшая история. 2002. № 1.

2 *Епископ Арсений (Стадницкий)*. В стране священных воспоминаний / Вступит. статья Н. Н. Лисового. М.; СПб., 2014.

3 Из литературы об отношениях митрополита Арсения с советской властью см.: *Савинова И. Д.* Дело митрополита Арсения Стадницкого // Вопросы истории. 1999. № 2.

4 *Митрополит Арсений (Стадницкий)*. Дневник / Подготовка издания и редактирование: О. Н. Ефремова. М., 2006. Т. 1. 1880–1901 гг.; М., 2012. Т. 2. 1902–1903.

5 Там же. Т. 1. С. 90–91.

6 Письма И. Сахарова Арсению здесь и далее цитируются по архивному делу без указания листов: ГАРФ. Ф. 550. Оп. 1. Д. 413.

7 Там же. Д. 238.

8 Письма Д. Щеглова цитируются по архивному делу без указания листов: Там же. Д. 499.

9 Там же.

10 Там же. Д. 486.

11 См.: *Каширин В. Б.* Констанца–1914: Мирный визит накануне войны // Императорский дом Романовых и Балканы / Отв. редактор В. Б. Каширин. М., 2014. В императорской свите был и тяжело больной, вскоре скончавшийся земляк Стадницкого и его хороший знакомый, выходец из знатного молдавского боярского рода министр просвещения Российской империи Л. А. Кассо, человек, сильно напуганный революцией 1905 г. и потому очень последовательный в своих консервативных, охранительских убеждениях, что на многие десятилетия заслонило для современников значимость его трудов по юриспруденции и истории, включая заслуживающий переиздания замечательный труд «Россия на Дунае и образование Бессарабской области».

A. Kolin, A. S. Stykalin

Bessarabia in the beginning of the 20th century seen by Russian clergy and church missionaries (on the materials from the correspondence of metropolitan Arsenius)

The article based on the correspondence of Metropolitan Arsenii stored in the State Archive of Russian Federation reflects some aspects of national and inter-confessional relations in Basarabia of the beginning of the XXth century.

Keywords: *The Russian Empire, the Russian Orthodox Church, Metropolitan Arsenii.*

Л. Е. Горизонтов
(Москва)

Метаморфозы идентичности поляков в России в период Первой мировой и Гражданской войн. (На материале воспоминаний Романа Дыбоского)

После начала Первой мировой войны польское присутствие в России существенно увеличилось: к сложившейся ранее Полонии присоединились многочисленные беженцы и военнопленные. Сложные процессы национального самоопределения поляков отразились в воспоминаниях Романа Дыбоского (1883–1945) – литературоведа, профессора Ягеллонского университета, офицера австро-венгерской армии. За семь лет, проведенных во многих частях России, ему довелось пообщаться со своими соотечественниками, представлявшими все регионы разделенной Польши, социальные слои, профессии, поколения и политические течения.

Ключевые слова: *Первая мировая война, российская Полония, беженцы, военнопленные, русско-польские отношения, этнические стереотипы, национальная идентичность, региональные особенности, поведенческие стратегии, коммуникативные практики, аккультурация, большевизация, континуитет.*

Сравнительно непродолжительный период Первой мировой войны, разрушившей континентальные империи и открывшей путь к созданию новых государств, принес новый опыт межнациональных отношений. Русско-польское взаимодействие может служить тому убедительным подтверждением.

Накануне военного конфликта ожидания русского общества носили выраженный алармистский характер. Глубоко укоренившиеся представления о неверности и враждебности поляков побуждали полагать, что те выступят на стороне противника. Однако польские подданные Российской империи продемонстрировали достаточно высокую лояльность по отношению к ней. В этой связи в русской печати выражалось даже сожаление по поводу традиционного не-

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований «Память о русско-польских отношениях в Российской империи в мемуаристике межвоенного периода», проект № 13-01-00070.

доверия к полякам, которое контрастировало с доверием к немцам, воспринимавшимся отныне как основная не только внешняя, но и внутренняя угроза¹.

Свои коррективы в отношении между русскими и поляками вносили также изменения в численности и составе участников межнациональных коммуникаций. Потоки беженцев и военнопленных существенно увеличили польское присутствие в русских губерниях, как в столицах, так и в провинции. В их числе преобладали люди, не адаптированные к новым условиям. Попавшие в плен польские подданные центральных держав вовсе не имели опыта проживания в Российской империи.

В беженстве рассматриваемого периода переплетены различные виды миграций – добровольные, вынужденные, принудительные (эвакуация). Среди беженцев были представлены все слои польского общества. От наступавших войск противника искали спасения не только поляки, но также евреи, белорусы и русские, проживавшие в Царстве Польском и западных губерниях. В начале войны в русском обществе высказывались опасения, что пребывание в черте еврейской оседлости отобилизованной по нормативам военного времени армии приведет к распространению в ее рядах антисемитизма, едва ли не главный источник которого было принято видеть в поляках². Однако массовое бегство евреев на восток фактически упразднило дискриминационную черту еще до ее официальной отмены Временным правительством. Современные белорусские историки считают беженство важным фактором нациестроительства: в русской среде на контрасте своего и чужого белорусы укрепили национальную идентичность и, вернувшись на родину, явились питательной средой для распространения национальной идеи. Русские беженцы, среди которых преобладали государственные служащие, находясь на бывших землях Речи Посполитой, так или иначе были вовлечены в русско-польские отношения, причем зачастую в качестве проводников национального угнетения.

Изданные в 1922 г., сразу после возвращения автора в Польшу, мемуары Романа Дыбоского (1883–1945) привлекательны своей энциклопедичностью и аналитикой. Оптика мемуариста обусловлена тем, что он познавал страну, в которой раньше никогда не был. Рафинированный интеллект, профессор Ягеллонского университета, специалист по английской классической литературе оказался в России на крутом историческом переломе. Как представлялось взятому в плен в конце 1914 г. офицеру Австро-Венгрии, за семь лет он узнал

российский народ «вширь и вглубь»³. Правда, в мемуарах присутствует и мистический образ «русского сфинкса»⁴.

События в воспоминаниях разворачиваются в исключительно динамичных условиях, когда меняется обстановка на фронтах и в России один за другим рушатся политические режимы. Дыбоский застаёт и «медовые месяцы русско-польской дружбы» после известного воззвания главнокомандующего великого князя Николая Николаевича в 1914 г., и репрессии в отношении поляков в период советско-польской войны 1920 г.⁵ Кроме того, он многократно меняет место своего пребывания, причем в основном не по собственной воле. Не оставался неизменным и его статус: власти играли с поляками, как кот с мышью⁶.

Дыбоский идентифицировал себя с Галицией, писал про свои «краковские ноги», которые в знак протеста сами уносили его прочь с иных российских диспутов, «развитое правовое сознание», сформированное в атмосфере политических и культурных свобод⁷. Российское общество мемуарист видит «западными глазами» европейца⁸. Отсюда ориентализм его описаний. Отмечается «польское постповстанческое культуртрегерство», поляки повсеместно выступают в роли «рассадников европейской культуры»⁹. Речь шла, в частности, о ссыльных, инженерах-путейцах. В России Дыбоский преодолевает комплекс, приобретенный им на родине, где приходилось сталкиваться с более высокой немецкой культурой.

В условиях радикализации общественных настроений ключевые позиции наряду с евреями заняли «агитаторы-поляки как личности наиболее образованные и способные вести за собой революционную массу»¹⁰. В этой связи Дыбоский пишет о «заспанном» и отмеченном «азиатской вялостью» темпераменте русских, в жилах которых «вода и мазь». По его мнению, это принципиально отличает от поляков не только великороссов, но и малороссов¹¹.

Вместе с тем в мемуарах присутствуют не только российско-западные контрасты, но и параллели. Так, Москва сравнивается с польским Краковом¹², что многократно делалось и до Дыбоского, а Казань – с австрийским Грацем. Даже в татарских кварталах Казани, в ее торговом укладе Дыбоский не находит преобладания типично восточных черт¹³.

Наряду с картиной русско-польских отношений большой интерес в воспоминаниях представляет характеристика коммуникации между поляками. На российской почве встретились поляки из разных империй. Разумеется, между частями разделенной Польши суще-

ствовавали многоуровневые связи, не только культурные, но и политические. После 1918 г. сращивание разнородных земель в единое целое стало большой проблемой возрожденного польского государства¹⁴, более того, региональные отличия дают о себе знать по сей день.

Не первый раз в истории, но впервые в таких масштабах, поляки сражались друг с другом в составе противоборствующих армий, в чем Дыбоский видел «трагизм нашего национального положения». С этим он лично столкнулся в ходе боевых действий¹⁵. Предельно поляризовались польские политические лагеря, ориентировавшиеся на ту или иную державу.

Поляков Дыбоский встречал повсюду и в самом разнообразном качестве. Вот как описывается им «разноцветная толпа», собравшаяся на католическое богослужение в уездном Ростове Великом: «Пленные из австрийского и немецкого раздела, поляки – российские солдаты, беженцы из самых разных частей Царства и кресов... и старые польские эмигранты в чиновничьей или гражданской одежде... Рядом с поляками были и литвины, как давно здесь поселившиеся, так и вновь прибывшие»¹⁶.

Дыбоский подчеркивал, что «братание и смешение» поляков из различных регионов легче происходило на чужбине, чем на польских землях¹⁷. О «кресовцах» – поляках из белорусско-литовских и украинских губерний – он вспоминал с особой теплотой, хотя и фиксировал у них следы русского влияния, в частности, «бесцеремонный анархизм». Будучи в большинстве своем социалистами, они вместе с тем отличались высокомерием провинциального шляхтича¹⁸.

На крулевяков – жителей Царства (Королевства, отсюда этимология слова *крулевяки*) Польского – галицийцы привыкли смотреть «искоса, как на хвастунов». Однако «на российской почве» они легко находили точки соприкосновения¹⁹. Сближало «общее чувство культурного превосходства над москалями, более сильное, быть может, у крулевяка, чем у остальных поляков, поскольку его питали беспредельные восторги москалей по поводу “прекрасной Варшавы” и ведущей роли польской промышленности в России». Именно выходцам из Царства Польского принадлежала модераторская роль в коммуникации подданных центральных держав, галицийцев и познанцев, с воспитанными в коренной России поляками²⁰.

Роль национальных будителей выполняли военнопленные, которые способствовали активизации общественно-культурной жизни польской диаспоры²¹. Сам Дыбоский при любой возможности охотно проводил занятия с соотечественниками, открывая им мир польских

культурных достижений. Качественный рост польского присутствия в России сопровождался самоорганизацией поляков, которые воспользовались либерально-демократической атмосферой 1917 г.

Сближение поляков в России происходило не только в межрегиональной плоскости, но и по социальной вертикали, особенно когда представители различных слоев оказывались в одинаково неблагоприятных условиях. Так, офицеры польской сибирской дивизии начали больше общаться с рядовым составом в тюремном заключении²². В результате стирания региональных и социальных барьеров в глубине России возникала новая Польша в миниатюре. Впечатляет описание сцены, когда в Вятской губернии краковский профессор показывает на карте границы Польши польским простолюдинам, представлявшим все три ее части и говорившим каждый на своем крестьянском диалекте²³.

В поле зрения Дыбоского постоянно находится российская Польша (польская диаспора в России). О ее состоянии в воспоминаниях сказано немало критических слов. Мемуарист весьма болезненно реагировал на все проявления обрусения. В Сибири ему еще встречались обрусевшие, в том числе и в языковом отношении, участники восстания 1863–1864 гг.²⁴ Однако обрусение проявлялось не только в утрате материнского языка. Используя советский жаргон, Дыбоский писал о «буржухах»-поляках, многие из которых, особенно на Дальнем Востоке, обогатились противоправными способами. Эта группа вызывала у мемуариста даже большее отвращение, чем русское мещанство. Обрусение «буржуев» не столько национальное, сколько психологическое и моральное, причем у русского характера, соединяющего мистицизм с материализмом, они заимствовали только второй компонент. Они испытывали национальную гордость от того, что в торговых операциях обманывали «глупых москалей»²⁵. Таким образом, коммерческий успех нуворишей не вызывал у профессора Ягеллонского университета положительных эмоций.

Однако не только укорененные в местной жизни представители Польши обнаруживают склонность к обрусению. «С особенным удивлением, – отмечал Дыбоский, – я наблюдал случаи обрусения галицийцев», как необразованных, так и с образованием. «Особенно этим грешили соотечественники из восточной Малой Польши, у которых польский, украинский и русский языки сплелись в клубок, распутать который невозможно»²⁶.

Логическим следствием обрусения Дыбоский считал большевизацию поляков, абсолютно чуждую, по его мнению, польскому архе-

типу. «Обольшевиченных»²⁷ он встречал на своем пути достаточно много. В особенности большевизации оказались подвержены выходцы из родной Галиции: «Среди идейных агитаторов за варварский коммунизм *à la russe* находятся народные учителя и экс-конторщики из Галиции, а среди агентов чрезвычайки, к сожалению, самые настоящие малопольские крестьяне»²⁸.

Однако обрусение во многих случаях не является необратимым, о чем свидетельствует растущий слой «пробудившихся»²⁹. К ним принадлежат, в частности, ученые польского происхождения. Не забывая своих национальных корней, они долгое время работали на чужую культуру и сторонились участия в жизни польских общин. В переломные годы они перестали проводить резкую грань между приватной жизнью, в которой можно быть поляком, и публичной сферой, где обнаружения польскости не допускается. Многие из них продолжили свою преподавательскую и научную деятельность в Польше, привнося в жизнь польских университетов «русские способы мышления – в особенности эту невыносимую “принципиальность”, а временами также русские формы обхождения»³⁰.

То было время судьбоносного выбора – политического и национального, индивидуального и коллективного. Уехать или остаться? Отъезд большого числа представителей российской Полонии обусловлен не только воссозданием польского государства, но также большевистским режимом и Гражданской войной³¹. «Сегодня все, что живо, рвется из советской России в польский рай», – писал Дыбоский³². Следует отметить, что и до революции, достигнув успеха в русских губерниях, некоторые поляки отправлялись доживать свой век в Варшаву, были среди них и те, кто имел репутацию обрусевших (В. Спасович, С. Кербедзь)³³. Другие же российские поляки делали выбор в пользу австрийской Галиции.

Подробно описывается неловкое положение, в которое попал лидер российской Полонии А. Ледницкий, организовав доклад приехавшего из Кракова М. Здзеховского о конституционном периоде Царства Польского. С начала XX в. много говорилось о возвращении в российско-польских отношениях к ситуации 1815–1830 гг., когда Царство имело широкую автономию. От разделявшего неославистские убеждения докладчика Ледницкий ожидал проповеди сближения поляков и русских, однако Здзеховский сделал рефреном своего выступления тезис о неизбежности восстания 1830–1831 гг. Не удалось достигнуть согласия и при обсуждении пьесы С. Выспяньского «Свадьба».

Тесное взаимодействие Ледницкого с российскими политиками либерального направления вызвало обвинение его в ренегатстве. В то время, когда Дыбоский взялся за перо, чтобы описать пережитое в России, Ледницкий стал фигурантом громкого судебного разбирательства в независимой Польше.

Сам Дыбоский с подозрением относился к кадетам, предлагавшим себя в качестве основных партнеров поляков. Кадеты выступали продолжателями либеральной традиции «возведения мостов» между народами и возлагали надежды на пророссийскую ориентацию польского крестьянина³⁴. Не разделял мемуарист и чувства славянской взаимности, обостренного в годы войны антинемецкими настроениями³⁵.

В целом поляки находились в Российской империи в неблагоприятной среде. Согласно Дыбоскому, «обычные польские разговоры, столь хорошо нам известные по нашей истории под российской властью», состояли в обсуждении того, «кто из знакомых арестован, кому грозит обыск, где... доноски, кто куда бежал и т. д.»³⁶. Вместе с тем мемуарист пишет о соприкосновении в России «с умершим, великим и прекрасным польским миром»: знакомстве с воспоминаниями о пребывании поляков в России, предметами польского культурного наследия – всем тем, что ныне объединяется емким понятием мест памяти³⁷.

Характеризуя польский национальный характер, мемуарист последовательно ищет возможности противопоставить его русскому. Дыбоский настаивал на «единстве русского национального характера, преемственности в истории России и фатальной неизбежности всех тех драматических перемен, которые Россия в последние годы пережила к удивлению всего мира». Большевизм представлялся ему «неизбежным звеном в цепи судеб этого (русского. – Л. Г.) народа»³⁸.

Отдельные развернутые характеристики даются русской интеллигенции и крестьянству³⁹. Интеллигенция, несмотря на сближение мемуариста с рядом ее представителей, оценивается им весьма критически, как сходящий с исторической сцены слой, соединивший в себе черты мятущегося, бессильного Гамлета и чиновника. Революционные события показали, что нет в ней «ни грена способности к творческому, организованному политическому действию, к практическому решению запутанных общественных проблем, к решительному выбору и указанию народу дороги на перепутье истории».

Русский крестьянин, в том числе крестьянин в солдатской шинели, – у Дыбоского олицетворение добродушия и первобытной ди-

кости, готовности помочь и одновременно провести в коммерческих делах (последнее, согласно мемуаристу, «глубоко отличает его от нашего мазурского»)⁴⁰.

Однако, характеризуя русский национальный тип, Дыбоский был не склонен подчеркивать разрыв между социальными низами и образованным обществом, а также политическое разномыслие: «В душе русского, причем как интеллигента, так и неграмотного, и следа нет того, что мы понимаем под гражданской позицией». Отсутствует готовность ставить национальные интересы выше личных, семейных⁴¹. Все слои русского общества отличает неуважение к завоеваниям цивилизации. В отличие от европейцев, русским чужд пиетет к любым традициям, они крайне бесцеремонны⁴².

Вместе с тем, согласно Дыбоскому, образованный русский свысока смотрит на собственный народ и готов вслед за иностранцами повторять самые отрицательные оценки своей родины. Примечательно, что традиционно презрительное отношение к народу ставили в вину полякам русские, усматривая в нем противоположность свойственному себе народолюбию.

Русско-польский спор о том, кто является носителем разрушительных для общества начал, велся издавна⁴³. Дыбоский воспроизводит сложившиеся в польском обществе представления о радикализме как «капитальной черте русской души». Он пишет про радикализм, «одинаково безудержный и безграничный в деспотическом озлоблении и революционном порыве, в идейной эйфории и ненависти уничтожения, в собачьей покорности восточного раба и анархическом пренебрежении к самым давним и наиболее достойным уважения правилам и авторитетам».

Русские привязаны к своей малой родине, из чего Дыбоский делает заключение о том, что к такой гигантской территории, как Россия, привязаться невозможно. Это вновь отличает русских от поляков⁴⁴. Лишенные патриотизма, русские вместе с тем предрасположены к экспансии и категорически против любых территориальных уступок. Даже пользовавшийся расположением мемуариста Е. Трубецкой («самый искренний наш друг в тогдашней России, благородный идеалист и энтузиаст») озабочен тем, чтобы возрожденное польское государство не выходило за рамки территории, где преобладают поляки⁴⁵.

Если на одном, полонофильском, полюсе русско-польских отношений находится аристократ и интеллектуал, то на другой Дыбоский помещает простолюдина. Образцом «смертельного врага поляков»

становится дважды упоминаемый в тексте русский колонист-беженец из Виленской губернии. С таким прошлым, считает мемуарист, «он должен был гореть и сословной, и национальной ненавистью к нам»⁴⁶.

В воспоминаниях присутствуют портреты русских женщин, душевными качествами некоторых из них Дыбоский восхищен. Однако опыт его пребывания в России только подтверждает правдивость литературного образа прекрасной и одновременно ужасной Татьяны из «Красы жизни» С. Жеромского (1912 г.)⁴⁷. Следует отметить, что этот двойственный образ, а также признание за женщинами руководящей роли⁴⁸ зеркальны русскому стереотипу польки.

В качестве доказательства преемственности дореволюционной и советской России Дыбоский отмечает, что доноительство, сформированное веками деспотического режима, поощряется и большевиками. Последние выступили также продолжателями российского черносотенного и либерального экспансионизма. Акцент на континуитете российской истории будет присущ польской советологии межвоенного периода: у Я. Кухажевского царизм лишь меняет цвет с белого на красный. Даже в конце XX в. по этому поводу приходилось полемизировать с поляками М. Я. Геллеру⁴⁹.

Вместе с тем Дыбоский имел возможность сопоставлять две России, основываясь на личных впечатлениях. Сравнение дореволюционной и советской тюрем было не в пользу последней⁵⁰. Была и иная плоскость сравнения. Сопоставляя отношение к военнопленным в России и Австро-Венгрии, Дыбоский находил, что общение с ними местных поляков было в империи Габсбургов более затруднено: в российском случае гораздо легче преодолевались запреты⁵¹.

Даже в заглавии воспоминаний Сибирь выступает отдельно от России. Несмотря на «прирастание» России Сибири в ходе заселения и освоения последней, еще сказывается инерция обособленного ее восприятия. В этом направлении целенаправленно работали сибирские областники, пик активности которых пришелся как раз на период пребывания Дыбоского за Уралом. Противостоя указанной тенденции, дореволюционные власти предпочитали говорить не о Сибири, а об Азиатской России.

Не без труда избавлялась Сибирь и от печати «штрафной колонизации», которая в польских образах региона продолжала играть ключевую роль. На ментальных картах поляков, к началу XX в. в большинстве своем приезжавших в Сибирь уже добровольно, она расширялась до ареала, куда ссылали осужденных. В польском со-

знании происходила своеобразная «сибиризация» России. Сибирский опыт, имевшийся у нескольких поколений поляков, стал исключительно важным элементом их коллективных представлений о восточном соседе.

В формировании памяти о России вклад поляков, переживших в ней войны и революции 1914–1920 гг. и, соответственно, отягощенных грузом негативных эмоций, был весьма велик. Накопленный негатив усугублялся последующими перипетиями русско-польских отношений, особенно конфликтом 1920 г., который с обеих сторон сопровождался массивной пропагандистской кампанией.

Память о конкретных людях, стереотипам не отвечавших, удерживала мемуариста от обобщений, заставляла объективности ради искать баланса противоречивых наблюдений⁵². Однако в коллективных характеристиках русских у Дыбоского обычно преобладает негатив, воспроизводящий мейнстрим стереотипного восприятия⁵³. Именно в этом русле происходит осмысление революции в России.

Конструирование образа русских с позиций ориентализма служило обоснованию польского автостереотипа. Дыбоский признавался, что до плена общение с австрийцами такой возможности не давало. Вскоре после написания своих российских мемуаров Р. Дыбоский вновь попал в инонациональную среду, став приглашенным профессором Лондонского университета. В качестве представителя Польши он считал своим долгом бороться за то, чтобы его страна была достойно представлена в программе обучения⁵⁴.

В 2007 г. воспоминания Дыбоского были переизданы в Польше. Сравнивая их с воспоминаниями Томаша Парчевского⁵⁵, в которых описывается та же эпоха, издатели подчеркивают различие «“типа” польскости» двух мемуаристов. Парчевский характеризуется как «поляк с Востока», которому, подобно многим другим российским полякам, свойственен «комплекс превосходства по отношению к культуре, которую они не в состоянии принять». Это побуждает Парчевского «инстинктивно» искать в ней отталкивающие или хотя бы антипатичные черты. Дыбоский же – «рафинированный интеллектуал абсолютно западного типа», «очень галицийский поляк», соединявший в себе толику космополитизма с горячим патриотизмом в «весьма традиционном значении этого слова»⁵⁶.

Характеристика восприятия Дыбоским русских достаточно противоречива. С одной стороны, безапелляционно утверждается, что в его воспоминаниях «нет ни капли национальных предубеждений: университетский джентльмен упорно сопротивляется всем “нацио-

нальным схемам⁷». Однако вслед за этим признается, что под влиянием увиденного сопротивление начинало ослабевать: «Дыбоский не хочет верить в антироссийские стереотипы, но перед лицом всеобщего одичания у него словно опускаются руки». Он переживает, что господствующие в России настроения овладевали и поляками. Мемуарист выступает в роли «включенного наблюдателя», который не способен примириться с происходящим вокруг⁵⁷.

Присутствие в России в период Первой мировой войны поляков из всех регионов их проживания позволило моделировать встречу в независимой Польше, где предстояло консолидироваться долгое время разделенной польской нации.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Горизонтов Л. Е.* Парадоксы имперской политики: Поляки в России и русские в Польше (XIX – начало XX в.). М., 1999; *Orłowski J.* Polska w zwierniadle poezje rosyjskiej okresu I wojny światowej. Lublin, 1984; *Przeniosło M.* Chłopi Królestwa Polskiego w latach 1914–1918. Kielce, 2003.

2 *Горизонтов Л. Е.* Польско-еврейские отношения во внутренней политике и общественной мысли России (1831–1917) // История и культура российского и восточноевропейского еврейства: новые источники, новые подходы. М., 2004. С. 257–278.

3 *Dyboski R.* Siedem lat w Rosji i na Syberii (1915–1921). Przygody i wrażenia. Warszawa, 1922. S. 1.

4 Ibid. S. 55. Ср.: *Ону А. М.* Загадки русского сфинкса. М., 1995.

5 Ibid. S. 161, 188.

6 Ibid. S. 61.

7 Ibid. S. 11, 32.

8 Ibid. S. 3, 5.

9 Ibid. S. 36, 42.

10 Ibid. S. 22.

11 Ibid. S. 22, 32.

12 Ibid. S. 199.

13 Ibid. S. 37–38.

14 Польша в XX веке. Очерки политической истории. М., 2012.

15 *Dyboski R.* Siedem lat w Rosji... S. 7.

16 Ibid. S. 24. Ср.: *Spustek I.* Polacy w Piotrogradzie 1914–1918. Warszawa, 1966.

17 *Dyboski R.* Siedem lat w Rosji... S. 40.

- 18 Ibid. S. 31–32.
- 19 Ibid. S. 32–33.
- 20 Ibid.
- 21 Ibid. S. 42–44.
- 22 Ibid. S. 175.
- 23 Ibid. S. 40–41.
- 24 Ibid. S. 35.
- 25 Ibid. S. 29–30.
- 26 Ibid. S. 43.
- 27 Ibid. S. 175.
- 28 Ibid. S. 43.
- 29 Ibid. S. 30.
- 30 Ibid. S. 31.
- 31 *Горизонтов Л. Е.* Российские истоки академика Александра Гейштора // Российско-польский альманах. Ставрополь, 2014. Вып. VII. С. 3–13.
- 32 *Dyboski R.* Siedem lat w Rosji... S. 30.
- 33 *Bazyłow L.* Polacy w Petersburgu. Wrocław i in., 1984.
- 34 *Dyboski R.* Siedem lat w Rosji... S. 10–12.
- 35 Ibid. S. 19–20.
- 36 Ibid. S. 181.
- 37 Ibid. S. 37–40.
- 38 Ibid. S. 3–5.
- 39 Ibid. S. 179, 183, 195.
- 40 Ibid. S. 197–198.
- 41 Ibid. S. 184–185.
- 42 Ibid. S. 16–17.
- 43 *Горизонтов Л. Е.* Поляки и нигилизм в России: Споры о национальной природе «разрушительных сил» // Автопортрет славянина. М., 1999. С. 143–167.
- 44 *Dyboski R.* Siedem lat w Rosji... S. 185–186.
- 45 Ibid. S. 9, 186–188.
- 46 Ibid. S. 52, 197.
- 47 Ibid. S. 192.
- 48 Ibid. S. 188–189.
- 49 *Горизонтов Л. Е.* СССР и Польша 1980-х годов в парижском журнале «Kultura»: политические хроники Михаила Геллера // Славяноведение. 2014. № 5. С. 24–31.
- 50 *Dyboski R.* Siedem lat w Rosji... S. 47, 170.
- 51 Ibid. S. 29, 46, 197.

52 Ibid. S. 193, 198.

53 *Gorizontov L.* Russian-Polish Imagology as an Area of Research and Scientific Cooperation. A Historiographical Essay // *Kwartalnik Historii Nauki i Techniki*. Quarterly journal of the history of science and technology. 2014. № 4. P. 143–152.

54 *Dyboski R.* O Anglii i Anglikach. Warszawa, 1929.

55 *Парчевский Т.* Записки губернатора Кронштадта. СПб., 2009.

56 *Dyboski R.* Siedem lat w Rosji i na Syberii (1915–1921). Przygody i wrazenia. Warszawa, 2007. S. 5–6.

57 Ibid. S. 7–8.

L. E. Gorizontov

Metamorphoses of the Identity of the Poles in Russia during the Period of First World and Civil Wars. (On the basis of Roman Dyboski's Memoirs)

After the beginning of the First World War the Polish presence in Russia increased substantially: numerous refugees and prisoners of war joined the earlier established Polonia. The complex process of national self-determination of the Poles was reflected in the memoirs of Roman Dyboski (1883–1945) – a literary scholar, professor of Jagiellonian University, officer of the Austro-Hungarian army. During seven years spent in Russia he visited its various parts, talked to his compatriots, who represented all regions of partitioned Poland, social layers, professions, generations and political groups. Keywords: *First World war, Russian Polonia, refugees, prisoners of war, Russian-Polish relations, ethnic stereotypes, national identity, regional peculiarities, behavioral strategies, communicative practices, acculturation, bolshevization, continuity.*

*А. В. Ганин
(Москва)*

Начальник украинского Генерального штаба А. В. Сливинский

В статье на основе документов российских, украинских, польских и американских архивов прослеживается жизненный путь и эволюция взглядов начальника украинского Генерального штаба в 1918 г. полковника А. В. Сливинского.

Ключевые слова: *Генеральный штаб, Украинская держава, А. В. Сливинский, Гражданская война.*

Украинская военно-политическая история эпохи Гражданской войны 1917–1922 гг. в последние годы стала особенно актуальной, а многие типичные для того времени явления похожим образом повторились в наши дни. Эти обстоятельства не могут не обратить исследовательский интерес к тем людям, которые находились в руководстве вооруженных сил только возникшего украинского государства в то непростое время. Этот интерес обостряется в связи с тем, что многие из украинских военачальников и штабистов той эпохи были людьми русской культуры, так или иначе принимавшими украинскую идею или оказавшимися временными попутчиками тогдашней украинской государственности. До сих пор в поле зрения исследователей не попадала биография одного из таких офицеров – начальника украинского Генерального штаба при гетмане П. П. Скоропадском Александра Владимировича Сливинского. Между тем, на его примере можно составить представление об одном из архетипов поведения офицерства в период 1917–1922 гг.

Александр Слива (Сливинский) родился 29 августа 1886 г., происходил из дворян Полтавской губернии, где у его отца было родовое имение¹. Окончил Петровский голтавский кадетский корпус (1905), Николаевское инженерное училище по первому разряду (1908) с занесением имени на мраморную доску. Свою военную службу Сливинский начал в 5-м понтонном батальоне в Киеве.

По аттестации 1912 г., данной полковником П. Ф. Рябиковым в императорской Николаевской военной академии, поручик Слива

Исследование осуществлено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках проекта № 14-31-01258а2 «Русский офицерский корпус на изломе эпох (1914–1922 гг.)».

«способностей хороших. В поле недостаточно находчив. Старателен, тактичен, дисциплинирован. Несколько замкнутого характера»². В 1913 г. Рябиков к этому прибавил: «В поле работает хорошо и быстро»³. Академию Сливинский окончил в 1914 г. по первому разряду.

По свидетельству знавшего Сливинского с детских лет полковника С. Н. Ряснянского, «он был на год моложе меня по Полтавскому кадетскому корпусу, и тогда он носил фамилию Слива. Кончил он корпус одним из первых и через 3 года* пошел в академию Генерального штаба, так что окончил ее раньше меня. Во время Великой войны он был в штабе 10 кавалерийской дивизии, а позже в штабе 3 конного корпуса в то время, когда этими частями командовал знаменитый граф Келлер. Выказал себя Сливинский, рожденный Слива, во время войны очень хорошо и заслужил не только орден Св. Георгия, но и уважением чинов дивизии, а позже и корпуса, но... ему захотелось занять высокое положение и удовлетворить честолюбие. Случай представился. В начале 1917 он был назначен в штаб Румынского фронта, и там же в начале революции был образован украинский комитет для самоопределения украинцев. Сливинский сразу же вошел в него и начал играть в нем значительную роль. Когда я упрекнул его при встрече в Яссах в том, что он занялся украинизацией, то он мне на это сказал, что его задача не дать захватить верх в комитете чистым самостийникам. Возможно, что в то время он и не думал о полной самостоятельности Малороссии, но уже несколько позже, когда он был выбран в раду, его первоначальные взгляды изменились, и он стал самостийником»⁴.

Сливинский выдвинулся уже в годы Первой мировой войны, зарекомендовав себя как храбрый офицер. На фронт он пошел старшим адъютантом штаба 10-й кавалерийской дивизии. В 1914 г. исполнял должность начальника штаба 10-й кавалерийской дивизии. С 22 марта 1915 г. – капитан, старший адъютант штаба III Кавказского корпуса. За проявленную храбрость в бою 10 декабря 1914 г. был награжден Георгиевским оружием и орденом Св. Георгия 4-й ст. за отличие в боях 15–29 апреля 1915 г.

Впоследствии он вспоминал, что «в течение этой войны мне пришлось участвовать под непосредственным начальством выдающегося русского кавалерийского вождя генерала графа Ф. А. Келлера

* Явная ошибка мемуариста, в академию можно было поступать через три года службы в офицерских чинах, то есть после окончания военного училища, а не кадетского корпуса.

во всех боях 10-й кавалерийской дивизии, потом III-го конного корпуса, состав которого одно время достигал восьми кавалерийских дивизий. Приходилось видеть конные атаки русской кавалерии на неприятельскую пехоту, батареи, пулеметы и даже на укрепленные позиции»⁵. Безмерное уважение к генералу графу Ф. А. Келлеру Сливинский сохранил на всю жизнь. Келлер также очень любил и высоко ценил Сливинского⁶. Думается, дружба с таким ярким монархистом, каким был граф Келлер, вполне характеризует и взгляды самого Сливинского, очевидно, далекие от идеалов украинского национализма.

С 3 апреля 1917 г. Сливинский занимал пост штаб-офицера для поручений по авиации управления генерал-квартирмейстера штаба помощника главнокомандующего армиями Румынского фронта⁷. Есть сведения и о том, что некоторое время офицер был начальником штаба Киевского военного округа. В старой армии Сливинский дослужился до чина подполковника (произведен 15 августа 1917 г.). По некоторым данным, Сливинский был среди арестованных следственной комиссией при петроградском революционном трибунале за деятельность в период выступления генерала Л. Г. Корнилова⁸.

Украинизировался Сливинский довольно рано – еще летом 1917 г. На II всеукраинском военном съезде, проходившем 5–10 июня 1917 г. в Киеве, Сливинский был избран в состав Украинского генерального войскового комитета⁹, председателем которого являлся украинский политический деятель С. В. Петлюра.

В сентябре–октябре 1917 г. Сливинскому предлагали генеральскую должность начальника штаба крепости Севастополь, однако он отказался¹⁰. В Ставке считали, что офицер себя пока не зарекомендовал, «чтобы выдвигать его не в пример прочим»¹¹. Когда 18 ноября 1917 г. были утверждены штаты Украинского войскового генерального секретариата и туда начали переманивать офицеров-генштабистов, Сливинский значился 2-м генерал-квартирмейстером¹², а затем помощником начальника украинского Генштаба. Ему принадлежало авторство проекта развертывания украинской армии путем использования остававшихся на Украине частей и соединений старой армии Румынского и Юго-Западного фронтов. Планировалось из X армейского корпуса сформировать Киевский, из XXV – Волынский, из XXVI – Полтавский, из XXXI – Черниговский, из XXXII и III – Подольский, из VIII и XL – Одесский, из V Кавказского – Екатеринославский.

В декабре 1917 г. Сливинский лично руководил разгоном большевистского ВРК 9-й армии с помощью украинизированных подраз-

делений¹³. Участвовал Сливинский и в историческом военном совете в кабинете украинского генерального секретаря по военным делам Н. Порша 5 января 1918 г., когда обсуждался вопрос организации сопротивления красным¹⁴. Сливинский был, очевидно, достаточно молод для высоких должностей, которые кружили голову. К сожалению, точных причин его карьерного взлета установить не удалось. К своим обязанностям он относился весьма серьезно. Его будущая супруга вспоминала, что в период наступления красных на Киев в начале 1918 г. Сливинский находился в подавленном настроении. «Он, всегда бодрый и энергичный, вдруг жалуется на инертность офицерства, безвластие и говорит, что с тем, что удалось ему собрать, ничего сделать уже нельзя»¹⁵. В январе 1918 г. Сливинский несколько дней занимал пост начальника штаба Гайдамацкого коша Слободской Украины – военизированного добровольческого формирования. Затем эту должность от него принял бывший слушатель ускоренных курсов Николаевской академии А. И. Удовиченко. В период наступления красных на Киев, спасая свою жизнь, Сливинский как частное лицо пешком ушел из Киева¹⁶, возвратившись лишь с немцами.

10 марта 1918 г. Сливинский занял пост начальника Генштаба Украинской народной республики (УНР). Во время переворота 29 апреля 1918 г., завершившегося приходом к власти гетмана П. П. Скоропадского, Сливинский одним из первых поддержал Скоропадского, чем обеспечил себе сохранение занимаемой должности¹⁷. Более того, Сливинский в начале мая 1918 г. временно исполнял обязанности министра военных дел и флота.

Скоропадский практически не знал его. Недоброжелатели пытались дискредитировать офицера в глазах гетмана, заявляли о большевизме или о властных амбициях Сливинского, однако гетман со временем оценил лояльность молодого начальника Генштаба и даже стал симпатизировать Сливинскому¹⁸. Протежировал Сливинскому начальник штаба гетмана генерал Б. С. Стеллецкий.

Сливинский участвовал в заседаниях правительства и находился в курсе украинской политики. Его будущая супруга отмечала, что после прихода к власти Скоропадского прекратилась травля Сливинского¹⁹, однако о чем идет речь, неизвестно. 29 июня 1918 г. Сливинский был переименован в войсковые старшины со старшинством с 15 августа 1917 г. Весной–летом 1918 г. Сливинский выступал в качестве военного эксперта на переговорах с РСФСР.

Товарищ министра внутренних дел В. Е. Рейнбот свидетельствовал, что военный министр генерал А. Ф. Рагоза в силу преклонного

возраста уже был номинальным министром, реальная власть была в руках генералов А. П. Грекова, А. Г. Лигнау и подполковника Сливинского, которого Рейнбот охарактеризовал как талантливое. По мнению этого мемуариста, Сливинский был невероятно честолюбив и склонен к интриганству²⁰. Якобы он боролся с министром внутренних дел И. А. Кистяковским, для чего использовал влияние на гетмана Скоропадского и председателя Совета министров Ф. А. Лизогуба. Впрочем, утверждения того же мемуариста о поддержке Сливинским за счет военных ассигнований неких радикальных украинских группировок, о его двойной игре и чуть ли не потворстве свержению гетманской власти²¹ вызывают сомнения.

Генерал В. А. Мустафин считал Сливинского «молодым офицером Генерального штаба, несомненно умным и способным, большим карьеристом, пошедшим по указке самостийников и проводившим на высшей командной должности негодных, скомпрометированных людей, проявлявших угодливость перед “украинскими шовинистическими течениями” и ненависть (конечно, внешне напускную) ко всему русскому»²². Мустафин также подтверждает свидетельства о том, что Сливинский подчинил своему влиянию военного министра²³.

Емкие характеристики Сливинского оставил в своих воспоминаниях генерал Б. С. Стеллецкий. По его свидетельству, Сливинский с детства мечтал сделаться вторым Наполеоном, целиком посвятил себя военному делу, благодаря чему блестяще учился, причем вне военного дела у него интересов не было. Надо сказать, стремление офицеров к наполеоновской карьере было типичным явлением того времени.

При поддержке Стеллецкого Сливинский получил право самостоятельного доклада гетману, что вызвало недовольство генералитета, в частности, товарища военного министра генерала А. Г. Лигнау²⁴. На плечи Сливинского легла организационно-оперативная работа. Причем, если верить Стеллецкому, Сливинский, несмотря на оппозицию старших офицеров, смог наладить работу Главного управления Генерального штаба (ГУГШ)²⁵. В намеченных им преобразованиях за основу была принята германская система корпусных округов, каждый из которых составляла губерния. Организация строилась от высших штабов к низшим. Однако этот план в итоге принят не был²⁶.

Петлюровские военачальники отзывались о Сливинском скорее недоброжелательно. Генерал М. В. Омелянович-Павленко писал о

переполнявшем его чувстве неприязни к начальнику Генштаба²⁷. По характеристике генерала В. Н. Петрова, Сливинский – «подвижный, стройный, невысокий офицер с быстрой речью, категоричными выражениями, энергичными жестами»²⁸. Когда Сливинский обратился к Петрову на русском языке, последний намеренно отвечал ему на «мове», чем вынудил и Сливинского перейти на украинский язык²⁹. По мнению генерала А. П. Грекова, Сливинский – «заурядный мелкий офицер Генштаба с большими наклонностями к мании величия и интриганству», причем назначен он был якобы по рекомендации партии эсеров³⁰.

Показательны взаимоотношения Сливинского с белыми. Представитель белых в Киеве подполковник С. Н. Ряснянский вспоминал, что Сливинский был с ним очень любезен и обещал ему свое содействие³¹. Генерал М. А. Свечин, командированный в Киев в мае 1918 г. в составе военно-дипломатической миссии Всевеликого войска Донского, оставил подробное описание встречи со Сливинским. Последний был рад приезду генерала Н. Н. Головина – его профессора в академии и заявил Головину и Свечину: «Все мы, русские офицеры, можем спокойно и откровенно вести наши беседы, т. к. наши помыслы направлены, где бы теперь ни находились, на пользу России»³². Сливинский обещал содействие в отношении поставки вооружения и боеприпасов.

Об украинской армии Сливинский сообщал: «Мы имеем вооружение и снаряжение не менее как на восемь корпусов. Украинское крестьянство – прекрасный элемент для комплектования. Сюда сбегалось немало офицерства, много специалистов – Ген. штаба, артиллеристов, воен. инженеров и пр. По требованию гетмана я делал доклады в правительстве с представлением проектов и наставлений не теряя времени приступить к формированию. Это нам крайне необходимо, но вовсе не нужно немцам иметь вооруженного соседа, и воля их в этом вопросе неуклонна. Все попытки нашего правительства убедить немцев в разрешении организовать хотя бы незначительную воинскую силу для ограждения границ от большевиков были безрезультатны. Немцы ведут двойственную политику: в Москве Мирбах поддерживает большевиков, кои теперь им не страшны, а здесь в Киеве Мумм* поддерживает гетмана от тех же большевиков. По отношению донских казаков немцы не препятствуют красным ве-

* Мумм фон Шварценштейн Филипп Альфонс (1857–1924) – барон, германский посол на Украине.

сти борьбу, а здесь стараются войти в дружбу с казаками. Видимо, находят для себя полезным, чтобы обе стороны слабели от войны, а наружно остаются в добрых отношениях... Все, чего мы могли добиться... это сформировать штабы нескольких корпусов и дивизий. Понятно, штабы не защита, но все же готовое руководство. Кроме того, в засекреченном порядке мы установили работу быв. русских уездных воинских начальников, взятием на учет военнообязанных. А под видом полиции организовали небольшие команды»³³.

Генерал П. Н. Врангель, побывавший у Скоропадского примерно в конце мая – начале июня 1918 г., упомянул Сливинского в нескольких строках своих воспоминаний: «Начальником Генерального штаба состоял полковник Сливинский, способный офицер, которого я знал по Румынскому фронту... У Сливинского я подробно ознакомился с вопросом формирования армии. Немцы, все обещая, фактически никаких формирований не допускали. Сформированы были лишь одни войсковые штабы и, кажется, одна “хлеборобская” дивизия. Никакой правильной мобилизации произведено не было, да и самый мобилизационный план не был еще разработан. Ни материальной части, ни оружия для намеченных формирований в распоряжении правительства не было»³⁴.

Помощником Сливинского стал известный отечественный военный деятель полковник Н. Е. Какурин. Проблемой гетманской армии стало наличие лишь штабных структур без реальных войск в их подчинении. В докладе Генштаба капитана Петрова начальнику разведывательного отделения штаба Добровольческой армии подполковнику С. Н. Ряснянскому от 14 (27) сентября 1918 г. о состоянии украинской армии сообщалось, что ГУГШ возглавлял молодой подполковник Сливинский, «по отзывам многих лиц, способный, а главное трудоспособный офицер»³⁵. По свидетельству белого агента, при вступлении в должность военного министра генерала А. Ф. Рагозы было много разговоров о замене Сливинского генералом Н. Л. Юнаковым, однако эти разговоры остались на уровне слухов.

По всей видимости, мирная обстановка под защитой немецких штыков не предполагала тяжелой кропотливой работы генштабистов. Сливинский в этот период находил время для встреч и увеселительных поездок по стране со своей будущей супругой М. А. Вишневецкой (в первом браке – Мейер) – женщиной старше себя по возрасту (родилась около 1880 г.)³⁶.

Помимо выполнения своих прямых должностных обязанностей Сливинский не чурался публичности и, похоже, к ней стремился. Это

стремление проявилось в его многочисленных интервью в киевских газетах, особенно частых на излете немецкого присутствия на Украине. Что интересно, по этим выступлениям можно проследить и его политические взгляды того периода. Одна из бесед касалась создания украинской армии. Начальник Генштаба оптимистично заявил, что национальная армия вскоре будет создана на основе всеобщей воинской повинности, причем не для угрозы кому-либо, а для защиты независимости страны. Для этого помимо мобилизации предполагалось кадровым частям предоставить увеличенные постоянные штаты. Офицерам было обещано засчитывать прежнюю выслугу лет в старой армии, а также улучшить их материальное положение. Гордостью начальника Генштаба была Сердюкская дивизия, которая считалась образцовой. Объявил Сливинский и о намеченном создании Державной военной академии для пополнения кадров Генштаба, а также о том, что будут созданы инспекции артиллерии и технических войск для проверки состояния соответствующих частей и применения в них технических новинок. Кроме того, Сливинский заявил, что армия будет преследовать и цели просвещения. В ней будет вестись обучение украиноведению, возникнут военные журнал и газета³⁷. Интервьюируемый, судя по тексту, был явно завышенного мнения и о себе, и о своей работе – отсюда широковещательные безапелляционные заявления и неприкрытое самолюбование. Увы, антибольшевистский лагерь породил немало подобных «наполеончиков». Столкновение с реалиями Гражданской войны моментально разрушило их фантастические построения.

Следующая беседа корреспондента со Сливинским затронула вопрос формирования национальной гвардии. По мнению Сливинского, выделять национальную гвардию из регулярных войск не следовало³⁸. Начальник Генштаба отмечал невысокую дисциплину такого рода частей и наличие в них авантюристических руководителей. В то же время до окончания формирования регулярных войск, по его мнению, можно было иметь территориальные центры обороны из непризывных «элементов порядка» – лояльных украинскому государству представителей интеллигенции и хлеборобов. Заслуживает внимания проговорка о том, что армия Украине нужна по аналогии с Финляндией и Донской областью для защиты от красных.

Не прошло и десяти дней, как Сливинский дал новое интервью в связи с прошедшим совещанием корпусных командиров³⁹. Наиболее острыми были офицерский и унтер-офицерский вопросы, а также обеспечение войск. Решено было расширить доступ к офицерским

должностям, обеспечить войска к середине ноября четырехмесячным запасом продовольствия. Существенное внимание привлек вопрос о новом «Уставе о воинской повинности», а также проблема близкого завершения Первой мировой войны на западе, что грозило уходом с Украины немцев и новой военно-политической ситуацией, когда Украина оказывалась один на один с красными.

Через несколько дней состоялось очередное интервью, в котором был затронут вопрос о готовности страны к обороне на случай вторжения большевиков. Сливинский призывал к скорейшему созданию регулярной дисциплинированной армии на случай возможной войны⁴⁰. Упомянул он закон об инструкторских частях, которые формировались для усиления кадров и для скорейшего получения боеспособных частей при полках. Сливинский в этом интервью открыто восхищался организацией Добровольческой и Донской армий. По его мнению, они были совершенными. При этом начальник украинского Генштаба удивлялся, как таким армиям могли сопротивляться красные. Как мы знаем сегодня, белые армии были далеко не совершенны, однако наблюдавшему со стороны офицеру старого Генерального штаба понимание этого, видимо, еще не могло прийти даже осенью 1918 г. Красных же Сливинский, очевидно, воспринимал как противника. 31 октября 1918 г. Сливинскому было установлено старшинство в чине с 24 декабря 1915 г., а сам он произведен в полковники.

Еще одна беседа со Сливинским была опубликована в военной газете «Армия» 10 ноября 1918 г. в связи с чрезвычайными решениями гетманской власти в области обеспечения безопасности. Сливинский рассказал тогда корреспонденту о положении дел в сфере формирования армии⁴¹. Интервью Сливинского отчетливо показывают, что это был, видимо, склонный к демагогии (в обширных интервью не сказал практически ничего) офицер-антибольшевик, причем отнюдь не ориентированный на украинских националистов.

Поражение Германии в Первой мировой войне и оставление Украины немецкими оккупационными войсками предопределило падение гетманского режима. Вскоре после капитуляции немцев, 14 ноября, Сливинский встретился с офицерами Генерального штаба и неожиданно заявил им:

«Я собрал вас, господа, с единственной целью. Теперь настал момент, когда необходимо говорить откровенно и прямо. Вот уже шесть месяцев, как на Украине идет работа по созданию армии под

руководством 200 или 300 офицеров Генерального штаба. За их и вашу работу моральная ответственность ложится на меня. Поэтому я считаю необходимым высказаться.

Настал час возрождения России. В каких формах это совершится – решать не нам, но что оно будет, не подлежит никакому сомнению. И в этом смысле работа Генерального штаба не может быть ни односторонней, ни неопределенной. Каждому из здесь присутствующих совершенно ясно, что только единство воли и действий обеспечит успех в борьбе. А потому я нахожу нужным ясно определить наше отношение к разнородным формированиям на территории бывшей России, и я знаю, что оно не может быть никаким, кроме братского. Против большевиков должен быть создан единый фронт, и на этом фронте Украина должна занять подобающее место.

Я прошу вас считать, что вы все работаете в этом смысле и в этом направлении, что ваша работа имеет целью участие наше в процессе возрождения России в тесном контакте со всеми силами, идущими к той же цели, как созданными в России, так и с державами Согласия»⁴².

Последовавший обмен мнениями выяснил полное единство взглядов на этот вопрос у офицеров-генштабистов.

Итак, речь шла о возрождении России, а не Украины, и о едином антибольшевистском фронте. В одном из выступлений Сливинский даже заявил, что пора скинуть маску и провозгласить федерацию⁴³. Участвовал он и в подготовке федеративной грамоты гетмана Скоропадского 14 ноября 1918 г., в которой говорилось о будущей Украине как автономии в составе федеративной России, освобожденной от большевиков.

Откровенно пророссийское заявление начальника Генштаба было, судя по всему, воспринято в украинских кругах неоднозначно. Уже в следующем номере газета напечатала разъяснение, производившее впечатление самооправдания. Отмечалось, что идея создания единого фронта против большевиков, о которой заявил Сливинский, не предreshала будущих форм государственного устройства России и не предполагала конкретики, а являлась лишь намерением⁴⁴.

17 ноября 1918 г. Сливинский оставил должность начальника Генерального штаба. Возможно, причиной стала его слишком пророссийская позиция. В прощальном приказе № 198-а он отмечал, что за восемь месяцев с помощью сотрудников по Генштабу проделал работу по подготовке кадров более 60 полков русской армии и органов военного управления⁴⁵. Этот документ интересен хотя бы тем, что в нем ни разу не упомянуто слово «Украина». Кроме того, приказ был

написан на русском языке и только заголовок – на украинском. От должности Сливинский был уволен с назначением в распоряжение военного министра и с зачислением по Генштабу. Новым начальником украинского Генштаба стал губернский староста Киевщины генеральный хорунжий П. М. Адрианов⁴⁶.

В конце 1918 г. Сливинского взял к себе генералом для поручений его прежний командир граф Ф. А. Келлер, руководивший добровольческими формированиями в Киеве⁴⁷.

Интересно, что в канун крушения гетманской власти, 24 ноября 1918 г., Сливинский и М. А. Вишневская обвенчались в домовомой церкви 2-й киевской мужской гимназии в присутствии графа Келлера. Сливинский усыновил ребенка супруги от первого брака.

Венчанию предшествовал следующий показательный диалог.

Сливинский: «И что вы предполагаете теперь делать? Ведь на днях здесь будут петлюровцы, и в лучшем случае всем удастся бежать».

Вишневская: «Я выйду за вас раньше замуж».

Сливинский: «А что если теперь я этого не захочу? Ведь сейчас ни положения, ни средств иметь я не буду».

Вишневская: «В этом случае мы совсем в одинаковом положении»⁴⁸.

Родственник супруги Сливинского, офицер Лейб-гвардии Кирасирского Его Величества полка Ю. К. Мейер, вспоминал, что осенью 1918 г. граф Келлер некоторое время жил у Сливинских на квартире⁴⁹. По свидетельству супруги Сливинского, их квартира была местом встреч антибольшевистски настроенных офицеров, а с переездом в начале декабря Келлера «превратилась в какой-то штаб: с раннего утра приходил народ, телефон не переставал работать»⁵⁰. Сам Сливинский «часто перебегал от одних друзей к другим и при первом удобном случае вообще должен был покинуть Киев», причем даже супруга не знала, где именно он находился⁵¹.

В декабре 1918 г., после крушения гетманской власти, Сливинский по охваченной Гражданской войной Украине с театральной труппой перебрался в Одессу⁵². Затем туда же уехала его супруга. Жизнь в Одессе разительно отличалась. Удалось устроиться у знакомых «в большой хорошей комнате; обедали все вместе в большой кутящей компании, по вечерам развлекались в театрах, кинематографрах; устраивали чаи, ходили на концерты»⁵³. С переходом Одессы под власть большевиков весной 1919 г. Сливинские перешли на нелегальное положение, раздобыв чужие паспорта⁵⁴. В дальнейшем пришлось легализоваться: «Через печать вызывались отдельные лица в

особую военную комиссию, якобы для регистрации и назначений на места. Одним из первых был вызван генерал Рогоза, бывший военный министр при гетмане, но вместо назначения он был посажен в тюрьму, а затем расстрелян. Все офицеры Генерального штаба были вызваны отдельно в три срока. Ни в один из них А. В. [Сливинский] не пошел, тогда его вызвали персонально, напечатав в официальной газете, что в трехдневный срок он должен явиться, т. к. такие способные офицеры в настоящее время крайне нужны, и его ожидает большое назначение, за неявку же грозят ему заслуженные последствия. Прочитали, подумали и пошли регистрироваться. Почти всюду ходили вместе и были очень хорошо приняты. Сразу же предоставили нам возможность получить из банка собственные деньги... Выдали нам также крупный аванс и литературу для поездки в Киев, куда назначили Ал. Вл-ча в распоряжение штаба, где он якобы должен был получить видное место»⁵⁵.

Летом 1919 г. Сливинский был зарегистрирован красными в Одессе как генштабист и вызывался в резерв штаба наркомата по военным делам Украинской ССР⁵⁶. Впрочем, службы у красных он постарался избежать. Уже на вокзале Сливинские вошли в вагон, но перед самым отходом поезда соскочили и бежали. Пешком дошли вдоль побережья до колонии Люстдорф, затем возвратились в Одессу. После нескольких дней временного проживания у знакомых решили спрятать Сливинского в доме умалишенных в двух верстах от города. Супруга Сливинского значилась по разным документам в трех местах, причем даже сотрудничала с разведывательной организацией «Азбука», работавшей в пользу белых. В работу был вовлечен и сам Сливинский, разрабатывавший планы операций белых. В итоге дождалась взятия Одессы белыми. Жизнь Сливинских в Одессе при белых была в целом благоприятной. При них Сливинский стал печатать в газетах военные обзоры, чем неплохо зарабатывал и даже смог получить по реквизиции большую комнату в центре. Пасынок Сливинского служил у белых. М. А. Сливинская вспоминала: «Жилось нам в Одессе при добровольцах хорошо. Зарботков Ал. Вл. нам хватало на нашу скромную жизнь с избытком, так что даже откладывали. Всегда были в курсе политических дел и военных действий нашей Добровольческой армии, которая победоносно шла на Орел»⁵⁷. Сливинские вновь побывали в Киеве, разыскивая родственников. Тогда Сливинский перенес тяжелейший сыпной тиф и едва не умер, причем в горячке кричал, что ему нужно спасти офицерство⁵⁸. Затем семья эвакуировалась из Одессы в Севастополь.

В качестве курьеза следует отметить, что вплоть до июля 1919 г. Сливинский значился как канцелярист 3-го ранга в военном министерстве УНР, причем, когда военным министром стал полковник В. Н. Петров, он неудачно пытался реабилитировать Сливинского перед петлюровским руководством как начальника Генштаба при гетмане⁵⁹.

В конце 1919 – начале 1920 г. Сливинские эвакуировались из Севастополя на корабле «Великий князь Александр Михайлович». В устройстве личных дел пригодилось знакомство с Врангелем. По данным на май 1920 г. семья находилась в Югославии. Затем Сливинский получил назначение от Врангеля для связи в Польшу. Отправился он туда вместе с супругой, но в Каменце-Подольском застал отступавших поляков, откуда возвратился в Белград⁶⁰.

После этого Сливинский получил вызов в Крым, куда прибыл с супругой за несколько дней до эвакуации белых. Осенью 1920 г. он вновь эвакуировался из Севастополя в 1920 г. на пароходе «Сегед» как прикомандированный к отделу генерал-квартирмейстера штаба Русской армии, вместе с ним ехали еще два человека⁶¹. Характерно, что в 1921 и 1923 гг. Сливинский испрашивал у штаба Врангеля денежную компенсацию за вызов его в 1920 г. в Крым⁶².

В эмиграции Сливинский поселился в Сербии, в Приеполе, работал инженером-строителем. Уже в первые годы эмиграции он, забыв бывшее увлечение украинством, вступил в общество русских офицеров Генерального штаба⁶³. Впрочем, к 1925 г. Сливинский значился среди тех, кто утратил связь с обществом⁶⁴. В ноябре 1926 г., однако, он нашелся и восстановился в обществе, из которого был за утратой связи исключен. Для этого пришлось внести 20 динар⁶⁵.

Жизнь в изгнании, очевидно, пробудила ностальгию по прежней службе, причем в русской армии. Сливинский занялся военно-историческими исследованиями. В 1921 г. в Сербии он издал брошюру «Конный бой 10-й кавалерийской дивизии генерала графа Келлера 8/21 августа 1914 года у д. Ярославлице». Мотив, двигавший автором, изложен в самом начале книги:

«Глубокая признательность и светлая память о незабвенном моем боевом учителе генерале от кавалерии графе Федоре Артуровиче Келлере и о славных полках 10-й кавалерийской дивизии (новгородские драгуны, одесские уланы, ингерманландские гусары, оренбургские казаки и донские батареи), с которыми я провел почти три года Великой войны и с которыми делил лишения, опасности и славу, заставили меня написать свои воспоминания об одном из блестящих дней их боевой жизни.

Пусть современники и потомки ведают об их подвигах недавнего прошлого»⁶⁶.

В этой небольшой работе Сливинский провел глубокое исследование конного боя, а также изложил собственные впечатления в качестве его участника. Помимо аналитической части брошюра содержала схемы и боевые расписания. Из этой работы мы можем несколько лучше представить взгляды самого автора на различные вопросы. Среди прочего он отмечал, что «бой прежде всего есть человеческая драма, в которой психика достигает величайшего напряжения, где она могуче борется со сковывающими и регулирующими ее формами и формулами, разорвав которые, дух побеждает чисто математически точные расчеты материи»⁶⁷. Достаточно интересны рассуждения автора о характере будущих войн. Важный вопрос, который его волновал, касался возможности использования конницы в войнах будущего. Опыт Гражданской войны показал, что ее широкое применение вполне возможно, но на вопрос о том, будет ли у конницы подобная возможность в дальнейшем, Сливинский однозначного ответа не дал⁶⁸.

В эмиграции Сливинскому пришлось сменить профессию. Он занимался подрядами по проведению шоссе в Боснии⁶⁹. В 1925 г. переехал в Германию, почему, видимо, утратил связь с товарищами по обществу офицеров Генштаба. В 1951 г. он перебрался в традиционную для украинской эмиграции Канаду и умер в Монреале 21 декабря 1953 г.

Современники характеризовали Сливинского как рассудительного человека, оказавшегося на трудном с точки зрения отстаивания русских интересов посту. Его биография демонстрирует непростой жизненный путь русского по духу, языку и культуре офицера, временно связавшего свою жизнь и карьеру с украинской идеей, но так и не прибывшего к украинскому национальному движению. На своем посту он поддерживал белых. Как и у ряда других деятелей гетманской эпохи, взгляды Сливинского отличались противоречивостью, неустойчивостью и сочетали в себе как русский патриотизм и антибольшевизм, так и определенные проукраинские симпатии. С падением гетманского режима Сливинский завершил и украинский эпизод своей карьеры, так и оставшийся эпизодом.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Центральный военный архив Польши им. майора Болеслава Ва-лигоры. 1.380.2.230. Л. 239.
- 2 Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 409. Оп. 3. Д. 8500. Л. 1об.
- 3 Там же.
- 4 Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 606. Л. 16–17.
- 5 *Сливинский А. В.* Конный бой 10-й кавалерийской дивизии генерала графа Келлера 8/21 августа 1914 года у д. Ярославиче. Сербия, 1921. С. 49.
- 6 *Сливинская М. А.* Мои воспоминания // «Претерпевший до конца спасен будет»: женские исповедальные тексты о революции и гражданской войне в России. СПб., 2013. С. 89.
- 7 *Ганин А. В.* Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917–1922 гг.: Справочные материалы. М., 2009. С. 477.
- 8 ГАРФ. Ф. Р-336. Оп. 1. Д. 398.
- 9 *Skrukwa G.* Formacje Wojskowe Ukrainńskiej «Rewolucji Narodowej» 1914–1921. Toruń, 2008. S. 162–163.
- 10 РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1269. Л. 300–301.
- 11 Там же. Д. 1313. Л. 51–52.
- 12 Там же. Д. 1257. Л. 50.
- 13 *Миц И. И.* История великого Октября. М., 1979. Т. 3. Триумфальное шествие Советской власти. С. 369.
- 14 Військова нарада в кабінеті генерального секретаря Порша дня 18 (5 ст. ст.) січня 1918 р. // Літопис Червоної Калини (Львів). 1937. № 5. С. 3.
- 15 *Сливинская М. А.* Мои воспоминания. С. 78.
- 16 Там же. С. 81.
- 17 *Скоропадський П. П.* Спогади. Київ; Філадельфія, 1995. С. 157.
- 18 Там же. С. 181–182.
- 19 *Сливинская М. А.* Мои воспоминания. С. 84.
- 20 Гетман П. П. Скоропадский. Украина на переломе. 1918 год. Сб. док. М., 2014. С. 85.
- 21 Там же. С. 85, 115, 121.
- 22 Там же. С. 451.
- 23 Там же. С. 479.
- 24 Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (ЦДАВОУ). Ф. 4547. Оп. 1. Д. 1. Л. 93–94. Оpubл. в: Гетман П. П. Скоропадский. Украина на переломе... С. 677.

- 25 ЦДАВОУ. Ф. 4547. Оп. 1. Д. 1. Л. 96; Гетман П. П. Скоропадский. Украина на переломе... С. 678.
- 26 ЦДАВОУ. Ф. 4547. Оп. 1. Д. 1. Л. 99; Гетман П. П. Скоропадский. Украина на переломе... С. 679.
- 27 *Омелянович-Павленко М.* Спогади командарма (1917–1920). Київ, 2007. С. 90.
- 28 *Петрів В.* Військово-історичні праці. Спомини. Київ, 2002. С. 363. Перевод наш.
- 29 Там же. С. 570.
- 30 *Греков А. П.* Переговоры украинской Директории с французским командованием в Одессе в 1919 году (1918 и 1919 гг. на Украине) // 3 архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ (Київ). 2004. № 1/2 (22/23). С. 143.
- 31 ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 606. Л. 17.
- 32 *Свечин М. А.* Записки старого генерала о былом. Ницца, 1964. С. 177.
- 33 Там же. С. 178–179.
- 34 *Врангель П. Н.* Воспоминания. Южный фронт (ноябрь 1916 г. – ноябрь 1920 г.). Ч. 1. М., 1992. С. 98–99.
- 35 ГАРФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 43. Л. 105об.
- 36 *Сливинская М. А.* Мои воспоминания. С. 87.
- 37 Украинская армия (беседа с начальником Генерального штаба) // Последние новости (Киев). 1918. № 5224. 05.10 (22.09). С. 3–4.
- 38 Беседа с начальником Генерального штаба // Последние новости. 1918. № 5232. 10.10 (27.09). С. 3.
- 39 Беседа с начальником Ген. штаба // Последние новости. 1918. № 5248. 20(07).10. С. 2.
- 40 Беседа с нач. Ген. штаба // Последние новости. 1918. № 5252. 23(10).10. С. 3.
- 41 Беседа с начальником Генерального штаба // Армия. Ежедневная военно-морская газета (Киев). 1918. № 6. 10.11. С. 1–2.
- 42 В Генеральном штабе // Армия. 1918. № 10. 15.11. С. 1.
- 43 Центральный государственный архив общественных организаций Украины (ЦДАГОУ). Ф. 269. Оп. 2. Д. 128. Л. 49.
- 44 В Генеральном штабе // Армия. 1918. № 11. 16.11. С. 3.
- 45 ЦДАГОУ. Ф. 269. Оп. 2. Д. 267. Л. 1.
- 46 ЦДАВОУ. Ф. 1077. Оп. 1. Д. 1. Л. 215.
- 47 *Сливинская М. А.* Мои воспоминания. С. 88.
- 48 Там же. С. 89.
- 49 Там же. С. 618.
- 50 Там же. С. 89.

- 51 Там же. С. 91.
52 Там же. С. 94.
53 Там же. С. 96.
54 Там же. С. 97.
55 Там же. С. 98–99.
56 РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 918. Л. 297; Там же. Д. 921. Л. 64об.
57 *Сливинская М. А.* Мои воспоминания. С. 105.
58 Там же. С. 111.
59 Процесс генерала Мирона Тарнавського в 1919 р. Вінніпег, 1976.
С. 19.
60 *Сливинская М. А.* Мои воспоминания. С. 119.
61 ГА РФ. Ф. Р-5982. Оп. 1. Д. 52. Л. 50.
62 Там же. Ф. Р-7518. Оп. 1. Д. 7. Л. 1.
63 Там же. Ф. Р-5945. Оп. 1. Д. 3. Л. 71.
64 Там же. Д. 14. Л. 31.
65 Там же. Л. 45.
66 *Сливинский А. В.* Конный бой 10-й кавалерийской дивизии. С. 3.
67 Там же. С. 28.
68 Там же. С. 54.
69 Бахметевский архив русской и восточноевропейской истории и культуры, Колумбийский университет. V. M. Pronin collection.

A. V. Ganin

The Chief of the Ukrainian Joint Staff A.V. Slivinskij

The article is based on Russian, Ukrainian, Polish and American archival data and traces the life and evolution of views of the Chief of Ukrainian General Staff in 1918 colonel A. V. Slivinskii.

Keywords: *General Staff, Ukrainian State, A. V. Slivinskii, Russian Civil war.*

Д. С. Парфирьев
(Москва)

Антипольское сотрудничество Литвы и УВО-ОУН в межвоенный период

В работе прослеживается развитие взаимодействия литовских военно-политических и государственных структур с украинскими националистическими организациями УВО и ОУН в начале 1920-х – конце 1930-х гг. Анализируются цели и характер взаимного сотрудничества, а также позиция Польши в связи с оказанием поддержки украинским националистам со стороны Литвы.

Ключевые слова: *Польша, Литва, украинский национализм, УВО, ОУН.*

В период между двумя мировыми войнами Польша и Литва балансировали на грани военного конфликта. Камнем преткновения в отношениях двух государств был вопрос принадлежности Вильнюса (Вильно) и Вильнюсского региона, с октября 1920 г. находившихся под контролем поляков. Литва не собиралась мириться с таким положением дел: потеряв Виленщину, власти страны разорвали все отношения с Польшей. Возвращение утерянных земель стало не только целью внешнеполитического курса Литвы, но едва ли не смыслом всего ее существования.

На пути к реализации плана по возвращению Виленщины в состав страны Литва не могла обойтись без союзников. Наряду с литовским и белорусским меньшинствами Вильнюсского региона, потенциальными союзниками Литвы в предстоящей войне с поляками были потерпевшие неудачу в борьбе за сохранение собственной государственности украинцы, чьи западные земли – Галиция и Волынь – вошли в состав Польши. Одним из ведущих эмигрантских объединений украинцев, имевшим к тому же значительный военный потенциал, была Украинская войсковая организация (УВО), созданная летом 1920 г. в Праге и возглавляемая полковником Е. Коновальцем.

УВО не меньше Литвы была заинтересована в союзниках, а особенно в финансовой поддержке своей деятельности, поэтому инициатива налаживания взаимных контактов исходила именно с ее стороны. В конце 1922 г. при посредничестве дипломатического агента правительства Западно-Украинской Народной Республики (ЗУНР)

в изгнании* Я. Олесницкого представителям организации удалось связаться с руководством парамилитарного объединения «Союз стрелков Литвы» (ССЛ), организационно и финансово зависевшего от литовских властей¹. За установление связей с литовцами взялся референт разведки Начальной команды УВО сотник О. Думин. Перед ним стояла задача убедить литовцев, что УВО располагает значительным вооруженным потенциалом и в любой момент может поднять восстание против Польши². Приехав в марте 1923 г. в Каунас, Думин не только вызвал доверие у руководителей «шаулисов» (в переводе с литовского – «стрелков»; так называли себя члены ССЛ), но и сумел навязать литовцам идею создания на белорусских землях Польши некоего аналога УВО. Было решено, что украинцы возьмут на себя организационную работу, а ССЛ обеспечит финансовую сторону вопроса³.

В процессе переговоров с участием представителей ССЛ, УВО, а также белорусских организаций созрел план «восстания покоренных Польшей народов», подразумевавший участие литовцев, белорусов и украинцев, проживавших в Польше⁴. Чтобы создать впечатление, что процесс выстраивания организационной сети на белорусских землях не стоит на месте, УВО отправила в Вильно своего представителя – предполагалось, видимо, что он организует там ячейку новой подпольной организации. Четыре месяца штаб ССЛ пребывал в уверенности, что работа в заданном направлении идет, но на деле никаких шагов УВО не предпринимала – человек, направленный в Вильно, все четыре месяца бездействовал, а затем и вовсе покинул город⁵. Впрочем, это не мешало руководству УВО готовиться к открытию в Литве собственного представительства. Роль резидента в Каунасе была отведена И. Ревюку (псевдоним «Бартович»), референту разведки Краевой команды УВО, в прошлом – военному австро-венгерской армии и Украинской галицкой армии⁶.

В конце 1924 г. литовцы выяснили, что УВО не выполнила свою часть договоренностей, и прекратили регулярное финансирование организации: несколько месяцев Литва ограничивалась выделением небольших сумм за предоставление информации по тем или иным вопросам⁷. Новый виток сотрудничества завязался в марте 1925 г.

* В августе 1920 г., спустя год после того, как польские части заняли территорию ЗУНР, в Вене было сформировано правительство ЗУНР в изгнании во главе с бывшим президентом республики Е. Петрушевичем. Оно просуществовало до мая 1923 г.

Тогда Е. Коновалец впервые сам приехал в Литву и лично принял участие в переговорах с представителями штаба ССЛ. Стороны решили учредить совместный совещательный орган для обсуждения «литовско-украинских вопросов», а также согласовали кандидатуру Ревюка-«Бартовича». Через него УВО должна была получать ежемесячные дотации в долларах США. Формально средства из бюджета ССЛ выделялись «Бартовичу» как «редактору изданий на иностранных языках»; в целях конспирации он был обеспечен литовскими документами на имя Йонаса Бартавичюса. Украинцы, в свою очередь, обязывались доставлять литовцам материалы и сведения, которые те не могли добыть самостоятельно⁸. Со слов О. Думина мы знаем о существовании некоего опросника, составленного сотрудниками литовской контрразведки. Думин отмечал, что литовцы интересовались «мелочами», в отличие от представителей немецкой разведки, ставивших перед УВО «слишком общие вопросы». Многие вопросы были связаны с Германией – вероятно, в Каунасе знали, что люди Коновальца контактируют с немецкой разведкой⁹. В целом же литовцы не только задавали конкретные вопросы, но и ставили вполне определенные задачи. Так, в 1925 г. некие «высокопоставленные чиновники» из Литвы обратились в данцигское представительство УВО с просьбой помочь в организации транспортировки в Клайпеду двух приобретенных в Германии подводных лодок. Это должно было произойти незаметно для поляков, и от украинцев требовалось выяснить, какие польские части располагаются в Гдыне¹⁰. К этому времени субсидирование украинцев вышло на первый план по сравнению с финансовой поддержкой белорусских и литовских организаций Польши – последним выплачивались меньшие средства, чем украинцам. Какая сумма предназначалась для УВО, точно неизвестно, но есть данные, что общая квота для литовских, белорусских и украинских организаций на 1927 г. в бюджете ССЛ составляла 1 млн долл. США¹¹.

С течением времени стало очевидным – концепция «восстания народов» против Польши потеряла актуальность, так как польское государство значительно укрепило свои дипломатические позиции и военный потенциал. В этой связи власти Литвы приняли решение перевести сотрудничество с УВО в иную плоскость. Теперь целью финансирования деятельности организации стало поддержание нестабильной обстановки на юго-восточных землях Польши. Для обеспечения надежной конспирации в Каунасе было создано «Литовско-украинское общество» (ЛУО). 20 января 1928 г. в зале торжеств ССЛ

прошло первое общее собрание членов ЛУО. На нем был утвержден устав, а также избрано правление общества в составе: Р. Скипитис, М. Биржишка, В. Креве-Мицкявичюс, Й. Бартавичюс, В. Даудзвардас. Состав правления до конца оставался практически неизменным – только 21 февраля 1929 г. место Креве-Мицкявичюса занял Ю. Пурицкис¹². Формально общество нацелилось на «восстановление старых традиций, знакомство и сближение на культурном и просветительском поле, взаимное познание, налаживание дружеских отношений»¹³. Своих антипольских настроений члены ЛУО не скрывали с самого начала, тем более что один из руководителей общества, М. Биржишка, по совместительству возглавлял реваншистски настроенную организацию «Союз освобождения Вильнюса» (СОВ). 7 марта 1928 г. ЛУО взяло на вооружение план действий, предложенный Ю. Пурицкисом, который гласил: «Литовско-украинское общество было основано не только лишь для того, чтобы познакомить два мало знающих друг о друге народа... Сегодня оба народа связывает, прежде всего общий враг – поляки, которые временно захватили литовские и украинские земли...»¹⁴

За деятельностью ЛУО, безусловно, стояло руководство «шаулисов». Среди первых лиц общества не было ни одного человека, который не имел бы непосредственного отношения к деятельности ССЛ. Профессора Каунасского университета Биржишка и Креве-Мицкявичюс с 1922 г. были членами Центрального бюро ССЛ, а Креве-Мицкявичюс несколько позднее и вовсе стал председателем Центрального бюро¹⁵. Пурицкис, бывший министр иностранных дел, в ССЛ никогда не состоял, но оказывал большое влияние на идеологию «шаулисов» и часто публиковался в печатном органе ССЛ – газете «Тримитас»¹⁶. Л. Вайленис и Р. Скипитис были членами Центрального бюро ССЛ и в разное время занимали пост ответственного редактора «Тримитаса»¹⁷. В. Даудзвардас в первой половине 1920-х гг. возглавлял Информационное бюро ССЛ – подразделение, выявлявшее по всей стране лиц, занимающихся «антиправительственной деятельностью»¹⁸.

ЛУО развернула активную пропагандистскую деятельность: члены общества выступали с лекциями, организовывали концерты и митинги. События за кулисами «литовско-украинской дружбы» развивались не менее стремительно. В апреле 1928 г. на встрече в Берлине представители УВО и Ю. Пурицкис договорились, что украинцы будут передавать литовцам сведения о военно-политических планах Польши и передвижении польских частей в приграничной зоне¹⁹. В

мае того же года Коновалец и его ближайший соратник В. Мартынец прибыли в Каунас. Здесь они не только приняли участие в праздничных мероприятиях по случаю юбилея независимости Литвы, но и провели встречи с Пурицкисом и Биржишкой, в ходе которых обсудили вопросы печати органа УВО «Сурма» (в том же году типография издания перебралась из Берлина в Каунас), деятельности ЛУО, а также дальнейшего финансирования²⁰.

Как литовские власти старались отмежеваться от УВО, финансируя ее деятельность не напрямую, а посредством ССЛ, так и украинские националисты пытались вуалировать свои связи с литовцами. В статье «Несколько дней в Литве», которую Мартынец написал для журнала «Розбудова нации», не называлось никаких имен, а сам автор выступал под псевдонимом²¹. Инструктируя другого своего соратника, собиравшегося писать пропагандистскую статью о Литве, Коновалец советовал подчеркнуть, что у Литвы в настоящий момент слишком много проблем для активизации поддержки УВО, которая осложнила бы ее международное положение²². В начале 1930-х гг. в ОУН существовала установка, в соответствии с которой рядовые члены организации не должны были знать о ее финансировании из-за рубежа, а именно со стороны Германии и Литвы, – так, во всяком случае, отмечалось в одной из сводок польского МВД²³.

Создание в январе 1929 г. Организации украинских националистов (ОУН), которая быстро оттеснила УВО на второй план и по сути дела пришла ей на смену, не повлияло на развитие сотрудничества с литовцами. В 1930 г. представители ССЛ и аффилированных организаций (СОВ, ЛУО) публично подвергали критике проводимую польскими властями политику «пацификации», осуждая «варварства ляхов» на Западной Украине, выступали на эту тему на радио и в печати и даже обращались с протестом против «пацификации» в Лигу Наций²⁴. Украинские националисты продолжали получать финансовую поддержку, а также стали активно пользоваться литовскими визами и паспортами. Паспорта граждан Литвы, помимо Ревюка-«Бартовича» и самого Коновальца, имели Р. Сушко и Е. Сенник. В документе Сушко, ко всему прочему, было указано, что он является советником МВД Литвы²⁵. По направленности своей сотрудничество между Литвой и ОУН продолжало оставаться антипольским – во всяком случае, в конце 1932 г. именно так утверждал один из каунасских оуновцев в частной беседе с единомышленником²⁶.

Широкой огласке факт поддержки Литвой «украинских террористов» был предан в ноябре 1935 г. Ключевую роль в этом сыгра-

ло попадание в руки польских властей материалов так называемого «архива Сеника», обширного комплекса документов ОУН, изъятого чехословацкими пограничниками. Польше стало известно практически все о связях украинских националистов с Литвой последних лет, в том числе и то, что в конце 1932 г. в Женеве Коновалец имел личную встречу с тогдашним главой МИД Литвы Д. Заунюсом. Материалы, касающиеся оуновско-литовских связей, были присовокуплены к делу об убийстве Б. Перацкого*, застреленного боевиком ОУН 15 июня 1934 г.

В обвинительном акте по делу об убийстве Перацкого данные о поддержке ОУН со стороны Литвы были включены в отдельную главу. В конце ноября содержание акта было предано огласке. Газета «Курьер Поранный» несколько дней подряд публиковала фотографии наиболее компрометирующих документов в натуральную величину – в распоряжении поляков, помимо материалов «архива Сеника», имелся целый ряд фотоснимков паспортов и переписки, предоставленных швейцарскими и американскими властями²⁷. О сотрудничестве ОУН с правящими кругами других государств в акте обвинения умалчивалось, хотя в распоряжении польского правительства, как отмечалось в одной из польских дипломатических депеш, имелись «материалы, компрометирующие ее не меньше, чем Литву»²⁸. В другом донесении того времени прямо говорилось, что масштабная кампания по разоблачению литовской поддержки «украинских террористов» была одним из средств польского «нажима» на Литву с целью восстановления двусторонних отношений с Польшей²⁹. 21 ноября 1935 г. МИД Литвы публично заявил, что литовские власти никогда не оказывали поддержку ОУН ни финансово, ни посредством выдачи паспортов или виз; что на территории Литвы нет представительства ОУН, а есть только Украинско-литовское общество. Большой резонанс вызвало заявление экс-министра Заунюса: 2 декабря в интервью газете «Сегодня» бывший министр признал, что действительно обсуждал с Коновальцем украинский вопрос, хотя и с оговоркой, что делал это как частное лицо³⁰.

Решительные шаги со стороны Польши вызвали беспокойство в Каунасе. В феврале 1936 г. новый глава МИД Литвы С. Лозорайтис

* Бронислав Перацкий – министр внутренних дел Польши в 1931–1934 гг. Группа членов ОУН, причастных к убийству Перацкого, предстала перед судом на так называемом «Варшавском процессе», проходившем в ноябре 1935 – январе 1936 г. Трех подсудимых, включая С. Бандеру, приговорили к смертной казни, но позднее помиловали.

через посла в Чехословакии Тураускаса поинтересовался содержанием документов, на основании которых Польша обвиняла его предшественника в поддержке «украинских террористов»³¹. Тураускасу дали ознакомиться с оригиналами документов, а в чехословацкое посольство в Каунасе отправили информацию о материалах «архива» для демонстрации Лозорайтису³². Литовский дипломат попросил представителей МИД Чехословакии оповестить его на случай, если появятся новые сведения о контактах Заунюса с Коновальцем или же если документы, где упоминается Литва, попадут в руки поляков – в Каунасе хотели быть готовыми к возможным эксцессам³³.

Страх перед эскалацией конфликта с Польшей заставил литовские власти минимизировать свои контакты с украинскими националистами. Резидентура ОУН в Каунасе прекратила свое существование, «Бартович» уехал в Германию. Финансирование ОУН литовцы, впрочем, не прекратили – просто теперь средства передавались по другим каналам – например, на территории литовских дипмиссий в странах Европы. Так, в 1937 г. в литовском консульстве в Париже секретарь Коновальца А. Бойкив под расписку получил от курьера из Литвы 2,5 тыс. долл. США. По словам Бойкива, такие выплаты осуществлялись неоднократно³⁴. Из 126 282 долл., составлявших бюджет ОУН на 1936–1937 гг., 30 тыс. было прислано из Литвы³⁵.

Польша извлекла немалую выгоду из ситуации: тот факт, что Литва была замечена в поддержке «украинских террористов», давал польским властям широкие возможности в обсуждении перспектив выстраивания отношений между двумя странами. В августе 1937 г. польский посол в Риге Ф. Харват, беседуя с генеральным секретарем Лиги Наций Л. Авенолем, легко опроверг все аргументы в пользу того, что сделать первый шаг к примирению должна Польша. Он обратил внимание, что Литва, вопреки миролюбивым устремлениям польской стороны, развернула против Польши «...непрестанную диверсионную акцию, которая ведется не только ее собственными силами, но и путем оказания покровительства диверсионным тенденциям других национальностей»³⁶.

В марте 1938 г. Польша, воспользовавшись кризисной ситуацией в Европе, в ультимативной форме потребовала от Литвы восстановления дипломатических отношений. Литовские власти были вынуждены принять требования. Вероятно, тот факт, что в недавнем прошлом Литва была уличена в связях с украинскими националистами и поляки могли использовать это как повод для эскалации конфликта, сыграл в выработке решения не последнюю роль. Принятие польско-

го ультиматума фактически ставило крест на любом взаимодействии с ОУН. Закрепила свершившийся разрыв внезапная гибель 23 мая 1938 г. Е. Коновальца, без личных связей которого сотрудничество с Литвой в любом случае было бы почти невозможным. Таким образом, антипольское сотрудничество ОУН и Литвы прекратилось за полтора года до того, как в октябре 1939 г. их общий враг – Польша – исчез с карты Европы.

Взаимодействие УВО-ОУН и Литвы в межвоенный период от начала и до конца имело очевидную антипольскую направленность – менялись лишь цели и задачи сотрудничества. Если первое время в Каунасе рассчитывали привлечь украинские формирования к участию в вооруженном выступлении против Польши, то к 1928 г., когда иллюзии по поводу совместной борьбы с Польшей рассеялись, литовцы решили поддерживать деятельность украинских националистов как фактор дестабилизации внутреннего положения польского государства, помогая им финансово, пропагандистски и дипломатически. Власти Литвы максимально дистанцировались от прямых контактов с представителями УВО-ОУН: все связующие нити были сосредоточены в руках организации «Союз стрелков Литвы», формально независимой от государства. Неизвестно, как развивалось бы литовско-оуновское сотрудничество, не попади в распоряжение поляков компрометирующие Литву материалы. Обнародовав сведения о литовской поддержке «украинских террористов», Польша получила важный козырь в дальнейшем дипломатическом противостоянии с прибалтийским государством, а Литва, в свою очередь, была вынуждена взять курс на прекращение контактов с украинскими националистами.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Кентій А. В.* Українська військова організація (УВО) в 1920–1928 рр. Київ, 1998. С. 53; *Балкеліс Т.* Граждане становятся солдатами: военизированные движения в Прибалтике после Первой мировой войны // Война во время мира: Военизированные конфликты после Первой мировой войны. 1917–1923. М., 2014. С. 230, 235, 240.

2 *Dumin O.* Prawda o Ukraińskiej organizacji wojskowej // *Zeszyty historyczne.* Paryż, 1974. Z. 30. S. 108.

3 *Ibid.*

4 *Kosel B.* Litewski plan oswobodzenia Wilna z rąk polskich // *Studia Podlaskie.* Białystok, 2013. T. XXI. S. 336.

- 5 *Dumin O.* Prawda o Ukraińskiej organizacji wojskowej. S. 108.
- 6 *Книш З.* Власним руслом. Торонто, 1966. С. 21, 37.
- 7 *Dumin O.* Prawda o Ukraińskiej organizacji wojskowej. S. 108–109, 111.
- 8 Выдержки из дневника О. Думина. Цит. по: *Андриянов В., Москаленко А.* Полюнь чужбины. М., 1987. С. 138.
- 9 Там же. С. 141–142.
- 10 *Мартинець В.* Українське підпілля. Від У.В.О. до О.У.Н. Вінніпег, 1949. С. 274–275; *Кучерук О.* Останній паспорт Євгена Коновальця (до генези українсько-литовських стосунків між двома світовими війнами) // Пам'ять століть. 2000. № 5. С. 59–60.
- 11 *Kosel B.* Litewski plan... S. 339.
- 12 Iš lietuvių-ukrainiečių draugijos gyvenimo // *Lietuvių-Ukrainiečių Draugijos Žinios.* 1932. № 2. P. 10, 12.
- 13 Сурма. 1928, січень. С. 8.
- 14 Iš lietuvių-ukrainiečių draugijos gyvenimo. P. 10.
- 15 *Matusas J.* Lietuvos šauliu sąjungos istorija. Vilnius, 1992. P. 173.
- 16 *Vanevičius A.* 111 lietuvos valstybės 1918–1940 politikos veikėjų. Vilnius, 1991. P. 104.
- 17 *Matusas J.* Lietuvos šauliu sąjungos istorija. P. 88, 170, 173–174, 176.
- 18 Ibid. P. 51, 93.
- 19 *Кучерук О.* Останній паспорт... С. 61.
- 20 *Мартинець В.* Українське підпілля... С. 263–265.
- 21 *А. В. [Мартинець В.]* Кілька днів у Литві // Розбудова нації. 1928, червень. С. 258–260.
- 22 Лист голови Проводу ОУН Є. Коновальця члену ПРУН О. Сенику-Грибовському. 3 липня 1930 р. // Є. Коновалець. «Я б'ю в дзвін, щоб зрушити справу ОУН з мертвої точки...» Невідомі документи Організації Українських Націоналістів. Рік 1930. Київ, 2003. С. 223.
- 23 Archiwum Akt Nowych (AAN). Ministerstwo Spraw Wewnętrznych (MSW). Sygn. 1040. K. 66.
- 24 Сурма. 1931, січень. С. 8.
- 25 Варшавський акт обвинувачення Степана Бандери та товаришів / Упор. М. Посівнич. Львів, 2005. С. 101.
- 26 AAN.MSW. Sygn. 1040. K. 114.
- 27 Подборка сообщений польских диппредставительств в европейских странах // Секреты польской политики. Сборник документов (1935–1945) / Сост. Л. Ф. Соцков. М., 2009. С. 111.
- 28 Там же. С. 98.
- 29 Там же. С. 110–111.

30 *Муравський В.* Документи міністерства закордонних справ Чехословаччини про так званій «Архів Сеника» // Український визвольний рух. 2006. Зб. 6. С. 29.

31 Там же. С. 20.

32 Там же. С. 26.

33 Там же. С. 29.

34 *Бойків О.* Моя співпраця з полковником // Євген Коновалець та його доба. Мюнхен, 1974. С. 648.

35 *Веденєєв Д. В., Биструхін Г. С.* Меч і тризуб. Розвідка і контррозвідка руху українських націоналістів та УПА. 1920–1945. Київ, 2006. С. 111.

36 Информационное сообщение польского посольства в Риге в МИД // Секреты польской политики... С. 196–197.

D. S. Parfiriev

Anti-Polish Co-operation of the UVO-OUN and Lithuania
during the Inter-War Period

This article conveys the development of cooperation between Lithuanian military-political and government bodies and Ukrainian nationalist organisations UMO and OUN from the early 1920s to the late 1930s. The paper analyses the aims and the character of collaboration and the position of Poland as regards to the Ukrainian nationalists being supported by the Lithuanian side.

Keywords: *Poland, Lithuania, Ukrainian nationalism, UMO, OUN.*

М. В. Ковалев
(Саратов)

Русско-турецкая война 1877–1878 гг. в исторической памяти русской эмиграции¹

Статья посвящена феномену отражения русско-турецкой войны 1877–1878 гг. в исторической памяти русской эмиграции. В статье анализируются основные памятные ритуалы и церемонии и выявляется их культурный смысл. Делается вывод, что мемориализация русско-турецкой войны была связана как с устоявшейся традицией, так и со спецификой эмигрантской идентичности.

Ключевые слова: *русско-турецкая война 1877–1878 гг., историческая память, Россия, Болгария, София, Прага, Париж, русская эмиграция, мемуаристика, памятные ритуалы, идентичность.*

Для русской эмиграции 1920–1930-х гг. исторические праздники служили одним из способов сохранения идентичности вдали от Родины. Различные коммеморативные практики, приуроченные к знаменательным датам, должны были способствовать сохранению целостной культурной традиции. Диаспора нуждалась не просто в памятных церемониях и ритуалах, но в символическом выражении того, что даже на чужбине российская культура, национальные традиции и язык продолжают жить². В обращении к своим соотечественникам за рубежом в 1926 г. историк Е. Ф. Шмурло отмечал, что подобные торжества должны стать для эмигрантов напоминанием о великом прошлом и о великих духовных ценностях, созданных творческой работой предшествовавших поколений и ставших неотъемлемым достоянием русского народа³. В более широком смысле, они должны были служить важным механизмом сохранения и передачи исторической памяти. Празднование памятных дат, чествование великих людей приобрело в Зарубежной России широкий размах. Среди множества юбилеев и празднеств важное место занимали памятные даты славянской истории, что легко объяснить не только культурной традицией, но и высокой концентрацией эмигрантов в славянских странах, их поддержкой местными политическими и общественными кругами.

В конце 1920-х гг. славянский мир отмечал 50-летие русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Главным центром торжеств была Болга-

рия. Русская диаспора там с особым чувством восприняла юбилей, неразрывно связавший судьбы Родины и приютившей их страны. В марте 1928 г. на торжественном вечере в театре «Роял» в честь годовщины освобождения профессор международного права Софийского университета П. М. Богаевский (1866–1929) выступил от лица эмигрантов с проникновенной речью, которую слушал и присутствовавший там царь Борис III⁴. Особый статус празднествам придавали престарелые русские ветераны. Они «участвовали в торжествах 3 марта [1927 г.] и делились своими воспоминаниями на встречах с учащейся молодежью... они были почетными гостями на местных и национальных торжествах во многих городах страны»⁵. Еще в 1923 г. в Софии группа русских ветеранов в составе генералов А. А. Смагина, Г. Э. Берхмана, М. Р. Ерофеева и майора И. Н. Николаева выступила с инициативой образовать специальную общественную организацию. Так было положено начало Союзу русских ветеранов Русско-турецкой войны в Болгарии, устав которого был официально утвержден 1 декабря 1923 г. Министерством внутренних дел и народного здравоохранения⁶. Союз этот просуществовал до 1950 г.

В феврале 1922 г. согласно специальному постановлению Совета министров Болгарии была образована Центральная комиссия по оказанию помощи проживающим в Болгарии русским и болгарским участникам войны 1877–1878 гг. при Министерстве иностранных дел и вероисповеданий. Г. Рупчева установила, что эта комиссия уже в первые годы существования собрала для поддержки ветеранов значительные денежные суммы. Только в 1923 г. они превысили 800.000 левов, четверть из которых была передана болгарским ополченцам, а остальное – русским эмигрантам⁷. С 1924 по 1927 г. постановлениями Народного собрания и соответствующими царскими указами участниками Освободительной войны было признано 59 человек (среди них генералы, офицеры, солдаты и две медицинских сестры)⁸. По решению Народного собрания от 2 июля 1924 г. 52 русским ветеранам было пожизненно предоставлено пособие в 1000 левов, вскоре увеличенное вдвое. Некоторые из них в канун 50-летия войны были удостоены высшего болгарского ордена «За храбрость» (С. В. Жуков, Л. С. Крестовский, В. К. Манштейн, А. Ф. Селецкий, А. А. Смагин, А. В. Фок и др.)⁹.

Юбилейные торжества растянулись на год и нашли выражение в различных ритуалах и церемониях. Места боевой славы у Шипки и Плевны стали объектами паломничеств и экскурсий. В православных храмах служили панихиды в память павших воинов. В русской

эмигрантской и зарубежной славянской прессе появились десятки мемориальных статей и заметок, публиковались юбилейные брошюры и книги. Эмигранты организовывали памятные вечера, собрания, публичные лекции. Порой эти мероприятия растягивались на длительное время. К примеру, в Париже в Институте славянских исследований (Institut d'Études Slaves) на протяжении 1927–1928 гг. генерал-лейтенант Арсений Анатольевич Гулевич (1866–1947) прочел серию лекций о Восточном вопросе и русско-турецкой войне 1877–1878 гг.¹⁰

В Праге, которая была интеллектуальным центром Зарубежной России, празднества приобрели широкий размах. Их отличительной чертой было широкое участие как русских, так и чешских общественных организаций. Интересно, что с чешской стороны одним из главных участников юбилейных торжеств был писатель Йозеф Голечек (1853–1929), который в 1870-х гг. освещал события на Балканах в качестве корреспондента газеты «Národní listy»¹¹. 24 апреля 1927 г. в пражском храме Святого Николая представители русской диаспоры собрались на панихиду в память погибших. Она положила начало мемориальным мероприятиям, продлившимся до весны 1928 г. На следующий день центр торжеств переместился в Национальный музей на Вацлавской площади, где при участии представителей правительства Чехословакии, а также деятелей науки и культуры состоялось специальное собрание¹². По случаю годовщины начала войны, 3 мая 1927 г., было организовано торжественное заседание Русского исторического общества, на котором со вступительным словом «Общая характеристика русско-турецкой войны 1877–1878 гг.» выступил его председатель Е. Ф. Шмурло. Кроме него доклады прочли А. В. Флоровский («Об общественном движении в эпоху освободительной войны»), М. А. Иностранцев («Об отношении политики и стратегии к тактике в русско-турецкую войну 1877–1878 гг.»), Е. Ф. Максимович («Международное положение ко времени начала русско-турецкой войны 1877–1878 гг.»)¹³. Другим местом памятных мероприятий был Русский народный университет. Там состоялся тематический вечер, который открыл вступительным словом ректор профессор М. М. Новиков. Затем с большим докладом «Русско-турецкая война 1877–1878 гг.» выступил генерал М. А. Иностранцев. Завершили вечер воспоминания Вас. И. Немировича-Данченко. Профессор А. В. Флоровский 1 марта 1928 г. выступил с докладом «Война 1877–1878 гг. и Ф. М. Достоевский» в Семинарии по изучению Ф. М. Достоевского. Вслед за ним, 11 марта, профессор И. И. Лаппо

прочел для 60 слушателей выездную лекцию «Русско-турецкая война 1877–1878 гг.» в городе Писеке¹⁴.

Непременным участником пражских торжеств был Василий Иванович Немирович-Данченко (1848–1936), один из первых русских военных корреспондентов, непосредственный участник войны. Он пользовался довольно большим авторитетом, к нему с уважением относился сам президент Т. Масарик, который регулярно оказывал ему материальную помощь. Благодаря поддержке его книги в 1920–1930-х гг. многократно переиздавались на русском и чешском языках, например романы о русско-турецкой войне: «Гроза» (1879), «Вперед» (1883), «Семья богатырей» (1888), «Боевая голгофа» (1911) и др. Выступление Немировича-Данченко перед пражской аудиторией в апреле 1927 г. было наполнено патриотическим пафосом, который хорошо подчеркивали упоминания в его речи «северных богатырей», «священных теней старых бойцов», «чутких душ» с их «жаждой жертвенного подвига», могил русских героев, ставших «колыбелями свободы, равенства, братства и культуры»¹⁵. Войну 1877–1878 гг. он считал событием величайшей нравственной силы, ибо ее целью было бескорыстное освобождение братских народов от турецкого ига. Теперь же сама Россия находилась под игом. Но писатель верил, что эту Голгофу она сможет перестрадать: «Крестный ход ее не вечен, и мы верим, что уже не далек тот час, когда торжественный гул московских колоколов возвестит миру ее светлое воскресение. И в эти счастливые дни встанут перед нею гигантские тени ее балканских витязей – бессмертные богатыри и вожди Скобелев, Гурко, Радецкий, Драгомиров, Черняев и сотни тысяч Горталовых, Калистиных и других безвестных героев...»¹⁶ Схожим настроением были проникнуты и небольшие по объему воспоминания Вас. И. Немировича-Данченко, опубликованные в болгарском журнале «Славянский голос». В них он описывал посещение старых боевых позиций под Шипкой, которое навеяло ему ностальгические чувства. Перед глазами читателя – поле прежних сражений, «мирная идиллия трагического прошлого»¹⁷. Так образы прошлого получали современное звучание и наделялись объединительными функциями. Не случайно Немирович-Данченко говорил о необходимости передачи потомкам «благородной памяти» и о сохранении реликвий, которые должны были напоминать о героическом прошлом российского народа и вселять надежды на его скорое возрождение.

Правда, юбилей балканской войны не обошелся без идейных противоречий и мемориальных конфликтов. На собрании в Праж-

ском магистрате чешский профессор Иржи Горак заявил, что, несмотря на героизм русских солдат, война с Турцией оказалась бы проигранной из-за бездарности русских генералов, если бы на помощь им не пришли болгарские ополченцы. Южные славяне находились под влиянием чешских «будителей», которые своим идейным влиянием воспитали поколение болгарских патриотов. Русские эмигранты болезненно восприняли выступление чешского коллеги, они уходили с собрания уязвленными, подавленными и глубоко потрясенными¹⁸.

Интересно, что в то же время русские ученые в своих работах доказывали, что чешское общество во второй половине XIX в. восторженно встретило весть об освобождении русскими балканских славян¹⁹. Академик В. А. Францев, опираясь на представления о вечной вражде между славянским и романо-германским миром, отмечал, что «для трезвого и меркантильно расчетливого Запада порыв русского народа мог быть, пожалуй, проявлением донкихотства, но для всего славянства Россия была великим идеалистом, проявившим высочайшую степень христианского альтруизма и подлинного рыцарства, положившим душу свою за други своя...» Поэтому освободительная миссия России виделась ему не просто «евангельски-бескорыстным проявлением любви и братства», но самым ярким выражением подлинной русской души²⁰.

Война, вызвавшая некогда небывалый патриотический подъем в обществе, образы героев Шипки и Плевны, генерала М. Д. Скобелева, мечты о славянской взаимности по-прежнему волновали умы множества россиян. Война воспринималась и как общеславянское «место памяти». Эти настроения, к примеру, хорошо отражает статья профессора М. Г. Попруженко 1928 г., в которой он охарактеризовал основные этапы российско-болгарских отношений от Средневековья до XX века. Освободительная война 1877–1878 гг. служит для него высшей точкой в развитии этих связей, закономерным итогом всего предшествующего исторического пути двух стран. Она продемонстрировала, как «братская любовь» и сочувствие русского народа вместе с русским оружием «отвоевали историческое право на свободу и возрождение национального самосознания болгар»²¹. Героическое прошлое должно было утвердить эмигрантов в мысли, что переживаемые в настоящий момент их Родиной испытания не вечны и что она, как и прежде, сможет возродиться²².

Празднование 50-летия русско-турецкой войны было отмечено выходом в свет нескольких международных научных сборников, ав-

торами которых были и эмигранты, и их зарубежные коллеги. Первое подобное издание под заглавием «Россия в борьбе за освобождение балканских славян в 1877–1878 гг.» было напечатано на чешском языке в Праге летом 1927 г. Публикация на чешском свидетельствовала о том, что книга изначально была ориентирована на иностранного читателя, и именно в расчете на него писались все статьи.

Сборник открывался введением, написанным Е. Ф. Шмурло. В нем он говорил об осознании русским народом своей священной роли и высоких заветов по защите православного мира²³. Для него был важен не столько славянский мессианизм, сколько идея противостояния азиатским началам, которые ассоциировались для него с жестокостью, произволом, угнетением. Отсюда и глубокое сочувствие к исторической жертвенности как русских под монгольским игом, так и болгар и сербов, томившихся под турецким господством. Взгляды Е. Ф. Шмурло вполне укладывались в рамки колониального имперского дискурса. Не случайно историк говорил об огромной цивилизаторской роли России во время покорения Средней Азии и во время «грандиозной борьбы с мусульманским полумесяцем» на Балканах²⁴. Е. Ф. Максимович, специально занимавшийся изучением российской военной истории, посвятил свой очерк дипломатической ситуации накануне войны и ее внешнеполитическим последствиям. Он хорошо обрисовал расстановку сил в Европе, показал достижения и просчеты российских дипломатов и покритиковал европейское лицемерие по отношению к России и славянству. Впрочем, для всех русских авторов такая критика стала почти обязательной²⁵. Не будем отрицать, что европейское общественное мнение и политические круги в 1877–1878 гг. в самом деле были враждебно настроены к усилению России на Балканах. Но для чего эмигрантам через полвека после Освободительной войны потребовались обязательные обвинения в адрес Запада? Причина, думается, отражала в себе пережитые события недавнего прошлого. Первая мировая война пробудила к жизни эсхатологические настроения, заронила в сознание многих мысль о скорой гибели западной цивилизации. В эмигрантских кругах также происходило определенное переосмысление роли Запада, наблюдалось разочарование в европейских ценностях, породивших не только мировую бойню, но и марксизм, под знаменем которого к власти в России пришли большевики. К тому же в массовом сознании изгнанников существовала определенного рода озлобленность на западные державы за то, что они не пришли на помощь в борьбе с большевиками²⁶. На этой почве рождались представления об истори-

чески сложившемся западном лицемерии и вероломстве по отношению к России. В славянстве же, напротив, попытались найти культурную и политическую опору. Это было связано с верой в будущее славянских государств Европы и с тем, что именно эти страны оказали эмигрантам из России большую поддержку. Поэтому для того же Е. Ф. Максимовича было важно найти в прошлом общеславянские «места памяти»²⁷. Статья А. В. Флоровского была посвящена русско-му общественному мнению в преддверии Освободительной войны²⁸. В ней он проанализировал взгляды И. С. Аксакова, М. Н. Каткова, П. А. Вяземского, М. П. Драгоманова, Ф. М. Достоевского и других видных интеллектуалов на славянский вопрос. В освобождении Болгарии он видел продолжение укоренившейся традиции, отвечавшей «единодушно царившему в русских общественных кругах сочувствию к “вековым страданиям” болгарского народа»²⁹. Вместе с тем сам А. Ф. Флоровский не был проникнут славянофильскими настроениями, что позволяло ему критически оценивать исторические реалии. Поэтому в своей статье он говорил о том, что идея освободительного похода на Балканы встречала воодушевление отнюдь не у всех современников. Ярким выражением такой позиции он считал известный спор Левина со своим братом Сергеем Ивановичем на страницах толстовской «Анны Карениной»³⁰. Однако сама война выполнила объединительные функции. А. В. Флоровский отмечал, что в 1877–1878 гг. русское общество не было охвачено пораженческими мотивами, в отличие от времен Первой мировой. Война во многом направлялась общественным мнением, ее объявление произошло под непосредственным давлением общества, и самые разные круги желали победы. События 1877–1878 гг., с точки зрения А. В. Флоровского, оказались освященными «высокими и альтруистическими целями» и явились ярким проявлением «гуманного славянского служения России»³¹. К слову сказать, в другой юбилейной статье, опубликованной еще в 1927 г., ученый сравнил значение Освободительной войны 1877–1878 гг. со значением Отечественной войны 1812 г., поставив их в один ряд³². Генерал М. А. Иностранцев подготовил для сборника очерк боевых действий русской армии на Балканах. Он воздал должное талантам И. В. Гурко, М. Д. Скобелева, Э. А. Тотлебена и др., но при этом сдержанно оценивал верховное командование³³. В заключительной статье приват-доцент Б. А. Евреинов задавался вопросом о последствиях освобождения для внутреннего развития Болгарии. Его внимание привлек вопрос о русской оккупационной администрации и ее вкладе в формирование новых органов управле-

ния. Он подчеркивал, что русские не только освободили страну, но и обучили армию, заложили основы управления³⁴.

Другой примечательный сборник, «Празднование Освободительной войны 1877–1878 гг.», был подготовлен совместными усилиями русских и болгарских интеллектуалов. С болгарской стороны в нем приняли участие такие известные ученые, как С. С. Бобчев и В. Н. Златарски. Из числа русских историков свои исследования опубликовали А. А. Кизеветтер, В. А. Францев, А. В. Флоровский, И. И. Лаппо, П. М. Бицилли, П. М. Богаевский, М. Г. Попруженко, В. П. Никольский. От пражского издания сборник отличался более широким тематическим охватом. Авторы не ограничивали себя лишь событиями 1870-х гг. Для них было важно проанализировать истоки освободительной идеологии и практики, показать основные вехи российско-болгарских отношений. Именно поэтому в сборнике появились статьи А. А. Кизеветтера о взаимоотношениях России с южными славянами в XIV–XVIII вв., П. М. Богаевского – о Кючук-Кайнарджийском мире, В. А. Францева – об истории российского славяноведения и т. д. Отметим, что если для авторов чешского сборника было важно обрисовать основные вехи самой войны 1877–1878 гг., то для авторов болгарского сборника более важными казались проблемы славянской идеологии и истоков русской освободительной политики на Балканах. Так, А. А. Кизеветтер обзорно рассмотрел важнейшие моменты взаимоотношений России с южным славянством в XIV–XVII вв. Он обратил внимание на южнославянские влияния при формировании мессианской идеи «Москва – Третий Рим», пропитанной мыслью о духовном единстве всех славян. С этого момента, по мнению автора, московское правительство прониклось «сознанием своей нравственной обязанности сделать все для облегчения тяжелой доли тех православных людей, которые томятся под турецким игом»³⁵. Статья профессора И. И. Лаппо касалась славянского вопроса в царствование Петра I. Внимание историка привлекли многочисленные памятники южнославянской литературы, в которых прославлялась Россия и царь-реформатор. И. И. Лаппо подчеркивал, что в годы правления Петра Великого Россия стала для южных славян «опорой в деле сохранения ими своей национальности, а также источником их образованности»³⁶. Уже неоднократно упоминавшийся В. А. Францев посвятил свою статью становлению российского славяноведения в конце XVIII – начале XIX в. Он отметил значительную роль путешествий русских в славянские земли в развитии науки, а также в завязывании личных контактов между российскими

учеными и апостолами славянского возрождения: Й. Добровским, П. Шафариком, Ф. Челаковским, С. Стратимировичем, В. Караджичем³⁷. А. В. Флоровский рассмотрел историю болгарской эмиграции в Россию в царствование Александра I и проанализировал проекты решения южнославянского вопроса (великосербский проект Стефана Стратимировича, балканско-славянское царство В. Н. Каразина, славянская федерация (точнее – балканская федерация) А. Чарторьского и др.). А. В. Флоровский полагал, что южнославянский вопрос во внешней политике Александра I «был лишь одним из слагаемых, часто отступавших на заднее место перед лицом других проблем и заданий времени»³⁸. В этом кроется разгадка того, что ни один из выдвинутых проектов так и не нашел воплощения в жизнь. Вторжение Наполеона ознаменовало переключение отечественной дипломатии на другие направления, но судьбы южных славян по-прежнему продолжали волновать русское общество. Этот интерес уже вскоре выразился как в деятельности «Общества соединенных славян», так и в активизации балканской политики при Николае I.

Активное участие в праздновании юбилея принимали военные круги эмиграции, для которых события 1877–1878 гг. были важной частью корпоративной памяти и идентичности. Именно офицеры-эмигранты нередко выступали организаторами мемориальных мероприятий. В Париже 11 июня 1927 г. со специальной лекцией выступил генерал-майор Константин Иванович Сычев (1870–1935). В его понимании война носила характер крестового похода, в основе которого лежала освободительная идея, разделяемая в России абсолютно всеми – и царем, и крестьянином. Поэтому, с точки зрения генерала, на события 1877–1878 гг. нельзя смотреть с общепринятой сугубо военной позиции, в них нужно видеть духовную составляющую³⁹. В своей речи автор четко определял цель и непосредственные задачи войны. Он подробно рассказывал о переправе русских войск через Дунай, о летнем походе генерала И. В. Гурко, о Шипкинском сражении. Но главное место было отведено событиям вокруг Плевны. Следует признать, что генерал стремился дать объективную оценку неудачам русской армии. К их причинам он отнес малочисленность русских войск по сравнению с турецкими, разрозненные и преждевременные атаки, непродуманную артиллерийскую подготовку, просчеты командования. И тут автор очень осторожно и взвешенно констатировал, что из «политической вежливости» высшее командование не было единым: при штабе находились румынский князь Карл, великий князь Николай Николаевич и сам император Алек-

сандр II. И эти обстоятельства негативным образом сказались на последствиях всей операции. В итоге Плевна стала самым тяжелым событием войны, «повлекшим за собою существенное изменение, если не перелом, в общем ходе войны, отразившимся весьма неблагоприятно на армии и на всем народе русском»⁴⁰. В то же время действия самого императора К. И. Сычев всячески оправдывал.

В Ницце главным участником торжеств стал генерал Николай Алексеевич Епанчин (1857–1941), живой свидетель русско-турецкой войны, прошедший ее в составе Лейб-гвардии Преображенского полка. Он принимал участие в сражениях при Горном Дубняке, Плевне, Этрополе, Орхание, Ташкисене, Софии, Филиппополе, в походе на Адрианополь и взятии Сан-Стефано. За проявленную храбрость он был награжден орденом Святой Анны IV степени и орденом Святого Станислава III степени. После войны Н. А. Епанчин нес службу в Генеральном штабе, сочетая ее с активной научной и преподавательской деятельностью. В частности, он был членом Военно-исторической комиссии Главного штаба по составлению описания русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и одним из первых ее историков. Его перу принадлежало несколько серьезных исследований, заслуживших высокую оценку современников и переведенных на английский и немецкий языки⁴¹.

В 1927 г. старый генерал подготовил памятную брошюру⁴². Визуализации образов прошлого на ее страницах способствовали портреты представителей командования – Александра II, великих князей Михаила Николаевича и Николая Николаевича, Ф. Ф. Радецкого, И. В. Гурко, М. Д. Скобелева, М. Т. Лорис-Меликова, герцога С. М. Лейхтенбергского. Трудно сказать, насколько совпадал текст брошюры генерала с его выступлением 25 апреля 1927 г. Но, вне всякого сомнения, тональность их была одинаковой. Помимо Н. А. Епанчина, с памятными речами выступили еще два видных представителя русской диаспоры в Ницце: крупный экономист, профессор Петр Петрович Мигулин (1870–1948) и дипломат, посланник России в Болгарии в 1911–1914 гг. Анатолий Васильевич Неклюдов (1856–1934). Сам генерал Н. А. Епанчин с горечью констатировал, что празднование исторического юбилея было омрачено эмигрантскими раздумьями: «Мы молились не в своих полковых храмах, перед полковыми святынями, не под сенью наших родных славных знамен, а в Зарубежье, в рассеянии, на чужбине»⁴³.

В своем выступлении Н. А. Епанчин обрисовал Россию как многовековую бескорыстную защитницу славян. С точки зрения

генерала, ее внешняя политика всегда была основана на нравственных и гуманных началах, в противовес современной ему «реальной политике» с эгоистическими интересами во главе. Поэтому, как и К. И. Сычев, он уподоблял войну крестовому походу, который продемонстрировал трогательное единение «сердца Царева с сердцем народа, души Царской с душой народной, единение любви и единомыслия»⁴⁴. Он рассматривал ее как вынужденную меру, отнюдь не желательную для России, ввиду не завершенных до конца реформ. Ответственность за обострение балканского кризиса генерал возлагал не столько на Турцию, сколько на Европу, которая опасалась роста влияния России. Действительно, весь текст пронизан патриотической риторикой, идиллическими картинками единения общества и власти и мессианской верой в русский народ. Русская армия рисуется исключительно как дружная семья, а представители высшего командования – как заботливые наставники, готовые плакать от умиления, русский царь исполнен доверия, человеколюбия, кротости и справедливости. Участники войны изображаются как наследники героических традиций древнерусских воинов, солдат Петра Великого и А. В. Суворова. Генерал даже уподобил переход через Балканы в 1877 г. походам князя Святослава в IX в.

Фигура генерала Н. А. Епанчина довольно примечательна. Он не снискал лавров боевого героя, являясь, по сути, на протяжении всей жизни классическим примерном штабного офицера. Его участие в русско-турецкой войне осталось, пожалуй, самым ярким эпизодом в его военно-полевой биографии. Но именно оно обеспечило ему роль хранителя живой памяти об освобождении Балкан, и именно в этом качестве он выступал в эмигрантских кругах. Очевидно, сам генерал и его близкие осознавали необходимость зафиксировать воспоминания о прошлом. По настоянию своего старшего сына Николая генерал Н. А. Епанчин в 1932–1939 гг. работал над мемуарами «На службе трех императоров». При жизни автора книга не была опубликована. Несколько экземпляров рукописи хранилось в личных архивах детей и внуков генерала. В 1961 г. его сын, Николай, передал имевшиеся у него бумаги отца в Колумбийский университет. Внук генерала, видный коллекционер и меценат Эдуард Александрович Фальц-Фейн, в 1982 г. подарил имевшуюся у него машинописную копию воспоминаний Центральному государственному военно-историческому архиву (ныне – РГВИА). Но лишь к середине 1990-х гг. благодаря усилиям журнала «Наше наследие» эти мемуары увидели свет, пополнив ряд интересных и значимых источников по русской

истории второй половины XIX – начала XX вв.⁴⁵ Русско-турецкой войне в воспоминаниях отведено особое место. Автор акцентирует внимание на неблагоприятной для России политической обстановке, на интригах западных держав, особенно отмечая вероломство Германии. Он описывает вступление русской армии в Систов, сражение у Горного Дубняка, взятие Этрополя, осаду Плевны, зимний переход через Балканы. При этом основное внимание он уделяет рассказу о действиях командования, давая, в частности, позитивную оценку великим князьям, довольно сильно расхваливающимся с историческими реалиями. Но наибольшего внимания он удостоил фигуру И. В. Гурко, которого знал лично и деятельность которого изучал еще до революции. Что побудило Н. А. Епанчина отдать несколько лет работе над своими мемуарами, не имея твердой уверенности их опубликовать? И что заставило его столь много внимания уделить описанию освободительной войны? Прислушаемся к словам самого генерала: «С тех пор прошел шестьдесят один год, из юного подпоручика я стал восьмидесятилетним генералом, на чужбине, потеряв временно Родину, многих близких, все имущество. И вот, когда я пишу эти строки [19.12.1938], я живо вспоминаю минувшие времена, моих товарищей, сослуживцев, начальников, и среди них немало знал я достойных, обаятельных лиц...»⁴⁶

Немецкий историк Я. Ассман определил рубеж сохранения живой памяти о прошлом в сорок лет, после которых она оказывается под угрозой искажения и забвения. Вместо нее начинает складываться новая парадигма воспоминаний, они начинают наполняться новым смыслом, порой совсем не тем, который вкладывали современники⁴⁷. Для эмиграции было важно сохранять память о знаковых исторических событиях, о тех, которые могли внушить гордость за прошлое, которые можно было противопоставить горестному настоящему. Причем прошлое должно было служить моральным и воспитательным целям для молодого поколения эмигрантов, столкнувшегося с угрозой денационализации. Сохранение памяти могло осуществляться в разных формах и ритуалах. Написание мемуаров занимало при этом одно из центральных мест. Культурная среда Зарубежной России породила чрезвычайно широкий пласт источников подобного рода. Очевидно, что идея духовной преемственности во многом и руководила старым Н. А. Епанчиным, когда он писал свои воспоминания.

Большой интерес представляет и другой мемориальный проект, реализованный в конце 1920-х гг. в Софии. Под редакцией полковника Андрея Ивановича Золотухина (1854–1929) и майора Ивана Ни-

колаевича Николаева появился сборник воспоминаний русских ветеранов Освободительной войны 1877–1878 гг.⁴⁸ Публикация на болгарском языке свидетельствовала о желании сделать ее доступной в первую очередь для местного читателя. Кроме того, книге были приданы четко установленные воспитательные, пропагандистские функции, она должна была в очередной раз подчеркнуть традиции русско-болгарской дружбы.

Сборник включал в себя мемуары 21 ветерана Освободительной войны, которые эмигрировали в Болгарию в 1919–1920 гг. (А. Ф. Бояринов, М. Н. Васильев, Н. П. Гребеновский, Н. И. Губский, Д. Д. Дженеев, С. В. Жуков, А. И. Золотухин, Н. П. Карпов, Н. К. Кононович, Л. В. Крестовский, П. А. Ляковский, В. К. Манштейн, А. С. Мельников, А. А. Смагин, М. Н. Никольский, О. Л. Нянковский-Войнилович, Р. А. Скальский, В. И. Скоробогатов, В. А. Солнцев, А. В. Фок). Воспоминания каждого автора сопровождалась портретом и краткими биографическими сведениями. Они были выстроены в последовательности, которая отражает ход войны: от рассказов об Апрельском восстании и начале мобилизации русской армии до подписания Сан-Стефанского мира. Эти мемуары являются ценными, однако не слишком известными источниками по истории русско-турецкой войны. Они ярко отражают настроения русского общества, военный быт и повседневность, восприятие Другого и т. д. Разумеется, каждый из мемуарных текстов пронизывает освободительная, героическая риторика, словно призванная объяснить российскую политику на Балканах.

Уже упоминавшийся немецкий историк Я. Ассман при описании феномена памяти ввел понятие «коннективная структура», которая включает в себя воспоминание, идентичность и культурную преемственность⁴⁹. В случае русской эмиграции в качестве объекта индивидуальных и коллективных воспоминаний выступала сама война 1877–1878 гг., символом идентичности была идея освобождения в самом широком смысле этого слова, а культурная преемственность должна была определяться героизмом, понимаемым как готовность отдать свою жизнь во имя высокой идеи. Память о войне не была обезличенной. Налицо была активная персонализация образов прошлого, иначе говоря, культ великих людей – М. Д. Скобелева, И. В. Гурко, Александра II. Французская исследовательница М. Озуф говорила о «внеисторической» природе такого рода памяти, поскольку ее чистым продуктом является даже не сам великий человек, а его моральное значение и наследие⁵⁰. Подтверждение этого правила мы легко можем найти в отношении эмигрантов к героям русско-турецкой войны. Уместно

привести тут слова Н. Н. Кнорринга, одного из первых биографов М. Д. Скобелева: «...образ “белого генерала”, запечатленный навеки в памяти, в описаниях, в картинах, овеян легендой, сотканной из доброго материала: в нем нет места изменным чувствам, он символизирует красоту подвига, талант, личную храбрость и жертвенность, подъем человеческого духа и волю к победе»⁵¹.

Пятидесятилетний юбилей русско-турецкой войны получил широкий отклик в эмигрантских кругах. Он объединил вокруг себя представителей разных возрастных, социальных и профессиональных групп. Оживление образов прошлого должно было способствовать пробуждению национального сознания, расколотого историческими потрясениями, выражением славных исторических традиций. Юбилейные торжества 1927–1928 гг. представляли собой одну из попыток сложить из разорванных революцией частей коллективную историческую память, создать новый образ прошлого России, продемонстрировать многообразные выражения славянской идеи, показать неразрывную историческую связь России со славянским миром.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 13-31-01251а2) и РФФИ (проект № 15-18-00135).

2 *Ковалев М. В.* Исторические праздники русской эмиграции как способ сохранения коллективной культурной памяти // *Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории*. М., 2008. Кн. 25/2. С. 119–120; *Он же.* Русские историки-эмигранты в Праге (1920–1940 гг.). Саратов, 2012. С. 258.

3 *Шмурло Е. Ф.* Что такое День русской культуры? // *Зодчие русской культуры*. Прага, 1926. С. 7.

4 *Аксенова Е. П.* Как отмечалось 50-летие русско-турецкой войны 1877–1878 гг. русскими учеными-эмигрантами // *Славянский мир в третьем тысячелетии*. М., 2013. Кн. 1. С. 125.

5 *Рупчева Г.* Освободителната Руско-турска война 1877–1878 г. в спомените на руски ветерани-емигранти в България 20-те – 40-те години на XX век // «Погасло дневное светило...»: Руската литературна емиграция в България 1919–1944. София, 2010. С. 233. О русских ветеранах-эмигрантах в Болгарии см. подробнее: *Кьосева Ц.* Ветераните от Руско-турската Освободителната война 1877–1878 г. – эмигранты в България // *Славянски летописи*. София, 2001. Т. 7. С. 312–318; *Рупчева Г.* Руските ветерани от Освободителната Руско-турска война 1877 – 1878 г. – еми-

гранти в България през 20-те – 40-те години на XX век // България и Русия между признателността и прагматизма. София, 2008; *Владева П.* Генарал-лейтенант Александър Викторович Фок и неговата втора родина България // http://cl.bas.bg/about-central-library/bulletin-of-central-library-of-bas/volume-46/46_4.pdf [Режим доступа: 14 апреля 2013 г., 2:09].

6 См.: *Пчелинцева Т.* «Союз русских ветеранов Русско-турецкой войны в Болгарии» // Русская газета. София, 2005. 7 июля. № 26 (97).

7 См.: *Рупчева Г.* Деятельность Центральной комиссии по оказанию помощи русским ветеранам русско-турецкой войны 1877–1878 годов // Славяноведение. 2005. № 5. С. 67–77.

8 *Пчелинцева Т.* «Союз русских ветеранов...» С. 11.

9 *Рупчева Г.* Освободителната Руско-турска война 1877–1878 г. в спомените на руски ветерани-емигранти. С. 232.

10 См.: Историческая наука российской эмиграции 20–30-х гг. XX века (Хроника) / Сост. С. А. Александров. М., 1998. С. 75, 77, 88, 92, 97.

11 РГАЛИ. Ф. 2447. Оп. 1. Д. 103. Л. 6–6об.

12 См.: *Kronika kulturního, vědeckého a společenského života ruské emigrace v Československé republice.* Praha, 2000. T. I. S. 267.

13 *Ковалев М. В.* Русское историческое общество в Праге (1925–1945) // Российская история. 2011. № 5. С. 151.

14 Русский Народный университет в Праге. Отчет о деятельности за 1926–1927 учебный год. Прага, б. г. С. 15; Русский Народный университет в Праге. Отчет о деятельности за 1927–1928 учебный год. Прага, б. г. С. 27, 35 и др.

15 РГАЛИ. Ф. 2474. Оп. 1. Д. 103. Л. 4–5об.

16 Там же. Л. 5об.

17 *Немирович-Данченко В. И.* Вечная память (За навечерието на Освободителната война 1877–78 г.) // Славянски глас. 1927. Кн. 1. С. 32–33.

18 *Новиков М. М.* Русские эмигранты в Праге // Новый журнал. Нью-Йорк, 1957. Кн. XLIX. С. 251–252.

19 *Францев В. А.* Война за освобождение славян и чешское общество // Возрождение. Париж, 1927. 16 июля; *Евреинов Б. А.* Война за освобождение балканских славян (1877–1878 гг.) и чешское общество // Труды V съезда Русских академических организаций за границей. София, 1931. Ч. 1. С. 353–368.

20 *Францев В. А.* Война за освобождение славян и чешское общество.

21 *Попруженко М. Г.* Русия и Българското възраждане // Българска историческа библиотека. 1928. Т. 3. С. 147.

22 *Спекторский Е. В.* Освобождающая Россия // Возрождение. Париж, 1927. 13 июля.

23 *Šmurlo E. F.* Úvod // Rusko v boji za osvobození balkánských slovanů. Praha, 1927. S. IX.

24 Ibid. S. III, VI. См. подробнее: *Ковалев М. В.* Имперская идея в учебных нарративах русской эмиграции 1920–1930-х гг. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2014. № 4 (27).

25 См., например: *Попруженко М. Г.* Сан-Стефанский мир и князь Дондуков-Корсаков // Българска мисъл. 1927. Кн. V. С. 357.

26 *Ковалев М. В.* Между политикой и идеологией: метаморфозы исторической памяти русской эмиграции 1920–1940-х годов // Россия XXI. 2012. № 3. С. 124–125.

27 *Maksimovič E. F.* Diplomacie // Rusko v boji za osvobození balkánských slovanů. S. 41.

28 Сам А. В. Флоровский увлекся историей Освободительной войны еще во время своего недолгого пребывания в Софии в начале 1920-х гг. (*Флоровский А. В.* Архив на руското гражданско управление в България през 1877–1879 г. // Юридически преглед. 1925. Кн. 2. С. 57–61). Свой обобщенный взгляд на развитие русско-болгарских связей в XIX в. он изложит в специальном докладе на V съезде Русских академических организаций за границей в 1930 г. (*Ковалев М. В.* «На этих съездах мы растем и в своих, и в чужих глазах...» Из истории научных коммуникаций русской эмиграции (1921–1930) // Россия XXI. 2013. № 5. С. 105).

29 *Florovskij A. V.* Ruské veřejné mínění v předvečer a za osvobozené války 1877–1878 // Rusko v boji za osvobození balkánských slovanů. S. 42–43.

30 См.: *Толстой Л. Н.* Соч. Т. 9. М., 1889. С. 385.

31 Ibid. S. 74–75.

32 *Флоровский А. В.* Россия в борьбе за освобождение славян // Хозяин. Прага, 1927. № 21–22. С. 17.

33 *Inostrancev M. A.* Vojna // Rusko v boji za osvobození balkánských slovanů. S. 87.

34 *Evreinov B. A.* Ruská správa v osvobozeném Bulharsku // Rusko v boji za osvobození balkánských slovanů. S. 153.

35 *Кизеветтер А. А.* Россия и южное славянство в XIV–XVII веках // Прослава на освободителната война 1877–1878. Руско-български сборник. София, 1929. С. 6.

36 *Ланно И. И.* Петр Великий и южное славянство // Прослава на освободителната война... С. 19.

37 *Францев В. А.* Первые русские труды по изучению славянства, преимущественно южного // Прослава на освободителната война... С. 47, 53.

38 *Флоровский А. В.* Россия и южные славяне в царствование императора Александра I // Прослава на освободителната война... С. 64.

39 *Сычев К. И.* Краткий очерк освободительной (русско-турецкой) войны 1877–1878 гг.: Доклад по случаю 50-тилетия войны 1877–78 гг., сделанный 11-го июня 1927 года в «День Русской Культуры» в г. Париже, Генерального Штаба генерал-майором К. И. Сычевым. Париж, 1927. С. 1.

40 Там же. С. 11.

41 См.: *Епанчин Н. А.* Очерк действий Западного отряда генерал-адъютанта Гурко. СПб., 1891–1893. Ч. 1–3; *Он же.* Война 1877–1878 гг. Действия передового отряда генерал-адъютанта Гурко. СПб., 1895; *Он же.* Освободительная война 1877–1878 гг. СПб., 1902.

42 *Епанчин Н. А.* Памятка крестового похода 1877–1878 гг. Париж, 1927.

43 *Епанчин Н. А.* На службе трех императоров: воспоминания. М., 1996. С. 101.

44 *Епанчин Н. А.* Памятка крестового похода 1877–1878 гг. С. 10.

45 *Кавтарадзе А. Г.* Во имя истины // *Епанчин Н. А.* На службе трех императоров... С. 7–42.

46 *Епанчин Н. А.* На службе трех императоров... С. 118.

47 См.: *Ассман Я.* Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004. С. 11–12.

48 *Спомени на руските ветерани за Освободителната война 1877–1878* / Под ред. на А. И. Золотухин и И. Н. Николайев. София, 1929.

49 *Ассман Я.* Культурная память... С. 15.

50 *Озуф М.* Пантеон: Эколь Нормаль мертвых // Франция – память. СПб., 1999. С. 161–162.

51 *Кнорринг Н. Н.* Генерал Михаил Дмитриевич Скобелев: исторический этюд. Париж, 1939. С. 90.

M. V. Kovalev

The Russian-Turkish war 1877–1878 in the historical memory
of the Russian emigration

The article is devoted to the phenomenon of reflection the Russian-Turkish war 1877 – 1878 in the historical memory of the Russian emigration. The main commemorative rituals and ceremonies and its cultural significance are analyzed in the article. It is concluded that commemoration of the Russian-Turkish war was associated with both the established tradition and with the specific of emigrant's identity.

Keywords: *Russian-Turkish war 1877–1878, historical memory, Russia, Bulgaria, Sofia, Prague, Paris, Russian emigration, memoirs, commemorative rituals, identity.*

*А. Е. Кузьмичева
(Москва)*

Варшава или Москва? Зондажный визит Луи Барту в Польшу в 1934 г.

Состоявшийся в апреле 1934 г. визит французского министра иностранных дел Л. Барту показал нежелание Варшавы оказывать безоговорочную поддержку Парижу в случае германской агрессии. Это стало одним из факторов поворота внешней политики Франции в сторону сближения с СССР.

Ключевые слова: *Л. Барту, Ю. Пилсудский, польско-французский союз, сближение Франции с СССР, германский фактор.*

Не прошло и 10 дней с момента подписания польско-немецкой декларации о ненападении, как внутренний кризис во Франции достиг своего апогея. 6 февраля на площади Согласия происходило настоящее сражение – тысячи людей были ранены, а страна стояла на грани гражданской войны. Впечатление, которое эти события произвели в Варшаве, стало сильным ударом по французскому престижу. Французы все громче требовали коренных перемен. Но был ли кабинет президента Гастона Думерга, образовавшийся 9 февраля, символом этих перемен или же лишь очередной полумерой?

Новое правительство, в которое вошли 6 бывших премьеров и 5 бывших министров иностранных дел (от Тардьё до Эррио), выглядело впечатляюще. Луи Барту возглавил Кэ д'Орсэ¹. Семидесятидвухлетний Барту был, пожалуй, последней выдающейся политической фигурой поколения Пуанкаре и Клемансо. Некогда близкий к Пуанкаре, он был в высшей степени искусным переговорщиком. Еще одной отличительной чертой было критическое отношение Л. Барту к прогерманскому курсу Бриана. 16 апреля Думерг составил черновик официального заявления, в котором содержалась знаменитая фраза: «На первое место Франция должна ставить состояние своей собственной безопасности»². Как свидетельствует вся последующая дипломатия Л. Барту, именно этой идеей он будет руководствоваться в своей деятельности на внешнеполитическом поприще вплоть до марсельской трагедии 9 октября 1934 г.

На горизонте опять появились проект Восточного Локарно и попытки разработать систему союзов, включающую СССР и Италию.

Однако Барту придал иной вектор этим концепциям. Отдавая себе отчет в том, что сближение с Римом и Москвой создаст трудности восточным союзникам Франции, он совершал все внешнеполитические маневры с учетом последних. Барту тормозил процесс резкого сближения с Москвой, в первую очередь из-за Польши. Он прекрасно понимал, что польско-французский союз находился в плачевном состоянии, поэтому попытался перевести отношения с Варшавой на рельсы личной дипломатии. Примечательно, что многие политики того времени (как польские, так и французские) считали Барту гарантом тесного сотрудничества Франции и Польши.

6 марта Бек официально пригласил Барту посетить Польшу, а через несколько дней министр иностранных дел принял приглашение. Конец марта – начало апреля были посвящены активным приготовлениям с обеих сторон. Луи Барту надеялся ликвидировать тень непонимания, нависшую над польско-французским союзом, а также хотел получить подтверждение того, что Варшава сохранит верность союзническим обязательствам.

Париж видел союз с Польшей не как *casus foederis*, а, напротив, как постоянный союз, который подразумевал совместные дипломатические усилия. Перед визитом Лярош³ написал Барту, что Польша «хотела проводить политику, подобающую великой державе, и, наряду с провозглашением верности союзу, демонстрировать свободу действий сообразно своему достоинству»⁴. Вопрос заключался лишь в том, насколько далеко зайдут поляки в стремлении подчеркнуть свою важность.

Поездка Барту в Варшаву стала первым визитом французского министра иностранных дел в Польшу. Польская правительственная пресса ликовала – этот визит, по ее мнению, знаменовал собой признание державного статуса Польши.

Кэ д'Орсэ настоятельно рекомендовал Барту в ходе варшавских переговоров скорее касаться каких-либо вопросов, нежели ставить перед поляками конкретные проблемы. Для этих целей был разработан специальный список, включающий в себя следующие вопросы:

- Остается ли в силе немецко-польский договор об арбитраже?
- Есть ли необходимость обновления военной конвенции?
- Каким образом можно преодолеть трудности, с которыми столкнулись французские предприятия?
- Будут ли для Польши, которая сожалела об отсутствии Восточного Локарно, полезны договоры о взаимном сотрудничестве с Чехословакией и СССР?

- Какую политику умиротворения можно проводить в отношении прибалтийских государств?
- Как Польша намеревается продемонстрировать свою приверженность международному сотрудничеству и Лиге наций?
- Готова ли Польша занять по вопросу о Дунайском экономическом сотрудничестве ту же позицию, что и Франция?
- Наконец, поддержит ли Польша вступление СССР в Лигу наций⁵?

Отсутствие чехословацкого вопроса в этом списке сразу бросается в глаза. По всей видимости, оно объяснялось желанием Парижа избежать в ходе переговоров острых дискуссионных вопросов. Хлаповский⁶ оценил благоразумие Барту. Однако самого Барту очень заботило состояние польско-чехословацких отношений; более того, он постоянно получал от Бенеша жалобы на то, что Варшава игнорирует все попытки Праги пойти на сближение. Подобное поведение не только ослабляло польско-французский союз, но и делало весь регион уязвимым. Чтобы немного приободрить чехов, Барту дополнил свой варшавский вояж (22–25 апреля) посещением Праги (26–28 апреля).

Почему Барту стал совершать визиты в апреле? В первую очередь было необходимо проверить надежность своих союзников. Гитлер допускал возможность возвращения Германии в Лигу наций, однако ставил конкретное условие – если Великобритания и Франция дадут рейху возможность увеличить армию со 100 до 300 тысяч человек. Франко-английская дипломатия оказалась в цугцванге⁷. Если бы Гитлеру дали разрешение на перевооружение, то он немедленно и совершенно законно вытер бы ноги о Версальский договор и на глазах у всех вооружался. С другой стороны, в случае отказа канцлер заявил бы, что всеми силами стремился к миру, а Франция ему в этом стремлении мешала.

Барту, как опытный политик и дипломат, прекрасно это понимал, поэтому надеялся договориться с Гитлером, ожидая от немецкого канцлера следующих, разоблачающих его истинные намерения, шагов. Он составил 16 апреля ноту в примирительном тоне, однако у кабинета Думерга было диаметрально противоположенное мнение по данному вопросу. Нота Думерга, которую Барту зачитал на заседании кабинета министров, выдавая за свою, была сформулирована в категорическом тоне: никакой возможности для отступления. Более того, нота констатировала, что «отныне бесполезно вести переговоры с германским правительством, поскольку с настоящего времени оно действует по собственному произволу»⁸. Как представля-

ется, это была еще одна точка невозврата европейской политики. На следующий день Луи Барту сказал, что это был самый трагический день в его жизни, мнение пожилого политика не нашло поддержки, он остался в полном одиночестве. Известие о том, что Франция против довооружения Германии, произвело сенсацию в мире. Именно такая резкая бескомпромиссная политика вынудила Париж не только укреплять старые связи, но и искать новых союзников.

В воскресенье, 22 апреля, Луи Барту приехал в Варшаву. Бек в точности повторил протокол встречи, которую ему оказали в сентябре 1933 г. в Париже. Он не приехал на вокзал для встречи французского министра иностранных дел, пытаясь своим жестом подчеркнуть равенство Франции и Польши. Бек достиг совершенно противоположного результата – пресса и дипломаты сочли его грубую выходку по отношению к пожилому министру проявлением крайней степени неучтивости. Однако сам Луи Барту остался невозмутимым.

Бек пошел даже дальше в своем желании отомстить – для того чтобы толпа не смогла радостно приветствовать французского министра, был изменен официальный маршрут следования кортежа. Несмотря на это, новость о приезде Барту молниеносно распространилась, толпа оттеснила жидкое полицейское оцепление на вокзале и чуть ли не на руках, скандируя «Да здравствует Франция!», проводила Барту до машины. Французская журналистка Женевьева Табуи, сопровождавшая Барту во время его визита в Варшаву, вспоминает, что в этот момент министр восхищенно заметил Жюлю Лярошу: «Политика Пилсудского еще не изменила чувств, питаемых по отношению к нам польской нацией, которая, как кажется, всегда рассматривала нас в качестве своего традиционного союзника»⁹.

Тем не менее Бек, конечно же не без совета Пилсудского продемонстрировавший Барту, что Польша не собирается прощать кому бы то ни было недооценку ее веса, не стал усугублять возможного недовольства Барту, заявив в своей приветственной речи, что франко-польский союз является одним из самых «прочных, жизненно необходимых и долговременных факторов международной политики; общая цель [союза] – организация и укрепление мира». А самого же Барту Бек назвал не просто министром иностранных дел дружественной страны, а государственным «мужем, который с первой минуты столкновения с проблемами польско-французского союза занял ясную позицию и всегда был преданным сторонником [союза]; а своим сегодняшним визитом он дал этому решительное подтверждение»¹⁰.

На следующий день между Барту и Пилсудским состоялся полтора-часовой разговор. Бек сказал потом, что никогда не видел такого дружественного настроения со стороны маршала к иностранному министру¹¹. Разговор Пилсудский начал с воспоминаний о своей поездке во Францию в 1921 г., посещении Вердена и тех обстоятельствах, в которых был подписан польско-французский союзный договор. Министр Барту заметил, что гордится тем, что был одним из тех, кто подписывал польско-французский договор, и воспринимает это событие как «одно из главных политических действий своей жизни». На вопрос об основных задачах внешней политики Польши Пилсудский определил следующие задачи: проблема отношений с двумя великими соседями; союзы с Францией и Румынией, которые, по его замечанию, «nous donnent beaucoup d'embarras»¹², и, наконец, отношения Польши с «небольшими соседями, которых у нас много». В связи с последним маршал отметил, что у Варшавы и Парижа тут имеются расхождения, так как у Франции, по сути, только два соседа, а «Испания не берется в расчет»¹³.

Барту с осторожностью затронул вопрос об отношении к Советскому Союзу и выслушал в ответ скептическую оценку маршала в части прочности внутреннего положения СССР и стабильности режима. Пилсудский ставил под сомнение возможность присоединения Советского Союза к Лиге наций, более того, полагал, что не стоит рассчитывать на СССР в мировой политике, и назвал Рапалльский договор 1922 г. наглядным тому подтверждением. Следовательно, маршал был убежден, что в данный момент Советский Союз представлял куда большую угрозу, чем Германия¹⁴.

О содержании переговоров и позиции сторон наиболее полные сведения содержатся в рапорте Хлаповского от 5 мая, составленном после беседы с возвратившимся в Париж Барту. Польский посол писал, что Барту был очень тронут теплым приемом, оказанным ему маршалом, восторгался потрясающей памятью Пилсудского и его прекрасной ориентацией во внешней политике, знанием даже самых незначительных деталей. По словам Хлаповского, после визита в Варшаву Барту сделал следующие выводы:

- во-первых, он убедился в глубокой уверенности Пилсудского в необходимости поддержания устойчивого польско-французского союза (это полностью совпадало со стремлениями самого министра);
- во-вторых, Барту почувствовал скептицизм и недоверие маршала в отношении настоящего и будущего СССР;
- в-третьих, маршал продемонстрировал ярко выраженное отвращение к прусской ментальности;

- в-четвертых, Пилсудский показал себя как сторонник установления добрососедских отношений с соседями и отдельно подчеркнул важность союза с Румынией;
- в-пятых, польский лидер не скрывал недовольства французскими действиями в области разоружения (Барту был категорически против этого).

Пилсудский попытался успокоить собеседника, подчеркнув, что январский договор с Германией не содержал никаких секретных договоренностей. Он также не скрывал, что утратил доверие к Лиге наций (упомянув, в частности, состояние дел в Либерии, торговлю опиумом и людьми).

О разговорах с Бекком Барту рассказал Хлаповскому менее подробно, однако сделал акцент на своем сближении с польским коллегой и общем дружелюбии Бека. Барту было очень приятно, что Бек вызвался сопровождать его в Краков, а также угощал его старым токайским вином из запасов своей семьи. В конце своего рапорта Хлаповский подчеркнул, что «поездка Барту в Польшу произвела глубокое впечатление на французскую политическую общественность» и что «в течение многих лет во Франции не обсуждался так серьезно польский вопрос, как он обсуждается сейчас»¹⁵.

Животрепещущий вопрос о трудностях польско-французского экономического сотрудничества практически не нашел отклика в ходе переговоров. Что касается дунайской зоны, Барту поддержал инициативу Варшавы по улучшению отношений с Бухарестом.

Таким образом, визит, начавшийся с неприятной демонстрации хозяев, в итоге приобрел весьма содержательный характер. В совместном польско-французском коммюнике по его итогам говорилось, что на переговорах были затронуты не только вопросы, непосредственно касающиеся польско-французского союза, но и другие проблемы, представляющие взаимный интерес, а также было установлено, что «во-первых, основная база союза между Польшей и Францией остается неизменно стабильной, и что этот союз является весьма конструктивным фактором развития европейской политики»¹⁶.

Внимание, которым был окружен Барту в ходе своего посещения Польши, явно польстило опытному политику. В последующих беседах с Хлаповским и членами французского кабинета министров он подчеркивал «грандиозность и национальную силу Польши» и необходимость отказа от прежнего отношения Франции к Польше, когда она вела себя как отец, пытающийся активно опекать уже взрослого сына. В этом он находил поддержку у коллег по кабинету, которые

хотя и сетовали, что с Польшей бывает трудно общаться, однако поскольку она стала державой, то и относиться к ней надо соответствующим образом¹⁷.

И все же визит Барту в Польшу явил собой скорее его личный успех, нежели успех французской внешней политики, поскольку Пилсудский не разделял французской обеспокоенности действиями Германии и не поддержал идеи вовлечения СССР в европейскую политику в качестве конструктивной силы.

А именно на этом направлении Парижем уже предпринимались некоторые далеко идущие шаги. Накануне своего отъезда в Варшаву Барту возобновил переговоры с полпредом СССР во Франции Валерианом Довгалевским. Несмотря на то, что все встречи проходили в обстановке строгой секретности, слухи об этом дошли до Варшавы. С точки зрения военной стратегии этот пакт был жизненно необходим Парижу, так как он укреплял Францию, перекладывая часть бремени по сдерживанию Германии на СССР без каких-либо дополнительных расходов французского бюджета. Контакты продолжились и после возвращения Барту в Париж. Парламентская поддержка упрочила позицию Барту в вопросе о сближении с Советским Союзом, и 4 июня был достигнут консенсус на базе Восточного пакта.

5 июня французский кабинет утвердил этот план. Барту проявлял решимость окончательно оформить франко-советский союз, что воспринималось Варшавой без энтузиазма. Действительно, учитывая все те усилия, которые предприняла Варшава для установления политики «равноудаленности», участие в подобном проекте сразу перечеркивало все старания польской дипломатии.

Разнонаправленность в этот момент французских и советских целей и интересов не вызывает сомнений. Участие в Лиге наций было интересно для Кремля во многом как способ сближения с Парижем. Более того, в связи с участвовавшими советско-японскими конфликтами Москва постепенно стала осознавать серьезность опасности, исходившей от Токио. Именно поэтому для Советского Союза было жизненно необходимо прикрыть европейский фланг в случае столкновения с Японией. Тем временем основная цель Парижа заключалась в упрочении своей гегемонии в Европе. И Франция была готова поделиться частью своего влияния на востоке с Советским Союзом, так как на практике оказалось, что с ним договориться намного проще, чем с Польшей. Более того, эти договоренности представлялись ей намного более прочными и долговечными, чем химерические надежды на то, что Варшава, почувствовавшая себя после

январского соглашения с Берлином великой державой, вновь захочет идти в фарватере французской внешней политики на германском направлении. Итак, жребий был брошен, и Луи Барту решил разыгрывать советскую карту.

Прекрасно понимая природу страха Варшавы – боязнь того, что СССР заменит Польшу и станет играть роль главного союзника Франции на востоке, – французская дипломатия пыталась снять возникшее напряжение.

Бек полагал, что Барту, достигнув своей цели – вступления СССР в Лигу наций (18 сентября 1934 г.), – будет работать в интересах дальнейшего сближения с Советским Союзом. С середины сентября Барту начал разрабатывать модели итало-французской кооперации в рамках дунайской организации. Министр выступал в роли медиатора между Муссолини и югославским королем Александром, пытаясь выработать *modus vivendi* для Италии и Югославии. Однако не представляется возможным узнать, насколько успешным был бы его план, так как 9 октября, в день прибытия Александра во Францию, король погиб от пули террориста, а тяжело раненный Барту скончался от потери крови.

Эта трагедия имела последствия не только для Франции, но и для всей Европы, так как Барту сумел задать определенный вектор движения и динамичность французской дипломатии, а также существенно поднять ее престиж. Естественно, что его усилия не были однозначно успешными. Проект Восточного пакта привел к столкновению интересов Варшавы и Парижа. Даже личная дипломатия Барту не смогла это преодолеть. Для оценки степени несогласия Польши с его политикой достаточно сказать, что Варшава не выразила соболезнования Франции в связи со смертью министра¹⁸. Для сравнения, Чехословакия ответила на известие о смерти Барту трехдневным трауром.

Преждевременная кончина Барту поставила крест на многих его начинаниях. Трудно сказать, какой бы линии придерживался сам Барту в долгосрочной перспективе, но даже то, что он успел сделать в 1934 г., обеспечило ему почетное место в истории европейской дипломатии.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Метонимическое название Министерства иностранных дел Франции. Здание министерства расположено на набережной Кэ д'Орсэ в Париже.

2 Цит. по: *Wandycz P. S. The Twilight of French Eastern Alliances, 1926–1936: French-Czechoslovak-Polish Relations from Locarno to the Remilitarization of the Rhineland.* Princeton, 1988. P. 337.

3 Лярош Ж. (1877–1961) – французский дипломат, директор политического департамента МИД Франции в 1924–1926. С 26.06.1926 по 29.05.1935 г. посол Франции в Польше.

4 *Wandycz P. S. The Twilight of French Eastern Alliances...* P. 342; Documents Diplomatique Française (DDF). I série (1932–1939). T. V. P. 922, 937–939. T. VI. P. 13–16.

5 *Wandycz P. S. The Twilight of French Eastern Alliances...* P. 346.

6 Хлаповский А. (1874–1940) – польский дипломат, экономист. С 22.03.1924 по 20.06.1936 посол Польши во Франции.

7 Цугцванг (нем. «принуждение к ходу») – положение в шахматах, при котором любой ход ведет к ухудшению позиций.

8 *Табуи Ж. 20 лет дипломатической борьбы.* М., 1960. С. 214.

9 Там же. С. 223.

10 Przemówienie ministra spraw zagranicznych RP Józefa Becka wygłoszone na powitanie ministra spraw zagranicznych Republiki Francuskiej Louisa Barthou. 1934 kwiecień 22, Warszawa. [электронный ресурс]. URL: <http://www.ibidem.com.pl/zrodla/1918-1939/polityka/miedzynarodowa/1934-04-22-beck-przemowienie.html> (дата обращения: 23.04.2015).

11 DDF. I série. T. VI. P. 333.

12 Создают нам много трудностей (фр.).

13 Notatka wiceministra spraw zagranicznych RP Jana Szembeka z rozmowy Marszałka Józefa Piłsudskiego z ministrem spraw zagranicznych Republiki Francuskiej Louistem Barthou. 1934 kwiecień 22, Warszawa. [электронный ресурс]. URL: <http://www.ibidem.com.pl/zrodla/1918-1939/polityka/miedzynarodowa/1934-04-23-rozmowa-pilsudski-barthou.html> (дата обращения: 25.04.2015).

14 *Wandycz P. S. The Twilight of French Eastern Alliances...* P. 348–349. DDF. I série. T. VI. P. 333–335, 345–348, 637–638.

15 Raport ambasadora RP we Francji Alfreda Chłapowskiego w sprawie rozmowy z ministrem spraw zagranicznych Republiki Francuskiej Louisa Barthou po jego podróży do Polski. 1934 maj, 5, Warszawa. [электронный ресурс]. URL: <http://www.ibidem.com.pl/zrodla/1918-1939/polityka/miedzynarodowa/1934-05-05-chlapowski-raport.html> (дата обращения: 27.04.2015).

16 Wspólny komunikat polsko-francuski wydany z okazji wizyty w Warszawie ministra spraw zagranicznych Republiki Francuskiej Louisa Bar-

thou. 1934 kwiecień, 25, Warszawa. [электронный ресурс]. URL: <http://www.ibidem.com.pl/zrodla/1918-1939/polityka/miedzynarodowa/1934-04-25-komunikat-barthou.html> (дата обращения: 25.04.2015).

17 *Wandycz P. S. The Twilight of French Eastern Alliances...* P. 353–354.

18 Однако соболезнования были выражены дипломатической миссии Югославии. Поверенный в делах Франции с горечью заметил, что Барту не только был среди тех, кто подписывал договор 1921 г., но и был награжден орденом Белого Орла. Некоторые исследователи полагают, что этот инцидент был вызван состоянием рассудка маршала Пилсудского: *Wandycz P. S. The Twilight of French Eastern Alliances...* P. 370.

A. E. Kuz'mičeva

Warsaw or Moscow? Luis Barthou's reconnaissance visit to Poland
in 1934

The visit of the French foreign minister Luis Barthou in April 1934 revealed Warsaw's unwillingness to provide unconditional assistance to Paris in case of German aggression. Therefore it predetermined the rapprochement between France and the USSR.

Keywords: *L. Barthou, J. Piłsudski, the Polish-French alliance, rapprochement between France and the USSR, German factor.*

А. И. Смирнов
(Москва)

Взаимоотношения власти и католической церкви в Польше в 1956–1968 гг.

В статье рассматриваются события 1956–1968 гг. в Польше, характеризующие взаимоотношения социалистического государства и католической церкви: от конструктивного взаимодействия к конфронтации.

Ключевые слова: *католическая церковь, Польская объединенная рабочая партия, примас Стефан Вышинский, Владислав Гомулка, тысячелетие Польши, взаимоотношения церкви и государства.*

Осмысление метаморфозы в отношениях власти и церкви в Польской Народной Республике, наиболее нестабильной стране советского блока, представляет несомненный научный интерес, позволяя понять специфику социалистического строительства в отдельные периоды истории, традиционно обозначаемые по фамилиям руководителей Польской объединенной рабочей партии (ПОРП). Одним из них был Владислав Гомулка, осуществлявший и олицетворявший власть в Польше с 1956 по 1970 г.

В истории взаимодействия государства и церкви в Польше в период пребывания Владислава Гомулки во главе ЦК ПОРП отчетливо выделяются два переломных момента, когда отношения между руководством ПНР и католическими иерархами приобрели крайние формы. Это 1956 г., когда новое руководство ПОРП пошло на беспрецедентные уступки церкви, и 1966 г., когда два идеологических соперника столкнулись в борьбе за влияние на польское общество во время празднования тысячелетия Польши. Соответственно, исследуемый период логично разделить на три этапа: конец 1956 – начало 1957 гг.; 1957–1965 гг.; 1966–1968 гг.

В октябре 1956 г. Польша вышла из политического кризиса с новым руководством ПОРП в лице Владислава Гомулки, который задал новый тон внешней и внутренней политике ПНР. Одним из важных шагов к стабилизации внутривластной ситуации в Польше было восстановление отношений с католической церковью, которая пользовалась исключительно большим влиянием в польском обществе. В начале ноября 1956 г. была возвращена свобода передвиже-

ния примасу польской католической церкви кардиналу Стефану Вышиньскому. После трехлетнего перерыва он вернулся в Варшаву и приступил к исполнению своих обязанностей. Вышиньский не включился открыто в политические баталии, все еще сотрясавшие польское общество. Впоследствии произошло несколько встреч примаса и Гомулки, в ходе которых разрабатывалась новая модель взаимоотношений государства и церкви. Для легитимации своей власти Гомулке была нужна поддержка не только партийного актива, которую он получил в октябре, но и всего польского общества. В связи с этим лидеру ПОРП необходимы были положительные результаты выборов в сейм, назначенных на январь 1957 г. Ксендзы оказали существенную поддержку, советуя своей пастве после богослужений идти на избирательные участки. Платой за такую помощь оказались значительные уступки католической церкви, такие как возвращение преподавания религии в общеобразовательные школы, возобновление строительства храмов и общее смягчение отношения к католицизму в руководстве партии. Но взаимодействие партии и церкви в критический период национальной истории вовсе не означало того, что борьба светской и духовной властей за массовое сознание поляков закончилась¹.

Источниками, позволяющими оценить и проанализировать этот этап, стали преимущественно публичные выступления Владислава Гомулки. Их анализ дает возможность проследить динамику отношения партийного лидера к католической церкви: в октябре 1956 г. Гомулка почти не касается этого вопроса, опасаясь затрагивать столь щекотливую проблему сразу после вступления в новую должность; в ноябре он выражает надежду на сотрудничество и предлагает его условия; в декабре намечаются контуры дискуссии между партийными и католическими деятелями как между представителями двух мощных институтов, соперников, достойных друг друга.

Одной из самых важных внешнеполитических целей В. Гомулки было признание со стороны западных стран присоединения к Польше части германских земель по итогам Второй мировой войны (области Германии, расположенные восточнее линии Одра–Ныса: часть Западной Пруссии и Силезии, Восточное Поморье и др.). Для решения этого вопроса он вновь хотел использовать католическую церковь. Гомулка стремился к подписанию конкордата с Ватиканом через посредничество Вышиньского, что позволило бы на юридической основе обеспечить признание западных границ Польши со стороны апостольской столицы. Неготовность римского папы Пия XII

пойти на такой шаг отрицательно сказалась на взаимоотношениях государства и церкви. Преподавание религии в школах начало сокращаться, контакты партийных и католических деятелей становились все более формальными и менее результативными.

В данной статье приводятся некоторые примеры того, как эти отношения выглядели в «обычных» условиях, то есть в период между 1956 и 1966 г. Для рассмотрения этой проблемы были использованы материалы из фонда Управления по делам религии из варшавского Архива новых актов, прежде всего дело «Деятельность епископата в связи с ухудшением отношений с государством»², в котором хранятся сотни документов, касающихся данного вопроса, за 1959–1965 гг. Главным героем этих документов можно назвать епископа Зигмунда Хороманьского, секретаря епископата. Со стороны правительства выступали Ежи Штахельский, представитель правительства в вопросах взаимоотношений с церковью, и сменивший его на этой должности Тадеуш Жабиньский.

Документы хорошо показывают партийно-бюрократический подход к жалобам Хороманьского. Так, например, Хороманьский 2 сентября 1961 г. направил жалобу маршалу сейма, Чеславу Выцеху, в которой указывал на изъяны в работе Управления по делам религий относительно наблюдения за учебным процессом в семинариях. Вопросы, связанные с учебным процессом, целесообразно было решать к началу учебного года, но лишь 26 ноября того же года Хороманьскому пришел ответ из канцелярии сейма, что его жалоба перенаправлена директору управления по делам религий, Т. Жабиньскому³. Оттуда 20 декабря 1961 г. жалоба Хороманьского попала в офис Совета министров, в отдел жалоб и писем. Здесь заместитель председателя Совета министров Зенон Новак отклонил ее как необоснованную⁴. Таким образом, помимо того, что жалоба спустя три месяца была отправлена в ведомство, на которое жаловались, она еще и не была рассмотрена должным образом ни в одном из трех ведомств. И это – далеко не единственный пример «взаимоотношений» государства и церкви в период относительного затишья.

Хранящиеся в упомянутом фонде документы дают определенное представление не только о том, как режим воздействовал на церковь, ограничивая ее возможности как соперника власти в борьбе за влияние в польском обществе, но и о применявшихся им бюрократических и административных приемах, позволявших досадить своему идеологическому противнику. Не гнушалась власть мелочными уколами, как, например, затягивание в 1964 г. подключения здания

епископата к теплосети до наступления осени якобы из-за перегрузки местной водопроводной сети⁵.

Сложившиеся в рассматриваемый период взаимоотношения государства и церкви, достаточно напряженные, но не критические, не могли оставаться таковыми бесконечно долго. Обе стороны не теряли надежды на то, что со временем, в благоприятных условиях, удастся ослабить противника и повысить свой общественный вес. И такой момент наступил в 1966 г., когда власти намеревались праздновать тысячелетие польской государственности, а церковь – тысячелетие принятия христианства. Итогом резко обострившегося в связи с этим конфликта стало угрожающее снижение возможностей поиска взаимоприемлемого компромисса и дальнейшее углубление политического раскола польского общества.

Напряженность в отношениях между ПОРП и католической церковью достигла критического уровня после 18 ноября 1965 г., когда польские епископы без согласования с властями во время II Ватиканского собора вручили немецким епископам обращение «Мы прощаем и просим нас простить»⁶, в котором призвали к польско-немецкому примирению. Содержание письма немецким епископам, которое подготовили архиепископы Б. Коминек и Е. Строба, вызвало сомнения и внутри руководства католической церкви. Колебался даже Вышиньский, но, в конце концов, одобрил эту акцию. Примаса убедили, что правительство ФРГ не стремится к пересмотру границ. Исходя из этого, Вышиньский сделал вывод, что от немецких церковных властей можно получить заверения в признании границы по Одре – Нысе.

Как было сказано в письме, Польша вышла из войны «не страшной-победительницей, но крайне истощенной»⁷. Тем не менее авторы послания подчеркнули, что страдания немцев тоже не забыты. «Мы хорошо знаем, какое нечеловеческое давление оказывалось на сознание немцев годами со стороны национал-социалистов... Тысячи немцев, христиан и коммунистов, разделяли судьбу поляков в концентрационных лагерях»⁸. Коминек и Строба называют границу по Одре – Нысе «горячим железом» между Польшей и Германией. «Мы понимаем, что граница, идущая по Одре и Нысе, – горький плод войны для Германии. Горечь эта умножается страданием миллионов немецких переселенцев»⁹.

В своем послании польские иерархи также напомнили о страданиях, которые польский народ претерпел в результате германской агрессии. Тем не менее они подчеркивали, что соседство с Германи-

ей на протяжении многих веков оказывало огромное влияние на политическое и культурное развитие Польши. «Мы прощаем и просим нас простить». Эта пресловутая фраза прозвучала в конце послания. Помимо этого обращения польские епископы разослали 56 писем в епископаты разных стран с приглашениями на празднества тысячелетия крещения Польши¹⁰.

Послание польских епископов, которое было полной неожиданностью для властей и общества, вызвало взрыв возмущения у руководства партии и правительства, полагавшего, что только государство имеет право определять направления внешней политики страны. Епископат же своим поступком заявил о претензиях на роль самостоятельного центра в этой сфере. В письме примасу Вышиньскому от 23 марта 1966 г. Гомулка писал: «Формулируя в послании собственную политику в отношении Германии, епископы вышли за пределы своих компетенций и вмешались в полномочия правительства».

В этой ситуации власти пошли на открытую конфронтацию с католической церковью. Используя то обстоятельство, что в польском обществе были сильны воспоминания о войне и опасения германского реваншизма, подтверждением которых было непризнание ФРГ послевоенной западной польской границы, власти развернули мощную пропагандистскую кампанию против церкви, прежде всего ее главы – примаса Вышиньского. Люди, которые прошли через концентрационные лагеря, лагеря принудительного труда, застенки гестапо, не могли смириться с тем, что злодеяния гитлеровцев необходимо простить. Критиковалось вмешательство епископов во внешнюю политику государства, пронемецкие симпатии, нежелание Ватикана урегулировать положение польской католической церкви на западных землях и т. д.

Созывавшиеся на предприятиях, в вузах, школах, селах массовые митинги приняли десятки тысяч резолюций с осуждением этой инициативы. Многие поляки, особенно участники Второй мировой войны, лично писали письма протеста примасу. Послание вызвало большое замешательство среди интеллигенции. Например, журналистка Ю. Ханелова писала: «Это правда, что мы ничего не понимали, для нас это (письмо епископов. – А. С.) было полной неожиданностью». Часть священников, прежде всего молодых, посчитали послание политической ошибкой католической церкви, отказывались подписывать письма в поддержку примаса¹¹.

Антицерковная пропагандистская кампания была продолжена властями весной 1966 г. в ходе центральных мероприятий, органи-

зованных католической церковью по случаю тысячелетия крещения Польши. Власти противопоставили церкви свою концепцию этого празднования (которая гласила, что история католической церкви является лишь составной частью истории Польши и польского государства). Последняя же, наоборот, полагала, что история государства является частью истории католичества на польских землях. ПОРП придерживалась точки зрения, что две годовщины – возникновения польского государства и принятия христианства князем Мешко I – совпадают только хронологически. Гомулка все чаще подчеркивал, что если кардинал Вышиньский и другие иерархи хотят высказывать свое мнение по разным политическим проблемам, то власть им этого не запрещает, но это должно соответствовать политике, которую проводит правительство народной Польши, церковь не должна противопоставлять себя государству.

Для того чтобы воспрепятствовать полякам участвовать в праздновании тысячелетия католической церкви, использовались различные административные и полицейские методы. Так, правительство не дало согласия на приезд в Польшу папы римского Павла VI и епископов из других стран.

Во время церковных торжеств по телевидению показывали интересные фильмы и футбольные матчи, проводились ярмарки и т. д. Так, например, 15 апреля 1966 г. в Гнезно, во время богослужения, проводимого краковским архиепископом К. Войтылой, которое открывало большие церковные торжества, на улице раздались громкие пушечные выстрелы, предвещавшие начало военного парада, назначенного на то же самое время, с участием министра обороны, маршала М. Спыхальского. 17 апреля в Познани, одновременно с кульминационными церковными торжествами, на которых читал проповедь примас Вышиньский, состоялись публичные выступления I секретаря ЦК ПОРП В. Гомулки и членов Политбюро ЦК. Эти мероприятия проходили неподалеку друг от друга. В одно и то же время к собравшимся обратились глава ПОРП и глава католической церкви. Многим полякам приходилось делать трудный выбор¹². В своей речи Гомулка прямо высказал недовольство политикой кардинала Вышиньского. Примас, который мог слышать речь Гомулки, выступавшего неподалеку, не стал вступать в полемику перед лицом своей паствы¹³.

В конце 1960-х гг. в Польше все более осязаемыми становились признаки назревания нового общественно-политического кризиса. Неблагоприятного для властей хода событий не изменили волнения

студентов в марте 1968 г. и развернувшаяся в стране кампания травли интеллигенции, имевшая отчетливые признаки ксенофобии и антисемитизма. Католическая церковь, а также депутаты независимого католического объединения «Знак» в сейме осудили репрессии в отношении студенческой молодежи и нарушения гражданских прав, пытались показать, что подлинные причины социального кризиса кроются в низкой эффективности деятельности власти.

События 1968 г. вызвали очередной кризис доверия к власти и стали своеобразным рубежом, остановившим и повернувшим вспять процесс секуляризации в Польше. Резко возрос интерес к церкви, где службы стали проводиться на польском языке, значительно увеличилось число крестин, все более массовый характер принимало паломничество. Появились новые религиозные движения и сообщества¹⁴.

Кризис позволял руководству католической церкви перейти в контрнаступление и попытаться повторить выгодную для нее сделку с властью, как в октябре 1956 г. Финальный этап взаимоотношений государства и церкви в Польше в обозначенный период как нельзя лучше отражает письмо¹⁵, текст которого был принят 28 июля 1968 г. на пленарной конференции епископата Польши. Послание было адресовано правительству Польской Народной Республики и фактически стало перечнем требований, на основе которых иерархи готовы были прийти на помощь правившей команде, стремительно терявшей поддержку в обществе.

В самом начале письма епископы подчеркнули, что уже далеко не первый раз обращаются к правительству ПНР. Далее подробно излагалось, как правительство ущемляло католическую церковь: «С каждым годом все более грубым образом проходят проверки, запланированные Четвертым отделом МВД и содействующим ему Управлением по делам религий, которые призывают локальные власти всячески ущемлять юридически легальные учреждения католической церкви, а также духовных и светских лиц, относящихся к ней. [...] Поэтому епископат Польши вынужден еще раз обратиться к правительству ПНР в надежде, что государственные власти пересмотрят свое отношение к церкви и внесут изменения в религиозную политику»¹⁶.

Также епископы приводили неутешительную статистику: с 1964 г. Министерство просвещения ликвидировало 680 детских садов, 79 школ и 224 детских дома, которые юридически возглавлялись духовными лицами¹⁷. Епископат также указал на причину сложившейся ситуации, отметив, что «уже на протяжении нескольких лет

отношения церкви и государства находятся в состоянии застоя, причины которого мы видим в плохой работе смешанной комиссии»¹⁸.

Выстраивая линейку аргументов в поддержку своей позиции, епископы апеллировали прежде всего к доводам психологического характера: «Каждый акт самообороны – а стремление к защите от внешней угрозы свойственно любому организму, будь то личность или целый институт, – расценивается как агрессивное поведение. Также отношения церкви и социалистического государства отягощает философия материализма, которая чужда каждой религии, особенно католицизму. В Польше, однако, власти все более упрямо хотят взять верх в спорах с философией, которая бытует уже 19 столетий»¹⁹.

Не обошли они своим вниманием и необходимость соблюдения властями конституции страны: «Если государство, ведя просветительскую, воспитательную и культурную деятельность, а также контролируя научную жизнь, не оставляет альтернатив материалистичному мировоззрению, то многие люди – независимо от нашей воли – видят в Церкви оплот свободы и антитезу доминирования одного мировоззрения. [...] Если же государство хочет руководствоваться принципом “чья земля, того и вера”, то мы вынуждены заметить, что такой подход не представляется реалистичным – конституция любого современного государства четко говорит о свободе религии каждого человека, так же как об этом говорят и международные организации»²⁰.

В тексте довольно часто встречаются призывы к прекращению борьбы с церковью, которые «разбавляют» череду выражений недовольства и упреков, придавая тем самым более мягкий тон всему посланию: «Когда будут отставлены в сторону все эти источники конфликта, отношения церкви и государства заиграют в таком ключе, который удовлетворит обе стороны»²¹.

Указав, что общим требованием является «признание основных прав католической церкви как института, неразрывно связанного с народом Польши уже тысячу лет», епископы перечислили встречные шаги, которые они ждали от правительства ПНР:

1. Соблюдение общественно-правового характера католической церкви.
2. Соблюдение прав церкви на религиозную деятельность.
3. Соблюдение прав церкви на воспитательную деятельность.
4. Соблюдение прав церкви на собрания религиозного характера.
5. Соблюдение прав церкви на открытие духовных семинарий и прочих учебных заведений религиозной направленности.

6. Соблюдение прав церкви на самостоятельную организацию внутри церкви, которая соответствует каноническому праву.

7. Соблюдение прав церкви на материальные и технические средства, используемые для церковных дел.

Некоторые факты ущемления прав католической церкви подчеркиваются и повторяются чаще, чем другие, что позволят нам понять, какие именно акции правительства наиболее беспокоили епископат. Чаще всего католические иерархи указывали на затруднение деятельности духовных семинарий, из чего следует, что этот нюанс особенно тревожил епископов, даже в сравнении с запретами на строительство церквей, травлей кардинала Вышиньского и прекращением преподавания религии в общеобразовательных школах. «Пренебрегая принципом отделения церкви от власти, Министерство просвещения не только присвоило себе право надзора за епархиальными и монастырскими духовными семинариями, где семинаристы готовятся к рукоположению; представители министерства также покушаются на права религиозные – они посягают на учебный план семинарий, добиваясь его корректировки и добавляя новые предметы. Такое вмешательство незаконно и нарушает как фундаментальные устои церкви, так и конституционно утвержденное отделение церкви от государства»²².

Заканчивается обращение словами: «С учетом вышесказанного мы надеемся, что прекратятся акции, губительные для церкви, польского народа и всего нашего государства»²³.

Примечательно, что письмо написано в необычной манере. Подчеркивалось, что церковь не теряет надежду на урегулирование конфликта даже тогда, когда, казалось бы, всякий диалог был прекращен. Скорее всего, это связано с тем, что, будучи свидетелями мартовских событий 1968 г., епископы поняли, что Гомулка никогда еще не был так близок к краху; но, заручившись поддержкой церкви, которую он наверняка получил бы, выполнив требования епископата, лидер ПОРП смог бы исправить ситуацию или, по крайней мере, отсрочить конец своего правления. В этом письме видна надежда на повторение октября 1956 г., когда церковь и власть вместе работали над решением внутривластных проблем, обоюдно увеличивая популярность и доверие к себе со стороны польского народа.

В целом период 1968–1970 гг. представлялся временем некоторого затишья в противостоянии государства и церкви. Это отмечал посол СССР в ПНР Б. И. Аристов в политписьме, написанном в сентябре 1970 г.: «...друзья в своей работе по преодолению влияния

костела несколько самоуспокоились в связи с тем, что костельная иерархия в последние 3–4 года не предпринимала сколько-нибудь значительных антигосударственных акций...»²⁴

1966 г. мог стать годом единения власти и церкви, если бы эти два мощнейших института влияния на общество совместно праздновали тысячелетие Польши. Но Гомулка выбрал иное видение смысла этого праздника, что можно считать одной из его главных ошибок по отношению к католической церкви. Католические иерархи, в свою очередь, своим обращением к немецким епископам показали руководству ПОРП, что церковь – автономный институт, который никогда не будет всецело следовать правительственной политике. Таким жестом они, вероятно, не осознавая этого в полной мере, исключили всякую возможность дальнейших конструктивных шагов со стороны власти на пути к перемирию. После 1968 г. прекратились любые значимые подвижки на линии государство – церковь, и тогдашнее руководство ПОРП без какого-либо участия католических иерархов потерпело фиаско в декабре 1970 г., оставив решение проблемы взаимоотношений церкви и государства новому партийному лидеру – Эдварду Гереку.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Носкова А. Ф.* Римско-католическая церковь и кризис 1956 года в Польше // Государство и Церковь в СССР и странах Восточной Европы в период политических кризисов второй половины XX века. М., 2014. С. 185.

2 Archiwum Akt Nowych (AAN). Działalność Episkopatu Polski wobec zaostżenia stosunków państwo – Kościół. Urząd do Spraw Wyznań (UdSW). Wydział Wyznania Rzymskokatolickiego. T. 125/24.

3 Ibid. К. 16.

4 Ibid. К. 21.

5 Ibid. К. 68.

6 *Raina P.* Kościół Katolicki a państwo w świecie dokumentów 1945–1989. Poznań, 1994. S. 34.

7 Oświadze biskupów polskich do ich niemieckich braci w Chrystusowym urzędzie pasterskim. http://www.opoka.org.pl/biblioteka/W/WE/kep/oredzie-niem_18111965.html

8 Ibid.

9 Ibid.

10 *Лавриненко Е. В.* Католический костел и государство в Польше в 1944–1969 гг. // Восточная Европа: феномен Балтии. СПб., 2004. С. 370.

- 11 Польша в XX веке: очерки политической истории. М., 2012. С. 693.
- 12 Польша в XX веке... С. 694.
- 13 *Dudek A., Gryz R.* Komuniści i Kościół w Polsce (1945–1989). Kraków, 2003. S. 237.
- 14 *Яжборовская И. С.* Польская католическая церковь и государство в 40–90-е годы XX века // Религии мира: История и современность. М., 2003. С. 27.
- 15 List Episkopatu Polski do władz PRL w sprawie systematycznego ograniczania prac Kościoła Rzymskokatolickiego w Polsce i szykanowania działalności religijnej // AAN. UdSW. T. 125/38.
- 16 Ibid. K. 2.
- 17 Ibid. K. 8.
- 18 Ibid. K. 3.
- 19 Ibid. K. 5.
- 20 Ibid. K. 7.
- 21 Ibid. K. 7.
- 22 Ibid. K. 14.
- 23 Ibid. K. 20.
- 24 Цит. по: *Волобуев В. В.* Католическая церковь и общественно-политический кризис в Польше в декабре 1970 – январе 1971 гг. (по материалам Архива внешней политики РФ) // Государство и Церковь в СССР и странах Восточной Европы в период политических кризисов второй половины XX века. М., 2014. С. 198.

A. I. Smirnov

Relations between the state and the Catholic Church in Poland in
1956–1968

The article deals with the events in Poland in 1956–1968, which characterized the relationship between the socialist state and the Catholic Church: from constructive cooperation to confrontation.

Keywords: *Catholic Church, the Polish United Workers' Party, Primate Stefan Wyszyński, Władysław Gomułka, the millennium of Poland, relationship between church and state.*

О. Н. Майорова
(Москва)

Правый поворот в Польше. Президентские и парламентские выборы 2015 г.

В статье рассматриваются сенсационные итоги президентских выборов в Польше (май 2015 г.) и результаты парламентских выборов (октябрь 2015 г.), анализируются причины поражения президента Б. Коморовского и праволиберальной «Гражданской платформы», а также факторы, определившие поворот страны вправо, победу кандидата от оппозиционной консервативной партии «Право и справедливость» Анджея Дуды и самой партии на парламентских выборах.

Ключевые слова: *Польша, президентские выборы, парламентские выборы, предвыборная кампания, электорат.*

Для современной политической жизни в Польше характерно главным образом такое явление, как «польско-польская война», что отражает чрезвычайно высокий уровень политической напряженности и значительную разобщенность польского общества. Подобное положение наблюдается по крайней мере с 2005 г., когда стало ясно, что не посткоммунисты (в лице социал-демократов) и их противники (в лице правых партий) были главными противостоящими сторонами, а две правые партии – «Гражданская платформа» (ГП) и «Право и справедливость» (ПиС). В 2005 г. ГП, проиграв и парламентские, и президентские выборы, оказалась в оппозиции, и началась ожесточенная борьба между партиями, в программах которых было немало общего. ПиС в коалиции с популистскими партиями «Самооборона» и «Лига польских семей» (ЛПС) находилась у власти недолго – до августа 2007 г., когда на досрочных парламентских выборах победила ГП и главой правительства стал ее лидер Дональд Туск.

Противостояние президента Л. Качиньского (ПиС) и премьеря Д. Туска (ГП) было предвестником обострения «польско-польской войны», которая в полной мере разразилась в стране после трагической гибели Л. Качиньского и неудачи его брата Ярослава на президентских выборах 2010 г. Отказ Туска от борьбы за президентское

Статья подготовлена в рамках программы ОИФН РАН «Историческое наследие Евразии и его современные смыслы».

кресло привел к выдвижению «Гражданской платформой» другого кандидата – Б. Коморовского, который одержал победу над своим основным конкурентом Я. Качиньским. В условиях обостренной борьбы в 2011 г. прошли очередные парламентские выборы, и ГП вновь одержала уверенную победу. Впервые в истории Польши после 1989 г. правящая партия сумела победить дважды подряд, а ее глава – дважды возглавить правительство¹. В августе 2014 г. Дональд Туск был избран на пост председателя Европейского совета, новым премьер-министром Польши стала Эва Копач. Позиции ее правительства были достаточно сложны: рейтинги ГП уступали популярности партии Качиньского.

В такой непростой обстановке проходили президентские выборы в Польше в 2015 г. Их итоги стали сенсацией. В первом туре, состоявшемся 10 мая, ни один из 11 кандидатов не набрал половины голосов. Вопреки опросам и предсказаниям политологов на первом месте оказался кандидат оппозиционной партии «Право и справедливость» Анджей Дуда, получив 34,76%, на втором месте – действовавший тогда президент Польши Бронислав Коморовский с поддержкой 33,77%, то есть с разницей всего в 1%.

Крупной неожиданностью стало и то, что 20,8% избирателей проголосовали за независимого кандидата, рок-музыканта Павла Кукиза. Это было проявлением недовольства поляков, протеста против способа функционирования всей польской политической сцены, против отрыва политиков от каждодневной жизни обычных людей, против навязчивой пропаганды успеха, против отсутствия общественной солидарности с группами обездоленных².

Остальные кандидаты получили незначительный процент голосов: Януш Корвин-Микке (партия «КОРВиН») – 3,26%; Магдалена Огурек («Союз демократических левых сил» – СДЛС) – 2,38%; Адам Ярубас (Польская крестьянская партия – ПКП) – 1,60%; Януш Паликот («Твое движение») – 1,42%; независимый кандидат режиссер Гжегож Бруан – 0,83%; Марианн Ковальский («Народное движение») – 0,52%; Яцек Вильк («Конгресс новой правницы») – 0,46%; Павел Танайно («Непосредственная демократия») – 0,2%. Явка в первом туре составила 48,96%.

Во втором туре 24 мая выиграл Анджей Дуда, получив 51,55% голосов. Коморовский набрал 48,45%, то есть разница между соперниками составила 3%.

Объясняя такие результаты общественной поддержки двух политиков, российский исследователь Л. С. Лыкошина ссылается на

такое уже упоминавшееся выше явление, как «польско-польская война». «Война», по ее словам, делит общество на две неравные части. Указанное противостояние обостряется в силу того, что «значительная часть населения вообще не участвует в выборах, не видит партии, которая могла бы представлять их интересы»³.

В последние годы «Гражданская платформа», вице-председателем которой до вступления в должность президента был Коморовский, занимала лидирующее положение. Поэтому считалось, что «польско-польская война» партией ПиС проиграна. Однако в последнее время она значительно увеличила свой рейтинг. Об этом свидетельствовали выборы в органы самоуправления, прошедшие в Польше в ноябре 2014 г. Однако даже это усиление партии ПиС аналитиками не рассматривалось как основание для будущей победы Дуды.

Итоги президентских выборов 2015 г. можно объяснить как объективными, так и субъективными факторами. К первым относится сложный период как в мире в целом, так и в Европе в частности, в том числе в контексте конфликта на Украине, ухудшения в этой связи отношений с Россией, что сказывается на экономике Польши и настроениях избирателей. Кроме того, существуют внутривосточные проблемы – закрытие угольных шахт в Силезии, безработица среди молодежи.

Если говорить о субъективных факторах, то следует обратить внимание на личности основных кандидатов. Коморовский, по оценкам аналитиков, – хороший президент: Польша достаточно успешно продвигалась по сложному пути современного развития. В 2001 г. он примкнул к партии «Гражданская платформа», с 2005 г. исполнял обязанности вице-маршала, а в 2007 г. – маршала Сейма Польши. В 2010 г. стал президентом Польши, опередив во втором туре Я. Качиньского всего на 6% (53% против 47%). Главным козырем Коморовского тогда стала более дружественная позиция по отношению к России и ЕС. Коморовский отстаивал дальнейшую интеграцию с ведущими странами ЕС, тогда как Качиньские придерживались курса на сотрудничество с новыми членами Евросоюза из Центральной и Юго-Восточной Европы и сдержанность по отношению к Германии и Франции.

А. Дуда – уроженец Кракова, юрист по образованию. До начала предвыборной кампании рядовые избиратели практически ничего о нем не знали. Долгое время он занимался преподавательской деятельностью, а в 2005 г. примкнул к партии ПиС, став ее юридическим советником. В 2008 г. занял пост заместителя госсекретаря в канцелярии президента Л. Качиньского, затем был избран депутатом Сейма Польши и Европарламента. Дуда – сторонник сближения с Украиной.

Одной из основных причин поражения Коморовского аналитики назвали его «летаргическую», запоздалую, нескоординированную, недостаточно наступательную избирательную кампанию. Особенно пассивной она оказалась в преддверии первого тура, поскольку он был слишком уверен в себе, очевидно, считая, что в любом случае победит⁴. По словам Д. Туска, Коморовский – хороший президент, но не лучший сражающийся кандидат.

Следует отметить также значимость президентских выборов в европейском контексте. Европейский поезд набирает темп, и для Польши важно стать существенной частью этого поезда, убеждал Туск, ссылаясь на евроскептицизм ПиС и добавляя, что в ближайшее время Польша не войдет в зону евро⁵. А поддерживавший его бывший президент Польши А. Квасьневский заявлял: «Коморовский – идеальный человек центра, что делает его политиком, не вызывающим сильных эмоций, но способным на компромисс».

Неправильной и неэффективной оказалась стратегия Коморовского запугивать возможным приходом к власти партии Качиньского молодых, которые не помнят событий десятилетней давности.

Что касается Дуды, то некоторые эксперты отмечали правильность стратегии лидера партии ПиС Я. Качиньского, выдвинувшего в качестве кандидата на президентский пост неизвестного, но симпатичного молодого политика, который к тому же получил благословение влиятельной католической церкви. Лидеры ПиС учитывали важный фактор: поляки хотят перемен, новых лиц. К тому же Дуда сосредоточился на современных технологиях: активности в социальных сетях, использовании американских методов ведения избирательных кампаний. В частности, он проехал многие города и поветы в автобусе («Дуда-bus»), раздавал бесплатный кофе в центре Варшавы. Оппозиционный кандидат проявлял инициативу, пытался генерировать новые идеи, выдвигать притягательные лозунги, давать заманчивые обещания, то есть всеми способами привлекал к себе внимание, что, несомненно, сыграло свою роль.

Дуда работал со своими избирателями, говоря о внутренних проблемах, а Коморовский больше концентрировался на высокой политике, в том числе на внешней.

На начальной стадии избирательной кампании Коморовский не участвовал в теледебатах. Но после поражения в первом туре он был вынужден согласиться на дискуссии, которые состоялись 17 и 21 мая. Мнения экспертов по поводу их победителя разделились. Правы, скорее были те, кто заметил: дебаты «не дали явного эффекта»,

они практически ничего не изменили в рейтинге кандидатов. Коморовский был хорошо подготовлен по существу, а Дуда, хотя и говорил интересно, раздавал массу популистских обещаний: повышение пенсий, снижение пенсионного возраста, налогов, помощь молодым и малоимущим семьям, введение налогов на супермаркеты и банки.

Польский политолог В. Яблоньский, утверждавший, что Дуда «нокаутировал» Коморовского, подчеркнул, что столкновение между ними есть нечто большее, нежели рядовая избирательная кампания, а именно – явление смены поколений. По его мнению, политик, который концентрирует внимание на своих прошлых заслугах, обречен на поражение, так как «биографией избирателей не накормишь». Больше шансов имеет кандидат, уверяющий, что находится среди людей и знает их проблемы, тем более что значительная часть польского общества считает себя обманутой⁶.

Остановливаясь в ходе теледебатов на вопросах внешней политики, Коморовский отметил, что Польша должна стремиться быть важной частью Европы, иметь здесь сильных друзей, а не сильных противников. Веймарский треугольник позволяет Польше сохранять хорошие отношения с Францией и Германией, что, в свою очередь, способствует принятию благоприятных для Польши решений в рамках Евросоюза. Дуда же ратовал за усиление национальной идентичности и более четкое акцентирование своих интересов в единой Европе: поляки не должны априори соглашаться со статусом государства категории «В».

Говоря о безопасности Польши, оба кандидата согласились, что в ее интересах иметь на своей территории базы НАТО.

Относительно России Коморовский заметил, что именно она начала конфронтацию со всем западным миром, и Польше следует действовать как его неотъемлемой части. По его мнению, Россия станет безопасной для Польши, если откажется от имперских устремлений и начнет реформы. По словам же Дуды, Польша должна проводить наступательную внешнюю политику, под которой подразумевается давление на международные институты с целью их воздействия на Россию.

Касаясь ситуации на Украине, президент заявил, что поддерживает эту страну, но об отправке на Донбасс польских солдат речь не идет. Его соперник настаивал на том, чтобы страна руководствовалась собственными приоритетами: «В наших интересах, чтобы Украина была в Евросоюзе, но война на Украине – не в интересах Польши»⁷.

Во время теледебатов кандидаты обсуждали будущее Польши в Евросоюзе, отношения с соседями, вопросы исторической памяти, причины авиакатастрофы под Смоленском, вооружение польской армии, экономические и социальные проблемы, зарплаты поляков и налоги, пенсионную систему. Дуда обещал отменить непопулярное решение о повышении пенсионного возраста до 67 лет, а Коморовский предлагал законодательно закрепить право уходить на заслуженный отдых после получения 40-летнего трудового стажа.

Что касается активности избирателей на президентских выборах, то явка в первом туре составила 48,96%, а во втором – 55,34%. Следует обратить внимание на низкую явку электората Коморовского: выступающих за сохранение статус-кво труднее мобилизовать и призвать к более активной, а не только декларативной поддержке.

В значительной мере результаты выборов определили молодые, общественная группа, вступающая в жизнь, для которой перелом 1989 г. является уже историей. Нынешняя действительность воспринимается ими как нечто очевидное, и молодежь концентрируется на недостатках существующего положения вещей. Она добивалась исполнения своих амбициозных стремлений, требовала хоть каких-то «перемен».

Анализируя причины поражения Коморовского, можно утверждать: после нескольких лет монополии «Гражданской платформы» граждане нуждались в политических изменениях. Результаты выборов четко показали, что Дуда значительно расширил традиционный электорат Пис.

Коморовский, несмотря на достигнутые в годы его президентства экономические успехи Польши, проиграл. Для постороннего наблюдателя может показаться странным, что поляки, с одной из самых динамично развивающихся экономик в Европе, столь активно выражают свое недовольство сложившимся в стране положением. Однако следует иметь в виду, что многие жители, особенно в провинции, не ощущают экономических преимуществ от успехов Польши, доказательством чего являются эмигрировавшие из страны за последние 10 лет 2 млн. поляков. Иными словами, позитивные экономические сдвиги, на которые постоянно указывают аналитики, не в равной степени коснулись всех регионов и всех общественных групп. Польский социолог и политолог Я. Станишкис в интервью «Российской газете» подчеркивала актуальность перемен в Польше: «Мы имеем чрезвычайно высокий уровень эмиграции, главным образом молодых образованных людей, и по этой причине демографические про-

блемы, старение населения, кризис семейной политики. Необходимо привести в движение механизмы, которые дадут больше шансов для развития. И об этом говорил Дуда. А Бронислав Коморовский хвалил то, что есть, и с этой точки зрения можно сказать, что это конфликт поколений»⁸.

Коморовский «заплатил» за свою чрезмерную приверженность ГП, несмотря на формальную нейтральность. Бывший лидер ЛПС и вице-премьер в правительстве ПиС-Самооборона-ЛПС Р. Гертых, в последнее время благожелательно настроенный к ГП, подверг ее критике, заявив, что партия проиграет парламентские выборы осенью 2015 г., так как не имеет продуманной медийной политики, поднимает темы, интересующие лишь небольшую часть общества, например, партнерские союзы, вопросы искусственного оплодотворения, и не умеет рекламировать свои достаточно внушительные успехи⁹.

Таким образом, предвыборная кампания и итоги президентских выборов в Польше позволяют представить различные настроения в обществе, зафиксировать снижение рейтингов «Гражданской платформы», увеличение популярности «Права и справедливости», поражение левого крыла польской политической сцены, усиление протестных настроений, особенно среди молодежи¹⁰.

Все эти изменения, несомненно, отразились на результатах очередных парламентских выборов 25 октября 2015 г. В Сейм прошли пять партий: партия ПиС получила 37,58% голосов избирателей и 235 депутатских мандатов (абсолютное большинство), ГП – 24,09% и 138 мандатов, «Кукиз'15» – 8,81% и 42 мандата, «Современная партия» – 7,60% и 28 мандатов, ПКП – 5,13% и 16 мандатов. 1 мандат завоевало немецкое меньшинство. Не преодолели избирательного порога: «Объединенные левые» – 7,55% голосов избирателей (как коалиционный блок левые должны были преодолеть восьмипроцентный избирательный порог), «КОРВиН» – 4,76%, «Партия Вместе» – 3,62%. Из 100 мест в Сенате – большинство у ПиС – 61 мандат; у ГП – 34; у ПКП – 1 и у независимых кандидатов – 4.

Победа ПиС прервала восьмилетнее доминирование праволиберальной ГП в польской политике. По выражению «The Guardian», голосование 25 октября «завершило поворот Польши вправо».

Поскольку Польша является парламентской республикой, именно сформированное большинством в парламенте правительство определяет основные направления внутренней и внешней политики страны. По итогам выборов право формировать правительство получила консервативная партия ПиС. Впервые за 26 лет существования

демократической Польши более половины мест в парламенте получила одна партия, последний раз сравнимое представительство было у коммунистов в Сейме, избранном в 1985 г. Также впервые с 1989 г. в парламент не вошли представители левых.

Женщину-премьера (Эву Копач из ГП) сменила другая женщина – Беата Шидло, и это тоже в первый раз. Феноменален и сам по себе факт, что крупнейшими партиями в битве за парламент руководили женщины. Эва Копач, Беата Шидло и Барбара Новацка («Объединенные левые») – сегодня не только визитные карточки своих партий, но и символы перемен, произошедших в польском обществе. Несомненно, их выдвижение – политический расчет, направленный на смягчение облика их партий, на привлечение новых сторонников.

Эту же цель преследовали и непосредственные теледебаты между основными кандидатками – Копач и Шидло. Обозреватели, в частности, отмечали, что они «имеют одну и ту же проблему – представляют партии, постоянный электорат которых ненавидит или презирает другую сторону». С точки зрения консерваторов, либералы являются «лакеями Германии и безбожного Евросоюза»; с точки зрения либералов, консерваторы – «клерикальная секта, стремящаяся к охоте на ведьм и инквизиции». Чтобы завоевать голоса центристски настроенного электората, обе кандидатки стремились «сглаживать контуры» своей идеологии, и вследствие такой тактики оказались «лишены выразительности» и похожи друг на друга. Оценки теледебатов различались, в том числе диаметрально, но имели место и такие: «проиграли обе», «напоминали декламаторский конкурс»¹¹.

До начала 2015 г. Шидло была малоизвестным политиком: будущий премьер последние десять лет представляла в Сейме городок Хжанув. С осени 2014 г. она работала казначеем ПиС и в этом качестве возглавляла избирательный штаб кандидата в президенты А. Дуды. После его победы лидер ПиС Я. Качиньский назвал ее кандидатом в премьер-министры в случае успеха партии на октябрьских выборах в Сейм.

По мнению европейского издания «Politico», именно Я. Качиньский будет «серым кардиналом», стоящим за решениями президента и главы правительства. Знаменательным представляется факт, что, оставаясь в течение всей кампании на втором плане, именно он первым выступил с речью после оглашения предварительных итогов голосования. Качиньский же в течение продолжительного времени выступал в Сейме после экспозе Б. Шидло 18 ноября, что немедленно было охарактеризовано наблюдателями как «второе экспозе». Кан-

дидатуры Дуды и Шидло он поддержал из-за своего высокого антирейтинга внутри страны. Стояла задача добиться победы ПиС, а не какого-то конкретного лица.

Ограниченная известность Шидло и прямое покровительство со стороны Качиньского косвенно свидетельствуют о том, что она является «проходной фигурой» для лидера ПиС. Похожая ситуация сложилась в 2005 г., когда премьер-министром стал К. Марцинкевич, а спустя восемь месяцев его сменил Я. Качиньский.

По данным польского канала TVN24, европейские СМИ приветствовали новые власти Польши не самыми оптимистичными публикациями. Немецкий телеканал ARD напомнил зрителям, что глава ПиС Я. Качиньский, будучи премьером Польши, 10 лет назад «постоянно провоцировал политические скандалы и серьезно вредил отношениям Польши с Германией и Евросоюзом». Одновременно с этим выражалась надежда, что с приходом молодого поколения политиков ПиС, таких как президент Дуда и премьер Шидло, партия изменилась.

Не радует победа ПиС и украинцев. Местные СМИ сравнивают ее с «холодным душем», который ждет Киев, и напоминают, что правая партия хоть и известна своими антироссийскими взглядами, но без исторических разбирательств, в том числе в отношении деятельности Украинской повстанческой армии (УПА), в польско-украинских отношениях не обойдется.

Французское агентство АФР считает, что евроскептически настроенные консерваторы выплыли на волне популистских обещаний и опасений перед наплывом беженцев. Не принесли результата предостережения противников Качиньского, напомиравших времена 2005–2007 гг., отмеченные трудностями в отношениях с Брюсселем, Германией и Россией.

Поворот вправо отодвинул «центристскую партию, которая правила восемь лет, в пользу социально консервативной и евроскептической партии, которая хочет сдержать мигрантов и увеличить расходы на бедных в Польше», – подчеркивает американское агентство «Associated Press»¹².

Смена власти в Польше в заграничных СМИ характеризовалась как дорога к «урбанизации». Я. Качиньский – сторонник «сильного государства». В его понимании это государственная модель, в которой власть победившей элиты как можно меньше ограничивается какими-либо институтами, будь то Конституционный суд, независимая прокуратура или Совет по радиовещанию и телевидению. Это

концепция «нелиберальной демократии», которую в Венгрии реализует Виктор Орбан.

Партии В. Орбана и Я. Качиньского во многом схожи. Качиньский часто ставил венгерского премьер-министра в пример, в частности в области политики в отношении ЕС. ПиС в ходе предвыборной кампании не раз заявляла, что Польша в рамках Евросоюза должна отстаивать собственные интересы. Много общего и в экономических программах обеих партий. Орбан стремится к тому, чтобы половина банков страны была в венгерских руках, в свою очередь ПиС говорит о реполонизации банков и о введении на них налога. Партии Орбана и Качиньского объединяет и отношение к прибывающим в Европу беженцам и мигрантам. Венгерское правительство ставит преграды на их пути, ПиС также высказывает по этому поводу многочисленные предостережения. Однако существуют и серьезные различия между политикой Орбана и требованиями ПиС. Прежде всего их разделяет отношение к России и, следовательно, их видение энергетической политики. Эксперты предполагают, что если в Польше действительно дойдет до «орбанизации», то только в ее легком варианте¹³.

Наблюдатели задаются вопросом: означают ли эти выборы конец определенной эпохи в польской политике? Как уже отмечалось, начиная с парламентских выборов 2005 г. вплоть до последней избирательной кампании политические предпочтения поляков были поделены между ГП и ПиС. Избиратели, живущие на западе, более охотно голосовали за первую партию, на востоке – чаще за вторую. Первое серьезное колебание в этом делении наступило в 2011 г. Тогда ГП выиграла у ПиС в 11 воеводствах из 16-ти, однако ПиС сохранила свои восточные бастионы. Сейчас же партия Качиньского победила уже в 14-ти воеводствах, в том числе в считавшихся до сих пор оплотом соперника – Великопольском и Нижнесилезском.

Может ли это означать перелом в польской политике? Мнения обозревателей разделились. Даже с перспективы четвертьвекового (26 лет) существования демократической Польши трудно говорить о конце определенной эпохи, – считает польский политолог А. Дросик. Он подчеркивает: несмотря на видимую стабильность позиций некоторых партий в регионах, страна не может сравниться с США или Великобританией, где можно почти со стопроцентной уверенностью предсказать географию предпочтений избирателей. Существует и другая точка зрения: самостоятельное правление ПиС и отсутствие левых в парламенте указывают на радикальный перелом в польской

политике. Деление на воеводства не так существенно, важнее то, что партия Качиньского начала выигрывать в больших городах, где раньше доминировала ГП¹⁴.

Останавливаясь на причинах поражения ГП, целесообразно привести мнение авторитетного польского публициста П. Сквечиньского, высказанное им в «Российской газете»: «Платформа проиграла прежде всего потому, что она у многих людей ассоциируется с коррупцией, с громкими политическими скандалами, за которые она не понесла ответственности. Но есть и более глубокая причина: Польша подошла к границе своей нынешней модели развития. Эта модель была более выгодна элитам, чем большинству населения, в особенности молодежи, которая выходит на рынок труда. Молодым не хватает стабильности, перспективы, а «Гражданская платформа» не хотела этого замечать, что стало понятно в ходе предвыборной кампании экс-президента Бронислава Коморовского весной, когда тот хвалился успехами»¹⁵.

У сторонних наблюдателей в ходе предвыборной кампании создавалось впечатление, что многие потенциальные избиратели партии ПиС собирались голосовать не столько за эту политическую формацию, сколько против правящей ГП. Несмотря на то, что Польша прошла через экономический кризис без особенных потерь и изменения к лучшему в жизни простых поляков и в самом деле были, они происходили постепенно и в основном оставались незамеченными.

ПиС не пришла бы к власти, не завоевала бы президентский дворец в мае и премьерское кресло в октябре, если бы не удалось нейтрализовать либеральный электорат, который всегда был опорой ГП. За партию Качиньского эту работу успешно проделала сама «Гражданская платформа». Добившись успеха на фоне роста экономики, она не продолжила реформы, не обеспечила своему избирателю дальнейший рост уровня жизни.

Эксперты подчеркивают, что в значительной степени низкие результаты ГП обусловило, кроме 8-летнего правления и многочисленных афер, появление на польской политической сцене «Современной партии». Только 51,9% тех, кто в 2011 г. поддержали ГП, на этот раз голосовали за нее. Остальные чаще выбирали «Современную партию» (13,3%). Успех партии в значительной мере был определен удачно проведенной избирательной кампанией. Выигрышно смотрелся ее харизматичный лидер, бывший советник вице-преьера Л. Бальцеровича Рышард Петру, поддерживавший имидж успешного менеджера. Растущая популярность этой группировки также

свидетельствует о том, что для некоторых избирателей существует такое понятие, как «мода на партии». В 2007 г. была мода на ГП, четыре года спустя – на «Движение Паликота», во время последних президентских выборов – на «Кукиза», а теперь – на «Современную партию». К тому же своеобразным образом действует механизм пропаганды: некоторые избиратели надеются, что голосование за выдвинутую кандидатуру может автоматически означать вступление в тот мир, который политик представляет, в данном случае в мир финансистов, банкиров, известных экономистов¹⁶.

Если бы «Гражданская платформа» не позволила, чтобы вырос ее конкурент в борьбе за либеральный электорат в виде «Современной партии» Р. Петру, вероятнее всего, ПиС не получила бы самостоятельного большинства. Э. Копач, сосредоточившись в ходе последних выборов на борьбе за социальный электорат, пренебрегла консервативно-либеральными избирателями ГП, которые не одобряли заключение договоров с горняками, и этот электорат перехватил Петру.

Что касается причин победы партии «Право и справедливость», то одной из важнейших частей ее предвыборной кампании было изменение трактовки предпринимателей, перетягивание у ГП ее основного электората в бизнес-среде. Несколько лет назад Качиньский пугал бизнесменов и заявлял, что укротит их самоволие, однако изменил позицию и начал искать с ними общий язык. Взамен получил титул «человека года» на экономическом форуме в Крынице и довольно большой кредит доверия.

Находясь в оппозиции, ПиС готовилась к ближайшим выборам – в течение последних двух лет выработала экономическую программу, которую обсуждали с представителями различных кругов. Она была также поддержана в ходе экономических дебатов, проходивших в июле, во время трехдневной конференции ПиС в Катовицах. Заинтересованность людей бизнеса программой ПиС могла быть вызвана также социальными преобразованиями правительства Копач, которые не всегда устраивали предпринимателей.

ПиС сумела соединить ожидания бизнеса и своего постоянно-го электората. В этических вопросах большинство избирателей ПиС консервативны, однако в экономических – тянут свою партию влево. Поддержкой со стороны бизнесменов ПиС нанесла сильный удар «Платформе», которая до сих пор рекламировала себя как либеральную и прогрессивную и, следовательно, наиболее дружественную предпринимателям. Однако восьмилетнее правление, неисполнение некоторых ранее данных обещаний, а также новая стратегия ПиС

привели к тому, что ГП утратила один из своих важнейших козырей, благодаря которым выигрывала предыдущие выборы¹⁷.

ПиС сделала выводы после парламентских выборов 2011 г., когда от нее откололась правоцентристская партия «Польша самая важная», а также после выборов в Европейский парламент 2014 г., в ходе которых «правица» оказалась разделена: отдельно стартовали «Солидарная Польша» Збигнева Зиобры и «Польша вместе» Я. Говина. Качиньский извлек урок, а лагерь его оппонентов – нет.

Вполне ожидаемый результат парламентских выборов не совсем верно представлять как победу правых и полное поражение левых. Проиграли левые, но не левая политика. «Сейм без левицы – как левша без левой руки», – констатирует лидер СЛД Л. Миллер. Я. Паликот, возглавляющий партию «Твое движение», считает такое положение абсурдом: «Это даже в определенном смысле ненормально для правицы, так как любая чрезмерная власть без всякого контроля – нехорошо»¹⁸.

Главная причина провала «Объединенных левых» («Союз демократических левых сил», «Твое движение», Польская социалистическая партия, «Союз труда», Партия зеленых), то есть социал-демократов, заключается в том, что у них перехватили повестку и электорат. И сделала это партия ПиС, которая теперь сформировала правительство. Среда, обеспечившая социал-демократам успех в 1990-е гг., – это поляки, чувствовавшие себя пострадавшими от рыночных реформ, требовавшие защиты и помощи от государства, восприимчивые к экономическому популизму. При этом социал-демократы последовательно выступали за евроинтеграцию и были относительно либеральными в том, что касалось семьи, аборт и церкви. Это дало им поддержку образованной городской молодежи. Таким образом, они воплотили в себе два типа левизны: с одной стороны, социально-экономический популизм и расширение государственного контроля над рынком, а с другой – общественно-этический либерализм. И их нынешнее поражение не означает, что политическая левизна во всех смыслах будет маргинальной в новом Сейме. ПиС консервативна во всем, что касается семьи, брака, церкви и прав сексуальных меньшинств. Но когда разговор заходит об экономике, ПиС перенимает идеи социал-демократов.

В программу ПиС входят: повышение почасовой оплаты труда; выплата 500 злотых (около 150 долл.) в месяц за второго ребенка, а также третьего, четвертого и т. д.; возвращение к предыдущему пенсионному возрасту; Национальная программа занятости, то есть новые рабочие места для молодых в польских регионах; дополни-

тельное налогообложение для банков и гипермаркетов; полное бюджетное финансирование здравоохранения; бесплатные лекарства для граждан старше 75 лет. Все это очень простые левые программные тезисы, которые использовали правые популисты. Программа «Объединенных левых» выглядела сложнее, они пытались добиться поддержки за счет нюансов и компромиссов.

Вместе с тем силы ПиС всегда подпитывались общественными настроениями, куда более масштабными и разноплановыми, чем настроения поляков, выросших при социализме и не приспособленных к рынку. Бедность, нереализованность, неудовлетворенные профессиональные или предпринимательские амбиции, национальные комплексы, антизападничество, евроскептицизм, антилиберализм, ксенофобия – этими настроениями партия Качиньского умело пользуется.

Что же касается внешней политики, вопрос Украины, к примеру, практически не поднимался в ходе предвыборной кампании, поскольку это очень сложная тема – избиратели хотят поддерживать Украину, но при этом избежать войны. Направление этой политики президент А. Дуда обозначил своим первым визитом в Таллин. Он не случайно поехал в натовскую Эстонию, а не на Украину. Определенно можно сказать – ПиС всегда выступала за более тесное сотрудничество с США, за размещение американских военных баз на территории Польши, и эта тенденция, скорее всего, сохранится¹⁹. Мысль о том, что ПиС сильно настроена пронатовски, а в отношении Евросоюза, членом которого является Польша, – более скептически, неоднократно высказывалась и в польских, и в зарубежных СМИ.

Победа Дуды на президентских, а затем и ПиС на парламентских выборах свидетельствует о некотором сдвиге в сторону евроскептицизма в стране, которая вплоть до настоящего времени была в Центральной Европе еврооптимистом. «В Брюсселе и традиционных европейских элитах, которые выросли на строительстве Евросоюза, рассматривают поражение Коморовского как свое собственное»²⁰, – полагает декан факультета мировой экономики и мировой политики Высшей школы экономики С. А. Караганов. Он указал на ключевую роль Польши во втягивании Евросоюза в украинский кризис. Британские СМИ, в частности, также отмечали, что в условиях «глубокой нестабильности у соседей, главным образом на Украине, Евросоюзу нужна Польша, которая останется зрелым и ответственным актором на дипломатической сцене». Польша должна закрепить достижения, полученные от расширения ЕС, она является «наиболее наглядным в ЕС примером успеха»²¹.

Выборы вполне могут изменить позиции Польши в Евросоюзе. Это, конечно, не будет означать полное согласие с политикой Брюсселя и Берлина, как это было во времена «Гражданской платформы». Э. Копач, к примеру, заявила, что позиция ПиС, несомненно, будет создавать проблемы для ЕС из-за несговорчивости этой партии по ряду вопросов, а это нанесет вред польскому обществу. ПиС намерена рассматривать обязательства Польши через призму национальных интересов страны, как их понимают сами консерваторы. А мнение поляков, как показал миграционный кризис в Европе, не всегда совпадает с пожеланиями Брюсселя. Если правительство ГП прохладно относилось к идее распределения беженцев из Сирии между всеми европейскими странами по квотам, то Качиньский высказался о миграционном кризисе жестко. По его словам, беженцы «несут холеру в Грецию, дизентерию в Вену и большое количество разнообразных паразитов».

Проблема беженцев является ключевым, но не единственным расхождением партии ПиС с европейскими властями. Немецкий журнал «Spiegel» напоминает: в период премьерства Качиньского германо-польские отношения заметно ухудшились. «Качиньский не является ненавистником Европы, как те политики-евроскептики, что хотят выйти из ЕС, – пишет журнал. – Но он искренне уверен, что Брюссель попросту обслуживает интересы ФРГ и что сами немцы охотно заключат союз с Путиным против Польши». Однако эксперт ИМЭМО РАН И. Я. Кобринская отмечает, что руководство ПиС учло свои ошибки в отношениях с Берлином и в дальнейшем не допустит скандального «выяснения отношений» с западным соседом²².

Если антигерманизм ПиС десять лет назад был обусловлен в первую очередь личными пристрастиями Качиньского, то теперь основная критика новых властей будет направлена против Москвы, предполагает «Politico». «Для нас важны отношения с Россией. Мы хотим, чтобы она была важным экономическим партнером. Но мы должны помнить, что это прежде всего противник», – говорила Шидло в ходе теледебатов в середине октября²³.

Однако общий евроскептицизм ПиС может косвенно сыграть и на руку Кремлю. Победа консерваторов усложнит согласование единой общеевропейской позиции по вопросу отношений с Россией. Это, конечно, не значит, что от Варшавы можно будет ожидать смены позиции касательно введенных против России санкций. В отличие от евроскептиков, стоящих во главе Венгрии и Чехии, Качиньский известен своими антироссийскими взглядами²⁴.

Таким образом, если президентские выборы, победителем которых оказался кандидат оппозиционной партии ПиС А. Дуда, стали сенсацией, то результаты парламентских выборов оказались вполне ожидаемыми. Они завершили поворот Польши вправо. Причем о масштабе этого поворота свидетельствует право самостоятельно сформировать правительство и отсутствие левых в новом парламенте. В сфере внешней политики правящая теперь ПиС настроена на более тесное сотрудничество с США, а в отношении Евросоюза – более скептично.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Подробнее см.: Центральная и Юго-Восточная Европа. Конец XX – начало XXI в. Аспекты общественно-политического развития. Историко-политологический справочник. М.; СПб., 2015.

2 Polscy wyborcy udzielili lekcji demokracji elitom politycznym // www.tvn24.pl. 2015. 26.05; Jan Sowa: Paweł Kukiz może skończyć jako przystawka dla PiS-u // Polska Agencja Prasowa (PAP). 2015. 13.05.

3 Подробнее см.: *Лыкошина Л. С.* «Польско-польская война»: Политическая жизнь современной Польши. М., 2015.

4 *Kublik A., Wroński P.* Kronika katastrofy. Jak Bronisław Komorowski nie został prezydentem // *Gazeta Wyborcza*. 2015. 27.05.

5 Tusk: Komorowski nie jest dobrym aktorem, ale świetnym prezydentem // www.tvn24.pl. 2015. 15.05; Donald Tusk: nie oceniamy Komorowskiego przez pryzmat kampanii // www.wiadomosci.onet.pl. 2015. 15.05.

6 Debata Komorowskiego i Dudy. Opinie ekspertów // www.tvn24.pl. 2015. 18.05.

7 Duda kontra Komorowski. Decydująca debata w TVN, TVN24 i TVN24BiŚ // www.wiadomosci.onet.pl. 2015. 22.05.

8 Выбор строго ограничен. При всех различиях между ними Коморовский и Дуда дуют в одну дуду // *Российская газета*. 2015. 25.05.

9 Giertych do PO: odrealniliście się zupełnie // www.tvn24.pl. 2015. 25.05.

10 Подробнее см.: Президентские выборы в Польше 2015 г. // Между Москвой и Брюсселем. М., 2016.

11 Ta rozmowa nie mogła być ani dobra, ani merytoryczna // www.tvn24.pl. 2015. 20.10.

12 Cały świat patrzy na Polskę. «Antyunijni konserwatyści rządzą samodzielnie» // typ.info. 2015. 26.10.

13 Zachód mówi o «orbanizacji» Polski. Wiele podobieństw, ale też różnice // www.tvn24.pl. 2015. 29.10.

14 Koniec pewnej epoki w polskiej polityce? «To radykalny przełom» // www.WP 2015. 26.10.

15 Правый марш на Брюссель. Парламентские выборы в Польше выиграли евроскептики // *Российская газета*. 2015. 27.10.

16 Politolodzy demaskują partię Petru. Kto i dlaczego popiera Nowoczesną? // www.WP. 2015. 15.10.

17 Jak Kaczyński zabierał Platformie najważniejszy elektorat. Biznes w końcu polubił się z liderem PiS // www.WP. 2015. 05.10.

18 Sejm bez lewicy. «To jest absurd. To jest nawet niezdrowe dla prawicy» // www.tvn24.pl. 2015. 28.10.

19 Правый марш на Брюссель...

20 Новый президент Польши может ухудшить отношения с Россией // *Взгляд*. 2015. 25.05.

21 Światowe media komentują wybory w Polsce // www.wiadomosci.onet.pl. 2015. 22.05.

22 Против Москвы и Брюсселя: кто пришел к власти в Польше // *РБК*. 2015. 26.10.

23 Rosja «to przede wszystkim przeciwnik». Polityka zagraniczna oczami Szydło i Kopacz // www.tvn24.pl. 2015. 19.10.

24 Против Москвы и Брюсселя...

O. N. Majorova

The right turn in Poland. Presidential and parliamentary elections in 2015

The article deals with the sensational results of the presidential elections in Poland (May 2015) and quite expected ones of the parliamentary elections (October 2015). The author considers the reasons of the defeat of the working president Bronisław Komorowski and the right-liberal party Civil Platform, and analyses the factors of the turn to the right of the country, the victory of the opposition candidate Andrzej Duda and the conservative party Law and Justice at the parliamentary elections.

Keywords: *Poland, presidential elections, parliamentary elections, election campaign, electorate.*

М. В. Лескинен
(Москва)

**Туранская теория Фр. Г. Духиньского и ее критика
в контексте складывания концепции «великорусскости»
в российской науке**

В статье рассмотрены основные положения концепции происхождения великорусов, выдвинутой польским ученым Фр. Г. Духиньским в 1850–1860-е гг., и реакция на них российского научного сообщества. Полемика с Духиньским, носившая более политико-идеологический, нежели научный характер, проанализирована с точки зрения формирования представлений об этногенезе великорусов в контексте конструирования идей русскости.

Ключевые слова: *Фр. Г. Духиньский, туранская теория, этногенез восточных славян, происхождение великорусов, история российской этнографии XIX в., великорусская этничность.*

Обострение «польского вопроса» в связи с Январским восстанием 1863 г. актуализировало в российской научной публицистике поиски «польской интриги». В центре их внимания вновь, как и в 1830-е гг., оказался комплекс проблем, которые с конца XVIII в. обсуждались в связи с разделами Речи Посполитой: об общем славянском прошлом и этногенезе славян, цивилизационном выборе народов, принадлежащих к разным христианским конфессиям, об исторической миссии поляков и русских и т. д.¹ Основным методом осмысления стало масштабное сравнение двух племен: поляки и русские выступали своеобразными антиподами в славянском мире, представляя противоположные культурно-исторические модели в границах единой христианской европейской цивилизации.

Нельзя не вспомнить, в частности, об историософской концепции Адама Мицкевича, изложенной им в парижских «Лекциях о славянской литературе» в 1840-х гг. Антагонизм поляков и русских стал неизбежен, по Мицкевичу, когда первичные славянские начала в русских подверглись сильному изменению из-за этнической (физической) метисации. Одним из источников такого резкого различия стало, как полагал поэт, смешение славянской крови с финской и монгольской – в великорусском племени. Мицкевич был убежден в том, что великорусы вследствие этого оказались лишены многих архаических славянских добродетелей, сохранившихся без изменений в поляках: «В

северной России финны, находясь в постоянных сношениях со славянами, вступили с ними в тесный союз... Несчастный и мрачный финн рожден для послушания или разрушения. Он встретил в славянине высшее существо и соприкосновением с ним унижил его. Финн, взятый в отдельности, всегда раб: как орудие в руках более могущественного фактора, он становится деспотом и разрушителем»². Поэт писал и о воздействии монгольского субстрата на завоеванное население Северо-Восточной Руси. Если финская кровь придала великорусам качества ее духа – «понурого и мрачного», то монгольское влияние выразилось в «слепом повиновении власти, вызывающей страх»³. Лекции польского поэта во Франции оказали заметное влияние на научные взгляды европейских ученых – прежде всего в контексте актуальных для второй половины столетия расовых теорий.

Возобновившаяся в России в 1860-е гг. полемика о польском вопросе⁴ активно поднимала прежние темы, но теперь, в связи с развитием научной этнографии, переформулировала их в ином ракурсе: различия поляков и русских рассматривались как сформированные совокупностью в первую очередь природно-климатических (географических и антропологических) условий, а не историко-политическими или конфессиональными факторами. Доминирование биологизаторских объяснительных концепций над социологизаторскими активизировало дискуссию о врожденных и передающихся по крови племенных особенностях, которая в 1860–1870-е гг. велась в поле разработки классификаций человеческих сообществ и методов их обнаружения путем типизации. В российской общественной мысли и этнографии пореформенного периода важное место занимали вопросы этнокультурной специфики великорусской «отрасли русского народа», которая реконструировалась в различных областях материальной культуры и быта и выявлялась в племенном / этническом характере, политических формах государственности, социальной жизни, в менталитете, обычном праве и т. п. Согласно сложившимся в российской науке представлениям, великорусское племя обрело свои физические, этнокультурные, хозяйственные и политические отличия от двух других восточнославянских вследствие климатических условий (суровая природа, неплодородная нечерноземная область земледелия), социокультурных особенностей (крепостное право, православное вероисповедание, традиции самодержавной государственности), а также – это следует подчеркнуть – в результате антропологической и культурной ассимиляции с финно-угорскими народами. Последняя расценивалась как важный и все еще незавер-

шенный компонент колонизации, в ходе которого формировалась великорусская народность как ядро русской нации. Колонизация и сопутствующая ей метисация, как известно по трудам С. М. Соловьева и В. О. Ключевского («История России есть история страны, которая колонизируется»), объявлялись главным историческим и государствообразующим процессом на землях Северо-Восточной Руси⁵, а проблема отличительных особенностей великорусов, малорусов и белорусов анализировалась в поле изучения этногенеза великорусского племени.

При этом никто не отрицал «вереницы разноплеменных смешений», в результате которой оно сложилось, но научных версий метисации было несколько. Оценка результата антропологического объединения / слияния зависела главным образом от позиции исследователя и от его восприятия расовой и антропогеографической теорий. Вторая, в частности, обосновывала прямолинейную и обязательную зависимость облика, склада характера и типа хозяйственной деятельности от природных условий, – следовательно, приобретение славянами Восточной Руси некоторых качеств, умений и черт психотипа финно-угров вполне могло быть объяснено воздействием природно-климатических условий, схожим образом воздействовавших на представителей разных племен. Так полагал, в частности, этнограф-славянофил А. Ф. Риттих. Обосновывая данный тезис, он подчеркивал, что предприимчивость, сметку и крепость духа великорусы обрели, осваивая земли обитания финских народов⁶. Об этом писал и В. О. Ключевский в своем очерке о характере великоросса⁷. Но историк усматривал воздействие финского («чуждского») элемента еще и в физических особенностях, в фенотипе⁸. Некоторые исследователи, исходя из этого, настаивали, что великорусов как чистого антропологического типа, вследствие ассимиляции, не существует вовсе⁹. Тот факт, что «великорусская народность образовалась из смешения славянских поселенцев, пришедших с запада и юго-запада, с различными племенами финскими, монгольскими, тюркскими»¹⁰, рассматривался как этноисторический; дискуссии шли вокруг последствий и степени заимствований в разных областях (во внешнем облике, характере, склонностях и т. п.).

А. П. Щапов сформулировал проблему более жестко, предлагая различать политическую историю «жителей Русской земли», подданных Московского / Российского государства (т. е. русской нации), и этнографическую историю великорусского племени: «Когда мы говорим – история великорусского народа, то... прежде всего рождается

вопрос: да будет ли то история великорусского народа, когда, обозревая полный цикл фактов ее исторической жизни, мы то и дело будем встречаться... с многочисленными, разнообразными племенами финскими и турко-татарскими, которые и доселе еще населяют целые области и сплошными массами пестреют среди русского народонаселения? Будет ли та история одного великорусского народа, когда мы неизбежно будем говорить о целых царствах инородческих...»¹¹ И сорок лет спустя А. Ивановский утверждал: «Русские, соприкасаясь на громадном пространстве своего расселения с целым рядом инородческих племен, во многих местах успели подвергнуться большему или меньшему влиянию инородческой крови, и анализ физических черт русских, произведенный только на них одних, не был бы в состоянии с необходимой точностью уяснить... значение всех тех элементов, из которых слагается тот или иной антропологический тип»¹². Более категорично высказывался на эту тему в конце столетия П. Н. Милюков – представитель новой генерации историков: «Гораздо больше, чем “кровь”, в создании современных национальностей должна была участвовать “природа”, окружающая обстановка, то есть главным образом климат, затем почва и другие географические условия»¹³.

Независимо от происхождения и политических взглядов российские историки и антропологи, этнографы и филологи не сомневались, что финский субстрат оказал значимое влияние на формирование великорусского племенного своеобразия¹⁴. На рубеже XIX и XX столетий антропологи расценивали концепцию формирования великорусского племени из нескольких этнических типов путем метисации славян и финно-угров как общепризнанную¹⁵. Дискуссионным, однако, был вопрос о том, какие именно черты привнесли финно-угорские элементы в великорусский фенотип, характер и в «умственные и нравственные способности» и как оценивать конечный результат этого слияния. Объяснения по-прежнему зависели от оценки процесса физического слияния разнородных племен и от интерпретации состояния начальных племенных стихий (включая видение расовой дифференциации).

Д. Н. Анучин, например, не сомневался, что слияние с инородческим элементом в различных сферах не помешало великорусам сохранить и свой язык, и свою «народность» (то есть этнокультурную самобытность), но не могло не оставить отпечатка на антропологическом типе: «...должно было оказать известное влияние на видоизменение первоначального типа, какой представляли в своем сложении и облике русско-славянские племена прежде их утверждения на тер-

ритории финнов»¹⁶. В словаре Южакова первого десятилетия XX в. в статье «Великоруссы»¹⁷ констатировалось как доказанный факт, что первое столкновение славян с финно-уграми произошло в V–VII вв., а позже, покорив, «славяне частично уничтожили их, а частью поглотили и сами слились с ними, восприняв от них некоторые физические, лингвистические и психические черты, и составили с ними в конце концов одно этническое целое – великорусское племя»¹⁸.

В энциклопедии бр. Гранат также подчеркивалось, что восточные славяне подвергались «смешению» с тюркскими и финскими племенами, «испытыв на себе сильную примесь инородческих элементов»; причем великорусский тип «усвоил себе известную долю» прежде всего «элементов» финского происхождения... малорусский – тюркского, а белорусский, хотя и подвергся влиянию литовцев и поляков, менее других подвергся метисации¹⁹. В другом издании после обширного фрагмента об этногенезе великорусов делается заключение о незначительности финского влияния, ведь «примесь слившихся... инородческих (финских) элементов оставила, несомненно, и свои следы, хотя настолько слабые и неясные, что современные антропологи и лингвисты с трудом различают их... Во всяком случае великороссы не являются народностью безусловно чистой...»²⁰

Возвращаясь к теориям происхождения финно-угорских племен, следует отметить, что мнение о том, что финно-угры не могут быть отнесены к цивилизованным или историческим (то есть имеющим традиции государственности) народам, было распространено, хотя и не доминировало, в российской научной и общественной среде. Но вопрос о слиянии славянских и инородческих (то есть неславянских) племен, оставаясь актуальным, в целом функционировал в ином поле оценок и суждений – в сфере исследований межэтнических взаимодействий внутри полиэтничной и поликонфессиональной Российской империи, в которой только шел процесс нациестроительства, он трактовался иначе.

В данном контексте следы «польской интриги» усматривали в теории происхождения великорусов, именуемой (как и расовая концепция происхождения финно-угров) ее автором «туранской». Создателем ее принято было считать Франчишека Генрика Духиньского – польского историка и этнографа, родившегося на Украине, долгое время жившего в Киеве и эмигрировавшего из Российской империи во Францию в 1846 г., где позже он и сделал научную карьеру²¹. Активно занимаясь политической, исследовательской и общественно-публицистической деятельностью, польский и украинский

патриот Фр. Г. Духиньский был избран вице-президентом Французского этнографического общества и членом других научных обществ Франции²². Известность в широких кругах он получил благодаря этнографическим и историософским трудам по истории славян, прежде всего – западных и восточных.

Одна из его главных книг посвящена сравнительной истории Польши и России («Москвы»)²³. В ней он подробно реконструировал различия двух славянских племен по целому списку параметров (пространство обитания и климат, внешний облик/фенотип, этнический характер, политическое устройство, обычаи и духовная жизнь и др.). В своих заключениях он пришел, однако, к давно и до него не раз обсуждаемому в польской научной и публицистической литературе выводу о том, что «Москву» и «Польшу» (в расширительном значении каждого из понятий) разделяет прежде всего происхождение государствообразующего племени, «кровь». Славян Духиньский относил к европейским народам арийского происхождения, а «москалей» (великорусов) – к туранским, то есть к финно-уграм. Он исходил из того, что «Новгород, Смоленск и восточные берега Днепра являются *границей всех тех областей*, в которых обитают *единые европейские народы*, которые отличны от москалей, – то есть северная часть Новгородской губернии, восточная часть Тверской и Смоленской губерний, а также западные границы Калужской, Орловской (в... русле Десны) губерний, Курской и часть области войска Донского – их обитатели относятся к уральским народам, к которым они и принадлежат по происхождению»²⁴. «Москва» для Духиньского – по всем географическим, климатическим, почвенным, гидрографическим и даже ботаническим признакам – это Азия²⁵ (даже «направление» Волги и всех рек ее бассейна – Оки, Камы, Тверцы, Москвы, Угры «выдает», по его мнению, принадлежность «Москвы» к «азиатской системе»²⁶), а Скандинавию с Финляндией и Прибалтику Фр. Духиньский включал в Европу.

Однако не только географическая принадлежность разделяет «москву» / великорусов и славян; автор причислял малорусов и белорусов к индоевропейцам, подчеркивая их антропологическое и культурное родство с поляками, а великорусов относил к «уральской расе» (представителями которой являются «финны-чудь» и «турки»). Первоначальное наречие великорусов польский автор убежденно именовал туранским, а славянский представлял как искусственно созданный на основе очень позднего освоения церковнославянского, то есть «заимствованный». Наименование же «Русь» он полагал несправедливо присвоенным «москалями», в то время как истинными

обладателями этого имени следует считать обитателей Малой, Белой, Червонной и Черной Руси – то есть малорусов и белорусов. Туранской традицией правления Духиньский называл и самодержавие («царат»), такая политическая форма, по его мнению, была несвойственна арийским европейским племенам. Важный признак принадлежности к арийству польский ученый видел, в частности, в наличии и сохранении индивидуальной собственности – в отличие от «коммунизма» туранства, предпочитающего коллективные ее виды.

Рассматривая племенные свойства разных групп, именуя их природно-социальные специфические формы «стихиями» (в значении «склонности»), Духиньский убеждал читателей, что «у славян земледельческая стихия господствует над всеми другими стихиями. У москалей наоборот – скотоводческая (или пастушеская. – М. Л.), торговая (или купеческая. – М. Л.) стихия преобладает, о чем ныне всем известно»²⁷; «туранцы – народы кочевые и пастушеские, славяне – земледельческие и оседлые»²⁸, – так в соответствии с архаической дихотомией, восходящей еще к эпохе Просвещения, классифицировал народы Духиньский. Подтверждение этому он находил в различных свойствах великорусов – в частности, в стремлении к колонизации или в отсутствии «тяги» к городской жизни, вследствие чего в «Москве» с ее обширными пространствами так мало городов²⁹, а также в особенностях материальной культуры – например, в пищевых пристрастиях, национальной кухне и т. п.

Концепцию Духиньского можно считать оригинальной лишь с очень значительными допущениями – особенно в части «туранизма». Он, по сути, объединил две этногенетические концепции. Первая – собственно туранская теория – доминировавшая начиная с 1850-х гг. версия классификации финно-угорских народов, согласно которой их вместе с тюркскими народами относили к туранской группе. Вторая – идея о смешанном славяно-финском антропологическом типе великорусской отрасли русского (восточнославянского) народа. Отказывая великорусам в «славянскости», он отверг и родство их с другими восточными славянами, доказывая антропологическую и культурную близость малорусов и белорусов с поляками на почве их арийства.

На протяжении XIX в. европейские ученые предлагали несколько гипотез расовой принадлежности финно-угорских народов: в первой половине столетия сменяли друг друга концепция монголоидности финно-угорских племен (Ф. Блюменбах), номадийская (Ж. Кювье) и туранская³⁰ теории (Р. Раск, С. Нильсон, Р. Кайзер, А. Ретциус, П. Брока, И. Деникер и др.). Согласно последней финно-угорские

народы (раса) являются переходными между монголоидами и европеоидами, а уральская и алтайская группа, в которую входили в том числе монголы и тюрко-татары, объединялись в одну.

Соотношение расового деления с лингвистической классификацией было характерной чертой таксономии человеческих обществ, так как языковой критерий вплоть до 1880-х гг. рассматривался как важнейший – отсюда появление таких синонимических пар понятий, как «туранская раса» / «туранский язык» или «славянская раса» / «славянский язык». В то время не вызывал сомнений факт, что великорусское наречие как одно из русских – славянское, и по этому признаку великорусов (как «отрасль» русского народа, то есть восточных славян) относили безоговорочно к славянской группе. В то время как по классификациям 1860–1870-х гг. туранская семья языков разделялась на самоедскую, финскую, татарскую, монгольскую и тунгусскую группы³¹.

Однако антропологическая теория, обнародованная А. Ретциусом в 1842 г. и разделяемая его французскими современниками-антропологами, производила классификацию по физическим параметрам, исходя из формы черепа и величины лицевого угла. Группы и общности делились на долихоцефальных (длинноголовых) и брахицефальных (короткоголовых). К первым относили древних германцев, кельтов, римлян, греков, индусов, персов, арабов и евреев (арийская раса), ко вторым – финно-угров, европейских турок, албанцев, басков, древних этрусков, латышей и славян (кельтско-славянская раса). Именно эта теория дала основание гипотезе о том, что великорусы – как славяне – не являются в строгом смысле европеоидами, а могут быть отнесены к туранской расе монголоидного или смешанного типа. Так, славянский антропологический тип (т. е. физическая раса) оказался включен в финно-угорскую группу, в то время как по языку и культуре славянская принадлежность к европейским народам романо-германского корня не вызывала сомнений. Но согласно антропологической версии туранизма по Ретциусу так же обстояло дело и с поляками, и с малорусами и белорусами и др. Хотя самого Ретциуса не очень волновала проблема соотношения антропологических параметров с языковыми данными, вопрос о том, какие народы следует относить к арийским, тем не менее, время от времени обострялся.

Все перечисленные концепции происхождения финно-угров роднила идея о том, что предки финно-угорских народов не были индоевропейцами. Финский ученый М. А. Кастрен, пытавшийся опровергнуть эти предположения на лингвистическом материале, в итоге признал родство

финно-угорских и монгольских языков³². В европейской антропологии (О. Пешель, Ф. Мюллер) его выводы расценили как убедительнейшее доказательство монголоидности финнов³³. И хотя позже их стали рассматривать как промежуточное звено между европейской («кавказской») и «желтой» расами, понимая иначе и туранскую расу (как смешанный расовый тип), а также «смягчали» грубость расистских оценок предположением, что сходные природные условия могли выработать близкие этнические типы (Д. К. Притчард³⁴), гипотеза об их азиатском происхождении опровергнута до начала XX в. не была. Поэтому возникает закономерный вопрос: отчего идеи Фр. Г. Духиньского вызвали, с одной стороны, активную поддержку в кругах французских интеллектуалов³⁵, а с другой – столь резкое отторжение в российском обществе и среди ученых? Ведь туранская теория в отношении финнов не вызывала ни отрицания, ни бурных дискуссий, оставаясь лишь предметом теории и корректировки таксономических систем. То же касается и концепции метисации великорусов / слияния их с финно-уграми, к 1880-м гг. ставшей в российской этнографии и антропологии общепринятой³⁶.

При всей эмоциональности реакции, версия туранской теории Фр. Г. Духиньского в России не была воспринята в качестве серьезной научной идеи, потому мы не встретим серьезного ее опровержения, несмотря на то, что на страницах публицистической и учебной литературы концепция польского ученого упоминается очень часто³⁷. Н. И. Костомаров в статье в журнале «Основа» «Две русские народности» (1861) писал: «Поляки, а за ними и западноевропейские ученые, составили теорию, которая признает в великорусском народе такую большую примесь, что называет этот народ принадлежащим к туранской расе, смешавшимся несколько со славянской. Так как люди, проводившие эту теорию, совершенно не были подготовлены для обсуждения такого важного предмета, поэтому и теория их не имеет никакого научного достоинства»³⁸. Эта реакция была обусловлена не только открытой русофобией и политическими взглядами польского патриота, но прежде всего аргументацией и методологией автора. Духиньский применял культурно-антропологические аргументы для того, чтобы доказать необходимость возрождения Речи Посполитой в ее границах 1772 г., до разделов, то есть включая украинские и белорусские земли, отошедшие к России. Это было бы восстановлением не только исторической справедливости, но и племенного неразрывного единства славян; польское государство в этом случае вернулось бы к своей мессианской роли, сформулированной еще в эпоху формирования сарматской идеологии: быть оплотом Ев-

ропы в защите ее веры и цивилизации от восточных / азиатских еретиков и варваров³⁹. Эти идеи получили поддержку французского научного сообщества и польских деятелей национально-освободительного движения. Именно такой контекст породил фон заведомого неприятия сочинений Духиньского, в которых система доказательств особенно явственно обнаруживала свой идеологический подтекст.

Первые отклики на концепцию Духиньского в российской периодической печати появились из-под пера тех, кто занимался проблемами великорусского и малорусского этнокультурного своеобразия и различий. В 1861 г. о Духиньском упомянул Н. И. Костомаров⁴⁰. Конечно, он в первую очередь отверг идею племенного и цивилизационного родства поляков и малорусов как основания для будущего объединения их в границах единого польского государства. Он категорически отказывался принять утверждения как об этнокультурном разъединении малорусов и великорусов, так и о племенном и цивилизационном единстве русинов-малорусов и поляков, которые Духиньский аргументировал историей топонимов и этнонимов. Н. И. Костомаров же утверждал, что «название “Русь” – не местное, а общее для всей суммы земель восточных славян... Сначала имя Руси давалось земле полян (земле Киевской), где зародилось зерно этой связи, а потом оно перешло на все земли, вошедшие в эту связь. Русь Червоная была земля русская, точно также как и Рязань, и Великий Новгород, и Псков, и Тверь, и Полоцк, – все они были связаны одинаково сознанием единства, верою, книжным языком, сходными основами общественного устройства и институцией единого правительственного рода»⁴¹. Историк резко выступил не столько против включения великорусов в финно-угорскую антропологическую группу, сколько против оппозиции арийцы / туранцы, соотносимой с хорошо известными и активно применяемыми в этнографических классификациях категориями-дихотомиями цивилизация / варварство, культура / дикость, право / беззаконие, демократия / тирания, свобода / рабство, которые применялись к противопоставляемым хозяйственно-культурным типам «оседлые земледельцы / кочевники-скотоводы» и др. Н. И. Костомаров оспаривал гипотезу Духиньского как ошибочную, опираясь на языковой критерий как главный в этническом определении и ничуть не отрицая процесса метисации великорусского типа; историк, как и многие другие, не считал влияние финского физического типа на великорусов негативным с точки зрения исторической эволюции или этнических свойств. При этом он выступал и против расовых предубеждений: «...не раз думали унижить великорусов, провозвещая, что

они – не славяне, а финны. Если б это была и правда, то разве есть в этом что-либо унижительное? [...] Для великорусов не составляло бы ни малейшего стыда быть финнами, татарами, хоть калмыками, если бы они действительно ими были... Великорусы – не финны, а славяне, потому что не знают финских наречий, а говорят славянским. Правда, крови финской много вошло в великорусскую, но она ассимилировалась славянской. Подмесь финского племени не осталась без некоторого влияния на материальный и интеллектуальный строй великорусского народа, но господство осталось за славянской стихией... финского элемента вошло в великорусскую народность не столько, чтоб даже физиологически можно было назвать великорусов более финнами, чем славянами»⁴².

Позже вышли статьи, которые можно расценивать как своеобразные рецензии на идеи Фр. Духиньского (но не на его книги непосредственно); две из них (А. Н. Пыпина и И. А. Бодуэна де Куртенэ) были опубликованы четверть века спустя – в связи с празднованием 50-летнего юбилея ученой деятельности Фр. Духиньского⁴³. Лингвист Бодуэн де Куртенэ расценивал причисление великорусов к финно-уграм по языку как однозначно научно несостоятельное, а Пыпин, подробно разбирая тезисы и аргументацию польского этнографа, анализировал их в контексте сложной истории польско-русских отношений, утверждая, что эта теория «была внушена не каким-либо подобием науки, а лишь безграничной племенной ненавистью... чтобы дать исход накопившейся вражде»⁴⁴. А. Н. Пыпин писал, что данная концепция является следствием польской неприязни к России и русским как порабитителям Польши не только в связи с разделами Речи Посполитой, но и как результат развития идей польского мессианизма и национальной мифологии польских патриотов.

Напомним, что в учебной и научной литературе 1860–1890-х гг. отклики на туранскую теорию происхождения великорусов именно в версии Фр. Духиньского встречались очень часто. Любые гипотезы о неславянских корнях великорусского племени ассоциировались именно с враждебными «происками» поляков и приписывались польским патриотам. Например, появление туранской теории происхождения великорусов И. Д. Беляев в 1862 г. трактовал так: «Еще недавно большая часть западноевропейских журналов и газет, по команде польских эмигрантов, общим хором утверждала, что мы великорусы, никто другой как татары, скифы, финны, гунны, тураны и чуть не турки, даже хуже турок... Да и в настоящее время между западными европейцами еще много охотников верить сим подобным толкам

и рассказам»⁴⁵; или: «...нынешние крики польских эмигрантов с товарищами о каком-то монгольском и татарском происхождении великорусов есть ни больше ни меньше как горячечные бредни, ни на чем не основанные, свидетельствующие только о непомерной злобе современных поляков»⁴⁶. Упомянул об этой концепции и К. Д. Кавелин (1866). Он также был уверен в том, что именно польские деятели извратили гипотезу о финской крови в великорусах, сделав ее орудием целей, далеких от науки и исторической достоверности⁴⁷. И в словаре под редакцией И. Н. Березина (1875) указывалось, что «новейшие польские писатели... утверждают, будто великорусское племя – туранское, смесь финского и других азиатских племен, а не славянских, между тем как в действительности число великороссов славянской крови в пределах Великой России уже с древних времен было весьма значительно...»⁴⁸ Антрополог А. П. Богданов полагал, что даже краниологические (из данных археологии) и антропологические материалы в состоянии стать аргументами для доказательства слияния славян как с финнами, так и с тюрками: «Кому захочется провести теорию урало-алтайского происхождения русских, тот пусть подберет черепа из тех местностей, в коих в русское народонаселение вошли обрусением племени сказанного происхождения. Для ищущего своего благополучия в туранском происхождении русских тоже найдутся подходящие местности и подходящий материал, который на первый взгляд будет даже казаться не подтасованным нарочно»⁴⁹. «Польский след» появления туранской теории происхождения великорусов подробно разбирали и Э. Реклю в этнографическом описании народов Российской империи⁵⁰, и Д. Н. Анучин в статье «Великоруссы»⁵¹. Складывается впечатление, что и сам термин «туранская теория», дефиницию которого в нормативных текстах XIX в. нам обнаружить пока не удалось, соотносился именно с концепцией Духиньского, а не с расовыми классификациями западноевропейских антропологов или лингвистов.

Большая часть российских историков доказывала несостоятельность подобных концепций, усматривая в ней лишь идеологические мотивы. И. Д. Беляев категорически заявлял, что «...мы не турки, не татары, не гунны, не какие-то тураны, – это ясно как светлый день, этому неумолкающий свидетель – история... ни татарского, ни турецкого, ни какого-то туранского переселения в здешний край история не ведает, и его никогда не было на самом деле. Вся азиатчина, которую польские крикуны навязывают нам в родоначальники и предки, или только держалась временно на южных степных окраинах нынешней Российской империи, или только проходила через русские земли, не

оставляя на них следа»⁵². Заключительным этапом такой рецепции идей польского исследователя можно считать статью о нем в энциклопедии Брокгауза и Ефрона⁵³, автор которой констатировал: «...теория Духинского представляет собой лишь стремление облечь в форму научной системы политические мечтания и чувства польской эмиграции...»⁵⁴ Политическая и идеологическая подоплека и данной концепции, и ее отторжения, таким образом, понятны, однако следует еще обратиться к научно-этнографическому дискурсу данной полемики.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Хорев В. А.* «Польский вопрос» в России после восстания 1863 г. // *Хорев В. А.* Польша и поляки глазами русских литераторов. М., 2005. С. 78–101; *Долбилов М.* Полонофобия и политика русификации в Северо-Западном крае империи в 1860-е гг. // *Образ врага.* М., 2005. С. 127–174; *Piczugin D.* Zakładnicy historii – u źródeł negatywnego stereotypu Polski i Polaków w literaturze rosyjskiej / Red. A de Lazari. Warszawa, 2006. S. 339–410; *Долбилов М. Д.* Поляк и имперском политическом лексиконе // «Понятия о России». К исторической семантике имперского периода. В 2-х т. М., 2012. Т. 2. С. 292–339; *Лескинен М. В.* Польский характер в российской этнографии XIX в. // *Отечественные записки.* 2014. № 4 (61). С. 112–130.

2 *Мицкевич А.* Из курса славянских литератур, читанных в «College de France» // *Мицкевич А.* Соч.: В 5 т. / Под ред. Н. А. Полевого; пер. с фр. Р. Сементковского. СПб., 1882. Т. 3. С. 250.

3 Подр. об этом: *Софронова Л. А.* Автопортрет славянина // *Софронова Л. А.* Культура сквозь призму поэтики. М., 2006. С. 513; *Ларионова Е. О.* Курс лекций Адама Мицкевича в Collège de France: «Русская идея» в зеркале польского мессианизма // *К истории идей на Западе.* «Русская идея». СПб., 2010. С. 184–205.

4 *Аржакова Л.* Российская историческая полонистика и польский вопрос в XIX в. СПб., 2010.

5 *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен // *Соловьев С. М.* Соч.: В 18 кн. М., 1988. Кн. I. Т. 1. С. 59; *Ключевский В. О.* Курс русской истории. Ч. 1 // *Ключевский В. О.* Собр. соч. В 9 т. М., 1987. Т. I. Лекция II. С. 50.

6 *Риттих А. Ф.* Этнографические очерки Харьковской губернии. Харьков, 1892. С. 8.

7 *Ключевский В. О.* Курс русской истории. Ч. 1. Лекция XVII. С. 295–297.

- 8 Там же. С. 299–303.
- 9 *Богданов А. П.* Антропологическая физиогномика // Русская расовая теория до 1917 г. Сборник оригинальных работ русских классиков: В 2-х вып. / Под ред. В. Б. Авдеева. М., 2004. Вып. 1. С. 134.
- 10 *Реклю Э.* Европейская Россия // *Реклю Э.* Земля и люди. Всеобщая география. В 19 т. СПб., 1883. Т. V. Вып. II. С. 15.
- 11 *Щапов А. П.* Общий взгляд на историю великорусского народа. Вступительная лекция А. П. Щапова, читанная им в Университете 12 ноября 1860 г. // *Щапов А. П.* Неизданные сочинения. Казань, 1926. С. 12–37.
- 12 *Ивановский А.* Об антропологическом изучении инородческого населения России // Русский антропологический журнал. 1902. Кн. IX. Т. 1. № 3. С. 114.
- 13 *Миллюков П. Н.* Очерки истории русской культуры: В 4 ч. СПб., 1901. Ч. 3. Вып. 1. Национализм и общественное мнение. С. 4.
- 14 *Лескинен М. В.* Проблема ассимиляции финно-угорских народов в обосновании концепции «Волга – русская река» во второй половине XIX в. // Ежегодник финно-угорских исследований. 2013. Вып. 4. С. 91–105.
- 15 *Воробьев В.* Великорусы. Очерк физического типа // Русская расовая теория. Вып. 1. С. 165.
- 16 Великоруссы // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. Е. Эфрона. В XLI т. (82 полут.) СПб., 1892. Т. Va (п/т. 10). С. 829 (автор – *Д. Анучин*).
- 17 Великоруссы // Большая энциклопедия. Словарь общедоступных сведений по всем отраслям знания / Под ред. С. Н. Южакова. СПб., 1901. Т. 4. С. 578.
- 18 Там же.
- 19 Россия. А. География и этнография России // Настольный энциклопедический словарь. Издательство Бр. А. и И. Гранат и К. 1-е изд. В 8 т. М., 1896. Т. VII. С. 4300.
- 20 Гл. V. Распределение населения Московской промышленной области и Верхнего Поволжья по территории, его этнический состав, быт и культура // Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей: В 22 т. (вышло 19) / Под ред. В. П. Семенова; под руководством П. П. Семенова и В. И. Ламанского. Московская промышленная область. СПб., 1899. Т. 1. С. 98.
- 21 Одна из немногих статей об идеях Духиньского принадлежит украинскому исследователю И. Рудницкому: *Rudnytsky I. Franciszek Duchiniński and his Impact on Ukrainian Political Thought // Harvard Ukrainian Studies. (1979–1980). Vol. 3/4. Part 2. P. 690–705.*

22 *Grabski St.* Życie i działalność literacka Franciszka Duchyńskiego Kijowianina // Pisma Franciszka Duchyńskiego. Rapperswyl, 1901. T. I (Cz. pierwsza). S. VIII–XXIV; *Czapska M.* Franciszek Henryk Duchyński // Polski Słownik Biograficzny. Warszawa, 1946. T. V. S. 441–443.

23 *Duchyński F.* Zasady dziejów Polski i innych krajów słowiańskich i Moskwy. 1858–1860. T. I–III; *Duchyński F.* Dopełnienie do trzech części zasad dziejów. 1863; *Duchyński F.* Pologne et Ruthénie. Origine slave. 1861; *Duchyński F.* Peuples Aryâs et Tourans, agriculteurs et nomads. 1884.

24 *Duchyński F.* Kilka uwag wstępnych // Pisma Franciszka Duchyńskiego. Rapperswyl, 1902. T. II. S. IV (Введение ко второй части «Основ истории Польши, других славянских стран и Москвы», в: *Duchyński F.* Zasady dziejów Polski i innych krajów słowiańskich i Moskwy // Pisma Franciszka Duchyńskiego. T. I–II. Rapperswyl, 1901–1902 (T. I. Cz. pierwsza; T. II. Cz. druga i trzecia).

25 *Duchyński F.* Zasady dziejów Polski i innych krajów słowiańskich i Moskwy. Cz. II // Pisma Franciszka Duchyńskiego. Rapperswyl, 1902. T. II. S. 14.

26 Ibid. S. 25.

27 Ibid. S. 26.

28 Ibid. S. 202.

29 *Duchyński F.* Zasady dziejów Polski i innych krajów słowiańskich i Moskwy. Cz. III // Pisma Franciszka Duchyńskiego. T. II.

30 От мифоэпического топонима «Туран» – полулегендарной страны к северо-востоку от современного Ирана, туранцами именовали представителей кочевых ираноязычных племен (*Шуховцов В.* Туран: к вопросу о локализации и содержании топонима // Взаимодействие кочевых и оседлых культур на Великом Шелковом пути. Алма-Ата, 1991). Расовая классификация совпадала с лингвистической, поэтому туранскими именовались этносы и этнические группы, язык которых причислялся к одной из самых древних групп – туранской или номадийской. Ее носителями в то время безусловно объявлялись финно-угорские народы, турки, татары, монголы, тибетцы и тамильцы и индийские аборигены. Подробнее см.: *Brace Ch. L.* The Races of the Old World. A manual of Ethnology. N. Y., 1863. Part I. Ch. VI. Turanians. P. 78–84. В словаре под ред. И. Н. Березина к туранским причисляются языки: 1) алтайские, собственно финские, угорские или югорские, турецко-татарские; 2) монгольские или манчжурские; 3) дравидские. Подробнее см.: Язык // Русский энциклопедический словарь: В 16 т. СПб., 1879. Отдел IV. Т. 4. С. 457.

31 Язык. С. 463.

32 *Pentikäinen J.* Castrénilainen ‘pohjoisen etnografian’ paradigma // Kaukaa Naettua. Kirjoituksia antropologisesta kentätyöstä / Toim. A. M. Viljanen ja M. Lahti. Vammala, 1997. S. 224–237.

33 *Kilpeläinen J. I.* Rotuteoriat läntisistä suomalais-ugrilaisista kansoista Keski-Euroopan antropologiassa 1800-luvulla ja suomalaisten reaktiot niihin // *Mongoleja vai germaneeja? – rotuteorioiden suomalaiset / Toim. A. Kemiläinen, M. Hietala, P. Suvanto.* Helsinki, 1985. S. 165–168.

34 *Halmesvirta A.* Anglo-amerikkalaisen antropologian, etnologian ja kielitieteen näkemyksiä suomalaisesta rodusta ja sen kulttuuritasosta evolutiivisen kulttuurikäsitteksen valossa n. 1820–1930 // *Ibid.* S. 214–216.

35 Подробнее об этом: *Rudnytsky I.* Franciszek Duchński.

36 *Лескинен М. В.* Великороссы/великорусы в российской научной публицистике (1840–1890) // *Славяноведение.* 2010. № 6. С. 3–17.

37 Необходимо подчеркнуть, что были и другие точки зрения. В частности, иного мнения придерживался А. И. Герцен, вписывавший туранскую теорию в анализ своего видения проблемы монгольского и азиатского влияния на русскую историю. Подробнее разбор его позиции см.: *Majorova O.* A Revolutionary and the Empire. Alexander Herzen and Russian Discourse on Asia // *Between Europe & Asia: The Origins, Theories and Legacies of Russian Eurasianism / Ed. by M. Bassin, S. Glebov, M. Laurelle.* University of Pittsburg Press, 2015.

38 *Костомаров Н. И.* Две русские народности // Исторические монографии и исследования Н. Костомарова. В 16 т. СПб., 1872. Т. 1. С. 53–108. С. 78. Важно заметить, что фрагменты об антропологическом составе великорусского племени отсутствовали в первом, журнальном варианте статьи («Основа». 1861. № 3. С. 33–80) и в первом 20-томном издании.

39 *Лескинен М. В.* Мифы и образы сарматизма. Истоки формирования национальной идеологии Речи Посполитой. М., 2002.

40 *Костомаров Н. И.* Ответ на выходки газеты (Краковской «Czas») и журнала «Revue Contemporaine» // *Основа.* 1861. № 2. С. 121–135; *Он же.* Правда полякам о Руси. По поводу новой статьи в «Revue Contemporaine» // *Основа.* 1861. № 10. С. 100–112.

41 *Костомаров Н. И.* Ответ на выходки газеты (Краковской «Czas»)… С. 122.

42 Там же. С. 127.

43 *Z powodu jubileuszu profesora Duchńskiego przez Jana Baudouin'a de Courtenay.* Kraków, 1886; *Пытин А. Н.* Тенденциозная этнография // *Вестник Европы.* 1887. № 1. С. 303–328.

44 *Пытин А. Н.* Тенденциозная этнография. С. 303.

45 *Беляев И. Д.* О великорусском племени // *Русская расовая теория до 1917 г.* Вып. 1. С. 195.

46 Там же. С. 198.

47 Кавелин К. Д. Мысли и заметки о русской истории // *Кавелин К. Д. Наш умственный строй. Статьи по философии русской истории и культуры*. М., 1989. С. 187–188.

48 Великая Россия // *Русский энциклопедический словарь*. СПб., 1875. Отдел 1. Т. 5. С. 26.

49 *Богданов А. П.* Антропологическая физиогномика. С. 134.

50 «Некоторые польские патриоты, побежденные силой оружия на полях битв, хотели было доставить себе этнологическое вознаграждение и утешение, теоретически изгоняя своих победителей из мира славян и даже вообще из мира арийцев; для них и их восторженных друзей на западе две западнорусские народности суть не что иное, как областные разновидности польского племени, тогда как москвитяне – это монголы, татары, финны, замаскированные под заимствованным именем: они будто бы только с XII столетия начали говорить языком, до того времени им чуждым, и присвоили себе имя русских по приказу Екатерины II» (*Реклю Э. Европейская Россия // Реклю Э. Земля и люди. Всеобщая география*. В 19 т. СПб., 1883. Т. V. Вып. II. С. 14.) Э. Реклю подчеркивает, что с научной точки зрения подобные утверждения неверны.

51 Великоруссы // *Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. Е. Эфрона*. С. 829.

52 *Беляев И. Д.* О великорусском племени. С. 195.

53 Духинский // *Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. Е. Эфрона*. Т. IX. СПб., 1893. С. 251.

54 Там же.

M. V. Leskinen

Turanian theory of Franciszek Duchiniński and its critics in process of creation the «Great Russians» ethnicity in Russian thought

The article deals with the basic ideas of the Turanian theory created by Fr. H. Duchiniński in 1850–60-s. The focal point is the response discussion about origin's conceptions of Eastern Slavs and especially of Great Russians in Russian scientific community. Its reaction is analyzed from the perspective of racial and language classifications in the context of representations of Great Russian ethnicity in Russian nation-building process.

Keywords: *Fr. H. Duchiniński, Turanian theory, the ethnic roots of Eastern Slavs, the origin of Great Russians, History of Russian Ethnology in XIX cent., the Great Russian's ethnicity.*

Ю. А. Лабынцев, Л. Л. Щавинская
(Москва)

**Московский литератор И. А. Белоусов – переводчик
и популяризатор поэтического наследия
Тараса Шевченко и Янки Купалы**

Статья посвящена И. А. Белоусову, самому активному и значительному популяризатору творчества Тараса Шевченко. Белоусов опубликовал более десяти книг своих переводов из Шевченко, а также несколько биографических изданий о нем. Благодаря его усилиям было издано и первое русскоязычное собрание стихотворений знаменитого белорусского поэта Янки Купалы (1920).

Ключевые слова: *Иван Белоусов, Тарас Шевченко, Янка Купала, поэзия, перевод.*

Иван Алексеевич Белоусов (1863–1930), коренной москвич, выходец из простонародной городской среды, опубликовавший более десяти книг своих переводов из Т. Г. Шевченко, а также несколько биографических изданий о нем, в том числе переведенных на украинский язык, несомненно является не только самым активным, но и самым значительным в мире популяризатором творчества Кобзаря¹.

К сожалению, представить более или менее полно масштаб шевченкианы Белоусова исследователям до сих пор не удавалось, что нашло свое отражение и в новейшей «Шевченківської енциклопедії»², в которой не использован огромный пласт разнообразных неопубликованных рукописных материалов Ивана Алексеевича³.

Последнее отдельное печатное шевченковское издание И. А. Белоусова, перевод поэмы «Наймичка», было опубликовано в московском издательстве «Красная Новь» в 1923 г.⁴ Оно готовилось уже на новом месте жительства Ивана Алексеевича, высленного в 1921 г. из самого центра столицы на ее восточную окраину, где в одноэтажном домике на Соколиной улице в последние годы жизни он работал над целым комплексом своей неопубликованной шевченкианы, в числе которой были романы и повести, написанные на основе оригинальных источниковых материалов, собиравшихся Белоусовым в течение десятилетий. Среди его информантов в разные годы были очень близкие к Шевченко лица, например, «Лукерья Ивановна Яковлева, бывшая невеста Шевченко, в девичестве носившая фамилию Полушмаковой»⁵.

В настоящее время собственноручные рукописные материалы И. А. Белоусова хранятся в нескольких архивных собраниях, преимущественно московских и Санкт-Петербургских. Общее их число превышает две тысячи единиц хранения, среди которых представляющие его шевченкиану насчитывают несколько десятков. Классифицировать этот весьма значительный архивный массив можно примерно так: различные переводы из Шевченко, объединенные порой в достаточно объемные рукописные сборники; различного рода записки, связанные с жизнью и творчеством Кобзаря, в том числе переписка о нем с разными лицами; рецензии на работы о Шевченко; тексты докладов, лекций и торжественных речей о Шевченко и его творчестве; статьи и очерки о Шевченко; художественные произведения Белоусова о Шевченко (стихотворения, повести, романы) и материалы к ним.

Особого внимания заслуживает личный архивный фонд И. А. Белоусова, сберегающийся в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ) в Москве⁶. В нем насчитывается около полусотни отдельных единиц хранения, представляющих его шевченкиану. Шевченковская тема так глубоко вошла в жизнь самого Ивана Алексеевича, что он в 1920-е гг. пишет роман «Борец за свободу», посвященный Шевченко⁷, а за несколько лет до смерти приступает к работе над прозаическими произведениями о неудачных сватовствах Кобзаря, в том числе над повестью «Невеста Т. Г. Шевченко»⁸.

Иван Алексеевич Белоусов появился на свет 27 ноября 1863 г. в самом центре Москвы, совсем недалеко от Кремля, в Зарядье, где его отец, Алексей Федорович, выходец из крестьян Подольского уезда, держал маленькую мастерскую по пошиву одежды.

«Жизненная обстановка в детстве и юности, – писал позднее в автобиографии Белоусов, – в смысле развития литературного таланта, была самая неблагоприятная: у отца была портновская мастерская; я помогал отцу в деле с детства. Жили бедно. Книги первые были народного издания: “Бова Королевич”, “Еруслан Лазаревич”, “Туак”, – то, что читалось рабочими в мастерской»⁹.

Мать Белоусова, Екатерина Ефимовна, из крестьян Можайского уезда, была неграмотной, и потому первоначальное обучение по псалтыри он начал у дьяконицы их приходской церкви Зачатия праведной Анны, «что в Углу» – одного из древнейших ныне каменных зданий Москвы. В 1875–1880 гг. Иван Алексеевич учится в I московском городском училище и тогда же начинает писать стихи. В своей

автобиографии он упоминает об этом так: «Одно из первых произведений – стихи (не помню какие), которые написаны по просьбе учителя для того, чтобы заменить текст какой-то малорусской песенки, чтобы исполнить ее в классном хоровом пении»¹⁰. По существу стихи эти были первым его литературным переводом с украинского.

Продолжить дальнейшее обучение Белоусову не удалось, он становится помощником в мастерской отца, втайне от которого продолжает свое сочинительство. В 1880 г. происходит событие, ставшее судьбоносным в его жизни, – двухмесячная поездка в Киев, а через два года Иван Алексеевич, «поэт-самоучка крестьянского происхождения», публикует в петербургской газете «Свет» первые свои стихотворения. Затем он начинает активно печататься в Москве и провинции, в 1889 г. вместе с такими же писателями из простонародья издает первый выпуск сборника «Родные звуки». Тогда же отделяется от отца, открывает собственную мастерскую, имевшую вывеску «Портной Белоусов», где, по воспоминаниям Н. Д. Телешова, «шили у него братья Чеховы, Тихомиров, Златовратский, Сергей Глаголь» и многие другие¹¹.

Зарабатывать на жизнь исключительно литературным трудом Иван Алексеевич начинает много позднее, к столь серьезному профессиональному переходу его побудила в значительной степени и физическая немощь, повлекшая трудности в занятии портновским ремеслом. В смене профессии Белоусова поддержала и супруга, Ирина Павловна, урожденная Рахманова, с которой они поженились в 1888 г.

Поражает количество псевдонимов, под которыми писал Белоусов, их более тридцати. Первоначально это была жестокая необходимость, когда сокрытие подлинного имени объяснялось в основном нежеланием навлечь гнев своего отца. К подобной практике прибегали многие его сверстники, выходцы из той же простонародной городской среды, родители которых также были не в восторге от литературных занятий своих сыновей. С ними Иван Алексеевич особенно сблизился со второй половины 1880-х гг. Сложилась небольшая группа молодых единомышленников – писателей-самоучек из простонародья, собиравшихся в трактире И. И. Зернова, сын которого, Иван, также писал стихи.

Первоначально лидером группы выступал юный поэт Максим Леонов, родившийся в 1872 г. в одной из деревень Тарусского уезда и мальчиком привезенный отцом в Москву, где тот держал овощную лавку. В дальнейшем Белоусов оказывается одним из главных теоретиков этого объединения, продолжавшего свое развитие в течение многих лет. До-

статочно снисходительное, а порой и презрительное отношение к ним как к литераторам со стороны «образованной общественности», конечно же, влияло на настроения внутри кружка, но тягу к писательству сломить не могло. Его члены один за другим издают различные коллективные литературные сборники, а в 1902 г. создают особый Московский товарищеский кружок писателей из народа, превратившийся в 1903 г. в известный Суриковский музыкально-литературный кружок. В дальнейшем кружковцы оказались в центре революционных событий в Российской империи, активно выступали против «всевозможных бурлюков, северянинных», а в советское время судьба многих из них сложилась драматически. Так, ближайший друг Белоусова, Максим Леонов, отец будущего знаменитого русского писателя Леонида Леонова, отсидев в царских тюрьмах, попадает в 1920 г. в советский лагерь.

Белоусов никогда не был столь радикален, его поэзия, особенно в начальный период, была посвящена в основном описаниям родной природы, затем он стал много писать для детей. Это были стихи и рассказы. Они имели определенный успех, сведенные в особые сборники, издавались по многу раз. Названия таких многочисленных сборников говорят сами за себя: «Божья воля», «Малыши: Рассказы и стихи для детей», «Из песен о труде», «Моим деткам», «Птичья стайка», «Росинки» и др. Иван Алексеевич в 1908 г. даже создает небольшое книгоиздательство детской литературы «Утро», которое существует, правда, совсем недолго, а в начале 1910-х гг. организует и редактирует «Наш журнал» и журнал «Путь». К участию в них он привлек многих известных уже тогда писателей, в том числе Максима Горького и Ивана Бунина, с которым был очень дружен.

Мягкий характер, относительная аполитичность, умение находить компромиссы, несомненная верность собственным внутренним идеалам человеческой любви привлекали к Белоусову представителей самых разных лагерей, что, впрочем, не спасло и его от тяжелых испытаний революционных времен. О некоторых из них он позднее рассказал в ряде своих произведений, таких, например, как «В жуткие дни: Из воспоминаний о 1905 г.», напечатанных в Москве в 1927 г.

Друзьями Ивана Алексеевича были порой совершенно разные люди: профессор А. Е. Грузинский, литератор Н. Д. Телешов, организатор объединения писателей из народа «Парнас», в котором также активно участвует Белоусов.

Невероятное количество связей с московским писательским миром, личное знакомство со многими корифеями русской литературы, долголетняя дружба с некоторыми из них сделали Белоусова одним

из самых информированных и известных представителей столичной интеллектуальной элиты первой трети XX в. Иван Алексеевич был очень близок со всем семейством Чеховых, Иваном Буниным, Леонидом Андреевым и многими другими. Среди его почтовых корреспондентов было около семисот лиц, в большинстве хорошо известных не только в России, но и за рубежом.

Помимо русской и украинской, Белоусов проявлял большой интерес к белорусской и польской литературам, переводил стихи Янки Купалы и Якуба Коласа. Подготовил и издал в виде отдельных сборников избранные произведения Янки Купалы и польской писательницы Марии Конопницкой; переводил он и поэтов других народов, особенно охотно Роберта Бёрнса и Пьера Беранже.

В 1811 г. при Московском университете было учреждено Общество любителей российской словесности, членом которого в самом начале XX столетия становится и Иван Алексеевич, быстро вошедший в состав его руководящих органов. Здесь ему удалось осуществить множество своих начинаний и планов, в том числе посвященных памяти Т. Г. Шевченко, и издать его произведения.

Белоусов одним из первых поддержал совсем юного тогда поэта Сергея Есенина, с которым всегда оставался близок по духу. Все это давало прекрасный материал для воспоминаний о многих замечательных людях России, известных литераторах. И деятельность Ивана Алексеевича, по словам А. П. Чехова, «тихая, скромная и прекрасная»¹², обрела еще одно русло – он стал писать воспоминания. Их оказалось так много и они вызвали такой живейший интерес, что стало целесообразным составлять из них отдельные книги. Так появились «Литературная Москва: Воспоминания 1880–1925», вышедшая в 1926 г. и затем сразу же переизданная, «Ушедшая Москва: Записки по личным воспоминаниям», «Литературная среда: Воспоминания 1880–1928», «Писательские гнезда: Дома в Москве и подмосковные усадьбы, где родились, жили и умерли известные русские писатели». Стоит ли говорить, что все эти книги сейчас являются ценнейшими первоисточниками по истории московской жизни позапрошлого и прошлого столетий, по истории русской литературы.

Сразу же после окончания училища родственница Белоусова, «тетка... мачехи», привозит его к себе в Киев. «Два месяца, проведенные» здесь, вспоминал позднее Иван Алексеевич, «оставили неизгладимое впечатление на всю жизнь»¹³.

«Я бродил по окрестностям Киева, – по ярмаркам, базарам, заслушивался слепцов-лирников, сидящих со своими поводьями-

мальчиками у пыльных дорог; подолгу засиживался на берегу Днепра, любясь синими степными далями за Днестром. Часами простаивал у витрин книжных магазинов на Крещатике, покупал книги на украинском языке... Прислушиваясь к украинской речи, я начинал понимать прочитанное по-украински»¹⁴.

Через полтора года после посещения Киева в печати появляются первые стихотворения Белоусова, одно из них, «Не томись напрасной думой», как-то опосредованно связано с той поездкой. Публикация состоялась 26 февраля 1882 г.

Этот день, считал Белоусов, «стал для меня вдвойне знаменательным... я впервые выступил на литературном поприще, и в этот же день была 21-я годовщина со дня смерти Т. Г. Шевченка... Так имя Шевченка связалось с первым днем моего вступления в литературу. И в другом случае имя Шевченка было связано с дальнейшей моей деятельностью: не расставаясь с «Кобзарем», читая его, изучая, я начал пробовать переводить его песни и думы на русский язык. Когда у меня получились более или менее удачные переводы, я их напечатал впервые в 1886 г., а этот год отмечал двадцатипятилетие со дня смерти Шевченка. Так имя Шевченка каким-то непонятным, случайным образом вплелось в мою жизнь»¹⁵.

В 1887 г. в Киеве в типографии Г. Л. Фронцкевича Белоусов печатает сборник своих переводов из Шевченко и свои собственные стихи. Сборник, изданный тиражом триста экземпляров на собственные средства Ивана Алексеича, назывался «Из «Кобзаря» Т. Г. Шевченко и украинские мотивы». В нем было всего 52 страницы.

На книгу отзывались ближайшие знакомые и друзья Белоусова. А. П. Чехов написал ему, что «могу только от души пожелать вам полного развития вашего таланта, уверенности, силы и успехов. Не спеша и работая помаленьку, вы добьетесь своего, – в этом я уверен и заранее радуюсь»¹⁶. На И. А. Бунину книга Белоусова «произвела хорошее впечатление, во-первых, своим легким и отделанным стихом и, во-вторых, тем, что в ней есть несколько переводов (весьма верных и вообще хороших) тех из стихотворений Шевченко, которые замечательны по глубине и теплоте чувства»¹⁷.

Успех первой книги переводов из Шевченко вдохновил Белоусова, он еще активнее работает над своей шевченкианой. До начала 1920-х гг. публикует более десяти книг различных переводов поэтического наследия поэта, пишет о нем очерки, выпускает несколько отдельных биографических и литературоведческих изданий. В 1920-е гг. Иван Алексеич задумывает ряд прозаических

произведений о Шевченко и увлеченно работает над ними. К сожалению, все эти художественные и документально-художественные сочинения разных форм и жанров, включая повести и романы, напечатаны не были.

Благодаря Белоусову в общественной жизни Москвы конца XIX – первой трети XX в. тема украинской культуры и литературы звучит с еще большей силой. Особенно это заметно на примере различных шевченковских торжеств и коллективных изданий, посвященных Т. Г. Шевченко, в организации которых самое активное, а часто руководящее участие принимал Белоусов. Ему же еще в самом начале наступившего XX столетия «пришла мысль демонстративно отслужить панихиду» по Шевченко¹⁸.

Как вспоминал Иван Алексеевич, он «оповестил о своем намерении отслужить панихиду кое-кого из писателей и артистов» и о том, «что панихида по Шевченке будет отслужена в церкви Большого Вознесения на Никитской, так как эта церковь считалась литературной – в ней венчался А. С. Пушкин... И панихида была отслужена более или менее торжественно, так как духовенство заметило, что публики было много, да и публика была какая-то особенная, необычная. После панихиды большинство присутствующих на ней собрались в ресторане «Континенталь» на углу Театральной площади и Охотного ряда и за дружеской беседой-обедом помянули батьку Тараса “не злым, тихим словом”. Помню, за обедом М. Л. Кропивницкий с большим чувством прочитал “Думы” и “Черница” Шевченка. А на другой день в газетах появилось сообщение, что там-то и тогда-то была отслужена панихида по Шевченке, и перечислены были все присутствовавшие на ней лица»¹⁹.

Переводческое мастерство Белоусова получило достаточно противоречивые оценки. Наиболее объективны по отношению к его переводам Шевченко были, пожалуй, Николай Зеров и Николай Павлюк. Любопытно при этом привести мнение Корнея Чуковского, который считал, что «Белоусов был представителем устарелых методов переводческого искусства. Он начал свою многолетнюю и кропотливую работу над переводами стихотворений Шевченко еще в восьмидесятых годах, когда Бодлеру навязывали ритмы Некрасова и всем это казалось в порядке вещей», что было свойственно «той упаднической литературной эпохе...». Потому переводы Белоусова «были несколько не хуже других переводов... и, конечно, сыграли свою положительную роль в деле ознакомления русских читателей хотя бы с тематикой поэзии Шевченко»²⁰.

Достаточно специфичное отношение Чуковского и к той «литературной эпохе», и к переводческому искусству Белоусова, тем не менее, не помешало поместить отдельные переводы Ивана Алексеевича в один из самых объемных и массовых русскоязычных сборников поэтических сочинений Шевченко «Избранные произведения», изданный в Москве в 1939 г. «под редакцией Корнея Чуковского». Впрочем, всегда стоит помнить, что переводческое умение и опытность и у Белоусова нарабатывались с годами, и его переводы 1880-х гг. были лишь первыми их пробами. С годами росло у Ивана Алексеевича и глубинное понимание сущности и социальной значимости поэзии Т. Г. Шевченко.

Приведем в качестве примера фрагмент его перевода известного шевченковского стихотворения «Думи мої, думи мої», написанного в Петербурге в 1839 г.:

Ой, вы, думы, мои думы, –
Горе, думы, с вами!
Что вы встали на бумаге
Хмурыми рядами?
Что вас ветер не развеял,
Словно пыль степную?
Что вас горе не заспало,
Словно дочь родную?
Горе злое вас на свете на смех породило;
Поливало вас слезами, – что ж не затопило?
Не узнали бы, за что я проклиная долю!..
Позабыли б меня люди, – вспоминать не стали.
«Делать нечего!» – с насмешкой мне бы не сказали!..

.....

Думы мои, думы мои, –
Думы мои, дети.
Где же я найду, родные,
Вам приют на свете?
На Украинну идите –
Нашу Украинну,
На задворки, к бедным людям,
Я же здесь загину!
Там любовь найдете, думы;
Там вас приласкают;
Там и правда!.. А быть может,

Славой увенчают!..
Так прими же моих деток,
Родина святая,
Приласкай их, неразумных,
Словно мать родная!..²¹

В отличие от многочисленной шевченкианы И. А. Белоусова, прежде всего рукописной, его не слишком объемная купаловиана гораздо лучше изучена. Пальма первенства в исследовании архивно-рукописной ее части несомненно принадлежит известному белорусскому литературоведу В. П. Рагойше²², обратившему особое внимание на деятельность Ивана Алексеевича в качестве переводчика произведений Янки Купалы²³. К сожалению, бытованием этих переводов исследователи практически не интересовались, а между тем сохранившиеся материалы позволяют в общих чертах показать этот процесс, в том числе и в белорусской среде. Одним из основных источников при этом могут послужить десятки сохранившихся в разных странах экземпляров первого русскоязычного собрания стихотворений Янки Купалы, подготовленного в конце 1910-х гг. в Москве И. А. Белоусовым²⁴.

Необходимо подчеркнуть, что эта книга русскоязычных переводов Янки Купалы готовилась в очень трудных условиях военного времени, и ее весьма скромное типографское исполнение объясняется именно этим обстоятельством. Составилась она достаточно быстро, немногим более чем за один год, причем Белоусов за это время вошел в непосредственный контакт с Купалой, который даже прислал ему в Москву свою автобиографию²⁵. Собственно говоря, издавая собрание стихотворений Купалы, Иван Алексеевич планировал начать знакомство широкой русскоязычной общественности с новой белорусской художественной литературой. В предисловии к составленному им изданию он писал:

«Русская читающая публика очень мало знакома с белорусской литературой вообще и с белорусской поэзией в частности. Разве только на этнографических концертах, где исполняются песни разных народностей, можно услышать и белорусские песни. Но эти песни – продукт народного творчества, – безымянных авторов; а у белорусского народа есть и своя художественная литература; правда, вся она близка к народному творчеству, и каждого белорусского поэта можно назвать народным поэтом – так по форме и внутреннему содержанию произведения современных белорусских поэтов близки к народным песням и думам»²⁶.

Белоусов считает Купалу одним из «лучших современных поэтов» Белоруссии. «Этого поэта, – пишет он, – можно назвать первым поэтом, претворившим народное творчество в высокохудожественные формы и талантливо изобразившим народную жизнь своего края. Произведения Янки Купалы разнообразны по форме, хотя форма народной песни в них преобладает. Вместе с тем произведения его значительны по содержанию: они затрагивают самые глубины души народной; в них ярко отражаются бытовые черты и колорит природы Белоруссии»²⁷.

В своем предисловии к собранию русскоязычных переводов Янки Купалы, озаглавленном «Янка Купала. (Иван Доминикович Луцевич). Белорусский поэт», И. А. Белоусов за подписью самого поэта публикует его автобиографию²⁸, которая впервые появляется в печати, что, несомненно, было замечено современниками. В общей сложности Белоусов представил в составленной им книге свои переводы 24 стихотворений Купалы и поместил в ней еще 40 переводов других авторов: В. Я. Брюсова, А. А. Коринфского, Е. Е. Нечаева, Н. С. Ашукина, А. А. Чумаченко, Н. Устинова, Н. А. Янчука. Последний, Н. А. Янчук, один из самых заслуженных зачинателей белорусоведения как науки, уроженец с. Корница в нынешнем Мазовецком воеводстве Польши, вместе с Ф. Ф. Туруком деятельно помогал Белоусову в работе по подготовке сборника русскоязычных переводов стихов Янки Купалы.

В каких трудных жизненных условиях находились тогда и Белоусов, и Янчук, свидетельствуют, например, письма последнего в Киев известному украинскому искусствоведу и археологу Н. Ф. Беляшевскому, в которых постоянно звучит тема возможной тогда в условиях Москвы «голодной смерти», ибо от нее все вокруг «мрут», «музейские мрут, профессора мрут»²⁹. Вот почему, так же как Янчук к Беляшевскому³⁰, Белоусов обращается в марте 1919 г. к Купале за помощью в приобретении продуктов питания³¹, положение с которыми в Киеве и Минске было более благополучным по сравнению с голодной Москвой. Несмотря на эти личные житейские и многие иные трудности, подготовленная в 1919 г. И. А. Белоусовым книга, наконец, выходит из печати весной 1920 г. весьма значительным тиражом в несколько тысяч экземпляров, тысяча из которых поступает в московские магазины и библиотеки³².

Ныне большая часть дошедших до нас экземпляров этой книги сберегается в белорусских собраниях, прежде всего в крупнейших библиотеках и Литературном музее Янки Купалы в Минске. Ряд со-

хранившихся ее экземпляров содержит бесценную информацию о распространении этих переводов в самых широких кругах. Сошлемся лишь на один пример: экземпляр КП 57/-д из собрания Литературного музея Янки Купалы, раскрывающий перед нами наглядную картину массового художественного чтения русскоязычных переводов стихов поэта в белорусской среде 1920-х гг. с помощью чтецов-декламаторов одного из любительских драмкружков. Был среди них и перевод И. А. Белоусова стихотворения Янки Купалы «Мой край» 1910 г.:

Разлеглись твои поля
В Божьем свете белом,
И грустят они травой,
Колосом поспелым.
Сказку шепчет лес, – а в ней
Старина седая;
Сказку слушают поля,
Слезы проливая.
Льются речки по долам,
Горы обегая;
Тонет в непогоду в воде
Нива золотая.
Плесень сплошь покрыла все
Бедные избушки,
И березки, наклонясь,
Стали как старушки.
Люд? – Согбенный ходит он,
Кланяясь невзгоде,
Путы сам себе плетет
С думой о свободе...
Так живешь ты, словно спишь,
Край мой, край ты милый,
С бедным людом и с былой
Славою и силой!..³³

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 *Лабынцев Ю. А., Щавинская Л. Л.* Москвич Иван Белоусов – крупнейший популяризатор творчества Тараса Шевченко. М., 2014.
- 2 *Павлюк М.* Белоусов Иван Олексійович // Шевченківська енциклопедія в 6 томах. Київ, 2013. Т. 1. С. 383–384.
- 3 *Лабынцев Ю. А.* Неизвестная рукописная шевченкиана И. А. Белоусова – переводчика и популяризатора Т. Г. Шевченко // Науковий потенціал славістики: історичні здобутки та тенденції розвитку: тези доповідей Міжнар. наук. конф. до Дня слов'янської писемності і культури (Київ, 21 травня 2015 р.). Київ, 2015. С. 160–161.
- 4 *Шевченко Т. Г.* Батрачка: рассказ в стихах / Пер. и предисл. И. А. Белоусова. М., 1923.
- 5 *Белоусов И. А.* Литературная среда: Воспоминания. 1880–1928. М., 1928. С. 242.
- 6 РГАЛИ. Ф. 66. Оп. 1–2.
- 7 РГАЛИ. Ф. 66. Оп. 1. Д. 180.
- 8 Там же. Д. 179.
- 9 *Белоусов И. А.* [Автобиография] // *Фидлер Ф. Ф.* Первые литературные шаги. М., 1911. С. 236.
- 10 Там же.
- 11 *Телешов Н. Д.* Записки писателя. М., 1980. С. 293–294.
- 12 *Белоусов И. А.* Литературная среда... С. 54.
- 13 Там же. С. 8.
- 14 Там же. С. 9.
- 15 Там же. С. 16.
- 16 Там же. С. 53.
- 17 *Бунин И. А.* [Письмо И. А. Белоусову] // Радянське літературознавство. 1957. № 4. С. 133; РГАЛИ. Ф. 66. Оп. 1. Д. 534.
- 18 *Лабынцев Ю. А., Щавинская Л. Л.* Москвич Иван Белоусов... С. 27.
- 19 *Белоусов И. А.* Литературная среда... С. 239–241.
- 20 *Чуковский К.* Высокое искусство. М., 1988. С. 266 и др.
- 21 *Шевченко Т. Г.* Кобзарь в переводе И. А. Белоусова. М., 1919. С. 29–32.
- 22 *Рагойша В.* І нясе яна дар... Мінск, 1977. С. 12–24.
- 23 *Рагойша В.* Написана рукой Купалы. Мінск, 1981. С. 35–56.
- 24 *Купала Я.* Избранные стихотворения в переводах русских поэтов... Собрал и редактировал Ив. Белоусов. М., 1919.
- 25 РГАЛИ. Ф. 66. Оп. 1. Д. 1560.

- 26 *Купала Я.* Избранные стихотворения... С. I.
- 27 Там же. С. I–II.
- 28 Там же. С. III–VIII.
- 29 Национальная библиотека Украины им. В. И. Вернадского. Институт рукописи. Ф. XXXI. Д. 2267.
- 30 Там же. Д. 2266.
- 31 РГАЛИ. Ф. 66. Оп. 1. Д. 734.
- 32 *Купала Я.* Поўны збор твораў. Мінск, 2003. Т. 9. Кн. 2. С. 144–146.
- 33 *Купала Я.* Избранные стихотворения... С. 6.

Ju. A. Labynzev, L. L. Shchavinskaja

Russian writer I. A. Belousov as translator and popularizer of the poetic heritage of Taras Shevchenko and Janka Kupala

The article is devoted to I. A. Belousov, who was the most active and important promoter of creativity by Taras Shevchenko. Belousov has published more than ten books which his translations of Shevchenko's works, as well as some biographical books about him. Thanks to his efforts and the first Russian-language collection of poems of the famous Belarusian poet Yanka Kupala (1920) was published.

Keywords: *Ivan Belousov, Taras Shevchenko, Yanka Kupala, poetry, translation.*

Д. И. Антонов
(Москва)

Змей-искуситель с женским лицом: генезис и вариации образа в русской иконографии

В статье рассматривается образ змея-искусителя с женским лицом или торсом, распространившийся в русской иконографии XVI–XVIII вв., его вариации и истоки. На европейском материале проанализирован визуальный контекст, в котором зародился и сформировался сам визуальный мотив, а также его связи с текстами и драматическими постановками. Это позволяет увидеть особенности рецепции гибридного образа в русском искусстве и сочинениях XVI–XVII вв.

Ключевые слова: *иконография грехопадения, змей, дьявол, Ева, искушение, гибридные персонажи в средневековой культуре.*

1. *От дракона до червя: змеи в древнерусском искусстве.* В визуальном бестиарии средневековой культуры змеи занимают особое место и по частоте, и по вариативности изображений. Бесчисленные драконы разных форм и цветов, коронованные, сидящие на троне, поверженные святым, атакующие праведника или просто вплетенные в книжный или архитектурный орнамент, заселяют храмовое пространство и наполняют лицевые рукописи; их образы активно эксплуатируются в предметах личного благочестия и знаках власти на всем пространстве христианского мира. Многие (хотя далеко не все) изображения следуют за текстами – историями о чудесах святых-змееборцев, визионерскими видениями, учительной литературой, бестиариями и проч. Популярность драконов совершенно понятна, учитывая, что в средневековой культуре они воспринимались не только как повсеместно распространенные создания, но и как образ сатаны и падших ангелов. Два этих полюса (змей-животное и змей-Люцифер) определяют весь спектр мотивов, связанных с рептилиями: в различных текстах змей / дракон мог быть личиной демона (бес, явившийся в облике змея), его временным пристанищем (бес, вошедший в змею и действующий в ее теле), ипостасью самого дьявола (семиглавый дракон Апокалипсиса) либо, наконец, его эпитетом и эвфемистическим наименованием («древний змей», «змей лукавый», «змей пагубный» и др.). Змеев изображали на земле, в небесах (свержение Денницы-Люцифера, дракон Откровения или змей

мытарств в композициях Страшного суда) и в преисподней (где их основная функция – мучить узников ада).

Надо отметить, что слова *дракон*, *змей* и *аспид* использовались синонимично либо указывали на родственные виды пресмыкающихся: к примеру, Исидор Севильский и многие позднейшие авторы определяли драконов как змей с гребнем. Русские переводы популярного в средние века «Физиолога», впервые составленного в Александрии во II–III вв., говорили о глухом, двуногом, летающем, водном и прочих аспидах, а также поясняли, что дракон – греческое или латинское слово, которое обозначает либо обычную, либо старую и могучую рептилию: «Змий... аще оубо поживет много время, бывает велик, именуется дракон»¹. О том, что мир заселен множеством таких тварей, вплоть до исполинских монстров, писали энциклопедисты, как тот же Исидор, Храбан Мавр или, в начале XVII в., создатель «Истории четвероногих зверей» и «Истории змей» англичанин Эдвард Топсел, и путешественники, как Марко Поло².

В русском, как и в европейском средневековом искусстве, змеев наделяли самыми разными атрибутами – двумя или четырьмя лапами, одной или несколькими головами, ушами, рогами, шерстью³, чешуей или гладким телом, крыльями, звериной головой. Такая множественность форм, цветов и размеров (которая легко проявляется и в рамках одного визуального сюжета, скажем, «Чуда Георгия о змее» заставляет задуматься о том, как вообще определить рептилию в иконографии: в чем ее отличительные признаки, если биологические характеристики реальных змей – чешуя, плоская голова – часто не изображались вовсе? В поисках самой устойчивой (но не обязательной – таких нет вообще) черты придется ограничиться лишь одной – удлинённым телом: максимальное выражение этой идеи – подобная червю змея без конечностей и акцентированной головы, минимальное – длинная шея и/или хвост гибридных драконов с телом зверя (впрочем, в поздней иконографии и этот признак может пропадать)⁴. В результате на иконах и миниатюрах фактически нет четкой грани между драконами, змеями и – червями. Этих малейших созданий с длинным телом изображали в преисподней как одну из адских казней, визуальнo конкретизируя библейские слова о грешниках: «червь их не умирает» (Ис. 66: 24; Мк. 9: 44–48). Казалось бы, даже на текстуальном уровне это несколько другой персонаж (причем текст в виде подписи нередко включается в изображение). Однако дьявол называется в Библии червем точно так же, как и драконом (Ис. 46: 24; Мк. 9: 44, 46, 48). В древнерусском искусстве у червя одна базовая функция – он мучает грешников, выступая

в роли карающего агента преисподней наравне со змеями. Визуальное сходство тут не случайно: при всем их разнообразии, такие фигуры относятся к одному типу персонажей, с общими функциями и смысловыми коннотациями.

Интересно, что важнейший для средневекового искусства визуальный прием, который помогал изобразить беса или демонического монстра, – комбинаторика человеческих и звериных черт, антропозооморфный облик – за редкими исключениями не применялся к драконам. Даже когда речь в иллюстрируемом тексте шла о демоне, который принял облик змея, мы обычно не увидим на такой фигуре маркеров демонического. Другие личины демона – ложный ангел или человек – практически всегда отмечены знаками, которые объясняют зрителю происходящее, разоблачая бесовскую иллюзию, однако змей настолько прочно ассоциировался в христианской культуре с сатаной, что «визуальный комментарий» чаще всего был излишним.

Тем не менее исключения существовали. На иконе Никифора Савина «Чудо св. Федора Тирона о змие» первой четверти XVII в. в нижней сцене змеборчества святой отсекает крылатому дракону человеческую голову с бородой и торчащими вверх волосами. Хохлатая голова – атрибут демона (вздыбленные волосы в христианской иконографии – маркер падших ангелов и грешников), а антропозооморфная фигура напрямую соотносит побежденного дракона с бесом⁵. В редчайших случаях гибридные фигуры семиглавого Змеядьявола с несколькими человеческими головами появлялись в лицевых апокалипсисах, также указывая на дьявола⁶. Вынося за скобки такие казусы, нужно сказать, что в русской иконографии регулярно изображался лишь один персонаж с чертами змея и человека, причем генезис и семантика этой фигуры были совсем другими. Речь идет о рептилии с женским лицом или торсом, полузмее-полудеве, искушающей прародителей в Эдемском саду.

2. Сирена и скорпион: европейские источники гибридного образа.

Сцена у Древа познания добра и зла – популярный сюжет христианского искусства. В Священном Писании змей-искуситель описан как животное, которое обмануло Еву и приняло наказание от Бога (Быт. 3: 1–15). Христианские авторы утверждали, что актором был не сам змей, а дьявол: он либо вошел в змею, либо принял ее форму (см. в Повести временных лет: «видевъ же диаволь, яко почести Бог человека, позавидевъ ему, преобразися въ змию. . .»⁷; те же трактовки распространились в равнинистической литературе)⁸. В русской иконографии рептилия, обвившая дерево или протягивающая Еве яблоко, часто выглядит как

обычная змея⁹. Однако встречаются более сложные образы, которые срывают с искусителя маску, но вместо темной хохлатой головы или просто вздыбленных волос, которые традиционно указывают на беса в чужом облике¹⁰, демонстрируют зрителю безбородую женскую голову, иногда с длинными распущенными волосами. Необычная фигура антропоморфного дракона была заимствована из европейской традиции, к которой и нужно обратиться в первую очередь.

На западном материале образы змея с женским лицом описаны достаточно хорошо, начиная с вышедшей в 1917 г. статьи Дж. К. Боннелла и до последней из известных мне работы Ф. Гуссенховен. Подробная статья об искусителе в Эдемском саду была написана в 1972 г. Хенри Келли, а самое обширное исследование предприняла Нона Флоренс, посвятив свою диссертацию 1981 г. образам женоголовой рептилии в европейском искусстве и литературе 1300–1700 гг.¹¹

Изначально в эдемском саду изображали либо змея и сатану отдельными фигурами, либо только змея. Эта визуальная модель – рептилия, обвинившая дерево, и две фигуры (Адам и Ева) по сторонам, – восходит к античным образцам – прежде всего к сцене с Гераклом, пришедшим похитить золотые яблоки в саду Гесперид, перед деревом, которое обвивает дракон, охраняя запретные плоды (похожим образом изображали Афины и Посейдона)¹². Интересное решение этой сцены, наглядную эстафету греха, можно найти в английской Псалтири святого Альбана (не позже 1123): сидящий на дереве сатана выпускает изо рта змею, а змея держит во рту яблоко, которое берет у нее Ева¹³.

Вслед за Исидором Севильским некоторые авторы повторяли, что дьявол выбрал для искушения людей прямоходящую змею фарею, которая могла стоять вертикально на своем хвосте. Идея о том, что до грехопадения у змея были ноги, встречалась уже в Книге Юбилеев и более поздней иудейской литературе¹⁴. В европейских миниатюрах змея-искусителя иногда наделяли ногами, крыльями и собачьей головой, как и других фантастических рептилий средневекового бестиария¹⁵. В иудейских текстах с IX в. возникает мысль, что змея, искусившая прародителей, была похожа на верблюда, а когда Бог проклял ее, утратила конечности и стала ползать на брюхе. Похожим образом описывал искусителя Василий Великий, а в византийских рукописях XII в. змей до искушения в самом деле похож на верблюда¹⁶. Однако уже в XII в. рождается новое представление – оставаясь гибридом, эдемская рептилия обретает женские черты.

О том, что змей, которого выбрал дьявол, не только ходил прямо, но и имел «лицо девы», впервые написал в XII в. парижский богослов Петр

Коместор, ссылаясь при этом на Беду Достопочтенного, хотя в текстах Беды ничего не говорится о женской голове¹⁷. По словам Коместора, дьявол вошел в змея, похожего на Еву, потому что «подобное привлекает подобное». Точное происхождение этой идеи до конца не известно, но легко указать на ее возможные источники. Аналогичную версию – дьявол вошел в змея и принял облик Евы, чтобы та увидела себя как в зеркале и не испугалась, – приводит неизвестный автор сирийского сочинения «Пещера сокровищ», которое датируют IV–VI вв. н. э.: тут рассказано, что сатана действовал как человек, который хочет научить попугая разговаривать, – хозяин прячется за зеркалом и начинает говорить, попугай думает, что с ним общается другая птица, и с удовольствием повторяет слова; точно так же поступил с Евой дьявол¹⁸. Этот рассказ перекликается с массой средневековых изображений, на которых лицо и волосы искусителя зеркально повторяют лицо и прическу Евы. Н. Флорес указывает также на апокрифические Апокалипсисы Моисея и Авраама, где сближаются образы змея и серафима (Люцифера), а рептилия обретает в результате хоть и не женскую голову, но человеческие конечности. При этом Флорес подчеркивает, что Петр Коместор вряд ли использовал текст «Пещеры сокровищ», который был распространен на христианском Востоке, а не Западе и, как и «Апокалипсис Авраама», ассоциировался с гностической традицией¹⁹.

У идеи Коместора явно имелись визуальные истоки. Фигуры полуженщины-полузмеи были хорошо известны в античности (к примеру, так изображали линейскую Гидру), женскими лицами наделяли скорпионов (на это повлиял, среди прочего²⁰, образ чудовищной саранчи из Апокалипсиса: Откр. 9: 3–10). В различных изображениях, в том числе в каменной резьбе XII в., встречаются сирены в образе полуптиц, а с VIII в. полурыб, с женской головой, причем их чешуйчатый рыбий хвост иногда напоминает змеиный. Не только визуальные ассоциации с дьяволом (антропозооморфная фигура, змеиный мотив), но и сами функции сирены – искушать и губить людей – явно роднят этих фантастических созданий со змеем-искусителем в Эдеме, поэтому легко предположить, что их образ повлиял на иконографию грехопадения. Христианские богословы видели в сиренах символ дьявола, губительной страсти и т. п. – неудивительно, что на одной французской мраморной статуе начала XIV в. под ногами Богородицы вместо змеи появляется сирена с рыбьим хвостом, а средневековые миниатюры со сценами искушения Христа в пустыне встраиваются в визуальную параллель и с искушением Евы, и, как в Псалтири королевы Марии, с поющими морскими сиренами (проповедники отождествляли Улисса

с Христом, а сирен – с чувственными прельщениями мира)²¹. Наконец, гадюку описывали как змею с человеческим торсом в греческом Физиологе, переведенном на латынь, или в трактате «*Liber Monstrorum*», вероятно, созданном английским епископом Альдхельмом († 709)²². Х. Келли справедливо замечает, что гибридные образы сфинксов, сирен и скорпионов могли повлиять и на автора «Пещеры сокровищ», и на Петра Коместора²³. В любом случае, как отмечают все исследователи, образ антропоморфной рептилии не имеет ничего общего с Лилит иудейской традиции, которую в Средние века никогда не представляли полужмеем (тем не менее эта версия до сих пор кочует в научных текстах и комментариях к изображениям).

Дж. Боннелл полагал, что гибридный образ искусителя проник из литературы сперва в драматические постановки и уже оттуда – в более консервативную иконографию, которая вряд ли могла разработать принципиально новый образ, отталкиваясь лишь от нескольких текстов, посвященных грехопадению (идею в целом поддержал Дж. Трапп²⁴, но не другие исследователи). Художники, по мнению Боннелла, были мало образованными людьми, чего не скажешь об авторах мистерий, и вряд ли читали Коместора, а постановщикам было важно, чтобы змея могла говорить, следовательно, они могли обратиться к тексту Коместора и найти там выход из ситуации, сделав искусителем молодого актера, который общается с Евой в ключевой сцене грехопадения, изображая женщину-змею. В разных постановках такой змей-ящерица мог вполне логично ходить на ногах до того момента, как, проклятый Богом, уползал на брюхе²⁵.

И в мистериях, и в иконографии крылья и корона помогали идентифицировать змея как дьявола. Интересно, что в театральных постановках сатану могли наделять пернатыми крыльями птицы – Х. Келли указывает на аналогичные изображения женоликого змея (первый относится к 1220 г.) и предполагает, что такие же «ангельские» крылья мог иметь и змей-искуситель и в мистериях²⁶. В «Видении о Петре Пахаре» Уильяма Ленгленда (XIV в.) сатана описывает себя как «ящерицу с женским лицом» – это напоминает картину Гуго ван дер Гуса (1440–1448), где искуситель изображен в виде стоящей на задних лапах ящерицы с человеческим лицом (Х. Келли полагает, что эта фигура напоминает скорее мальчика в костюме саламандры, а Н. Флорес называет его лицо детским²⁷), – вероятно, ван дер Гус отразил тут сценический образ искусителя. И все же (это не исключал сам Боннелл) на художников XIII в., как и на Петра Коместора, повлияли скорее не мистерии, а визуальные образы змея с

человеческой головой и торсом, которые встречались в египетском, греческом, римском искусстве и использовались в предшествующей христианской иконографии.

Идея Коместора быстро распространилась не только в изображениях, но и в текстах. В XIII в. рассказ о женоликой змее, также со ссылкой на Беду, повторили Винсент из Бове в «Зерцале природном» («Speculum naturale») и Гвидо Дель Колон в «Истории разрушения Трои», а в XIV в. такое же описание вошло в знаменитое «Зерцало человеческого спасения», которое активно переводилось с латыни на различные европейские языки. Серпентоморфная дева упоминалась теперь в экзегетических текстах, в комментариях на книгу Бытия и в ее литературных переложениях, а параллельно – в учительной литературе и в энциклопедических трудах о живой природе. Начиная с XVI в. о ней писали протестантские авторы²⁸. Некоторые полагали, что змей утратил свою девичью голову в результате проклятия, которое последовало за искушением.

Образ антропоморфного змея-искусителя к началу XIV в. проник из Франции в миниатюру Испании, Англии и германоязычных земель, а в XV в. – в итальянское искусство. При этом полузмей-полудева не вытеснил своих «конкурентов» – змеев с головой рептилии или с собачьей головой, но соседствовал с ними, активно отвоевывая себе место на страницах рукописей и в церковном пространстве.

Уже в иконографии XIII в. возникли разные вариации женоликих драконов. У них появляются не только длинные «страусиные» шеи сфинксов, но и крылья нетопыря, львиные лапы или раздвоенные копыта – зооморфные элементы, которые ясно ассоциировались с дьяволом²⁹. Иногда, как в каталонском манускрипте середины XV в., комбинация становится едва ли не гротескной: женская голова в тюрбане, ниже – женская грудь переходит в сегментированное тело червя, которое, как длинная шея, крепится к телу, увенчанному пятнистыми крыльями павлина (символ гордыни), птичьими лапами и свитым в узел хвостом со змеиной головой на конце³⁰.

Нередко искусителя изображали близко к описаниям – прямоходящим, то есть вертикально стоящим на хвосте, иногда обвивающим древо, с небольшой женской головкой. Чаще женские черты показывали ярко и крупно: кроме головы с длинными волосами или уложенной прически появляются плечи, женская грудь и руки. Такая сирена может носить женский головной убор – змей принимает вид не девушки с распущенными локонами, а серьезной (и порой модной) замужней дамы³¹. Искуситель бывает двуногим, похожим на ящерицу, или получает толстое «страусиное» тело, длинную шею и хвост – тот же образ,

что сфинкса³². Наконец, иногда на ветвях Древа познания добра и зла изображали полную фигуру женщины, а от рептилии остается лишь змеиный хвост, будто прикрепленный к телу³³.

В разных вариациях гибридный образ обыгрывали Рафаэль, Босх, Ганс Гольбейн Младший, Дюрер и другие известные мастера³⁴. На полотнах Лукаса Кранаха змей выглядит то как обычная рептилия, то как женщина (голова, руки, бюст) со змеиным телом. Микеланджело и Тициан помещали на Древо познания женскую фигуру со змеиными хвостами, подобными ногам, под влиянием еще одного известного образа – гигантов античной мифологии³⁵.

Подобие змея Еве (оно заставляет вспомнить одновременно рассказ о зеркале и попугае из «Пещеры сокровищ» и миф о Нарциссе, который средневековые авторы интерпретировали в христианском контексте) подчеркивали разными способами. Часто у прародительницы и у гибридной змеи одинаковые прически и цвет волос; иногда их лица буквально копируют друг друга, как в Великолепном часослове герцога Беррийского, созданном братьями Лимбургам³⁶, или в Библии второй половины XV в. из Регенсбурга³⁷. Если в сцене появляется Адам, на него смотрят «близнецы» – жена и похожая на нее рептилия³⁸.

Как демонстрирует на множестве примеров Н. Флорес, образ змея с человеческой головой проникает в церковную архитектуру и широко распространяется в ней уже с начала XIII в.³⁹ В миниатюрах, как и в церковных витражах, сцена искушения с фигурой змея помогала выстраивать более сложный визуальный контекст, с включением перекликающихся и взаимосвязанных сцен, что помогало демонстрировать не только само грехопадение, но и разные уровни его толкования – аллегорический, анагогический, тропологический, обличать похоть и сластолюбие, плохих священников и языческих жрецов или создавать наглядную параллель с первым искушением Христа. Грехопадение противопоставлялось сцене Распятия (Христос как «новый Адам») или Благовещения, а фигура прародительницы, слушающей змея, – образу новой Евы, Богоматери, которая внимает архангелу Гавриилу либо попирает рептилию ногами. С конца XV в. в сцены искушения часто помещали зверей, обыгрывая символику bestiaria. К примеру, рядом с Евой изображали обезьяну, жующую плод, демонстрируя победу низменных чувств над духом и подобие обезьяне женщин и падших людей в целом (как на гравюре Ганса Гольбейна Младшего 1547 г.; Мартин Лютер утверждал, что змея и обезьяна стали орудиями дьявола прежде всех животных), горноста, который в средневековой культуре ассоциировался с женщиной и сексуальным

прельщением, и т. п.⁴⁰ В XVI в. фигуры прародителей изображали в откровенно сексуальных позах: Ева обнимает Адама у Древа познания на гравюре Альбрехта Дюрера (1510) или «обнимается» со змеем с женским торсом на гравюре Лукаса Кранаха Старшего (1522).

Иногда у змея возникает не женская, а мужская голова, как в рукописи 1436 г. из Равенбурга, а еще реже, как в Часослове Рогана первой половины XV в., змей зеркально отображает не Еву, а Адама⁴¹. Тициан изобразил искусителя с головой ангела-купидона, будто намекая на утерянный ангельский чин Люцифера («Грехопадение», 1570), а создатель панно из Инсбрука – с рогатой и бородатой головой сатира, который ассоциировался с сексуальной невоздержанностью, похотью и, разумеется, с дьяволом⁴². Начиная с XVI в. и в театральных постановках, и в живописи искуситель стал все чаще изображаться полузмеей-полумужчиной, напоминая теперь множество антропоморфных фигур демонов в христианском искусстве⁴³.

Лишь к концу XVI в. образы гибридной рептилии постепенно уступают место реалистично изображенной змее на ветвях Древа познания добра и зла. Эдвард Топселл в своей «Истории змей», как и ряд других авторов, отвергал версию о том, что в Эдеме действовал не обычный змей, а дракон с человеческой головой⁴⁴. Однако к этому времени образ женоликой змеи прочно вошел в европейскую традицию и использовался уже самостоятельно, как символ обмана, греха и ереси⁴⁵. Яркий пример – аллегорические изображения Древа греха, как на миниатюре 1538 г., где женщина со змеиным хвостом раскинула руки на дереве, сжимая в правом кулаке яблоко и в левом череп (символы искушения, греха и смерти), – композиция, противопоставленная Распятию Спасителя⁴⁶. Та же фигура возникала и в других контекстах, проникла в алхимические трактаты, как в знаменитые свитки Джорджа Рипли (XV в.), символизируя тут жизненное начало и т. д.

3. *Серпентоморфная дева в русских источниках.* Неудивительно, что столь популярный в Европе образ, разошедшийся в тысячах изображений и текстов XII–XVI вв., был заимствован на Руси. Точно так же, как в Европе, гибридные образы соседствовали здесь с обычными змеями – распространившись как минимум в XVI в. (на закате европейской иконографии женоликого змея), они не заменили традиционных рептилий, но только потеснили их.

Возвращаясь к русскому материалу, приходится сказать, что конкретные каналы для такого влияния найти непросто – катализатором мог послужить перевод какого-то из многочисленных текстов, так или иначе отразивших саму идею, либо (скорее) отдельные изображения

из европейской миниатюры и гравюры. Первые известные мне русские примеры относятся к XVI в.: тело змеи оканчивается безбородым (женским) человеческим лицом, как на клеймах икон «Троица в бытии», написанных во второй половине XVI в.⁴⁷ Такой образ можно найти на миниатюре Лицевого летописного свода (1560–1570-е)⁴⁸ или в Синодиках XVII и XVIII вв.⁴⁹ Гибридная фигура проникает и в лицевые рукописи «Христианской топографии» Козьмы Индикоплова XVI и XVII вв.⁵⁰ В храмовом пространстве она появлялась не только на иконах – ее могли изобразить, к примеру, на двери в жертвенник⁵¹. Иногда, хоть и не так ярко, как в европейском искусстве, женское лицо змея-искусителя напоминает лицо стоящей рядом Евы⁵².

Визуальную параллель Змей – Ева могли выразить более ярко, добавив к женской голове человеческий торс, как в Синодике 1659 г.⁵³, на иконе «Верую» 1680-х гг.⁵⁴ или на иконе «Сотворение человека» XVII в.⁵⁵ На теле не всегда акцентирована женская грудь, но ее могли изобразить и крупно – как на клейме иконы «Символ веры» середины XVII в.⁵⁶ или на миниатюре из сборника XVIII в.⁵⁷ Как и на Западе, такой гибрид напоминает сирену в образе женщины с рыбьим хвостом⁵⁸.

Реже у змея-искусителя с человеческой головой появляются крылья, и он напоминает необычного антропоморфного дракона, как на клейме № 6 иконы «Святая Троица, в бытии» 1580-х гг.⁵⁹, в лицевой Библии начала XVII в.⁶⁰ или на миниатюрах Синодика XVIII в. из собрания БАН⁶¹. Этот дополнительный знак позволяет более четко указать на дьявола как главного виновника грехопадения.

Наконец, иногда змей превращался в дракона со змеиной головой, но с человеческими руками, как в гравированной Библии Василия Кореня 1692–1696 гг. На первой миниатюре, посвященной искушению людей в Эдеме, с дерева свешивается обычная змея – она держит во рту красное яблоко и передает его Еве. На двух следующих миниатюрах (прародители, стоящие перед Богом; изгнание из рая) изображен уже переродившийся змей: длинное тело гада оканчивается крыльями, человеческими руками и красной драконьей головой с торчащими ушами и языком⁶². Тот же прием был использован в лубочной книге Ивана Любецкого (XVIII в.)⁶³ и в разных лицевых рукописях (вместо человеческих рук у змея бывают звериные лапы)⁶⁴.

Пожалуй, одна из самых интересных сцен грехопадения в русской иконографии изображена в четвертом клейме иконы «Троица Ветхозаветная, с деянием в 24 клеймах» из Покровского монастыря в Суздале второй половины XVI в.⁶⁵ (ее копия была написана в 1914 г. Николаем и Александром Брягиными)⁶⁶. Змей с крошечной человеческой головой

обвивает Древо познания, обратившись лицом к Еве, а его хвост оплетает ноги прародительницы. Это заставляет вспомнить одновременно описания Храбана Мавра о том, что сила змея заключена в его хвосте, и русские иконы, на которых дракон, поражаемый св. Георгием, обвивает хвостом задние ноги его коня⁶⁷. Визуальный образ захвата и пленения применяется тут к обманутой Еве. Еще интереснее позы самих соблазняемых людей. Ева приложила руку к щеке (традиционный знак скорби), будто уже в момент разговора со змеем сожалея о грехопадении, а Адам крестообразно сложил руки на груди. Это не самые типичные жесты в иконографии искушения⁶⁸. В русской визуальной традиции скрещенные руки – знак предстояния Богу: так скрещивают руки перед чашей с Евхаристией (и на изображениях, и в церковной практике), в той же позе зачастую стоят прародители в Эдеме перед лицом Бога-Отца – в момент Творения или внимая заповеди не есть плодов с Древа познания добра и зла⁶⁹. Одновременно это знак умирания, причем и тела, и страстей: так изображали не только людей на смертном одре, но и монахов, принимающих постриг, а следовательно, умирающих для мира, а также юродивых, схимников, молчаликов, которые еще более радикально уходят от мирской жизни, умерщвляя себя ради Христа⁷⁰. Позу Адама у Древа познания сложно трактовать как жест предстояния (перед ним дьявол), но другие коннотации, напротив, очень важны. Во-первых, скрещенные руки визуально отсылают к идее причащения – спасительного вкушения плоти и крови Христовой, что ярко контрастирует со сценой в Эдеме – губительным вкушением запретного плода: подобное исцеляется подобным. Во-вторых, напоминая о знаке покойника, жест Адама свидетельствует, что он и его потомки принимают смерть как расплату за грехопадение. Невозможно сказать, какая аллюзия была актуальна для иконописца, но учитывая, что сам жест был распространен и в церковном ритуале, и в погребальном обряде, и в многочисленных изображениях, обе они могли легко считываться зрителями.

Невольно повторяя аргументацию Дж. Боннела, замечу, что вряд ли русские иконописцы создали образ змеи с женской головой на основании отдельных переводных текстов – скорее, в основе этой иконографии лежат европейские образцы, усвоенные отдельными мастерами. Однако средневековые трактаты, в которых шла речь о женоликой змее, были известны на Руси и подкрепляли визуальный мотив. Русский перевод Физиолога, включенный в Азбуковники, так описывает один из видов аспидов: «...лице имеет девичье и власы девичьи, хобот змиев, нозе василисковы, криле велицы остры»⁷¹. Как и на Западе, идею

о том, что сатана использовал для прельщения людей это гибридное создание, обыгрывали разные авторы. Первый известный мне пример – любопытный фрагмент с описанием демонов, который во второй половине XVI в. игумен Снетогорского монастыря Корнилий вставил в письмо своему сыну Ивану. Тут разъясняется, что девичье лицо змея-искусителя было не иллюзией, а биологическим свойством рептилии, в которую вселился дьявол: нечистый отыскал «избранную змию от некоего рода змиина, лице имущу девиче, и подвиже глаголати язык ея ко Евзе...»⁷². Корнилий либо пересказывает какой-то текст, восходящий к Петру Коместору, либо «считывает» и буквально трактует иконографический образ, уже распространившийся в это время на Руси.

Интересно, что русские авторы упоминали о змее-искусителе и как о женоликом аспиде, и как о драконе с крылами и «ногами» (то есть, возможно, прямоходящем). В XVII в. протопоп Аввакум, рассуждая о сотворении мира и грехопадении, писал, что сатана вошел в «лучшаго зверя» – змею. За лестной для змеи характеристикой следует пояснение: «ноги у нее были и крылье было. Хороший зверь была, красной, докаместь не своровала»⁷³. По сути, Аввакум повторял здесь идею, высказанную в иудейских текстах и в сочинении о рае, приписанном Василию Великому, – о том, что до искушения Адама и Евы у змеи были ноги⁷⁴.

Если в западном искусстве женоликий змей появлялся в разных визуальных контекстах и, кроме искушения Адама и Евы, бывал повержен и погран новой Евой – Богородицей, символизировал грехи и т. п., то в русской иконографии его основная функция – прельщать прародителей в Эдемском саду. Если на Западе он был вписан в широкий ряд рептилий с человеческими головами, как скорпионы, сфинксы, сирены, драконы и проч., то на Руси такие гибридные змеи в основном начали появляться с XVI в., с общим расцветом визуальной демонологии. И все же единичные изображения «сирен» – женщин с рыбьими хвостами – встречаются и раньше, хотя уверенно сказать, кого именно обозначали такие фигуры, невозможно. Самый ранний известный пример – новгородская костяная пластина XII либо XIII в., на которой длинноволосая женщина со змеиным хвостом и распущенными волосами пьет из рога⁷⁵. Фигура женщины с прорисованной грудью и змеиным хвостом изображена на дверях входного портала церкви Троицы в Никитниках XVII в.⁷⁶ Такие образы перекликаются с европейскими, пришедшими из античной традиции, и на сохранившемся материале создают минимальный контекст⁷⁷ для заимствованных из Европы фигур змея-искусителя в Эдемском саду.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Белова О. В. Славянский бестиарий. Словарь названий и символики. М., 2001. С. 96.

2 См. об этом, к примеру: *Lippincott L. W.* The Unnatural Histry of Dragons // Philadelphia Museum of Art Bulletin. 1981. Vol. 77. № 334. P. 3–24; *Махов А. Е.* Средневековый образ между теологией и риторикой. Опыт толкования визуальной демонологии. М., 2011. С. 52–65.

3 Как на иконе «Св. Федор Стратилат с житием» сер. XVI в. из церкви Федора Стратилата на ручью (из собрания Новгородского государственного объединенного музея-заповедника; далее – НГОМЗ).

4 См., к примеру, драконов с вытянутыми шеями и хвостами на иконе «Чудо св. Георгия о змие» конца XVII – начала XVIII в. из Тихвина (НГОМЗ), в Апокалипсисе третьей четверти XVIII в.: ИРЛИ. Оп. 23. № 264. Л. 143об., 155об., 237об. и др. Звероподобные ящеры часто изображались в XVII–XIX вв., в период расцвета визуальной демонологии, и в разрабатывавшей ее старообрядческой миниатюре – иногда они вовсе лишались удлиненного тела, а их родство со змеями подчеркивали другие маркеры – крылья нетопыря, змеиная голова, чешуя.

5 Оpubл.: *Брюсова В. Г.* Русская живопись 17 века. М., 1984. Цв. илл. 6.

6 См. в рукописях XVI (ОР РГБ. Ф. 98. № 1591. Л. 107, 110, 112об. и далее) и XVII в. (ОР РГБ. Ф. 299. № 460. Л. 96, 124об., 141).

7 Библиотека литературы Древней Руси. В 20 т. СПб., 2000. Т. 1. С. 136.

8 *Murison R. G.* The Serpentin the Old Testament // The American Journal of Semitic Languages and Literatures. 1905. Vol. 21. № 2 (Jan.). P. 14.

9 См., например, сюжет искушения на дверях в жертвенник последней трети XVI в. (опубл.: Иконы Вологды XIV–XVI веков. М., 2007. № 112, 121) или второй половины XVII в. из частного собрания М. Де Буара (Елизаветина) (опубл.: *Комашко Н. И., Преображенский А. С., Смирнова Э. С.* Русские иконы в собрании Михаила де Буара (Елизаветина). Каталог выставки: Государственный музей-заповедник «Царицыно» (июнь 2008 – июль 2009). М., 2009. № 59); на миниатюре из Евангелия апракос 1693 г.: БАН. Арх. ком. 339. Л. 837 (опубл.: Библия 1499 г. и Библия в синодальном переводе с иллюстрациями. В 10 т. М., 1992. Т. 7. С. 7) и др.

10 О древнерусской иконографии демонов и маркерах демонического см.: *Антонов Д. И., Майзульс М. Р.* Демоны и грешники в древнерусской иконографии: семиотика образа. М., 2011. С. 70–96; *Антонов Д. И., Майзульс М. Р.* Анатомия ада: путеводитель по древнерусской визуальной демонологии. М., 2014 (изд. второе, испр. и доп.). С. 33–41 (примеры).

11 *Bonnell J. K.* The Serpent with a Human Head in Art and in Mystery Play // *American Journal of Archeology* 1917. Vol. 21. № 3 (Jul.–Sep.). P. 255–291; *Kelly H. A.* The Metamorphoses of the Eden Serpent during the Middle Ages and Renaissance // *Viator*. 1972. № 2. P. 301–328; *Flores N.* «Virgineum vultumhabens»: the Woman-Headed Serpent in Art and Literature from 1300 to 1700. Thesis submitted... in the University of Illinois at Urbana-Champaign, 1981; *Gussenhoven F.* The Serpent with a Matron's Face: Medieval Iconography of Satan in the Garden of Eden // *European Medieval Drama*. 4 (2000). P. 207–230.

12 *Flores N.* «Virgineum vultumhabens»... P. 1–2; *Trapp J. B.* The iconography of the Fall of Men // *Approaches to Paradise Lost* / Ed. by C. A. Patrides. London, 1968. P. 229–230.

13 *Kelly H. A.* The Metamorphoses... P. 303–304.

14 *Flores N.* «Virgineum vultumhabens»... P. 3–4.

15 *Kelly H. A.* The Metamorphoses... P. 304, 306.

16 *Ibid.* P. 303; *Flores N.* «Virgineum vultumhabens»... P. 4.

17 *Bonnell J. K.* The Serpent with a Human Head... P. 257, fn. 3; *Kelly H. A.* The Metamorphoses... P. 307–309.

18 *Kelly H. A.* The Metamorphoses... P. 310; *Flores N.* «Virgineum vultumhabens»... P. 15–16.

19 *Flores N.* «Virgineum vultumhabens»... P. 14–17.

20 Как отмечает Н. Флорес, такие гибридные фигуры могли появиться под влиянием ряда текстов, к примеру – описания скорпионов у Гая Юлия Солина (*Flores N.* «Virgineum vultumhabens»... P. 21–22).

21 *Ibid.* P. 29–30.

22 *Kelly H. A.* The Metamorphoses... P. 310; *Flores N.* «Virgineum vultumhabens»... P. 18–20.

23 *Kelly H. A.* The Metamorphoses... P. 326.

24 *Trapp J. B.* The iconography... P. 262.

25 *Bonnell J. K.* The Serpent with a Human Head... P. 255–257, 264, 279–281; об образах и костюмах антропоморфного змея в мистериях см. также: *Flores N.* «Virgineum vultumhabens»... P. 122 etc.

26 *Kelly H. A.* The Metamorphoses... P. 316–317.

27 *Ibid.* P. 317; *Flores N.* «Virgineum vultumhabens»... P. 129–131.

28 *Flores N.* «Virgineum vultumhabens»... P. 33–44.

29 *Ibid.* P. 93.

30 Oxford. Bodleian Library. Ms. Douce 204. Fol. lv; репр.: *Ibid.* P. 101.

31 См., например, змею с женским лицом и головным платком в английском Апокалипсисе первой четверти XIV в. (London. British Library. Ms. Royal 15 DII. Fol. 2) или в английской энциклопедии *OmneDo-num* 1360–1375 гг. (London. British Library. Ms. Royal 6 EVI. Fol. 46v).

32 См. сфинксу на миниатюре XIII в.: *Gussenhoven F. The Serpent with a Matron's Face...* P. 225. Такой змей в облике сфинксы в женском головном уборе появляется уже в XIII в., к примеру, на скульптурной композиции, на которой Дева Мария попирает змею, в соборе Богоматери в Амьене.

33 Как на английской миниатюре 1360–1370 гг.: London. British Library. Ms. Royal 6 EVI. Fol. 2.

34 См., к примеру, репродукции гравюр Альбрехта Дюрера 1493 г. (*Махов А. Е. Hostis Antiquus: Категории и образы средневековой христианской демонологии. Опыт словаря. М., 2006. С. 179*) или Ганса Гольбейна Младшего 1538 г.: *The Dance of death by Hans Holbein the Younger. A Complete Facsimile of the Original Edition of Les simulachres & histories faces de la mort. N.Y., 1971. P. 17.*

35 *Bonnell J. K. The Serpent with a Human Head...* P. 275; *Flores N. «Virgineum vultumhabens»...* P. 157.

36 Chantilly, Musee Conde MS. 65. Fol. 25v.

37 Furtmeyr Bible. Regensburg, after 1465: München. Die Bayerische Staatsbibliothek. Cgm 8010a. Fol. 10v.

38 *Flores N. «Virgineum vultumhabens»...* P. 117.

39 *Ibid.* P. 71, etc.

40 *Ibid.* P. 102–108, 138–143.

41 *Ibid.* P. 75–77, 93.

42 Репрод.: *Ibid.* P. 155.

43 *Kelly H. A. The Metamorphoses...* P. 324–326.

44 *Flores N. «Virgineum vultumhabens»...* P. 160–161.

45 Таким примерам посвящена третья глава исследования Ноны Флорес.

46 *Arborbis Mortua. Gidisvanden Hecke (Oxford. Bodleian Library. Ms. Douce 373. Fol. 5.* См. также репродукцию миниатюры XIV в., опубликованную А. Е. Маховым (*Махов А. Е. Hostis Antiquus...* С. 165); описание нескольких композиций с деревом греха: *Trapp J. B. The iconography...* P. 259–260.

47 Оpubл.: *Вилинбахова Т. Б. Святая Живоначальная Троица с деяннями. М., 2009. С. 24–25; Рыбаков А. Вологодская икона. Центры художественной культуры земли Вологодской XIII–XVIII веков. М., 1995. № 280/281. Подробнее об этих иконах см. ниже.*

48 Лицевой летописный свод. Факсимильное издание рукописи XVI в. в 10 кн. Кн. 1. Музейный сборник: В 2 ч. М., 2006. Ч. 1. С. 16.

49 ГИМ. Воскр. Бум. № 66. Л. 18; БАН. Арханг. Д. 399. Л. 4.

50 Книга глаголемая Козьмы Индикоплова из рукописи Московского главного архива Министерства иностранных дел, Миняя Четия митрополита Макария (Новгородский список) XVI в. СПб., 1886 (Обще-

ство любителей древней письменности. Т. 86). С. 110; ОР РГБ. Ф. 173. I. № 102. Л. 86; БАН. П. I. А. № 68. Л. 165об.

51 Опул.: Иконы XIII–XVI вв. в собрании музея имени Андрея Рублева. М., 2007. № 105 (последняя треть XVI в.).

52 Брюсова В. Г. Русская живопись... Цв. илл. 115; БАН. Арханг. Д. 399. (Синодик, XVIII в.). Л. 4.

53 ГИМ. Муз. № 203. Л. 36.

54 Брюсова В. Г. Русская живопись... Цв. илл. 130.

55 Сакович А. Г. Народная гравированная книга Василия Кореня 1692–1696. В 2 т. М., 1983. Т. 1. Илл. 82.

56 Брюсова В. Г. Русская живопись... Цв. илл. 115.

57 ИРЛИ. Новг.-Псковск. собр. № 84. Л. 166.

58 См. образы змей-«сирены» в лицевых сборниках XVIII в.: ОР РГБ. Ф. 344. № 181. Л. 108об.; ОР РГБ. Ф. 98. № 894. Л. 17.

59 Опул.: Рыбаков А. Вологодская икона... Илл. 281.

60 ГИМ. Вахр. № 1. Л. 6об.

61 БАН. 25.2.14. Л. 11, 12; ср.: Л. 8 – змей без отличительных признаков демона.

62 Сакович А. Г. Народная гравированная книга... М., 1983. Т. 2. Мин. 10, 12, 13. Ср. с миниатюрой XIX в.: БАН. 25.2.14. Л. 11, 12.

63 Сакович А. Г. Народная гравированная книга... Т. 1. Илл. 108–109. Ср. с другой лубочной картинкой XVIII в.: Там же. Илл. 126.

64 Там же. Илл. 108–109; ср. с другой лубочной картинкой XVIII в.: Там же. Илл. 126; с миниатюрой из Синодика XVIII в.: БАН. 25.2.14. Л. 11, 12.

65 ГРМ. Инв. № ДРЖ-2138.

66 Опул.: Иконы Владимира и Суздаля. М., 2008. № 133.

67 Как на иконе «Чудо Георгия о змие, с житием» конца XVI – начала XVII в. из ц. Успения с. Саблё Батецкого района (НГОМЗ).

68 К примеру, на иконе «Св. Троица в Бытии» из Благовещенского собора в Сольвычегодске, созданной примерно в то же время (1580-е), Ева тянет руки к женоголовому змею в позе обращения / адресации, а Адам приложил к груди только одну руку, а вторая вытянута вниз, прикрывая срамное место (опул.: Рыбаков А. Вологодская икона... № 280/281]; см. то же на двери в жертвенник конца XVI в. (опул.: Иконы XIII–XVI вв. ... № 105). Поза со скрещенными руками у Адама появляется на дверях в жертвенник последней трети XVI в. (опул.: Иконы Вологды... № 112).

69 Как на тех же дверях в жертвенник последней четверти XVI в. (опул.: Иконы XIII–XVI вв. ... № 105).

70 Эта поза функционирует и в иконографии «Спас – благое молчание». См. примеры: Юферева Н. Э. Древнерусский иллюстратор житий святых. Нетекстовая текстология. М., 2013. С. 142–150. Н. Э. Юферева характеризует такое сложение рук как «позу причастника».

71 Белова О. В. Славянский бестиарий. С. 60.

72 Серебрянский Н. И. Очерки по истории монастырской жизни в Псковской земле, с критико-библиографическим обзором литературы и источников по истории псковского монашества. М., 1908. С. 528–529.

73 Памятники истории старообрядчества XVII в. Кн. 1. Вып. 1. (РИБ. Т. 39). Л., 1927. Русские монастыри. Искусство и традиции. Государственный Русский музей, 1997. С. 669, 670.

74 Kelly H. A. *The Metamorphoses*... P. 302.

75 Бочаров Г. Н. Прикладное искусство Новгорода Великого. М., 1969. С. 101. Рис. 89.

76 Бусева-Давыдова И. Л. Культура и искусство в эпоху перемен. Россия семнадцатого столетия. М., 2008. С. 207, илл.

77 Другие гибриды, птица или зверь с женской головой (Мелузина, Сирин и Алконост), появляются в русском лубке XVII–XVIII вв.

D. I. Antonov

The Tempter Serpent with the Lady's Face: The Origin and Variations of the Image in the Old Russian Iconography

The article is focused on the image of the serpent with the lady's face and torso in the garden of Eden which was spread in Russian iconography in the 16–18th cent., as well as its variations and sources. On the base of European representations the author analyzes the visual context that generated this visual motif, its links with medieval texts and plays. This helps understand the specifics of the hybrid image reception in Russian iconography and texts of the 16–17th cent. Keywords: *iconography of the fall of men, serpent, the Devil, Eve, temptation, hybrid personages in medieval culture.*

Д. Ротт
(Катовицы)

Изображение Варшавского восстания 1944 г. в современной массовой культуре

В статье представлен ряд современных масс-культурных проектов, осуществленных в Польше и за ее пределами, задача которых – с помощью разных видов искусства, новых способов реализации художественной рефлексии, новейших компьютерных технологий привлечь внимание современников, в том числе молодого поколения, к событиям Варшавского восстания 1944 г.

Ключевые слова: *Варшавское восстание, массовая культура, кино, музыка, фотография, поэзия, музейное дело.*

Есть такой город, который ежегодно 1 августа – в годовщину Варшавского восстания – останавливается на одну минуту. Это столица Польши – Варшава¹.

Восстание, которое вспыхнуло 1 августа 1944 г. и продолжалось шестьдесят три дня, до 3 октября, организовала Армия Крайова. Это был беспрецедентный подвиг – попытка освобождения польской столицы еще до прибытия Красной Армии. По сегодняшний день в разных кругах продолжают споры и сохраняются разногласия по поводу целесообразности и эффективности Варшавского восстания².

Я не историк, в мою задачу не входит представление дискуссии о смысле Варшавского восстания, которая не утихает и имеет весьма эмоциональный характер. Я не пытаюсь оценить стратегическую и политическую обусловленность произошедшего, решение, принятое командирами. Было ли это своего рода отчаянное самоубийство или глубокий, благородный и романтический порыв молодых патриотов? Нет никаких сомнений, что восстание является одним из самых жестоких событий в истории польской столицы и во всей истории Польши. Это также одно из наиболее драматических событий Второй мировой войны. Мы не выиграли восстания в военном смысле, так как оно закончилось поражением. Его жертвами стали восемнадцать тысяч повстанцев и почти двести тысяч мирного населения – жителей столицы. Город сровняли с землей. Статистика разрушений ужасает. В 1945 г. в Варшаве было двадцать миллионов кубических метров щебня. Были уничтожены все мосты, 90% школ, заводов,

больниц, железнодорожных узлов и 84% зданий левобережной Варшавы. Это огромные, невысказанные жертвы и разрушения. Несмотря на все – вопреки истории – Варшава по-прежнему существовала (в марте 1945 г. среди руин города жило почти четверть миллиона человек) и была восстановлена. Сегодня в городе живет около миллиона семисот тысяч жителей.

Главнокомандующий Армией Крайовой генерал Тадеуш Коморовский (псевдоним Бур) отдал приказ о начале восстания 1 августа 1944 г. в 17 часов (так называемый час «W»). Крайне слабо вооруженные и плохо обученные повстанцы в первые дни боев захватили центральные районы Варшавы – Старый город, Волю и часть нескольких других кварталов. Несмотря на героизм повстанцев и активную помощь гражданского населения, через два месяца было принято решение о капитуляции. Затем Германия начала систематическое разрушение города, квартал за кварталом, и его сровняли с землей.

Несмотря на споры и разногласия о целесообразности и эффективности Варшавского восстания, его тема присутствует в современной популярной культуре Польши и в Швеции. При этом до 1989 г. польская официальная пропаганда эту тему замалчивала.

Из года в год число участников восстания и людей, которые помнят то время, сокращается. Однако благодаря массовой культуре Варшавское восстание все больше укореняется в сознании следующих поколений, в том числе молодежи. До недавнего времени за пределами Польши его ошибочно ассоциировали и идентифицировали с восстанием в Варшавском гетто в 1943 г. В данной статье представлены некоторые нетрадиционные способы воссоздания тех событий и сохранения памяти о них.

В 2004 г., в шестидесятую годовщину начала Варшавского восстания, в квартале Воля на улице Гжибовской, д. 79, был открыт музей Варшавского восстания – один из самых современных в Польше. Он находится в здании бывшей трамвайной электростанции начала XX в. Постоянная экспозиция занимает площадь 3000 кв. м, количество экспонатов превышает 30 000 тысяч единиц. В интерактивном музее используются инновационный дизайн сцены, свет, звуковые и мультимедийные эффекты. Например, уже у самого входа в музей мы ходим по мостовой, в которой находится створ канализационного люка, на плазменном экране можно увидеть передвигающихся по каналам³ повстанцев. Можно «позвонить», набрав номер на старом эбонитовом аппарате, и прослушать запись рассказа участника боев. В зале бывшей котельной находится макет бомбардировщика Либе-

ратор (такие самолеты снабжали повстанцев оружием и продуктами питания). В подвале музея реконструирован темный и узкий подземный канал (длиной 22 м, высотой от 110 до 175 см), по которому можно пройти. Интерьер музейного кафе стилизован под довоенный дизайн. Не забыли и о самых маленьких посетителях – в зале Маленького повстанца экспонируются игрушки военного времени, паззлы и настольные игры, посвященные Варшавскому восстанию, копии довоенных книг для детей. Здесь нет агрессивных игрушек для игры в войну, здесь родители могут оставить детей во время экскурсии. В течение первых десяти лет музей посетило почти пять миллионов человек⁴.

В октябре 2004 г. в музее Варшавского восстания был создан Архив устной истории, задачей которого является сохранение вербальных свидетельств живых участников восстания. До настоящего времени проведены и записаны беседы с более чем 2700 человек⁵.

К другим инициативам музея относятся музыкальные альбомы Дариуша Малеенка, озаглавленные «Mogowe Panny» («Муаровые девушки», 2012), диск, посвященный женщинам, сражавшимся в Варшавском восстании, а также альбом «Gajcy!» («Гайцы!», 2009) со стихами Тадеуша Гайцы, двадцатидвухлетнего поэта, погибшего во время восстания. Он и Кшиштоф Камил Бачиньский были самыми известными польскими поэтами периода войны и оккупации. Песни на стихи Гайцы исполняли известные польские музыканты Лех Янерка, Казик и группы «Armia», «Dezserter», «Pogodno» и «Pustki». На песню «Miłość bez jutra» («Любовь без завтра») в исполнении Каролины Цихей снят видеоклип⁶. К теме Варшавского восстания несколько раз возвращалась группа «Armia», которая записала новые версии известных повстанческих песен «Pałacuk Michla» и «Warszawskie dzieci» («Дворец Михля» и «Варшавские дети»)⁷.

Наиболее интересным музыкальным проектом является альбом «Варшавское восстание» (2005) польской рок-группы «Ляо Че»⁸, созданной в Плоцке в 1999 г. Ее фронтменом является гитарист и вокалист Хуберт Добачевский (псевдоним Спенты). Альбом включает 10 композиций («1939 / Przed Burzą», «Godzina W», «Barykada», «Zrzuty», «Stare Miasto», «Przebiecie do Śródmieścia», «Czerlniaków», «Hitlerowcy», «Kanały», «Koniec» – «1939 / Перед бурей», «Час W», «Баррикада», «Скриншоты», «Старый город», «Прорыв в центр», «Черняков», «Гитлеровцы», «Каналы», «Конец»), включающие авторское творчество, цитаты, парафразы повстанческих стихотворений и песен, а также документальные материалы. В зву-

ковой дорожке, немного напоминающей радиоспектакль, использованы оригинальные выступления генерала Владислава Сикорского, фрагменты повстанческой поэзии Юзефа Щепаньского и Кшиштофа Камиля Бачиньского. Этот альбом, продолжительностью 45 минут, в доступной современному слушателю форме передающий повстанческий порыв, получил весьма положительный отклик у польской аудитории. В комментариях к текстам песен подчеркивается, что эта работа посвящена «Варшаве августа 44»⁹. «Не будет преувеличением сказать, что именно этот альбом группы «Лао Че» разбудил патристические чувства и историческое сознание тысяч людей (не только молодежи)... чего не удавалось сделать никаким образовательным системам в течение последних десятилетий», – отмечает Артур Зинтек¹⁰. В интервью в марте 2015 г. лидер группы Спенты сказал: «Тема Варшавского восстания на сегодняшний момент для меня закрыта. Между прочим, из-за этого мы не исполняем этих песен на концертах. Мне было довольно трудно полностью разобраться в этой теме, стоя на тех баррикадах. Но это уже прошло. Мы можем сыграть это раз в год, на специальном концерте, в хорошей постановке, чтобы оказаться на большой сцене – тогда да. В этом году сыграем его во Вроцлаве. В определенных кругах этот альбом затмевает другие наши альбомы, которые в итоге остаются без внимания. Мне это не мешает, но также не хотелось бы до конца карьеры петь о восстании. В этом не было бы никакого смысла»¹¹. В другом интервью он добавил: «Мы были группой с узкой целевой аудиторией. Мы думали, что диск будет пользоваться популярностью исключительно в узких кругах варшавских историков. Но из-за содержания текстов получилось так, как получилось. Это был стиль, в котором мы хорошо себя чувствовали. Создавая этот альбом, мы даже не догадывались, что он получит такой широкий отклик в обществе. Острая форма музыки в некотором смысле связана и совместима с брутальностью событий 1944 года»¹². Сегодня группа «Лао Че» является одной из ведущих на польской музыкальной сцене. Этому способствовал в частности и альбом «Варшавское восстание».

Музыкальный альбом «www.wawa2010.pl» (CD)¹³ благодаря новым звучаниям композиций и новым интерпретациям известных песен представляет историю Варшавы со времени Второй мировой войны и до сегодняшнего дня. Исполняет песни молодая польская вокалистка Каролина Цихы¹⁴ совместно с исполнителями и инструменталистами разных поколений и стилей. В альбоме можно найти одну из самых популярных песен восстания «Marsz Mokotowa» («Марш

Мокотова»), написанную 20 августа 1944 г., а также текст «Czerwona zaraza» («Красная зараза») в исполнении дуэта К. Цихы и лидера группы «Acid Drinkers» Титуса¹⁵. Отрывки из него использовали рок-группы «Лао Че»¹⁶ в песне «Czerniaków» («Черняков») и польско-норвежский рок-коллектив «De Press» в альбоме «My rebelianci» («Мы ребелянты») (2009). «Красная зараза»¹⁷ – последнее стихотворение поэта Юзефа Щепанского, солдата Армии Крайовой (псевдоним Зютек)¹⁸, написанное им 29 августа 1944 г. В нем автор выражает гнев и разочарование, чувство одиночества от неизбежности поражения охваченной сражениями Варшавы, ярость за бездействие Красной Армии, которая находилась тогда на правом берегу Вислы.

1 августа 2010 г. состоялась премьера короткометражного фильма «Город руин», режиссер Дамиан Ненов¹⁹. Это выполненная в стробоскопической 3D-перспективе первая в Польше цифровая реконструкция руин уничтоженной Варшавы, показанная с борта самолета, летящего с реальной скоростью и ограниченной площадью маневра (здесь были использованы материалы аэрофотосъемки). Для пятиминутного фильма была подготовлена база данных, включающая картографические, урбанистические, геодезические материалы о состоянии города весной 1945 г. Фильм составляют 1600 фотографий, 75 тыс. пикселей, 63 тыс. вручную вставленных моделей объектов, в 35 случаях удалось учесть все детали. Команда из тридцати графических дизайнеров в течение полугода работала над соединением отдельных частей изображения в единое целое, чтобы не было заметно каких-либо стыков. Исполнителем проекта была студия Platige Image²⁰.

15 марта 2013 г. на экраны вышел фильм «Бачиньский» режиссера Кордиана Пивоварского с замечательными съемками оператора Петра Немыйского. Фильм в жанре поэтической легенды представляет военную судьбу поэта Кшиштофа Камиля Бачиньского (1921–1944). Сюжет соединяет эпизоды его жизни с современными мотивами – документальными кадрами слэма (групповых действий публики) во время концерта, посвященного девятидесятилетию поэта в 2011 г., высказываниями людей, помнящих Бачиньского. По мнению критиков, это новаторский фильм, в поэтически-документальной форме показывающий всю бессмысленность войны. Несмотря на новаторство картины, зрители расценили ее скорее как режиссерский и актерский (невыврачительная игра исполнителя главной роли) провал.

Фильм «Варшавское восстание» – первая в мире игровая военная драма нон-фикшн, полностью смонтированная из оригинальных

киноматериалов, снятых в августе и сентябре 1944 г. Черно-белые кадры плохого качества (проявленные и хранившиеся в ненадлежащих условиях) были отреставрированы и колоризированы. В течение шести месяцев шесть часов оригинальной хроники консультировали историки, военные эксперты, знатоки моды и архитектуры того времени. 1000 часов продолжалось обсуждение колористики фильма, а колоризация и реконструкция пленки длилась 1440 часов. После монтажа фильм составили более чем 100 тысяч кадров, объемом 22 971 520 мегабайт. Создателем сюжета был Ян Комаса, колоризацией руководил известный польский оператор Петр Собоцинский-младший. Диалоги были написаны специально для картины. Фильм идет 86 минут, его можно рассматривать как своего рода дань памяти кинооператорам, снимавшим хронику восстания. Зритель видит военные события глазами двух операторов, очевидцев, которые снимают хронику повстанческой борьбы²¹. Популярности фильма способствовала песня «Tyle nadziei, tyle miłości» («Столько надежды, столько любви») на слова Адама Новака²² и музыку Карима Мартусевича²³. Для западного рынка была создана специальная версия с немного измененным сюжетом, названная «Warsaw Uprising».

Самым резонансным фильмом последних лет о Варшавском восстании является «Город 44»²⁴, производства Akson Studio. Его поставил по собственному сценарию представитель молодого поколения польских режиссеров Ян Комаса²⁵, оператором работал Мариан Проккоп. Это самая дорогая и масштабная картина в современном польском кино (бюджет фильма составил около шести миллионов евро). Авторы утверждают, что это фильм о любви, молодости и борьбе, а не о политике, его нельзя назвать ни документальным, ни историческим. В материалах, сопровождающих ленту, сказано: «Комаса снял романтическую историю о безумии чувств в пожаре войны, экспрессионистское зрелище о любви во время апокалипсиса. Благодаря сильным переживаниям и эмоциям картина перестает быть реалистической, а становится субъективной, импрессионистической. Надежда повстанцев-подростков умирает на баррикадах. Их страдание трансформируется в отчаяние, абсурд, огонь и транс»²⁶. В фильме много ссылок на киноклассику: «Апокалипсис сегодня» Ф. Копполы, «Отвращение» Р. Полански, «Иди и смотри» Э. Климова. Есть ссылки на многочисленные поп-культурные тропы. Сцены сражений сравнимы с известными эпизодами из фильма «Спасти рядового Райана» С. Спилберга. В процессе съемок были использованы широкие объективы, позволяющие наблюдать за действием в нескольких

планах одновременно. В польских кинотеатрах фильм посмотрело почти два миллиона зрителей. Премьерный показ состоялся 30 июля 2014 г. на Национальном стадионе в Варшаве в присутствии двенадцати тысяч зрителей, среди которых были и участники восстания. 2 августа 2015 г. немецкое общественное телевидение ZDF показало этот фильм под названием «Warszau 44» в прайм-тайм. В Германии ленту посмотрело более миллиона зрителей, а показанный с ней вместе документальный фильм о Варшавском восстании – более семисот тысяч. Моя мечта, чтобы этот фильм и его онлайн-обсуждение были показаны на одном из главных российских телеканалов. Наверное, это могло бы помочь улучшить наши двусторонние отношения.

Продюсер фильма Михал Квечинский на вопрос, чего современный зритель может ожидать от «Города 44», ответил: «Молодой зритель пойдет в кино, чтобы посмотреть на молодых актеров, на военный фильм с удивительными спецэффектами. Изначально тема фильма может не иметь для него значения. Но, посмотрев его, он отождествит себя с героями, определенно не останется равнодушным и столкнется с вопросом: что бы я сделал на их месте? В свою очередь, повстанцы, которые видели фильм во время первых показов, были абсолютно очарованы, отождествляли себя с героями, и это наш огромный успех. В столь современном фильме они нашли свое прошлое, свою личность, свои эмоции. “Город 44” – фильм современный не только благодаря спецэффектам, но и потому, что он объединяет поколения. Основой достигнутого успеха является то, что Янек Комаса делал его с огромным уважением к повстанцам, настоящим героям тех событий. Надеюсь, что это будет оценено по достоинству. Также надеюсь, что необычная атмосфера, в которой родился фильм, ощущение исключительности, передастся зрителям»²⁷.

Несколько месяцев назад был реализован еще один проект: альбом известной польской группы «Voo Voo» под названием «Placówka'44» («Ячейка'44»). Коллектив сочинил музыку к двенадцати стихотворениям, ставшим результатом поэтического конкурса, проходившего в августе 1944 г. в правобережном районе Варшавы Праге. Призами тогда стали гранаты и оружие. «Я понял, чем для тех людей были четыре с половиной года оккупации и порабощения, когда близкие умирали физически и психически. Эти эмоции трудно представить, о них не поболтаешь с кофейком за столиком. Этим молодых людей, в самом деле, все это достало и они хотели, наконец, покончить с тем, что не давало им дышать, хотя веры в выживание у них было немного»²⁸, – заметил лидер группы Войцех Ваглевский.

«Молодой повстанец прощается с матерью, казалось бы, без эмоций, как будто сообщает, что собирается кататься на скейтборде. Другой молится, чтобы доставили боеприпасы, так как именно пуль ему не хватает», – говорит Ваглевский²⁹.

Также недавно в книжных магазинах появилась оригинальная объемная (400 страниц) книга Марцина Дзедзица и Михала Вуйчика «Teraz'44 historie» («Сейчас 1944-й. Истории»). Это альбом коллажей, составленных из снимков сегодняшней Варшавы и архивных фото города периода Варшавского восстания. Например, на одной фотографии мы видим молодую санитарку, отдыхающую после эвакуации из Старого города через сеть канализационных труб, и смотрящую на нее ныне живущую родственницу. Девушка в повстанческом мундире поправляет перед зеркалом сережку, а на заднем плане виднеется... дворец Культуры и Науки, построенный в 1955 г., через десять лет после окончания Второй мировой войны. Дзедзиц позаботился о каждой детали – современные фотографии делал в августе и сентябре, в тех же погодных условиях и в то же время суток, что и снимки военного времени. Фотографии сопровождают необычные рассказы, в которых нет пафоса, только любопытные подробности и анекдоты. Их записал соавтор проекта М. Вуйчик, который, перефразируя название одного из популярных фильмов про агента 007, сказал: «Мы хотели показать, что вчера не умрет никогда. Пока мы снимаем, восстание продолжается здесь и сейчас»³⁰.

Дзедзиц, отвечая на вопрос, откуда взялась идея соединения в технике фотошопа двух фотографий одного места – времени восстания и современности, сказал: «Не знаю... Сначала я подумал, что было бы интересно сделать что-то вроде этого, а потом проверил, не опередил ли кто-то меня. Выяснил – голландка, Джо Хедвиг Тиувисс первой сделала проект в подобной технике. Взяла фотографии голландских нацистов, замазала ненужное и оставила их полупрозрачными. В результате получились как бы призраки, ходящие по улицам. Потом был еще русский фотохудожник Сергей Ларенков. Но они плохо разбирались в фотошопе, и съемки были технически некачественными. Был также проект музея Варшавского восстания под названием «Город Феникса», но в нем все было черно-белое, так что действительность, неизвестно почему, потеряла цвета. Рядом с грудой щебня ехал современный, но черно-белый автобус... А я хотел качественно совместить две реальности. Чтобы возникло изображение одного пространства, но с черно-белыми сценами восстания и цветными современными»³¹.

С темой Варшавского восстания связаны также интересные песни шведских рок-групп «Marduk» и «Sabaton». Первая играет блэк-метал (песня «Warschau» из альбома 2004 г. «Plague Angel»), вторая в 2010 г. выпустила альбом «Coat of Arms» с песней «Uprising», исполнение которой один из пользователей Интернета назвал «музыкальной ковровой бомбардировкой»³². В Польше этот альбом быстро получил статус золотого, песня продержалась в хит-параде 3-й программы Польского радио двадцать восемь недель, а министр обороны Польши в марте 2013 г. вручил исполнителям памятные офицерские кортики.

Девять лет продолжается еще один необычный проект: концерт «Варшавяне поют (не)запрещенные песни». Это совместная инициатива музея Варшавского восстания и жителей польской столицы, которая дает возможность активной интеграции представителей разных поколений варшавян и гостей города. Ежегодно 1 августа, в годовщину начала Варшавского восстания, на площади Пилсудского собираются все желающие исполнять песни, сначала их были тысячи, теперь десятки тысяч. Всем раздают песенники, на экранах возле сцены появляется текст, что облегчает задачу. В качестве гостей приглашаются все здравствующие участники восстания.

В данной статье представлено лишь несколько проектов, большинство из них было осуществлено по инициативе музея Варшавского восстания, многие получили международный отклик. Все анализируемые произведения показывают, как и сегодня, семьдесят с лишним лет спустя, тема Варшавского восстания актуальна в Польше и за ее пределами, как она воплощается в современной массовой культуре и как разнообразны способы ее реализации. Это важно не только для сохранения памяти об этом трагическом событии, но и для адекватной его оценки.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Юзеф Щепаньский «Красная зараза» (отрывки)

Мы ждем тебя, красная зараза,
чтобы спасла нас от черной смерти,
чтоб четвертованный край наш встретил
освобождение твое, как проказу.
[...]

Непобедимые красные полчища встали
у стен озаренной пожаром Варшавы,

тешится стая могильщиков болью кровавой
горстки безумцев, гибнущих в грудах развалин.

Месяц прошел от начала Восстания,
громом орудий ты радуешь нас временами,
знаешь – как страшно себе не найти оправдания,
совесть загложет, что вновь посмеялся над нами.

Мы ждем тебя – не ради повстанцев спасения,
а ради раненых – тысячи их в муках мрут,
много детей тут, кормящие матери тут,
а по подвалам гуляет уже эпидемия.

Мы ждем тебя – но войска твои все не спешат,
ты нас боишься – мы знаем о том, безусловно,
хочешь, чтоб пали мы здесь, как один, поголовно,
ждешь под Варшавой, когда нас тут всех порешат.
[...]

(материал из Википедии, автор перевода неизвестен)

Кшыштоф Камиль Бачиньский

Когда в бою – в дыму в огне –
винтовку выроню устало –
не надо звезд посмертных мне,
не воздвигайте пьедестала.

Пять револьверов дул – река,
Как зазвучать ее застанешь?
Любовь не оживет, пока
рукою не коснешься клавиш.

В глазах свинцовая река,
и гибели в них слишком много –
любовь не оживет, пока
ты не сумел увидеть Бога.

Но нужно путь пройти во мгле,
изжив остаток темной силы,

как солнце, повелев земле
тяжелой кровью хлынуть в жилы.

Я возвращусь мастеровым
из мрачных стран под небом хмурым
в свет полдня яркого, к моим
еще не созданным скульптурам.

Но взор в минувшие года
вонзаться с болью будет снова
тех, кто вовек не знал труда,
как запаха цветка чужого, —

о чем заговорят со мной:
к одной стрельбе привыкли руки,
и вера взорвана волной,
и сердце очерствело в муке?..

Но если юность в страшный год
я сжег, как боевое знамя, —
о, все же будет жив народ,
и Бог зажжет над сердцем пламя.

И с дерева слетавший лист
на ветку не взлетит обратно,
и голос птицы будет чист,
и я отвечу ей: понятно.

И птичий шум в родном краю
опять напомнит о любви мне,
и оживу, и вновь солью
цветы и звезды в мощном гимне, —

воспрянет песнею огонь,
и станет мир стократ чудесней —
и тихо ляжет мне в ладонь
земля, воскреснувшая в песне.

9 марта 1944

(перевод Евгения Витковского³³)

ПРИМЕЧАНИЯ:

1 <https://www.youtube.com/watch?v=ykBTvP6ZX9s>

2 Интересный сайт на русском языке ведет Общество памяти Варшавского восстания 1944: http://www.sppw1944.org/index_ru.html. См. также: *Davies N. Rising '44. The Battle for Warsaw*. London, 2003; New York, 2004.

3 Такие каналы, средняя высота сточных вод от 10 до 15 см, часто использовались повстанцами, особенно для эвакуации.

4 Виртуальный тур по музею Варшавского восстания может быть проведен на сайте: <http://en.1944.wp.pl/>

5 Некоторые интервью доступны на канале You Tube: <https://www.youtube.com/user/1944pl>.

6 <https://www.youtube.com/watch?v=oDDQvlzh09U&hd=1>.

7 Там же.

8 Фрагмент концерта группы, сыгранного в музее Варшавского восстания, можно посмотреть на сайте: <https://www.youtube.com/watch?v=Ptszytv-x4o>.

9 Лао Че. Варшавское восстание // *Ars Mundi*. Варшава, 2005.

10 *Ziontek A. Zakorzenie. Pamięć/polityka kulturowa i historyczna // Ziontek A. Siedleckie miniatury. Eseje o literaturze i kulturze*. Siedlce, 2009. S. 298.

11 <http://muzyka.onet.pl/rock/spiety-z-lao-che-jestesmy-poszukiwaczami-dobrych-piosenek/csl36>.

12 <http://www.polskieradio.pl/5/3/Artykul/894583,Lao-Che-wraca-do-Powstania-Warszawskiego>.

13 Издателем выступил музей Варшавского восстания.

14 <http://karolinacicha.eu/main>.

15 Доступен на сайте https://www.youtube.com/watch?v=АН3uz_BQRsc&hd=1. В 2009 г. Каролина Цихы приняла участие в другом проекте музея Варшавского восстания – альбоме «Гайцы», который включает 18 музыкальных композиций на тексты Тадеуша Гайцы, поэта, в 22 года погибшего во время восстания.

16 См. выше.

17 На диске www.wawa.2010.pl звучат две строфы стихотворения Щепанского.

18 Юзеф Щепанский (30.11.1922–10.09.1944), самым известным его произведением является песня «*Pałacuk Michla*» («Дворец Михля»). Рок-версию этой песни в исполнении группы «*Armia*» можно послушать на сайте: <https://www.youtube.com/watch?v=8D1NCTihwug&hd=1>.

- 19 <http://www.miastoruin.pl/>.
- 20 www.platige.com/.
- 21 См. также: www.powstaniemwarszawskiefilm.pl.
- 22 Адам Новак – лидер и вокалист известной польской группы «Raz Dwa Trzy».
- 23 <https://www.youtube.com/watch?v=YvxMZt0VGGI&hd=1>.
- 24 Видеоматериалы можно посмотреть на сайте: <http://miasto44.pl/#>.
- 25 Комаса дебютировал полнометражным фильмом «Зал самоубийц» («Sala samobójców», 2011), в котором создал портрет молодого поколения, страдающего интернет-зависимостью.
- 26 http://miasto44.pl/edu/Biuletyn_informacyjny.pdf.
- 27 Там же.
- 28 <http://muzyka.onet.pl/wywiady/voo-voo-w-powstancach-nie-bylo-zadnej-kalkulacji-wywiad/dj04em>.
- 29 См. выше.
- 30 <http://www.polskatimes.pl/arttykul/zdjecia/4784835,teraz-44-historie-sa-44-powody-dla-ktorych-warto-na-nowo-sie-przyjrzec-warszawie-zdjecia,7252151,id,t,zid.html>.
- 31 См. подробнее: <http://www.polskatimes.pl/arttykul/4784835,teraz-44-historie-sa-44-powody-dla-ktorych-warto-na-nowo-sie-przyjrzec-warszawie-zdjecia,id,t.html>.
- 32 <https://www.youtube.com/watch?v=ie8Pry4vgWE>.
- 33 http://www.sppw1944.org/index_ru.html.

D. Rott

The depiction of the Warsaw Uprising of 1944
in the contemporary mass culture

The article represents a series of contemporary mass culture projects implemented in Poland and abroad aimed at driving the public attention (including the youth) to the events of Warsaw Uprising of 1944. To fulfil that, different arts, new kinds of realisation of artistic reflexion and modern computer technologies were applied.

Keywords: *Warsaw Uprising, mass culture, cinema, music, photography, poetry, museology.*

И. М. Шестопалова
(Москва)

Образы «полякующих» в русской и польской пропагандистской литературе 1860-х гг.

Статья посвящена образам русских сторонников польского национального движения 1860-х гг. в русской и польской пропагандистской литературе этого времени. В ней анализируются представления о русских-полонофилах, о причинах их польских симпатий, а также их нравственное обоснование. Рассмотрена роль польских женщин в национальном движении – в их русской интерпретации.

Ключевые слова: *восстание 1863–64 гг., польско-русские отношения, литература второй половины XIX в., полонофилы, поляки в русской литературе, русские в польской литературе.*

Начиная с разделов Речи Посполитой, за которыми последовало образование Царства Польского, Российская империя постоянно сталкивалась с польским сопротивлением, которое достигало своего пика во время польских восстаний.

В период польского восстания 1863–1864 гг. особое значение обрела пропаганда, которая транслировала обоснование польской и русской сторонами конфликта своих позиций посредством периодики и политически ангажированной художественной литературы. Под пропагандистской литературой в данном случае подразумевается тип произведений, имеющих своей целью в беллетристической форме разъяснить и внушить читателю определенные политические и моральные постулаты. Хотя любое литературное произведение выражает определенные идеи, для пропагандистской литературы художественные образы и сюжет служат не более чем иллюстрацией идейно-политических установок, средством передачи авторской позиции. Изображение героев и событий полностью подчинено задаче выражения этих концепций в наиболее доступной, дидактической форме.

Ярким примером русских пропагандистских произведений являются художественные публикации журнала «Вестник Западной России». Журнал выпускался К. А. Говорским с 1862 по 1870 г. сначала в Киеве (под названием «Вестник Юго-Западной России»), позже, с 1864 г., в Вильне. В журнале печатались исследования и документы, связанные с западными губерниями империи. На его страницах

популяризовались идеи западнорусизма, которые призваны были противодействовать и ограничивать польское влияние в Западном крае и утверждать историческое единство русских, белорусов и малорусов. В середине 1860-х гг. журнал начинает публиковать пропагандистские литературные произведения. В данном случае это драма Г. Кулжинского «Пред мятежом», повесть Сергея Федоровича Калугина «Полякующий» и повесть «Евреи в Варшаве во время последнего польского мятежа». Последняя, по всей видимости, была написана Лео Герцбергом-Френкелем, но в «Вестнике Западной России» была опубликована без указания авторства.

В польской пропагандистско-дидактической литературе аналогами являются произведения Ю. И. Крашевского из цикла «*Obrazki powstaniowe*» («Картинки восстания»), в том числе повесть «Москаль», изданная в 1864 г., повесть «Мы и они» (1865) и роман «Еврей» (1865–1866). Цикл «Картинки восстания» создавался в 1863–1866 гг. в Дрездене, и первые его произведения были написаны в период подъема польского национального движения, когда автор стремился поставить свое перо на службу «польскому делу».

Произведением, сопоставимым с текстами Ю. И. Крашевского по своему месту в литературе, является драма в стихах Я. П. Полонского «Разлад (сцены из последнего польского восстания)», написанная в 1864 г. Она посвящена событиям Январского восстания 1863–1864 гг. и описывает их с русской патриотической точки зрения. Эта драма представляет интерес, поскольку она была известна в высших правительственных кругах Российской империи. Министр внутренних дел П. А. Валуев высказывался о ней так: «...изображается, во многом весьма удачно, борьба между гуманитарным и патриотическим направлением, по случаю польских смут»¹.

Как произведениям Ю. И. Крашевского, так и беллетристике русскоязычных авторов присуща достаточно примитивная система персонажей, четко противопоставленных друг другу и выражающих определенные идеи. Кроме того, некоторые из них имеют сходный сюжет.

Особое место в пропагандистской литературе занимают образы «полякующих» – в 1860-е гг. так называли русских, принявших сторону поляков как в политическом, так и в культурном отношении. Правительство реагировало на «полякующих» исключительно негативно, такой же позиции придерживалась и редакция «Вестника Западной России».

К типу «полякующих» относятся Дубовакин из драмы «Пред мятежом» и Бояркин из повести «Полякующий». Весьма ярко описан-

ные, они сильно отличаются друг от друга. Кроме того, к этой группе можно отнести более сложный персонаж – Танина из драмы «Разлад».

Дубовакин – молодой двадцатипятилетний врач, прибывший в уездный город Западной России. Комичность образа Дубовакина задается в первой же его реплике, когда он обличает консерваторов: «Все врут – и Говорский, и Эремич, и Катков, и Леонтьев»². В журнале, издаваемом именно Говорским, подобное высказывание, исходящее из уст политического оппонента, должно было вызвать ироническую реакцию у консервативно и патриотически настроенных читателей. Дубовакин – молодой прекраснодушный идеалист, его пылкость подчеркивается множеством авторских ремарок («разнежась», «с увлечением», «горячится»³) и тем, как быстро он влюбляется в польку Антосю, дочь хозяйки дома.

Дубовакин увлечен идеями прогресса, космополитизма, гражданских свобод и прочими общечеловеческими идеалами, и в разговоре с военным врачом Полосатниковым о поляках он утверждает, что те «ищут возрождения и освобождения»⁴. Убеждения Дубовакина с самого начала выглядят наивными из-за его юношеской горячности, особенно по контрасту с рассудительным Полосатниковым.

По ходу действия сообщаются дискредитирующие сведения о поляках, которых так уважает Дубовакин, в то время как Антося успешно им манипулирует, и становится известно о том, что поляки режут в лесу спящих русских солдат, в том числе и брата героя. Это показывает всю его слепоту, порожденную иллюзиями и ложными просветительскими ценностями. Особенно знаковым является финал: герой осознает свою ошибку, разрывает помолвку с полькой, кается перед друзьями, и в последней сцене все русские стоят на коленях и поют гимн «Боже, царя храни!». Стоит отметить, что обвинение поляков в коварном убийстве спящих русских солдат, появляющееся в драме «Пред мятежом»⁵, вообще было типично для российской антипольской пропаганды, а слух о новой «ночи святого Варфоломея» транслировался многими современниками⁶.

Таким образом, «полякующий» герой представлен не как воплощение зла, а всего лишь как заблуждающийся молодой человек. Здесь читателю предлагается определенная ролевая модель поведения (раскаяние и отречение от своих иллюзий), при этом четко объясняется, что искренне раскаявшийся полонофил будет с радостью принят русскими патриотами.

Сходными чертами обладает главный герой драмы Я. П. Полонского «Разлад» – штабс-капитан Танин. Он также влюбляется в

польку Катерину и сочувствует польскому движению. Однако, столкнувшись с неблагодарностью ее брата, повстанца Иосифа, и с жестокостью польских помещиков, издевающихся над крестьянами, он возвращается на «верный путь» и идет сражаться с поляками. Танин являет собой тип сомневающегося интеллигента, находившегося под влиянием прогрессивных идей, но затем раскаявшегося и признавшего свои заблуждения.

Совершенно другой образ русского, сочувствующего полякам, представлен в повести «Полякующий». Известно, что отец полонофила Леонида Бояркина был русским помещиком, а мать – полькой. Когда главный герой впервые встречает его, то видит перед собой типичного молодого поляка-патриота: «На жилетке висела часовая цепочка с символическими польскими побрякушками, в черный большой галстук была воткнута булавка, изображающая сломанный крест»⁷. В своем первом разговоре с рассказчиком Бояркин утверждает: «Всякий человек любит свою родину, – люблю ее и я, но это не мешает мне любить поляков и их ойчизну, в особенности мне, у которого мать была полька»⁸. Это вызывает у рассказчика недоумение, а затем неприязнь. Реагируя на слова Бояркина, что тот предпочитает костел церкви, он восклицает: «Это возмутительно!» – «Зато гуманно»⁹, – парирует полонофил. Рассказчик обвиняет его в том, что он враг России и изменник, и, наконец, называет подлецом. Несмотря на готовность рассказчика дать оскорбленному сатисфакцию, тот уклоняется от дуэли и угрожает отомстить «по-польски», то есть исподтишка. Очевидно, что это совершенно несовместимо с дворянскими понятиями о чести, зато, судя по тому, что Бояркин дает «слово гонору», полностью укладывается в польские представления о правилах поведения.

Таким образом, уже в самом начале герой-полонофил показывается в самом непривлекательном виде. Можно констатировать резкое противопоставление «гуманного» и патриотического образа мыслей, причем первый из них дискредитируется одним лишь фактом, что его выразитель Бояркин готов поступить не как благородный человек, действующий согласно дворянскому (или даже рыцарскому) кодексу чести, а как мстительный интриган. Надо отметить, что эта черта в образе Бояркина является обязательной для характера всех поляков, описываемых в произведениях русских авторов.

Кроме того, автор преподносит как еще одну «польскую» черту любовь Бояркина к издевательствам над крестьянами. Рассказчик узнает от ямщика о том, что Бояркин постоянно мучил крестьян: порол мужиков и был «до баб падуч больно»¹⁰, и воспринимает это с

возмущением. В очередной раз «гуманные» идеи дискредитируются самими же их проповедниками.

В следующий раз Бояркин встречается с рассказчиком уже после подавления восстания и усердно убеждает того в своем раскаянии, поскольку его обвинили в участии в мятеже. Постоянно подчеркивается, что перемена Бояркина не внушает доверия большинству русских. Совсем недавно он позиционировал себя как убежденный польский патриот, а теперь стремится выслужиться и изо всех сил продемонстрировать свою верность престолу. Показная лояльность противопоставляется скромному служению своей родине.

Очень скоро, когда Бояркин получает паспорт и вместе с ним надежду выехать из империи, он уже говорит о том, как его радует отъезд Муравьева из Вильны в Петербург и ослабление русского контроля над Царством Польским. Его истинное лицо снова открывается, но, мало того, он обманывает рассказчика, увезя возлюбленную последнего, Юлию Фоминишну. Не случайно, что последняя глава, изображающая горе родителей девушки и справедливое возмездие, называется «Плоды польского катехизиса». В своих бесчестных поступках Бояркин действует как представитель польской нации, для которой подобное поведение, как стремится доказать автор, является нормой.

Итак, рассмотренные выше герои из различных произведений относятся к одному и тому же типу, но их эволюция принципиально различается. Это можно объяснить тем, что Бояркин воспитывался матерью-полькой и воспринял не столько идеи гуманности и свободы, сколько склонность к интригам и обману. В отличие от него, Дубовакин и Танин всю жизнь прожили в России, и потому их симпатии в отношении поляков порождены тем, что они по молодости лет пленились красивыми фразами о прогрессе и братстве народов. В то время как Бояркин на протяжении всей повести не исправляется, а, напротив, открывает свое истинное лицо, Дубовакин и Танин в финале расстаются с полонофильскими убеждениями как с фальшивыми и неорганичными.

Тип «полякующего» играет важную роль и в повести Ю. И. Крашевского «Москаль». Ее главный герой Станислав Наумов является типичным «полякующим», и в его биографии можно найти много сходных черт, роднящих его с героями произведений русских авторов. Как и Бояркин, Наумов является наполовину русским, наполовину поляком. Его детство прошло в Варшаве, в восемь лет он потерял мать, после чего был определен в Петербург, в военную академию. Затем он попадает в полк генерала Алексея Ивановича и влюбляется

в его дочь. По возвращении в Варшаву, где проходят польские патриотические манифестации, он встречается со своими родственниками – теткой, двоюродными сестрами и братом, и вновь начинает чувствовать себя поляком. После демонстрации в апреле 1862 г., по время которой русские солдаты убили его двоюродного брата, Наумов переходит на польскую сторону и активно участвует в вооруженном восстании. Немаловажную роль в этом играет его двоюродная сестра-полька, в которую он влюбляется и с которой затем обручается. Возможно, что прототипом Наумова стал польский революционер Ярослав Домбровский, который также учился в кадетском корпусе, затем был как российский офицер отправлен в восставшую Варшаву, встретился со своей семьей, обручился с двоюродной сестрой и женился на ней, будучи в тюрьме¹¹. Интересно, что Наумов не отрекается от своих русских корней, он заявляет, что сражается «за нашу и вашу свободу»: «Как русский я восстал не против своего народа, а против деспотизма, который и их, и нас угнетает»¹².

Превращение русского в «полякующего» происходит тем же способом, что и в произведениях русских авторов: герой воспитывается матерью-полькой, затем находится на русской службе, по приезде в Варшаву влюбляется в польку и проникается сочувствием к польскому патриотическому движению. Интересно, что повесть Ю. И. Крашевского «Москаль» и драма Г. Кулжинского «Пред мятежом» построены по одинаковой сюжетной схеме: обольщение героя ложными ценностями и обращение к истине. При этом истинное и ложное в двух произведениях асимметричны: Дубовакин возвращается от наносного «полячизма» к русскому патриотизму, избавляясь от любви к польке, а рожденный в Варшаве Наумов отказывается от петербургских условностей, обращаясь к родному польскому миру, напутствуемый своей возлюбленной, польской патриоткой.

Также к типу «полякующих» с некоторыми оговорками можно отнести еще одного героя повести «Москаль» – барона Книпхузена. Он описывается как человек, уже в молодые годы разочаровавшийся в жизни и ни во что не верящий. Несмотря на свою симпатию к полякам и непродолжительное участие в подпольной польской организации, он остается в русской армии, поскольку не может преодолеть холодности и нравственного релятивизма, присущих большинству русских (и людей, воспитанных в русской среде, поскольку барон Книпхузен происходит из Курляндии). Стоит отметить, что обвинение русских в распространении нигилистических идей, звучащее из уст консервативно настроенных поляков, столь же типично, как и

аналогичное обвинение в адрес поляков, исходящее от российских патриотов¹³. В конце повести барон Книпхузен героически спасает своего друга Наумова от казни, но затем женится на испорченной и циничной дочери генерала Наталье Алексеевне, что возвращает его в мир светских условностей и лжи русского общества.

Изображая двух друзей – Наумова и Книпхузена, автор показывает, что герой может участвовать в борьбе за справедливость и свободу Польши лишь в том случае, если у него изначально есть к этому предрасположенность. Данная мысль роднит повесть Ю. И. Крашевского с произведениями, публиковавшимися в журнале «Вестник Западной России»: герой, родившийся в России, остается русским, а поляк – поляком, вне зависимости от отношения авторов к этому факту.

Также близок к группе «полякующих» герой романа Ю. И. Крашевского «Еврей» – русский революционер Громов, соратник Герцена¹⁴. Он высказывается в поддержку совместной борьбы русских и поляков за свободу, но при этом решительно выступает против идеи польского восстания, поскольку предвидит его поражение, из-за чего революция в Российской империи еще долго будет невозможна. Он обвиняет поляков в том, что они «рвутся отчаянно, безумно, вслепую, чтобы погубить себя и нас»¹⁵. При этом он убежден, что российское правительство ждет польского восстания, «жаждет его, подстрекает, будет подглядывать за вашими приготовлениями и сделает вид, что бессильно, чтобы придать вам отваги». Громов утверждает, что «является революционером по определению, будучи русским», и что из-за этого «на его разуме, совести, на устах выжжено клеймо неволи»¹⁶. Так Крашевский выражает идею, уже возникавшую в его повести «Мы и они», – идею о том, что революционные стремления свойственны русским и чужды полякам¹⁷. Автор изображает Громова с большим сочувствием. Следует отметить, что обвинения поляков в том, что они, восставая, вредят и себе, и русским, также были типичны для прогрессивных российских кругов. Например, М. Е. Салтыков-Щедрин выражал опасение, что польское восстание приведет к изменению политического курса в России и упадку либеральных настроений¹⁸. Любопытно, что Громов в своем неприятии польского вооруженного восстания руководствуется аргументами, сходными с выдвигаемыми генералом Живцовым в повести «Мы и они» – героем, который с уважением относится к полякам, но не поддерживает планов польского движения за независимость. Оба они желают мирного сосуществования с поляками и прогресса для Российской империи, но при этом Громов считает залогом прогресса революцию.

В своей статье «Стереотип русского нигилиста в творчестве Юзефа Игнацы Крашевского» М. Соколовский утверждает, что Ю. И. Крашевский однозначно осуждал нигилистов¹⁹, при этом причисляет к ним в равной степени и барона Книпхузена из повести «Москаль», и Громова из романа «Еврей». М. Соколовский утверждает, что «Громова характеризует готовность перейти все моральные границы»²⁰. Не вполне корректным представляется отнесение Громова к нигилистам, поскольку Крашевский описывает его как человека, имеющего четкие убеждения и принципы. Более того, он является другом и соратником главного героя романа, еврея Якуба – выразителя авторских идей, сторонника мирного польского патриотического движения и польско-еврейского сближения. Барон Книпхузен же является другом и спасителем главного героя повести «Москаль», и автор скорее выражает сожаление по поводу холодности и скептицизма, сковывающих души даже лучших русских и мешающих им присоединиться к польскому движению за независимость, нежели осуждает его.

Особый интерес в связи с темой «полякующих» представляют образы польских женщин, которые зачастую трактовались и русскими, и польскими авторами как основная причина для обращения русского персонажа на сторону «польского дела». Польские женщины вообще играют значительную роль в конструировании собирательного образа польских мятежников. Стоит отметить, что они соотносятся с образами мужчин-заговорщиков. По мнению М. Д. Долбилова, «польский национальный характер <...> определялся прежде всего свойствами и чертами *женской* натуры»²¹, которая противопоставлялась «лучшим мужским качествам – постоянству, смелости, спокойствию, выдержке, верности, честности, прямоте, дальновидности, бескорыстию и т. п.»²². Действительно, именно эти положительные черты мы находим в описании верноподданных русских, контрастирующих с польскими заговорщиками. Кроме того, польки воспринимались русскими как основные носительницы и распространительницы революционных настроений. Весьма типично было представление о том, что «ксендзы “фанатизируют” женщин, а эти последние “электризуют мужчин”»²³. Женщины могли считаться столь же сильными борцами с законной властью, как и мятежники-мужчины, поскольку они, выражая протест с помощью траурных нарядов, пения патриотических гимнов и пр., оказывали огромное влияние на умы, но при этом «оказывались недоступны для административного пресечения»²⁴.

Польские женщины возникают на страницах «Вестника Западной России» очень часто, и во многих случаях они играют более

важную роль, чем мужчины-поляки. Они воплощают именно этот описанный выше стереотип, и героини этих произведений обладают огромной властью. С ней не сравнится даже влияние ксендза, с которым они разделяют функцию манипуляторов и оболъстителей.

Так, в драме «Пред мятежом» представлен весьма яркий образ польки Антоси, молодой и красивой шляхтянки. По наущению матери и, несомненно, из собственного женского тщеславия она влюбляется в себя наивного Дубовакина. Брак с ним был бы ей выгоден, поскольку он «хоть... и москалик, а на службе находится»²⁵. Антося так же манипулирует им, как и ее соотечественники, помещики и ксендзы, но ее инструментом, конечно, является кокетство. Однако этому приходит конец, когда Дубовакин узнает, что его брат убит польскими заговорщиками, и не просто убит: поляки разрезали тело на куски, а затем жарили на углях²⁶. До этого Антося действует расчетливо, как и должна поступать девушка, желающая выгодно выйти замуж. Однако на просьбу Дубовакина о сочувствии она реагирует весьма цинично, предположив, что его брат, возможно, заслуживал такой смерти, и затем спросив, когда состоится свадьба.

Сходную функцию выполняет героиня драмы Я. П. Полонского Катерина Славичкая, надеющаяся привлечь на сторону польского движения русского офицера Танина. Сначала ею руководит ее брат Иосиф, участвующий в польском освободительном движении. Однако затем Катерина сама невольно влюбляется в Танина и погибает от раны, полученной в сражении с русскими войсками. Ее образ выставляется не в столь мрачном свете, как в остальных произведениях русскоязычных авторов, поскольку она колеблется между национальным чувством долга и любовью к русскому. В итоге, когда перед смертью Катерина признается ксендзу в своей любви к русскому офицеру, он проклинает ее, и таким образом она в определенной степени тоже становится жертвой польского фанатизма. В целом полякам отводится важная роль в патриотической деятельности, и практически во всех русских произведениях они оцениваются крайне отрицательно.

Не менее ярким является образ польки Аурелии, героини повести «Евреи в Варшаве во время последнего польского мятежа». Данная повесть была опубликована в журнале «Вестник Западной России» в 1868 г. и была посвящена периоду «польско-еврейского братания», которое происходило в начале 1860-х гг. Об Аурелии известно, что она, как подобает главной героине, молода и красива. Эти преимущества, согласно завету отца, эмигрировавшего во Францию,

она использует в целях возрождения Польши. Отец дает Аурелии наставления касательно отношений с евреями, внушая мысль, что задача поляков – убедить тех в искренней приязни и привлечь на свою сторону, а затем при первом удобном случае оставить ни с чем: «Жидами нам тоже теперь не следует пренебрегать, они могут нам пригодиться, и их ты должна ловить на свою удочку. Будем их гладить по головке, сулить им золотые горы, называть их братьями, покуда Польша не будет наша, а потом, разумеется, они съедят гриб – жид нам, полякам, не пара»²⁷. Аурелия полностью следует указаниям отца и влюбляет в себя главного героя, молодого еврея-полонофила, чтобы затем пожертвовать его жизнью. Она постоянно подчеркивает, что цель спасения *ойчизны* оправдывает любые средства. Подобная модель поведения должна вызывать отторжение у читателя и доказывать невозможность польско-еврейского сближения.

В повести Ю. И. Крашевского «Москаль» польские женщины также являются носительницами польских ценностей, но, разумеется, польский автор представляет их в совершенно ином свете. Главный герой повести Станислав Наумов, хоть и был воспитан в Петербурге, в душе остался сыном польки. Оказавшись в армии, он влюбляется в Наталью Алексеевну, циничную и холодную генеральскую дочь. Интересно, что это чувство описывается автором как искреннее, но все же поверхностное, вредное для души честного и пылкого поляка. Когда он попадает в Варшаву, знакомится с семьей своей тетки и обручается с двоюродной сестрой, это описывается как воссоединение с собственными корнями и возврат к истинным ценностям.

Таким образом, и в русских, и в польских пропагандистских произведениях польские женщины играли ведущую роль в обращении русских на польскую сторону, но, конечно, отношение к ним было противоположным.

Вообще образ обольстительной польки в русской литературе весьма устойчив – наиболее известными являются Марина Мнишек и прекрасная панночка из «Тараса Бульбы» Н. В. Гоголя. Как отмечает Е. Е. Левкиевская в статье «Стереотип русско-польской любви в русской литературе XIX–XX вв.», в русской литературе существуют две модели, по которым может развиваться любовь между полькой и русским. В первом случае «русско-польская любовь реализуется как тема бесовского соблазна с польской стороны»²⁸, и герой может или «выбрать любовь к “народному врагу” и автоматически сделаться предателем Родины, <...> или силой подавить в себе греховное и преступное чувство и предпочесть любовь к Родине»²⁹. Так поступа-

ет герой драмы «Пред мятежом» Дубовакин. Другой вариант польско-русской любви – это трагическая любовь вопреки всем историческим обстоятельствам³⁰. Именно ее мы видим в драме Я. П. Полонского «Разлад»: ее герои, русский Танин и полька Катерина, любят друг друга, но их чувство обречено на гибель.

Кроме того, в своей статье Е. Е. Левкиевская отмечает, что в польской среде существовали зеркальные стереотипы, касающиеся русских женщин: считалось, что русские женщины обольщали поляков, заставляя их забывать свою веру и язык и постепенно превращая в москалей³¹. Подобный образ мы видим в повести Ю. И. Крашевского «Москаль»: любовь главного героя, наполовину поляка, к дочери русского генерала одурманивает его и заставляет до поры забыть о польских корнях.

Итак, русские в произведениях русских авторов типизированы, а их образы включены в систему противостояния патриотов и полонофилов, то есть, в сущности, положительных и отрицательных героев. Даже то обстоятельство, что к полякам тяготеют вовсе не отрицательные герои Дубовакин и Танин, не меняет этого соотношения, поскольку в конце они искренне разочаровываются в своих пропольских взглядах.

В произведениях Крашевского русские персонажи аналогичным образом разделяются на два лагеря, только отношение автора к их представителям прямо противоположно. Русские патриоты изображаются либо как воплощение зла, либо как жертвы российской несвободы, лишённые возможности поступать сообразно с собственной совестью. «Полякующие» же оказываются врагами русского общества и описываются автором в столь же положительном свете, что и польские патриоты.

Многие авторы, вне зависимости от своих политических взглядов и этнической принадлежности, наделяют положительных и отрицательных героев сходными чертами. Авторы «Вестника Западной России», описывая верноподданных граждан, подчеркивают не только их преданность государю, но также честность, искренность и открытость, контрастирующие с лицемерием, коварством и жестокостью, присущим сторонникам восстания. В произведениях Крашевского типичными чертами поляков и полонофилов являются искренность и вера в идеалы, противопоставленные двуличию, холодности и жестокости русских. Таким образом, художественные средства изображения героев и антигероев в идейно разнонаправленных произведениях оказываются тождественными.

Несмотря на идейную антагонистичность произведений «Вестника Западной России» и повестей Ю. И. Крашевского, некоторые из

них строятся вокруг сходного сюжета (обольщение ложными ценностями, раскаяние и возвращение к корням) или даже сходных идей (поляк всегда остается поляком и врагом России), притом что истинные и ложные ценности в этих произведениях противоположны.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел: В 2 т. М., 1961. Т. 1. С. 275.
- 2 *Кўлжинский Г.* Пред мятежом (драма в четырех действиях) // Вестник Западной России. Вильно, 1865/66. Т. III. Кн. 9 (май). Отд. IV. С. 224.
- 3 Там же. С. 224.
- 4 Там же. С. 228.
- 5 Там же. С. 241.
- 6 *Głębocki H.* Fatalna sprawa: kwestia polska w rosyjskiej myśli politycznej (1856–1866). Kraków, 2000. S. 261.
- 7 *Калугин С.* Полякующий // Вестник Западной России. Вильно, 1867. Т. I. Кн. 1 (январь). Отд. IV. С. 13.
- 8 Там же.
- 9 Там же.
- 10 Там же. С. 20.
- 11 *Osmólska-Piskorska B.* Powstanie styczniowe w twórczości Józefa Ignacego Kraszewskiego // Prace wydziału filologiczno-filozoficznego Towarzystwa naukowego w Toruniu. Toruń, 1963. T. XIV. Z. 2. S. 131.
- 12 [*Kraszewski J. I.*]. Moskał, Obrazek współczesny przez B. Bolesławitę. Lipsk, 1865. S. 274.
- 13 *Горизонтов Л. Е.* Поляки и нигилизм в России. Споры о национальной природе «разрушительных сил» // Автопортрет славянина. М., 1999. С. 156–157.
- 14 [*Kraszewski J. I.*]. Żyd. Obrazy współczesne przez B. Bolesławitę. Poznań, 1866. Т. 2. S. 209.
- 15 Ibid. S. 295.
- 16 Ibid. S. 294.
- 17 [*Kraszewski J. I.*]. My i oni. Obrazek współczesny narysowany przez B. Bolesławitę. Poznań, 1865. S. 9.
- 18 *Głębocki H.* Fatalna sprawa. S. 289.
- 19 *Соколовский М.* Стереотип русского нигилиста в творчестве Юзефа Игнацы Крашевского // Россия – Польша. Образ и стереотипы в литературе и культуре. М., 2002. С. 181–191.

- 20 Там же. С. 190.
- 21 *Долбилов М. Д.* Конструирование образов мятежа: политика Н. М. Муравьева в Литовско-Белорусском крае 1863–1865 гг. как объект историко-антропологического анализа // *Actio Nova* 2000. М., 2000. С. 360.
- 22 Там же.
- 23 Там же. С. 366.
- 24 Там же. С. 362.
- 25 *Кулжинский Г.* Пред мятежом... С. 230.
- 26 Там же. С. 248.
- 27 Евреи в Варшаве во время последнего польского мятежа // *Вестник Западной России*. Вильно, 1868. Т. I. Кн. 2 (февраль). Отд. IV. С. 12.
- 28 *Левкиевская Е. Е.* Стереотип русско-польской любви в русской литературе XIX–XX вв. // *Россия – Польша. Образ и стереотипы в литературе и культуре*. М., 2002. С. 195.
- 29 Там же.
- 30 Там же. С. 196.
- 31 Там же. С. 194.

I. M. Šestopalova

The images of polonophiles in the Russian and Polish propagandistic literature in the 1860s

The article dwells upon the images of the Russian supporters of the Polish national movement of the 1860s in the Russian and Polish propagandistic literature of the time. It analyses the ideas about Russian polonophiles, the causes of their sympathy to Poland and their moral base. The role of Polish women in the national movement as interpreted by Russians is also described.

Keywords: *uprising of the 1863–64, Polish-Russian relations, literature of the second half of the 19th century, Polonophiles, Poles in the Russian literature, Russian in the Polish literature.*

Е. А. Яблоков
(Москва)

«Воет в трубе, истинный Бог, как дитя...»*
(Мифопоэтика рассказа М. А. Булгакова «Стальное горло»)

К 125-летию со дня рождения М. А. Булгакова

В статье показано, что наряду с «внешней» фабулой в рассказе Булгакова существует подтекстный мифологический сюжет, который выводит ситуацию из конкретных исторически-бытовых условий, придавая ей «вневременной» характер. Анализ мифопоэтических мотивов существенно усложняет интерпретацию рассказа, обогащает его проблематику, заставляет по-новому взглянуть на систему персонажей.

Ключевые слова: *М. А. Булгаков, поэтика, «Записки юного врача», мифологические мотивы.*

Говоря о Михаиле Булгакове, часто цитируют (принимая за чистую монету) его ироническую самохарактеристику из письма (1930) Правительству СССР: «...я – мистический писатель»¹. Куда точнее будет сказать, что Булгаков – писатель *мифологический*. Одна из важнейших тем его творчества – миф как структурообразующее начало культуры. В сущности, все произведения Булгакова повествуют о «встречах» человека с воплощенными мифами, принимающими разнообразные формы – от «потусторонних» существ и реалий до фундаментальных гносеологических моделей, ментальных структур, в относительности (и неуничтожимости) которых убеждаются персонажи, а вместе с ними и читатели.

Данное свойство булгаковской поэтики соответствует культурным тенденциям эпохи: «...пафос мифологизма XX в. [...] в выявлении неких неизменных, вечных начал, позитивных или негативных, просвечивающих сквозь поток эмпирического быта и исторических изменений»². Для неомифологического литературного сознания характерно, в частности, что носителем непознаваемой и таинственной сущности выступает «повседневность с ее рутинным социальным и житейским опытом; отсюда возможно сращение мифологизма с натуралистически-бытовой, протокольной манерой письма»³.

Применительно к Булгакову эта мысль обычно не вызывает возражений, если подразумеваются такие произведения, как «Мастер и

* Цитата из пьесы М. А. Булгакова «Александр Пушкин» (1935).

Маргарита», «Собачье сердце» или «Белая гвардия». Когда же речь заходит о семи рассказах (опубл. 1925–1927) цикла «Записки юного врача» (далее «Записки»), читатели и исследователи чаще воспринимают их как сугубо жизнеподобные художественные очерки. И как раньше говорилось, что «Записки» мало похожи на другие произведения писателя, поскольку «лишены игры воображения»⁴, так и сегодня многие усматривают в «медицинских» рассказах Булгакова лишь «традиционное бытописание»⁵.

Авторы подобных поверхностных утверждений не учитывают, что в «Записках» наряду с «бытовыми» фабулами выстроен системный мифологический подтекст, выводящий ситуации далеко за пределы исторической конкретики. Структурообразующее значение мифологических мотивов здесь не просто велико – пожалуй, у Булгакова *нет другого произведения*, где они играли бы *столь важную роль*, как в «Записках». Мифологические мотивы важны также в повести «Роковые яйца» (1924), однако реализованы в травестированно-памфлетном виде⁶, в то время как в «Записках» доминирует драматический пафос, герой претерпевает «серьезные» испытания.

В качестве примера обратимся к рассказу «Стальное горло»* (далее «СГ»), автобиографическая основа которого, кстати, подтверждена первой женой писателя⁷. Мы постараемся не только обнаружить «знаки» мифологического подтекста, но и показать, что он самым серьезным образом влияет на интерпретацию рассказа, «подрывая» оптимистичные выводы, которые, казалось бы, следуют из истории о чудесном спасении Юным врачом (далее ЮВ) его первой пациентки – трехлетней девочки, погибавшей от дифтерийного крупа.

Известно, что «Записки» в первичной редакции существовали еще в 1918 г.**; раньше всех дошедших до нас произведений писателя, и отразили реальные события: в 1916–1917 гг. Булгаков служил в сельской глубинке (Никольская больница Сычевского уезда Смоленской губернии) земским врачом. Есть соблазн объяснить этим и мифологизм «Записок»: в Никольском Булгаков, по сути, впервые «лицом к

* Из всех рассказов «Записок» он был опубликован первым – в середине августа 1925 г., в ленинградском двухнедельном журнале «Красная панорама» (№ 33).

** По воспоминаниям Л. С. Карума (мужа сестры писателя), в 1918 г. Булгаков в Киеве читал родным и друзьям «несколько рассказов о своей деятельности земского врача», и они «производили между его приятелями фурор» (Булгаков М. Записки юного лікаря. Київ, 1995. С. 274–275).

лицу» встретился с крестьянской культурой*. Впрочем, вряд ли он мог за год столь глубоко «усвоить» константы мифологического сознания, чтобы они кардинально повлияли на его мироощущение. Скорее всего, уже в середине 1920-х гг., когда «Записки» готовились к публикации, писатель специально интересовался подобными вопросами и читал соответствующие работы. Данный вопрос ждет исследователей, хотя некоторые из возможных источников указаны – например, отмечалось предположительное знакомство автора «Мастера и Маргариты» с книгой С. В. Максимова «Нечистая, неведомая и крестная сила» (1903). Со своей стороны, добавим, что в романе «Белая гвардия» (1924) образы грабящего Василису бандита-«волка» по кличке «отаман Ураган»⁸ и явившихся Василисе во сне поросят в «волчьем» облике⁹ могут свидетельствовать о знании писателем книги А. Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу» (1865–1869) или, по крайней мере, одной ее главы – «Собака, волк и свинья»¹⁰.

Развивая тезис о том, что художественный мир булгаковских рассказов образован диффузией бытового и мифологического пластов, можно сопоставить «Записки» с «Вечерами на хуторе близ Диканьки» (1832) – как известно, Н. В. Гоголь был для Булгакова одним из главных авторитетов, характерно риторическое обращение в одном из булгаковских писем (1932): «...о, великий учитель [...] Укрой меня своей чугунной шинелью!»¹¹ Но при этом отметим существенную разницу. У Гоголя рассказчики о мифологическом¹² повествуют о сверхъестественных персонажах именно как таковых, осознавая и подчеркивая их онтологическое отличие от «обычных» людей. У Булгакова же герой-врач – по определению настроенный атеистически – «не видит», что в описываемых им ситуациях задействованы потусторонние силы. Для него (как в фабульном прошлом, так и в нарративном настоящем) события мотивированы конкретно-историческими обстоятельствами либо индивидуально-психологически, экзистенциально. Соответственно, мифологический модус интерпретации превышает «горизонт» героя-рассказчика и отнесен к сфере автора/читателя.

* Вынесенное впечатление оказалось не слишком благоприятным – по крайней мере, на допросе в ОГПУ 22 сентября 1926 г. Булгаков говорил: «На крестьянские темы я писать не могу, потому что деревню не люблю. Она мне представляется гораздо более кулацкой, нежели это принято думать» (*Булгаков М. А. Собрание сочинений: В 8 т. М., 2008. Т. 2. С. 466*).

Вместе с тем ЮВ практически в каждом случае замечает, что благополучный выход из очередной медицинской коллизии оказался возможен вследствие некоей «чудесной» случайности – лишь благодаря ей ЮВ удается сделать то, что с обычной точки зрения казалось невозможным. Однако «снижающим» фактором здесь выступает врачебная неискушенность героя, который попросту не может адекватно оценить трудность того или иного случая – для него, в сущности, все является экстремальным. Сама формула «юный врач», соединяющая профессиональную (неопытный) и возрастную (незрелый) характеристики, показывает, что метасюжетом «Записок» является *инициация* героя*. Каждый непростой медицинский случай, в который он попадает, эквивалентен посвятителю обряду – характерна в «СГ» деталь, представляющая ЮВ как «новообращенного»: «...не сводил *молящих* глаз с *божественных книг* оперативной хирургии»¹³ (курсив в цитатах здесь и далее – мой). В этом смысле почти все рассказы «Записок» венчаются благополучными (по крайней мере, на первый взгляд) финалами; так, в «СГ» герой, спасший девочку, обретает высочайший авторитет у крестьян.

Из заглавия цикла ясно также, что врач не только лечит, но и «записывает». Для самого Булгакова «врачебные» очерки второй половины 1910-х гг. (превратившиеся в известные нам рассказы) были, по видимому, первым опытом серьезной литературной деятельности; и можно сказать, что под «юным врачом», помимо неопытного медика, подразумевается литератор-неофит. Соответственно, инициация касается как врачебной, так и писательской сфер – близость которых обусловлена культурной традицией: «В русском языке понятия врачевания и говорения связаны этимологически», предпосылкой объединения медицины и литературы служит «риторико-коммуникативная специфика самой медицинской профессии»¹⁴. Связь врачевания и слова подкреплена традицией восприятия Христа как врача¹⁵ – это весьма существенно, поскольку одной из важнейших проекций образа ЮВ является мифологема Спасителя. И не случайно первой пациенткой героя оказывается девочка, напрямую сравниваемая с ангелом («Ангелов так рисовали»): греч. ἄγγελος – «вестник», поэтому судьба *слова* имеет в рассказе особое значение.

* В рассказе «Полотенце с петухом» возникает образ «сакрального предка» – врача-предшественника по имени Леопольд Леопольдович (см.: *Булгаков М. А. Собр. соч. Т. 2. С. 270–271*), к профессиональному уровню которого ЮВ мечтает приблизиться.

С темой инициации в «СГ» перекликается тема хирургической операции как кровной *жертвы*¹⁶. Трехлетняя девочка с кудрявыми волосами напоминает агнца – ассоциация тем более закономерная, что при трахеотомии, как поясняет ЮВ, «нужно будет горло разрезать». Бабка и мать девочки, малограмотные крестьянки (чьи «наивные» реплики играют острающую роль, актуализируя важные дополнительные смыслы), интерпретируют это как «горло резать» – подразумевая значение «перерезать». Показательна также «внутренняя» фраза ЮВ, колеблющегося перед операцией: «Ведь я же зарезу девочку». «Жертвенные» коннотации стимулируются также «брутальными» деталями: «Ее повалили на стол, прижали... и я взял нож»; «Я снова поднял нож и бессмысленно, глубоко и резко полоснул Лидку».

Разумеется, мотив кровной жертвы функционирует здесь в «инвертированном» виде: условием «инициации» является как раз то, чтобы живое существо, которому «режут горло», *не было* «зарезано». Услышав отказ матери от операции, ЮВ облегченно думает: «...я спасен». Однако звучащий помимо его воли «чужой голос» толкает к иному поступку – навязывая самому ЮВ роль *спасителя* и провоцируя ситуацию, которая для него *самоубийственна* независимо от результата операции. Смерть девочки означала бы профессиональный провал врача – но и успех «инициации» парадоксальным образом приводит не к ритуальному «воскресению» неопита, а к его «смерти». Дело именно в сверхъестественности, «чудотворности» достигнутого результата – из-за него на ЮВ обрушивается «гибельная» слава: «...прием мой все возростал. Вот настал день, когда я принял сто десять человек. Мы начали в девять часов утра и кончили в восемь часов вечера. Я, пошатываясь, снимал халат. Старшая акушерка-фельдшерица сказала мне:

– За такой прием благодарите трахеотомию».

Фигурально выражаясь, ЮВ, совершивший успешную врачебную манипуляцию над горлом Лидки, «зарезал сам себя», превратившись из «жертвователя» в «жертву»; сравним Спасителя, погибающего «за друзей своих»¹⁷. При этом чудесное спасение девочки ассоциируется с ее вторым рождением, сопряженным с сакрализацией: возникший среди крестьян миф о «стальном горле» (переосмыслена такая медицинская реалья, как «серебряная трубка»: ср. магическую и лечебную функции серебра¹⁸) – знак «конвенциональной» приобщенности ЮВ и, через его посредство, Лидки к «иному» миру (хотя не вполне ясно, «светлому» или «темному»).

Мотив второго рождения подкреплен важной ролью, которую играют в рассказе *акушерки*. Именно они ставят диагноз (ЮВ отмечает, что одновременно с ними определил заболевание), затем надёжно ассистируют во время операции (фельдшер же, не выдержав, падает в обморок). Существенно, что в больнице девочка первоначально попадает в руки акушерки – это специально подчеркнуто: ЮВ приказывает фельдшеру взять девочку, однако мать подает ее акушерке. Отметим также один из «роковых» вопросов, которыми мучается ЮВ в начале рассказа: «А... а... роды! Роды-то забыл! Неправильные положения. Что ж я буду делать?» Характерно, что у него на столе «под левой рукой» лежат «все руководства по оперативному акушерству, сверху маленький Додерляйн»*. Однако элементы натального дискурса служат лишь подтекстными «знаками» – на фабульном уровне тема родовспоможения в «СГ» не присутствует (она воплощена в другом рассказе «Записок» – «Крещение поворотом»).

В силу медицинской специфики (дифтерийный круп – закупорка и отек дыхательных путей) основная коллизия «СГ» стимулирует комплекс мифологических мотивов, реализующих связь *горла и души*. «В основе русского народного взгляда на душу лежит именно понятие дыхания: дух, дышать, дыхание, душа. [...] У большинства народов слова дух, душа, дыхание, ветер – восходят к одному корню. Местожительство души – в нижней части шеи, где при дыхании “живчик бьется”»⁹.

Принципиально важно, что данная тема корреспондирует с образом снежной стихии²⁰, которым открывается рассказ: «Вокруг меня – ноябрьская тьма с *вертящимся снегом*, дом *завалило*, в *трубах завывло*». С этим «внешним» катаклизмом наглядно сопоставлено «визуализированное» заболевание: «В горле было что-то *клокочущее, белое, рваное*» (ср. также стихию в рассказе «Вьюга»: «Вертело и крутило белым и косо и криво, вдоль и поперек»²¹). В связи с «заваленным» домом приведем содержащееся в словаре В. И. Даля одно из объяснений слова «завалить»: «*Мне или у меня завалило грудь, горло* и пр. от прилива мокрот сделалось удущье, боль, нeпропуск воздуха, застой»²². Существенна и такая деталь, как вой в *трубах*: «Все двадцать четыре года моей жизни я... думал, что вьюга воет только

* Последним словосочетанием создается впечатление, будто в кабинете ЮВ в миниатюрно-«детском» облике присутствует лично немецкий акушер Альберт Дёдерляйн, автор книги «Краткое руководство к акушерским операциям» (рус. пер. – 1895).

в романах. Оказалось: она воет на самом деле». Предваряется мотив трахеотомии, когда ЮВ посредством *трубки* делает горло «проницаемым» в обе стороны («Лидка дико содрогнулась, фонтаном выкинула дрянные сгустки сквозь трубку, и воздух со свистом вошел к ней в горло»). С учетом мифологемы души в горле можем сказать, что ЮВ, спасши девочку, вместе с тем помог ее душе «отделиться» от тела – такой результат нельзя считать однозначно положительным. А поскольку вихрь, вьюга отождествляются с inferнальными существами, ЮВ своей операцией «изгнал бесов»²³, выпустив их в окружающее пространство.

Трахеотомия приводит к тому, что девочка «стала реветь»* – с медицинской точки зрения это обстоятельство оценивается явно положительно. Но вполне нормальный в детском контексте глагол «реветь» ассоциируется со *зверем* – который, едва «оставив» Лидку, успел «вселиться» в окружающих: у ее матери, когда ЮВ сообщает о благополучном исходе операции, «глаза... как у дикого зверя». Вместе с тем «рев», прозвучавший благодаря серебряной трубке, «поднимает» лежавшего в обмороке помощника ЮВ: «Фельдшер в это мгновение привстал, бледный и потный», – отметим традиционное представление о Страшном суде, в день которого мертвые воскреснут при звуке трубы архангела²⁴.

Образ вихря, вьюги в булгаковских «Записках» опосредован стихотворением А. С. Пушкина «Зимний вечер» (1825; рассказ «СГ» опубликован ровно сто лет спустя) – строки из него использованы как эпиграф к рассказу «Вьюга» (тема которого перекликается с зачином «СГ»): «То, как зверь, она завоет, / То заплачет, как дитя»^{**25}. Сочетание двух «ипостасей» бури – *звериной и детской* – в «СГ» фактически выведено на фабульный уровень. Успешная врачебная манипуляция ЮВ содержит коннотации как укрощения стихии, так и ее высвобождения. Девочка-«ангел» выступает «средоточием» хаоса, в ее образе амбивалентно сочетаются сакральное и inferнальное начала.

В связи с этим имеет смысл поставить (парадоксальный на первый взгляд) вопрос о соотношении «ангельского» и «человеческого». Отметим, во-первых, что с ортодоксальной точки зрения существу-

* В связи с мифом о «стальном горле» отметим фразеологизм «луженая глотка», обозначающий способность издавать «нечеловеческие» звуки.

** Соответствующий романс (очевидно, на музыку М. Л. Яковлева) станет лейтмотивом пьесы «Александр Пушкин».

ют ангелы не только добрые, но и злые – «отпадшие от Бога»²⁶, а вторых, что в рассказе «ангельскую» природу имеет, по-видимому, не только девочка – сравним первое появление ее матери: «Она как бы *влетела*, скользя в валенках».

Характерно, что внешность Лидки не просто описана через непосредственное впечатление ЮВ, а передана как именно «портрет» – остранным, с установкой на традиционный, «массовый» образ: «*Только на конфетных коробках рисуют* таких детей – волосы сами от природы вьются в крупные кольца цвета спелой ржи. Глаза синие, громаднейшие, щеки *кукольные*. *Ангелов так рисовали*». «Небесные» черты, явленные в «земном» существе, опосредованы кукольно-бонбоньерочной, китчевой эстетикой. В связи с темой инициации такой лубочный «ангел» предстает пародийной инверсией восходящего к Ф. М. Достоевскому (роман «Идиот», 1869) мотива «спасающей красоты»²⁷. Может показаться, что именно «нездешняя» внешность девочки заставила ЮВ предпринять «сверхусилия» по ее спасению; однако намеков на это в тексте нет*. Зато возникает мотив inferнального *соблазна* – тем более диссонирующий с «бытовой» ситуацией, что речь идет о трехлетнем ребенке**. Характерны ощущения героя: «Я посмотрел на нее и забыл на время оперативную хирургию, одиночество, мой негодный университетский груз, *забыл все решительно из-за красоты девочки*». «Соблазн» тем сильнее, что речь идет об *умирающей*, – таким образом, ангельская красота переходит в дьявольскую***.

Нет оснований усматривать в образе Лидки ведьмовское начало, приписывать ей «злокозненность» и т. п. – скорее она представлена «игрушкой» противостоящих злых и добрых сил. Так, в свете распространившегося мнения о якобы внедренном «стальном горле» хирургическая операция начинает выглядеть как «ремонт» некоего

* Кстати, мать Лидки говорит про своего мужа: «...узнает, что я наделала, – убьет меня!» Соответственно, ЮВ спасает от смерти их обеих.

** Ср. в романе «Преступление и наказание» (1866) сон Свидригайлова накануне самоубийства, в котором возникает образ развратной пятилетней девочки (см.: *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений: В 30 т. Л., 1973. Т. 6. С. 393).

*** В булгаковских произведениях имеется ряд персонажей, воплощающих тип «дьявола в ангельском облике». Таков, например, в комедии «Зойкина квартира» (1926) китаец Херувим, у которого, при «небесном» имени и таком же лице, вытатуированы на груди «драконы и змеи» (*Булгаков М. А.* Собр. соч. М., 2009. Т. 4. С. 111).

механизма (ср. «кукольность» девочки). Заметим, что в рассказе не говорится про *удаление* трахеотомической трубки – отмечено лишь, что на шее у Лидки остался «вертикальный коричневый шрам и два тоненьких поперечных от швов» (кстати, такая конфигурация напоминает один из видов православного креста – шестиконечный). Тем самым «поддерживается» версия, что трубка и впрямь стала частью организма, вроде протеза. Ситуация обсуждается в финале в разговоре ЮВ с фельдшерницей: «Так и живет со стальным? [...] Так и живет»), причем никаких знаков (несомненной) иронии по отношению к подразумеваемой «некультурной» точке зрения опять-таки нет – медики воспроизводят ее якобы всерьез, словно сами верят сказанному.

Одно из проявлений болезни – утрата способности к *говорению*: «... у нее не выходил уже голос»; после операции ЮВ объясняет матери: «... пока трубку не вынем, ни слова не будет говорить». Но и позже Лидка не произносит ни слова – сущностный признак «оживления» не продемонстрирован. Это также позволяет «усомниться» в том, что трубка действительно была изъята, и «подозревать», что врачебные манипуляции обеспечили лишь сохранение внешних атрибутов жизнедеятельности, но не восстановление «человеческого» начала в полном объеме.

Особенно показательно молчание девочки в ситуации, когда по этикетным, «ритуальным» условиям требуется произнести вполне конкретное слово: «– Благодарю вас, доктор, спасибо, – сказала мать, а Лидке велела: – Скажи дяденьке спасибо!» (сокращенное «спаси Бог!»²⁸). Промолчав (видимо, из застенчивости), девочка фактически отказалась благословить «спасителя», назвать имя Бога. С учетом амбивалентности мотива избавления от inferнальной стихии такая «неблагодарность» может восприниматься как «бездушие» в буквальном смысле, то есть отсутствие души – «неодушевленность», «кукольность». «Голос как природная функция человека служит приметой “этого”, земного, звучащего мира в противоположность “тому”, потустороннему миру, лишенному звуков и голосов»²⁹; немота воспринимается как знак принадлежности к нечистой силе³⁰. Это тем более знаменательно в аспекте «ангельских» коннотаций девочки (которая с учетом роли ЮВ как врача-литератора может восприниматься в том числе как «муза»). Если герою и сообщена какая-то «весть» (ведь случай с Лидкой отразился в «записках», привел к созданию конкретного текста), то источник вдохновения амбивалентен: неясно, «сверху» или «снизу» оно поступило.

У девочки на протяжении всего рассказа «нет» голоса – под этим словом мы подразумеваем не простое использование находящихся

в горле связок, а способность издавать артикулированные звуки, то есть *говорить*. Что касается ЮВ – у него наблюдается «избыток» голосов, причем один из них звучит помимо воли героя, так что вопрос о его «субъекте» остается открытым: «...другой кто-то за меня *чужим* голосом вымолвил». Как уже отмечалось, «двойник» играет в судьбе ЮВ амбивалентную роль, выступая «помощником-вредителем». Именно этот «другой» уговаривает мать девочки на операцию, заставляя «собственно» ЮВ преодолеть нерешительность, сделать операцию «наобум», иррационально, но с блестящим результатом – и вследствие этого не просто пройти «инициацию», а обрести «сакральный» авторитет. Фактически именно «другой» навлекает на «ЮВ» «смертоносную» лавину пациентов – тот же мотив видим в рассказе «Вьюга»: «Я... прославился настолько, что под тяжестью своей славы чуть не погиб»³¹.

Проявленная героем-рассказчиком способность к «смене голоса» в традиционных представлениях воспринимается как атрибут нечистой силы³². Данное качество вполне соответствует образу ЮВ как колдуна – недаром «версия» крестьян о том, что он вместо живого горла вставил стальное, напоминает соответствующие коннотации кузнеца, которому приписывается способность перековать голос³³.

Однако девочка, хотя и не произнесшая ни слова, все же проходит несколько «акустических» стадий. Сравним сцену первого появления матери: «В руках у нее был сверток, и он мерно *шипел, свистел*»; далее: «девочка все дышала со *змеиным свистом*», «я слышал... *свист* девочки». Затем произойдет переход к «реву» (тоже неартикулированному, «хаотичному» звуку), а в финале – к «немоте». Подчеркнутая в «СГ» связь свиста со змеями не только подкрепляет параллель между болезнью и стихийным метеорологическим явлением (вихрь, буря)³⁴, но и актуализирует в образе девочки присутствие демонического начала³⁵. Особое значение обретает «бытовая» деталь: «Девочка вдруг выдохнула и плюнула мне в лицо, но я почему-то не испугался за глаза» (один из путей проникновения дифтерийной палочки). Помимо переносного значения оборота «плюнуть в лицо» (возможное проявление недовольства «нечистой силы», воплощенной в девочке) обратим внимание на то, что плевок «ядом», причем именно в глаза жертвы, – вполне «змеиный» прием*.

* Ассоциации с атакующей коброй заставляют вспомнить сказку Р. Киплинга «Рикки-Тики-Тави» (1894), тем более что в фельетоне Булгакова «Багровый остров» (1924) имя Рики-Тики-Тави носит один из

Выше подчеркивались некоторые признаки, объединяющие девочку с ее матерью; это касается и «змеиных» черт. Женщина обещает «удавиться», если дочь умрет. Но первичная причина ее горя в том, что, промедлив с визитом к врачу (ЮВ говорит: «...пять дней *морила* девчонку в пятнадцати верстах от меня») и доведя дело до дифтерийного крупа, мать сама едва не «удавила» ребенка. Фельдшер саркастически замечает, что подобный образ действий (игнорирование врачебной помощи) свойствен крестьянам вообще: «Так они все делают. На-род». Непросвещенность (сравниваемая в одном из рассказов «Записок» с «тьмой египетской»³⁶) ассоциируется со «змеиным царством», и девочка, едва не погибшая из-за «темноты» матери, несет на себе его отпечаток.

Змеиные коннотации как знак болезни и свойство «среды», которым противостоит ЮВ, актуализируют *змееборческую* тему. Это позволяет, в частности, объяснить датировку событий. Первую в своей жизни операцию ЮВ производит в ночь с 29 на 30 ноября – Булгаков выбирает момент «посредине» между Михайловым днем 21 (8) ноября (который в славянской мифологии связывался с началом зимы³⁷ и который Булгаков считал своими именинами) – и Юрьевым днем 9 декабря (26 ноября). «Осенний Егорий завершал начинающийся... в день архангела Михаила период ритуалов, связанных с защитой от всякой нечисти, которая пробуждается в период самых коротких, холодных и голодных дней. Представление о драконах и змеях, выползающих в эту пору, лежит в основе этих поверий»³⁸.

С другой стороны, змеиными коннотациями осложнен образ самого врача-«змееборца»*. Бог медицины и врачевания Асклепий (Эскулап) изображался в виде змея либо с целительным змеем в качестве атрибута³⁹. Кроме того, благодаря мифу о «стальном горле» ЮВ, обретший у крестьян сакральный ореол, переходит в статус повелителя «змеиного царства».

Впрочем, есть другая (не противоречащая первой) версия датировки. 29 (16) ноября – день памяти евангелиста Матфея. Эпизод его призвания Иисусом⁴⁰ изложен в главе Евангелия от Матфея, где, в частности, присутствует тема врачебной деятельности Иисуса, исце-

персонажей – туземный военачальник (см.: *Булгаков М. А. Собр. соч. М., 2009. Т. 3. С. 321*).

* «Сходство» змей и змееборца реализовано также в финале повести «Роковые яйца». Образ действий спасающего Россию «морозного бога» (*Булгаков М. А. Собр. соч. Т. 2. С. 143*) напоминает поведение самих «гадов»: «Их задушил мороз» (Там же. С. 144).

ления духовного и физического; в частности, он говорит: «...не здоровые имеют нужду во врачах, но больные»⁴¹. В той же главе Иисус воскрешает «дочь начальника» (у Марка и Луки назван начальник синагоги Иаир⁴²), сказав: «...не умерла девица, но спит»⁴³, – данный мотив отчасти соотносится с фабулой «СГ».

С евангельскими коннотациями связано и упоминание ЮВ о том, что он окончил университет «сорок восемь дней тому назад»*: можно предположить, что операция была им сделана на исходе 49-го дня – это вызывает ассоциации с Великим постом, по истечении которого совершились символические смерть и воскресение героя. Ассоциация подкреплена суточной хронологией: подчеркнуто, что девочку привезли в 11 часов вечера, и, глядя на нее, ЮВ думает, что она «умрет через час», – тем самым основные события приурочены к полуночи.

Системность мифологического подтекста заставляет задуматься об *имени*, которым Булгаков назвал героиню. Попутно заметим, что антропоним употребляется в тексте (16 раз) всегда в одной и той же форме «Лидка» и принадлежит исключительно к речевой сфере героя-рассказчика, причем никогда не адресуется непосредственно девочке – даже фраза ЮВ в финале «А, Лидка! Ну, что?» обращена к матери, а не к ней. В «СГ», кажется, нет явных «аргументов», позволяющих объяснить выбор данного имени и конкретной его формы, поэтому выскажем лишь гипотетические предположения.

1) Имя Лидия (которое, кстати, кажется «стилистически» диссонирующим с крестьянской средой) восходит к названию страны в Малой Азии (VII–VI вв. до н. э.), славившейся богатствами. С этим топонимом связано понятие «лидийский камень» (*лат.* *lydius lapis*) – название кремнистого сланца, с помощью которого определяется проба благородного металла (считается, что данный способ впервые использован именно в Лидии). Более известный синоним лидийского камня – «пробный камень» – метафоризировался и стал расхожим фразеологизмом. В «СГ» в роли «пробного» – «лидийского камня» (форма «Лидка» кажется своеобразным «сокращением» этого словосочетания) выступает первая пациентка ЮВ, от которой «зависит» судьба врача-дебютанта.

2) Топоним Лидия восходит к имени Лудим, принадлежавшему внуку библейского Хама⁴⁴. Паронимическое сходство «Лидия/Лудим – лудить» позволяет каламбурно сопоставить имя с фразеологизмом «луженая глотка».

* Правда, через три абзаца ЮВ говорит, что выпущен из университета «два месяца назад».

3) Антропоним Лидия выглядит «говорящим», поскольку сходен с диалектными словами «лидѣть» (хворать, болеть), «лидина» (болезнь, хворь)⁴⁵, «ледина» (эпидемия)⁴⁶; ср. также «ледачий, ледаший» – плохой, дурной⁴⁷, «ляд» – злой дух, бес, черт⁴⁸.

4) Автор «СГ» родился и вырос в Киеве; по-украински «лід» – лед. Омофония вызывает ассоциацию с «зимним» антуражем рассказа, а безжизненно-«ледяные» коннотации соответствуют «кукольности» девочки. Можно добавить, что в народном календаре эпитет св. Лидии (память празднуется 5 апреля / 23 марта) – «ледоломка»⁴⁹.

5) Лидия – имя первой в Европе женщины-христианки: в 50 г. она была крещена апостолом Павлом в Филиппах (ныне г. Кавала в Греции)⁵⁰. Это соответствует сакральным коннотациям хирургической операции, в ходе которой ЮВ «воскрешает» Лидку.

Обратим внимание и на некоторые черты внешности героини, вызывающие «разнонаправленные» мифологические ассоциации. Такая портретная деталь, как синие глаза, наряду с вьющимися волосами (жертвенный агнец), на первый взгляд несет сакральную, «воздушную» семантику. Однако синий, синеватый цвет служит и знаком смерти, поскольку обусловлен асфиксией – отсутствием воздуха («лицо отливало... в легонький лиловый цвет»; «ногти синеют»; «Лидка синела»); в таком контексте он, сохраняя семантику «потусторонности», вызывает явно негативные ассоциации*. Примечательно, что тем же цветом маркировано «личное» пространство ЮВ – его кабинет: в экспозиции упомянута «лампа под синим абажуром», у которой герой проводит вечера; перед операцией, прибежав домой, чтобы посмотреть, как делается трахеотомия, но ничего не поняв из книг, ЮВ отмечает: «...взглянул с тоской на синий цвет»; засыпая после операции, тоже говорит: «Помню, синий свет горел у меня в кабинете»**. В течение всего рассказа герой отмечен амбивалентным «знаком» синего цвета – изначально «окрашен» им и продолжает оставаться в его «поле».

* Ср., напр., в гоголевском «Вие» (1835) изображение вставшей из гроба панночки: «...вся посинела, как человек, уже несколько дней умерший. [...] Труп опять поднялся... синий, позеленевший» (*Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений*. [В 14 т. М.; Л.] 1937. Т. 2. С. 171).

** В финале «СГ» читаем: «...ушел к себе. [...] фонарь горел, и дом мой был одинок, спокоен и важен». Цвет «фонаря» не назван, и не вполне ясно, подразумевается ли здесь именно домашняя лампа; однако до этого ЮВ «видел» себя дома лишь в кабинете, поэтому можно предположить, что его взгляд «извне» тоже направлен на соответствующее окно с источником синего света за стеклом.

В аспекте мифологических аллюзий обратим внимание также на *онирические* мотивы, которые, подобно образу синего цвета, проходят через весь рассказ. Сон «отделяет» экспозицию от начала фабулы – буквально «через него» герой входит в профессиональную жизнь: «И вот я заснул... я проснулся от грохота в двери». Но, судя по всему, полного «возвращения» в явь так и не произошло. В кульминационный момент, когда операция только-только успешно закончилась, ЮВ отмечает: «*Сквозь сон...* я видел счастливые лица акушеров». «Сонливость» здесь не может быть мотивирована запредельной усталостью и хроническим недосыпом (которые возникнут в финале) – до появления первой пациентки никто не мешал ЮВ спать (бессонницу могли бы вызвать тягостные сомнения в своем профессионализме, но про это ничего не говорится). Тем не менее, реплика показывает, что ЮВ оперировал в «полусонном» состоянии – такая раздвоенность между сферами сна и яви корреспондирует с наличием двух «голосов» внутри героя. Приступая к операции, ЮВ представляет себя инструментом «чужой» воли: «...я взял нож; при этом подумал: “Что я делаю?”» И сразу после операции, «отыграв» навязанную извне «роль», герой стремительно «покидает» явь: «Я подошел к дивану одетый, лег на него и сейчас же перестал видеть что бы то ни было; заснул и даже снов не видел».

В финале рассказа онирическая тема становится доминирующей: ЮВ «хочет одного – спать». В данном случае стремление к «успеху» мотивировано «смертельной» усталостью и свидетельствует о желании хотя бы на время (если не навсегда) отстраниться от врачебной деятельности. Однако с учетом проведенной героем «во сне» удивительной операции такое намерение имеет и противоположный смысл – означает приобщение к «иному» миру, стремление слиться с «потусторонней» реальностью, позволяющей творить чудеса, подобные тому, какое удалось совершить в отношении Лидки.

Все сказанное подтверждает тезис о том, что в структуре булгаковского рассказа мифологические мотивы играют важнейшую роль, формируя подтекстный сюжет, сложно взаимодействующий с внешней, «бытовой» фабулой. В качестве врача герой «СГ» должен нормализовать жизнедеятельность конкретного человеческого организма; однако не менее (если не более) важно, что в рамках медицинского эпизода ЮВ имеет дело с универсальными и неустраняемыми силами – которые действуют в том числе *через него*.

В отсутствие черновики и ранних редакций «СГ» мы не имеем возможности восстановить ход работы над текстом. Но анализ убеж-

дает в том, что создание подтекстного мифологического сюжета было для Булгакова вполне осознанной целью; соответственно, «знаки» мифологического подтекста возникли отнюдь не спонтанно – данное утверждение справедливо не только для «СГ», но для «Записок» в целом.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 *Булгаков М. А.* Собрание сочинений: В 8 т. М., 2011. Т. 8. С. 107.
- 2 *Мелетинский Е. М.* Поэтика мифа. М., 1995. С. 295.
- 3 *Эпштейн М. Н.* Мифологизм в литературе XX в. // Литературный энциклопедический словарь М., 1987. С. 224–225.
- 4 *Proffer E.* Bulgakov: Life and Work. Ann Arbor, 1984. P. 92.
- 5 *Соколов Б. В.* Булгаков: Энциклопедия. М., 2003. С. 567.
- 6 См.: *Яблоков Е. А.* Художественный мир Михаила Булгакова. М., 2001. С. 47–53, 57–73.
- 7 См.: Из семейной хроники Михаила Булгакова // *Паршин Л. К.* Чертовщина в Американском посольстве в Москве, или Тринадцать загадок Михаила Булгакова. М., 1991. С. 47. Вместе с тем фабула варьирует (вплоть до прямых текстуальных совпадений) эпизоды книги В. В. Вересаева «Записки врача» (см.: *Вересаев В.* Записки врача. СПб., 1901. С. 88–92, 251). Среди рассказов Булгакова вересаевское влияние наиболее явственно именно в «СГ» (см.: *Troubetzkoy L.* Récits de deux médecins: Veresaev et Bulgakov // *Revue des études slaves.* 1993. V. 65. № 2. P. 258).
- 8 *Булгаков М. А.* Собр. соч. М., 2007. Т. 1. С. 273, 279.
- 9 Там же. С. 342.
- 10 См.: *Афанасьев А. Н.* Поэтические воззрения славян на природу: В 3 т. М., 1994. Т. 1. С. 735–787.
- 11 *Булгаков М. А.* Собр. соч. Т. 8. С. 147.
- 12 См.: *Софронова Л. А.* Мифопоэтика раннего Гоголя. СПб., 2010. С. 45.
- 13 Текст «СГ» цитируется по: *Булгаков М. А.* Собр. соч. М., 2008. Т. 2. С. 294–304.
- 14 *Богданов К. А.* Врачи, пациенты, читатели: Патографические тексты русской культуры XVIII–XIX веков. М., 2005. С. 16.
- 15 Там же. С. 15.
- 16 См.: *Бушкевич С. П.* Жертва // Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5 т. М., 1999. Т. 2. С. 211.
- 17 Ин. 13: 15.
- 18 См.: *Левкиевская Е. Е.* Серебро // Славянские древности. М., 2009. Т. 4. С. 627.

19 Гальковский Н. М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. Харьков, 1916. Т. 1. С. 82; см. также: *Котляревский А.* О погребальных обычаях языческих славян. М., 1868. С. 192; *Соболев А.* Загробный мир по древнерусским представлениям. Сергиев Посад, 1913. С. 44–45.

20 См.: *Левкиевская Е. Е.* Вихрь // Славянские древности. М., 1995. Т. 1. С. 379–380.

21 *Булгаков М. А.* Собр. соч. Т. 2. С. 307.

22 *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. [В 4 т.] 3-е изд. СПб.; М., 1903. Т. 1. Стб. 1392.

23 Ср.: Мф. 8: 28–32.

24 1 Фес. 4: 16. Ср. эпизод романа «Мастер и Маргарита», где Афраний на вопрос Пилата об убитом Иуде отвечает: «...он встанет... когда труба Мессии... прозвучит над ним» (*Булгаков М. А.* Собр. соч. М., 2007. Т. 7. С. 396).

25 Там же. Т. 1. С. 305.

26 Полный православный богословский энциклопедический словарь. [В 2 т.] СПб., 1913. Т. 1. Стб. 156.

27 *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1973. Т. 8. С. 317.

28 *Даль В. И.* Толковый словарь... СПб.; М., 1909. Т. 4. Стб. 433.

29 *Толстая С. М.* Звуковой код традиционной народной культуры // Мир звучащий и молчащий: Семиотика звука и речи в традиционной культуре славян. М., 1999. С. 10.

30 См.: *Агапкина Т. А.* Молчание // Славянские древности. М., 2004. Т. 3. С. 292, 296.

31 *Булгаков М. А.* Собр. соч. Т. 2. С. 305.

32 См.: *Агапкина Т. А., Левкиевская Е. Е.* Голос // Славянские древности. М., 1995. Т. 1. С. 513.

33 См.: *Петрухин В. Я.* Кузнец // Славянские древности. М., 2004. Т. 3. С. 22.

34 См.: *Плотникова А. А.* Свист // Славянские древности. М., 2009. Т. 4. С. 578–579.

35 См.: *Гура А. В.* Змея // Славянские древности. М., 1999. Т. 2. С. 336. В булгаковских произведениях многократно возникает мотив свиста, связанный со змеиными коннотациями и свидетельствующий о принадлежности персонажа к нечистой силе; ср. свист Коровьева-Фагота (см.: *Булгаков М. А.* Собр. соч. Т. 7. С. 459–460) в романе «Мастер и Маргарита» (подробнее: *Яблоков Е. А.* Художественный мир... С. 61–63).

36 *Булгаков М. А.* Собр. соч. Т. 2. С. 320. Отметим, что в книге Премудрости Соломона страшная картина «тьмы египетской» включает такую деталь, как «свисты пресмыкающихся» (Прем. 17: 9).

37 См.: *Валенцова М. М., Узенева Е. С.* Михаил св. // Славянские древности. М., 2004. Т. 3. С. 257.

38 Сендерович С. Я. Георгий Победоносец в русской культуре: Страницы истории. 2-е изд. М., 2002. С. 86–87.

39 См.: Грейвс Р. Мифы Древней Греции. М., 1992. С. 135–137. В рассказе «Полотенце с петухом» присутствует образ петуха как жертвы Эскулапу (см.: Яблоков Е. А. Текст и подтекст в рассказах М. Булгакова: «Записки юного врача». Тверь, 2002. С. 10).

40 Мф. 9: 9.

41 Мф. 9: 12.

42 Мк. 5: 22; Лк. 8: 41.

43 Мф. 9: 24.

44 См.: Полный православный богословский энциклопедический словарь. СПб., 1913. Т. 2. Стб. 1524. «Землей Хама» традиционно считался Египет – в рассказе «Тьма египетская» речь идет о невежественности крестьян, сочетающейся, однако, с их «сверхъестественными» способностями (см.: Яблоков Е. А. Текст и подтекст... С. 61–72).

45 Даль В. И. Толковый словарь... СПб.; М., 1905. Т. 2. Стб. 648; Словарь русских народных говоров. Л., 1981. Вып. 17. С. 43. Ср. в булгаковской пьесе «Бег» (1928) фамилию героя – Хлудов: диал. «хлуда» – хворь, болезнь (Даль В. И. Толковый словарь... Т. 4. Стб. 1193).

46 Словарь русских народных говоров. Л., 1980. Вып. 16. С. 321.

47 Там же. С. 318–319.

48 Даль В. И. Толковый словарь... Т. 2. Стб. 742; Словарь русских народных говоров. Л., 1981. Вып. 17. С. 259.

49 Словарь русских народных говоров. Л., 1980. Вып. 16. С. 323.

50 См.: Полный православный богословский энциклопедический словарь. СПб., 1913. Т. 2. Стб. 1524.

E. A. Yablokov

«Howls in a pipe, good God, as a child...» (Mythopoetics of Mikhail Bulgakov's story «A Steel Throat»)

The article shows that along with an «external» plot in Bulgakov's story there is an implicative mythological plot which brings a situation out of particular historical common conditions and gives it an «undated» character. The analysis of the mythopoetic motives significantly complicates the interpretation of the story, enriches its problematics, forces to look at the system of characters in a new way.

Keywords: *Mikhail Bulgakov, Poetics, «Notes of a young doctor», mythological motives.*

А. В. Амелина
(Москва)

Война в утопическом видении чешской межвоенной прозы

Статья посвящена роли войны в чешской утопической литературе периода Первой республики. В негативной утопии она является проявлением исторического динамизма, а в позитивной – отсутствует, реализуя принцип антиисторизма, что иллюстрируется на примере произведений И. Гауссмана, Яна Вайсса, В. Рафферла и М. Майеровой.

Ключевые слова: *антиутопия, утопия, чешская межвоенная литература.*

Вооруженный конфликт и в особенности война являются неотделимыми составляющими утопических романов, что демонстрируется огромным количеством текстов европейской литературы XX в. Не исключение и чешская литература, в которой после окончания Первой мировой войны поднялась «волна утопичности»¹. Здесь следует добавить, что имеется в виду только антиутопия, то есть утопия негативная, а не утопия вообще, это значит, что в утопии позитивной война практически отсутствует.

Распространение антиутопии обычно связывают с особенностями исторического развития XX в., утонувшего в крови мировых войн и революций. С другой стороны, к исторической реальности приспосабливается и жанр. Появление вооруженного конфликта как жанровой константы антиутопии обусловлено, в первую очередь, природой жанровых различий этих двух видов утопии: позитивной и негативной. Согласно многочисленным литературоведческим работам, типологическими чертами жанра позитивной утопии являются пространственная изоляция социума, его существование вне времени и вне исторического развития, минимальные контакты с внешним миром, урбанизм, т. е. изображение идеального города, регламентация жизни граждан, акцент на коллективизм вместо индивидуальности, претензия на научную обоснованность, а также мифоцентризм (близость мифа и утопической модели обусловлена необходимостью гармонизации хаоса при помощи социально-политического насилия)². Кроме того, сюжет, если он вообще присутствует, подчинен главной цели автора – изображению созданного им идеального мира,

поэтому характерным стержнем сюжета является блуждание по этому миру чужака вместе с проводником. Антиутопия эти черты часто сохраняет, но с одной значимой модификацией: ее сюжетная схема полностью подчинена *борьбе* главного героя против «идеального» общества. Персонажи группируются в два лагеря: мощный многочисленный лагерь сторонников существующего порядка и его противники. Их конфликт реализуется в физическом противостоянии. В отличие от позитивной утопии, главный герой находится в постоянном противодействии по отношению к обществу. И как следствие – роман наполнен событиями, действием. Антиутопия сохраняет традиционную для утопии фигуру путешественника, который наблюдает за жизнью нового мира свежим непредвзятым взглядом, но в антиутопии оценка этого общества героем, обычно совпадающая с мнением автора, негативная. Проводник, сопровождающий главного героя во время его блужданий по новому миру позитивной утопии, является медиатором его идей, тогда как в антиутопии он, наоборот, становится их ярким противником (часто проводником выступает любимая женщина). Кроме того, в сравнении с позитивными утопиями художественный мир антиутопии более населен, а система образов в ней сложнее.

Описанный жанровый сдвиг в первую очередь обусловлен нарушением одного из главных принципов утопии. В философии утопия исследуется как тип сознания во взаимосвязи с категорией идеала. Утопист пытается создать идеальное общество, устроенное по воле и разуму человека. Идеальное общество не является следствием естественного спонтанного общественного развития. Именно это отличает утопию от науки, которая стремится не к идеалу, а к истине. Утопист полностью отрицает старый мир и, словно с нуля, создает мир новый. Важным свойством утопического сознания в этой связи является его противопоставленность истории. Мир утопии – не результат исторического процесса, новое утопическое общество выступает не как следствие эволюции, а как альтернатива современности. Поэтому утопическое общество статично, остановлено в своем развитии, поскольку идеал уже достигнут и люди этого общества счастливы³.

Именно преодоление этого антиисторизма, этой статичности выводит антиутопию из жанра философского трактата, каким было, например, «Государство» Платона, и делает ее частью художественной литературы, причем воплощение утопии в романном жанре становится пиковой точкой этого преодоления. Появление романной утопии

означало не только разрушение одного из ее главных принципов, но и сочетание ее с другими древними жанрами. Часто такое творчество содержит элементы мифа и сказки, а также и более поздних жанров – приключенческого, детективного и даже любовного романа.

В контексте жанровой проблемы следует добавить, что понятие литературного утопического жанра – довольно сложное и до сих пор дискуссионное. С одной стороны, существует взгляд на утопию как тип сознания, и в этом смысле она является прежде всего философской категорией с чертами, приведенными выше. С другой стороны, термин «утопия» используется для обозначения определенного типа произведений, и прежде всего романов. Но утопия как тип сознания может проявляться в художественной литературе и в других разнообразных формах: рассказ, пьеса, путевые очерки и т. д. В этих случаях мы находим признаки утопического сознания, но жанровые знаки при этом могут отличаться от более традиционного варианта литературной утопии – романа. Фактически утопия выступает неким наджанровым элементом⁴.

Чешская межвоенная литература насчитывает десятки утопических произведений, в особенности в первом десятилетии. Некоторые из них стали достоянием мировой литературы и переведены на многие языки, прежде всего тексты Карела и Йозефа Чапеков, Яна Вайсса, Марии Майеровой. Другие остались в кругу чтения преимущественно чешской общественности, например, сочинения Иржи Гауссмана, Эмила Вахека, Владимира Раффела. Большая часть утопического пласта, однако, для читателя канула в Лету и является объектом интереса лишь исследователей данного феномена. Обязательным элементом сюжета практически всех этих произведений является вооруженный конфликт в той или иной форме.

Приведем примеры различий между позитивной утопией и антиутопией и в этом контексте покажем значение войны.

Молодой сатирик Иржи Гауссман издает в октябре 1922 г. сатирический роман-антиутопию «Фабричное производство добродетели». В первой половине романа рассказывается об изобретении и применении чудесного средства, которое способно заставить любого человека говорить правду, избавиться от эгоизма и любить ближних. Автор этого открытия профессор Фабрициус из лучших побуждений старается добиться массового производства этого вещества с целью этизации всей страны Утопии. Два миллиардера начинают его производить, а далее Гауссман изображает собственно процесс этизации, в ходе которой все граждане становятся альтруистами. Во

второй половине романа действие принимает неприятный оборот – «этизованные» люди разделяются на два лагеря, и начинается гражданская война. После трех лет кровопролития мир восстанавливается, но к власти приходят большевики, и мировые державы, опасаясь распространения большевизма, объявляют Утопии экономическую блокаду, а потом и вовсе ее между собой делят. В данном случае мы наблюдаем типичный для антиутопии мотив – как выдающееся научное изобретение, призванное превратить человеческую жизнь в рай, оборачивается катастрофой. Война у Гауссмана становится неотвратимым итогом исторического развития антиутопического общества, и шире – всего человечества, причем не имеет значения, в каком направлении идет развитие и какими побуждениями руководствуются люди. Война антиутопии неотвратима и фатальна.

Удивительно сходным образом развиваются события в романе К. Чапека «Фабрика абсолюта» (выходил по частям в «Лидовых новинах» с сентября 1921 по 4 октября 1922 г.), в связи с чем Гауссмана даже обвиняли в плагиате. Есть серьезные причины полагать, что плагиат на самом деле не было, поскольку идея этого произведения уже присутствует в более ранних его произведениях (в том числе в «Диких рассказах», май 1922)⁵. В этом случае перед нами пример удивительного совпадения, которое показывает, насколько сильной и повсеместной была в те годы идея войны и ее неизбежности. Подобные мысли и совпадения мы найдем и у других авторов антиутопий.

Роман Владимира Раффела «Торговец симпатиями» (1929) часто называют антиутопией, в нем также возникает схожий с предыдущими произведениями мотив (предприимчивый мужчина продает лекарство, которое заставляет окружающих отчаянно любить того, кто его принимает). Как и других авторов, Раффела занимает вопрос личной свободы и ее границ и проблема человеческих амбиций и чрезмерной тиранической гордости. Однако, в отличие от случаев Чапека и Гауссмана, здесь дается не широкая панорама общества и всего человечества, а описаны отдельные случаи насилия (убийства и самоубийства), вызванные этим средством, поэтому называть этот роман утопическим вряд ли корректно.

Роман Эмила Вахека «Властелин мира» (1925) – напротив, один из самых ярких примеров выдвинутого тезиса. Главный герой романа – талантливый предприниматель-еврей Беер из Германии, олицетворяющий логику крупного наднационального капитала, – стремится стать властелином мира, сотворив из него огромное предприятие:

«Исчезнут в реальности политические границы, которые будут лишь игрушкой шовинистов, устройю Соединенные штаты европейские. Мои немцы за это будут отчаянно биться, поскольку будут уверены, что это их Штаты, хаха...»⁶ И ему это удастся, он завладел всем миром, кроме коммунистической России, создал единую систему труда и его оплаты и тем самым смог обеспечить рабочим достойный уровень жизни и на практике воплотить социалистические идеалы. Однако такая социалистическая утопия со стандартизированным существованием, с сытым населением без безработицы продлилась недолго, да и не могла она длиться долго. Вахек причину этого объясняет так: «Тупое, довольное жевание челюстями остановилось, долго сдерживаемый инстинкт свободы прорвался»⁷, и далее: «...человечество хочет бороться, человечество должно бороться [...]. Настоящим властелином мира является закон бурления»⁸. Тем самым автор демонстрирует противоречие между утопией и историей. Эта концепция не была бы полностью наглядной без войн и революций, каковых в романе Вахека предостаточно. Беер реализовал свой план с помощью, выражаясь современным языком, гибридных войн: в начале торговой, потом «классической», но и последняя у него представлена в форме скорее войны изобретений (Германия побеждает в ней благодаря использованию отравляющих газов и т. п.). Интересно, что Вахек использует идею насильственной пацификации, близкую изобретениям Чапека и Гауссмана: отравленные пацифистским ядом люди начинают убивать тех, кто не согласен жить в мире. Предлагаемые автором реалии – Соединенные штаты европейские, современные типы войны – характеризуют его как выдающегося провидца, пусть его прогнозы и стали актуальны на много десятилетий позже (у Вахека действие разворачивается в 1930-х гг.). Тираническая «утопия» в его романе терпит крах из-за кровавой революции рабочих, в ходе которой гибнет и ее творец.

Роман Вайсса «Дом в тысячу этажей» (1929) – глубоко символическое произведение, поэтому и сама природа конфликта здесь сложнее. Борьбу Петра Брока (детектива, который пришел в тысячеэтажный дом, чтобы освободить принцессу) с тираном Мюллером, управляющим домом, благодаря христианской символике мы можем считать противостоянием догм Старого и Нового Завета, и когда Брок, будучи сторонником последнего, побеждает – только тогда главный герой романа, пленный в военном лагере, пробуждается от горячего тифозного сна и тем самым спасает свою жизнь. Здесь мир антиутопии во главе с тираном является фантазией главного героя, и

поэтому внутренняя борьба героя служит наглядной проекцией образа человеческого общества: автор, прошедший и фронт, и лагерь военнопленных, видит причины мировой войны во внутреннем мире человека. Поэтому реальная война для Вайсса является следствием проигранной борьбы европейца с внутренним тираном.

Очевидно, что война, революция, убийство и социальное насилие не только присутствуют, но и по большей части становятся центром произведений-антиутопий, выступая иллюстрацией законов исторического развития человечества.

Приведем и противоположный пример – утопическое произведение в его позитивном варианте. Такими примерами служат, в том числе, путевые очерки из Советской России чешских коммунистов. Хотя авторы не считали свои произведения утопическими, их тексты отвечают критериям утопического типа сознания, о котором шла речь выше. Путевой очерк предполагает изложение впечатлений о стране, возможно и необъективное, но выражающее авторскую позицию. И именно это авторское видение служит демонстрацией утопического сознания. Эти писатели – убежденные коммунисты, то есть последователи априори утопической идеологии, и они смотрят на новый мир Советского Союза сквозь ее призму. Поэтому в свои очерки они отбирают факты, которые им подходят, опуская неудобные и изображая таким образом идеальный исторически статичный мир.

Мария Майерова, мэтр чешской социалистической литературы, впервые посетила Советский Союз в 1924 г. и вскоре издала книгу своих впечатлений от путешествия «День после революции» (1925). Автор, как и многие другие, претендует на отражение правды, но правды, в свете приведенных выше доводов, удобной, выстроенной исключительно с коммунистических позиций.

Уже на первой странице Майерова пишет о «мечте о положительном, позитивном, о том, что бы гарантировало настоящее изменение мира, [...] лучшее будущее»⁹; не обошлась писательница и без слова «сказка», поскольку Москва была для нее «сказкой детства»¹⁰ и чудом, которым она считала всю Россию. С другой стороны, она настаивает на объективности своих наблюдений. Таким образом, в книге Майеровой сказочное чудо сочетается с претензией на объективность, которая на деле получается очень избирательной.

Начинает Майерова свой путь в Европе, потом будет граница и Советский Союз. Композиционно в ее очерках представлены два мира: один – абсолютный идеал (Советская Россия), а второй – полностью негативный (дореволюционная Россия, Европа, и особенно

Польша, через которую Майерова едет на поезде). В самом Советском Союзе Майерова находит отрицательные черты, но это – следы старой России. Все подобные элементы должны, по мнению писательницы, быть искоренены и исчезнуть. Самым ярким образом уходящей России выступает Хитров рынок, социальное дно, где живут «неисправимые бродяги». Побирающихся детей Майерова называет «паразитами» и предупреждает: «Будь уверен, что этих детей уже несколько раз хватали, отвозили далеко в детские дома, умывали и присоединяли к группам детей того же возраста. Но они всегда убежали, потому что от них требовалась пионерская дисциплина, учение и труд»¹¹, а также предостерегает, что дети только притворяются несчастными и больными, чтобы вызвать жалость. Советская Россия выглядит идеалом только для тех, кто согласен с новым режимом и принимает его правила.

Два противоположных мира разделяет граница, граница с Советским Союзом для Майеровой служит «занавесом, скрывающим захватывающее зрелище»¹², в то же время капиталистическая Европа символически заканчивается военным кладбищем мировой войны¹³. С одной стороны, здесь таким образом реализуется принцип утопической географической изолированности, а с другой – этот интересный образ отсылает нас к древнейшей форме утопии, а именно – к обряду инициации, когда герой должен преодолеть определенное препятствие или рубеж, чтобы попасть в иной, загробный мир или же в мир идеальный. Целью такого путешествия является обретение знания, своего рода посвящение. В случае с Майеровой ее цель – дать рабочим веру в свои бесконечные возможности, сделать так, чтобы «у рабочих всего остального мира была опора и уверенность, что они борются не за сектантский фантом, а за освобожденный труд, за новые нравственные ценности, за новый мир»¹⁴.

Революцию и гражданскую войну писательница словно не замечает, первую она упоминает лишь однажды: «Ни нас, ни рабочих не интересует, что было до революции»¹⁵. То есть она не рассматривает ее как историческое событие с его причинами и последствиями, не помнит об убийствах, расстрелах и иных жестокостях. Майерова создает лишь два статичных не связанных друг с другом противоположных мира. Фактически граница между Европой и СССР – единственное препятствие, эти миры разделяющее, будучи пространственным рубежом, она замещает историческую трансформацию мира в идеальный – революцию и гражданскую войну, то есть те события, которые превратили царскую Россию в советскую. Тем са-

мым проявляется антиисторизм Майеровой.

Эти черты ярко демонстрируют утопичность восприятия Майеровой Советской России, которое не только было воплощением утопической идеологии, но и в ее текстах стало источником утопии уже литературной. Ни революция, ни гражданская война, которые привели к возникновению «идеального» мира Майеровой, ею не учитываются, этот «идеальный» мир показан изолированно от истории. Свое утопическое мышление писательница проявляет и в антиутопическом варианте литературного произведения, где изображается анти-идеальный мир капитала и где революция становится центром повествования, а именно – в романе «Плотина» (книгой вышел в 1933 г.). Подобное проявление утопизма мы найдем, например, и у Юлиуса Фучика¹⁶.

Подводя итоги, мы можем заключить, что в чешской литературе межвоенного периода антиутопия характеризуется в основном антикапиталистической направленностью, военный конфликт в ней выступает в центр художественного целого и выражает законы исторического развития. Если речь идет об утопии позитивной, созданной авторами коммунистической ориентации, то конфликт здесь практически не выражен, а создаваемый ими утопический социум противопоставляется истории. При этом у одного и того же автора можно найти примеры обеих утопий в зависимости от того, изображается ли мир капиталистический или коммунистический.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Piša A. M. Vlna utopičnosti // Piša A. M. Směry a cíle: kritické listy z let 1924–1926. Praha, 1927. S. 142–153.*

2 См., например, работы: *Шадурский М. И. Литературная утопия от Мора до Хаксли: проблемы жанровой поэтики и семиосферы. М., 2007; Аинса Ф. Реконструкция утопии: Эссе. М., 1999; Шацкий Е. Утопия и традиция. М., 1990; Баталов Э. Я. В мире утопии: (Пять диалогов об утопии, утопическом сознании и утопических экспериментах). М., 1989.*

3 См. работу: *Черткова Е. Л. Утопия как тип сознания // Общественные науки и современность. 1993. № 3. С. 71–81. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ecsocman.hse.ru/data/705/784/1217/0060ns3-93-0071-81.pdf>*

4 См., например, работу: *Павлова О. А. Метаморфозы литературной утопии: теоретический аспект. Волгоград, 2004.*

- 5 *Machač J.* Jiří Haussmann a jeho místo v české satíře. Praha, 1952. S. 96.
- 6 *Vachek E.* Pán světa: fantastický román. Praha, 1971 [1925]. S. 36. Здесь и далее перевод с чешского автора статьи.
- 7 Ibid. S. 214–215.
- 8 Ibid. S. 246.
- 9 *Majerová M.* Den po revoluci. Co jsem viděla v SSSR. Praha, 1925. S. 5.
- 10 Ibid. S. 32.
- 11 Ibid. S. 192.
- 12 Ibid. S. 23.
- 13 Ibid. S. 25.
- 14 Ibid.
- 15 Ibid. S. 248.
- 16 Об этом см. работы: *Sládek O.* Julius Fučík o Sovětském svazu aneb Cesty «tam» a «zpátky» // Podhajský F. A. (ed.) Julek Fučík / věčně živý! Brno, 2010. S. 199–211; *Амелина А. В.* Утопичность в восприятии Советской России в чешской среде в 1920–1930-е гг. (Я. Вайсс, М. Майерова, Ю. Фучик) // Русский человек и Россия в восприятии славянских народов. М., 2014. С. 305–320.

A. V. Amelina

Utopian ideas about the war in the Czech interwar prose

The article focuses on the role the war plays in the Czech Utopian literature of the First Republic. In the negative utopia it is a result of historical dynamics and in the positive it is not described, in this way implementing the principle of antihistoricism. The works of I. Haussman, J. Weiss, V. Rafferl and M. Majerová are employed to demonstrate this principle.

Keywords: *distopia, utopia, Czech interwar prose.*

С. В. Колядко
(Минск)

«Автор – читатель»: эмотивные стратегии поэтического произведения (на материале белорусской поэзии Максима Танка и Евгении Янищиц)

Автор статьи представляет свою модель градации эмоциональных реакций читателя, состоящую из трех этапов, посредством которой пытается расчленивать этапы прохождения эмоции читателя от первичного «верю / не верю» к уровню эмпатии. Авторские стратегии построены на явной и неявной договоренностях с читателем, на создании собственной эмоциональной истории и поиске путей расширения эмоционального пространства текста.

Ключевые слова: *эмотив, эмотивность, автор, читатель, модель градации эмоциональных реакций, эмотивный полином, эмотив-интенсификатор, эмотив-«пульсатор».*

Все, что пишется автором, имеет в той или иной мере ориентацию на читателя. В одном случае адресатом выступает читатель (это может быть и абстрагированный образ, и реальный читатель, которого представляет автор перед / во время создания произведения), в другом случае – сам автор (при условии, что произведения пишутся «в стол», не для опубликования). Однако парадигма «автор – читатель» – это первопричина всего творчества, без включенности автора и читателя в творческий процесс не может существовать искусство вообще (не будем здесь апеллировать к постмодернистским концепциям, среди которых была и «смерть автора»). Когда мы созерцаем красивые летние или осенние пейзажи, то в момент созерцания природа выступает «автором» этой красоты, а созерцатель – ее «читателем». При этом созерцатель может получать от процесса созерцания эмоциональное удовольствие. Разные эмоции возникают от восприятия произведений искусства: краски в картинах, слова в тексте в их инвариантах становятся регуляторами эмоционального настроения. С одной стороны, удачно подобранная гамма и благозвучное звучание слов уже становятся возбудителями эмоций, а с другой стороны, если с их помощью создается завершённое полотно, в котором все элементы гармонизированы, а само произведение приобретает художественную ценность, то у читателя возникает эстетическая реакция на увиденное / прочитанное, и уже эту реакцию наполняет

эмотивное удовольствие. Введем определение литературоведческого понятия «**эмотивное удовольствие**» – это психологическое эмоциональное состояние, которое сопровождается получением эстетического удовольствия от процесса чтения художественного текста (иначе говоря, эмоциональное + эстетическое удовольствие). «Эмотивность» в данном определении нужно рассматривать как эстетическую эмоциональность. Это своеобразная эмоциональность, посредством которой эксплицируются смыслы художественного произведения. Эти смыслы воспроизводятся читателем на разных уровнях восприятия текста следующим образом (будем учитывать тот факт, что эти уровни выделяются нами условно, они сосуществуют в сознании читателя как единое целое):

Модель градации эмоциональных реакций читателя:

Первый уровень – «верю / не верю». Первичная реакция на прочитанный поэтический текст основывается на идеальном соответствии читательского эмоционального настроения авторскому, выраженному в тексте. И если происходит это совпадение, у читателя проявляется *эмоциональный шок* (как автор смог понять мое состояние души, как в сознании его родился именно такой текст, каким образом автор пришел к подобному видению этого мира и человека в нем, мне близкого, и т. д., – рассуждает читатель). Это в большей степени своеобразная психофизиологическая реакция, которая складывается из эмоционального удивления, шока, взрыва, нежели эстетическое наслаждение. Выделение первого уровня в модели основывается на **психологической релевантности реакции**. Исследователю здесь важно учитывать и темперамент автора и читателя. Читатели с холерическим и меланхолическим темпераментами – разные реципиенты, а потому эмоциональный контакт может произойти при совпадении многих составляющих в восприятии написанного.

Первичная реакция на прочитанный текст является *доминантной*, она влияет на создание определенных эмоциональных шаблонов в процессе переработки информации на разных уровнях текста. К примеру, читатель может удивиться, как в двух строфах в стихотворении «Вечное поле» Евгения Янищиц смогла рассказать о трагедии Великой Отечественной войне, о ее последствиях, о вечной памяти, человеческой боли, которая пульсирует в сердцах и сегодня, и это впечатление от авторской стратегии – минимизации средств при передаче масштабного замысла – переносится на переосмысление лексики, синтаксиса, поэтических тропов, ритмики и строфики. В иных случаях, когда доминантная эмоция интенсифицируется в первых

строках стихотворения, задавая тон всему прочтению, она становится препятствием в целостном восприятии текста. Безусловно, автор может сознательно в первой строфе ввести эмотив-интенсификатор, предвосхищающий эмоциональную тональность всего произведения, накладывающий эмоциональную нагрузку на идейное решение. **Эмотив-интенсификатор** – это определенный образ, символ, знак, фигура, которые приобретают доминантные позиции в выражении, строфе, тексте и в их контексте вызывают у читателя наиболее сильные и яркие потрясения, аффекты. Этот эмотив-интенсификатор обычно неувлимо предопределяет восприятие других смыслов произведения. Нередко эмотивы-интенсификаторы возникают в последних строках, когда автор посредством акцентуации определенного элемента стремится усилить, заострить внимание на определенном психологическом состоянии героя, его изменениях, преобразованиях и т. д., путь к которому отражен в предыдущих строфах произведения. Но возможны и разные конфигурации их размещения в поэтическом тексте. В стихотворении Максима Танка «Спасительная двойка» эмоциональной доминантой предстает первая строка:

– Спыніцеся, грамадзяні!
Прыйдзеца вас аштрафаваць,
Бо правіла парушылі
Пры пераходзе.
Што, грошай не ўзялі?
Есць толькі
Ветэранскае пасведчанне?..
Ну, прабачце!
Я ж некалі
За вершык ваш
Быў двойку атрымаў.^{1*}

Эта эмоциональная строка предвосхищает настроение произведения, хотя в ней еще нет знаковой фиксации эстетического зна-

* Здесь и далее приводятся подстрочные переводы стихотворений Максима Танка и Евгении Янищиц: «Спасительная двойка». Остановитесь, граждане! / Придется вас оштрафовать, / Так как правила нарушили при переходе. / Что, денег не взяли? / Есть только / Военское удостоверение?.. / Ну, простите! / Я ж когда-то / За стихотворение ваше / Я как-то двойку получил.

чения. Автор-нарратор ведет рассказ о будто бы бытовой ситуации, в которой может оказаться любой, кто нарушает закон. Возникает ощущение, что Максим Танк прозаические реплики диалога записал в поэтической форме. В последнем предложении автор вводит эмотив-интенсификатор – образ «двойки», выполняющий функцию эстетического регулятора в раскрытии замысла. Более того, «двойка» – это и нарушитель смыслового раскрытия идеи в произведении: казалось бы, двойка должна была стать приговором, а она стала «спасительной». Однако же об этом мы узнаем, обращаясь к названию. Кругообразное движение сюжетной линии в произведении помогает декодировать смысловую сущность эмоции: и негативная память о человеке может перевоплотиться в конструктивное созидательное действие в определенных ситуациях жизни. Автор подсказывает нам кодовое слово в расшифровке замысла, вводя в название оценочное прилагательное «спасительная», где данное определение приобретает аксиологическую нагрузку: в нем пересекаются ирония и горькая правда жизни, надежда и неожиданные повороты судьбы. Поэтому можно утверждать, что название произведения задает тон в прочтении произведения и его эмотивной интерпретации.

Автор может пользоваться набором разных эмоций для воплощения идеи произведения, так как эмоции являются стилистическими средствами. В каждой или нескольких строфах может быть зафиксирована своя эмоциональная история, в восприятии которых подключаются однотипные / «многопрофильные» типы реакции на прочитанное. С одной стороны, текст может вызывать эмоциональный взрыв, и это состояние будет держать читателя в определенном тоне на протяжении чтения всего произведения, независимо от появившихся новых нюансов в раскрытии эмоционального настроения автора. С другой стороны, автор может расходовать эмоции дозированно, не перегружая ими текст в какой-то из частей, и в такой функции координатора движения эмоции, изменений эмоциональных настроений в поэтическом произведении предстают **эмотивы-«пульсаторы»**. В одних стихотворениях они входят в текст как *эмоциональные вкрапления*, с помощью которых автор расставляет эмоциональные акценты, в других – в качестве *эмоциональных сгустков энергии*, к примеру, в виде следующих друг за другом в строке или строфе слов, обозначающих эмоции, либо слов с эмоциогенными маркерами. Как правило, «эмоциональность» этих слов пульсирует в пределах определенной фразы, выражения, воздействуя и на безэмоциональный текст, привнося в него эмоциональную окраску. От

таких эмоциональных сгустков как бы отходят эмоциональные лучи к другим структурам произведения, что и предопределяет появление эмотивного смысла у всего текста.

Калі перад Судом Апошнім апынуся
І запытаюць, у грахах ці каюся, спашлюся
На тое, што ў жыццёвым амбарасе
На гэта, Спадары, не меў я часу,
У няспынных будучы камандзіроўках,
У пошуках сваіх дарог нялегкіх.
А з нейкаю прэваратняў зграяй
Не буду грукаць я і ў дзверы рая...^{2*}

Попробуем пойти вслед за читателем при чтении стихотворения Максима Танка «Когда перед Судом Последним окажусь...». Первичный эффект в эмоциональном воздействии текста на читателя связан с выбором темы, заявленной в первой же строке: герой перед Последним судом. Но по дате написания, а это 1994 год, понимаешь, что самому поэту на то время было 82 года и обращение к этой теме если не абсолютно обоснованно, то хотя бы понятно. Первичное эмоциональное восприятие приобретает дальнейшее эмоциональное расширение за счет развития темы: автор приходит не к логичному для нас покаянию, а к его антагонисту – отказу от рая как места нахождения покаявшихся душ. И это расширение осуществляется с помощью включения в текст эмотивов-«пульсаторов»: «каюсь ли грехах» и «стучать в двери рая», приобретающие в контексте всего произведения, кроме общебиблейского прочтения, значение экспликаторов иронической эмоции. Визуально они размещены в разных строфах, но энергетические послы переходят от одного к другому, что воздействует и на фазовость протекания эмоции: от эмотива-«пульсатора» – «каюсь ли в грехах», в котором отражена саморефлексия и который задает тон первой части стихотворения, автор движется к философскому выводу, что без покаяния нет ему там места, потому не стоит «стучать в двери рая». В первой строфе содержится одна эмоциональная история – герой не имеет времени каяться в гре-

* Когда перед Судом Последним окажусь / И спросят, каюсь ли в грехах, сошлюсь / На то, что в жизненном амбарасе / На это, Господа, не имел я времени, / В непрерывных будучи командировках, / В поисках своих дорог нелегких. / А с какой-то перевертышей стаей / Не буду стучать я и в двери рая.

хах; во второй строфе иная эмоциональная история – он отказывается стучать в двери рая вместе со «стаей перевертышей». В стихотворении отсутствует эмоционально заряженная лексика с маркерами эмоциональности, однако ироническое содержание произведения позволяет говорить о «моделировании» эмоционального настроения посредством художественного обыгрывания темы рая и ада. Названные эмотивы-«пульсаторы» – как сгустки энергии, болевые точки самосознания автора: каждый человек должен определиться для себя с вопросом веры и отношением к религии и религиозным организациям. Поэтому через действия эмоционального характера – *каяться* и *стучаться* – автор обозначает свою духовную позицию.

Таким образом, на первом уровне происходит / не происходит построение взаимодействия «читатель – текст», которое является отображением эмоционального восторга, «вхождения» читателя в текст и принятия его «в себе». Появление эмоционального восторга обычно связано с «физиологическим» личностным восприятием художественного текста, тут еще нет рефлексии над прочитанным. Если говорить обобщенно, читатель единым взором охватывает пространство текста, стремясь все в этом процессе подчинить собственному опыту восприятия художественного произведения. Это скорее поверхностное созерцание, чем осмысленная оценка. Внимание читателя сконцентрировано на наррации – умении автора доносить информацию в виде последовательности событий, действий, фактов и т. д. в тексте, хотя на этом этапе ознакомления с текстом отсутствует процессуальность в читательском восприятии, там господствует эмоциональность.

Второй уровень модели – это реакция читателя на шаблонные эмоциональные знаки / символы / компоненты, которые легко распознаются в тексте как эмоциональные и потому часто автоматически вызывают ту или иную эмоциональную реакцию (описать все реакции невозможно, они могут рассматриваться только как гипотетические). Как отмечал М. П. Якобсон, «стремление воспринять чувственное богатство, данное в творении художника, специально его ощутить есть существенная особенность художественного восприятия. Это стремление создает основы для переживания чувственной прелести произведения, его красок, форм, звуков, их тонких нюансов»³. Углубление в чувственную стихию художественного текста предусматривает зрительное + чувственное «схватывание» основных характеристик произведения, среди которых наличие особенных качеств написанного, способных воздействовать на читателя. Эмоциональная энергоемкость присутствует в том тексте, где есть

возбуждающая мысль, горячее волнение, душевное переживание и т. д., способные затронуть эмоции читателя. *Энергоемкость* – характеристика взрывной способности художественного слова затрагивать чувства, переживания, мысли. Такое слово начинает излучать энергию при наличии в нем особой художественной силы. В произведении должны быть не только статические внешние (по форме) и внутренние (по содержанию) элементы, которые создают энергоемкость текста, но и динамические, воздействующие на способность произведения осуществлять эмоциональное энергоизлучение, так называемые трансляторы энергии, через которые, как через линии электропередачи, происходит переход эмоции от автора к читателю. Например, к числу первичных эмоциональных трансляторов эмоций в тексте можно отнести восклицательные знаки, задающие эмоциональный тон в прочтении текста, а также наличие большого количества восклицательных интонаций, что не может не настроить читателя на мажорный лад, независимо от его эмоциональной предрасположенности. Обычно на этом уровне читатель реагирует на те эмоциональные компоненты, которые составляют форму произведения, то есть имеют отношение к плану выражения. Ритмическая организация стихотворения, строфика, синтаксические конструкции – это те же первичные эмоциональные трансляторы энергии текста, посредством которых происходит воздействие на сенсорную, моторную, ассоциативную, интеллектуальную, эмоциональную реакцию индивида. Второй уровень модели базируется на **культурной релевантности реакции** – на так называемой элементарной подготовленности читателя реагировать на знаки письма.

Обратимся к стихотворению Е. Янищиц «Анна Герман»:

Так срэбны звон гукае ліру,
Так песня – долю нараджае.
...Падчас вясны і ўраджаю
Адспавядацца ў жменьку жвіру?

Вы ўся такая маладая!
І валасы шумяць, як травы.
Смяецца голас і світае
На сціхлых вулачках Варшавы.

Мілан. О, тут вітаў Каруза!
Мілан, хай пачакае меса!

Няхай у сумным плацці Муза, –
Настройце музыку, Маэстра!

Зусім такая ма-ла-да-я!
Яшчэ ж і сонейка – высока.
Смяецца голас і світае
Ад Брэста да Ўладзівастока.

Мы зачкаліся... Спявайце.
(Пласцінка чорная, як рана.)
І слоў няма сказаць: «Бывайце!»
Нех жые Песня, пані Анна!^{4*}

Белорусский исследователь Т. С. Нуждина отмечала: «Евгению Янищич и тут притягивает загадка утверждения таланта вопреки законам времени, логике обстоятельств, диктату догм, захватывает процесс самореализации творца»⁵, и именно этой идее подчинен подбор художественных средств. Наличие семи восклицательных знаков в разных строфах говорит о равном распределении эмоциональных зон в пределах единого целого. Первая строфа эмоционально сдержанна, однако уже во второй обозначилась эмоциональная динамика, которая нарастает в третьей строфе (в ней аж три восклицательных знака). В третьей строфе сконцентрирован наибольший всплеск авторской несдержанности. Поэтесса интонирует каждую подробность из судьбы известной певицы пунктуационными знаками. В стихотворении поэтесса также вводит обращения, разбивает на слоги слово, прибегает к комбинаторике средств для передачи состояния сожаления. Посредством трансформации выражения «ўся такая маладая» в границах стихотворения происходит эмоциональная трансляция энергии мысли. Изначально в этой строке сконцентри-

* «Анна Герман». Так серебряный звон зовет лиру, / Так песня – долю порождает. / ... Во время весны и урожая / Исповедаться в горстку земли? // Вы вся такая молодая! / И волосы шумят, как травы. / Смеется голос и светает / На стихших улочках Варшавы. // Милан. О, тут приветствовал Карузо! / Милан, пусть подождет месса! / Пусть в печальном платье Муза, – / Настройте музыку, Маэстро! // Совсем такая молодая! / Еще ж и солнышко – высоко. / Смеется голос и светает / От Бреста до Владивостока. // Мы заждались... Пойте. / (Пластинка черная, как рана.) / И слов уж нет сказать: «Прощайте!» / Пусть живет Песня, пани Анна!

ровались восторг и очарованность личностью Анны Герман, а при дальнейшем развитии сюжета эмоция трансформировалась, и выражение приобрело другую интерпретацию: «Зусім такая ма-ла-да-я!» В этой строке уже слышится крик, неутрачивающая боль: изменилось всего первое слово выражения и появилась разбивка слова на слоги, а смысл сказанного приобрел новую эмотивную подсветку. Если говорить утрированно, энергоемкость произведения сконцентрирована в выражении сожаления из-за ранней смерти певицы, и это сожаление входит квантами эмоций во все восклицательные предложения, синтаксически разорванные конструкции, в нестандартные поэтические тропы и т. д. Тут вспоминаются слова Л. С. Выготского: «Что касается искусства, то здесь господствует как раз обратный принцип расхода и траты разряда нервной энергии, и мы знаем, что чем эта трата и разряд оказываются больше, тем потрясение искусством оказывается выше»⁶. Можно добавить к его высказыванию еще одно наблюдение: чем больше интересных и нестандартных художественных ходов и средств задействовано в процессе излучения энергии, тем сильнее эмоциональное воздействие стихотворения на читателя и тем дольше оно остается в его памяти. Эмоциональное энергоизлучение происходит в стихотворении Е. Янищиц не только за счет насыщения произведения восклицательными интонациями, но и за счет экспрессивности синтаксиса: предложения, как бы подчиняясь изменчивому переживанию, то обрываются, то сокращаются до констатации факта, события, то автор прибегает к обращению, интонационно сбивая плавность движения строк, что в совокупности начинает воздействовать на читателя в одном эмоциональном векторе.

А. Ю. Нестеров отмечал: «Литературный текст, будучи линейной цепочкой знаков, является выражением или в некотором роде оболочкой пространства эстетического объекта, тем средством, за счет которого наррация (иными словами, пространственная организация читаемого текста) стремится подчинить себе повествование, став единственным условием достижения смыслового равновесия»⁷. Действительно, если при первом беглом чтении произведения читатель охватывает его пространство целиком как единое неразрывное целое, то при вдумчивом прочтении начинает воспринимать *пространство и время в тексте*, а вместе с этим – подключать к созерцанию свои нарративные технологии «пересказывания» самому себе прочитанного. Наррация автора и наррация читателя в этом моменте перехода смыслов текста из сознания создателя в сознание воспринимающего могут почти отождествляться, совпадать, а могут

создавать две стороны одной медали. Читатель может реагировать на знаки текста как соответствующие авторскому замыслу, а может наделить их дополнительными или даже иными ролями и смыслами. Если на первом этапе соприкосновения сознания читателя с сознанием автора на поле поэтического произведения должен появиться соаффект, или эмотивный взрыв, то на втором этапе читателю важно найти точки отождествления себя с автором / лирическим героем, чтоб до конца постичь смыслы написанного. На втором уровне условно созданной нами модели (мы не должны забывать ни на минуту, что процесс восприятия текста – целостный, и дистанция между уровнями модели может быть установлена лишь количественным показателем длительности прочтения произведения или вообще может отсутствовать) читатель ищет ответы на вопросы, как, каким образом автор смог затронуть его эмоциональные струны души, и его читательская активность направляется на схематичные текстовые стратегии, на известное и распознающееся в тексте, где знаки эмоциональности и эмотивные образы очевидно выражены и имеют доминантные позиции в упорядочении структуры произведения и в идентификационных переносах смыслов с обозначенных как авторские на обозначенные как читательские.

Л. С. Выготский выделяет вторичный, или прикладной, эффект искусства, связанный с его действием и последствием⁸. То же можно сказать и о действии текста, его функции репродукции эмотивных смыслов. Это значит, что читатель под влиянием эмоционального восторга пытается вчитаться в текст, оценить его действие на эмоции, а это уже третий уровень воздействия текста на подготовленного для его анализа читателя. Как отметил В. И. Шаховский, «пошаговая интерпретация эмотивных смыслов микротекстов в структуре художественного дискурса способствует так называемому расщеплению “склеенных” текстовых эмоций»⁹. На этом этапе читатель обращается к личному опыту «литературоведческой» интерпретации художественных произведений, пользуется собственной шкалой оценки прочитанного.

Третий уровень модели – уровень эмпатии, когда эмоциональность, выражаемая автором, осмысливается только после вчитывания в текст. Тут можно говорить о подтекстовой эмоции, об эмоции, зашифрованной в символах, и т. д., и эти эмоции нужно «получить», они не лежат на поверхности, они смысловые, находятся в плане содержания, а не формы. В интерпретации прочитанного важно «вчувствование», о чем упоминал Л. С. Выготский: «Мы изнутри себя вносим в произведение искусства, вчувствуем в него те или иные чувства,

которые поднимаются из самой глубины нашего существа и которые, конечно же, не лежат на поверхности у самых наших рецепторов, а связаны с самой сложной деятельностью нашего организма»¹⁰. Иначе говоря, автор транслирует энергию души в художественную форму стихотворения, вкладывая в него аксиологические, эстетические, философские и другие смыслы, наделяя его ролью энергетизирующей субстанции. Читатель, в свою очередь, может наполняться / не наполняться энергией, которой наделен текст, может не реагировать на душевные импульсы автора, отрицать наличие эмоции в произведении и этим, в сущности, нивелировать художественную ценность всего произведения. Поэтому, к примеру, насыщение стихотворения художественными тропами, с одной стороны, является эстетическим украшением текста, а с другой – создает много преград в передаче ясного, прозрачного смыслового выражения идеи, утяжеляет процесс эмотивной трансляции. Тут важно чувствовать баланс между количественными и качественными характеристиками тропов в тексте. Потому как энергоизлучение происходит на уровне перехода обычных средств языка в поэтические, общепотребительных в художественные. В создании этих переходов автор пользуется своими собственными тактиками и стратегиями, которые могут как иметь типологическую природу, так и исходить из индивидуально-авторского мировосприятия и виртуозности владения словом. Ранее мы говорили об очевидных текстовых трансляторах эмоциональности, однако художественные средства владеют значительно большим потенциалом в передаче состояния души автора. На пересечении настроений, переживаний и эмоций автора / лирического героя в поэтическом тексте актуализируется действие так называемого **эмотивного полинома*** – художественного образа, имеющего эмоциональную заряженность, наделенного многозначностью, связанной с отображением как положительных, так и негативных эмоциональных коннотаций значения образа, которые накладываются на те или иные его характеристики в контексте произведения. В тексте эти эмотивные полиномы могут восприниматься разными читателями с разными интерпретациями. В этом важное значение приобретают некоторые факторы. М. М. Бахтин отмечал, что «образ должен быть понят как то, что он есть, и как то, что он обозначает»¹¹. Автор может заведомо вкладыва-

* Полином (греч., от *polys* – многий и *nomos* – часть, член) – первоначально численная величина, состоящая из нескольких членов, соединенных между собою знаками: плюс или минус.

вать несколько обозначений в образное слово, нарастив его множеством метафорических значений и, соответственно, толкований. В таких случаях только работа читателя по их расшифровке-декодированию станет предпосылкой максимального приближения к состоянию души автора, прочувствования эмоциональных импульсов в создании произведения и в осмыслении способов реализации замысла. В исследовании Л. С. Выготского встречаем такое понятие, как соаффект, которое он толкует, обратившись к цитате немецкого психолога Р. Мюллера-Фрейенфельса: «Если я переживаю вместе с Отелло его боль, ревность и муки или ужас Макбета при взгляде на духа Банко – это будет соаффект; если же я переживаю страх за Дездемону, когда она еще не догадывается о том, что ей грозит опасность, это будет собственный аффект зрителя, который следует отличать от соаффекта»¹². Но нужно учитывать и еще одну группу зрителей / читателей, исследователей, которые в каждом произведении искусства сосредотачиваются на форме подачи эмоции, на деталях в энергоподаче смыслов. Для них понятие аффекта / соаффекта – вторичное, имманентное качество художественного произведения. Экспрессия образа, полиаспектность его воплощения, виртуозное его вписывание в контекст для такого читателя имеет большее художественное значение, чем мгновенное, неконтрольное и трудно возобновляемое проявление аффекта: сегодня он есть, а завтра под воздействием разных причин не активизируется в не настроенной на аффекты закрытой душе. Поэтому важным для распознавания экспрессии образа в поэтическом произведении является то, кто его читает – не просто вдумчивый читатель, а «чувствующая», эмоциональная личность, способная на сопереживание. **Человек чувствующий** – это не только идеальный реципиент в восприятии поэзии, это идеальный ориентир нашего времени, на которого работает огромная кино-, видеоиндустрия, к которому обращаются с афиш, реклам, радио, экрана телевизора, надеясь на получение эмоционального отклика на предложение. А потому, ориентируясь именно на идеальную сущность чувствующего читателя, рассмотрим стихотворение Е. Янищиц «Как называются слезы»:

Попел і чорныя цені майна.

Вые у комінах скруха.

Як называюцца слезы? –

Вайна.

Смерць.

Галадоўка.

Разруха.
 Спее сусветнага жаху града.
 Хто пазбірае каменне?
 Як называюцца слезы? –
 Бяда.
 Здрада.
 Разрыў.
 Адчужэнне.
 Мілы, мы зналі кахання палын,
 Трушчыць як сэрцы – самота.
 Як называюцца слезы? –
 Святлынь.
 Радасць.
 Здзіўленне.
 Пяшчота.
 Крэўнасьць зарук, нібы іскры з кастра...
 Свецце бянтэжны мой, дзе я?
 Як называюцца слезы? –
 Сястра.
 Маці.
 Планета.
 Надзея.^{13*}

Поэтесса начинает не с кодировки, а с раскодировки идеи произведения, заложенной в названии стихотворения «Как называются слезы». Эмотивная установка на опережение эмоциональных переживаний, которые вызывает наименование *слезы*, – творческий ход, с помощью которого Е. Янищиц вводит читателя в художественное пространство произведения. Читатель, еще не начав читать, настраивает себя на минорный лад, на эмоции с негативными коннотациями, которые задает эмоционально заряженная лексема *слезы*.

* «Как называются слезы». Пепел и черные тени добра (имущества). / Воет в дымоходах скорбь. / Как называются слезы? – / Война. Смерть. Голодовка. Разруха. / Спееет всемирного ужаса гряды. / Кто соберет камни? / Как называются слезы? – / Беда. Предательство. Разрыв. Отчуждение. / Милый, мы знали любви полынь, / Сокрушает как сердца – одиночество. / Как называются слезы? – / Свет. Радость. Удивление. Нежность. / Родство ручательств (залогов), будто искры с костра... / Мир мой растерянный, где я? / Как называются слезы? – / Сестра. Мама. Планета. Надежда.

И первые строфы стихотворения работают на читательские ожидания. В соответствии авторских стратегий тактикам читательской реакции раскрывается **явная договоренность автора** с идеальным имплицитным читателем, в которой присутствует соаффект: автор говорит, а читатель воспринимает сказанное в одном эмоциональном векторе. Автор не нарушает определенные законы в моделировании стихотворения, а читателю нравится просчитывать авторские ходы. Но всегда нужно помнить о том, что автор может повести читателя неизвестными тому тропами, и в такой лидерской позиции автора актуализируется **неявная договоренность с читателем**: в произведении могут проявиться такие повороты мысли, эмоционального настроения, переживания и т. д., которые способны удивить читателя, вызвать нетипичные реакции на стихотворение, но именно они и презентуют позицию автора как уникальную, индивидуально-авторскую. Неявная договоренность с читателем обозначается при прочтении стихотворения «Как называются слезы» в третьей строфе: автор нарушает уже вроде бы понятные законы вписывания образа в контекст и начинает конструировать модель стихотворения в соответствии с собственным эмоциональным, духовным, душевным и т. д. опытом. Образ слез приобретает внутреннюю связь со светом, радостью, удивлением, нежностью, что предопределяет образование новой синергетической системы между известным и вновь открытым, создаются новые механизмы образования и упорядочивания поэтики текста, и в этом поначалу видится некая спонтанность. Слезы и война, смерть, голод, разруха, беда, предательство, разрыв, отчуждение – понятные для читателя константные парцеллированные конструкции, которые вызывают устойчивые эмоции и фиксируются в сознании в качестве готовых формул и кодовых расшифровок. А множество значений в выражении позитивных положительных коннотаций лексемы *слезы*, обозначившихся в третьей и четвертой строфах, читатель воспринимает как новые смыслы хорошо известной ему эмоции. В последней строфе градация значений слова *слезы* достигает масштабных обобщений, соотносясь с понятиями *сестра*, *мать*, *планета*, *надежда*. Образ слез в своем движении от известного к индивидуально выраженному отражает движение души поэтессы к катарсису, к реализации желания вылить энергию души в энергию поэтической строки. Ее катарсис ведет не к исчерпыванию или только сублимации творческой энергии, а к освобождению в душе места для прорастания новой идеи нового произведения, поэтому последним эмотивом в длинном ряду перечислений называется *на-*

дежда как кодовый ключ эмоционального пространства стихотворения, с помощью которого мы можем открыть дверь в «закрома» авторского мироощущения. В восприятии последних двух строф не может сработать собственный *аффект читателя*, о котором говорил немецкий психолог Р. Мюллер-Фрейенфельс: читатель не может просчитать авторские ходы в моделировании стихотворения, предусмотреть движение мысли, повороты контекста, так как Е. Янищиц создает собственную шкалу художественных значений лексемы *слезы*, размещая их в системе многозначности в определенной последовательности эмотивной выраженности толкований образа. А потому стоит ввести определение «**эффект превзойденного ожидания**», в основе которого – аффект читательского восприятия как душевного движения-отзыва на творческие находки автора. Уникальность стихотворения Е. Янищиц «Как называются слезы» и в том, что читатель вместе с раскодировкой образа «слезы» получает еще больше закодированной информации, которая находится за будто бы расшифрованными эмотивами «свет», «удивление», «нежность» и т. д. А поэтому работа сердца и ума идеального имплицитного читателя не останавливается на осознании прочитанного, связанном в первую очередь с «вчувствованием» в авторский текст, но продолжается на уровне вторичной и т. д. переработки полученной информации – в возможности отождествления ее с собственным опытом, в выработке отношения к опыту «другого», в поиске соответствий с опытом близких ему людей и т. д.

Итак, образ слез является эмотивным полиномом, который раскодировается в контексте произведения множеством эмотивно заряженных единиц, имеющих как негативные, так и положительные коннотации, образующие многозначность названного образа. В художественном мире Е. Янищиц все связано – трагедии планеты и души, боль тысяч и единицы, переживания за людей и себя, а потому эмотивные полиномы выполняют функцию соединения в смысловое единство произведения явлений разного порядка, они решают задачу гармонизации противоположных образных коннотаций в схождении их на одном эмоциональном поле стихотворения.

Психологи получили много доказательств тому, что фундаментальные принципы личности (*moral stances*) базируются на ее скрытых эмоциональных способностях. Эти способности должны присутствовать и в личности писателя: без них ему будет невозможно обратиться к жанру поэзии, к стихотворной форме воплощения творческого замысла, невозможно выразить свои эмоции, найти спосо-

бы / приемы управления собственными / читательскими эмоциями, их экспрессией, симуляцией, имитацией, сохранением и т. д. Безэмоциональный талант не способен вызвать эмоциональный отклик. Поэт должен предусмотреть связь между своими и читательскими мыслями, настроениями и переживаниями во время восприятия текста (при условии, что он желает публиковаться и становиться частью рынка потребления). Потому поэт должен представлять своего читателя: как он выглядит, какой жизнью живет, бедна или богата его эмоциональная жизнь, отличается ли он в эмоциональном поведении от других или является типичным представителем предполагаемого большинства и т. д. Все это даст возможность поэту рассмотреть себя в читателе и читателя в собственной персоне и сделать свои обращения адресными: направленными на тот или иной темперамент, психотип, тип реагирования, эмоциональный дейксис и т. д.

В свою очередь читатель-эмпат также может представлять своего автора в определенном образе: или лирического героя, или определенного яркого персонажа, который, с его точки зрения, подобрал его качества, или абстрагированного образа, или суммированного образа, сложенного из образов его поэзии, и т. д. Хотя в большинстве случаев читатель не представляет автора поэтического произведения вне образов его поэзии, текст, написанный автором, входит в душу и сознание читателя как отображение портрета автора, его художественного мира. Читателю часто не нужна фамилия автора текста, ему важен отклик собственного мира души на мир души автора. Суммируя определенные выводы о специфике художественного мира автора, читатель фиксирует в собственном сознании и определенные эмоциональное отношение и эмоциональную установку в отношении его творчества, которые срабатывают как запрограммированный сигнал уже при назывании имени писателя или хорошо запомнившегося названия его произведения. В целом эмпатия – это процессуальное действие, которое предусматривает не только переработку информации, но и ее оценку. Однако интерпретация художественных явлений не может быть произвольной, она подчиняется общему культурному уровню человека, его эстетическому вкусу, специфике интеллектуальной деятельности и т. д. Все же у пристрастного и причастного к искусству читателя со временем вырабатываются свои критерии оценки, приобретающие характеристики обобщенности и возобновляемости: это значит, что эмоции, вызванные определенными художественными произведениями, переносятся в определенной степени на весь спектр подобных произведений. Например, у читателя, ко-

торому импонируют баллады, в отношении к поэтическим произведениям этого жанра вырабатывается устойчивое эмоциональное удовольствие. Если его заинтригует лирика определенного автора, то только она будет восприниматься им как образец настоящего искусства, и, соответственно, в сравнении с творчеством этого автора им будут сравниваться произведения других лириков. Но если автор не порадовал очередным сборником лирики, происходит *интерференция эмотивных реакций*: на предыдущую абсолютно позитивную оценку накладывается определенное недовольство, растерянность, на смену эстетическому удовольствию приходит чувство досады – контраст эмоций влияет на смену приоритетов.

Эмоциональные коннотации, присутствующие в эмотивах в качестве дополнительных характеристик, может вычленил только подготовленный читатель, которому понятна сущность эмоционального выражения автора (не будем здесь говорить о полифункциональности авторского самовыражения в любом художественном тексте). Только посредством сопереживания, проникновения во внутренний мир автора при вчитывании происходит эмоциональное восприятие поэтического текста. Безусловно, можно говорить о взаимопереходах и трансформации структур перечисленных уровней, также про *интертекстуальность эмоции* (тут же вспоминается стихотворение Максима Танка «Тарас на Парнасе»), которая раскодируется только при наличии соответствующей филологической подготовленности читателя, но перечисленные выше уровни восприятия эмоции будут присутствовать во всех явных и неявных договоренностях автора с читателем.

Третий уровень модели базируется на **аксиологической релевантности реакции**. Он самый многовекторный, так как читатель углубляется в смыслы, которые создает автор, и переносит / адаптирует их под собственные интерпретационные стратегии. Вчитывание в текст – не просто расшифровка и декодирование авторских образов и смыслов, это еще и сложный процесс интериоризации, в результате чего происходит наполнение / видоизменение / формирование внутреннего плана сознания читателя новыми эстетическими составляющими, среди которых эмотивное наслаждение имеет огромное значение.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Танк М. Збор твораў. У 13 т. / НАН Беларусі, Ін-т мовы і літаратуры імя Я. Коласа і Я. Купалы. Рэд. тома В. П. Жураўлёў; падрыхт. тэкстаў і камент. Т. У. Мархель. Мінск, 2008. Т. 6. Вершы (1983–1995). С. 296.

- 2 Там же. С. 316.
- 3 *Якобсон П. М.* Психология художественного восприятия. М., 1964. С. 44.
- 4 *Янішчыц Я.* Каліна зімы: кніга лірыкі. Мінск, 1987. С. 143.
- 5 *Нуждзіна Т. С.* Яўгенія Янішчыц: кардыяграма душы, кардыяграма творчасці // Вобразна-эстэтычны аспект нацыянальнай мастацкай свядомасці: зборнік навуковых артыкулаў выкладчыкаў кафедры беларускай літаратуры / Мазырскі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт ім. І. П. Шамякіна. Мазыр, 2007. Вып. 3. С. 58.
- 6 *Выготский Л. С.* Психология искусства. М., 1968. С. 257.
- 7 *Нестеров А. Ю.* Проблема символа в литературном произведении: текст и читатель в акте моделирования эстетического объекта: Автореф. дис. на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Самара, 2002. Текст размещен на интернет-сайте: http://library.by/portalus/modules/philosophy/show_archives.php?arch (дата обращения – 30.10.2015).
- 8 *Выготский Л. С.* Психология искусства. С. 255.
- 9 *Шаховский В. И.* Эмоционально-смысловая доминанта в естественной и художественной коммуникации // Язык и эмоции: Личностные смыслы и доминанты в естественной и художественной коммуникации. Волгоград, 2004. С. 160.
- 10 *Выготский Л. С.* Психология искусства. С. 261.
- 11 *Бахтин М. М.* К методологии гуманитарных наук // *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 365.
- 12 *Выготский Л. С.* Психология искусства. С. 262.
- 13 *Янішчыц Я.* Каліна зімы: кніга лірыкі. С. 16.

S. V. Kolyadko

«Author – Reader»: an emotive strategies of poetic text

The author of the article presents her own three-stages gradation model of reader's emotional reactions, by means of which she tries to divide the stages of motion of reader's emotion from primary «I believe / I disbelieve» to the level of empathy. Strategies of the author are based on obvious and non-obvious agreements with a reader, on creation of her own emotional history and on searching ways of expansion of emotional space of a text.

Keywords: *emotiv, emotivity, author, reader, gradation model of reader's emotional reactions, emotiv polynomial, emotiv-intensifier, emotiv-«pulsator».*

Н. Н. Старикова
(Москва)

«Женский» вектор современной словенской прозы

В статье анализируется место авторов-женщин в современной словенской литературе, особенности проблематики и поэтики их отдельных произведений.

Ключевые слова: *современная словенская проза, феномен женского творчества, гендерная поэтика.*

В последние десятилетия в Словении существенно увеличилось число художественных произведений, написанных женщинами, проблематика и оптика которых так или иначе связана с женской судьбой и психологией, в связи с этим роль женщин-писательниц в национальной литературной жизни, как отмечают литературоведы, существенно возросла¹. Этому предшествовало формирование и развитие феномена женского творчества как социокультурного явления, возникшего в процессе освоения женщинами публичного пространства. История зарождения и становления здесь женской литературы типична для Европы. Первые литературные опыты словенок относятся к середине XIX в. В поэзии дебютировала Фани Хаусман (1818–1853)², в прозе проявили себя Луиза Песьяк (1828–1889)³, Урбанчич-Томан, писавшая под псевдонимом Турноградская (1833–1854), и Павлина Пайк (1854–1901). В последнюю четверть XIX в. в словенской прозе складывается популярная в Европе благодаря произведениям Е. Марлитт модель романа, в центре которого любовный конфликт главной героини. К этому типу литературовед М. Хладник относит около полутора десятков произведений 1880–1890-х гг.⁴ Распространение идей феминизма в словенских культурных центрах Австро-Венгрии, учреждение в Триесте первой женской газеты «Словенка» (1897–1902) стимулировали женскую творческую активность. Писательскую деятельность Зофки Кведер (1878–1926), Марицы Бартол-Надлишек (1867–1940), чуть позже Илки Ваште (1891–1967) уже можно назвать профессиональной. В 1950–1970-х гг. женщины-авторы составляли приблизительно одну десятую часть словенского писательского корпуса. Одни, помимо беллетристиче-

ской, делали номенклатурную карьеру: Мира Михелич (1912–1985)⁵, участница антифашистского сопротивления, дважды лауреат премии Прешерна, стала первой и пока единственной женщиной, возглавлявшей Общество словенских писателей (1963–1966), а затем национальный ПЕН-центр (1966–1975). Другие, как, например, поэтесса Светлана Макарович (род. 1939), обладающая «обостренным чувством протеста против любой несправедливости»⁶, находились в конфронтации с режимом: в начале 1980-х Макарович боролась за создание нового, открытого для любых экспериментов литературного журнала, а когда такое издание – «Нова ревия» – было, наконец, учреждено, отказалась в нем сотрудничать, так как политика начала вытеснять с его страниц эстетический компонент.

В конце 1980-х – начале 1990-х гг. в литературе появилось сразу несколько десятков новых женских имен, в 2000-е процесс «феминизации» продолжился, и сейчас доля авторов-женщин в национальной прозе, поэзии и драматургии составляет почти 40%. Написанные ими произведения пользуются читательским спросом, регулярно номинируются на национальные литературные премии и иногда их получают – так, премия «Кресник»* за лучший роман года была присуждена в 1996 г. Б. Боету Боета за роман «Птичий дом» и в 2002 г. К. Маринчич за роман «Скрытая гармония». Лауреатами премии С. Енко в области поэзии стали в 1994 г. С. Макарович (сборник «То время») и в 2005 г. М. Новак (сборник «Присутствие»), премия С. Грума за лучшее драматургическое произведение года была присуждена в 2007 г. Д. Поточняк за пьесу «За наших дам» и в 2009 г. С. Семенич за пьесу «*5fantkov.si*». В 2010 г. премию Евросоюза в области литературы получила Н. Крамбергер (род. 1983) за роман «Небо в ежевике» (2007). Начали выходить специализированные издания, посвященные собственно женскому творчеству, например, «Антология словенских поэтесс», составителем и редактором которой выступила профессор Люблянского университета И. Новак-Попов. В ней представлено развитие национальной женской лирики от истоков до XXI века. Однако самым востребованным жанром у современных авторов-женщин остается роман. Фактически каждая ныне действующая словенская писательница попробовала себя в роли романистки. Большинство, опираясь на собственный опыт, по-

* Согласно данным оргкомитета «Кресника», за все время существования этой премии (с 1991 г.) число номинированных авторов-женщин составило 15%, лауреатами стали 10%.

следовательно репрезентирует категорию «женскости», по-женски видит традиционные общечеловеческие проблемы. Об этом в одном из интервью очень точно сказала Л. Улицкая: «Мир мужской и мир женский – разные миры. Местами пересекающиеся, но не полностью. В женском мире большее значение приобретают вопросы, связанные с любовью, семьей, детьми»⁷. Созданные словенками Б. Швигель, М. Новак-Кайзер, К. Маринчич, Б. Боету Боета, Н. Кокель, С. Тратник, Н. Пирьевец романы интересны не только с точки зрения гендерного измерения и типа письма, но и в жанровом отношении. Первые три названные автора – филологи, выпускницы Люблянского университета, Кокель и Тратник заканчивали там же факультет общественных наук, Пирьевец и Боету – профессиональные актрисы. К проблемам женской психологии в середине 1980-х одной из первых обратилась Брига Швигель (род. 1954). В ее романе «Апрель» (1984), написанном в форме дневника, представлена «анатомия» отношений героини с представителями противоположного пола. Эта ныне живущая в Париже и пишущая по-французски писательница сама переводит свои сочинения на словенский язык и довольно популярна в Словении. С большим воодушевлением на родине был встречен ее, как пишет критик М. Богатай, «европейский»⁸ роман «Смерть словенской примадонны» (2000) (отмеченный, кстати, одной из многочисленных французских литературных премий), повествующий о трагической гибели подающей надежды оперной певицы Леи Краль. В романе, действительно, много Европы – Мадрид, Париж, Милан, Триест, Любляна. Рассказ ведется от лица французского публициста, который, участвуя в подготовке материалов для рубрики «Словенка года», погружается в воспоминания о героине. Они дружили, были близки духовно и, несмотря на противоположные сексуальные интересы (повествователь – гей), хорошо понимали друг друга, были даже в чем-то похожи, поэтому его интонация пронзительна и слегка меланхолична. Лея, находясь в шаге от сценического триумфа, бросает все и возвращается в Словению. Она ищет материнской любви и понимания, душевного тепла и ласки. И не находит. Впадает в сильнейшую депрессию, приведшую к анорексии, а затем к смерти. В рамках вполне «женской» истории Швигель обращается к философским вопросам – о природе таланта, о смысле жизни и творчества, писательница одновременно сочувствует своей героине и осуждает ее, ибо голос, как и любой другой дар свыше, обладающему им нужно оберегать в том числе от самого себя, от своих слабостей, разрушительной энергии, эгоизма.

Действие романа Марьеты Новак-Кайзер (род. 1951) «Кристина» (1985), происходит во французской провинции, куда героиня, уроженка словенского Прекмурья, попадает, выйдя замуж за француза Клода. Она увлечена идеями Симоны де Бовуар, хорошо знакома с книгой «Второй пол», в которой эта известная французская феминистка с позиций социологии, биологии и антропологии исследует неравное положение мужчин и женщин в обществе. Вынужденная жить по законам «мужского» мира, Кристина стремится к независимости и равноправию, не хочет быть просто «добычей и имуществом» сильного пола, что одинаково враждебно воспринимается окружающими – и мужчинами, и женщинами (матерью и свекровью). Все существо героини восстает против традиционных стереотипов женского счастья, воспоминания о собственной свадьбе ей неприятны, статус замужней женщины внушает страх. Имея небольшой физический дефект (одна нога короче другой), она особенно остро ощущает свою неприкаянность, неукорененность в окружающих обстоятельствах; разлад (душевный и физиологический) с мужем только усугубляет одиночество и женскую неудовлетворенность Кристины. Новак-Кайзер смело обращается к одной из наиболее табуированных в современном обществе тем, представляя «особый женский взгляд на эротику и чувственность»⁹, открыто заявляя, что для нормальной женщины важна полноценная интимная жизнь, сексуальная разрядка, что, не имея таковой, она вынуждена заниматься самоудовлетворением. К чести писательницы подобные сцены написаны с большим мастерством, знанием женской психологии и анатомии, без малейшей доли натурализма или порнографии.

Катарина Маринчич (род. 1968), дочь известного прозаика и драматурга А. Хинга (1925–2000), в своих романах «Тереза» (1989), «Цветочный сад» (1992) и «Скрытая гармония» (2001) обратилась к «почтенному» жанру семейной саги и, по образному выражению С. Боровник, «сняла с него патину»¹⁰, начала слегка играть с национальной литературной традицией, через иронию повествователя пародировать ее. В центре первого произведения история семьи Барда, разворачивающаяся с 1896 г., то есть спустя год после люблянского землетрясения, много раз описанного в литературе. «Состаривая» композицию, Маринчич включает в текст три пролога, основную часть и эпилог, широко использует дневниковую технику, эпистолярной, анахронизмы, стремясь донести до читателя «запах времени» – этакую смесь нафталина, гвоздики и монпансье. Она создает архетипы жены и матери в словенской семье рубежа веков, опираясь

на гендерные стереотипы того времени – тогда сильная половина человечества видела в женщине или смиренную продолжательницу рода, или страстную соблазнительницу. Тема семейных отношений продолжена в следующем романе «Цветочный сад», в центре которого две пары: Валерия и Виктор, Юлка и Комавх, обе исчерпавшие свои отношения. Идиллическое название произведения контрастирует с его содержанием: одна из главных тем романа – заурядность, отчужденность и пустота, возникающие в дневной и ночной жизни супругов, когда мужчина и женщина больше неспособны поддерживать интерес друг к другу. Мужчины не понимают женщин, но зависят от них, женщины не уважают своих спутников, мечтают о «великой» любви, примеры которой находят в «розовых» романах со счастливым концом, и часто подменяют свои реальные обстоятельства литературными, ведут себя как героини подобного чтива. Высмеивая эти проекции, автор включает в произведение диалоги, напрямую взятые из массовой продукции, пародирует набор формул и художественных форм сериальных любовных романов. Третий роман Маринчич, действие которого происходит перед Первой мировой войной, повествует о перипетиях семьи Наглич, вынужденной после разорения семейного предприятия переселиться сначала из Вены в Триест, а затем к родственникам в Нижнюю Крайну. В провинции происходит знакомство юной Ирмы Наглич с Драгоотином, возлюбленным оперного певца Карла. В традиционный семейный роман-хронику вводится, таким образом, модный гомоэротический мотив. Драготин влюбляется в девушку и в итоге рвет свою тайную связь, оставляя стареющему любовнику только воспоминания. Ироническая нота в этом произведении чуть смягчена, однако и здесь рассказчик, безусловно, слегка насмехается над персонажами и всем, что с ними происходит. Такая повествовательная манера, последовательно реализуемая автором в ряде текстов, согласно наблюдениям словенских литературоведов, обогатила национальную прозу еще одним «особым типом ироничного повествователя»¹¹.

Актриса, поэтесса и прозаик еврейского происхождения Берта Боету Боета (1946–1997) в своей дилогии «Филио нет дома» (1990) и «Птичий дом» (1995) обращается к жанру антиутопии, впервые в словенской прозе соединив его с «женской» оптикой. Действие первого романа происходит на некоем Острове, куда после кораблекрушения попадают главная героиня Хелена Брасс с дочкой и мальчик-сирота Ури. Произведение состоит из трех частей, события представлены от лица молодой героини, художницы Филио (первая часть), ее бабуш-

ки Хелены Брасс, ретроспективно (вторая часть), и выросшего Ури (третья часть). Попав на остров, Хелена тут же подвергается сексуальному насилию со стороны Начальника стражи, затем их отношения стремительно развиваются. Наблюдательная героиня быстро обнаруживает, что на Острове расположены два города: Верхний, где живут и работают только женщины и дети, и Нижний, принадлежащий мужчинам. Устройство обоих напоминает концентрационный лагерь. Публично мужчины и женщины встречаются раз в неделю в церкви, при этом ночью, пользуясь своим правом силы, первые регулярно навещают женские постели, произвольно, по прихоти меняя партнерш. Хелена ценой больших усилий пытается приспособиться к такому существованию, поскольку на ней лежит ответственность за судьбу родившейся в неволе внучки Филио, от которой отказывается ее не совсем здоровая психически мать. Выросшая Филио, а вслед за ней и Ури бегут с острова на материк.

Внедрение «правительственного» контроля за интимной жизнью граждан, манипулирование ими через инстинкты, сексуальное насилие – вся эта дегуманизация эротики представлена в романе глазами женщины. Чудовищным для героини-женщины является вовлечение в такую «внутреннюю политику» Острова детей: мальчиков отнимают у матерей в восьмилетнем возрасте и впоследствии несовершеннолетних насилуют, создавая из них эмоциональных инвалидов, которыми становится легко управлять. На фоне всей этой гротескной реальности автор делает особый акцент на образе женщины, сопротивляющейся бесчеловечной системе, женщины, в силу своей одаренности и свободомыслия резко отличающейся от основной массы жительниц Верхнего города – «кухарок, акушерок, могильщиц, наложниц». Вопреки запретам Хелена пишет литературное произведение – дневник, организует школу, тайно воспитывает мальчика. А окружающие ее женщины, рожденные в рабстве и живущие рабынями, отчаянно цепляются за свое подневольное положение. На первый взгляд, именно мужчины ограничивают свободу женщин, на самом же деле главные ревнительницы тоталитарного порядка – сами женщины. И они не прощают товарке ее особенности, инаковости. Общее несчастье жительниц Острова их не сплачивает, а, наоборот, разделяет, провоцирует зависть, вражду, злобу и паническое сопротивление всему иному и поэтому опасному. Во втором романе продолжается история Филио, на материке ставшей художницей. Тоскуя по покинувшему ее Ури, она ищет утешения в рисовании птиц и беспорядочных связях с другими мужчинами, в помутнении рассудка

убивает одного из них, подсознательно мстя за все пережитые обманы и унижения. Выйдя из тюрьмы, внучка Хелены случайно встречает своего друга, но у Ури теперь совсем другая жизнь, и в ней нет места для Филио. В целом «Птичий дом» – не только антиутопия, но и роман абсурда, прямо апеллирующий к кафкианской безысходности, которой женщина, по мысли автора, способна противостоять только через инстинкт разрушения.

Первый же роман Нины Кокель (род. 1972) «Нежность» (1998), получивший премию Люблянкой книжной ярмарки за лучший дебют и номинированный на премию «Кресник», обратил на себя внимание деликатностью темы и специфичностью поэтики. Это «женская история», написанная от лица девушки Ривы, страдающей редким заболеванием – патологической гиперчувствительностью к внешним раздражителям; болезнь начала прогрессировать после того, как семью оставил отец. Физическая пассивность, апатия, почти анабиоз, в состоянии которого находится ее тело, резко контрастирует с активностью сознания, хотя и не всегда ясного. Такая реакция психики – не что иное, как своего рода бегство от серой будничной жизни в особый, по-своему гармоничный мир. Четыре главы романа, «Братья», «Мотылек», «Папа», «Мама», повествуют об окружающих Риву близких, их проблемах, их конфликте между «данным и желанным». Событийный ряд, разворачивающийся в сознании героини, построен на ассоциациях, грань между сном и явью, реальностью и фантазиями размыта. Рива ищет любви, стремится любить и быть любимой. Персонаж, к которому она равнодушна, назван Мотыльком, и это сразу определяет авторское видение взаимоотношений между мужчиной и женщиной, в основе которого – мужская неверность, обусловленная генетической полигамностью, и женская тоска по чистой «вечной» любви. В своем следующем романе «Шелкопряд» (2002) Кокель продолжает исследовать особенности женского сознания и мировосприятия.

Важное место в словенской литературе, как и во многих других, занимает жанр автобиографии. В «женском» исполнении он часто отличается от канонизированного варианта автобиографического произведения. Женщины пишут о повседневной жизни более субъективно, детализированно и эмоционально. По мнению немецкого социолога С. Вайгель, причиной этого является вся предыдущая история социализации женщин. «Жизнь женщин долгое время сосредоточивалась на частной сфере дома. Поэтому разделение между определяемым как частное местом женщин и официальной сферой искусства и политики в автобиографиях женщин кажется особен-

но подчеркнутым»¹². С помощью автобиографии женщины получают возможность создать связь с обществом, которое вытесняет их в частную сферу. Отношения между приватной и общественной/публичной сферами жизни – иерархические, что наглядно показывает вся история человечества, прежде всего мужская. Поэтому не удивительно, что современные писательницы часто ведут повествование от первого лица, так как чувствуют, что автобиография (как и создание литературных текстов вообще) позволяет им стать субъектом: «Я пишу, значит, я существую». Очень показательна в контексте гендерной проблематики художественная автобиография Недельки Пирьевец (1932–2003) «Меченая» (1992). Этот текст включает два повествовательных пласта, графически отделенных друг от друга: рассказ о современности, обращенный к умирающему любимому человеку, и историю прошлой жизни героини, начиная с ее нелегкого довоенного детства в Словенском Приморье. В конце книги обе сюжетные линии естественным образом сливаются, при этом связи внутри каждой из них часто ассоциативные. Детство и юность Ани (так автор называет себя в книге) совпали с важнейшими эпизодами истории Югославии второй половины XX века – Второй мировой войной, образованием империи Тито, подготовкой «бархатной» революции, и авторское видение описываемых событий зачастую весьма критично. Писательница упоминает о долгое время замалчивавшихся в официальной печати расправах партизан над мирным итальянским населением в 1945 г., об исключении ее из рядов КПЮ, следствием которого стал негласный запрет на актерскую профессию, о лицемерии социалистической морали, требующей от женщины супружеской верности и закрывающей глаза на беспорядочные связи партийных бонз. С большой сердечностью и любовью представлен в книге покойный муж Недельки Душан Пирьевец (1921–1977), выведенный под именем профессора Стрнада. Харизматическая личность, главный вольнодумец философского факультета Люблянского университета, вокруг которого собиралась демократически настроенная молодежь, уже в начале 1970-х гг. он открыто пропагандировал идеи либерализма, одним из первых начал в периодической печати дискуссию по национальному вопросу. Эта дискуссия стимулировала рост протестных настроений в среде словенской интеллигенции в период «свинцового» десятилетия. Пирьевец изменяет имена членов своей семьи, использует известный литературный прием «зашифрованности» действующих лиц с помощью «знаковых» прозвищ-масок. Так, одиозный литературовед-марксист Б. Зихерл, гроза оппор-

тунистов, назван в романе «священной короной», а пользовавшийся благосклонностью партии «правильный» литературный деятель М. Бор – «придворным поэтом». Несмотря на то, что в «Меченой» сделана попытка передать ритм времени, воздух эпохи, это очень женская летопись, сердцевина которой – любовь, причем любовь счастливая. Богемный образ жизни, первый неудачный брак, болезни, несостоявшаяся театральная карьера и, наконец, встреча, изменившая все, – таким в романе предстает путь к женскому счастью, которое героиня находит, став спутницей неординарного человека, его помощницей, единомышленницей, первой слушательницей, любовницей. Ее преданность второму мужу так сильна, что на многие его «шалости» с противоположным полом супруга профессора смотрит сквозь пальцы. В своем следующем и последнем романе «Сага о чемодане» (2003), в жанровом отношении синтезирующем черты автобиографии и семейной хроники, Пирьевец продолжает рассказ о прожитой жизни, делая акцент на истории своей семьи, представленной в произведении под фамилией Флорьянчич. Повествование ведется от третьего лица, имена родных и близких опять изменены, саму героиню теперь зовут Доминика. В текст включено много документального материала – письма родителей, дневниковые записи отца, подробные описания семейных фотографий. Свой подход к автобиографическому материалу писательница определяет как «аутентично женский»: она не стремится «собрать и упорядочить одну точную “мужскую” мысль», но «воспроизводит свои поступки и реакции на происходящее, обнажает поток чувств и переживаний»¹³.

Новый для женской прозы аспект затрагивает Сузана Тратник (род. 1963) в романе «Меня зовут Дамьян» (2001), в котором автор впервые открыто пишет о вопросах транссексуальности, «неправильной» гендерной идентичности – теме, долгое время для общества «неудобной», табуированной, а ныне воспринимающейся массовым сознанием скорее как «горячая», нежели серьезная. Главная героиня / герой – тинейджер, ощущающая/ий дискомфорт от несоответствия анатомического пола психологическому, она / он со всем максимализмом юности отрекается от своей биологической сущности, имени, социального статуса, ощущает себя существом противоположного пола. Собственно этой борьбе не «такой/ого как все» личности с окружающим миром – социальными службами, психологами, семьей – за право добиться гармонии между собственным половым самосознанием и восприятием его окружающими, за право быть собой и посвящено произведение. Написанный с большим

чувством юмора и знанием возрастной психологии, вниманием к деталям современной городской жизни Словении, этот роман, безусловно, привлёк внимание к проблемам социальной адаптации той части молодежи, которая страдает данным патологическим и поведенческим расстройством личности. Неприятие окружающими девочки, чувствующей себя мальчиком, еще более усугубляет ее / его психологический и гендерный дискомфорт. Оказывается, что в глобализированном и информатизированном XXI веке, в «толерантном» Евросоюзе продолжают существовать те, на кого распространяются законы Средневековья. А ведь, по мнению ряда ученых, транссексуальность может быть связана не с биологическими, а с социальными причинами, то есть сам социум ответственен за подобную аномалию.

Изложенные выше наблюдения говорят о том, что ситуация с «женским» вектором в современной словенской литературе в целом схожа с тем, что происходит на других «литературных площадках» Центральной и Юго-Восточной Европы. Все чаще главными действующими лицами словенских романов, повестей, рассказов, пьес становятся женщины¹⁴, тексты авторов-женщин (в том числе второстепенных и забытых) служат предметом изучения, предлагаются новые интерпретации произведений национальной классики, вводятся новые стратегии анализа художественных произведений. Число художественных сочинений, написанных женщинами, за последние десятилетия увеличилось в разы и превратилось в феномен культуры, «проявление гендерно мотивированного... коллективного сознания»¹⁵. Словенские писательницы интересно и результативно экспериментируют, внедряют в художественную практику гибридные жанровые разновидности – «женскую» антиутопию, семейную хронику с элементами постмодернистского романа, автобиографию, соединенную с семейной сагой. Гендерное «измерение» в целом способствует обновлению поэтики и стилистики литературного произведения.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1 Словенская литература XX века. М., 2014. С. 250.

2 *Grdina I.* Fanny Hausmannova in problem slovenske ženske literature // *Celjski zbornik*. Celje. 1992, let. 27. S. 69–87.

3 *Mihurko Poniž K.* Začetki ženskega avtobiografskega diskursa na Slovenskem // *Avtobiografski diskurz. Teorija in praksa avtobiografije v literarni vedi, humanistiki in družboslovju*. Ljubljana, 2011. S. 247–254.

- 4 *Hladnik M.* Slovenski ženski roman v 19. stoletju // Slavistična revija. Ljubljana, 1981, let. 29, št. 33. S. 259–296.
- 5 См.: *Pulhar A.* Mira Mihelič: družinska slika z gospo. Ljubljana, 2012.
- 6 *Перковская Ж. В.* Макарович Светлана // Лексикон южнославянских литератур. М., 2012. С. 233.
- 7 *Улицкая Л.* Принимаю всё, что дается: интервью // Вопросы литературы. 2000. № 1. С. 230.
- 8 *Bogataj M.* Prebrano, precejeno. Ljubljana, 2004. S. 185.
- 9 *Novak M.* Kristina. Ljubljana, 1985. S. 1.
- 10 *Borovnik S.* Pišejo ženske drugače? Ljubljana, 1995. S. 141.
- 11 *Zupan Sosič A.* Zavetje zgodbe. Ljubljana, 2003. S. 180.
- 12 *Weigel S.* Die Stimme der Medusa. Schreibweisen in der Gegenwartsliteratur von Frauen. Dulmen-Hiddingsel, 1987. S. 144.
- 13 *Pirjevec N.* Saga o kovčku. Ljubljana, 2003. S. 275.
- 14 См.: *Zupan Sosič A.* Sodobna slovenska proza // Almanah Svetovni dnevi slovenske literature 20. do 25. november 2006. Ljubljana, 2006. S. 15.
- 15 *Ровенских Т.* «Переход от личности к культурному феномену: К проблеме рассмотрения женской прозы 80–90-х годов» [Электронный ресурс]. Режим доступа: [ttp://:www.biophys.msu.ru/awse/confer/NLW99/084.htm](http://www.biophys.msu.ru/awse/confer/NLW99/084.htm).

N. N. Starikova

The «female» direction of the contemporary Slovene prose

The article analyses the role of female writers in the contemporary Slovene literature, the problems they dwell upon in their works and their poetics.

Keywords: *contemporary Slovene prose, female creative works, gender poetics.*

И. Е. Адельгейм
(Москва)

«Мы все умрем и должны к этому подготовиться...».
Страх смерти и художественная аутопсихотерапия в польской
прозе 2000-х гг.

В статье анализируется ряд художественных текстов 2000-х гг. с точки зрения их аутотерапевтической функции по преодолению страха смерти.

Ключевые слова: *страх смерти, художественная аутопсихотерапия.*

Мне представляется [...] что существует путь, позволяющий нам познакомиться со смертью и до некоторой степени ее испытать. Мы можем получить собственный опыт смерти, если не полный и совершенный, то, по крайней мере, не бесполезный, и это сделает нас более защищенными и уверенными.

*М. Монтень*¹

Переживание неотвратимости и непостижимости смерти – величайшей тайны жизни человека, доказательства неподменной единственности каждого, абсолютного воплощения «неведомого»² – один из главных «сюжетов» человеческой судьбы. Отношение к смерти – важный элемент картины мира, в конечном счете оказывающийся центральным в той концепции личности, которую человек строит на протяжении жизни (или присваивает как готовую форму из своего социального окружения). Память о смерти Э. Бауман называет «интегральной частью всех жизненных функций», страх смерти – единственным неисчерпаемым и полностью возобновляемым природным богатством, а «все человеческие культуры» – «искусными изобретениями, направленными на то, чтобы сделать сносным наше существование с сознанием собственной смертности»³. Танатический страх – самый глубинный из всех – И. Ялом сравнивает с дремлющим вулканом, «подземным грохотом», «темным, беспокоящим присутствием, притаившимся на краю сознания»⁴. В различные периоды жизни он обостряется или отходит на второй план. В частности, «мысли о смерти особенно терзают человека в середине жизни. В этот период нас порой преследует зачастую неосознаваемая идея,

что мы “перестали расти и начинаем стареть”. В первую половину жизни, “добываясь независимой зрелости”, мы приходим ко времени расцвета [...] лишь для того, чтобы остро осознать ожидающую нас смерть»⁵.

Молодую польскую прозу 1990-х гг. нередко обвиняли в инфантилизме. «Пора, пора уже повзрослеть»⁶, – шутливо призывал критик и литературовед П. Чаплинский. Тексты 2000-х гг., о которых пойдет речь, весьма наглядно подтверждают закономерное «взросление» вчерашней «молодой» прозы, свидетельствуя одновременно об аутопсихотерапевтических возможностях и функциях художественного текста: повествование компенсирует недостаток в современной цивилизации механизмов, помогающих человеку преодолеть страх смерти («Наш социально-репрессивный взгляд на смерть порождает невротическую тревожность, связанную с этим явлением. Воспитание и культура должны быть пронизаны более близким знакомством с нею»⁷). Это один из опробованных литературой способов получения недоступного в реальности опыта – специфически востребованный в нашу эпоху смерти «перевернутой»⁸, «инфантильной», «разучившейся говорить»⁹. Стремление вытеснить ее, любой ценой игнорировать как не вписывающуюся в идею полного контроля над жизнью (парадоксальным образом вопреки постоянному присутствию ее в СМИ) заставляет Бодрийера назвать современную культуру «одним сплошным усилием отъединить жизнь от смерти»¹⁰.

Этот неэффективный в смысле преодоления неотделимой от человека танатической тревоги путь корректирует литература. «Часто [...] говорят о том, чему может служить литература, какую пользу она может принести читателю, обществу, церкви, режимам, политическим партиям. Реже мы говорим о том, какую пользу она способна приносить самому пишущему»¹¹. Здесь можно говорить о двух взаимосвязанных процессах – психологии поэтики (в основе всякой структуры лежит определенный чувственный опыт, его авторская, личная quintessence) и поэтике психологии (как чувственной установки изначального, предшествующего тексту переживания на определенные способы его художественного воплощения).

Одни тексты непосредственно, а порой и демонстративно вписаны в автобиографическое пространство и/или время (книги Ивасюв и Юревича – спонтанная реакция на смерть отца, роман Тулли имеет автобиографическую основу, однако процесс художественного осмысления ее был более длительным), другие – нет, однако все их объединяет очевидная мотивация (подтверждаемая не только анали-

зом, но и интервью¹²) – стремление найти художественную форму, помогающую адаптироваться к ужасу неизбежного*.

Примеривание масок. Три главы-повести, три женских мира романа «Последние истории» Ольги Токарчук объединены не только родством героинь, но и проблемой смерти, о которой они размышляют и с которой сталкиваются.

Естественный порядок встречи человека со смертью редко бывает иным, чем «Он»–«Ты»–«Я» (или, по Ф. Арьесу, смерть Далекая – Близкая – Собственная). Токарчук же располагает главы наоборот: «Я»–«Ты»–«Он» (в I части умирает в результате автокатастрофы сама героиня, Ида Март; неслучайна аллюзия с мартовскими идами: имя этой средней по возрасту героини, ближе всего стоящей к автору, и время действия – март); во II – умирает *муж* Идиной матери, старухи Параскевы; в III – умирает *посторонний* человек – фокусник, с которым случайно знакомится на экзотическом острове дочь Иды, внучка Параскевы, Майя). Этот обратный порядок неслучаен. Таков психологический защитный механизм: на протяжении жизни «прикладывая» к себе смерть, человек, пока это возможно, отодвигает ее от себя. Ужас перед конечностью человеческого бытия вечен и неустраним, но пока человек жив, смерть остается в будущем, и именно эта неопределенность представляется ему одновременно хотя и спасительной, но бесконечно тревожащей.

Большая часть выстраиваемых людьми адаптивных стратегий по преодолению тревоги смерти основана на механизмах отрицания или игнорирования. Известна, однако, огромная эффективность *конфронтации* человека с собственной смертью. Моделирование этой пограничной ситуации успешно использует психотерапия: «экзистенциальная шоковая» терапия (сочинение эпитафии или некролога самому себе), техника направленного фантазирования (воображение собственной смерти, подробное описание времени, места, обстоятельств, похорон и т. д.), групповой опыт переживания «жизненного цикла» (фокусирование на основных вопросах каждой стадии жизни, включая старость и умирание) и пр.¹³ Подобную роль сыграл для автора роман «Последние истории»: писательница утверждала, что ей «стало легче после этой книги, и даже если бы ее не прочли или не поняли, не приняли – она свою задачу все равно выполнила»¹⁴.

* В статье рассматривается не тема смерти в целом, но те тексты и художественные приемы, которые предположительно несут автотерапевтическую функцию.

Автор-повествователь «Последних историй» словно пытается свыкнуться со смертью, осваивая ее на ряде женских персонажей – прикладывая к себе маски: женщин разного возраста, опыта, готовности принять неизбежное; масок-животных, в различной степени воздействующих на человеческое восприятие смерти и страх перед ней; маскарада, разыгрывания смерти в играх, фантазиях, на сцене и т. д. «Приложив» сценарий смерти к «Я», повествователь затем, словно бы инстинктивно, уходит в более безопасное «Ты» и наконец в «Он». То есть от трагической субъективности первого лица – через второе – к спокойной анонимности третьего. От «единственности», единичности смерти Собственной – через промежуточный случай смерти Близкой – к бесконечной «множественности» смерти Другого. Вместе с тем, если продолжить цепочку «Я»–«Ты»–«Он» дальше, гипотетически мы получим уже «естественный» порядок «Он»–«Ты»–«Я»: Майе, только что оказавшейся свидетельницей смерти Чужой, предстоит пережить смерть матери, которая уже произошла в I главе, но о которой дочь еще не знает в «своей» III и которая разрушит последний барьер, отделяющий абстрактное понятие смерти от собственного конца.

Три разные на первый взгляд героини – очевидные маски автора-повествователя, что подтверждает множество параллелей между ними. Это размышления о неизбежности смерти¹⁵ (ПИ, 53, 188, 279); о слоистой структуре различных элементов пространства, трех состояний воды; о бесконечном круговороте, перетекании, поглощении одним другого (ПИ, 75–76, 273); об «антипространстве» (ПИ, 66, 220); соотношении слова и взгляда, смысле называния увиденного (ПИ, 68, 69, 281); о двойственности каждого человека, отъединенности от него тела (ПИ, 51, 41, 264); о двойственности жизни, расщеплении ее на реальную и неосуществленную (ПИ, 87, 187, 249); о двойничестве (ПИ, 161, 145, 208, 258); о разделяющей людей пропасти (ПИ, 63, 147, 265); о нерожденных детях (ПИ, 136, 248) и т. д. Это и схожие черты, жесты, ощущения, привычки, которыми наделены героини: маленькая грудь (ПИ, 150, 205); прикосновения к себе, фиксация внимания на ощущении кожи (19, 234); подробное рассмотрение своего тела – стареющего (Ида), постаревшего (Параскева), еще крепкого, но рядом с взрослеющим телом сына (Майя); размахивание руками (ПИ, 16, 127); разрезание еды на мелкие кусочки (ПИ, 26, 77, 190); повторение чужой гримасы (ПИ, 35, 180); ощущение движения в животе (ПИ, 94, 222, 169); специфический приступ удушья, ощущение, что воздух проходит насквозь (ПИ, 29, 143, 281); ощущение,

ние шершавого шарика в горле (ПИ, 111, 222), а также многочисленные образы «шершавости» (ПИ, 86, 91, 220, 234, 240); преследующее героинь ощущение холода и т. д. Это также особенности восприятия, сравнений, метафор: образы шелушения, «линьки» мира (ПИ, 18, 147, 98, 263); акцент на отвращающей детали чужого тела; мрачное восприятие города (ПИ, 81, 200, 249, 210); образы, связанные с луной и паром (ПИ, 16, 163, 89, 250); мотив зиккурата; сравнения с манекенами, статуями, ракушками, ножами, лезвиями, наброском, эскизом (ПИ, 14, 250, 50, 221, 66, 178, 211, 35, 96, 174); зооморфные сравнения (ПИ, 26, 28, 205); образы, связанные со взглядом и животными (ПИ, 32–33, 75, 142, 237, 291); ощущение материальности взгляда (ПИ, 68, 196, 238); ощущение направленности взгляда внутрь глаз (ПИ, 64, 111, 143); образ враждующих или сцепившихся взглядов; ощущение клаустрофобии (ПИ, 39, 186, 210); постоянно присутствующие в романе белый и красный цвета (ПИ, 86, 91, 220, 234, 240); замедленность жестов; нацеленность на деталь (ПИ, 68, 141); ощущение «зависания» времени; идея отсечения плохих воспоминаний и деталей (ПИ, 68, 141); образ далекой страны (ПИ, 96, 179, 238, 249) и т. д.

Особую роль в этом двуединстве психологии поэтики и поэтики психологии играет введение животных-масок, их смерти, их место на шкале «смерть Далекая – Близкая – Собственная». Например, внутри I главы повторяется схема ступеней столкновения со смертью, но в «естественном» порядке («Он»–«Ты»–«Я»): за несколько минут до автокатастрофы Ида видит на обочине незнакомого мертвого пса; затем в доме стариков на ее глазах в течение нескольких дней умирает собака, к которой женщина не просто привыкает, но которая кажется ей «родственником, тревожащим своим с нею сходством» (ПИ, 112) – смерть этой второй собаки («Ты») очевидным образом готовит героиню к приятию собственного конца; в финале героиня словно бы сама перевоплощается в ту первую собаку, лежавшую у дороги, – «Он» переходит в «Я»: «Охотнее всего она легла бы у дороги, на бок, подложив ладонь под щеку, примостилась бы в куче мокрого снега, словно тот пес, мимо которого недавно проехала» (ПИ, 118).

Есть в романе и другие «примерки» смерти: воспоминания Иды о детской игре в «смерть понарошку», детских фантазиях о собственной смерти; «маленькая смерть» – «репетиции» смерти, которые время от времени «устраивает» сердце Иды; предположения Параскевы, что муж «умер предварительно, чтобы посмотреть, как там, все обмерить, отсчитать количество ступеней до рая или ада, проверить температуру, шаг за шагом спланировать путь, составить

конспект, расписание?»; сон Майи, будто бабушкина смерть «была не взаправду. Оказывается, она все эти годы жила в Голландии и только сейчас умерла» (ПИ, 39, 43, 187–188, 26); ненастоящая смерть фокусника – сперва на сцене, в трюке с «распиливанием пополам»; затем в мыслях Майи (и лишь после – на самом деле).

Таким образом, рассматривая «маскарад смерти» в романе Токарчук как своего рода аутопсихотерапию по преодолению танатического страха, можно говорить о бихевиоральной (поведенческой) концепции «десенсибилизации». Терапевты используют здесь методы, сходные с теми, которые разработаны для преодоления любой другой формы страха: снова и снова помещают пациента в ситуации, когда тот испытывает свой страх в уменьшенных дозах, помогая пациенту манипулировать объектом страха и пристально изучать его со всех сторон. По мнению Ялома, который ссылается на ряд докторских диссертаций по психологии, описывающих сеансы осознания смерти, методы десенсибилизации к смерти оцениваются как весьма эффективные и значительно снижающие показатели тревоги¹⁶.

Миф как ролевая игра. В одном из первых интервью после выхода «Последних историй» Токарчук затронула тему мифов о сходении в подземный мир, имевших, с ее точки зрения, именно психотерапевтическую функцию, служивших «по сути, учебниками, ступенями хорошего умирания, отдельными этапами прощания с жизнью души». «Впоследствии это оказалось совершенно забыто»¹⁷, – с сожалением замечает писательница.

Спустя некоторое время появился роман Токарчук «Анна Ин в гробницах мира», опирающийся на одно из первых документальных свидетельств страха смерти – шумерский миф о богине Инанне, психологическую сверхзадачу которого писательница определяет как «обезвреживание ужаса смерти»¹⁸ (АИ, 209).

Рассказывая эту историю бунта против смерти (АИ, 107, 128), Токарчук не реинтерпретирует миф, а лишь позволяет себе и читателю *прожить* его: это своего рода ролевая игра под руководством автора, предоставляющая читателю возможность идентифицировать себя с героями повествования, эмоционально соприкоснуться с таинством цельности мироздания.

Именно этой цели служат осовременивающие миф футуристические реалии, благодаря которым мифическое прошлое предстает своего рода предсказанием сегодняшнего мира. Именно поэтому Токарчук обращается к периоду, «когда боги были людьми» (АИ, 76), к шумерской мифологии, где «не существовало еще пропасти,

появившейся лишь у греков и разделившей богов и людей на два разных вида» (АИ, 198). Вместе с богиней читатель переживает чисто человеческий опыт: ощущение неминуемости смерти, подчеркиваемой отсылкой к законам грамматики, математики, логики (АИ, 19, 36, 49–50, 68, 73, 81), ее беспричинности (АИ, 65) и одновременно «всепричинности» (АИ, 37); равнодушие мира к индивидуальной смерти (АИ, 19, 49, 68, 73) и пр.

Вместе с тем это словно бы игра с компьютерными персонажами, которым на самом деле ничего не грозит, – это все же бунт бога, а не человека (АИ, 43–44), который, в отличие от него, является «существом одноразовым» (АИ, 97) и не имеет права безнаказанно переступить порог, за которым только и может быть преодолен страх смерти (АИ, 19, 49, 68, 73).

«Смерть есть условие, дающее нам возможность жить аутентичной жизнью», «Жизнь и смерть взаимозависимы: физически смерть уничтожает, но *идея* смерти спасает нас»¹⁹, – говорит И. Ялом. Эту двойственную природу мира и одновременно парадоксальность человеческой психологии и демонстрирует со всей недоступной современному человеку наглядностью миф. Жизнь и смерть – не просто две стороны одной медали, не способные существовать одна без другой, но богини-близнецы (АИ, 19, 49, 68, 73); когда Эрешкигаль обрекает на смерть спустившуюся к ней сестру, то и сама наполовину умирает (АИ, 119–120). Смерть предстает буквальным фундаментом мира – под живым городом лежат гробницы (АИ, 19), но она же – залог остроты переживания жизни – неслучайна ода жизни, произносимая богиней смерти (АИ, 169).

Таким образом, опирающееся на миф повествование Токарчук представляет собой разъятие бытия на две части – жизнь и смерть, – а затем объединение их заново, переживание смерти как неотъемлемой и необходимой части жизни. Бессмертие не только невозможно («люди создадут новые теории и придумают таблетки от страха и тревоги, но не от смерти», АИ, 194), но и не нужно, поскольку основа и ценность бытия – в его хрупкости, обреченности, неотделимости от смерти. Ощутить это и увериться в этом помогает современному человеку миф – подобно мистериям в древности: «Участие в мистериях гарантировало как греческому социуму, так и отдельному человеку жизнь без страха смерти и доверие к всепожирающей смерти. Мистерия давала миру ощущение безопасности» (АИ, 210). Цель обращения к мифу – не преодоление смерти, а обретение гармонии, приятие реальности смерти как части архаического взаимообмена человека с природой.

Мифическое повествование оказывает терапевтическое действие, утешительная сила мифа не утрачена: «“Все уже было” не в смысле постмодернистской исчерпанности всех моделей, но в смысле более глубоком, онтологическом, платоновском. “Все уже было” не как состояние утомленного разума современного человека, но как раскрытие глубинной структуры бытия. Не мы описываем эти модели, а наоборот – они описывают нас. [...] Когда-то прикоснуться к мифу можно было через ритуальное в нем участие. [...] Нам снова нужно объединить мир, хотя бы и при помощи кавычек» (АИ, 217–218). То есть – при помощи повествования.

«С умершими – только по телефону, другого способа нет»²⁰ (Ш, 100). Психолог Д. Рейнгольд утверждает, что большинство позитивных точек зрения на смерть имеют сверхъестественную предпосылку: «При размышлениях об ограниченности жизни во времени единственное утешение кроется в вере в то, что смерть – не исчезновение, а начало нового существования, такого, при котором сохраняется ощущение себя как личности. Люди могут разделять это убеждение, несмотря на любые отрицания учений о бессмертии. Век, в котором мы живем, может быть мирским, но наши личные чаяния и надежды таковыми не являются»²¹. В романе Магдалены Тулли «Шум», где опыт смерти оказывается доминирующим (жизнь-смерть переживших Холокост и передающих этот опыт ребенку взрослых, жизнь-смерть ребенка-изгоя, то есть «костюмированная репетиция смерти»²² – исключение из социума, смерть матери, тетки, подруги, соседа и пр.), одним из значимых элементов повествования является мотив общения с умершими. Это описание попыток дозвониться «туда» или «оттуда» (Ш, 19, 49, 68, 73), технических деталей этого процесса (Ш, 102, 103), сложностей и помех на линии (Ш, 103, 105, 112–113, 111), осознания невозможности понять друг друга из-за того, что этот последний опыт недоступен живым (Ш, 102, 104), узнавания особенностей «той» жизни – сходства или отличия от «этой» (Ш, 1120113) и пр.

Отрицание конечности смерти – идею, что смерть означает не ад небытия, а переход из одного мира в другой, что умершие «не выпадут из единственного существующего мира и не растворятся, не исчезнут в подземном мире небытия, а просто перенесутся в другой мир – где по-прежнему будут существовать, хотя и в несколько иной (но, что утешает, подобной нашей) форме», – Бауман называет «исключительно привлекательным изобретением»²³.

Переживание траура. Тексты, полностью посвященные опыту переживания траура, – «У меня умер... Траурный блокнот» Инги

Ивасюв и «День перед концом света» Александра Юревича²⁴ – также свидетельство нового возраста бывшей молодой прозы. Не в детстве, а именно в более позднем возрасте смерть близких переживается как процесс собственного умирания. «По мере того, как они уходят, наши собственные миры, миры тех, кто еще жив, постепенно утрачивают свое содержание. Те, кто жил долго и пережил многих близких и дорогих людей, жалуются на нарастающее одиночество: чудовищный, специфический опыт пустоты мира – еще одно опосредованное проникновение в смысл смерти»²⁵, – пишет Бауман.

Это опыт смерти «из вторых рук», перспектива, в которой опыт смерти наиболее доступен живым – через потрясение и наступающее после него отсутствие является человеку смысл и конечности, и вечности. «Между анонимностью третьего лица и трагической субъективностью первого находится промежуточный и в некотором роде привилегированный случай *второго лица*; между смертью другого, далекой и безразличной, и смертью собственной, прямо тождественной нашему бытию, есть близость смерти близкого. В самом деле, Ты – первый Другой, непосредственно другой другой, а не Я, в точке соприкосновения с Я, ближайшая граница инакости»²⁶. Смерть близкого человека максимально приближена к нашей, давая опыт переживания однократности и незаменимости собственного бытия.

Это тексты, подобные «Горестному дневнику» Р. Барта, стоящие на грани психологического эксгибиционизма, однако предназначенные авторами для публикации и имеющие определенную художественную структуру, которая представляет собой попытку структурировать боль утраты родителя и опыт соприкосновения с собственной грядущей смертью. Повествователи осмыслиют свою новую роль полусироты (У, 14), долг единственной дочери (У, 8) или старшего сына (Д, 10, 101). Фиксируют и подробно описывают ключевые моменты нового опыта. Это узнавание страшной новости (У, 9–12, 18, 132; Д, 7–8); возвращение в родительский дом, где больше нет отца, т. е. дом незнакомый, новый (У, 33–36, 62, 12; Д, 7, 22); выражение сочувствия, ритуалы, поведение людей и потребности переживающих траур (У, 14–16); поведение скорбящего («бесстыдство отчаяния»; У, 97); работа памяти – последняя встреча, последний разговор (Ивасюв мучает невозможность его вспомнить; У, 63, 73, Юревича – то, что он ничего не предвещал; Д, 7, 29, 38), калейдоскоп воспоминаний о детстве и всей жизни рядом с отцом (У, 8, 87–94, 110–113, 47–57; Д, 12–21, 25–26); воспоминания об обыденном – как нечто дающее иллюзию равновесия в момент катастрофы, у Юревича – также вос-

поминания о ситуациях прощания, которые теперь видятся словно бы репетицией окончательного ухода (Д, 15–16, 107); воспоминания о первом осознании существования смерти, соприкосновении с ней; У, 19; Д, 65–69 (у Ивасюв возникает целая семейная книга мертвых – «блокнот смерти»; У, 12, 19–32, 84); многократное воспроизведение близкими дня смерти отца (У, 79, 85 и др.) или дня, предшествовавшего кончине (Д, 29, 32 и др.), и многократное мысленное воспроизведение повествователем этих рассказов; вопросы, остающиеся без ответа – знал ли отец, что умирает (У, 80), повезло ли дочери / сыну, что они были далеко и запомнили отца живым (У; 80); оставшиеся в доме следы отца, их фанатичная сакрализация (У, 70–73; Д, 23); описание вещей, помнящих его прикосновения, не законченной им работы; болезненный опыт пребывания в опустевшей комнате и мастерской (У; 74–78, 113–117; Д, 8, 22–27); подготовка к похоронам (У, 36–46, 100–103; Д, 91–98), написание и расклеивание некрологов (У, 58–62), мучительное осознание того, что близкий человек стал телом, которое нужно будет вынести из дома и похоронить (У, 14, 11; Д, 24, 29, 31, 100); сами похороны (У, 81, 95–99; Д, 118–127) – ритуал, описываемый Ивасюв как своего рода терапия, а Юревичем – как невыносимая мука; горе матери (У, 85–86; Д, 98–99); привычки отца, профессия, инструменты (У, 47–57, 104–109; Д, 14, 22–23); заботы о также осиротевшей мастерской или швейной машинке (У, 113–117; Д, 104); сны (У, 118; Д, 38–44) и пр.

Это опыт описания траура не просто по близкому человеку, но по отцу, то есть разрушение последнего барьера между смертью в третьем лице и смертью собственной: «Мы лишились опеки, ограждавшей нас от бездны, и остались со смертью наедине. Настал мой черед, теперь моя реальная смерть станет поводом к осмыслению смерти для следующего поколения» (У, 32).

Поэтому тексты подробно фиксируют не только переживание – проживание – боли, утраты как таковых (повторяющиеся образы пустоты – У, 70, 72; Д, 8, 9, 22, 134; тумана – Д, 7, 8, 102; неподвижности – Д, 11; клетки – Д, 29 и пр.), но и ощущение цезуры в жизни (повторяющиеся «никогда больше», «ничто уже не будет таким, как прежде»; «новый путь», в котором «каждый следующий шаг будет труднее предыдущего» – Д, 8, 25, 11, 28, 33, 39), «переход от опосредствованного к непосредственному»²⁷: «Когда мы проводим на кладбище всех из предшествующих поколений, остаемся с чувством долга. Мы должны умереть, и никто нам не поможет» (У, 118); сыновья «стоят во втором ряду, их утрата не столько меньше, сколько меньше

указывает на них самих. Они смотрят на конец из начала, поколенческий буфер ослабляет удар волны скорби» (У, 83); «Каждый день – подготовка к неизбежному и жизнь как хроническая болезнь. Уход близких как смертельная болезнь» (У, 83); «Конец света» (Д, 80); «незримая петля, которая сжимается все больше» (Д, 93); «Острый, ледяной страх, не похожий ни на один из знакомых мне страхов» (Д, 106). Повествователи неизбежно примеряют случившееся к себе и своим детям, задают себе вопрос о том, «что такое умереть?» и «как там будет?» (У, 83; Д, 133, 63–65, 68).

Скорбь, оплакивание умершего близкого – отделение себя от него и отделение от себя той незаменимой части мира, которой был для скорбящего умерший (неслучайно у Юревича возникает образ детства и юности, которые покойный отец забирает с собой, буквально отнимая тем самым у сына; Д, 11, 28, 33, 36–37, 60, 134), опыт перестройки собственного – частично также умершего – мира представляют собой специфическую попытку преодоления смерти. Деррида интерпретирует этот механизм как своеобразный торг, стремление притерпеться к смерти, привыкнуть к мысли о смерти посредством скорби, пожертвовать смерти нечто принадлежащее нашему внутреннему «я» и получить взамен нечто, делающее смерть близкой и интимной, сделать ее частью своей жизни²⁸. Об этом говорят и психологи: концепция «частичной смерти» основана на идее, согласно которой человек, испытывая скорбь по умершим близким, максимально приближается к пониманию смерти, этот опыт формирует отношение человека к грядущей окончательной потере – потере собственной жизни²⁹.

«Все мы умрем и должны к этому готовиться, надо создать общества поддержки умирания и организовать специальные курсы, чтобы не ошибиться хоть в этот последний раз» (ПИ, 53), – думает одна из героинь «Последних историй». Однако смерть не поддается передаче через знания – «отказывается свидетельствовать»³⁰, находится за пределами истины, не подлежит логической рефлексии. Смерть собственная по сути невыразима в языке – неслучайно Деррида заключает выражение «моя смерть»³¹ в кавычки, утверждая, что это крайний случай не-существования значения.

Каждый человек проделывает немалую внутреннюю работу, чтобы научиться жить со страхом этого Неведомого и защищаться от него. Фактически же мы знаем о смерти только через смерть Другого. В акте смерти фиксируется некая запредельность человеческого бытия и проявляется ограниченность человеческого опыта.

Индивидуальный опыт имеет дело лишь с последствиями смерти *других* и с проектируемыми по аналогии *возможными* последствиями собственной смерти. Биологическая смерть предстает для человека всегда как будущее, причем будущее недостижимое, которое становится настоящим только для внешнего наблюдателя.

И примеривание к себе смерти с помощью персонажей-масок (а всякая маска, по Монтеню³², лепит наше лицо), безопасное проживание ее посредством мифа, концентрация на чисто технических проблемах связи с умершими, переживание в тексте опыта скорби по отцу и пр. оказываются попыткой преодолеть страх смерти, ее мучительную таинственность, притерпеться к ней, привыкнуть к мысли о ней («наша, реальная / воображаемая смерть может лишь искупаться индивидуальной работой скорби, которую субъект осуществляет над смертью других людей и над своей собственной смертью еще при жизни»³³).

В «Последних историях» не один раз звучит мысль: «Чтобы умереть, требуется время»; «умирать так долго, чтобы хватило времени поразиться, вспомнить. Чтобы хватило времени ужаснуться и раздробить этот ужас в мелкую крошку, которую можно назвать разве что неудобством, но не смертью» (ПИ, 79, 263). По словам Монтеня, «нам не добраться до самой крепости смерти, но мы можем приблизиться к ней, разведать местность; если сам ее форт нам недоступен, то мы в состоянии хотя бы увидеть и освоить подступы к нему»³⁴. Перефразируя Баумана, который также использует батальную метафорику, можно сказать, что хотя одержать окончательную победу в неустанной войне со страхом смерти нельзя, но можно выиграть множество битв³⁵.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- 1 Монтень М. Опыты. М., 1979. С. 215.
- 2 Bauman Z. Płynny lęk. Kraków, 2008. S. 55.
- 3 Ibid. S. 74, 56.
- 4 Ялом И. Экзистенциальная психотерапия. М., 1999. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://psylib.org.ua/books/yalom01/index.htm>
- 5 Там же.
- 6 Czaplinski P. Wzniosłe tęsknoty. Nostalgie w prozie lat dziewięćdziesiątych. Kraków, 2001. S. 222.

7 Feifel H. Attitudes toward death: A psychological perspective // Journal of Consulting and Clinical Psychology. 1969. Vol. 33 (3). P. 292–295. Цит. по: Чистопольская К. А., Ениколопов С. Н., Николаев Е. Л., Семикин Г. И., Храмлашвили В. В., Казанцева В. Н. Отношение к смерти у студентов медицинских, гуманитарных и технических специальностей: вопрос суицидального риска // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2014. № 3. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://psyedu.ru/journal/2014/3/Enikolopov_et_al.phtml.

8 Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. М., 1992. С. 16.

9 Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М., 2006. С. 319.

10 Там же. С. 264.

11 Jaworski S. Zakręty i przełomy. Studia o literaturze XX wieku. Kraków, 2003. S. 185.

12 Całe moje pisanie jest próbą oswojenia przeczucia... Wywiad z Olgą Tokarczuk. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rm-fclassic.pl/index.html?a=wywiady&kat=&id=1124>; Jak żyć tak, żeby człowiek nie żałował odejść, to jest najtrudniejsze... Wywiad z A. Jurewiczem [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.moreleigrejpfputy.com/Aleksander_Jurewicz_180.html; Pogrzeb dziadka nogi. Z pisarzem Aleksandrem Jurewiczem rozmawia Marek Górlikowski [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://wyborcza.pl/duzyformat/1,127291,10953980,Pogrzeb_dziadka_nogi.html?disableRedirects=true; Słuchajcie, to Jurewicz do nas mówi [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://trojmiasto.wyborcza.pl/trojmiasto/1,35635,4997671.html>; Inga Iwasiów: Ojciec by mnie pochwalił [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.wysokieobcasy.pl/wysokie-obcasy/1,53662,15087214,Inga_Iwasiow__Ojciec_by_mnie_pochwalil.html?disableRedirects=true; Inga Iwasiów: Ostatniej rozmowy z tatą nie pamiętam [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kobieta.interia.pl/gwiazdy/wywiady/news-inga-iwasiow-ostatniej-rozmowy-z-tata-nie-pamietam,nId,1092379>; Nie chcę grać na łatwych nutach – wywiad z Ingą Iwasiów [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://newst.kaliter.pl/nie-chce-grac-na-latwych-nutach-wywiad-z-inga-iwasiow>; Prywatne klocki – wywiad z Magdaleną Tulli [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://czytamcentralnie.blogspot.ru/2014/10/ prywatne-klocki-wywiad-z-magdalena-tulli.html>; Magdalena Tulli: Ludzik mi padł, więc gram następnym [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://wyborcza.pl/duzyformat/1,127291,10548289,Magdalen_a_Tulli__Ludzik_mi_padl_wiec_gram_nastepnym.html и др.

13 Ялом И. Экзистенциальная психотерапия.

14 Całe moje pisanie jest próbą oswojenia przeczucia Wywiad z Olgą Tokarczuk.

15 Цитаты с пометкой ПИ и указанием страниц в круглых скобках приводятся по изданию: *Tokarczuk O. Ostatnie historie*. Kraków, 2004.

16 *Ялом И.* Экзистенциальная психотерапия.

17 *Całe moje pisanie jest próbą oswojenia przeczucia*. Wywiad z *Olga Tokarczuk*.

18 Цитаты с пометкой АИ и указанием страниц в круглых скобках приводятся по изданию: *Tokarczuk O. Anna In w grobowcach świata*. Kraków, 2006.

19 *Ялом И.* Экзистенциальная психотерапия.

20 Цитаты с пометкой Ш и указанием страниц в круглых скобках приводятся по изданию: *Tulli M. Szum*. Kraków, 2014.

21 *Рейнгольд Д.* Мать, тревога и смерть. Комплекс трагической смерти. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.litmir.co/br/?b=269886&p=9>

22 *Vauman Z.* Płynny lęk. S. 54.

23 *Ibid.* S. 57.

24 Цитаты с пометкой соответственно У и Д и указанием страниц в круглых скобках приводятся по изданиям: *Iwasiów I. Umarł mi*. Notatnik żałoby. Wołowiec, 2013; *Jurewicz A. Dzień przed końcem świata*. Kraków, 2008.

25 *Vauman Z.* Płynny lęk. S. 79.

26 *Янкелевич В.* Смерть. М., 1999. С. 32.

27 Там же.

28 *Деррида Ж.* Дар смерти (часть 1) // Вісник Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна. Серія: Теорія культури і філософія науки, 2002, № 552/1. С. 127.

29 *Kastenbaum R., Aisenberg R.* The Psychology of Death. New York, 1972. Цит. по: *Красильников Р. Л.* Образ смерти в литературном произведении: модели и уровни анализа. Вологда, 2007. С. 37–38.

30 *Деррида Ж.* Голос и феномен. СПб., 1999. С. 48.

31 Там же. С. 49.

32 *Монтень М.* Опыты. С. 143.

33 *Бодрийяр Ж.* Символический обмен и смерть. С. 265.

34 *Монтень М.* Опыты. С. 215.

35 *Vauman Z.* Płynny lęk. S. 95.

I. E. Adel'gejm

«We are all going to die and have to prepare for it...». The fear of death and the artistic autopsychotherapy in the Polish prose in the 2000s

The fear of death and the artistic autopsychotherapy in the Polish prose in the 2000s.

The article analyses several literature texts of the 2000s focusing on their autotherapeutic function to overcome the fear of death.

Keywords: *fear of death, artistic autopsychotherapy.*

Л. Н. Виноградова
(Москва)

Тексты народной культуры, наделенные интерпретирующей функцией (мотивировки ритуального поведения, толкования гаданий и снов, мифологическая трактовка знаковых событий)

Статья посвящена малоизученным текстам славянской народной культуры, которые объединяются общей толковательной функцией: объяснить назначение магических обрядов или необходимость соблюдения запретов; расшифровать смысл закодированных прогностических знаков; дать мифологическую трактовку происходящим в мире событиям.

Ключевые слова: *традиционная культура, мотивировки действий, символика снов и гаданий, дешифровка закодированных знаков.*

Среди разных текстов традиционной культуры особым образом выделяется группа таких устойчивых словесных клише, которые объединяются общей для всех них функцией – выступать в роли толковательных моделей, призванных объяснить: с какой целью осуществляются те или иные магические действия; почему необходимо соблюдать те или иные правила поведения и запреты; каким образом расшифровываются символы гаданий, сновидений и примет; какую мифологическую трактовку получают некие знаковые (хозяйственные, бытовые или природные) события и явления и т. п. Речь идет о таких семиотических культурных текстах, как мотивировки действий и запретов, толкования снов и гаданий, объяснения разных наблюдаемых в мире событий. Все эти вербальные формулы могут быть отнесены к разряду так называемых текстов-интерпретантов, призванных раскрыть значение тех или иных символов «языка» народной культуры. В этом смысле они примыкают к области народной герменевтики, понимаемой как попытки истолкования самими носителями традиции (то есть изнутри культуры, а не со стороны внешних наблюдателей и ученых-исследователей) семантики и функции закодированных текстовых сообщений.

Рассмотрим, прежде всего, **мотивировки** обрядовых действий (или мотивировки запретов на какие-либо действия). В этнологических науках уже достаточно давно используется ставший широко известным термин *мотивировка*, относящийся к действиям, ритуалам, запретам, предписаниям. Все понимают, что он обозначает, к какой

группе текстов применим*, однако до сих пор так и не сформулирована удовлетворительная научная дефиниция самого понятия, и соответственно, термин *мотивировка* не включается – насколько мне известно – в специальные терминологические словари по дисциплинам этнологического профиля**. Нет его ни в «Словаре народной и научной терминологии: Восточнославянский фольклор»¹, ни в нашем пятитомном этнолингвистическом словаре «Славянские древности»², ни в словарях лингвистических терминов, ни в последнем издании «Лингвистического энциклопедического словаря»³. Напомню, что в толковых словарях русского языка к слову *мотивировка* дается такое общезыковое его значение: ‘совокупность мотивов, доводов для обоснования чего-либо’, а исходная лексема *мотив* трактуется как ‘побудительная причина, основание, повод к какому-либо действию, поступку’.

Вызывает также удивление тот факт, что мотивировки как особый корпус текстов до сих пор не стали предметом специальных научных исследований ни в фольклорно-этнографических, ни в этнолингвистических трудах. Они, конечно, учитываются специалистами, изучающими ритуальное поведение носителей народной культуры: при описании каждого обрядового комплекса попутно фиксируются и формулировки целевой направленности каждого ритуального акта. Так, большое внимание «народным объяснениям обрядов» уделил в свое время П. Г. Богатырев (термин *мотивировка* он не использовал) в работе «Магические действия, обряды и верования Закарпатья», опубликованной в 1929 г.⁴ Но сам по себе этот жанр, к сожалению, все еще остается вне должного внимания и филологов, и этнологов. Фрагментарно эта разновидность текстов рассматривается в языковедческих трудах, в разделах по лексической семантике или по семантико-мотивационной реконструкции слов и фразеологических оборотов. На эти первичные научные разработки обозначенной проблемы я и буду опираться в настоящей статье⁵.

Надо признать, что такое положение дел не является случайным. Оно связано с тем, что все еще не вполне ясными остаются многие

* Ср. один из типичных украинских примеров: «В Рождественский сочельник хозяйка кормит кур в обруче от бочки, *щоби вони яець по чужых дворах не губили*»; выделенная курсивом целевая установка ритуала – и есть мотивировка магического действия.

** Кстати сказать, в словари по психологии, литературоведению, искусствоведению термин *мотивировка* прочно вошел как активно используемый, и для каждой из этих наук ему дана своя специфическая дефиниция.

вопросы: например, принципы установления формальных границ той или иной мотивировки, включенной в фольклорно-этнографический контекст; или вопрос о том, имеют ли эти содержательные единицы статус вербального (или ментального?) текста, образует ли эта группа специфических текстов самостоятельный жанр, а также – какой сфере (языковой, речевой, фольклорной, мифологической) этот жанр принадлежит.

Отмеченная в научных исследованиях все нарастающая потребность выделить эти культурно значимые словесные единицы в особую жанровую группу текстов-интерпретантов определяется рядом характерных для них признаков. Во-первых, вполне четко очерченной содержательной основой и строгой логической структурой. Эти причинно-следственные конструкции – вводимые в текст союзами, выражающими цель (*чтобы, для того чтобы*), либо причину (*потому что, так как, поскольку*), либо следствие (*а то, а не то, иначе*), – содержат указания на целевую установку ритуального акта либо обоснование определенного правила поведения.

Во-вторых, существенным является тот факт, что мотивировки прагматически очень четко маркированы, то есть они выполняют важнейшую культурную функцию: объяснить «зачем надо поступать именно таким образом» и «почему нельзя делать то-то и то-то». Например: в.-польск. «Не годится в Рождественский сочельник открывать сундуки с одеждой, *иначе они весь год будут пустовать*»; белор. полес. «Весной при первом выгоне скота хозяева заставляли коров перешагнуть через лежащее в воротах яйцо, *каб кароўка була цэлы год круглая, наедаяна, як тэе яичко*»; рус. владимир. «При продаже лошади нельзя передавать новому хозяину поводок голой рукой, надо обернуть руку полóй платья, *иначе лошадь не будет вестись в новом хозяйстве*». Цель или причина действия может быть выражена и в сокращенном виде, например, предложной конструкцией с целевым предлогом: «Ветки от троицкой березки кладут в сусек *для охраны зерна от мышей*». Такие редуцированные формулы со значением цели часто фигурируют в описаниях ритуальных или магических актов, ср.: это делается «*для здоровья*» (то есть «*чтобы быть здоровым*»), «*ради высокого льна*» (то есть «*чтобы лен рос высоким*»), «*для дождя*» («*чтобы пошел дождь*»), «*от порчи*» («*чтобы не быть испорченным*»).

Однако самым главным признаком мотивирующих клише следует считать то, что они со всей очевидностью наделяются ярко выраженной интерпретирующей функцией и своей особой сферой

бытования (ритуал, магия, запреты, правила поведения). С учетом перечисленных характеристик (структура, семантика и прагматика) эти своеобразные тексты могут, по моему мнению, рассматриваться как особый языковой или даже фольклорный (в смысле соотносительности с этнокультурной традицией) жанр.

Рассмотрим последовательно, в каких ситуациях и у кого из носителей традиционной культуры возникает необходимость мотивировать те или иные действия (свои и чужие). Мы уже упоминали, что мотивировки функционируют либо в ритуально-магической сфере (как интерпретация развернутых обрядовых комплексов или частных магических актов), либо в контексте бытовых и ритуальных запретов и предписаний.

Говоря о мотивировках, включенных в ритуал, необходимо отметить специфические особенности их бытования, связанные с тем общеизвестным фактом, что в своем реальном текстовом воплощении они, как правило, не включаются в структуру обряда в качестве его обязательного компонента. Сами исполнители ритуала не нуждаются в прямом формулировании цели своих действий. По словам С. М. Толстой, «в отличие от вербального текста, акциональный текст обряда обычно не имеет формально выраженных показателей своей прагматики, в нем чаще всего не эксплицируются ни адресаты совершаемых действий, ни их цели. Как в таком случае мы можем узнать, зачем, с какой целью совершается обряд и кому он адресован?»⁶

Экспликация мотивировок (их вербализация) характерна для ситуации двух типов: во-первых, при контактах с «чужими», то есть с представителями другой культуры (с горожанами, при межэтнических контактах, во время общения с фольклористами-собирающими, которым приходится объяснять цель обряда, и т. п.); и, во-вторых, при передаче этнокультурной информации «своим», то есть новым поколениям своего сообщества либо лицам, которым предстоит смена социального статуса*. Во всех остальных случаях сообщения о назначении и целях обрядово-магических действий не эксплициру-

* Ситуация обучения, как известно, возникает постоянно на каждом этапе жизненного цикла, когда необходимо обучить правилам поведения и детей, и взрослых, особенно при переходе человека из одной социальной группы в другую (как вести себя в ситуации сватовства, на свадьбе, во время похорон, в состоянии беременности, во время родов и т. п.).

ются; подразумевается, что они известны и исполнителям ритуала, и зрителям-односельчанам. А наблюдателям из разряда «чужих» – чтобы понять смысл обряда – приходится специально расспрашивать информантов, зачем и с какой целью он совершается. Именно то обстоятельство, что тексты мотивировок чаще всего не воспроизводятся как обязательный компонент обряда, а существуют лишь в сознании носителей традиции, создает такие условия, при которых целевая установка ритуала забывается гораздо быстрее, чем последовательность постоянно воспроизводимых обрядовых действий. Соответственно, в одном и том же селе могут возникнуть разные версии, объясняющие назначение одного и того же ритуально-магического акта. Так, анализируя широко известный в Закарпатье рождественский обычай обвязывать ножки стола цепью, П. Г. Богатырев приводит следующие варианты его местных толкований: «сидящие за ужином члены семьи ставят ноги на цепь, обвязывающую ножки стола, чтобы ноги были крепкими, как железо»; «хозяйка обвязывает ножки стола цепью и замыкает ее на замок, чтобы в течение всего года волчи пасти были на замке и скотина бы уцелела»; «стол обвязывают веревкой или цепью, чтобы защитить дом от дьявола»; «ритуал обвязывания ножек стола сопровождается приговором: “Как стол не может сдвинуться с места, так пусть ветер не трясет плодовые деревья в саду”»; «когда хозяин обвяжет цепью стол, Сатана оказывается закованным в цепь и не может вредить людям»⁷. Таким образом, характерное для текстов народной культуры «стирание смыслов» изначальных мотивировок и их часто отмечаемая вариативность – явление, вызванное именно таким (имплицитным) способом бытования.

Иначе обстоит дело с мотивировками не ритуальных актов, а запретов и предписаний, которые часто фигурируют в своем полном текстовом виде, чтобы служить убедительным аргументом для тех, кого призывают к соблюдению запрета: например, «Беременной женщине нельзя перешагивать через веревку или ткацкую основу, *иначе при родах пуповина обмотается вокруг шеи новорожденного*»; «Девушкам на выданье нельзя сидеть у дома лицом во двор, *а то сваты будут всегда проезжать мимо*»; «Не положено выбрасывать мусор из дома после захода солнца, *иначе нападёт короста или слепота*»; «Нельзя позволять ребенку до года смотреться в зеркало, *иначе он не начнет вовремя разговаривать*». Ср. также примеры предписаний: «*Чтобы найти обратную дорогу, заблудившийся в лесу человек должен вывернуть одежду наизнанку*»; «*Что-*

бы молния не попала в дом, нужно во время грозы выбросить во двор хлебную лопату, кочергу, ухват и помело».

Итак, одна группа мотивировок относится к сфере ритуально-магических актов (и там они чаще всего присутствуют в скрытой форме), а другая – к запретам и предписаниям (для которых более характерна эксплицитная форма функционирования). Обе эти группы мотивировок в этнокультурной традиции всегда относятся к действию и касаются нормативно обусловленных правил поведения. Этот важнейший признак со всей определенностью связан с внутренней формой самого слова *мотив* (от лат. *motum, motus* 'движение, побуждение к действию').

Наиболее интересным, как считают специалисты, и наиболее сложным аспектом изучения мотивировок является анализ самого механизма установления причинно-следственных связей между двумя фактами: между мотивируемым действием и мотивирующим суждением (мифологическим верованием). Например: «Чтобы иметь успех у парней, девушка, идя на вечерку, брала с собой ветку, на которой когда-то посидел пчелиный рой» (словац.). В качестве *мотивационного бинорма* выступает цель («иметь успех у парней») и магический способ ее достижения («иметь при себе ветку, на которой посидел пчелиный рой»), а логическим обоснованием для их сближения служит признак «кружиться, роиться», который позволяет реконструировать основной смысл магического акта («чтобы кавалеры роились вокруг девушки»). Обычно ассоциативные связи и символические сближения между мотивирующим и мотивируемым базируются на каком-либо релевантном признаке магического предмета (либо действия, лица, локуса и т. п.): «При первом купании новорожденного в воду опускали куриное яйцо, *чтобы младенец скорее округлился*» (в.-слав.); «Нельзя бить скотину старым веником, *иначе она иссохнет*» (в.-слав.); «Дитині не годить ся давати їсти риби, *бо не буде говорити*» (з.-укр.); «В Юрьев день закопують під хатнім порогом кусень заліза на те, *аби ті, що будуть переступати поріг, мали острі (крепкі, здорові) ноги*» (з.-укр.). Из всего круга возможных характеристик предметов, используемых в ритуале, выбирается один главный мотивирующий признак, положенный в основу толковательной модели: «круглый, как яйцо», «сухой, как веник», «немой, как рыба», «прочный, как железо».

Однако очень часто приходится сталкиваться с такими типами мотивировок, смысл которых не лежит на поверхности, остается затемненным, требует специальных способов реконструкции скрыто-

го значения. Весьма длинную цепочку смысловых связей приходится восстанавливать исследователю, чтобы объяснить, на каком основании в этнокультурной традиции происходит сближение в одной мотивировке двух понятий. Например: «После отлучения ребенка от груди нельзя повторно начинать кормить его грудью, *иначе он вырастет урочливым, глазливым*» (о.-слав.). Мотивационный бинот этого запрета строится на сближении двух образов: «дурной (то есть насылающий порчу) глаз у человека» и «повторное прикладывание ребенка к материнской груди», а вопрос о том, что служит обоснованием для такого сближения, остается для исследователей пока что не ясным.

Очевидно, что многообразные семантические связи мотивирующего и мотивируемого требуют специального изучения и применения особых методов реконструкции. Надо признать, что чаще всего при формировании мотивационного бинота основная семантическая нагрузка приходится на категорию признака, свойства, качества (какого-либо предмета, явления, действия и т. п.), ибо в символическом «языке» культуры именно признак обладает чрезвычайно высоким семиотическим потенциалом. Например, если для отпугивания нечистой силы в разных локальных традициях у ворот выставляли топор либо косу, серп, нож, – то очевидно, что функция оберега строится на свойствах ‘острый, режущий, металлический’; если при приближении грозы из дома выбрасывали кочергу, ухват, помело, хлебную лопату, – то в качестве главного объединяющего признака здесь выступает принадлежность этих вещей к ‘печным атрибутам’.

Широко известный у разных народов запрет использовать для строительства дома дерево, пораженное молнией (*громобой*), мотивируется в разных этнодиалектных традициях самыми разными негативными последствиями, например такими: в случае нарушения этого запрета жильцы дома будут часто болеть и умирать; в семье постоянно будут происходить ссоры, раздоры; в доме заведется чужой «домовик»; хата будет холодной, непригодной к жизни; дом будет разрушен вихрем или сожжен молнией; в доме постоянно будет кто-то пугать, что-то мерещиться и т. п. Но для исследователя культуры понятно, что весь этот список негативных фактов является лишь следствием главной причины запрета, связанной с так называемым «основным мифом» о Громовержце, преследующем спрятавшегося в дереве черта. И действительно, в составе большого числа вариантов этого предостережения и его мотивировок встречаются (в наиболее архаических зонах славянского мира) такие объяснения, которые

раскрывают их первоначальное мифологическое значение. Например, в Ровенском Полесье боялись использовать для строительства дерево-громобой, считая, что в нем «продолжает сидеть нечистый дух». Жители Польских Карпат формулировали подобный запрет следующим образом: «Drzewa zwalonego piorunem w scianę domu nie biorą. W chacie umieszczone, samego dyabła sprowadziłoby do niej» [Поваленного громом дерева не берут для возведения стен дома. Будучи размещенным в доме, оно привлекло бы самого дьявола]⁸. Подобные мотивировки, по сути, представляют собой свернутую мифологему со своим определенным сюжетом и своей аксиологической трактовкой.

Таким образом, интерпретирующие тексты можно рассматривать как ключ к пониманию символического языка культуры. На необходимость обратить на них особое внимание указывает в одной из своих работ С. М. Толстая: «Одной из наиболее интересных и актуальных задач является изучение мотивировок, их языковой и логической структуры, их семантики и функции как связующей нити между ритуально-обрядовой практикой и системой верований, традиционной картиной мира. Интерпретирующая роль мотивировок превращает их в важную составляющую всего метаязыка народной культуры, но в то же время они остаются частью самой этой культуры, и в этих обеих своих ипостасях они представляют несомненный интерес для исследователей народной культуры»⁹.

К числу текстов с интерпретирующей функцией, безусловно, принадлежат **гадательные ритуалы**, для которых характерна техника кодирования смыслов, то есть намеренное иносказательное «упрятывание» прямого значения сути предсказания в некую метафорическую форму. Прогностические тексты, как известно, имеют устойчивую двоичную структуру, ядром которой служит, с одной стороны, символический образ (формальная часть), а с другой – его толкование с точки зрения судьбоносных для человека грядущих событий (содержательная часть). Важнейшим конституирующим признаком гаданий и других прогностических текстов (снотолкований, примет), таким образом, является содержащаяся в них зашифрованная информация о будущем, которую надо еще суметь правильно расшифровать.

Логической основой при построении гадательного текста служит универсальный механизм категоризации явлений окружающего мира путем сравнения разных его фрагментов, например: «брошенные в реку и плавающие на поверхности воды венки прогнозируют девушкам замужество, а утонувшие на дно – девичество или смерть»

(имеет место противопоставление *верха* как позитивного прогноза и *низа* – как негативного символа); «если число внесенных в дом поленьев окажется четным – это сулит свадьбу, а если нечетным – девичество» (оппозиция *чет/нечет* расшифровывается как прогноз «быть в паре» или «остаться без пары»). При этом подразумевается, что образная часть текста содержит некий скрытый «вопрос», а толковательная часть – «ответ», и соположение двух сравниваемых элементов создает условия для порождения метафоры. Например, образ «горящей свечи» и в гаданиях, и в снотолкованиях, и в приметах – это устойчивый позитивный знак со значением продления жизни, а «потухшей» – предвестие смерти.

Образная система прогностических знаков в акциональных гаданиях, таким образом, чаще всего строится на основе предметной символики жребиев, определенных пространственных ориентиров, либо получаемых извне звуковых сигналов, а также на числовой символике или образах отражений в гладкой поверхности и т. п. Но для изучения текстов-интерпретантов особый интерес представляют такие гадательные ритуалы, в которых в качестве прогностического знака выступают не предметно-акустические реалии окружающего мира, а фольклорные тексты – как это наблюдается в гаданиях с подблюдными песнями. Дело в том, что при фиксации русских подблюдных песен, включенных в ритуал святочных коллективных гаданий по жребию, собиратели всегда записывают и текст толковательных формулировок, данных исполнителем по поводу каждой песни. Например, одним из самых популярных в цикле подблюдных песен выступает мотив «отъезда из дома» (и его варианты: «готовность к отъезду», «поездка в дальний путь» и т. п.). В том случае, если песня достается молодым участникам гаданий, он толкуется как предвестие «дальней дороги» или «предстоящей свадьбы» (для толкования актуализируется символика перехода из одного социального статуса в другой), если же песня предназначается для стариков, этот мотив осмысливается как предвестие «болезни и смерти» (актуализируется символика перехода в иной мир). Сравним, например, текст севернорусской подблюдной песни: «За воротами кони заворочены стоят, сесть в сани, поехать вскачь, уехать – не приехать» и текст ее толкования, сформулированный исполнительницей песни: «*молодому – уехать; старому – неважная, помереть...*»¹⁰. То же самое наблюдается и по отношению к другим вариантам подблюдных песен с аналогичным мотивом: «Саночки-самокаточки, сесть да уехать, домой не приехать» [*плохая, к плохому; ну-ко, дома не*

бывать!»]¹¹; «Лодочка от одного берега отстала, а ко другому не пристала» [«к разлуке, к дороге»]¹²; «За воротами кони заворочены стоят, куда поглядят – туда и побежат» [«песня хорошая: вроде, за невестой как поедет»]¹³. Соответственно, отсутствие движения в песенных мотивах, выраженных в форме словосочетаний «сидеть, еще посидеть», «лежать, еще полежать», «ждать не дожидаться» и т. п., – это устойчивый символ безбрачия и стародевства: «Я на пече сижу, заплатки плачу, еще посижу, еще поплачу» [«к девичеству»]¹⁴; «На лёжаночке лёжу, толокняночки бажу. Я ишшо полёжу, да ишшо побажу!» [«Так эта худáа писня. Ну, ак всё раньше говорили, шо: “У-уй, девка, на лёжаночке лёжишь, дак худо!”»]¹⁵; «За столами сижу, сарафаны крою. Я ишо посижу, я ишо покрою» [«эта не выйдет замуж»]¹⁶.

Выделенные курсивом комментарии, объясняющие смысл песенных мотивов, – это и есть аутентичные (записанные из уст исполнителей) тексты-интерпретанты. Они отражают фольклорно-мифологическую картину мира и позволяют исследователям заглянуть в труднодоступную для внешнего наблюдателя сферу народного сознания и миропонимания, поскольку подобные комментарии представляют собой рефлексии носителей традиции по поводу тех или иных песенных метафор. При попытках интерпретации фольклорных образов как прогностических знаков использовались разные толковательные модели. Решающую роль при этом могли иметь: семантика отдельных слов и устойчивых выражений, соотносимых с позитивной или негативной оценкой (*одной век вековать, на паперти стоять, гоголем ходить, злато-серебро загребать*); многозначность одного и того же символа, трактуемого то со знаком «плюс», то со знаком «минус» (вода, огонь, золото, птица на вершине дерева); упоминание в песне реалий родильного, свадебного или похоронного обрядов; общепринятые в языке и культуре противопоставленные поэтические образы, например: «свежий – заплесневелый хлеб», «цветущая – увядшая ветка», «полная – пустая квашня», «новая – старая одежда», «своя – чужая сторона», «охотник с добычей – охотник без добычи» и т. п. Со всей очевидностью можно констатировать, что на интерпретирующую часть текста-прогноза дополнительно накладывается система оценки (*хороший / плохой* прогноз), с помощью которой раскрывается положительное или негативное значение песенного мотива.

По своим жанровым показателям гадания тесно смыкаются с **толкованиями сна**, для которых тоже характерны двучленная структура текста (образ сновидения – его толкование), функция прогнози-

рования будущего, метафорическая форма прогностического знака и его аксиологическая идентификация (*к добру – к чему-то плохому*). Главным их отличием от гаданий является внеритуальная сфера бытования и разный онтологический статус каждого из двух элементов сонника: сновидение принадлежит нереальному миру сна (образы подсознательной мыслительной деятельности индивидуума), а процедура интерпретации сновидения – миру яви, реальной жизни. Важно при этом учитывать, что хотя сны и принадлежат нереальному миру видений, однако они пересказываются и толкуются (то есть обретают вербализованную форму) в реальной действительности, поэтому приписывание образам сна определенного прогностического смысла происходит в сознании носителя традиции на базе бытующих в конкретном социуме общеязыковых и культурных стереотипов. Именно это и делает сонники фактом культуры, а не единичным сообщением конкретного человека. Например, сон о собаке обычно трактуется в разных локальных традициях одинаково: то как «встреча с другом», то как «ссора, ругань», «кто-нибудь облает, укусит» (на основе общеязыковой семантики слова); свежий хлеб во сне служит знаком «чего-то хорошего», а черствый, засохший – «чего-то плохого»; «если снится чистая вода, то это к добру, а грязная – к беде». Соответственно, в снотолкованиях более значимыми оказываются не пространственные семантические оппозиции (как это наблюдается в гаданиях), а оппозиции, связанные с оценкой качества, например: *белый / черный, полный / пустой, молодой / старый, целый / разбитый, чистый / грязный, прозрачный / мутный, цветущий / увядший, веселый / грустный* и т. п.

В качестве основных мотивационных моделей для построения сонников выступают принципы подобия («голым себя увидишь во сне, значит, будешь обкраденным»), метонимии («кольцо снится к свадьбе или помолвке»), противопоставления («веселье и смех во сне – это к слезам»), тождества («солдат снится, значит, предстоит встреча с военным»), оценочных обобщений («зеленая трава приснится – это хорошо, а засохшая – плохо»). Вместе с тем целый ряд затемненных символических значений сна восходит к глубинной мифологической основе и требует специальных приемов исследовательской реконструкции. Так, например, известные во всех славянских сонниках толкования типа «падающие звезды во сне – предвестие смерти» или «мертвец снится к дождю», безусловно, восходят к архаическим верованиям о звездах как душах живых или умерших людей и о «нечистых» покойниках, которые якобы управляют атмосферными процессами¹⁷.

Рассматривая большой корпус народных сонников, исследователи, таким образом, могут восстановить словарь символов-расшифровок сновидений, бытующих в коллективном сознании определенного этноса. Однако для целей изучения текстов-интерпретантов снотолкования выглядят слишком лаконичными, усеченными, однословными («ягоды снятся – к слезам», «аист приснится – это к беременности», «сухое дерево – к большой беде»). Кроме того, в этих текстах очень часто формулируется означаемое (образ сна), но утрачивается означающее (толкование), которое заменяется обобщенной оценочной формулировкой: *хорошо, плохо, к добру, к беде*, то есть исчезает главный опознавательный признак текстов-интерпретантов – наличие основанного на метафоре мотивационного бинома.

В этом смысле более продуктивными (для целей изучения интерпретирующих клише) можно признать еще одну разновидность текстов: **мифологические трактовки наблюдаемых человеком явлений или событий**. По формальным показателям (организация текста в виде причинно-следственных конструкций) они сближаются с мотивировками действий и запретов, но мифологические толкования призваны объяснить не смысл ритуального или бытового поведения человека, а причину возникновения неких происходящих вокруг людей знаковых (необычных, настораживающих, опасных) событий. Например: «Если корова по утрам выглядит потной, замученной (сообщение о наблюдаемом явлении), *значит, по ночам ее гоняет домовик* (причинно-следственная мифологическая трактовка). Тогда в хлеву вешают убитую сороку (описание магического действия человека), *чтобы домовик не мучил корову* (причинно-целевое обоснование этого действия, т. е. мотивировка магического акта)». Или другой пример: «Если в ясный день внезапно поднимается вихрь, *значит, в это время кто-то повесился*» (природное явление объясняется фактом самоубийства). Для исследователя народной культуры важным оказывается то, что подобные интерпретации всего происходящего в реальной действительности осуществляются носителями традиции на основе мифологических представлений об устройстве окружающего мира, поэтому они служат надежным источником для изучения архаических верований каждого этноса. И такие интерпретирующие тексты могут быть представлены как в виде краткого сообщения (словосочетание), так и в виде пространного, сюжетно разработанного повествования (этиологические легенды, объясняющие происхождение разных видов животных и растений, природных явлений).

В отличие от рассмотренных выше групп текстов-интерпретантов (мотивировок, толкований гаданий и снов), мифологические трактовки наблюдаемых явлений нельзя признать устоявшимся жанром (языковым или фольклорным). По своей формальной структуре они могут сближаться с мотивировками действий (причинно-следственные логические связи), с толковательными моделями прогностических текстов и загадок (категоризация явлений окружающего мира путем сравнения двух его элементов), с фольклорными нарративами, призванными объяснить причины возникновения тех или иных реалий действительности, и с другими жанровыми разновидностями. Главным объединяющим признаком мифологических трактовок является лишь их интерпретирующая функция.

В роли такого рода интерпретирующих текстов могут выступать, например, народные названия дождя, идущего при солнце. В Полесье такому аномальному явлению, как «слепой дождь», давались следующие объяснения: *это вдова или сирота плачет, цыгане женятся, русалки купаются, ангелы купаются, душа утопленника сушится, ведьма масло сбивает, черт бьет свою жену, волка лихорадка трясет*. Ср., например, «Як иде дождь и сонейка светить, кажущь, што ета удавинные слёзы падаюць» (ПА*, гомел.); «Сонцэ свитыць и дождь идэ – то сирота плачэ» (ПА, брест.); «Сонышко светит и дож падае, то гаворыць: в тое час душа, хто потопленник, та душа пересушываецца» (ПА, ровен.). Почему факт выпадения дождя во время солнца мотивируется плачем разных персонажей, можно понять на основе метафоры «дождь – слезы», а логическое обоснование возникновения остальных мифологических интерпретаций (цыганская свадьба, взбивание ведьмой масла и т. п.) еще предстоит установить специалистам¹⁸.

Таким образом, рассмотренные нами тексты с интерпретирующей функцией (мотивировки ритуальных актов и запретов, толкования снов и гаданий, а также мифологическая трактовка разных знаковых событий и природных явлений) служат источником для изучения символического языка народной культуры и реконструкции архаических представлений об устройстве мира.

Такая ценная информация может быть получена даже на основе шуточных ответов на детский вопрос «Откуда берутся дети?». По полесским данным, «младенцев приносят весной перелетные птицы

* Здесь и далее – Полесский архив Отдела этнолингвистики и фольклора Института славяноведения РАН. Москва.

(чаще всего – аист)»; «детей находят в зарослях трав и цветов, на овощных грядках среди растущей капусты, огурцов, в злаковом или конопляном поле, на деревьях, в кустах»; «их приносит талая весенняя вода»; «их спускает на веревочке Бог с неба»; «детей покупают у цыган» и т. п. Обращает на себя внимание полное отсутствие зимней символики в этих формулах, то есть важной информацией для исследователя является реконструируемая мифологема, указывающая на связь деторождения с периодом общей вегетации, плодоношения растений и с весенне-летним пробуждением природы.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Восточнославянский фольклор: Словарь научной и народной терминологии. Минск, 1993.

2 Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под ред. Н. И. Толстого. М., 1995. Т. 1. А–Г; 1999. Т. 2. Д–К (Крошки); 2004. Т. 3. К (Круг) – П (Перепелка); 2009. Т. 4. П (Переправа через воду) – С (Сито); 2012. Т. 5. С (Сказка) – Я (Ящерица).

3 Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.

4 *Богатырев П. Г.* Вопросы теории народного искусства. М., 1971.

5 *Толстая С. М.* К прагматической интерпретации обряда и обрядового фольклора // *Толстая С. М.* Образ мира в тексте и ритуале. М., 2015. С. 65–75; *Она же.* Мотивационные семантические модели и картина мира // *Толстая С. М.* Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М., 2008. С. 188–203; *Березович Е. Л.* Русская лексика на общеславянском фоне: Семантико-мотивационная реконструкция. М., 2014; *Мороз А. Б.* Народная интерпретация этнографического факта // Язык культуры: семантика и грамматика. К 80-летию со дня рождения акад. Никиты Ильича Толстого. М., 2004. С. 174–182; *Виноградова Л. Н.* Мотивировки обрядовых действий: стереотипы религиозного и магического мышления // *Folklog – Sacrum – Religia.* Lublin, 1995. S. 52–58; *Она же.* Мотивировки ритуальных действий как интерпретирующие тексты // Ученые записки Российского православного университета им. ап. Иоанна Богослова. М., 1998. Вып. 4. С. 111–117.

6 *Толстая С. М.* К прагматической интерпретации обряда и обрядового фольклора // *Толстая С. М.* Образ мира в тексте и ритуале. С. 69.

7 *Богатырев П. Г.* Вопросы теории народного искусства. С. 174–175.

8 *Lud. Polskie Towarzystwo Ludoznawcze.* Lwów, 1898. Т. 4. С. 418.

- 9 Толстая С. М. К прагматической интерпретации обряда и обрядового фольклора. С. 75.
- 10 Ветлужская сторона: Пыщуганье. Вып. 5. Традиционный фольклор Пыщугского р-на Костромской обл. Пыщуг, 2001. С. 25. № 38.
- 11 Там же. С. 32. № 156.
- 12 Поэзия крестьянских праздников. Л., 1970. (Б-ка поэта. Большая серия). С. 205. № 269.
- 13 Ветлужская сторона. Фольклорный сборник. Кострома, 1996. Вып. 2. С. 27. № 92.
- 14 Поэзия крестьянских праздников. С. 200. № 256.
- 15 Морозов И. А., Слепцова И. С. Гадания с подблюдными песнями // Духовная культура Северного Белозерья: Этнодиалектный словарь. М., 1997. С. 82.
- 16 Там же. С. 84.
- 17 Подробнее см.: *Niebrzegowska St. Polski sennik ludowy*. Lublin, 1996. S. 61–75.
- 18 Подробнее см.: *Виноградова Л. Н. Почему дождь сквозь солнце называется слепой дождь? // Живая старина*. 2015. № 4.

L. N. Vinogradova

Texts of folk culture that have interpretative function
(motivation of ritual behaviour, interpretations of fortunetelling
and dreams, mythological explanation of meaningful events)

The article dwells upon some less studied texts of the Slavic folk culture, which are combined by a common interpretative function i.e., to explain the aim of magical rites or the necessity to follow restrictions; to spell out the meaning of the encoded prognostic signs; to give a mythological explanation to events that happen in the world.

Keywords: *traditional culture, motivations of actions, symbolics of dreams and fortunetelling, spelling out the encoded signs.*

И. А. Сёдакова
(Москва)

Русско-болгарские праздничные параллели: *Воздвижение*¹

В статье проводится этнолингвистический анализ двенадцатого праздника Воздвижения в русской и болгарской народно-православной традиции, интерпретируются причины выявленных сходств и различий в терминологии, обрядах и фольклорных текстах.

Ключевые слова: *этнолингвистика, народное православие, праздник, крест, Россия, Болгария.*

Славянские календарные праздники постоянно привлекают внимание исследователей, список литературы поистине огромен. Опубликованные работы выполнены на материале одной народной традиции (русской, болгарской, польской и др.), традиции одной группы славян (восточнославянской) или же в общеславянском охвате темы. Нам представляется весьма интересным и перспективным целенаправленное детальное сопоставление праздничных циклов двух славянских православных традиций – русской и болгарской. С одной стороны, языки и культуры России и Болгарии весьма близки, с другой же – по лингвистическим и экстралингвистическим причинам – отстоят друг от друга довольно-таки далеко. Эта картина становится особенно отчетливой при сравнении фрагментов праздничного календаря. Из сопоставительных исследований по терминологии нам известна диссертация Е. Ю. Терентьевой «Народные названия церковных праздников в русской и болгарской православной традиции»², в которой характеризуются основные принципы модификации народных геортонимов у русских и болгар. Однако междисциплинарной сопоставительной работы пока еще осуществлено не было.

В этой статье проводится комплексный этнолингвистический анализ двенадцатого праздника Воздвижение Честнаго и Животворящего Креста Господня (далее Воздвижение), который позволяет выявить наряду со сходством значительные различия не только в терминологии, но и в обрядности, поверьях и народно-православных обычаях. Краткому описанию этого праздника у всех славян посвящена статья Г. И. Кабаковой³ в словаре «Славянские древности»,

Воздвижение отдельно описано в русских и болгарских энциклопедиях и словарях⁴. Более детальное обращение к этому празднику в сопоставительном аспекте демонстрирует существенные различия в интерпретации, формировании, функционировании лексики, фольклорных текстов и обрядности. Народная терминология и ритуальное содержание этого праздника в двух их версиях – русской и болгарской – предоставляют прекрасные возможности для комплексных этнолингвистических исследований, иллюстрируя их огромный потенциал.

Изучая культурную и обрядовую терминологию, Н. И. и С. М. Толстые отмечали ее особую роль, которая обусловлена тем, что она принадлежит к языку (и подчиняется свойственным данному языку закономерностям), и одновременно культуре (и соотносится с другими элементами ее семиотических составляющих)⁵. Такое слияние языка и культуры, порой невозможность их отдельного, изолированного описания, типично для Воздвижения.

Русская и Болгарская церкви следуют различным календарям (русские придерживаются в богослужении юлианского календаря, а болгары с 1968 г. – григорианского), поэтому Воздвижение отмечается в разные дни – 14 сентября в Болгарии и 27 сентября в России. Этот праздник имеет значительную сезонную окраску (один из его русских терминов – *Третьи Осенины*⁶, ср. также «Осённые праздники пойдут, Звиженье пойдёт»⁷). В обеих странах он связан с окончанием аграрного года, с переходом от лета (осени) к зиме («Лето звизжало-убежало»⁸), от тепла к холоду, а также с заметными изменениями в природе и поведении животных. Осенние праздники в целом намного беднее зимних, весенних и летних⁹, не случайно поэтому в этнографических описаниях они нередко «группируются» с соседними праздниками в единый цикл¹⁰ или объединяются с летними¹¹. В классической «Этнографии Болгарии» Хр. Вакарельского¹² осенние календарные праздники вообще отсутствуют.

Между тем Воздвижение по своей значимости в русском и болгарском праздничных календарях отличается, что не является редкостью, поскольку важность и иерархия церковных праздников, их народная «проработка» в России и Болгарии неодинаковы. Воздвижение в России – значительный праздник (ср. «Воздвижение – праздники большие»¹³, «Главные праздники – Крещение, Рождество, Пасха, Троица, Движеньё»¹⁴). В Болгарии он лишь один из череды осенних праздников, «малый праздник»¹⁵, нередко он сливается в общем описании праздников сентября – октября, не упоминается совсем или

информация о нем укладывается в два-три предложения. Уступает болгарское Воздвижение русскому и по количеству хрононимов. Так, самый полный индекс обозначений праздника, представленный в словаре «Русский народный календарь»¹⁶, насчитывает 59 терминов, тогда как болгарских терминов, даже с самым полным учетом диалектных фонетических вариантов, меньше 10.

Безусловно, надо иметь в виду диалектный характер народной культуры и отмечать региональные различия в праздновании Воздвижения на территории и России, и Болгарии. Если в России Воздвижение присутствует в народном календаре повсеместно, то в Болгарии его отдельное, вне других осенних дат внецерковное празднование известно не всюду, отмечается лишь посещение службы в церкви и строгое соблюдение поста. Воздвижение в русской традиции намного содержательнее в плане обрядовой деятельности и богато краткими фольклорными текстами (присловьями, поверьями, метеорологическими приметами и др.). Таким образом, материалов по русскому Воздвижению значительно больше, чем по болгарскому, к тому же они заметно разнообразнее, включая терминологию, обрядность, фольклорные клише и нарративы.

Существенно то, что если в других церковных праздниках христианское содержание и сюжет праздника порой выветривается и доминирует его народное восприятие, что характерно, например, для Вербного воскресенья – Входа Господня в Иерусалим¹⁷, в Воздвижении церковная составляющая сохранилась. Так, в России и в Болгарии в селах обязательно посещали церковь, соблюдали однодневный пост, а тема креста прочитывается на разных уровнях (лексика, бычай и нарративы).

Церковное название праздника Воздвижение Честнаго и Животворящего Креста Господня в обеих традициях подвергается сокращению, однако из словосочетания выбираются разные компоненты. Терминология праздника в русской междиалектной перспективе базируется на действии, *движении*, то есть выбирается компонент *Воздвижение* (*Движение*, *Здвижение*, *Здвиги*, *Сдвижки* и др.). Таких терминов и их фонетических и морфологических вариантов насчитывается 53 из 59 в уже упомянутом списке, приведенном в этнолингвистическом словаре «Русский народный календарь»¹⁸. В Болгарии доминирует тема креста, он служит семантической основой и мотивировкой наиболее частого хрононима – *Кръстовден*. Болгарские печатные церковные календари в скобках к традиционному геортониму обычно публикуют устоявшиеся народные назва-

ния праздников, и именно *Кръстовден*, кроме полного церковного наименования *Въздвижение на свети Кръст Господен*, дается на дату 14 сентября¹⁹. В русских летописях также известно именование праздника через «крест», но с гречизмом *Ставров день*²⁰.

Кроме церковного названия праздника, используются и народные, не соотносящиеся с событием христианской истории, термины. В русский междialeктный ряд обозначений Воздвижения входят наименования с зоонимическим кодом: *Медвежий праздник*, *Медвежье здвиженье*²¹, *Змеиный день*²² в соответствии с поверьями и представлениями о поведении животных в этот день. В хрононимах задействован еще один код – вегетативный: у русских Воздвижение иногда называется *Капустники* и считается «праздником капусты», а дни после него именуются *капустки*, *капустницы*²³. У болгар же этот праздник называют *Гроздоберник* «сбор винограда»²⁴, поскольку именно в этот день и собирают урожай.

В целом же в русских хрононимах доминирует акциональная тема, тема движения, а в болгарских – объектная, относящаяся к реалии – кресту. Как известно, обрядовая терминология обладает интерпретирующей и продуцирующей функциями²⁵. Мы увидим далее, что начальная мотивировка названия праздника (русское «движение» и болгарское «крест») обретает форму ритуальных актов, а также переносится на констатацию ряда хозяйственных и природных явлений, социализации. Чтобы проанализировать эти процессы и их механизмы, надо обратиться к более подробному описанию всего праздничного комплекса, ритуальных действий, запретов, рекомендаций и поверий.

Начнем с христианского содержания и религиозной практики, которые в народной традиции отражают события, отмечаемые церковью. В болгарской этнографической литературе подчеркивается, что это церковный праздник²⁶. В его описании у русских присутствует не подробная, но все же соотносящаяся с идеей христианского праздника информация²⁷: «Воздвиженье – это честной крест нашли, святая Елена»²⁸; «Когда послали Иисуса Христа на распятие, вот эти не хуже кресты, их содвинули... На этом месте выросли цветы. Это Здвиженье, на каком кресте Христос распятый»²⁹; «Здвиженье – это праздник в честь Христова распятия, в этот день нашли крест и сдвинули – женщина была Елена, она искала крест, и в этот день нашли и сдвинули его, и Христос воскрес»³⁰. Иногда название праздника увязывается с тем, что чтобы найти те три креста, на одном из которых, по преданию, распяли Спасителя, сдвинули здания на горе Голгофе:

«Вот эта вот здвинули фсё, паэтаму называица Здвижынь, фсё-фсё-фсё, фсё дастали, фсё эта здвинули, фсё эта здание, фсё здание, да, их нада дастать была»... (Зап. в 2009 г. Т. Ю. Власкиной и Н. А. Власкиной в ст. Скуришенской Кумылженского р-на Волгоградской обл.)³¹.

Важным для этнолингвистического анализа представляется следующее описание праздника: «Здвиженье креста Господня. Воздвигали крест наверх, показывали. Когда мертвый воскрес, стали крест поднимать, показывать»³²; «крест нашли... и как бы воздвигнули над народом»³³. В этих примерах актуализируется семантика церковнославянского **ВОЗДВИЗАТИ** – «поднимать, возвышать»³⁴, отмеченная и у Даля, ср. *воздвигать* «сооружать», «подымать, воздымать или возносить»³⁵, хотя современное *воздвигать* ограничивается значением «соорудить, построить»³⁶. Эта же семантика лежит в основе народной модификации полного названия праздника, где хрононим дополняется указанием направленности вверх, «на небеса», ср. «27 сентября – Воздвижение Креста Господня на небеса»³⁷.

Воздвижение – это день, когда соблюдается строгий пост, и его обязательность подчеркивается и в России, и в Болгарии. Отмечается, что для застолья готовили постную пищу, например «семеро грибы»³⁸. Мотивировка поста различается, что хорошо демонстрируют краткие клишированные формулы. Так, у русских зафиксированы выражения, эксплицирующие связь поста и греха: «Кто скороми на Воздвиженьев день чурается, тому семь грехов прощается»³⁹ и «Кто не постит Воздвиженью – Кресту Христову, на того семь грехов воздвигнутся»⁴⁰. Соблюдение / несоблюдение поста связывается и с действенностью молитв: «У кого на столе о Воздвиженье убоина – тот все свои молитвы убивает»⁴¹, ср. и веру в особую силу воздвиженских молитв: «С верою помолиться на Воздвиженьев день, так Животворящий крест и со смертного ложа подымет»⁴².

Известны бытовые мотивировки воздержания от скоромного, ср. рус. «В Звизженье мясо не едят, а то волки будут скотину драть»⁴³. В Болгарии, где пост держали *за кръст*⁴⁴, *за светия кръст*⁴⁵, в силу полисемии этого слова (*кръст* «крест» и «поясница»⁴⁶, ср. рус. *крестец*) развивается и иная мотивировка: «чтобы не болела спина, поясница», получившая широкое распространение⁴⁷.

Подобно другим двенадцатым и большим праздникам, Воздвижение маркировано как день, когда особенно следят за выполнением христианских правил поведения и соблюдением норм: «Во Вдвигенъ всё грех»⁴⁸. У русских к этому празднику приурочивают воздвижение обетных крестов, построение часовен и других религиозных

сооружений, а также установку крестов на новопостроенных храмах⁴⁹. В Болгарии тоже известно освещение церквей на *Кръстовден*, совершается крестный ход, практикуется обход села священником, служат молебны. Болгары устраивают сельские соборы и курбан, то есть жертвоприношения кресту и святым, а также чествуют именинников с именами от *кръст*⁵⁰.

Выраженное поклонение кресту на Воздвижение связано в Болгарии с известным сакральным местом в Родопях – Крестовой горой. История и мифология обнаружения частей Креста в 1930-е гг., создание большого комплекса в постсоветские времена, развитие современного паломничества хорошо описаны и проанализированы⁵¹, и мы не будем специально останавливаться на этом сюжете. Для нас важно упомянуть это место потому, что оно ассоциируется с Воздвижением и носит общенациональный характер. Десятки тысяч болгар накануне праздника прибывают в эту местность, чтобы провести там ночь и наутро поклониться кресту. Таким образом, Воздвижение в Болгарии прочно сплетено с Крестовой горой и его иеротопией, особенно если учесть, что благодаря болгарскому (балканскому) религиозному синкретизму эту местность посещают и мусульмане⁵².

Поминование, характерное для осеннего периода, включается в обрядность Воздвижения некоторых областей Болгарии. Тогда совершается типичный болгарский обычай – *раздаване* – угощение после окончания церковной службы, а также на улицах села в течение всего дня родных и соседей свежесдобитыми булочками и лепешками, сладостями «для души» покойного. В Ловечском крае варят жито с новыми грецкими орехами и угощают всех за *Бог да прости*, то есть за помин души⁵³. Раздают также виноград и арбузы⁵⁴.

Дней почитания креста в кругу других христианских календарных праздников несколько. Это особенно эксплицируется в Болгарии, потому что Воздвижение соотносится с Крещением, где важно не только освящение воды, но и народно-православные действия с крестом. Крещение и Воздвижение в болгарском календаре образуют пару и именуются *Зимен Кръстовден* (Крещение) и *Летен Кръстовден* (Воздвижение)⁵⁵. Священник на Воздвижение в некоторых селах, как и на Крещение, обходит дома и кропит их святой водой. Хозяева бросают монеты в котелок, дают ему яйца и муку. В Болгарии (и в Македонии, Греции и ряде других стран) после крестного хода на Крещение священник бросает крест в водоем, и молодые неженатые парни спешат достать его из воды⁵⁶. Однако болгарская терминология Крещения выбирает тему креста лишь в некоторых регионах.

Так, в Родобах и некоторых других областях Крещенский сочельник именуется *Корст*, *Кръсти*, *Кръстовден*⁵⁷, а само Крещение – *Йордановден* (именно этот термин наряду с церковным *Св. Богоявление* дается в Православном календаре⁵⁸), *Водици*, *Водокръщи* и др.⁵⁹ «Водная» тема для обозначения Крещения известна и русским, ср. *Водокрещца*, *Водомка*, *Водосвятъе* и др.⁶⁰, но все же в основе русских хрононимов чаще представлено именно «крещение».

В народных воззрениях Воздвижение – важный сезонный рубеж, который обозначает начало или конец определенных хозяйственных работ, изменения в погоде, в поведении животных и др. Болгары Сакара говорят, что с Воздвижения начинается осень⁶¹. У русских этот рубеж обозначается через хрононимы, которые соотносятся с мотивом движения, изменения, прихода или ухода, началом или окончанием, и через многочисленные приметы, рекомендации, метеорологические паремии. Интерпретация названия праздника связана прежде всего с передвижением животных: *Здвыженье* «Все сдвигается, птицы, звери в норы»⁶²; *Здвижение* – «змеи сдвигаются. Они сдвигаются к своим местам, как медведи в свое логовище»⁶³; «Все зверьки улёзают в земельку. Вот у их такой день и зовется что Возвиженьё, что оне прячутся в землю»⁶⁴. Через движение обозначаются и сельскохозяйственные работы, и этим объясняется наименование и содержание праздника: «И с огородов, с полей все сдвигается, вот называется Воздвиженья»⁶⁵; «Здвижник называется потому, что снопы движутся с поля»⁶⁶.

Имеются свидетельства о том, что бытовало два объяснения – народное и церковное, типичное для народного православия: «27 сентября – Воздвижение Креста Господня на небеса. А мне мама говорила (ну, тогда люди были темные): “Сдвижение: змеи в груду сдвигаются”. Но это неправильно... Наши старики темный народ был... 27 сентября – Воздвижение Креста Господня на небеса»⁶⁷.

Народные объяснения хрононима, поверий и ритуальных практик через движение поистине составляют основу Воздвижения у русских, поэтому и сами глаголы *двигать*, *двигаться* очень частотны в воздвиженских паремиях. С различными префиксами они употребляются в разных значениях, само же движение получает разные векторы направления и развивает метафорическое значение. Так, *сдвинуться* означает «соединиться», «убраться (исчезнуть)», «уйти» и др. Нередко в паремии используются два однокоренных глагола с разными префиксами: *сдвинуть(ся)* – *надвинуть(ся)* или хрононим сопоставляется с глаголом движения: «Пришло Здвиженье – кафтан с

шубой сдвинулся, и шапка надвинулась»⁶⁸; «На Воздвиженье птица в отлет двинулась»⁶⁹; «В Звиженье в лес не ходют – гадюки движутся»⁷⁰; «О Звиженье зверь в лесу движется»⁷¹; на *Здвиги* «Холод уже – вот все и сдвигается: змеи у норы, насекомые там, мыши»⁷².

Обобщающее «двигаться» может конкретизироваться применительно к конкретному виду животных: «На Воздвиженье ужи ползают»⁷³; «На Воздвиженье птицы начинают улетать, а гадюки ползут на зиму в вырай»⁷⁴; «Звери по лесу бегают»⁷⁵; «Змеи все бредут в места свои»⁷⁶; «много зверей играют в лесу, волки бегают»⁷⁷. Кроме того, релевантны мотивы исчезновения, сокрытия, ухода в спячку: «В этот день все гады, змеи и вужи сдвигаются в места и ховаются в землю»⁷⁸; «гадюки все прячутся»⁷⁹; «Взвиженьё – маленькие зверушки собираются зимовать, уходят в землю ящерки, лягушки, змеи»⁸⁰; «На Вздвиженье все залегает спать»⁸¹; «Здвиженье весь гад пойдет на ночевку»⁸²; «...все насекомые в одну кучу и на зиму хоронятся»⁸³. Фиксируются представления о змеином и зверином празднике, поэтому глаголы со значением «собираться» также частотны: «Змеи сдвигаются в кучку, у них свой праздник, они в лесу на борах собираются»⁸⁴; «В Звиженьё у змей праздник. Оне собираются кучам и уходят в землю»⁸⁵ и др.

В воздвиженских паремиях маркируется и отсутствие движения, нередко как его отрицание, с частицей *не*: «На Вздвиженье ни змей, ни гад по сырой земле не движется»⁸⁶; «После Здвиженья, Змеинога дня, змеи не ползают»⁸⁷ или с помощью глаголов со значением «быть бездвижным»: «Около Воздвиженья змеи цепенеют»⁸⁸.

Перемены в температуре, сезоне, начале снегопадов передаются в фольклорных клише также через глаголы движения: «Воздвиженье тепло сдвинет, а холод надвинет»⁸⁹; «Здвижение – погода к зиме сдвигается»⁹⁰; «Здвиженье – день, когда осень с зимой сдвигается»⁹¹; «Здвижение – тока маленько подвинет снегу, а в Покров покрываить»⁹². Изменения обозначаются и образно, через «движение» одежды: «В Здвиженье одежду сдвигают»⁹³; «Воздвиженье кафтан с плеч сдвинет, тулуп надвинет»⁹⁴; «Воздвиженье здвинет зипун, подвинет шубу»⁹⁵. Окончание полевых работ нередко обозначалось глаголами движения, созвучными хронимом: «На Воздвиженье – хлеб с поля двинулся»⁹⁶; «На Воздвиженье копна с поля движется»⁹⁷; «Здвиженье – хлеб на гумно движется»⁹⁸.

Мотив движения, столь эксплицитно присутствующий в русской версии Воздвижения, порождает рекомендации к совершению определенной магии «движений» в этот праздничный день, ср. «А

это тоже Здвиженья, яйца тоже здвигают. Если у тебя яйца есть... – их передвинут с места на место, и они тоже будут у тебя год лежать, и никогда не пропадут»⁹⁹.

Хозяйственная обрядность типична для Воздвижения в Болгарии и России. Хотя это и церковный праздник, в этот день не запрещается трудиться, а, наоборот, к нему приурочиваются некоторые работы. В ряде регионов Болгарии в этот день начинается осенний сев¹⁰⁰, хотя чаще он приурочен к Симеонову дню (01.09). Озимый сев в Болгарии сопровождается более развитой обрядностью, чем весенний¹⁰¹. Например, в Родобах на Воздвижение супруги соблюдают сексуальное табу, чтобы быть чистыми для сева. Хозяйка выпекает лепешку и маленькие калачи для волов, которых запрягают для пахоты. В течение дня в доме не ставят на очаг почерневшие котлы, чтобы в посевах не было головни¹⁰². Специально заготовленное семя для посева (нередко это семена, которые стояли на трапезе в Рождественский сочельник) освящается в храмах¹⁰³. Интересно, что мотивы посева не нашли отражение в болгарских названиях праздника, хотя это очень важный момент в аграрном цикле. В России же начинать на Воздвижение важные дела не рекомендуется, так как считается, что они будут бесполезными и неудачными¹⁰⁴.

В названиях и хозяйственной практике праздничного дня прочитываются и фиксируются природно-климатические и вегетативные отличия. Так, в России Воздвижение четко связывается с капустой, которую в этот день или убирают с полей, или заготавливают на зиму, ср. «На Воздвижение первая барыня – капуста», «Не жди Покрова – секи капусту»¹⁰⁵; «На Воздвиженье у доброго молодца капуста у крыльца»¹⁰⁶. На Воздвижение устраивали особый вид помочи, когда рубили капусту (*капустенские вечера, капустки, капустницы*). Собирались девушки, а парни приглядывали себе невест. Каждая семья по очереди приглашала к себе подруг дочери рубить капусту. Ужин с пирогами с капустой. Парни, получив приглашение войти в дом, поздравляли хозяйку «с капустой» и присоединялись к веселью. В городах даже на улицах накрывались большие столы¹⁰⁷. Заметим, что молодежные праздники, посиделки, гулянки, начинающиеся с Воздвижения, русские вспоминают без обязательного упоминания капусты: «Ой как мы гуляли!»¹⁰⁸. В Болгарии этот день знаменует начало сельских молодежных вечеринок и развлечений (*хоро*), в городах устраиваются ярмарки¹⁰⁹.

«Капустный» код не известен болгарам, у которых, как упоминалось выше, эта дата связывается в некоторых регионах со сбором вино-

града и грецких орехов. Отсюда болгарский хрононим *Гроздоберник* и освящение (болг. *кръщаване* 'крещение') винограда и грецких орехов¹¹⁰.

В контексте сезонных поверий о Воздвижении у русских развиваются запреты и рекомендации, связанные с передвижением людей и скотины из безопасного места в опасное, ср. «На Здвиженье в лес не ходите, все зверушки сдвигаются в лес»¹¹¹. Применительно к этому празднику актуализируются различные фольклорные тексты, иллюстрирующие и объясняющие регламентацию поведения. Так, рассказывают былички о встрече в лесу с царицей змей, у которой на голове венец, или с «главарем змей» – белым, седым. Верят, что кто пойдет в лес на Воздвижение, от таких встреч с ума сходит¹¹². Отсюда и многочисленные рекомендации оставаться дома и не ходить именно в лес, потому что «В Звижев день не надо в лес ходить, подымаются все змеи, в клубок завиваются»¹¹³, ср. также: «Все змеи сдвигаются в одно место до первого весеннего грома. На Воздвижение в лес ходить нельзя, так как ужи в вирий идут. Дома запирают двери – от гадов. Змеи могут затащить под землю»¹¹⁴.

Мотив сезонного сдвижения змей, актуальности «змеиной» темы может быть представлен имплицитно: «На Удвиженье свадьбы не играют – будут жить как змеи»¹¹⁵.

Кроме змей, опасность на Воздвижение представляют медведи и другие дикие звери (лоси, волки), которые, как считается, тоже передвигаются в этот день, уходят в спячку, ср. «Медведи в лесу на лапах стоят»¹¹⁶; «Со Движенья медведь лапу сосет, в берлогу забирается»¹¹⁷. Встреча с медведем опасна для домашнего скота, который в этот день запирают и не выпускают: «На Звижев день скотины не выпускай и в лес не ходи; медведи гуляют, можешь нарваться на них»¹¹⁸; «В Звижев день собирают скотину, чтоб была дома. Не выпускают. Звери ходят в эту ночь»¹¹⁹.

У русских Воздвижение связывается с активизацией некоторых демонов – леших и ови�ников¹²⁰, подобных демонологических поверий у болгар не фиксируется.

И, наконец, еще одно серьезное отличие в праздничных традициях. В Болгарии Воздвижение – это день чествования именинников, нареченных по народному названию праздника с темой креста, *Кръстовден*. В Русской православной церкви именины празднуются лишь в день соответствующего святого-покровителя и только для имен, которые есть в святцах. В Болгарии именины не только не обязательно привязаны к дню святого, имя которого носишь, но отмечаются и в годовые праздники. В таких случаях из содержания празд-

ника выделяется основная тема, которая по-болгарски соответствует имени-апеллятиву, иногда хрононим созвучен имени: Рождество отмечают как именины *Божидар, Христо, Радост* и др.¹²¹; Пасху (болг. *Великден*) – *Възкресия, Величко, Светлана* и др.¹²² В Воздвижение при праздновании именин актуализируется тема креста, и люди, носящие прозрачные по внутренней форме болгарские имена *Кръстьо, Кръстина, Кръстил, Кръстила, Кръстилена, Кръстена, Кръстан, Кръстана*, их производные *Къна, Кънчо*¹²³ и созвучные им *Криста, Кристина, Кристиан*, отмечают именины в этот день¹²⁴. В силу балканскости болгарского языка и ситуации би- и полилингвизма многие иноязычные имена переводятся, понимаются и осознаются как параллельные. Таков случай с именами *Кръстю* (болг.) и *Ставри* (греч.), поэтому болгары с именами *Ставри, Ставре, Ставра* также являются именинниками на Воздвижение¹²⁵.

Итак, сопоставительный анализ Воздвижения в русской и болгарской традиции выявляет скорее больше различий, чем сходств. К общим чертам относится посещение церкви, соблюдение поста, восприятие этого дня как рубежа (завершение одних работ и начало других). Различия касаются терминологии и ритуального содержания праздника. У русских междиалектный синонимический ряд сокращенного церковного наименования *Воздвижение* очень велик, в основном за счет фонетических и словообразовательных вариантов с корнем *двиг-*. К мотивирующим признакам русских хрононимов относятся элементы вегетативного («капуста») и зоонимического («змеиный», «медвежий» день) кодов. У болгар междиалектных хрононимов немного, в основном представлена тема креста, а из вегетативного кода берутся *грозде* «виноград» и *орехи* «грецкие орехи». Мотивы изменения погоды, поведения животных у болгар включены в другие праздники конца лета – начала осени. Так, уход змей в болгарском календаре связывается с праздниками *Голяма Богородица* (15.08, Успение Пресвятой Богородицы) и *Секновение* (29.08 ст. ст., Усекновение главы Иоанна Предтечи), важными датами в годовом ритуальном цикле. Но это уже тема следующего исследования.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 14-04-00546а «Лингвокультурная ситуация в России и Болгарии и трансформация русско-болгарских языковых взаимоотношений: XXI век».

2 *Герентьева Е. Ю.* Народные названия церковных праздников в русской и болгарской православной традиции. М., 2012. Канд. дис. ... филол. наук. Рукопись.

3 *Кабакова Г. И.* Воздвижение // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. М., 1995. Т. 1.

4 *Некрылова А. Ф.* Русский традиционный календарь на каждый день и для каждого дома. СПб., 2007; *Атрошенко О. В., Кривошапова Ю. А., Осипова К. В.* Русский народный календарь. Этнолингвистический словарь. М., 2015; *Василева М.* Традиционни календарни и семейни обичаи в Карнобатско // История и култура на Карнобатския край. София, 1993. Т. 3; *Попов Р.* Български народен календар. София, 1997; *Легурска П., Китанова М.* Тематичен речник на народния календар. София, 2008.

5 *Толстая С. М.* Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М., 2008. С. 211–212.

6 *Атрошенко О. В., Кривошапова Ю. А., Осипова К. В.* Русский народный календарь... С. 438.

7 Там же. С. 93.

8 Там же. С. 159.

9 *Василева М.* Традиционни календарни и семейни обичаи в Карнобатско. С. 197–198; Капанци. Бит и култура на старото българско население в Североизточна България. [Етнографски и езикови проучвания]. София, 1985. С. 228.

10 Пловдивски край. [Етнографски, фолклорни и езикови проучвания]. София, 1986. С. 277.

11 Етнография на България. Духовна култура. София, 1985. Т. III; Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Летне-осенние праздники. Конец XIX – начало XX века. М., 1978.

12 *Вакарелски Хр.* Етнография на България. София, 1977.

13 Фольклор Сосновского района Нижегородской области / Под общ. ред. К. Е. Кореповой. Нижний Новгород, 2013. Т. I. С. 115.

14 *Атрошенко О. В., Кривошапова Ю. А., Осипова К. В.* Русский народный календарь... С. 117.

15 Софийски край. [Етнографски и езикови проучвания]. София, 1993. С. 256.

16 *Атрошенко О. В., Кривошапова Ю. А., Осипова К. В.* Русский народный календарь... С. 507.

17 *Седакова И. А.* Вербное воскресенье: растительный код и «цветочные» именины у болгар // Традиционная культура. 2010. № 6. С. 115–121.

18 *Атрошенко О. В., Кривошапова Ю. А., Осипова К. В.* Русский народный календарь... С. 507. Обращение к большему кругу источни-

ков дополняет варианты хрононимов с идеей «движения», собранных в «Русском народном календаре», ср. *Здвыжынье* (Кореновский район. История, этнография, фольклор Кубани (материалы Кубанской фольклорно-этнографической экспедиции) / Отв. ред. Н. И. Бондарь. Краснодар, 2015. С. 141), *Взвиженьё* (Фольклор Сосновского района Нижегородской области. С. 191).

19 Православен календар. 2015. София, 2015. С. 22.

20 Русский праздник. Праздники и обряды народного земледельческого календаря. Иллюстрированная энциклопедия. СПб., 2001. С. 80.

21 *Атрошенко О. В., Кривоцапова Ю. А., Осипова К. В.* Русский народный календарь... С. 261.

22 Там же. С. 164.

23 Русские / Отв. ред. В. В. Александрова, И. В. Власова, Н. С. Полищук. М., 2003. С. 645.

24 *Василева М.* Кръстовден // Българска митология. Энциклопедичен речник. София, 2006. С. 170; Пловдивски край... С. 277.

25 *Толстая С. М.* Пространство слова... С. 225.

26 Сакар. Етнографски проучвания на България. София, 2002. С. 370; Родопи. Традиционна и социалнонормативна култура. София, 1994. С. 113.

27 Анализ более длинных фольклорных текстов о воздвижении креста не входит в задачи данной статьи.

28 Фольклор Сосновского района Нижегородской области. С. 115.

29 *Атрошенко О. В., Кривоцапова Ю. А., Осипова К. В.* Русский народный календарь... С. 159.

30 Там же.

31 Полная запись текста хранится в архиве «Полевые материалы диалектологических и этнолингвистических экспедиций ЮФУ – ЮНЦ РАН» за 2009 год. Благодарю Нину Алексеевну Власкину за эту информацию.

32 *Атрошенко О. В., Кривоцапова Ю. А., Осипова К. В.* Русский народный календарь... С. 160.

33 Там же. С. 92.

34 *Седакова О. А.* Церковнославянско-русские паронимы. Материалы к словарю. М., 2005. С. 87.

35 *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1978. Т. 1. С. 226.

36 Толковый словарь русского языка / Отв. ред. Н. Ю. Шведова. М., 2007. С. 103.

37 Фольклор Сосновского района Нижегородской области. С. 115. Значения «вверх», «на небеса» и вместе с тем актуализация движения,

столь важная для хрононима *Воздвижение*, присутствуют в следующей информации: «На Здвиженъе на окошко кисель ставили. Говорили, Исус Христос по парку движется на небеса» (Костромская область, Шарьинский район, д. Быниха). Безусловно, здесь есть контаминация с праздником *Вознесения*, но все же мотивационные модели характерны именно для Воздвижения. Благодарю Е. Л. Березович за предоставленную запись из лексической картотеки Топонимической экспедиции Уральского федерального университета (кафедра русского языка и общего языкознания УрФУ, Екатеринбург).

38 Фольклор Ковернинского района Нижегородской области / Под общ. ред. Ю. М. Шеваренковой. Нижний Новгород, 2014. Т. 2. Ч. I. С. 193.

39 *Атрошенко О. В., Кривошапова Ю. А., Осипова К. В.* Русский народный календарь... С. 93.

40 Там же. С. 92.

41 Там же.

42 Там же. С. 93.

43 Там же. С. 158.

44 Родопи. Традиционна и социалнонормативна култура. С. 113; Ловешки край. Материална и духовна култура. София, 1999. С. 319.

45 Пловдивски край. С. 277.

46 *Геров Н.* Речник на българския език. София, 1976. Т. 2. С. 424.

47 *Василева М.* Традиционни календарни и семейни обичаи в Карнобатско. С. 197–198; Пловдивски край. С. 277.

48 *Атрошенко О. В., Кривошапова Ю. А., Осипова К. В.* Русский народный календарь... С. 92.

49 *Некрылова А. Ф.* Русский традиционный календарь на каждый день и для каждого дома. С. 471.

50 Софийски край. С. 256; *Василева М.* Традиционни календарни и семейни обичаи в Карнобатско. С. 197–198; Пирински край. [Етнографски, фолклорни и езикови проучвания]. София, 1980. С. 108.

51 *Иванова Е.* (съст.). Кръстова гора – полезното чудо. София, 2000; *Karamihova M., Valtchinova G.* Talking War, «Seeing» Peace: Approaching the Pilgrimage of Krastova Gora (Bulgaria) // *History and Anthropology*. Oxford, 2009. Vol. 20. № 3. P. 339–362; и др.

52 *Карамихова М.* Динамика на свети места и поклонничества в постсоциалистическа България. Велико Търново, 2013.

53 Ловешки край... С. 319.

54 Сакар... С. 370.

55 *Легурска П., Китанова М.* Тематичен речник на народния календар. София, 2008. С. 20, 33.

- 56 Етнография на България. Духовна култура. София, 1985. Т. 3. С. 106; Ловешки край... С. 303.
- 57 Родопи... С. 92; Българска митология. Енциклопедичен речник. София, 2006. С. 149.
- 58 Православен календар. 2015. С. 8.
- 59 Българска митология... С. 149; *Седакова И. А.* Лексика и символика святочно-новогодней обрядности болгар. Канд. дис. ... филол. наук. Рукопись. М., 1984.
- 60 *Атрошенко О. В., Кривоцапова Ю. А., Осипова К. В.* Русский народный календарь... С. 91.
- 61 Сакар... С. 370.
- 62 Кореновский район. История, этнография, фольклор Кубани... С. 141.
- 63 Фольклор Сосновского района Нижегородской области. С. 115.
- 64 Фольклор Ковернинского района Нижегородской области. С. 191.
- 65 *Атрошенко О. В., Кривоцапова Ю. А., Осипова К. В.* Русский народный календарь... С. 93.
- 66 Там же. С. 159.
- 67 Фольклор Сосновского района Нижегородской области. С. 115.
- 68 *Некрьлова А. Ф.* Русский традиционный календарь на каждый день и для каждого дома. С. 472.
- 69 *Атрошенко О. В., Кривоцапова Ю. А., Осипова К. В.* Русский народный календарь... С. 93.
- 70 Там же. С. 158.
- 71 Там же. С. 159.
- 72 Там же.
- 73 Там же. С. 93.
- 74 Там же.
- 75 Там же. С. 158.
- 76 Там же. С. 159.
- 77 Там же. С. 158.
- 78 Там же. С. 159.
- 79 Кореновский район... С. 141.
- 80 Фольклор Ковернинского района Нижегородской области. С. 191.
- 81 Там же.
- 82 Фольклор Ковернинского района Нижегородской области. С. 192–193.
- 83 *Атрошенко О. В., Кривоцапова Ю. А., Осипова К. В.* Русский народный календарь... С. 161.
- 84 Там же. С. 159.

- 85 Там же. С. 158.
- 86 Там же. С. 93.
- 87 Там же. С. 164.
- 88 Там же. С. 93.
- 89 *Некрылова А. Ф.* Русский традиционный календарь на каждый день и для каждого дома. С. 472.
- 90 *Атрошенко О. В., Кривошапова Ю. А., Осипова К. В.* Русский народный календарь... С. 160.
- 91 Там же.
- 92 Там же.
- 93 Там же. С. 159.
- 94 Русский праздник... С. 82.
- 95 *Некрылова А. Ф.* Русский традиционный календарь на каждый день и для каждого дома. С. 472.
- 96 Русский праздник... С. 82.
- 97 *Атрошенко О. В., Кривошапова Ю. А., Осипова К. В.* Русский народный календарь... С. 93.
- 98 *Некрылова А. Ф.* Русский традиционный календарь на каждый день и для каждого дома. С. 472.
- 99 *Атрошенко О. В., Кривошапова Ю. А., Осипова К. В.* Русский народный календарь... С. 160.
- 100 Софийски край. С. 256.
- 101 *Маркова Л. В.* Болгары // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Летне-осенние праздники. Конец XIX – начало XX века. М., 1978. С. 237; Капанци... С. 227.
- 102 Родопи... С. 113.
- 103 Пирински край. С. 108.
- 104 Русский праздник... С. 83.
- 105 Русские. М., 2003. С. 645.
- 106 Русский праздник... С. 83.
- 107 Русские. С. 645.
- 108 Фольклор Ковернинского района Нижегородской области. С. 193.
- 109 *Василева М.* Кръстовден. С. 170.
- 110 Пловдивски край. С. 277.
- 111 *Атрошенко О. В., Кривошапова Ю. А., Осипова К. В.* Русский народный календарь... С. 159.
- 112 Фольклор Ковернинского района Нижегородской области. С. 192–193.
- 113 *Атрошенко О. В., Кривошапова Ю. А., Осипова К. В.* Русский народный календарь... С. 157.

- 114 Некрылова А. Ф. Русский традиционный календарь на каждый день и для каждого дома. С. 471.
- 115 Атрошенко О. В., Кривошапова Ю. А., Осипова К. В. Русский народный календарь... С. 447.
- 116 Там же. С. 261.
- 117 Там же. С. 117.
- 118 Там же. С. 157.
- 119 Там же.
- 120 Русский праздник... С. 82.
- 121 Огнянова Е. Традиции и праздники в България. София, 2003. С. 112.
- 122 Седакова И. А. Балканские мотивы в языке и культуре болгар. Родинный текст. М., 2007; Она же. Вербное воскресенье...; Огнянова Е. Традиции и праздники в България. С. 68.
- 123 Заимов Й. Български именник. София, 1994. С. 133.
- 124 Огнянова Е. Традиции и праздники в България. С. 94.
- 125 Именник. Списък на традиционни български и християнски имена, подходящи за св. Кръщение. София, 2001. С. 32.

I. A. Sedakova

Russian-Bulgarian Festive Parallels: Exaltation of the Lifegiving Cross

The article deals with a comparative ethnolinguistic study of the church holiday Exaltation of the Lifegiving Cross in Russian and Bulgarian folk Christian traditions; it analyzes the reasons for the similarities and differences in the terminology, rituals and folklore texts.

Keywords: *ethnolinguistics, folk Orthodoxy, holiday, cross, Russia, Bulgaria.*

А. В. Гура
(Москва)

Символика тела в сновидениях

В статье показаны различия и сходства в том, как отражено человеческое тело в жанре устных народных и книжных снотолкований, а их сравнение с толкованием снов в психоанализе позволяет выявить общие модели символизации и ряд символических универсалий и культурных архетипов.

Ключевые слова: *тело, символика сновидений, жанр снотолкований, сонники, психоанализ, культурные архетипы.*

Снотолкование как особый жанр имеет бинарную структуру: интерпретируемый образ (сон) в первой части и его символический смысл (прогноз) – во второй. Традиционный сонник представляет собой закрытый набор снотолкований. Объектом интерпретации в нем является широкий, но не безграничный набор реалий. Из объектов, относящихся к человеческому организму и его жизнедеятельности, мы найдем в соннике практически все внешние, видимые глазом органы, экскременты и прочие выделения, но в нем не будет почти никаких внутренних органов (например, сердца), за очень небольшим исключением. При этом картина в устной и книжной традиции толкования снов будет различна. В народной традиции толкуются чаще всего голова (покрытая или нет), волосы (длинные, их стрижка, расчесывание, выпадение, заплетание, крашение), борода (большая и бритые), зубы (выпадение разных групп зубов, их вырывание с болью, с кровью или нет, вынимание их изо рта и удаление грязи из дупла), руки (большие, грязные, скрещенные, их разглядывание, отрезание), ноги (большие, босые или обутые, их мытье и разглядывание), тело (голое или покрытое, ранение, укус, омовение и убиение), пищеварение (еда и питье, голод, объедание), кровь (в том числе из зубов, из носа и питье крови), экскременты (испражнение, понос, испачкаться калом), а также телесные контакты, особенно поцелуй и объятия (с женщиной или мужчиной, стариком или старухой, мертвецом). Редко в устных снотолкованиях встречается лицо (только бледное), шея (как место укуса), усы (отпавший ус), брови (которые чешутся и толкуются как в обычной примете), нос (большой), пальцы (в том числе с кольцом или без него), ногти, болячки на теле (сыпь

и чирей), задница (голая), гениталии (только опосредованно, в виде гриба как символического субститута фаллоса, предсказывающего беременность), живот (большой) и беременность, из внутренностей – только выпавшие кишки, из телесных контактов – совокупление, касание руками, ласки и кормление грудью.

То же самое в книжной традиции (в рукописных и печатных сонниках) представлено более детально, с большим разнообразием признаков, например, зубы – новые, отрастающие, ровные или щербатые, проглатываемые или вытолкнутые языком изо рта, в руке или за пазухой, сломанные, сросшиеся, черные, белые, золотые, серебряные, свинцовые, оловянные, железные, стеклянные, деревянные, восковые; голова – большая, не одна, а две или три, отрубленная, черная и т. д.; волосы – седые, завитые, кудрявые, спутанные и т. д.; нос – маленький, отрубленный или потерянный; нога – хромая, отрезанная, бритые ноги; тело – мохнатое, с отсеченными конечностями, полное или худое; гениталии – большие или отделенные от тела; грудь – маленькая или большая, израненная, твердая; из болячек на теле – струнья, опухоль, оспа и др.; живот – растущий, надутый, тощий, голый, порванный; кровь – пролитая на землю, вся вытекшая, кровохарканье и кровопускание. Нередко это необычные и даже фантастические образы, как, например, язык, выпавший изо рта; волосы на языке; глаза в руке или в ушах; ноги, которые носят в руках; отрубленная голова в своих собственных руках; горящие волосы или ноги; бородатая женщина; уши с заползшими в них муравьями или с прорастающими из них пшеничными колосьями; уши наподобие волчьих или ослиных; отрезаемые от тела куски и съедаемые тобой же; нечто растущее из колена. В устной народной традиции, в отличие от книжной, отсутствуют рога на голове человека, бакенбарды, рот, язык, уши, крылья на спине, колено, кожа, бедро, горб, смена половых признаков на противоположные, грудь, кости, жилы и многие выделения (моча, пот, слюна и рвота). Зато в книжной традиции, в отличие от народной, нет ногтей, задницы и слабее представлены телесные контакты (есть совокупление, поцелуй и кормление грудью, но нет объятий, касания руками и ласк).

В отличие от интерпретируемых образов, список самих толкований, то есть символических значений, имеющих отношение к телесной сфере, гораздо скуднее, потому что интерпретации сновидений чаще носят обобщенный и отвлеченный характер, а нередко сводятся к самой общей оценке, негативной или позитивной (плохо или хорошо). Причем число негативных толкований преобладает над

позитивными. Лишь изредка сон толкуется как конкретный предмет или событие. К телесным по содержанию толкованиям относятся болячки на теле (прыщи, чирей, нарыв, короста, оспа, шишка), слезы, кровь, менструация, дефлорация, беременность, зубная боль, укус, порез руки, перелом конечности, недержание мочи и сексуальный контакт. Яйца и круглые плоды (груши, грибы, красные ягоды, горох, пшеничные зерна, красные яблоки, картофелины), увиденные во сне, предвещают появление болячек на теле. Еще более широкий ряд круглых и обычно мелких предметов у восточных и западных славян символизируют слезы: к слезам снятся орехи, фасоль, виноград, ягоды, грибы, горох, семечки, лен, яйца, икра, монеты, град, бусы и т. п. Предвестьем слез может быть также вода, в том числе небесная, земная и ее обитатели: дождь (капли дождя), река и рыбы. В свою очередь, рыба может символизировать мочеиспускание. Ловля рыбы, водяные пиявки и лягушка, мелкая живность (белки, крысы, мыши и др.); яблоко как символ любви, брака и плодородия¹; пчелиный укус, ассоциирующийся с коитусом², и мужские штаны на женщине сулят ей беременность. Помидоры и красные ягоды могут обозначать менструацию по сходству их цвета с кровью; сломанное дерево – перелом руки или ноги, а сад, яблоки и груши – иметь эротический смысл.

В устной и книжной традиции способы толкования снов о теле в целом не отличаются от любых других. Так, имеется небольшое число внязых прямых и обратных толкований. К первым можно отнести такие, в которых прогноз является следствием увиденного во сне, выводом из него. Например: белор. (минское) *волосы стричь – у салдамы пойдеш*, укр. (ровен.) *волосы выпадают – стареешь*, белор.-полес. *змея укусит за руку – к болезни*; макед. (велес.) *убьешь во сне врага, злодея – он не сможет ничем тебе навредить*; ярослав. *себя голым видеть – к позору*, укр.-волын. *хтось обругае*, белор. (витебско-могилев.) *стыд какой-то будет* и то же самое у евреев Восточной Галиции: *на следующий день будешь пристыжён*³. В польском соннике 1895 г.: *живот надутый – опасный недуг*; в рукописном соннике из Вольнской обл.: *ранений кинжалом – победа над врагом*, в будапештском соннике начала XIX в.: *раненая грудь – сулит болезнь и смерть*; в арабском соннике Мугельэдина, популярном среди крымских татар: *всей крови лишиться – приближение смерти*; в одесском соннике 1919 г.: *мертвым себя видеть – увольнение от службы*⁴.

На смысловом противопоставлении образа сновидения и его значения основаны обратные толкования. Они объясняются представле-

нием о сне как временной смерти, когда душа спящего путешествует на тот свет, и поэтому во сне все обратно по отношению к реальному миру. Обратные толкования снов, относящихся к телу, встречаются в белорусской устной традиции, например, витебско-могилев. *бледным быть – к здоровью* или *голодным быть – нужды ня будя*, а также сны, связанные с тактильными ощущениями: *бусы, корали, занизки – руку порежеш*⁵. В крымско-татарском соннике арабского происхождения: *отрезать ногу – долгая жизнь*; в среднеазиатском мусульманском соннике персидского происхождения: *если кто увидит у себя на руке глаз – получит некоторую сумму звонкой монеты, и темный цвет этого глаза – означает монету светлую* или *если кто увидит во сне, что зубы у него выпали, – жизнь хозяина зубов будет долгой*; в московском соннике 1878 г.: *оспу иметь – здоровье*⁶.

Во многих снотолкованиях используется принцип метафоры. Например: вологод., кубан. *длинные волосы* или *девичья коса – дорога*; укр. екатеринослав. *волосся розчисуваты – порядкуваты, лад даваты*; сев.-болг. (плевен.) *омыть с себя грязь – избавишься от бед, неприятностей и обвинений*; макед. *вычистить грязь из дупла коренного зуба – кто-либо из домашних очистится от чего-то плохого, а собака укусит – вред, убыток понесешь, или турок будет тебя бить*; кашуб. *укус пчелы – дефлорация*⁷. В крымско-татарском соннике: *волосы длинные – выгодная дорога, если принудишь себя ехать*; в древнекитайском соннике XI в. до н. э.: *снится, что волосы снова отрастают, – долголетие*⁸. Рот и зубы в сонниках могут символизировать дом и детей.

Парные части тела нередко приобретают в снотолкованиях брачную символику. Особенно это касается ног, босых или обутых, и самой обуви: укр. (ровен.) *разутый – теряеш свою пару, обутый – хорошо, обувь – к жениху*; макед. *обувь обуешь – женишься*⁹. В петербургском «Справочном энциклопедическом лексиконе сновидений» 1862 г. издания: *брови – успех в любовных интригах*¹⁰.

Телесное в снотолкованиях часто уподобляется психическому. Например, болг. *мыть голову или бриться – заботы, беспокойства исчезнут*¹¹. В книжной традиции таких толкований больше: в крымско-татарском соннике: *мочиться – освободиться от недуга душевного*; там же и в московском соннике 1878 г.: *нос большой – премудрость* или *предвестие мудрости*; в том же московском соннике: *потеря бровей – стыд, сожаление, угрызение совести*, а в варшавском соннике 1895 г.: *бровь густая – добиться счастья*¹². Ранение толкуется как причинение душевного страдания: в петербургском

«Справочном энциклопедическом лексиконе сновидений» 1862 г.: *грудь израненную иметь – знаменует любовную страсть*; в одесском соннике 1919 г.: *раненым в грудь себя видеть – искушение и беспокойство от любви*; ср. еще у Нострадамуса (в XVI в.): *увидеть во сне на своем теле раны – кто-то из ваших близких станет причиной ваших нравственных страданий; если во сне вас ранили ножом или кинжалом – остерегайтесь мнимых друзей, их злые языки могут нанести вам сердечную рану, а видеть во сне кровоточащие раны – наяву испытывать угрызения совести*¹³.

Толкование целого ряда телесных образов строится на основе метонимии. Часто символическое значение мотивируется функцией того или иного телесного органа. Так, пальцы связаны со счетом, отсюда ярослав. *пальцы руки видеть – считать деньги*¹⁴. Функция ног – ходьба, поэтому у македонцев видеть во сне, что *ноги себе моешь, – будешь путешествовать*¹⁵. Кашубское снотолкование *присматриваться к ногам – к свадьбе*, совпадающее по значению с обычной приметой, объясняется Бернардом Сыхтой, который приводит его в своем словаре, тем, что нога символизирует танец¹⁶. Однако более вероятно в данном случае иная мотивация: матримониальный смысл этого снотолкования обусловлен связью ноги со смежной сексуальной сферой. Обонянием как функцией носа объясняется толкование сна из варшавского сонника 1892 г.: *без носа быть – подвергнуться неприятным испарениям*¹⁷. Функции рта – органа, связанного с приемом пищи и с речью, – отражены в среднеазиатском мусульманском соннике персидского происхождения: *Если кто увидит во сне, что нечто попало ему в рот, – будет иметь пропитание. Если кто увидит, что нечто выходит у него изо рта, и если при этом выходит вещь хорошая, – то от этого человека будут исходить слова хорошие. Если же выходит вещь нехорошая, то видящий такой сон будет говорить нехорошие слова*¹⁸.

В толковании сновидений, в формировании их символического значения огромную роль играет языковая мотивация. Она может быть фонетической, на основе паронимии (сближения слов по звучанию при частичном совпадении морфемного состава), например: витебско-могилев. *хвост чей-то увидеть – хвастоваць будеш* или в словацком переводе смешанного сонника начала XIX в. *горящая, огненная* (словац. *horíaca*) *нога – заболевает* (словац. *ochorie*) *противник*¹⁹.

Иногда толкование мотивируется значением слова, обозначающим сновидение, или его производным, то есть актуализирует их вторичные, метафорические значения. Например, белор.-полес. *кали*

ўва сьне сабака кусае – то ворах ўкусиць, пол.-подляс. *если собака кусает – кто-нибудь «укусит»* (то есть уязвит, нанесет обиду или вред), *кто-то язвительно словами «укусит»* или *кто-то «кусает»*, *очерняет тебя*; вост.-белор. (витеб. и могилев.) *ласкается кто-то – просить тебя будут, ляцйтца*, то есть подлизываться; укр.-волын. *як кров бачыш – якись-то крэвнэй добываеця до дома, як дэ он далэ-ко* или ярослав. *кровь – видеться с родным, кровным*, то есть происходящим от одних предков; белор. (минск.) *заплетать косу – плётки*, то есть сплетни, ср. также в варшавском соннике 1895 г.: *заплетать волосы – запутанный судебный процесс*²⁰.

Встречается и фразеологическая мотивировка толкования снов. Например, болг. *моешь себе руки – значит не достигнешь того, чего желаешь* становится понятным с учетом болгарского выражения *омия си шаките (ръците)* [умыть себе руки] в значении 'потерять надежду на достижение желаемого'²¹. Другое связанное с мытьем устойчивое выражение, обозначающее сплетни, наговоры, определяет значение сна из брестского Полесья: *умываешься – обмывать, обговаривать тебя будут, языками мыть*²². С языковыми фразеологизмами, передающими появление хлопот и других неприятностей как их падение сверху на голову (они могут на голову свалиться, обрушиться, посыпаться), связаны такие македонские снотолкования, как *видеть себя с головой, покрытой кожухом, – будут убытки и хлопоты, заботы; краску на голову наносить – большие хлопоты, заботы будут; видеть человека или приятеля с большой феской на голове – хлопоты и заботы падут на его голову*²³. Шея, выступающая в языке как место сосредоточения бремени, отягощающего человека (на шею навязываются или садятся), отражена в этом значении в среднеазиатском мусульманском соннике: *если кто увидит во сне на шее своей воротник, причиняющий стеснение, – будет иметь на шее своей неприятное дело*²⁴. Еще один пример подобного рода – из русского сонника XIX в.: *видеть собрание людей безносых – убедиться, что вас проведут за нос*²⁵.

Снотолкования, связанные с телом, обнаруживают связь с ритуальными действиями и атрибутами, отражающими архаические представления. У восточных и южных славян всякий телесный контакт во сне толкуется как источник заболевания: кубан. *старуха поцелует – к болезни*; макед. *если поцелуешься во сне с кем-то в уста – кашель тебя прихватит, безобразная женщина поцелует тебя в руку – заболеешь, обниматься со старым человеком – к болезни*; волын. *обдыймае хлопыць, цилуе – то боolestь*; ровен. *целуешься или*

*тебя целуют – болезнь, целоваться со старухой – хвороба, старуха обнимает – шухля [малярия], мушчына обдымае – грып споймаеш, половое сношение – пудвей [эрозия шейки матки]*²⁶. В книжных сонниках это часто тоже плохие предзнаменования: в калужском соннике 1787 г.: *блудодействовать во сне – знак худой*; в среднеазиатском мусульманском соннике персидского происхождения: *если кто увидит себя во сне наслаждающимся любовью – то ожидают его беспокойство и печаль*²⁷.

Функцию, сходную с непосредственным телесным контактом, в некоторых магических способах лечения выполняет одежда. Брачная символика, как мы уже видели, объединяет в снотолкованиях ноги, босые или обутые, с обувью. Кроме того, ноги и обувь объединяются в снотолкованиях общей символикой пути, например: укр. *сапоги, ботинки – будет какая-то дорога или поездка*; кашуб. *обувь – путешествие, порой такое далекое, из которого никто не возвращается*²⁸. Тесную корреляцию можно наблюдать также между головой и головным убором, ср. полесские толкования снов – ровен. *потерять женский головной убор – потерять голову*; волын. [увидеть во сне] *вэлён (то есть фату) – голова болитымэ*²⁹. Близкие примеры дает и книжная традиция: в польском соннике, изданном в Ченстохове в 1898 г., *шляпу изодрать, изорвать – означает повреждение головы*; а в российском харьковском соннике 1911 г. *шляпу или шапку потерять – затруднение, требующее умственного напряжения*³⁰. Такая тесная связь голых частей тела с тем, что надевается на них и их прикрывает и защищает, проявляется в их функциональной близости, доходящей порой до нерасчлененности (как, например, в ритуальном свадебном головном уборе), вплоть до вовлечения одежды (включая обувь и головной убор) в сферу телесного, в чем можно видеть отголосок древних, архаических представлений.

В толкованиях снов, касающихся тела, наблюдается такая особенность: всякая телесная недостача, уменьшение или утрата частей тела толкуется либо как смерть (или болезнь), либо как убыток: белор. гомел. *як з чловека кішкі упадуць – умрэ нехто ў роду*; брест. *волосы выпадаюць – хто-то з родні помрёт*; болг., серб. *выпадение бороды – к смерти*; кубан. *обрезать косы, волосы – к смерти*; сев.-зап.-болг. *резать волосы – тяжелая болезнь*; макед. *испращнишишься – заболеешь*; малопол. (тарнобжег.) *понос – заболеть*; укр. волын. *ребенок сосет грудь – грудь болитымэ*; витеб., могилев. *кормить дитя [грудью] – убыток*; ярослав. *волосы стричь – получить убытки*; гроднен. *руку адцяў или ус адпаў – нехто заробак адбере*; макед.

*кровь течет из носа – понесешь ущерб*³¹. И наоборот, телесные избытки, приращения трактуются как прибыль: ярослав. *борода – к прибыли в семействе или в домашнем скоте*; мин. *волосы на руках видеть – богатство, нос большой, ноги, руки большие – прибытак*; витеб., могилев. *живот большой – к прибыли*; гомел. *скула [чирей] або інішая баячка – дастанеш гасцінца, ўусыпка – грошы, богацтво*; малопол. (келец.) *кровь пить – добрый знак*³².

Аналогичных примеров много и в книжной традиции. Приведем примеры, касающиеся головы, ушей, живота, груди, горба, новообразований, высыпаний на теле, пальца, носа, волос, кровопускания и различных выделений и отходов организма. В российском рукописном соннике XIX в.: [голову] *отрубленную у себя видеть – предвещает смерть родителей или потерю пожитков*; в калужском соннике 1787 г.: *голову большую иметь во сне – значит честь и богатство, голову свою с большими ушами во сне видеть – значит приобретение громкой славы, голову небольшую – бедность и худую надежду*; в московском соннике 1878 г.: *две головы иметь – благополучие*³³. В варшавском соннике 1892 г.: *живот голый или раненый иметь – нужда или болезнь*; в украинском соннике XVIII в.: *брухъ албо чрево порожное видѣти во сне – шкоду знаменуе*; в калужском соннике 1787 г.: *брюхо тоще или прорванное – знак недостатка и убожества*; в базельском соннике Джероламо Кардано 1563 г.: *живот большой – означает богатство и большое имущество*; в одесском 1919 г. – *богатство*; в варшавском 1895 г. – *благосостояние*³⁴. В российском рукописном соннике XVIII в.: *перси свои малы видеть – убожество знаменует*³⁵. В московском соннике 1878 г.: *горб у себя иметь – радость*³⁶. В крымско-татарском соннике: *опухоль – большой заработок*³⁷. В варшавском 1895 г.: *струпьа – к большим богатствам*³⁸. В ченстоховском соннике 1898 г.: *палец утратить – уменьшение благ*³⁹. В том же соннике: *нос большой видеть – умножение доходов, а в среднеазиатском – к достижению почетного положения и богатства*; в московском соннике 1878 г. [нос] *малый – ущерб имени, а потерять его – вред и убыток*⁴⁰. В варшавском соннике 1895 г.: *волосы по всему телу – богатство*; московском 1878 г.: [волосы] *густыми видеть – богатство, жидкими – печаль*⁴¹. В древнееврейском соннике: *борода – прибыль, брить – к убытку*; в московском соннике 1878 г.: *видеть себя с бородой – прибыль*; в калужском 1787 г.: *бороду долгую иметь – значит приращение сил и чести, бороду брить во сне – знак убытка и бесчестия*⁴². В петербургском «Справочном энциклопедическом лексиконе сновидений» 1862 г.: *во сне увидишь*

себя с бакенбардами – знак неожиданной прибыли и дохода, ежели же стригут бакенбарды – то знак потери и досады⁴³. В крымско-татарском соннике: усы длинные – похвала, усы стричь – потеря чести⁴⁴. В одесском соннике 1919 г.: кровь пускать – разорение и слабость⁴⁵. В лейпцигском 1805 г.: обмочиться в постели – болезнь⁴⁶. В московском 1878 г.: видеть детей, сосущих грудь, – болезнь⁴⁷. В «Справочном энциклопедическом лексиконе сновидений» 1862 г.: блевание – знак потери какой-нибудь вещи, употребление которой могло быть вредно, хотя и приятно, как, например, потеря бутылки превосходного белого рома или чего-нибудь подобного; веснушки у себя на лице – предвещают тому, кто их не имеет, счастье и выгоды, а тому, у кого есть веснушки, – слезы и новые заботы, почему должен озаботиться свести их, обратясь для этого к известнейшим косметикам или к журналу «Русская Хозяйка», где есть всё, чего и не хочешь и не просишь⁴⁸.

Особое место в этом же ряду занимают зубы. В устной снотолковательной традиции утрата зуба, его выпадение или вырывание, является предвестьем смерти. Дальнейшая конкретизация зависит от того, какой зуб был утрачен и сопровождалось ли это болью и кровотечением. Например: полес. *передний зуб выпадет с кровью – смерть близкого родственника (брата, ребенка и т. п.), заднего или бокового зуба без крови – смерть дальнего родственника*; болг.-банат. *зуб выпадет и болит – умрет кто-то в доме или близкий, а без боли – из дальней родни*; центр.-серб. (шумадийск.) *вырвать зуб без боли – умрет дальний родственник, с болью – кто-то из близких, из домашних или из семьи*; кашуб. *выпадет передний зуб, особенно клык, – умрет очень близкий родственник, выпадет коренной зуб – умрет кто-то из дальней родни*; чеш. *если во сне вырываешь себе зуб – умрет вскоре кто-то из наших друзей или родственников, и чем сильнее при этом была боль, тем ближе и дороже будет этот друг*⁴⁹. То же самое в сонниках, в том числе древнейших: в китайском соннике XI в. до н. э.: [зубы] *выпадают – несчастье с отцом или матерью*; в древнеегипетском демотическом соннике (между VIII и V вв. до н. э.): *если человек видит, как падают его зубы, – кто-то из его родных умрет*; в античном соннике II в. н. э., составленном Артемидором Далдианским, родом из Эфеса в Малой Азии: *какой зуб кто теряет, такого человека и лишится; кто видит во сне, что теряет зубы, черные или гнилые, или поломанные, – тот избавится от всяких хлопот и несчастий, часто в таких случаях теряют стариков*⁵⁰. Сонник Артемидора, впервые изданный по-гречески в Венеции в 1518 г.,

известен также в позднейших арабских и европейских переделках, начиная с сонника Джероламо Кардано, опубликованного в Базеле в 1563 г., в котором аналогичное снотолкование о зубах тоже имеется: *если [зубы, приснившиеся больному,] все вместе выпали, – то это означает смерть*⁵¹. В крымско-татарских снотолкованиях, восходящих в основном к арабскому соннику Мугельэдина, *вырвать зуб с болью – потеря, или разлука с родным, без боли – смерть любимого животного*⁵². В среднеазиатском мусульманском соннике, происходящем, по-видимому, из юго-западной Персии, *верхние коренные зубы означают родных по отцу, а нижние – родных по матери, кроме того все зубы с правой стороны могут означать родных по отцу, а с левой – родных по матери; какие зубы в сновидении будут отсутствовать – те родственники будут в отсутствии, и если какой-то зуб будет увиден во сне поврежденным – повреждение получит и соответствующий родственник*⁵³. В Нюрнбергском соннике 1591 г. и в лейпцигском 1805 г.: *зуб выпавший – умрет кто-то из друзей*; в русском соннике, изданном в Калуге в 1787 г.: *зубы свои давать рвать во сне – значит смерть приятеля, а когда зуб здоровый выпадает во сне – то свойственника или приятеля смерть предвещает*; в смешанном так наз. «Новом египетском соннике» начала XIX в., изданном в Будапеште: *если выпадут зубы – близкий умрет*; в разных польских сонниках XIX в.: *зуб выпавший – смерть в семье*⁵⁴, и т. д.

Устная традиция снотолкований тесно переплетена с книжной и несет на себе отпечаток ее влияния. Но и независимо от этого влияния устные и книжные сонники разных народов дают немало примеров символических универсалий, то есть сходжений, не обусловленных культурно-родственными связями. Сон об утрате зубов как предвестье смерти как раз и является такой универсалией: он сходным образом толкуется в самых разных этнокультурных традициях – у славян, литовцев, немцев, швейцарцев, армян, азербайджанцев, татар, среднеазиатских народов, саамов, японцев, древних египтян, иудеев и др.⁵⁵ Универсалией можно считать и само это сновидение, поскольку, по наблюдениям психологов, оно случается у большинства людей, то есть относится к типическим.

Об архетипическом характере многих символов сновидений свидетельствует не только их типологическое сходство в генетически не связанных между собой культурных традициях, а также случаи их совпадения в устной и книжной традициях, но и общие механизмы символизации в культуре и в практике психоанализа, трактующего такие символы, в отличие от сонника, не прогностически, а диагно-

стически («сонником» нового типа называл З. Фрейд свою теорию анализа символики снов⁵⁶). Так, в сновидениях о выпадающих зубах психоаналитики видят свидетельство истощения сексуальной энергии⁵⁷ (которая по сути есть часть жизненной!). В психоанализе и позднейших исследованиях коллективного бессознательного сны также интерпретируются метафорически, реже – по контрасту, иногда – на основе языковой мотивации (например, сны о руке, нем. *Hand*, связываются с собственным действием, поступком, нем. *Handeln*⁵⁸). Ноге в теории психоанализа приписывается сексуальный символический смысл⁵⁹, как и в культурной традиции (ср. выше аналогичную символику ног в кашубском снотолковании «присматриваться к ногам – к свадьбе»). Швейцарский психоаналитик, юнгианец Эрнст Эппли (1892–1954) символически связывает с ногой в сновидениях прохождение человеком его жизненного пути; в снах о купании как символе самоочищения видит раскрытие телесного начала в соединении с психическим обликом человека, включая все недостатки и изъяны; а мотив змеи, кусающей в пятку, трактует в эротическом плане⁶⁰, что согласуется с символикой укуса в снотолковательной устной и книжной традиции и позволяет относить укус к числу символических стереотипов и архетипов. Универсальный характер подобных символических смыслов отнюдь не отменяется генетической связью психоанализа с культурной традицией и ее влиянием на интерпретацию сновидений Фрейдом и Юнгом, которые были знатоками античной мифологии и опирались в своих трудах на классическое искусство. Скорее наоборот – такие символы служат подтверждением единства культуры в ее общечеловеческом, вневременном аспекте.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 См.: Гура А. В. Брак и свадьба в славянской народной культуре: семантика и символика. М., 2012. С. 300–308.

2 Там же. С. 626–627.

3 Ляцкий Е. Материалы для народного снотолкователя. II. Минской губернии // Этнографическое обозрение. 1898. № 1. С. 142; Полесский архив отдела этнолингвистики и фольклора Института славяноведения РАН, Ровенская обл., Рокитновский р-н, Глинное, зап. И. А. Мямикеевой; *Moszyński K.* Polesie Wschodnie. Materiały etnograficzne z wschodniej części b. powiatu mozyrskiego oraz powiatu rzeczycykiego. Warszawa, 1928. S. 152; *Ецов Т. Г.* Тълкувание на природни явления, разни народни вярвания

и прокобьявания. От Велес // Сборник за народни умотворения, наука и книжнина. София, 1896. Кн. 13. С. 176; *Балов А.* Сон и сновидения в народных верованиях. Из этнографических наблюдений, собранных в Ярославской губернии // Живая старина. 1891. Вып. 4. С. 210; Волынская обл., Ратновский р-н, Пески Речицкие, зап. автора; *Романов Е.* Опыт белорусского народного снотолкователя // Этнографическое обозрение. 1889. № 3. С. 59; *Segel B. W.* Materyjały do etnografii Żydów wschodnio-galicyskich // Zbiór wiadomości do antropologii krajowej. Kraków, 1893. Т. 17. S. 324.

4 Nowy sennik ułożony i dopełniony według niezawodnych wskazówek na podstawie długoletnich badań z dodatkiem chiromancyi czyli wróżenia z ręki. Warszawa, 1895. S. 6; Рукописный сонник М. Я. Черной из с. Пески Речицкие Ратновского р-на Волынской обл., переписанный ею вскоре после войны из тетради, принадлежавшей девушке из Белоруссии (скопировано автором в 1979 г.); *Aklič A.* Tri zlomené pečate alebo traktát o prevelikých tajomstvách ukrytých v sne, hvieзде a čísle. Horoskope. Snár. Kabala. Bratislava, 1970. S. 148; Турско-татарский сонник / Сост. В. Х. Кондараки, как дополнение к этнографическому отделу описания Крыма. М., 1884. С. 8; Новейший полный сонник. Одесса, 1919. С. 10.

5 *Романов Е.* Опыт... С. 59, 64, 65.

6 Турско-татарский сонник... С. 12; *Маллицкий Н. Г.* Мусульманский сонник. Казань, 1902 (Приложение к Ученым запискам Казанского университета за 1901 год, декабрь). С. 19, 20; Миллион снов, выбранных из сочинений знаменитых египетских и индейских мудрецов и астрономов, как то Алия, Альбумазара, Иоганна Калиостра Иоганна, Кенигсбергера, Мартына Задеки, Платона, Птолемея и известной французской сногательницы Г-жи Ленорман, с приложением толкового сонника. Изд. 2-е. М., 1878. С. 69.

7 Краснодарский край, станица Северская, зап. В. А. Потаповой; *Манжура И. И.* Сказки, пословицы и т. п., записанные в Екатеринославской и Харьковской губерниях. Харьков, 1890. С. 161; *Маринов Д.* Народна вяра и религиозни народни обичаи. София, 1914 (Сборник за народни обичаи и народопис. 1914. Кн. 28). С. 118; *Цепенков М. К.* Сновидения и тълкуванията им // Сборник за народни умотворения, наука и книжнина. София, 1892. Кн. 7. С. 131; *Ецов Т. Г.* Тълкувание на природни явления, разни народни ярвания и прокобьявания. От Велес // Сборник за народни умотворения, наука и книжнина. София, 1896. Кн. 13. С. 176; *Sychta B.* Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1972. Т. 5. S. 34.

8 Турско-татарский сонник... С. 3; Китайский сонник // Дом Солнца. <http://www.sunhome.ru/dreams/226/pl>

9 Полесский архив, Ровенская обл., Дубровицкий р-н, Озерск, зап. автора, Рокитновский р-н, Глинное, зап. И. А. Мямикеевой; *Цепенков М.* Тълкувания на природни явления, разни народни вярвания и прокобявания. От Битолско, Прилепско, Велешко и Самоковско // Сборник за народни умотворения, наука и книжнина. София, 1896. Кн. 13. С. 149.

10 Справочный энциклопедический лексикон сновидений. Более 3000 объяснений явлений сна / Собирал в течение 66 лет добрый старичок из Утиной улицы. Издал в свет наследник доброго старичка из Утиной улицы, по его завещанию. СПб., [1862]. С. 34.

11 *Петрова А.* Норми и забрани, свързани с косите, брадите и мустаците в битова и обредната практика на славянските народи. Научен ръководител А. Афанасиева-Колева // Архив Ц. Романской. Софийски университет «Св. Климент Охридски». София, 1982. С. 38.

12 Турско-татарский сонник... С. 11; Миллион снов... С. 68, 20; Nowy sennik ułożony i dopełniony... S. 6.

13 Справочный энциклопедический лексикон сновидений. С. 70; Новейший полный сонник... С. 13; Сонник Нострадамуса // Дом Солнца. <http://www.sunhome.ru/dreams/24>

14 *Дерунов С.* Материалы для народного снотолкователя. III. Ярославской губернии // Этнографическое обозрение. 1898. № 1. С. 150.

15 *Цепенков М. К.* Съновидения... С. 131.

16 *Sychta B.* Słownik gwar kaszubskich... S. 34; *Niebrzegowska S.* Polski sennik ludowy. Lublin, 1966. S. 189.

17 Sennik polski największy z istniejących, obejmujący przeszło 10000 wykładów z dodaniem informacyi o wpływie planet, znaków niebieskich, dniach feralnych, snach i ich wykładach. Warszawa, 1892. S. 12.

18 *Маллицкий Н. Г.* Мусульманский сонник // Дом Солнца. – <http://www.sunhome.ru/dreams/213/p2>

19 *Романов Е.* Опыт... С. 69; *Aklič A.* Tri zlomené pečate... S. 149.

20 *Pietkiewicz C.* Kultura duchowa Polesia rzeczywistego. Materiały etnograficzne. Warszawa, 1938. S. 83; Польша, Белостоцкое воев., Нецки, зап. автора; Пшемьсльское воев., Вёнзовница, *Niebrzegowska S.* Polski sennik ludowy. S. 197; *Романов Е.* Опыт... С. 64, 59; Волынская обл., Ратновский р-н, Пески Речицкие, зап. автора; *Дерунов С.* Материалы... С. 150; Nowy sennik ułożony i dopełniony ... S. 50.

21 *Маринов Д.* Народна вяра... С. 117.

22 Брестская обл., Малоритский р-н, Олтуш, зап. автора.

23 *Цепенков М.* Тълкувания... С. 149, 148; *Цепенков М. К.* Съновидения... С. 130.

24 *Маллицкий Н. Г.* Мусульманский сонник // Дом Солнца. <http://www.sunhome.ru/dreams/213/p2>

25 Справочный энциклопедический лексикон сновидений. С. 23.

26 Краснодарский край, станица Северская, зап. В. А. Потаповой; *Цепенков М.* Тълкувания... С. 148; *Он же.* Съновидения... С. 131; Волинская обл., Ратновский р-н, Пески Речицкие, Ровенская обл., Дубровицкий р-н, Озерск, зап. автора; Полесский архив, Ровенская обл., Рокитновский р-н, Глинное, зап. И. А. Мямикеевой.

27 Сонник или Истолкование снов, выбранное из наблюдений Астрономических и Физических и по Алфавиту расположенное. Переведено с разных языков для увеселения любопытного общества. Вторым тиснением. В Калуге, 1787. С. 4; *Маллицкий Н. Г.* Мусульманский сонник // Дом Солнца. <http://www.sunhome.ru/dreams/213/p2>

28 Украинский сонник // Толкование сновидений. <http://www.snovidenia.com/5/18/2965.html>; *Sychta B.* Słownik gwar kaszubskich... S. 34.

29 Полесский архив, Ровенская обл., Дубровицкий р-н, Сварицевичи, зап. И. А. Мямикеевой; Волинская обл., Ратновский р-н, Пески Речицкие, зап. автора.

30 Nowy sennik do rozweselenia, sny z ich wykładem w alfabetycznym porządku zawierający. Do tego przydana jest: dla rozrywki praktyka Pitagoresa Wielkiego Filozofa. Wydanie nowe. Częstochowa, 1898. S. 25; *Черненко М. И.* Сон и сновидение. Новые данные о происхождении сна, сновидения и ясновидения, и их значение в жизни человека. Изд. 3-е. Харьков, 1911. С. 32.

31 *Moszyński K.* Polesie Wschodnie. S. 151; Брестская обл., Малоритский р-н, Мыслячи, зап. автора; *Петрова А.* Норми и забрани... С. 38; *Schneeweis E.* Serbokroatische Volkskunde. Berlin, 1961. Т. 1: Volksglaube und Volksbrauch. S. 84; Краснодарский край, станица Северская, зап. В. А. Потаповой; *Петрова А.* Норми и забрани... С. 37; *Цепенков М. К.* Съновидения... С. 130; *Wierzchowski Z.* Materyjały etnograficzne z powiatu Tarnobrzeskiego i Niskiego w Galicyi // Zbiór wiadomości do antropologii krajowej. Kraków, 1890. Т. 14. S. 217; Волинская обл., Ратновский р-н, Пески Речицкие, зап. автора; *Романов Е.* Опыт... С. 59; *Дерунов С.* Материалы... С. 150; *Federowski M.* Lud białoruski na Rusi litewskiej. Materyjały do etnografii słowiańskiej zgromadzone w latach 1877–1891. Kraków, 1897. Т. 1. S. 215; *Цепенков М.* Тълкувания... С. 149.

32 *Балов А.* Сон и сновидения... С. 210; *Ляцкий Е.* Материалы для народного снотолкователя... С. 142; *Романов Е.* Опыт... С. 59; *Pietkiewicz C.* Kultura duchowa Polesia rzeczywiczego... S. 83; *Moszyński K.* Polesie Wschodnie.

S. 153; *Siarkowski W.* Materyjały do etnografii ludu polskiego z okolic Pinczowa // *Zbiór wiadomości do antropologii krajowej.* Kraków, 1885. T. 9. S. 45.

33 Толкование поалѣвиту сновъ // Российская национальная библиотека, отдел рукописей. Ф. 777 (собрание П. Н. Тиханова). Оп. 1. № 657 (Сборник смешанного содержания). Л. рѣоб.; Сонник или Истолкование снов... С. 13; Миллион снов... С. 33.

34 Sennik polski największy z istniejących... S. 21; Овещахъ розніхъ яже воснѣ кому являють са // Российская национальная библиотека, отдел рукописей, Q. III. № 208 (Планетник и Сонник на украинском наречии). Л. 109об.; Сонник или Истолкование снов... С. 6; [*Cardano G.*] Traumbuch Cardani. Warhafftige, gewüsse und unbetrügliche underweisung, wie allerhandt Träum, Erscheinungen unnd Nächtliche gesicht, welche uns von der seelen, wann sich der leib zu ruwen begeben, eingebildet und fürbracht werden, wie solche natürlich unnd recht erklärt unnd aussgelegt werden sollend...; Auch von den Kleinsten und Nächsten dingen, Und vom aller Besten und Säligsten läben / Durch den Hochgelerten Hieronymum Cardanum... warhafftigt und gewüss erfunden, unnd neüwlich in Latin aussgangen und beschriben. Getruckt zu Basel durch Henrich Petri, [1563]. S. CCXXV; Новейший полный сонник... С. 2; Nowy sennik ułożony i dopełniony... S. 6.

35 Зде починаються сны поа^лфавиту с перваго слова // Российская национальная библиотека. Отдел рукописей. Ф. 777 (собрание П. Н. Тиханова). Опись фонда № 3. № 272 (Сборник гадательный). Л. 60.

36 Миллион снов... С. 31.

37 Турско-татарский сонник... С. 12.

38 Nowy sennik ułożony i dopełniony... S. 43.

39 Nowy sennik do rozweselenia... S. 38.

40 Ibid. S. 32; *Маллицкий Н. Г.* Мусульманский сонник... С. 19; Миллион снов... С. 68.

41 Nowy sennik ułożony i dopełniony... S. 50; Миллион снов... С. 24.

42 Сонник Азара // Дом Солнца. <http://www.sunhome.ru/dreams/220/pl>; Миллион снов... С. 19; Сонник, или Истолкование снов... С. 5.

43 Справочный энциклопедический лексикон сновидений. С. 18.

44 Турско-татарский сонник... С. 17.

45 Новейший полный сонник... С. 9.

46 [*Waldmann P.*] Peter Waldmanns Traum-Buch. Nach Alphabetischer Ordnung. [Leipzig, 1805]. S. 42.

47 Миллион снов... С. 38.

48 Справочный энциклопедический лексикон сновидений. С. 26.

49 *Moszyński K.* Kultura ludowa Słowian. Warszawa, 1967. T. 2: Kultura duchowa. Cz. 1. S. 373; *Телбизов К., Векова-Телбизова М.* Традиционен

бит и култура на банатските българи // Сборник за народни умотворения и народопис. София, 1963. Кн. 51. С. 191; *См. М. М. Снови* (по народном веровању и тумачењу) из Левча и Темнића // Караџић. Лист за српски народни живот, обичаје и предање за годину 1903. Алексинац, 1903. Год. 4. С. 120; *Sychta B. Słownik gwar kaszubskich...* S. 34; *Fischer A. Zwyczaże pogrzebowe ludu polskiego. Lwów, 1921. S. 58.*

50 Китайский сонник // Дом Солнца. <http://www.sunhome.ru/dreams/226/p1>; *Volten A. Demotische Traumdeutung* (Pap. Carlsberg XVI und XIV Verso) // *Analecta Aegyptiaca. Kopenhagen, 1942. Vol. 3. S. 75;* *Артемидор. Сонник / Сост., общ. ред. Р. В. Грищенкова. СПб., 1999. С. 57.*

51 [*Cardano G.*] *Traumbuch Cardani. S. CCXXIII.*

52 Турско-татарский сонник... С. 7.

53 *Маллицкий Н. Г. Мусульманский сонник...* С. 20.

54 *Traumbüchlein, Wie man nechtlicher Gesichten, Fürbildungen und Träumen, Bedeutungen, erkennen und lernen mag auss alten und neuen künstlichen Träumbüchern, fleissiglich in die kürse gezogen und gestellt. Dessgleichen vor nie aussgangen. Anno MDXCI [1541]. Bedruckt zu Nürnberg, durch Christof Lochner, und Johann Hofmann. Im Jar. M.D.LXXXXXI [1591]. [Без пагинации]; [*Waldmann P.*] *Peter Waldmanns Traum-Buch. S. 45; Сонник или Истолкование снов...* С. 24; *Aklić A. Tri zlomené pečate...* S. 148; *Sennik polski największy z istniejących...* S. 302; *Nowy sennik ułożony i dopełniony...* S. 52; *Milion snów. Nowy wielki sennik opracowany podług najwiarogodniejszych ksiąg zawierający przepowiednie wszystkich snów z dodaniem wróżenia z kart oraz z rąk z oznaczeniem panujących planet. Warszawa, 1899. S. 79.**

55 См., например: *Яковлев Г. Пословицы, поговорки, крылатые слова, приметы и поверья, собранные в слободе Сагунах Острогжского уезда // Живая старина. 1906. Вып. 3. С. 138* (русские Воронежской губ.); *Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-Русский край, снаряженной Императорским Русским географическим обществом. Юго-Западный отдел / Материалы и исследования, собранные д. чл. П. П. Чубинским. СПб., 1877. Т. 4: Обряды: родины, крестины, свадьба, похороны. С. 698* (украинцы); *Шкарић Ђ. Живот и обичаји «Планинаца» под Фрушком Гором // Српски етнографски зборник. Београд, 1939. Књ. 54. Друго одељење: Живот и обичаји народни. Књ. 24. С. 13* (сербы Воеводине); *Korenić S. Život, jezik i običaji Stupničana kraj Zagreba // Zbornik za narodni život i običaje Južnih Slavena. Zagreb, 1896. Sv. 1. S. 146* (хорваты); *Царућ А. И. Народно вјеровање у Далмацији // Glasnik Zemaljskog muzeja Bosne i Hercegovine u Sarajevu. Sarajevo, 1897. God. 9. Knj. 4. S. 717* (хорваты Далмации); *Schneeweis E. Feste und Volksbräuche*

der Sorben vergleichend dargestellt. 2-te Aufl. Berlin, 1953. S. 57 (лужичане, украинцы, южные славяне, поляки, чехи, немцы); *Tetzner F.* Die Slawen in Deutschland. Beiträge zur Volkskunde der Preussen, Litauer und Letten, der Masuren und Philipponen, der Tschechen, Mährer und Sorben, Polaben und Slowinzen, Kaschuben und Polen. Braunschweig, 1902. S. 94 (литовцы); *Харузин Н.* Русские лопари. (Очерки прошлого и современного быта) // Известия Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Имп. Московском университете. Т. 66. Труды Этнографического отдела. М., 1890. Т. 10. С. 209 (саамы); *Невский Н. А.* Фольклор островов Мияко. М., 1978. С. 97 (японцы); *Volten A.* Demotische Traumdeutung... S. 75 (древние евреи).

56 *Фрейд З.* Толкование снов. Изд. 3-е. М., 1913. С. 220.

57 «Сны о выпадении зубов связаны с решением проблемы потенции и импотенции. Главным образом онанизм, как показатель упадка энергии, вызывает сны о потере зубов» (*Aeppli E.* Der Traum und seine Deutung. Mit 500 Traumsymbolen. 6. Aufl. Erlenbach; Zürich; Stuttgart, 1975. S. 225–226).

58 *Aeppli E.* Der Traum... S. 227.

59 Ibid.

60 Ibid. S. 227, 224, 232.

*Работа выполнена
в рамках проекта РГНФ № 16-04-00101
«Образ человека в языке и культуре славян»*

A. V. Gura

The symbolism of human body in the dreams

The author shows differences and common traits in the reflection of the human body in oral folklore and literary interpretations of dreams. Their comparison with the interpretation of dreams in the psychoanalysis helps find common symbolising models and several symbolic universals and cultural archetypes.

Keywords: human body, symbolism of dreams, interpretation of dreams, books of dream interpretations, psychoanalysis, cultural archetypes.

Т. И. Вендина
(Москва)

Русская диалектная лексика в лингвогеографическом аспекте

Статья посвящена анализу проблем, связанных с изучением русского диалектного слова в лингвогеографическом аспекте. Оценивая предварительные итоги общероссийского проекта «Лексический атлас русских народных говоров», автор говорит о том, какие коррективы вносит Атлас в сложившиеся в русской диалектологии представления о лексических диалектизмах.

Ключевые слова: *русская диалектология, лингвистическая география, «Лексический атлас русских народных говоров».*

Интерес к собиранию и изучению диалектного слова в русской словесности появился давно. Составление «Лексикона русских примитивов», т. е. «коренных» или «первообразных» слов русского языка, начал еще М. В. Ломоносов, о чем он писал в одном из своих отчетов Российской академии наук. Долгое время, однако, этот интерес находился лишь на уровне поисков этнографической экзотики, сродни интересу к предметам и поверьям «простонародной старины».

Лишь значительно позднее, когда сформировалось понятие диалекта как исторически развивающейся языковой категории и в качестве самостоятельной дисциплины из этнографии выделилась диалектология, интерес этот из чисто любительского превратился в сугубо научный. В диалектном слове увидели возможность прикоснуться к истории русского языка, так как то, что было утрачено в литературном языке, сохранялось в его диалектах. Постепенно пришло и осознание глубокой связи диалектного слова с «духом народа», его национальной самобытностью, традиционной народной культурой. Оформление в качестве самостоятельной научной дисциплины диалектологии выдвинуло в качестве первоочередной задачу «изучения географии русского языка» (И. И. Срезневский), описания его диалектного континуума и создания классификации его говоров.

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 13-04-00-160 «Русская диалектная лексика в лингвогеографическом аспекте»).

Однако при решении этой задачи основное внимание уделялось в основном фонетическому уровню языка, поскольку фонетические диалектные различия прослеживаются ярче всего. Пронизывая всю толщу языка, они охватывают огромное количество слов, поэтому именно фонетические различия были долгое время в центре внимания отечественных диалектологов, и лишь значительно позднее привлекли к себе внимание признаки морфологические.

Что касается лексических различий, то они еще со времен В. И. Даля признавались незначительными. Противопоставляя «народный язык» как язык многообразный, но единый в лексическом отношении, книжному, Даль писал: «На всю ширь великой России нет наречий, а есть только говоры. Говор отличается от языка и наречия одним только оттенком произношения, с сохранением нескольких слов старины и прибавкою весьма немногих, образованных на месте речений, всегда верных общему духу языка»¹.

Именно поэтому выявление лексических различий русских говоров находилось долгое время на периферии диалектологических интересов (диалектные слова привлекались в основном в качестве иллюстрации фонетических или морфологических особенностей говоров). Этому в немалой степени способствовали и определенные традиции европейской диалектологии и лингвистической географии. В западноевропейских школах диалектологии еще со времен младограмматиков довольно прочно укоренилось скептическое отношение к фактам лексики и словообразования как к фактам, которые в силу своей мозаичности и повышенной языковой проницаемости не позволяют провести ареальную классификацию того или иного диалектного континуума, поэтому лексические диалектизмы (судьбы которых, действительно, часто оказывались индивидуальны) традиционно считались нерелевантными для целей лингвистической географии. По-видимому, именно этим обстоятельством объясняется и тот факт, что в Программе «Диалектологического атласа русского языка» (ДАРЯ), работа над которым развернулась после войны, оказалось мало вопросов, относящихся собственно к лексике и словообразованию. Причем такая ситуация была характерна не только для отечественной диалектологии, но и в целом для славянской. Анализ имеющихся региональных и национальных атласов славянских диалектов свидетельствует о том, что эти атласы при всем различии стоявших перед ними целей объединяет сам принцип отбора материала: наиболее полное освещение в них получали факты фонетики как наиболее релевантные при решении вопроса о диалектной

дифференциации национального языка; что касается лексических различий, то хотя в словарном составе языка «они структурно наиболее значительны, однако важность их часто недооценивалась, поэтому эти различия именовались аморфными и некоррелятивными»². Именно поэтому отражение диалектных различий в области лексики и словообразования во многих атласах носило несистемный, фрагментарный характер, следствием которого была семантическая несоотнесенность картографируемых в них лексем.

Эта атомарность и несистемность лексической части вопросников как национальных, так и региональных атласов объясняется во многом и сложностью, необъятностью самого предмета исследования, трудностью сбора и систематизации лексического материала, а также, по-видимому, и тем, что в период их создания была еще не разработана общая типология подходов к выявлению диалектных различий на уровне лексики и словообразования, поэтому в атласах эксплицировались, как правило, только те диалектные различия, которые были известны как релевантные для данной территории. Отсутствие системного подхода к материалу, включаемому в вопросник атласа, привело к тому, что во многих из них были представлены в основном лексические карты и как единичные встречались семантические. Что касается словообразовательных карт, предполагающих учет структурных, семантических и словообразовательных связей, то они практически отсутствовали. Так, например, в «Атласе русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы» (М., 1957) было представлено всего 2 таких карты – №167 ‘суффиксы *-ин(а)*, *-иг(а)*, *-иц(а)* в названиях ягод’ и № 168 ‘образование и произношение слов с корнем *стриг-* (*стрыг-*) со значением ‘жеребенок одного-двух лет’.

Со временем, однако, стало ясно, что «из общего количества известных по областным картотекам и словарям диалектных слов (около 250 тыс.) изоглоссы определены едва ли для 1% (карты ДАРЯ и некоторые другие источники)»³.

В связи с этим одной из актуальных задач русской диалектологии становится создание «Лексического атласа русских народных говоров». Эта идея получила признание не только потому, что нам неизвестны границы распространения многих диалектных слов, но и потому, что на современном этапе развития социальной жизни процессы изменения говоров, утраты в них специфически диалектного протекают особенно интенсивно.

Необходимость создания «Лексического атласа русских народных говоров» мотивируется также и тем, что в отечественном

языкознании до сих пор остается нерешенной проблема различных диалектных потоков в формировании словарного фонда русского литературного языка. «Исследование разных народно-областных потоков в истории литературного словаря находится еще в зачаточном состоянии, – писал в 1965 г. В. В. Виноградов в своей статье «О связях истории русского литературного языка с исторической диалектологией». – Пути и сроки проникновения разных народно-лексических струй в литературную речь не обозначены»⁴. И хотя с момента написания этой статьи прошло более пятидесяти лет, эти слова не утратили своей актуальности и в настоящее время, поскольку и сегодня при описании истории русского литературного языка, и в частности при рассмотрении вопроса о его соотношении с северно- и южнорусскими говорами, в центре внимания по-прежнему оказываются данные фонетики и морфологии. Сведения же по лексике носят отрывочный характер, так как лексика в этом аспекте, действительно, до недавнего времени практически не исследовалась, и поэтому сегодня существуют серьезные лакуны в решении проблемы соотношения русского литературного языка с другими идиомами.

Возвращаясь к истокам лингвогеографического изучения диалектной лексики, следует вспомнить «Программу собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка» (Ярославль, 1945). В этой Программе раздел «Лексика» занимает довольно небольшое место (он содержит всего 154 вопроса, из которых 52 относятся к семантике ряда слов, большей частью архаизмов). Такая скромная представленность этого раздела «Программы» связана во многом с общим уровнем развития послевоенной диалектологии и прежде всего с недостаточной изученностью диалектной лексики к моменту ее составления, отсутствием соответствующих монографий, а главное – необходимого количества диалектных словарей, равномерно представляющих основные группы говоров. Именно поэтому «круг вопросов, включенных в раздел лексики, оказался довольно случайным и не связанным с изучением лексики как системы», – писал один из основателей этого Атласа Р. И. Аванесов. Лексических карт в Атласе «могло бы быть значительно больше, если бы лексика русских диалектов была в большей степени изучена ко времени составления Программы». Завершая свои размышления по этому поводу, он, однако, замечает, что «в дальнейшем, по мере развития монографического изучения лексики русских диалектов и выявления словарных и семантических диалектных различий, возможно создание новой серии атласов русских говоров, посвященных лексике и семантике»⁵.

В опубликованном III томе «Диалектологического атласа русского языка», посвященном лексическому уровню, содержится всего 75 карт, большую часть из которых составляют собственно лексические карты, подготовленные по материалам ономаσιологического раздела «Программы» Атласа, и лишь несколько карт семантических. Общее количество карт Атласа определялось, естественно, не столько возможностями материала, сколько условиями публикации. Понятно, что это лишь малая часть того лексического богатства, которое предстоит еще выяснить.

Публикация этого Атласа, а также региональных лексических атласов (таких, например, как «Лексический атлас Московской области» А. Ф. Войтенко [1991] и «Лексический атлас Архангельской области» Л. П. Комягиной [1994]) явилась серьезным стимулом для развертывания крупномасштабной работы по созданию «Лексического атласа русских народных говоров».

Сама идея изучения лексики русского языка с помощью методов лингвогеографии оказалась, таким образом, чрезвычайно плодотворной. Эти атласы реально доказали перспективность лингвогеографического исследования лексики, поскольку на их картах не только четко вырисовываются ареалы отдельных слов, но и прослеживается географическая повторяемость границ распространения целого ряда слов, принадлежащих к различным тематическим группам лексики. Вместе с тем нельзя не отметить, что в основе этих атласов лежал дифференциальный подход, стремление представить на картах только те диалектизмы, которые являются специфическими для данной местности названиями предметов, действий или явлений или дают наиболее ярко выраженные ареалы. Предметом внимания диалектологов при отборе материала были лишь регионализмы, слова же, имеющие общерусское распространение, в исследовании не учитывались, потому что априори принималась презумпция повсеместного распространения литературной лексики. Между тем публикация «Лексического атласа белорусских народных говоров» показала, что «презумпция повсеместного распространения литературной лексики оказывается справедливой далеко не для всех слов литературного языка, достаточно широкий круг слов литературного языка оказывается связанным с определенными диалектными ареалами»⁶. Проведенный С. М. Толстой анализ карт «Лексического атласа белорусских народных говоров» в плане ареального соотношения литературной и диалектной лексики показал, что на картах отчетливо обнаруживаются две крайние ситуации, а именно: полное отсутствие или спорадичность лите-

ратурного слова на диалектной карте и повсеместное, практически не ограниченное распространение слова, при котором другие диалектные лексемы оказываются лишь вкраплениями.

Дифференциальный подход к отбору картографируемой лексики не позволял рассматривать диалектную лексику в системном плане. Карты этих атласов реально доказали справедливость суждений Н. И. Толстого, который еще в 60-е гг. писал о том, что «способ картографирования одиночных лексем и семем (“от слова к значению” и “от значения к слову”) недостаточен и мало перспективен, необходимо картографирование хотя бы небольших семантических полей с определением дистрибуции лексем и их словообразовательно-derivационных возможностей»⁷.

Тем не менее чрезвычайно важно было то, что русская лингвистическая география серьезно продвинулась в пространственном изучении диалектной лексики. Возросший интерес к лингвогеографическому изучению лексики, а также общее развитие славянской лингвистической географии со всей остротой поставили перед отечественной диалектологией вопрос о необходимости создания лексического атласа общерусского масштаба, атласа, построенного на принципиально иной основе. Таким принципиально новым подходом должен был стать системный подход к принципам отбора и картографирования материала и отказ от атомарного подхода как недостаточного при решении широких задач диалектной лексикологии и лингвогеографии.

Идея системного подхода к лингвогеографическому изучению диалектной лексики является сегодня далеко не новой. Однако эта идея не могла быть реализована ранее. Препятствием к ее реализации было отсутствие достаточного числа диалектных словарей и монографических описаний, равномерно представляющих основные группы говоров, и как результат этого – неизученность словарного состава диалектного языка как системы.

Даже в 60-е гг., когда наблюдается оживление идеи изучения диалектного слова методами лингвогеографии, ситуация в принципе не меняется, о чем пишут и авторы коллективной монографии «Вопросы теории лингвистической географии»⁸.

Однако общий уровень развития лексикологии и лингвогеографии, утверждение идеи системности в организации словарного состава языка как в отечественной, так и в зарубежной лингвистике позволили вновь обратиться к идее реализации системного подхода в отборе и картографической репрезентации материала в лексическом

атласе. Со всей очевидностью стало ясно, что должен быть преодолен дифференциальный подход к лексикографическому и картографическому представлению диалектной лексики, существовавший долгое время в диалектной лексикографии и лингвогеографии, поскольку он «не дает возможности рассматривать диалектную лексику в системном плане и затрудняет, а иногда и делает невозможным ее исследование в сравнительно-типологическом»⁹.

Общий подъем исследований диалектной лексики, ориентированных на выявление системных отношений, преодоление научного скепсиса в правомерности применения понятий «системы», «системности» к лексике и семантике (вследствие практически необозримого состава единиц этого языкового уровня), а главное – успехи, достигнутые русской и славянской лингвистической географией в картографировании диалектных различий на уровне лексики и словообразования, убедительно доказали, что широкий круг проблем, связанных с пространственным изучением лексико-семантического уровня языка, может быть решен только при условии всестороннего охвата диалектного материала и более глубокого подхода к его собиранию и описанию.

Именно поэтому при обсуждении Программы «Лексического атласа русских народных говоров» решено было отказаться от дифференциального подхода и положить в ее основание системный принцип отбора и интерпретации материала. Системный принцип отбора материала предполагает прежде всего «равное внимание к любому члену диалектного различия, независимо от того, представляет ли он собственно диалектную лексическую единицу или же слово, входящее одновременно в состав литературного языка и общерусского просторечия»¹⁰.

Включение в Программу Атласа лексики литературного языка мотивировалось не только требованием системности, но и самой языковой логикой, поскольку эта лексика образует основной костяк народного словарного запаса, игнорировать который было бы просто нерационально. Кроме того, снятие этих ограничений давало возможность исключить искусственные лакуны в составе программы, которые всегда возникают при дифференциальном подходе.

По замыслу создателей Атласа, он должен «показать в пространственной проекции основные звенья словарного состава русских народных говоров – лексические и семантические различия в организации тематических и лексико-семантических групп, семантическую структуру слова, особенности диалектного словообразования»¹¹.

Понятно, что ввиду обширности лексической системы ни один атлас не может во всей полноте отразить системный характер лексики диалектов того или иного национального языка. Реально возможным для него является изучение определенного (но довольно широкого) круга тематических, лексико-семантических, словообразовательных групп и семантической структуры отдельного слова. Именно по этому пути и пошли создатели Программы ЛАРНГ, в которой нашли отражение, с одной стороны, внелингвистические признаки (взаимосвязанные природные или социальные явления), а с другой – собственно лингвистические (разнообразные дифференциальные и интегральные признаки слов, входящих в одну лексико-семантическую группу или семантическое поле), что позволило последовательно провести принцип системности в отборе картографируемого материала.

Совершенно очевидно, что такая Программа (вопросник которой включает более 5 тыс. вопросов) могла быть создана только лишь на современном этапе развития отечественной диалектологии, когда благодаря многочисленным диссертационным и монографическим исследованиям диалектной лексики сложились определенные представления о типах лексико-словообразовательных и семантических различий (не случайно многие разделы Программы были написаны авторами, имеющими монографии или диссертации по соответствующей тематике), поэтому создание Программы явилось своеобразным итогом предварительного изучения диалектной лексики.

В настоящее время подготовлен к печати первый том «Лексического атласа русских народных говоров» «Растительный мир». Карты, входящие в этот том Атласа, имеют своей целью локализовать в пространстве вариативные звенья одного из древнейших номинативных участков лексической системы русских диалектов, связанного с представлениями диалектоносителей об окружающей их природе.

В томе содержится более **двухсот** карт, которые представляют лексику разных тематических групп:

1) **названия лесных массивов**, в том числе и общее наименование леса (ср., например, карты ‘лес’, ‘большой лесной массив’, ‘небольшой лесок, роща’, ‘высокий лес’, ‘мелкий лес, мелколесье’, ‘густой лес’, ‘редкий лес’, ‘чаща’, ‘большой лес’, ‘здоровый высокий прямой строевой лес’, ‘лес, растущий на болоте’, ‘лес, растущий по берегам рек, озер’, ‘лиственный лес’, ‘хвойный лес’, ‘смешанный лес’ и др.), сюда входят и названия некоторых лесных локусов (ср. карты ‘поляна’, ‘опушка леса’, ‘выгоревшее место в лесу’, ‘грибное место’, ‘луг, богатый травами’, ‘ягодное место’ и др.);

2) **названия деревьев** и их частей (ср. карты 'большое растущее дерево', 'маленькое растущее дерево', 'верхушка дерева', 'ветвь дерева', 'листва', 'почка', 'сережки на дереве', 'ветвистое дерево', 'дерево, вырванное с корнем', 'дерево с дуплом', 'верхний слой древесины дерева', 'сломанное бурей дерево', 'сухое упавшее дерево' и др.), в том числе видовые названия деревьев (ср. карты 'береза', 'верба', 'осина', 'рябина', 'ель', 'сосна', 'черемуха' и др.), сюда входят и названия 'березового сока', 'смолы', а также 'коры деревьев' (см. семантические карты 'бересто', 'кора ивы', 'кора, используемая при дублении' и др.);

3) **названия кустарников** (ср. карты 'густые заросли кустарника', 'мелкий низкорослый кустарник', 'орешник', 'шиповник' и др.);

4) **названия трав** (ср. карты 'болотная трава', 'сорная трава', 'колючая трава', 'душица', 'зверобой', 'крапива', 'молочай', 'подорожник', 'полынь' и др.);

5) **названия ягод** (ср. карты 'брусника', 'голубика', 'ежевика', 'малина', 'черника', 'земляника', 'клюква', 'клюква, перезимовавшая под снегом', 'морошка', 'зрелая ягода', 'незрелая зеленая ягода' и др.);

6) **названия цветов** (ср. карты 'василек', 'девясил', 'ромашка', 'клевер', 'ландыш', 'колокольчик', 'одуванчик', 'репейник' и др.);

7) **названия грибов**, в этот блок карт входят и названия кушаний из грибов (ср. карты 'гриб' (о. н.), 'белый гриб', 'валуй', 'лисичка', 'масленок', 'мухомор', 'опенок', 'груздь', 'поганка', 'подберезовик', 'подосиновик', 'рыжик', 'съедобный гриб', 'несъедобный гриб', 'сыроежка', 'шампиньон', 'грибной нарост на дереве' и др.).

Лингвогеографическое изучение диалектной лексики позволило реально увидеть всю лексико-семантическую глубину русского диалектного лексикона и сложность его лингвистического ландшафта. При этом обнаружилось, что на картах этого тома Атласа устойчиво повторяется один и тот же ареальный сценарий, связанный с лексической дробностью русского диалектного континуума. Этот факт говорит о высокой степени лексической вариативности единиц, находящихся в отношениях дополнительного распределения (см., например, ситуацию на картах Л 11 'густой лес' или Л 13 'чаша'). Не случайно многие карты этого тома потребовали создания карт-дублей, позволяющих более четко представить ареалы картографируемых лексем.

О чем же говорят карты Атласа? Они говорят прежде всего о том, что **русские диалекты не утратили своего лексического своеобразия**. Несмотря на интенсивный процесс влияния литературного языка, следствием которого является нивелирование диа-

лектных различий, в русских диалектах сохраняется огромное количество диалектизмов, успешно противостоящих тенденции к стандартизации. Это особенно ярко проявляется в наличии в диалектах слов, которым в литературном языке нет однословного эквивалента, а имеются лишь описательные конструкции (см., например, карту Л 12 'густые заросли кустарника': *бачажник, густарник, зарастель, палежник, чапарыжник, настельник*; Л 28 'лес по берегу реки': *береговик, береговина, бережина, бережник, паберега, займище, левада*; Л 26 'лес, растущий на болоте': *болотник, болотняк, мокрятник, омшара, топляк, согра, шохра* и др.).

Следует отметить также обилие нового материала, обогащающего наши представления о русском лексическом диалектном фонде: практически каждая карта Атласа выявляет новые диалектизмы, которых нет даже в таком солидном издании, как «Словарь русских народных говоров» (СРНГ): ср., например, такие лексемы, как *голощека, прогал, прогалина* на карте Л 102 'поляна'; *берества, берество*, широко представленные на карте Л 91 'кора березы', и др.

На лексико-словообразовательных и семантических картах Атласа у ряда картографируемых слов выявились и новые значения, которые в СРНГ не фиксируются: так, например, на карте ЛСЛ 20 'молодой лес' представлены лексемы *дубрава* и *молочник*, которые в этом значении СРНГ не отмечены; на карте Л 28 'лес по берегу реки' отмечены лексемы *прибрежник, паберега, бережняг, бережник, береговина*, которые в этом значении в СРНГ отсутствуют.

И этот свежий диалектный материал является главным итогом настоящего лингвистического проекта.

Любая карта Атласа, в отличие от диалектного словаря, являет собой лингвогеографическую проекцию целой лексико-семантической группы, которая обычно представлена в разрозненном и далеко не полном виде в отдельных диалектных словарях, а наличие разных мотивационных признаков, четко выявляемых в легенде к каждой карте, дает возможность реально увидеть своеобразие русского языкового сознания в сложном процессе познавательной и классифицирующей деятельности человека. В этом отношении чрезвычайно показательными являются карты, посвященные названиям грибов, см., например, карту Л 160 'дождевой гриб', которая ярко иллюстрирует креативность языкового сознания диалектоносителей: *банька, бздюх, бздушка, дождевик, дымарь, дымовик, печки, пороховик, порховица, пуховик, пылевик, пыхалка, табачник, хлопушка, вороны яйца, дождёвые яйца, ванька-бздун, васька – топись печка, заячья*

картошка, мышинная баня, волчий табак, дедушкин табак, цыганский табак и др.

На картах «Лексического атласа русских народных говоров» отчетливо просматривается типология диалектных различий на уровне лексики и словообразования.

1) Лексические различия. Это прежде всего лексические диалектные различия. Они представлены на каждой карте Атласа, причем даже на таких картах, где их ожидать как будто бы трудно (см., например, карту Л 1 'лес' (о. н.), которая свидетельствует о том, что в отличие от литературного языка в диалектах имеется довольно широкий репертуар лексем, называющих лес: *лес, бор, дубрава, дуброва, гай, лука, ляд, лядина, наволок, нива, роща*; или карту Л 152 'гриб' (о. н.), где помимо лексемы *гриб* представлены лексемы *губа, обабок, блицы, печерица, пупырь* и др.).

Нередко эти лексические различия сопровождаются фонетическими, связанными с фонемным составом корня (ср. *глиное* ~ *глиное*; *ландух* ~ *ландуш* ~ *лантух* ~ *лануш* и т. д.) или акцентуацией (ср. *губа* ~ *губа́*; *вёрба* ~ *верба́*, *ча́ща* ~ *чаща́*, *чаща́ра* ~ *чащара́*, *ла́ндух* ~ *ланду́х*, *ла́ндыш* ~ *ланды́ш*, *хво́я* ~ *хвоя́* и др.). Иногда эти различия являются настолько выразительными, что становятся предметом картографирования (см., например, карту-дубль Л 13 'чаща', на которой представлено распределение лексем *ча́ща* ~ *чаща́*, или карту-дубль Л 56 'ольха', посвященную распространению лексем *ольха́*, *елха́*, *вольха́* и *о́льха*, *е́лха*, *во́льха*).

2) Лексико-словообразовательные различия. Еще шире представлены лексико-словообразовательные различия. Несмотря на то, что большинство вопросов «Программы» Атласа ориентировано на выявление лексических различий, собранный материал позволяет представить на карте и лексико-словообразовательную дифференциацию диалектов (ср., например, карту Л 117 'голубика', иллюстрирующую распространение лексем *голубика, голубица, голубига, голубель, голуба, голубка, гонобобель, пьяника, пьяница, дурника, дурница, дурава, дураха* и др.; или карту Л 121 'клюква, перезимовавшая под снегом', где представлены лексемы *веснуха, веснушка, веснянка, вешница, вешня, журавига, журавика, заморозка, зимница, зимовка, мерзляжка, мороженка, подснежица, подснежка, подснежник, снежница* и др.).

3) Словообразовательные различия. Богатый материал Атласа позволяет составить представление о диалектной словообразовательной производности: практически каждая карта ЛАРНГ свиде-

тельствует о том, что диалектный язык в этом плане значительно богаче литературного; на картах Атласа можно обнаружить такие диалектные словообразовательные модели, которые не только не характерны для литературного языка, но и не отмечены в СРНГ (см., например, карту Л 143 'молочай', где представлено множество таких моделей, которые находятся друг с другом в отношениях корреляции: *молокай* ~ *молочай*, *молокайник* ~ *молочайник*, *молокальник* ~ *молочальник*, *молокан* ~ *молочан*, *молоканник* ~ *молочанник* и т. д.).

4) Семантические различия. Практически каждая карта Атласа позволяет сделать маленькие «открытия» в лингвогеографической проекции и семантической структуре диалектного слова. Яркой иллюстрацией может служить семантическая карта СМ 156 'губа', выявившая целый спектр значений, которых нет в «Словаре русских народных говоров», ибо это не только 'съедобный гриб' (как в СРНГ), но и 'несъедобный', а также 'кушанье с грибами', 'нарост на дереве' и даже 'плесень'.

5) Грамматические различия. В Программе лексического атласа нет специальных вопросов, нацеленных на выявление грамматических различий, однако они часто сопутствуют лексическим и получают свое отражение на карте, см., например, карту Л 146 'польнь', где на карте-дубль показаны различия в родовой принадлежности лексем *полян* и *польнь*, которые в диалектах могут относиться как к женскому, так и к мужскому роду (ср. следующие иллюстрации: *Силов нету огород образить – вот один польнь горький растёт* (п. 676). *Горькая полян растёт в саду у меня* (п. 346)).

6) Мотивационные различия. В Атласе представлены новые типы карт, так называемые мотивационные (см., например, карты Л 15 'больной, низкий, кривой нестройной лес' или Л 14 'здоровый, высокий, прямой строевой лес'). Их присутствие является чрезвычайно важным, так как материал обеих карт дает представление о системности в организации такой семантической сферы русского макрокосма, как лес. Соотношение мотивационных признаков на этих картах позволило выявить интересную картину их семантической корреляции, а именно: на обеих картах ведущим среди мотивационных признаков является функциональный (ср. в связи с этим замечание автора карты 'больной, низкий, кривой нестройной лес' В. Н. Гришановой: «Самую большую группу этих названий составляют суффиксальные образования с корнем *дров-/древ-* (ср. *древник*, *древник*, *дрóвеник*, *дрóвник*, *дровник*, *дрови́ник*, *дровя́ник*, *дровяно́й лес*), они называют лес, в котором растут деревья, пригодные лишь

для использования в качестве топлива, т. е. годные на дрова»; а также автора карты 'здоровый, высокий, прямой строевой лес' В. И. Меркуловой, по наблюдениям которой ведущим мотивационным признаком является также функциональный, актуализируемый либо в общих (родовых) названиях строевого леса (ср. *строевик*, *строёнка*, *строительный лес*), либо в частных (видовых), ср. *бревённый*, *бревёшник*, *бревённый*, *бревённый лес* – производные от корня *брев-* с общим значением 'растущий лес, годный на бревна'; *избняк*, *избняк*, *избной лес*, *избной лес* – с корнем *изб-* и общим значением 'строевой лес, годный для постройки изб' (СРНГ 12: 99), что косвенным образом подтверждает функционально-прагматический характер русского словообразования: словообразовательно маркируется то, что оказывается важным, прагматически значимым для человека.

7) **Номинативные различия.** Карты Атласа говорят и о номинативных диалектных различиях, связанных со своеобразием номинативной логики в «ословливание» окружающего мира.

Лексическая детализация языка той или иной частной диалектной системы нередко оказывается разной, поэтому в одних диалектах существуют одни номинативные принципы освоения семантической сферы «Растительный мир», а в других – иные. В связи с этим отдельные участки этой семантической сферы могут не иметь соответствующих однословных номинаций, см., например, карту Л 19 'тонкий высокий лес', где наряду с лексемами *выскорь*, *выскорь*, *выскорник*, *высокарник*, *выспорь*, *выспарь*, *выспар*, *жердинник*, *жердник*, *жердяник*, *жерденик*, *жердяк*, *слежник*, *слежмяк*, *тонколес*, *тонколесье*, *тонкомер*, *тонкостой* и др. представлены описательные конструкции типа *вольный лес*, *гонкий лес*, *погонистый лес*, *прогонистый лес*, *сгонистый лес*, *жердяной лес*, *жидкий лес*, *лесина легавая*, *выносистый лес*, *рваный лес*, *тонкоствольный лес*, *вытяжной лес* и др.

Материалы карт первого тома Атласа свидетельствуют о неравномерной диалектной расчлененности русского диалектного континуума, поскольку на разных картах степень его лексической и словообразовательной дифференциации не одинакова: на одних картах она чрезвычайно дробная (в связи с чем для достижения наибольшей наглядности было необходимо составление карт-дублей, см., например, карту Л 102 'поляна', которая имеет шесть таких карт-дублей), на других – более ровная, характеризующаяся, например, двумя-тремя ареалами, а иногда даже монотонная (см., например, карту Л 59 'осина').

Однако большинство карт Атласа демонстрирует высокую степень диалектной дифференциации. И эта расчлененность, подчас мозаичность и пестрота русского диалектного ландшафта, наличие многочисленных островных ареалов требуют своего осмысления не только в социологическом, но и глоттогенетическом аспекте.

Предварительный лингвогеографический анализ материалов карт, входящих в первый том Атласа, позволил выявить некоторые ареалы лексических диалектизмов, образующих противопоставленные лексические различия: так, в частности, материал карты Л 11 'густой лес' говорит о том, что лексема *займище* характерна в основном для южнорусских говоров, тогда как лексема *сузём* – для севернорусских; или на карте Л 132 'трава, растущая на болоте' отчетливо видно, что в южнорусских говорах преобладает номинация *болотница*, а в говорах северо-западного региона – лексема *болотина*, и т. д.

Анализ материалов карт Атласа свидетельствует о консервативности диалектов, на протяжении многих веков успешно противостоящих внешним влияниям, а также тенденции к стандартизации. Эта сопротивляемость диалектов в процессе их контактирования между собой и с литературным языком способствовала консервации отдельных узколокальных лексем, что привело к появлению эксклюзивных диалектизмов.

Так, в частности для диалектов **севернорусского наречия** характерны такие лексемы, как *крушина* в значении 'береза' (карта Л 53 'береза'), *пунда* и *мянда* в значении 'верхний слой древесины', которые имеют прибалтийско-финское происхождение (карта Л 52 'верхний слой древесины, расположенный непосредственно под корой'), *лесина* в значении 'большое растущее дерево' (карта Л 78 'большое растущее дерево'), *шипница* в значении 'шиповник' (карта Л 70 'шиповник'), *скала*, *скалина*, *скальё* в значении 'кора березы' (карта Л 91 'кора березы'), лексема *веретье* в значении 'поляна' (карта Л 102 'поляна, открытое место в лесу'), *ежевица* в значении 'ежевика' (карта Л 118 'ежевика'), *подснежница* в значении 'клюква, перезимовавшая под снегом' (карта Л 121 'клюква, перезимовавшая под снегом') и т. д.

Если диалектные эксклюзивы севернорусского наречия – вполне ожидаемый феномен русского диалектного ландшафта (ср. устойчивое мнение, что именно Русский Север сохраняет диалектизмы в их нетронутой языковой чистоте), то эксклюзивы южнорусского наречия, их состав, а главное – количество, являются для читателя скорее неожиданностью.

Так, в частности, диалекты **южнорусского наречия** характеризуют такие лексемы, как *трухляк* в значении ‘гнилое дерево’ (карта Л 41 ‘гнилое дерево’), *хвойник* и *ярежник* в значении ‘хвойный лес’ (карта Л 4 ‘хвойный лес’), *осика* в значении ‘осина’ (карта Л 59 ‘осина’), *клевеника* в значении ‘березовый сок’ (карта Л 100 ‘березовый сок’), *клей* и *подсочка* в значении ‘смола хвойных деревьев’ (карта Л 101 ‘смола хвойных деревьев’), *ягода*, *пазобник*, *пазобника* в значении ‘земляника’ (карта Л 119 ‘земляника’), *дождёвка* и *пышка* в значении ‘дождевой гриб’ (карта Л 160 ‘дождевой гриб’) и т. д.

И даже **среднерусские говоры** имеют такие отличительно характеризующие их лексемы, которые противопоставляют их говорам севернорусского и южнорусского наречий, например, в западной группе среднерусских говоров распространены лексемы *печура*, *печурка* в значении ‘белый гриб’, а в восточной – лексема *желтяк* (карта Л 157 ‘белый гриб’), в западной группе среднерусских говоров отмечены лексемы *козляк*, *козьяк* в значении ‘масленок’, а в восточной – лексемы *сосновик*, *подсосновик*, *сосненок*, *подсосник* (карта Л 163 ‘масленок’); для западной группы среднерусских говоров характерна и лексема *стрекава* в значении ‘крапива’ (карта Л 140 ‘крапива’) и т. д.

Нередко эксклюзивные лексемы составляют принадлежность диалектов только одной какой-либо группы, например:

костромская группа говоров севернорусского наречия выделяется такими лексемами, как *нива* в значении ‘небольшой лесок, роща’ (карта Л 25 ‘небольшой лесок, роща’), *сеча* в значении ‘вырубленный лес’ (карта Л 49 ‘вырубленный лес’), *грива* в значении ‘поляна’ (карта Л 102 ‘поляна, открытое место в лесу’), *бабур* и *бабура* в значении ‘съедобный гриб’ (карта Л 153 ‘съедобный гриб’) и др.;

псковская группа среднерусских говоров характеризуется такими лексемами, как *чистина* в значении ‘поляна’ (карта Л 102 ‘поляна, открытое место в лесу’), *блицы* в значении ‘гриб’ (карта Л 152 ‘гриб’ (о. н.)), *бересто* в значении ‘лыко’ (карта Л 92 СМ бересто), *весёлка* в значении ‘береза’ (карта Л 53 ‘береза’) и т. д.;

владимирско-поволжскую группу среднерусских говоров отличают такие лексемы, как *бруснига*, *бушнига* в значении ‘брусника’ (карта Л 116 ‘брусника’), *ежевига* в значении ‘ежевика’ (карта Л 118 ‘ежевика’), *землянига* в значении ‘земляника’ (карта Л 119 ‘земляника’), *разнолесок* в значении ‘смешанный лес’ (карта Л 5 ‘смешанный лес’) и др.;

для **западной группы среднерусских говоров** характерна лексема *веснянка* в значении 'клюква, перезимовавшая под снегом' (карта Л 121 'клюква, перезимовавшая под снегом'), лексема *вихрелом* в значении 'поваленный бурей лес' (карта Л 29 'поваленный бурей лес'), лексема *горькуха* в значении 'одуванчик' (карта Л 144 'одуванчик') и др.;

для **курско-орловской** группы говоров южнорусского наречия характерны лексемы *западок* в значении 'дупло' (карта Л 46 'дупло'), *комоника* в значении 'брусника' (карта Л 127 СМ комоника), *снытка* в значении 'щавель' (карта Л 149 'щавель') и др.;

в **донских говорах** отмечены лексемы *свербука*, *свербучка* в значении 'крапива' (карта Л 140 'крапива'); *разлатое* в значении 'дерево с большими боковыми ветвями' (карта 84 'дерево с большими боковыми ветвями' (какое?)), *полуника*, *полуница* в значении 'земляника' (карта Л 119 'земляника') и др.

Мы привели лишь некоторые примеры. Однако даже эти немногочисленные иллюстрации являются свидетельством не только сопротивляемости диалектов, но и их динамики. Эти примеры говорят о том, что в процессе саморазвития диалектов возникает некая новая диалектальность, связанная с утратой архаичной лексики и появлением новых диалектизмов, имеющих существенные отличия как от литературного языка, так и от других диалектов.

Думается, что заложенный в Программу «Лексического атласа русских народных говоров» системный подход к картографическому освоению диалектной лексики оказался чрезвычайно продуктивным. Он открывает перед отечественными диалектологами большие возможности в объективном решении целого ряда проблем современной русистики, а именно:

1) в выяснении диалектной основы лексической системы русского литературного языка. Внимание к любому члену диалектного различия, независимо от того, представляет ли он собственно диалектную лексическую единицу или же слово, входящее одновременно в состав литературного языка и общерусского просторечия, даст в будущем возможность определить границы бытования литературных слов и начать изучение исторически менявшихся взаимоотношений русского литературного языка с северно- и южнорусскими говорами, тем самым более глубоко разработать проблему диалектной основы русского литературного языка, того реального вклада в сокровищницу его словарного состава, который внесли севернорусские и южнорусские диалекты. Признание сегодня московского городского кой-

не, в качестве диалектной базы литературного языка не закрывает этого вопроса, поскольку любое койне всегда развивается по линии обогащения своего словаря. Обращение к изучению истории русского литературного языка с учетом тех диалектных стихий, которые оказали влияние на формирование словарного состава московского койне поможет по-настоящему понять процесс образования литературного языка, определить принципы и мотивы канонизации разнообразной диалектной лексики;

2) в создании реестра лексических диалектизмов (подобно тому, которым располагает фонетика и морфология), поскольку до сих пор не определен инвентарный набор лексем по целому ряду лексико-семантических групп. Это позволит заложить фундамент для последующей обобщающей работы по систематизации диалектных различий на уровне лексики и словообразования, что явится стимулом дальнейшего развития диалектной лексикологии и лингвогеографии;

3) в решении задач региональной диалектной лексикографии и лингвогеографии. Несмотря на то, что Атлас имеет достаточно частую сетку обследования (более тысячи пунктов) и достаточно подробный вопросник (более пяти тысяч вопросов), он все равно не сможет дать исчерпывающего представления о лексическом богатстве русских говоров и их лексических различиях. Эту задачу могут решить региональные словари и атласы разного типа, поскольку «лишь обстоятельное изучение лексики отдельных регионов, а не погоня за раритетами, является эффективным способом обнаружения не учтенных до сих пор лексем и особенно значений»¹².

Работа над ЛАРНГ имеет огромное, непреходящее значение. Изучение диалектного слова позволяет понять, как явления культуры воплощаются в диалектном слове, определить культурно-национальные коннотации и тем самым проникнуть в глубинные основы «народного духа». Выявление корпуса лексических диалектизмов позволит создать своеобразный «банк данных», на основе которого можно будет проводить лингвокультурологический анализ и моделирование языковой картины мира, поскольку набор их далеко не случаен, а является своеобразным плодом коллективного представления народа, отражающим опыт его освоения и «означивания» мира.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1862. Т. I–IV.
- 2 *Ивич П.* Опыт структурной классификации диалектных различий в славянской языковой области // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. М., 1963. С. 19.
- 3 Лексический атлас русских народных говоров. Проект / Отв. ред. И. А. Попов. СПб., 1994. С. 5.
- 4 *Виноградов В. В.* О связях истории русского языка с исторической диалектологией // Избранные труды. История русского литературного языка. М., 1978. С. 214.
- 5 Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы / Под ред. Р. И. Аванесова. М., 1957. С. 8.
- 6 *Толстая С. М.* Диалектные ареалы литературных слов // *Dialectologia slavica*. М., 1995. С. 263.
- 7 *Толстой Н. И.* Из опытов типологического изучения славянского словарного состава // Вопросы языкознания. 1963. № 1. С. 39.
- 8 Вопросы теории лингвистической географии / Ред. Р. И. Аванесов, В. Г. Орлова. М., 1962. С. 150: «Проблема изучения словарного состава как системы даже в пределах одной частной разновидности языка (например, в пределах одного диалекта) изучена еще очень слабо... Поэтому до настоящего времени в диалектологии вообще и в лингвистической географии в частности приходится изучать отдельные частные лексические диалектные различия, нередко малосвязанные или вовсе не связанные друг с другом».
- 9 *Толстой Н. И.* Избранные труды. М., 1997. Т. I. С. 245.
- 10 *Попов И. А., Азарх Ю. С., Вендина Т. И., Герд А. С., Мораховская О. Н., Петрова З. М.* Лексический атлас русских народных говоров в кругу славянских атласов // Славянское языкознание. XI Международный съезд славистов. Братислава, 1993 г.: Доклады российской делегации. М., 1993. С. 329.
- 11 Лексический атлас русских народных говоров. С. 5.
- 12 *Толстая С. М.* О новых направлениях в белорусской диалектной лексикографии // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. М., 1985. С. 298.

T. I. Vendina

Russial dialectal lexis in the linguo-geographical aspect

The article analyses the problems connected with the study of the Russian dialectal words in the linguo-geographical aspect. The author evaluates preliminary results of the Russian national project «The Lexical Atlas of Russian Dialects» and outlines the innovations it will bring into the ideas concerning lexical dialctisms which were traditional in Russian dialectology.

Keywords: *Russian dialectology, linguistic geography, «The Lexical Atlas of Russian Dialects».*

В. С. Кучко
(Екатеринбург)

**Рус. оправдываться, оправдание:
опыт диахронно-семантического портретирования**

В статье прослеживается история семантического развития лексем *оправдывать(ся)* и *оправдание*. Анализируется их семантика в современном общенародном языке. С опорой на контекстный анализ у глагола *оправдываться* выделяется не фиксируемое в лексикографических источниках значение ‘врать, доказывая свою правоту’. Рассматривается спектр значений, которые данные слова развивают в говорах.

Ключевые слова: *семантика русского языка, историческая лексикология, русские говоры.*

Семантика слов *оправдывать(ся)*, *оправдание* в современном русском общенародном языке. В современном общенародном языке значения слов *оправдывать(ся)*, *оправдание* могут быть – с долей обобщения и условности – разделены на три семантические области.

1. Область, связанная с идеей невиновности человека и не-предосудительности его действий. Внутри нее рассматриваемые слова имеют две плоскости употребления: специализированную – юридическую – и неспециализированную. В первой они обладают статусом юридических терминов: *оправдать* подсудимого означает вынести судебный приговор, признающий его невиновным, а *оправдание* есть сам такой приговор. «Юридическая» семантика может быть переведена в повседневное употребление, чем создается неспециализированная плоскость значений изучаемых слов. Обобщая словарные формулировки, приведем значения глагола *оправдывать* (подразумевая, что значения отглагольного *оправдания* соотносимы с семантикой производящего слова): ‘признавать кого-л. поступившим непредосудительно’ (ср. *оправдывать брата перед родителями*), ‘признавать что-л. допустимым, непредосудительным’ (ср. *оправдывать лень, страх, свое исчезновение*). Внутри данной семантической области *оправдание* человека, его действий, эмоций и т. д. связывается с его *правотой*. Таким образом, семантика слов *оправдывать*, *оправдание* наследует одно из значений производящего многозначного слова *правда* – ‘правота’ (присущее ему и в современном языке, ср. *ваша правда* ‘вы правы’).

2. Область, связанная с идеей правильности или справедливости, включает обобщенные значения ‘подтверждать правильность, истинность, основательность чего-л.’, ‘показать себя достойным, заслуживающим чего-л., соответствующим чему-л.’ (ср. *оправдать чьи-л. ожидания / высокое звание учителя; подозрения оправдались*; «Глафира Сергеевна сообщила, что она была на спектакле “В царстве скуки” и зрители утверждали, что игра актеров вполне оправдала название» <Каверин, Открытая книга>; «Мне кажется, в этом <в помощи голодающим> я нашла способ оправдать свою жизнь» <Чехов, Жена>) (здесь и далее контексты из «Национального корпуса русского языка»). В позиции объекта оправдания в данном случае находится, как правило, не человек, а его идеи, убеждения и т. п. (то, что может быть правильным, истинным, справедливым). Внутри данной семантической области *оправдание* соотносится с истинностью или справедливостью, продолжая соответствующие линии семантического развития производящего слова *правда* (в котором соединяются значения ‘истинность’, ‘правильность’ и ‘справедливость’, нередко трудноразделимые).

3. Область, связанная с идеей компенсации затрат. Слова *оправдать* и *оправдание* употребляются в контекстах, где речь идет о возмещении материальных расходов, ср. *оправдать потери / покупки, дорогостоящая техника оправдала себя, расходы оправдались*. Основанием для оправдания является соответствие объекта оправдания денежным тратам на него. Широкая семантика подтверждения правильности сужается до семантики подтверждения «правильности» (целесообразности) понесенных расходов.

Глагол *оправдываться*: значение ‘говорить неправду’. Семантическая область, связывающая *оправдание* с правотой объекта оправдания, разрабатывает модель ситуации с обязательным присутствием трех участников: объекта оправдания; субъекта оправдания, то есть того, кто оправдывает (очень часто их позиции совпадают, ср. форму *оправдываться*); адресата оправдания, без которого ситуация не имеет смысла: оправдание затевается ради него (совпадать могут все три позиции – когда кто-то оправдывается перед собой). Ситуация оправдания возможна благодаря двум основным предпосылкам: адресат оправдания обладает правом осведомляться о поступках и намерениях объекта оправдания; участники ситуации преследуют цель избежать конфликта с адресатом оправдания. Адресат оправдания, как правило, имеет высокую личную значимость для оправдываемого или более высокий социальный статус; в позиции адресата

оправдания часто находятся члены семьи или друзья объекта оправдания, начальник, учитель, сотрудник правоохранительных органов и под. – в противном случае оправдания могут быть неуместны, ср. «Зачем ты о п р а в д ы в а е ш ь с я, я ведь тебе не жена» <Е. Белкина. От любви до ненависти>; «Перед кем о п р а в д ы в а т ь с я? Перед клеветниками, шпаной, людьми, лишенными совести?» <Д. Гранин. Зубр>.

Общая модель ситуации реализуется в случаях с определенной разницей смыслов, вкладываемых в рассматриваемые слова. Доказательство правоты объекта оправдания может происходить путем объяснения действительных причин поступков, мотивов поведения, ср. «Павел Алексеевич Елениной работы не любил – к чему это утомительное сидение в конструкторском бюро? Елена о п р а в д ы в а л а с ь: “Это хорошая работа. Я в ней понимаю”» <Л. Улицкая. Казус Кукоцкого>. Правота объекта оправдания может быть лишь частичной: могут обнаруживаться обстоятельства, снимающие с оправдываемого часть вины, тогда *оправдать* значит ‘извинить’, а *оправдание* – ‘обстоятельства / доводы, позволяющие извинить’ (ср. *оправдать невнимательность усталостью*).

Наконец, объект оправдания может убеждать кого-либо в своей мнимой правоте или позволять приписывать себе правоту, ср. *Не придумывай себе / ему оправданий*. В этом случае оправдывающийся нередко объясняет свои действия ссылками на ложные обстоятельства, ср. «Медлила, о п р а в д ы в а я с ь тем, что плохо себя чувствует, но на самом деле боялась постучать» <Р. Сенчин. Елтышевы>. Ложь позволяет ему не уронить себя в глазах адресата оправдания или избежать конфликта с ним, то есть достичь главной своей цели. В данной ситуации за возвратной формой рассматриваемого глагола закрепляется смысл, противоположный «этимологическому»: глагол *оправдываться*, связанный производными отношениями с *правдой*, обозначает продуцирование неправды.

О стойкой связи глагола *оправдываться* с семантикой порождения неправды свидетельствуют многочисленные контексты, где он оказывается соположен глаголам *лгать*, *врать* и другим «обманным». Вот некоторые примеры: «Что ж, лучше было бы, <...> если бы я стал врать, оправдываться?» <В. М. Гаршин. Встреча>; «Дон Сэра побагровел и стал длинно и косноязычно оправдываться, причем все время врал» <А. и Б. Стругацкие, Трудно быть богом>; «“Я только боюсь его грубости!” – оправдывалась она перед собою и чувствовала, что лжет» <М. П. Арцыбашев. Смерть Ланде>; «Сначала Маруся о п р а в д ы в а л а с ь и л г а л а. Выдумыва-

ла несуществующие факультативные занятия и семинары. Говорила о бессонной ночи у подруги, замышлявшей самоубийство. О неожиданных поездках к родственникам в Дергачево» <С. Довлатов. Иностранка>. В ряд с глаголом *оправдываться* также встают глаголы *вертеться*, *юлить*, *выкручиваться*, *изворачиваться*, описывающие ту же ситуацию, что и названное слово.

Показательно, что источники, толкующие единицы других, нежели литературная, форм существования русского языка – диалектные и жаргонные словари, – могут соединять в одном определении к отдельным лексемам слова *оправдываться* и *лгать* или их дериваты (ср. жарг. *отмазки лепить* ‘оправдываться, лгать’: «Он будет до последнего отмазки лепить, ни за что не признается», *понты лимонить* ‘лгать, оправдываясь’¹; диал. шир. распр. *слыгаться* ‘оправдываться ссылкой на ложную причину’: «Ты все слыгался, что на луг едешь, оттого и болен»²; без указ. места *отлыгаться* ‘оправдываться ложью’³ и др.). Это подтверждает соединение смыслов «оправдыванья» и вранья в сознании носителей языка.

Высокая вероятность вранья в ситуации «оправдывания» формирует своеобразный «порог недоверия» к приводимым в оправдание доводам, ср. реплики адресата оправдания: «Он сам прыгнул... – я пытался оправдываться. – И не ври!» <В. Панюшкин. За Виню>; «Лучше не оправдывайся, я все знаю» <А. Слаповский. Гибель гитариста>. Недоверие к оправдывающемуся выдают основные определения к слову *оправдание*: прилагательные *жалкий*, *пустой*, *слабый*, *бесполезный*. Встречаются также *правдоподобные*, *лукавые*, *постоянные* оправдания. О том, что оправдания часто не соответствуют действительности, свидетельствуют контексты, в которых их *ищут*, *находят*, *придумывают*, *изобретают*.

Нетрудно заключить, что слово *оправдываться* в значении ‘доказывать правоту’, часто содержащем компонент ‘путем обращения ко лжи’, имеет явный негативный оттенок и обозначает действие, само по себе предосудительное (очевидно, что человеку требуется оправдываться, как правило, тогда, когда он совершил какой-то предосудительный поступок). На этот вывод наталкивают и контексты, согласно которым оправдываться *стыдно*, *плохо*, *нельзя*, *бессмысленно*. Предосудительно не только оправдываться, но и требовать этого от других: «Неужели вам не совестно заставлять оправдываться женщину?» <А. Слаповский. Жизнь Лагарпова>, «Ужасно заставлять людей врать и оправдываться» <Б. Окуджава. Новенький как с иголки> и др. Контексты демонстрируют частый отказ собеседни-

ка от выслушивания оправданий, чтобы не унижать говорящего или чтобы не слышать вранье: «Ну, ну, что уж! не оправдывайся, бог простит!» <М. Е. Салтыков-Щедрин. Пестрые письма>, «Да я просто поспешил, – начал было он, но отец прервал его: – Не оправдывайся» <Ч. Айтматов. Пегий пес, бегущий краем моря>, «Да я... – <...> Никогда не оправдывайся! Ни перед кем!» <Т. Соломатина. Отойти в сторону и посмотреть>.

В семантике слова *оправдываться* проявляются, таким образом, представления о стремлении выдать ложь за правду. «Обманную» семантическую добавку слово получает благодаря типичной ситуации его употребления, в которой говорящий, будучи нередко с очевидностью неправ, прибегает ко лжи, чтобы доказать свою правоту.

История развития семантики *оправдать, оправдание*. Современная семантика весьма заметно отличается от первоначального круга значений, фиксируемых у слов в древнерусском языке и следующих старославянские. Показательно, что лексемы *оправдать* и *оправдание* отобраны О. А. Седаковой в число церковнославянско-русских паронимов, толкования которых в старославянских текстах нельзя основывать на их сегодняшнем понимании⁴.

В старославянском и в древнерусском языке употребления данных слов принадлежат, во-первых, сфере суда в широком смысле – как общественного регулятора правовых отношений и как внутреннего регулятора поведения (суда совести, божьего суда). Для основного «судебного» значения ‘признать / признание правым’ деление на «общественное» и «внутреннее» оказывается нерелевантным, что делает здесь справедливым широкое понимание суда. Это значение сохраняется и в современном русском языке, позволяя при толковании старославянских и древнерусских слов пользоваться лексемами *оправдать* и *оправдание*, ср. *оправдати* ‘оправдать’: «Горе тѣмъ иже оправдажѣ незаконника», *оправдание* ‘оправдание’⁵, *оправдати* ‘признать правым, невиновным, оправдать’, *оправдатиса* ‘доказать свою невинность, свою правду’⁶. В некоторых случаях речь может идти только о правовых употреблениях (*оправдати* ‘присудить за кем’: «Великіи зборъ оправдаша мнѣ мою митрополью», ‘разобрать дело, защитит’: «Соправдаите вдовицю», *оправдание* ‘суд’: «Также есмь приказалъ ему и оправданіа вся церковная <...> управляти», ‘судилище’, ‘право’⁷, ‘судебное разбирательство’, ‘текст судебного оправдания’⁸), а в других – только о суде «по совести», нравственной оценке человека (*оправдание* ‘справедливый поступок, доброе дело’⁹, ‘исправление, совершенствование’¹⁰, ‘добродетель’:

«Дшевьнаѧ оправданиѧ, рекъше <‘то есть’> блѣгочъстье»¹¹, *оправдати* ‘очистить (образн.)’¹²).

Во-вторых, они связаны с идеей истинности и законности (которые служат основанием для праведного суда): *оправдати* ‘утвердить, подтвердить’¹³, ‘установить’: «Юсгоже вправдалъ кеси цѣсарьствовати на земли», *оправдание* ‘указ, постановление’: «Наоуча сѧ вправданием твоимъ» <речь идет о заповедях>, ‘правильность’, ‘правило, наставление, закон’¹⁴, ‘правда, справедливость’¹⁵, *оправдатисѧ* ‘сказать по правде’¹⁶.

Присущие словам *оправдать* и *оправдание* «судебные» и «истинностные» значения являли собой некое синкретичное единство, одновременно служа для описания разных сторон одной ситуации – *оправдание*, к примеру, могло называть сам процесс суда, его результат (судебное постановление; текст, вручаемый оправданному; статус оправданного), основание для него – как закон, так и невиновность судимого, его праведность и добродетельность.

Такой же широкий и одновременно целостный спектр значений фиксируется в «Словаре русского языка XI–XVII вв.», но с двумя важными отличиями. Во-первых, словарь не включает значения, относящиеся к области нравственного облика человека (вроде *оправдание* ‘добродетель’ или *оправдать* ‘очистить’), – они не встречаются и в словарях, отражающих состав языка в последующие эпохи. Эти слова утрачивают возможность характеризовать внутренний, духовный мир человека. Во-вторых, у *оправдания* фиксируется значение ‘подтверждение истинности’ (ср. «Выпись ему для оправдания дана» <речь идет о бумаге, содержащей денежные расчеты>¹⁷), вполне логичное в свете наличия у глагола значения ‘подтвердить’, однако отдельно не выделяемое прежде. Все контексты, подтверждающие данное значение, относятся к XVII в. За появлением этого позднего значения, которое сохраняется у слова вплоть до сегодняшнего дня, видится существенный сдвиг в его семантике. *Оправдание* в старославянском и древнерусском языках было во многих значениях синонимично производящему *правда* – последнее, ввиду многозначности, могло, как и рассматриваемое производное, означать и ‘право’, и ‘справедливость’, и ‘истинность’. Постепенно синонимия исчезает, и за *оправданием* закрепляются только значения ‘подтверждение правоты / справедливости / истинности’.

Картина, отмечаемая в XVIII в., предопределяет современную. Исчез ряд древних «судебных» значений, значительно сузив возможности употребления слов в этой сфере лишь до идеи доказатель-

ства и признания правоты, ср. *оправдать* ‘освободить от обвинений, признать невиновным’: «Добродушной Виланд берется – естли не оправдывать, то по крайней мѣрѣ извинять его», ‘в суде вынести оправдательный приговор кому-л.’: «Жена моя вошла в долги <...> но суд оправдал ее», ‘доказать, обосновать чью-л. правоту, привести доводы в защиту кого-л.’, ‘послужить подтверждением чьей-л. правоты, невиновности’: «Указ вице адмирала болѣе обвинил, нежели оправдать мог»¹⁸.

Слова *оправдать*, *оправдание* окончательно закрепляются за обозначением идеи доказательства и подтверждения правоты и истинности чего-либо. Круг возможных объектов оправдания значительно расширяется. Контексты, собранные в словарях древнерусского языка, показывают, что объектом оправдания, как правило, являлись поступки человека, его жизнь или – метонимически – он сам. К XVIII в. потенциальными объектами оправдания стали также внеположенные человеку и его духовному миру реалии, отсюда – расширение списка объектов, подлежащих оправданию (ср. значения ‘подтверждение достоверности чего-л.’: *оправдать пророчества*, ‘подтвердить на деле реальность, действительность существования, наличия чего-л.’: *оправдать пользу наук*), а кроме того, появление «материального измерения» оправдания – значения ‘подтвердить чем-л. правильность расходов, трат’ у глагола *оправдаться*: «Ты сим счетом не оправдаешься»¹⁹.

Семантика слов *оправдывать(ся)*, *оправдание* в русских говорах. Семантический спектр диалектных лексем *оправдывать(ся)*, *оправдание* весьма отличается от круга значений, который присущ этим словам в литературном языке. Диалектной языковой картине мира свойственна гораздо большая прагматичность установок ее носителей, а также стремление запечатлеть скорее конкретику, чем абстрактные понятия. Материальное «измерение» *оправдания* в говорах становится наиболее значимым, а смыслы, связанные с доказательством чьей-либо правоты, разделяются с другими словами (*оправлять*, *оправа*). Семантика диалектных лексем, на первый взгляд, гораздо дальше отстоит от идеи *правды* ‘справедливости’, чем общенародная семантика; однако при внимательном рассмотрении выявляется особое понимание правды / справедливости в традиционном дискурсе.

Самое широкое распространение у глагола *оправдывать* имеет значение ‘содержать, обеспечивать в материальном смысле’ (соответственно, *оправдываться* означает ‘обеспечивать себя’), ср. диал.

шир. распр. *оправдать, оправдывать*: «Я за лето двух работников оправдаю», «Ему трудно всех оправдать, семья большая, вот и пошел сын работать», «Лучше оправдывает меня работа, чем охота»; *оправдаться, оправдываться*: «Как тут с небольшими доходами оправдываться?», «В войну мы с бабами семечки продавали, бывало, поедем в Украину, привезем по мешку, оправдаемся маненько, и опять едем, надо было ребятишек кормить»²⁰; ленингр. *оправдать себя* ‘обеспечить себе существование, прокормиться’: «Я сама себя оправдаю»²¹.

Теснее всего со значением ‘материально обеспечивать себя или другого’ связано значение ‘ухаживать за собой’. Они объединены идеей поддержания своей или чужой жизни. Слова в этом значении, как правило, относятся к людям пожилого возраста, ср. твер., орл. *оправдывать* ‘быть способным обиходить себя без посторонней помощи’: «Ну, анна бапкъ ишшо ничаво, славь богу, сама себе аправдывьить»²², твер. «Я помашки не жду, сама себя я аправдываю ещѣ», «Сама себя аправдываю, сама мою, стираю, ищѣ тягаю траву в агарод»²³.

Другой блок контекстов с глаголом *оправдать(ся)* репрезентирует значение ‘справиться с чем-л.’, ср. ворон., орл. *оправдать что-л.*: «Он пчеловод, небось, в колхозе оправдает пчел»²⁴; «Усѣ аправдаю, усѣ сумею здельть»²⁵; влг. *оправдаться*: «И не знаѣм, как с налогом оправдаться»²⁶.

То, что оба значения – ‘обеспечивать существование’ и ‘справляться с чем-л.’ – неотделимы друг от друга, иллюстрирует случай, который трудно строго соотнести с тем или другим из них: ряз. *прооправдаться*: «Тут хоть в лесу, прооправдаешься, то грибками, то в степь пойдешь»²⁷. Словарь снабжает глагол дефиницией ‘выйти из затруднения, обернуться, перебиться’ (т. е. ‘справиться с трудностью’), но контекст вполне позволяет говорить и о значении ‘обеспечить себя, снабдить себя средствами к существованию’.

Представляется, что за обеими семантическими областями – ‘поддерживать жизнь (материально или физически)’ и ‘справляться с чем-л.’ – стоит идея доведения чего-л. до нормы, идея сообразности дел с необходимым порядком: обобщив все случаи, можно увидеть, что *оправдать* означает сделать так, как должно бы быть, довести до общепринятой нормы. Поэтому вполне логичным кажется развитие у калуж., симб. *оправдывать* значения ‘спасать’ (спасение есть своего рода приведение в норму): «Меня молитва оправдала, и я из замка (из тюрьмы) убежал»²⁸.

Следовательно, вопреки первому впечатлению, диалектные слова с основой *оправд-* тесным образом связаны с идеей *правды*

‘справедливости’; только справедливость в диалектном дискурсе соотносится не с истинностью и неподсудностью, а с установлением порядка и принятой в социуме нормой (нормой материальной обеспеченности, физического состояния, способности к какому-л. делу).

Слово *оправдать* в диалектах, так же как и в литературном языке, охватывает сферу денежных расходов, но «точки зрения», представленные в двух формах существования языка, разнятся. Если в литературном языке *оправдывает себя* объект трат или собственно трата (ср. *покупка оправдалась; машина оправдывает затраты*), то в диалектной речи *оправдывать* трату или какой-л. предмет может субъект траты, иначе говоря, он что-то покупает, ср. влг. *оправдывать* ‘отдавать деньги за что-л., оплачивать’: «Топерича вот дрова оправдывать надо, лихота прямо»²⁹. Данное употребление очень близко «материальным» употреблениям, обозначенным выше (значению ‘содержать’ в сочетаниях вроде *оправдывать работников*).

Только на территории Низовой Печоры, по данным лексикографических источников, зафиксированы слова *оправдать* ‘обогнать кого-н. (в беге на спор)’ и, вероятно, производящее *правдаться* ‘соревноваться’, ‘биться об заклад’³⁰. Ср. отрывок сказки «Иван Быкович», записанной в Усть-Цильме (центр Печорского уезда с 1899 г.): «Едет встречу старик на кобыле. “Ну, давай, Иван Быкович, со мной правдаться? (Кто кого обгонит)”». – “Давай, только положим залог: если я оправдаю, дак ты ко мне в услуженье поди с кобылой, совсем, а как ты меня оправдашь, дак я тебе брата отдам с конем”. Погонили правдаться. Старик Ивана Быковича оправдал»³¹. Внутреннюю форму *правдаться* можно «перевести» как ‘выяснять, кто сильнее / быстрее на самом деле (по правде)’.

В семантической истории лексем *оправдывать(ся)* и *оправдание* в качестве определяющих ее факторов отразилась совокупность языковых и внеязыковых обстоятельств. Среди них – древность образования слов, которой они обязаны синкретизмом семантики на ранних стадиях жизни в языке; статус «книжных», даже «церковных» слов (большинство контекстов в исторических словарях – цитаты из рукописных переводов разных книг Библии на старославянский язык, осуществлявшихся с X в.), которые в русском языке перенимают весь комплекс значений из старославянского языка; семантический потенциал производящего слова *правда*; актуализация различных сторон семантики слов в разные исторические периоды и др.

Основные семантические сдвиги в истории слов *оправдать*, *оправдание* происходили в двух направлениях: в сторону расшире-

ния сферы их применения (слова перестают относиться к реалиям только внутреннего мира человека, ср. целый блок смыслов, в котором под оправданием чего-либо понимается соответствие объекта своему денежному эквиваленту – *оправдаться* в одном из значений становится синонимом *окупиться*) и одновременно в сторону сужения первоначального круга значений, присущего словам. Слова обретают идиоматичность, явным подтверждением которой становится получение глаголом *оправдываться* (ср., между прочим, древнее значение ‘сказать по правде’) значения ‘изворачиваться, врать при доказательстве собственной правоты’, «навязанного» слову типичной ситуацией его употребления.

Попадание книжных слов *оправдать, оправдание* в диалектный дискурс значительным образом отражается на их семантическом «облике» по сравнению с литературным языком. Диалектные значения, как представляется, развивают понимание правды / справедливости как правильности / нормы, отсюда отход от абстрактной семантики в пользу более конкретных смыслов, объединенных общей идеей доведения чего-либо до нормы.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русского жаргона. СПб., 2000. С. 459.

2 Словарь русских народных говоров (СРНГ). СПб., 2004. Вып. 38. С. 322.

3 Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб., 1881. Т. 2. С. 761.

4 Седакова О. А. Церковнославянско-русские паронимы: Материалы к словарю. М., 2005. С. 228.

5 Словарь старославянского языка. Репринтное издание (ССЯ). СПб., 2006. Т. 2. С. 551.

6 Срезневский И. И. Материалы для Словаря древнерусского языка. СПб., 1902. Т. 2. С. 691–692.

7 Там же.

8 Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) (СДРЯ). М., 2009. Т. 6. С. 145.

9 ССЯ. Т. 2. С. 551.

10 СДРЯ. Т. 6. С. 145.

11 Срезневский И. И. Материалы... Т. 2. С. 692.

- 12 СДРЯ. Т. 6. С. 145.
- 13 Там же.
- 14 ССЯ. Т. 2. С. 551.
- 15 *Срезневский И. И.* Материалы... Т. 2. С. 691.
- 16 Там же. С. 692.
- 17 Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1987. Вып. 13. С. 37.
- 18 Словарь русского языка XVIII века. СПб., 2007. Вып. 17. С. 35–37.
- 19 Там же. С. 37.
- 20 СРНГ. Л., 1987. Вып. 23. С. 289–290.
- 21 Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. СПб., 1999. Вып. 4. С. 222.
- 22 Словарь орловских говоров (СОГ). Орел, 1996. Вып. 8. С. 137.
- 23 Селигер: материалы по русской диалектологии. СПб., 2003. Вып. 4. С. 250.
- 24 СРНГ. Вып. 23. С. 289.
- 25 СОГ. Вып. 8. С. 137.
- 26 Словарь вологодских говоров (СВГ). Вологда, 1993. Вып. 6. С. 66.
- 27 СРНГ. СПб., 1998. Вып. 32. С. 198.
- 28 СРНГ. Вып. 23. С. 289.
- 29 СВГ. Вып. 6. С. 66.
- 30 *Ставишина Н. А.* Фразеологический словарь русских говоров Нижней Печоры. СПб., 2008. Т. 1. С. 526; Т. 2. С. 137.
- 31 *Ончуков Н. Е.* Северные сказки [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://starina-rus.ru/onchukov/27.php>

V. S. Kučko

Russian words *оправдывать, оправдание*

(‘to justify, to excuse’ and ‘justification, excuse’): the experience of diachronic-semantic portraying

The article traces the history of the semantic development of lexemes *оправдывать(ся)* ‘to justify, to excuse’ and *оправдание* ‘justification, excuse’. Their semantics is analysed in the modern literary language. The meaning of the verb *оправдываться* ‘to lie when proving innocence’ that is not fixed in the lexicographical sources is distinguished on the contextual analysis. The range of meanings that these words develop in the dialects are considered.

Keywords: *Russian language semantics, historical lexicology, Russian dialects.*

Л. Ю. Аристова
(Москва)

Концепция славянской культурной взаимности в контексте жизненного и научного пути В. И. Григоровича

В. И. Григорович, один из основоположников российской славистики, был сторонником идеи славянской культурной взаимности. Эта идея (концепция) нашла отражение в магистерской диссертации ученого, посвященной славянским литературам. В статье рассмотрена концепция славянской культурной взаимности в контексте жизненного и научного пути В. И. Григоровича. Ключевые слова: *славянская культурная взаимность, славистика, славянские литературы, В. И. Григорович.*

12 мая 2015 г. исполнилось 200 лет со дня рождения выдающегося ученого, одного из основоположников российской славистики, Виктора Ивановича Григоровича (1815–1876). Научный и жизненный путь В. И. Григоровича был тесно связан с Харьковским, Московским, Казанским и Новороссийским (Одесским) университетами. В 1840-х гг. Григорович возглавлял кафедру истории и литературы славянских наречий, созданную в Казанском университете.

Напомним вкратце основные этапы жизненного и творческого пути В. И. Григоровича. Будущий славист родился в 1815 г. в Балте, в Подольской губернии, получил образование сначала в Умани в униатском училище, а потом на словесном факультете Харьковского университета. Свое образование Григорович продолжал в Дерптском университете, где увлекся историей, культурой и языками славянского мира. Собственно говоря, увлечение славянством началось у Григоровича еще в детстве – благодаря матери-польке. В то время в Дерпте работал такой блестящий ученый-славист, как П. И. Прейс, однако биографы Григоровича не зафиксировали факта его близкого знакомства с Прейсом.

После Дерпта Григорович был приглашен в Казань, «для приготовления себя к занятию кафедры истории и литературы славянских наречий»¹. Серьезное значение как научный труд имеет магистерская диссертация Григоровича, посвященная славянским литературам, – «Опыт изложения литературы Словен в ее главнейших эпохах, часть I: 1 и 2 эпохи» (1843). Оригинальность и научная новизна этого труда заключается в том, что в нем литературное творчество славян

представлено в тесной связи с политическими судьбами славянских народов, а также в контексте литературного процесса европейского и славянского мира.

Получив магистерскую степень, Григорович читал лекции в Казанском университете по славянской кафедре – с 1843 по 1844 г. Далее одним из самых ярких событий в биографии Григоровича является предпринятое им путешествие по славянским землям. Более всего ученого привлекли славянские земли, находившиеся под властью Турции. Совершить это путешествие Григоровичу (по примеру О. М. Бодянского, П. И. Прейса и И. И. Срезневского) предложил Казанский университет. В мае 1844 г. Григорович отправился в путь по маршруту Одесса – Константинополь – Солунь (Салоники) – Афон. Особенно привлекал его Солунь – родной город Кирилла и Мефодия, а также монастырские книгохранилища Афона. На Афоне Виктор Иванович сумел осмотреть 2800 греческих и 445 древних славянских рукописей, а также снял копии со 120 средневековых грамот. Наиболее ценными находками Григоровича стали глаголическое Маринское евангелие и Хиландарские листки, вошедшие затем в корпус древнейших памятников старославянского языка. В ходе путешествия по Болгарии и Румынии Григорович впервые обследовал болгарские говоры и предложил их классификацию. Ученый также побывал в Сербии, Хорватии, Черногории и Чехии.

«Он домогся-таки до памятников, никем из исследователей до-толе не виденных и никому неизвестных, сделал описи их, выметки из них, а некоторые и приобрел в собственность. Вместе с тем собрал также, как новости, много сведений местных – частью о народе и народных преданиях, частью о разных местностях, важных для древней истории славян и для славянского языка»², – писал И. И. Срезневский.

В 1847 г. Григорович вернулся в Казань, а в 1848 г. издал книгу «Очерк ученого путешествия по Европейской Турции», с подробным отчетом о путешествии. В 1848 г. Григоровича перевели в Московский университет на место О. М. Бодянского, попавшего в «опалу». Однако там он практически не преподавал. Вскоре он вернулся в Казань и кроме университета преподавал еще в Казанской духовной академии. В 1852 г. вышли в свет «Статьи, касающиеся древнего славянского языка», посвященные различным проблемам славистики. Григорович подробно изучал вопросы, связанные со славянскими азбуками. Виктор Иванович считал древнейшей из них глаголицу. Более того, как указывал тот же И. И. Срезневский, «он был предан глаголице как религиозной святыне, готов был всякого вводить в ее таинства»³. Более

всего в этот период ученого интересовали связи византийской Греции со славянством, а также византийская древность и история.

«Мысль о древности глагольского алфавита, сравнительно с кирилловским, поддержанная открытием глаголических памятников на юго-западе Болгарии, все более и более приобретала вероятия у Григоровича; но несмотря на свои открытия и находки, доказывавшие правдоподобность сказания о двух алфавитах, – находки, вполне уже опровергавшие мысль Добровского и его последователей о позднейшем изобретении глаголицы, наш ученый еще не решился тогда высказать мысль о древности глаголицы сравнительно с кириллицей»⁴.

В 1863 г. Казанский университет присудил В. И. Григоровичу докторскую степень без защиты диссертации. В 1860–1870-е гг. ученый продолжил преподавание в Новороссийском (Одесском) университете. На протяжении всей своей жизни ученый занимался историей балканских славян, вопросами фольклора, этнографии и славянских литератур.

Григорович находился под некоторым влиянием философии славянофильства и, в частности, под влиянием взглядов того направления, которое представляли в философии И. В. Киреевский, А. С. Хомяков, К. С. Аксаков, Н. Я. Данилевский и В. И. Ламанский. Как указывает Д. П. Золотарев, именно В. И. Ламанский «попытался соединить два основополагающих принципа славянофильства и учения Данилевского – этнический и конфессиональный, выдвинув на первый план историко-культурное единство греко-славянского мира и представив новое, учитывающее выводы Данилевского, теоретическое обоснование историкам-славянофилам»⁵.

Далее мы рассмотрим основные аспекты влияния философии славянофильства на магистерский труд Григоровича «Опыт изложения литературы Словен в ее главнейших эпохах». Следует сказать, что и в философии славянофилов, и в магистерской диссертации Григоровича Россия представлена как собирательница славянских племен. В своем «Опыте изложения литературы Словен» Григорович писал: «Не приписывая роду нашему важное и уже достигнутое значение в человечестве, мы одушевляемся мыслью, что он постоянно стремится к возвышенной своей цели»⁶. По мнению Григоровича, главная идея славян сходна с подобными идеями других европейских народов, и эта главная идея – христианство. Как утверждал ученый, «с осознанием Христианисма начинается деятельность Словен в нравственном мире, их участие в судьбах человечества, их история по отношению к человечеству»⁷. И далее: «Но Христианство как идея, долженствовав-

шая проникнуть всю природную жизнь, была сперва только задачей, которую осуществить, решить в жизни было назначением племен Германских и Словенских»⁸.

Более того, по мнению ученого, культурные взаимосвязи славян с античным миром являлись залогом их сопричастности мировой истории. Разность культурно-исторических путей славянских и германских народов обусловлена, по мнению Григоровича, «особенным характером племен, определяемым местностью и отношениями, непосредственными и посредственными к древнему миру»⁹. Григорович считал, что история славянства тесно связана с историей Европы, и у славян есть особая, европейская, миссия.

Более того, Григорович рассматривал всемирность как европейскость, а историю славян считал неотделимой от истории Европы. История славянских литератур, по мнению ученого, включена в европейский литературный процесс.

Кроме того, в магистерской диссертации Григорович сформулировал гипотезу о влиянии гуситского движения на развитие чешского языка и литературы. В своем труде ученый пытался проследить связи литературного процесса различных славянских народов с их политическими судьбами и культурным развитием. Славянская культура для Григоровича – это единство языка, истории, культуры, славянское просвещение. В прошении об утверждении темы магистерской диссертации от 17 мая 1841 г. Григорович писал: «Следуя указанной мне цели на новом поприще учености, в изучении славянских литератур всегда стремился я обнимать их в совокупной связи и находить близкие или отдаленные отношения славян к высшей сфере человечества – духовной, обнаруженной словом»¹⁰.

Магистерскую диссертацию Григоровича можно считать одним из первых научных трудов в Российской империи, затрагивавших вопросы славянской взаимности – взаимного влияния, «взаимочувствия». Григорович намеревался осмыслить отдельные факты славянской истории и литературы и показать необходимость их и логическую последовательность. В этом научном труде русская и польская литературы рассматривались параллельно. Более того, в диссертации сопоставлялись литературные факты из жизни таких народностей, за которыми до тех пор не признавали никакой литературы.

По мнению Григоровича, «литература какого-либо народа есть проявление в слове народного духа, который, при постепенном своем развитии, известными признаками определяет степень сознания идеи человечества»¹¹. Здесь Григорович близок к знаменитой гумбольдтов-

ской формуле «язык – дух народа», являющейся, в свою очередь, отражением идеалистической философии Гегеля. Однако выражением духа народа русский ученый считает литературу, художественную словесность.

Идея славянской взаимности сформировалась в трудах Яна Коллара и Людевита Штура. Именно Коллар видел в славянах единую славянскую нацию. Коллар считал, что дальнейшее дробление единого славянского народа является пагубным и необходимо, напротив, сплотить славян в единое социально-политическое образование. По мнению Коллара, одним из главных препятствий на пути формирования этого единого социально-политического образования является многоязычие славянских народов. Ученый писал, что жертва любого из наречий не должна быть тяжелой утратой, ибо потерей малого мы извлекаем большую выгоду.

С этим тезисом Коллара Григорович, в целом разделявший идею славянской взаимности, никак не мог согласиться. По мнению Григоровича, многоязычие и поликультурность славянских народов является залогом их многогранного и бурного историко-культурного развития. Однако в целом концепция единения славян импонировала Григоровичу.

В своем трактате «О литературной взаимности» Коллар писал о четырехплеменной структуре славянского народа. В этом трактате Коллар предложил программу славянской культурной и литературной взаимности. Практически одним из первых в Словакии Коллар начал устанавливать научные и культурные контакты с учеными, культурными и общественными деятелями России.

Концепция славянской культурной и литературной «взаимности» В. И. Григоровича перекликалась с концепцией В. И. Ламанского¹². В своей магистерской диссертации «О славянах в Малой Азии, Африке и Испании» (СПб., 1859), а также в докторской диссертации «Об историческом изучении Греко-Славянского мира в Европе» (СПб., 1865) Ламанский обращал особенное внимание на вопросы славянской культурной «взаимности».

Ламанский говорил об Азийско-Европейском материке (Евразии), являющемся по площади самым обширным из материков. Он писал: «За исключением самобытной цивилизации древнего Египта, получившего, впрочем, свое население и начала образованности, несомненно, из Азии и не раз подолгу игравшего важную роль в Азии, и затем недоразвившейся образованности старой Мексики и Перу, – все, что поныне создано человечеством замечательного и великого в

религии и философии, в искусствах, науках, промышленности, в обществе, в государственном и международном праве, принадлежит всецело племенам и народам Азийско-Европейского материка»¹³.

Общественный характер славян Ламанский считал христиански направленным. По мнению ученого, этому социальному характеру присущи «безграничное стремление к свободе духа во всех проявлениях человеческой деятельности, полнейшее уважение к достоинству и правам человеческой личности, без различия полов, званий и состояний, сознание внутренней обязательности для каждой, без исключения, личности самоосуждения, раскаяния, самопожертвования и братского благоговения к людям»¹⁴. Согласно концепции Ламанского, Российская империя должна стать центром культурного, социального и политического притяжения славянских народов.

Григорович по-своему интерпретировал концепцию славянской культурной взаимности. Согласно этой интерпретации, славянская культурная взаимность зиждется на христианстве, на христианской европейской культуре. Славянство при этом понимается как часть Европы и европейской культуры.

В трудах В. И. Ламанского представлена концепция славянства как «среднего мира», которая имеет определенные точки соприкосновения с осмыслением роли славянства в мире, характерным для трудов Григоровича. В частности, общим для Ламанского и Григоровича является представление о славянстве как о некоем среднем мире, исторически сформировавшемся между романо-германским и азиатским (азиатским) мирами. Славянство как культурно-исторический «средний» тип несет в себе черты как романо-германского, так и азиатского мира, но при этом является отличным и от того, и от другого культурно-исторического пространства.

По Ламанскому, «средний мир» – это мир греко-славянский («славянский» и «греко-славянский» для ученого – практически равнозначные термины). Причем Ламанский включает в состав греко-славянского мира российские владения в Азии – на том основании, что в этих землях господствует русское просветительское начало.

Как и Григорович, Ламанский относил к славянскому миру балканское и западное славянство. Более того, оба ученых считали, что именно христианская культура отделяет славянский мир от Азии, тогда как романо-германский и славянский миры – лишь разные ветви единого христианского древа.

Славянская культурная взаимность (и по Ламанскому, и по Григоровичу) заключается во «взаимочувствии», во взаимных симпатиях

славянских народов, в их культурно-исторической общности. Причины политического или социального характера могут, конечно, разделить славянские народы в настоящем, но их культурно-историческая общность все равно рано или поздно даст о себе знать. Более того, одна из важнейших черт славянского мира – связь славянства с эллинизмом, могущественное влияние эллинской культуры. «Голос Эллады» говорит в сердцах славянских народов, сближает их исторические судьбы.

Славянские народы объединены также почитанием солунских братьев – святых Кирилла и Мефодия, своей, как указывал Ламанский, принадлежностью к восточнохристианской культуре, а также историческим стремлением разорвать свои отношения с Римом и сблизиться с Константинополем. Последнее, впрочем, характерно не для западнославянских, а лишь для восточнославянских народов.

Тем не менее славянский мир имеет прочный фундамент – общее культурное наследие, что, по мнению русских философов-славянофилов, в равной мере осознают и славяне православные, и славяне-католики, и славяне-униаты. Именно это культурное (в том числе и литературное) наследие, как следует из магистерской диссертации Григоровича, объединяет славянские народы, является залогом их историко-культурного «взаимочувствия».

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Срезневский И. И.* На память об О. М. Бодянском, В. И. Григоровиче и П. И. Прейсе, первых преподавателях славянской филологии // Сборник ОРЯС. 1878. Т. 18. Прил. 6. С. 56.

2 Там же. С. 57.

3 Там же. С. 58.

4 Там же. С. 59.

5 *Золотарев Д. П.* Историсофия В. И. Ламанского как теоретическая основа позднеславянофильской историографии // Славяноведение в России в XIX–XXI веках. М., 2007. С. 171.

6 *Григорович В. И.* Опыт изложения литературы Словен в главнейших эпохах. Часть 1. 1 и 2 эпохи. Казань: Печатано в университетской типографии, 1843. С. 6.

7 Там же. С. 5.

8 Там же.

9 Там же. С. 7.

10 Там же. С. 8.

11 Там же.

12 Подробнее о концепции В. И. Ламанского см.: *Робинсон М. А.* В. И. Ламанский и его историософский трактат «Три мира Азийско-Европейского материка» // Славянский альманах 1996. М., 1997. С. 90–106; *Он же.* В. И. Ламанский, его взгляды на развитие славяноведения, мнения о нем учеников и коллег // Славянский альманах 2013. М., 2014. С. 136–151.

13 *Ламанский В. И.* Три мира Азийско-Европейского материка. СПб., 1892. С. 1.

14 Там же. С. 51.

L. Yu. Aristova

The concept of Slavic cultural mutuality in the context
of Grigorovich's life and academic pursuits

V. I. Grigorovich, one of the founding-fathers of the Russian Slavic studies, was a proponent of the idea of Slavic cultural mutuality. This concept was reflected in Grigorovich's Master thesis, which was devoted to the Slavic literatures. The article deals with the concept of Slavic cultural mutuality in the context of Grigorovich's life and academic pursuits.

Keywords: *Slavic cultural mutuality, Slavic studies, Slavic literatures, V. I. Grigorovich.*

А. С. Добычина
(Москва)

Геннадий Григорьевич Литаврин о болгаро-византийских отношениях в конце XII – начале XIII в.

В статье рассматривается трансформация взглядов выдающегося византиниста и слависта Г. Г. Литаврина на болгаро-византийские отношения конца XII – начала XIII в.

Ключевые слова: *Г. Г. Литаврин, болгаро-византийские отношения, Тырновское восстание 1185–1186 гг., Второе Болгарское царство.*

Болгаро-византийские отношения находились в поле зрения выдающегося византиниста и слависта Г. Г. Литаврина на протяжении всей его научной жизни¹. Особый интерес для него представлял период становления Второго Болгарского царства, начиная с восстания под руководством братьев Петра и Асеня (1185) и до начала XIII в. (1204), когда Болгария добивается международного признания независимости ее государственности и церкви. В течение ряда десятилетий взгляды историка на исследуемую проблематику претерпели существенную трансформацию.

Интерес к болгаро-византийским отношениям зарождается у молодого византиниста Г. Г. Литаврина еще в 1950-е гг. Борьбе болгар с «византийским игом» в XI–XII вв. он посвящает свою кандидатскую диссертацию², обосновывая ее актуальность событиями своего времени, «когда, освободившись с помощью советского народа от всех и всяких эксплуататоров, болгарский народ успешно строит социализм под руководством коммунистической партии»³.

В диссертации отмечается, что «византийское иго» стало однозначно «темным» периодом в истории болгарских земель, принеся «не прогресс в экономическом развитии», а «нищету, разорение»⁴: «византийские феодалы подвергали болгарское население особенно жестокому гнету, торопясь обогатиться его трудом»⁵. «Крупнейший феодал и злейший эксплуататор», болгарская церковь, по замечанию историка, «была проводником политики ромеизации Болгарии»⁶. Тезис о намеренной ромеизации болгарского населения неоднократно встречается в работе исследователя и связывается им с политикой правительства по отношению и к болгарской знати, и к населению в целом⁷.

Неудивительно, что, согласно Г. Г. Литаврину, на всем протяжении XI–XII вв. население непрерывно восставало, однако большинство восстаний не увенчалось успехом в силу их «локальности, крестьянского партикуляризма, доверия к царю»⁸. В свою очередь, антивизантийское восстание 1185 г. на северо-востоке болгарских земель под руководством Петра и Асеня стало исключением, поскольку население этих областей «жило в особенно тяжелых условиях», страдая от набегов кочевников и непомерно высоких налогов⁹. С помощью «мелких болгарских феодалов», принявших участие в движении, а также влахов и русских поселенцев по Дунаю¹⁰, «в упорной, кровопролитной борьбе», «народ сбросил иноземное иго... истощавшее силы народа, ввергавшее его в нищету»¹¹.

В 1956 г. отдельные аспекты диссертации Г. Г. Литаврина находят отражение в его статье «Налоговая политика Византии в Болгарии в 1018–1185 гг.»¹². В ней исследователь подробно останавливается на формах налогов, видах и способах «ограбления завоеванного болгарского населения» византийским чиновничеством, делая вывод об «особенно суровой налоговой политике» имперских властей по отношению к болгарскому народу. В связи с этим, по мнению историка, борьба со стороны «завоеванного, но не покоренного народа» «усиливалась от десятилетия к десятилетию, пока не завершилась освобождением Северной и Северо-Восточной Болгарии и образованием нового болгарского государства»¹³.

В 1958 г. в «Очерках истории Византии и южных славян», написанных им совместно с А. П. Кажданом¹⁴, Г. Г. Литаврин публикует работу «Южнославянские народы под властью Византии», посвященную, помимо прочего, положению болгар и болгарских земель в период с 1018 г. по 90-е гг. XII в.¹⁵ По сравнению с диссертацией 1954 г. тональность очерка несколько смягчена, однако период византийского владычества рисуется автором по-прежнему исключительно в черных тонах: это и «политика беспощадного угнетения населения завоеванной страны»¹⁶, и «политика византинизации»¹⁷, и «фискальный гнет»¹⁸, и «безудержное взяточничество и произвол»¹⁹, а также «неисчислимыя бедствия от почти непрерывных войн»²⁰. В этой обстановке славянское население Болгарии ведет непрерывную борьбу против «тяжелого иноземного рабства»²¹. В 40–70-е гг. XI в. она выливается в ряд восстаний, не увенчавшихся успехом в силу «недостаточной организованности», «пестрого социального состава», «предательства болгарской феодальной знати»²². Лишь «мощное народное восстание» на северо-востоке болгарских земель, вызван-

ное введением чрезвычайного налога и возглавленное «местными феодалами средней руки»²³ Петром и Асенем, принесло болгарам долгожданную свободу.

Проанализировав события антивизантийского движения с 1186 по 1190 г., автор приходит к выводу о том, что с этого момента болгарское государство начинает играть роль «гегемона на Балканах», и несмотря на то, что оно «в исторических условиях того времени» оставалось «феодальным» по характеру, «освобождение болгарским народом своей страны имело огромное прогрессивное значение»²⁴.

Трансформация взглядов Г. Г. Литаврина на болгаро-византийские отношения интересующего нас времени заявляет о себе уже в 1960 г., когда в свет выходит его монография «Болгария и Византия в XI–XII вв.»²⁵. Представляя собой удачный пример сочетания марксистской методологии с критическим анализом источников, работа содержит также подробнейший разбор основных положений отечественной и зарубежной историографии, включая новейшую (на тот момент), по ряду таких острых вопросов, как статус болгарских земель в составе Византии, проблема этнического происхождения Петра и Асеня и идентификации главного «государствообразующего» этноса во Втором Болгарском царстве, связь антивизантийских восстаний XI в. с «народно-освободительным движением» во главе с Петром и Асенем и т. д.

Хронологические рамки этой работы, как и в случае с кандидатской диссертацией, Г. Г. Литаврин ограничивает началом XI в. (завоевание болгарских земель Византией) и 1187 г. (который исследователь соотносит с освобождением Северо-Восточной Болгарии, считая освобождение южно- и западноболгарских земель «первым этапом в истории нового болгарского государства»²⁶). Однако основное внимание ученого на этот раз сосредоточивается не на «изучении истории народных масс»²⁷, а на «системе византийского управления завоеванной страной»²⁸ и «изучении характера антифеодальной и народно-освободительной борьбы болгарского народа»²⁹.

Подчеркивая, что «византийский налоговый гнет, как гнет любого другого государства в завоеванной стране, и феодальная эксплуатация сковывали производственные возможности непосредственных производителей»³⁰, Г. Г. Литаврин, однако, признает, что «положительное влияние византийского ремесла и агрикультуры не могло не сказаться на Болгарии за 167 лет византийского владычества»³¹. В то же время, указывает историк, «хищное иноземное владычество»³², «массовое разрушение производительных сил в результате войн,

мятежей знати, карательных византийских экспедиций против местного населения»³³, «чиновный произвол, принимавший в Болгарии особенно дикие формы»³⁴, привели к тому, что «развитие Болгарии в XI–XII вв., хотя и не было остановлено и законсервировано, было, несомненно, замедлено»³⁵.

Более того, исследователь отмечает, что болгарская культура переживала «в XI–XII вв. на землях, подвластных империи, упадок, и непосредственной причиной его было иноземное иго»³⁶, а в византийской политике по отношению к болгарам проявлялись «ассимиляторские тенденции»³⁷, «политическая и культурная дискриминация»³⁸. Именно поэтому, по мнению историка, «борьба против иноземцев не прекращалась в течение всего периода их господства, выливаясь неоднократно в мощные антифеодальные и народно-освободительные восстания»³⁹ стихийного характера, и, пройдя через несколько этапов (восстание 1040–1041 гг., восстание 1072 г. и другие антивизантийские выступления), завершилась успешным восстанием Петра и Асеня в конце XII в.⁴⁰

Затрагивая проблему этнического происхождения предводителей Тырновского восстания, Г. Г. Литаврин подчеркивает, что «они должны были быть тесно связаны с местным населением и выражать... общие интересы борьбы с иноземным господством»⁴¹. В то же время гораздо больший интерес для исследователя представляет проблема этнической составляющей восстания Петра и Асеня, изучив которую, он приходит к выводу о том, что «движение было совместным восстанием болгар и влахов», однако «подавляющее большинство восставших составляли болгары»⁴².

Анализируя причины восстания, Г. Г. Литаврин, с одной стороны, подчеркивает его стихийный, «народный» характер⁴³, с другой – немалую роль в его развитии братьев Петра и Асеня. Их приезд в императорский лагерь в Кипселлу, послуживший прологом к выступлению болгар, исследователь рассматривает как «разведку болгарской феодальной знати, которая уже не могла оставаться в стороне от событий и должна была определить свою позицию по отношению к ним»⁴⁴. Таким образом, слова Хониата о колеблющихся «влах» ученый интерпретирует в совершенно противоположном византийскому автору ключе: инициатором становится народ, а «лояльные»⁴⁵ императору Исааку II Ангелу Петр и Асень после нанесенного им оскорбления – лишь «вынужденными» участниками народного движения.

Иначе говоря, предводители восстания, по логике исследователя, лишь подстраиваются под стихийное народное движение, и

именно народ в дальнейшем распределяет «первые места» в зарождающейся государственной системе нового Болгарского царства. Так, благодаря соответствию народным ожиданиям, на первый план в итоге выдвигается «решительный и не боящийся опоры на народное ополчение Асень»⁴⁶. В результате, по мнению Г. Г. Литаврина, к исходу XII в. «народно-освободительное движение не переросло в антифеодальное», однако «широкое участие в нем угнетенных низов населения привело, в конце концов, к освобождению Болгарии от иноземного господства»⁴⁷.

Таким образом, к концу 1960-х гг. в работах Г. Г. Литаврина закрепляются представления о жестокости установившегося в болгарских землях «византийского ига», целенаправленной политике культурного, политического и экономического угнетения местного населения, непрерывной борьбе болгарского народа с иноземным гнетом в условиях «загнивания» самой Византии и образовании Второго Болгарского царства как последнем этапе этой борьбы.

1970-е гг. становятся своего рода «водоразделом» в научном творчестве ученого. Во многом это было связано с преобразованием в 1968 г. Института славяноведения АН СССР в Институт славяноведения и балканистики и появлением в 1970 г. в его составе отдельного сектора древней и средневековой истории во главе с В. Д. Королюком, в число сотрудников которого входит и сам Г. Г. Литаврин. С конца 1970-х гг. новый сектор начинает активную исследовательскую работу по изучению этнической истории средневековых славян, применяя сравнительно-исторический и комплексный, междисциплинарный подходы. В связи с разработкой новой методологии и расширением сферы исследований возрастает роль международного сотрудничества, осознается необходимость ознакомления ученых с новейшими работами зарубежных исследователей⁴⁸.

Так, выход в свет в 1978 г. монографии греческого ученого Ф. Малингудиса⁴⁹ становится, по-видимому, одним из решающих факторов, побудивших Г. Г. Литаврина обратиться к углубленному изучению особенностей этнического самосознания болгарского населения в период византийского владычества⁵⁰. Более того, парируя замечания греческого коллеги в отношении некоторых положений из книги «Болгария и Византия в XI–XII вв.», историк конкретизирует и развивает ряд своих взглядов.

Опровергая тезис Ф. Малингудиса о том, что в рамках империи проводилась одинаковая для всех ее владений налоговая политика (а значит, главной причиной восстания не мог быть налоговый

гнет), Г. Г. Литаврин акцентирует внимание читателя на том, что «произвол налогового чиновничества... был на болгарских землях более ощутим, чем на греческих»⁵¹. Возражая греческому ученому, Г. Г. Литаврин подчеркивает, что антивизантийское восстание в болгарских землях в конце XII в. было исторической закономерностью, а не «результатом хаотического стечения роковых случайностей»⁵². В отличие от Ф. Малингудиса, приписывавшего успех предприятия Петра и Асеня кризису в империи, участию половецких войск и эффективной тактике самих предводителей восстания, Г. Г. Литаврин указывал, что только «массовость движения за освобождение страны» имела решающее значение для успеха восстания⁵³.

Подробно останавливаясь на вопросе об участии болгарской знати в антивизантийских восстаниях XI в., Г. Г. Литаврин настаивает на том, что их исход в самой высокой степени зависел от ее позиции, а точнее, от раскола в ее среде: «часть ее мечтала о восстановлении независимого болгарского государства и была готова к борьбе за это, а часть влилась в состав византийского господствующего класса и помышляла о карьере в имперской иерархии чинов и должностей»⁵⁴.

Неизменной остается позиция историка и по поводу так называемой «ромеизации» Болгарии, которую он не считает целенаправленной политикой империи, однако подчеркивает, что «деятельность в Болгарии византийских властей... содействовала ассимиляционным процессам»⁵⁵. Небольшой корректировке подвергается позиция исследователя по поводу «национального чувства» или, иными словами, этнического самосознания, которое Г. Г. Литаврин признает за населением болгарских земель и характеризует как «чувство этническое, соответствовавшее степени консолидации этнической общности того времени»⁵⁶.

Более детальному изучению этнического самосознания средневековых болгар в период византийского владычества и Тырновского восстания 1185–1186 гг. в дальнейшем будет посвящен целый ряд специальных работ исследователя, опубликованных в рамках серии коллективных трудов по этнической истории средневековых славянских народов.

Так, в 1981 г. выходит статья Г. Г. Литаврина, посвященная этнополитическому развитию подвластных империи балканских народов в XI–XII вв.⁵⁷ По мнению исследователя, этот период стал «эпохой консолидации средневековых народностей Европы» и формирования идей о «независимом государственном существовании»⁵⁸. Анализируя особенности этнополитического сознания болгар к моменту

вхождения в состав Византии, историк подчеркивает, что «самосознание болгар было к этому времени неразрывно связано с представлением о подданстве независимому от империи болгарскому государству и было свойственно не только светской болгарской знати и духовенству, но и широким слоям рядового населения страны»⁵⁹.

Согласно Г. Г. Литаврину, это уже сложившееся у болгар самосознание делало процесс его «ассимиляции» трудным⁶⁰ и вынуждало византийское правительство принимать меры по «перестройке» самосознания болгар, так чтобы «конфессионально-политический фактор» приобрел «решающий перевес над фактором этнокультурным»⁶¹. Однако, по мнению исследователя, византийская «политика подавления и репрессий»⁶², недопущение представителей болгарской знати к крупным должностям в самих болгарских землях⁶³ и другие меры подобного характера, наоборот, лишь содействовали росту этнополитического самосознания болгар, что вылилось в итоге в восстание Петра и Асеня и «возрождение бывшего Болгарского царства»⁶⁴.

Еще несколько работ Г. Г. Литаврина, затрагивающих интересующую нас проблематику и отражающих постепенную трансформацию его взглядов на болгаро-византийские отношения с 1018 г. по конец XII в., увидели свет в 1985 г.

В статье «Два этюда о восстании Петра и Асеня» историк акцентирует внимание коллег и читателей на широкой социальной базе движения, доказывая, что чрезвычайный налог, введенный Исааком II Ангелом в 1185 г. в связи с предстоящей свадьбой, распространялся не только на скотоводов, населявших Балканские горы, но и на крестьян и горожан других районов Болгарии⁶⁵.

В другой статье, посвященной именно «становлению» Второго Болгарского царства и его международному значению, автор приходит к заключению, что главную роль в событиях конца XII в. сыграл сам «восставший болгарский народ, нашедший в лице Асеня талантливого организатора и полководца», а возникшее Второе царство «упрочило и развило... этнополитические и общественно-культурные традиции болгарского народа, которые обеспечили ему жизнестойкость и сохранение как особой этнокультурной общности в течение полутысячелетия владычества османов»⁶⁶.

Комплексный подход к изучению болгаро-византийских отношений был реализован Г. Г. Литавриным в общем очерке истории византийского государства в VII–XII вв., в котором соответствующая проблематика подверглась рассмотрению не только с «болгарской»,

но и с «византийской» точки зрения⁶⁷. Так, по замечанию Г. Г. Литаврина, завоевание земель Первого Болгарского царства стало для Византийской империи «могущественным дезинтеграционным фактором»⁶⁸, разрушив систему обороны на севере и спровоцировав резкое расширение штата управления новыми территориями, а также коррупцию и многочисленные злоупотребления⁶⁹. Не менее деструктивным для империи фактором, по мнению историка, оказалось и включение болгарской знати в состав византийской элиты: в результате к концу XII в. «внутри господствующего класса империи возникли дополнительные рубежи борьбы – не только по вопросам внешней и внутренней политики, не только между военной аристократией и бюрократией, но и по этническому признаку»⁷⁰.

Таким образом, восстание Петра и Асеня явно переставало рассматриваться Г. Г. Литавриным как исключительно «народное» выступление против иноземного владычества: автор отдаёт должное позиции болгарской знати, стремившейся «к безраздельному господству в своих землях» и возрождению «своей государственности»⁷¹.

В свою очередь, в общем очерке истории межэтнических связей и межгосударственных отношений на Балканах в VII–XII вв., написанном Г. Г. Литавриным совместно с Е. П. Наумовым (в рамках того же издания), болгаро-византийские отношения XI–XII вв. были вписаны уже в общебалканский контекст⁷². В центре внимания исследователей – «проблема условий социально-политического и этнокультурного развития завоеванных народов под византийским господством»⁷³. По заключению авторов, византийское владычество не привело к исчезновению болгарских государственно-политических и этнокультурных традиций, поскольку «болгарская феодальная народность» оформилась еще до завоевания. В то же время целенаправленное ослабление позиций местной знати как «носительницы государственно-политических традиций»⁷⁴ привело к сохранению и нарастанию со временем «оппозиционных настроений в среде болгарского боярства»⁷⁵.

Особенно примечательна в этой работе корректировка традиционных представлений относительно «ромеизации» или «эллинизации» покоренных империей народов: по мнению авторов, византийское правительство не преследовало сознательной цели искоренения болгарской культуры, хотя византийское господство все же оказалось «объективно отрицательным фактором развития средневековой культуры болгарского народа»⁷⁶. Тем не менее, наличие уже вполне

сформировавшейся «феодалной народности», позиция не затронутого «эллинизаторскими тенденциями»⁷⁷ среднего и низшего боярства и части славяноязычного духовенства, а также «общественно-политическая ситуация» в завоеванных империей землях, исключавшая возможность их «органичной интеграции с прочими провинциями империи в единый государственно-политический организм»⁷⁸, становятся объективными предпосылками для успешного восстания в 1185–1186 гг., положившего начало существованию независимого государства, «обозначаемого в науке как Второе Болгарское царство, но трактуемого как возрожденное старое, некогда уничтоженное Василием II Болгаробойцей»⁷⁹.

Подведением итогов всей предшествующей работы Г. Г. Литаврина в данной области можно считать серию очерков по средневековой истории болгарских земель в изданной в 1987 г. «Краткой истории Болгарии»⁸⁰, появление которой совпало по времени с началом нового цикла масштабных общественно-политических перемен в нашей стране.

Примечательно, что уже в этих очерках, рассматривая период пребывания болгарских земель в составе Византии, исследователь отказывается от термина «византийское иго», заменяя его на «иноземное господство». Значительную часть работы автор посвящает положению местной болгарской знати в империи и ее роли в восстаниях XI в. Так, отмечая, что с включением земель Первого Болгарского царства в состав Византии знатные болгары подверглись «репрессиям»⁸¹, Г. Г. Литаврин также констатирует, что со временем «часть крепнувшей болгарской знати втягивалась в имперскую правящую верхушку», постепенно формируя слой лояльных империи вельмож, так называемых «заботящихся о делах ромеев»⁸². Более того, автор утверждает, что «стихийно совершавшийся процесс ассимиляции имел место, охватив часть болгарской знати, стремившейся в целях личной карьеры к слиянию с имперской аристократией и восприимчивости греческой культуры»⁸³.

По традиции рассматривая восстания в болгарских землях XI в. как «сопротивление народных масс»⁸⁴, автор, тем не менее, подчеркивает, что значительную роль в их подавлении сыграло не только то, что «масса народа еще не была готова к решительной борьбе против византийского господства»⁸⁵, но и позиция «местной болгарской знати», которая вплоть до конца XII в. была «недостаточно сплоченной»⁸⁶. Более того, именно знать в дальнейшем определит судьбу молодого Болгарского царства и династии Асеневцев, первые пред-

ставители которой, Петр и Асень, падут жертвой заговоров, так как «часть влиятельного боярства была недовольна политикой централизации и упрочения царской власти»⁸⁷.

Корректировке подвергается и позиция Г. Г. Литаврина по поводу участия в антивизантийском движении влахов. Так, историк констатирует «повышение социальной и политической активности влахов»⁸⁸ к концу XII в. В то же время, по утверждению исследователя, они «не ставили особых политических целей, поддерживая восстание болгар»⁸⁹.

Тем временем, с конца 1980-х гг. по мере падения идеологических «табу», беспрецедентного расширения контактов с зарубежными коллегами и доступа к их работам, освоения новых подходов к изучению источникового материала и обновления соответствующего понятийного аппарата, в области разработки проблематики болгаро-византийских отношений конца XII – начала XIII в. взгляды исследователя претерпевают новую трансформацию.

Так, в статье, посвященной исследованию этнического самосознания населения пограничной зоны между Византией и Болгарией в X–XIV вв., ученый счел возможным допустить, что славяне, жившие в пределах Византийской империи, сохраняли определенные «этнополитические симпатии» к болгарам и Болгарскому царству еще и в конце XII в., и даже выдвинул гипотезу о том, что «между славянами Фессалоники и руководителями восстания болгар существовала конспиративная связь», результатом которой стала доставка в Тырново из разгромленной норманнами Фессалоники иконы св. Димитрия Солунского⁹⁰.

В другой своей работе того же времени, посвященной особенностям развития самосознания болгарской народности со второй четверти X до конца XIV в., Г. Г. Литаврин отмечает различия между этнополитическими симпатиями «масс народа» и «болгарской знати», ощущавшей в период византийского владычества «свою принадлежность также к господствующему классу империи в целом, а не только ее болгарских провинций»⁹¹. Автор также подробно останавливается на внутренней иерархии самосознания той части болгар, которая самими византийцами именовалась «заботящимися о делах ромеев», которая сознавала себя «верноподданными» императора и участвовала в подавлении антивизантийского выступления своих земляков⁹². По мнению историка, в этой обстановке именно «болгарскому народу», «массовому участию в борьбе болгар» принадлежала заслуга «возрождения болгарской государственности», а

провинциальные боляре Петр и Асень лишь организовали «бывшее ранее стихийное движение в вооруженное восстание»⁹³.

В середине 1990-х гг. внимание историка смещается с самосознания «болгарской народности» на этническое самосознание болгарской знати в XI–XII вв. и его эволюцию в этот период⁹⁴. Анализируя поведение болгарской знати во время антивизантийских восстаний XI в., Г. Г. Литаврин констатирует «эрозию этнического самосознания» у части болгарской знати, которая «превратностям и трудностям борьбы за государственную независимость предпочла вознагражденную врагом измену своим соотечественникам»⁹⁵. В то же время успех антивизантийского восстания Петра и Асеня, по мнению историка, во многом был связан именно с так называемой «новой болгарской знатью», сложившейся к концу XII в. «вдали от крупных имперских центров»⁹⁶.

Таким образом, на протяжении ряда десятилетий взгляды Г. Г. Литаврина на болгаро-византийские отношения в конце XII – начале XIII в. переживают ряд изменений, во многом связанных с переменами в организации научной деятельности и общественно-политической обстановке в нашей стране и в Болгарии. На завершающем этапе своего научного пути исследователь активно занимается проблемой этнического самосознания локальной (в данном случае болгарской) элиты в рамках Византийской империи. В результате, не отказываясь полностью от идеи «массового», «народного» характера антивизантийских восстаний XI–XII вв., историк переосмысливает свою концепцию о болгарской знати в роли «орудия» народного недовольства, признавая ее, по крайней мере, если не главным, то важнейшим компонентом, оказавшим влияние на исход всех антиправительственных выступлений (включая Тырновское восстание 1185–1186 гг.) и последующее становление независимого Второго Болгарского царства.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Подробнее о научной деятельности ученого см.: *Медведев И. П., Флоря Б. Н.* Г. Г. Литаврин. Краткий очерк научной деятельности // GENNADIOS: к 70-летию академика Г. Г. Литаврина. М., 1999. С. 7–22.

2 *Литаврин Г. Г.* Борьба болгарского народа против византийского ига (XI–XII вв.). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1954.

3 Там же. С. 1.

- 4 Там же. С. 7.
- 5 Там же. С. 5.
- 6 Там же. С. 10.
- 7 Там же. С. 12–13.
- 8 Там же. С. 14.
- 9 Там же. С. 15.
- 10 Там же. С. 15–16.
- 11 Там же. С. 16.
- 12 *Литаврин Г. Г.* Налоговая политика Византии в Болгарии в 1018–1185 гг. // *Византийский Временник*. 1956. Т. 10. С. 81–110.
- 13 Там же. С. 110.
- 14 *Каждан А. П., Литаврин Г. Г.* Очерки истории Византии и южных славян. М., 1958. В данной работе используется второе издание «Очерков», в котором главы, написанные Г. Г. Литавриным, по его собственному замечанию, не претерпели практически никаких изменений: *Каждан А. П., Литаврин Г. Г.* Очерки истории Византии и южных славян. СПб., 1998.
- 15 *Литаврин Г. Г.* Южнославянские народы под властью Византии // *Каждан А. П., Литаврин Г. Г.* Очерки истории Византии и южных славян. С. 187–200.
- 16 Там же. С. 188.
- 17 Там же. С. 190.
- 18 Там же. С. 191.
- 19 Там же. С. 192.
- 20 Там же.
- 21 Там же. С. 193.
- 22 Там же. С. 194.
- 23 Там же. С. 197.
- 24 Там же. С. 199.
- 25 *Литаврин Г. Г.* Болгария и Византия в XI–XII вв. М., 1960.
- 26 Там же. С. 465.
- 27 *Литаврин Г. Г.* Борьба болгарского народа против византийского ига... С. 2.
- 28 *Литаврин Г. Г.* Болгария и Византия в XI–XII вв. ... С. 7.
- 29 Там же. С. 8.
- 30 Там же. С. 27.
- 31 Там же. С. 38.
- 32 Там же. С. 351.
- 33 Там же. С. 38.
- 34 Там же. С. 350.

- 35 Там же. С. 38, 219.
- 36 Там же. С. 374.
- 37 Там же.
- 38 Там же. С. 366, 369, 374.
- 39 Там же. С. 375.
- 40 Там же. С. 375–410.
- 41 Там же. С. 433.
- 42 Там же. С. 436.
- 43 Там же. С. 441.
- 44 Там же. С. 442.
- 45 Там же. С. 442–443.
- 46 Там же. С. 456.
- 47 Там же. С. 464.

48 Подробнее обо всех структурных и иных переменах в Институте славяноведения см.: *Аксенова Е. П.* Институт славяноведения и балканистики РАН за 50 лет (1947–1997). Краткий исторический очерк // Институт славяноведения и балканистики. 50 лет. М., 1996. С. 33–62; *Литаврин Г. Г., Флоря Б. Н.* Изучение истории средних веков // Там же. С. 63–79.

49 *Malingoudis Ph.* Die Nachrichten des Niketas Choniates über die Entstehung des Zweiten Bulgarischen Staates // *Byzantina*. Thessaloniki, 1980. Т. 10. S. 49–148.

50 *Литаврин Г. Г.* Новое исследование о восстании в Паристрионе и образовании Второго Болгарского царства // *Византийский Временник*. 1980. Т. 41. С. 92–112.

- 51 Там же. С. 94.
- 52 Там же. С. 110.
- 53 Там же. С. 106.
- 54 Там же. С. 97.
- 55 Там же. С. 99.
- 56 Там же.

57 *Литаврин Г. Г.* Народы Балканского полуострова в составе Византийской империи в XI–XII вв. // *Формирование раннефеодальных славянских народностей*. М., 1981. С. 170–185.

- 58 Там же. С. 182.
- 59 Там же. С. 176.
- 60 Там же.
- 61 Там же. С. 181.
- 62 Там же.
- 63 Там же. С. 178.
- 64 Там же.

65 *Литаврин Г. Г.* Два этюда о восстании Петра и Асеня // *Études balkaniques*. 1985. № 4. С. 12–24 (= *Он же*. Византия и славяне. СПб., 1999. С. 348–362).

66 *Литаврин Г. Г.* Становление Второго Болгарского царства и его международное значение в XIII столетии // *Études balkaniques*. 1985. № 4. С. 17–26 (= *Он же*. Византия и славяне. СПб., 1999. С. 363–374).

67 *Литаврин Г. Г.* Византийское государство в VII–XII вв. // *Раннефеодальные государства на Балканах (VI–XII вв.)*. М., 1985. С. 126.

68 Там же.

69 Там же. С. 127.

70 Там же.

71 Там же.

72 *Литаврин Г. Г., Наумов Е. П.* Межэтнические связи и межгосударственные отношения на Балканах в VII–XII вв. // *Раннефеодальные государства на Балканах (VI–XII вв.)*. С. 285–313.

73 Там же. С. 299.

74 Там же. С. 300.

75 Там же. С. 301.

76 Там же.

77 Там же. С. 309.

78 Там же. С. 310.

79 Там же. С. 311.

80 *Литаврин Г. Г.* Болгарские земли под византийским владычеством (1018–1186) // *Краткая история Болгарии. С древнейших времен до наших дней*. М., 1987. С. 101–119; *Он же*. Стремительный подъем Второго Болгарского царства // Там же. С. 120–136.

81 Там же. С. 101.

82 Там же. С. 108.

83 Там же. С. 116.

84 Там же. С. 111.

85 Там же. С. 112.

86 Там же. С. 112.

87 Там же. С. 128.

88 Там же. С. 118.

89 Там же.

90 *Литаврин Г. Г.* Этническое самосознание населения пограничной зоны между Византией и Болгарией в X–XIV вв. // *Этнические процессы в Центральной и Юго-Восточной Европе*. Москва, 1988. С. 78.

91 *Литаврин Г. Г.* Особенности развития самосознания болгарской народности со второй четверти X до конца XIV в. // *Развитие этническо-*

го самосознания славянских народов в эпоху зрелого феодализма. М., 1989. С. 48.

92 Там же. С. 51.

93 Там же. С. 56–57.

94 *Литаврин Г. Г.* Эволюция этнического самосознания болгарской знати в эпоху византийского господства // Элита и этнос Средневековья. М., 1995. С. 170–177.

95 Там же. С. 174.

96 Там же. С. 176.

A. S. Dobychina

G. G. Litavrin about Byzantine-Bulgarian relations of the end of 12th – the beginning of the 13th century

The paper examines transformation of views of an outstanding Byzantinist and Slavist G. G. Litavrin on Byzantine-Bulgarian relations of the end of 12th – the beginning of the 13th century.

Keywords: *G. G. Litavrin, Byzantine-Bulgarian relations, Tǎrnovo uprising of 1185–1186, the Second Bulgarian empire.*

И. А. Седакова
(Москва)

Исследование погребальной обрядности болгар и влахов (в свете развития этнографии в Болгарии)

Новая книга Сашки Бизерановой о погребении и поминовении на северо-западе Болгарии рассматривается в контексте имеющейся литературы по погребальной обрядности, а также в свете развития болгарской этнографической науки в постсоциалистический период. К достоинствам монографии относятся ее междисциплинарность, сопоставительный характер, внимание к ареальному распространению явлений, интерпретация инноваций и широкий охват тем, граничащих со сферами погребения и поминовения (демонология, судьба, проклятья, сны и др.).

Ключевые слова: *Болгария, вlahи, погребальная обрядность, ареальные исследования, этнография.*

Книга болгарского этнографа С. Бизерановой «Между жизнью и смертью. Погребальные и поминальные обычаи у болгар и влахов Видинской области»¹ заслуживает подробного прочтения и рецензии по нескольким причинам. Прежде всего, эта работа относится к редким в современной болгарской этнографической науке монографическим исследованиям, в центре которых стоят традиционные ритуалы, основанные на архаических обрядах и поверьях. В последние десятилетия этнография в Болгарии стала нередко именоваться этнологией² и шире – антропологией и переключилась, как и в ряде других стран, на более актуальные, злободневные темы – изучение идентичности, культуры меньшинств, постсоветских метаморфоз, миграций, диаспор и границ. Нужны ли исследования, да и сами материалы, архивизация «мертвого» фольклора³, старинных ритуалов – постоянная тема дискуссий в европейской науке, поскольку интерес исследователей к изучению традиционного для этнографии (этнологии, фольклора) объектам угасает⁴. При этом, как известно, глобализация вызывает обратный процесс – глокализацию

Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 14-04-00546а «Лингвокультурная ситуация в России и Болгарии и трансформация русско-болгарских языковых взаимоотношений: XXI век».

и возрождение интереса к культурному прошлому страны; эти процессы, во многом связанные с этнографией, заметны и в Болгарии. Локальное брендирование достопримечательностей, культурный и событийный туризм ориентированы на факты материального и нематериального наследия, которые входят в исследовательское поле этнографов. К сожалению, понимание того, что для развития и сохранения культурной памяти необходимо очень глубокое, а не поверхностное знание обрядов, ритуальных комплексов, фольклорных произведений (и материальной культуры – народных костюмов и пр.), в обществе еще не очень сформировано. Отметим при этом, что сбор и изучение традиционных сведений в Болгарии продолжается, например, в рамках деятельности Ассоциации «Онгъл». Кроме того, очень большая работа ведется в провинции, силами местных университетов и институтов и особенно музеев региональной истории (в городах Пловдив, Велико Тырново, Русе, Варна, Бургас и др.), где продолжают издания серий и этнографических материалов⁵. Как и прежде, в селах находятся любители и ценители древностей, которые собирают и публикуют фольклорно-этнографические сведения в очень распространенном в Болгарии жанре «Изучение села»⁶ или в современных условиях на сайтах⁷. Вопрос, требующий особого обстоятельного исследования, сейчас находящийся в центре этнологии, – это фестивали фольклора и народной обрядности, восстановление и реконструкция ритуальных комплексов и пр. Болгария традиционно проводила Национальный фольклорный фестиваль в Копривштице (в 2015 г. он отметил свой 50-летний юбилей), регулярно проходит и зимний Международный фестиваль карнавалных игр «Сурва» в Пернике, который впервые состоялся в 1966 г., а сейчас приобретает все более масштабный характер, собирая до 6000 костюмированных участников. В 2015 г. фольклорный фестиваль «Сурва» был включен в репрезентативный список нематериального культурного наследия ЮНЕСКО. Проводится и множество менее масштабных фольклорно-этнографических праздников с участием этнографов и фольклористов или без привлечения ученых. Это подтверждает востребованность этнографических исследований старины, которые, как кажется, сейчас не очень увлекают молодых ученых Болгарии.

Вернемся к погребальной обрядности, которая была одной из основных тем в гуманитарной науке с самого ее формирования в Болгарии. Это не случайно, потому что болгарские ритуалы и поверья, связанные со смертью, погребением и поминовением,

посмертной судьбой, уникальны по своему богатству, архаичности и сохранности. Очевидно, что погребение и поминальная практика были и остаются самой консервативной сферой, что объясняется важностью культа предков в традиционной картине мира, нежеланием отходить от традиции в этой сфере, страхом «сделать что-нибудь не так и рассердить покойного» и др. Похоронно-поминальная обрядность была в центре исследований этнографов Хр. Вакарельского⁸, Ст. Генчева⁹, П. Петрова, В. Васевой, Сл. Гребенаровой, Г. Лозановой¹⁰, В. Гарнизова и др. – эти работы вышли в основном в XX в. или в самом начале XXI в. Описания и анализ региональных погребальных обрядов включены во все книги серии «Регионални проучвания», изданные Институтом этнографии с музеем: «Добруджа» (1974), «Пирински край» (1980), «Капанци» (1985), «Пловдивски край» (1986), «Софийска област» (1993), «Родопи» (1994), «Странджа» (1996), «Ловешки край» (1999) и «Сакар» (2002).

Таким образом, С. Бизеранова продолжает традиции болгарской этнографии в изучении и интерпретации региональных погребальных обрядов. В книге подробно представлен один регион – северо-западная Болгария, специальных работ по которой после Д. Маринова¹¹ совсем немного. Будучи традиционной, эта книга вносит много нового – а именно, она прослеживает инновации в обрядности, что не отмечалось этнографами или, во всяком случае, подробно не описывалось. Так, в предисловии к первой хрестоматийной книге по болгарской этнографии ее автор Хр. Вакарельский указывает, что он описывает состояние культуры середины XX в., до социалистической эпохи, и анализ позднейшего развития обрядов оставляет более молодым ученым¹². С. Бизеранова подробно и последовательно фиксирует и анализирует характер этих изменений. Так, она отмечает, что в связи с изменившимся бытом и родом деятельности видинцев сняты иные «вещие» сны (посев с буйволами, например, уже не фиксируется), меняется погребальная и поминальная обрядность в связи с участвовавшими случаями гибели в автокатастрофах; сани, использовавшиеся ранее для перевоза гроба на кладбище, не упоминаются в нарративах даже самых старых людей (с. 224). Изменениям в социалистический период посвящена отдельная глава монографии.

Еще одна важная особенность книги – это ее сопоставительный характер. Северо-западная Болгария – регион неоднородный, он позволяет сравнить славянскую и романскую (влашскую) тради-

ции. И наконец, в фокусе автора постоянно находятся обрядовая лексика и разные словесные жанры, и такая междисциплинарность характерна для работ Хр. Вакарельского, М. Арнаудова и других исследователей, которые в XX в. собирали и изучали обряды, песни и терминологию в равной степени. Подобная комплексность характерна для Московской этнолингвистической школы, методологию которой учитывала С. Бизеранова в своей работе, и российские этнолингвисты цитируются в ее монографии. Автор отдает дань ареальным изысканиям, которые традиционно важны для этнографии и для этнолингвистики. Из 14 опубликованных в ее книге карт одна карта представляет Видинскую область с указанием сел, в которых говорят на влашском языке, еще одна – картографирует ритуал опаливания (разжигание огня по окружности) могилы, а 12 карт посвящены распространению терминов ('гроб', 'обрядовый поминальный хлеб', 'подушка для положения в гроб', 'саван', 'памятник' и др.).

Во введении, кроме обзора литературы по вопросу, описания основных целей работы, подробно характеризуются архивные материалы, которые собирались в Видинском крае и прилегающих районах начиная с первых десятилетий XX в. Таким образом, хронологический охват описываемых обрядов и фольклорных текстов очень велик, поскольку авторские полевые материалы, которые служат основой для исследовательницы, относятся и к XXI в.

I глава содержит историко-демографический анализ области, из которого видно, что языковые и культурные контакты у болгар осуществляются не только с влахами, но и с румынами и сербами. И хотя в заглавии книги обозначены только болгары и влахи, С. Бизеранова для сравнения обрядов и поверий последовательно использует восточносербские и румынские материалы. Во II главе начинается собственно тематический анализ погребения и поминовения, и автор обращается к «знакам» смерти – предвестникам и вещим снам. Здесь же она рассматривает проклятья – речевой жанр, до сих пор бытующий в Видинской области и, более того, воспринимающийся как потенциально опасный для жизни человека (с. 76). Вера в действенность проклятья, так же как и в верность провидческих снов и предсказаний, подтверждается многочисленными нарративами, записанными автором в последние годы. Обычно эти тексты служат объяснением произошедших несчастий и осмысляются постфактум, после смерти (с. 110).

В III главе автор обращается к представлениям о душе и «том свете», особое внимание уделяя типичному для болгар (и ряда

других балканских народов) сопоставлению души и тени (*сянка*), описывает представления об аде и рае и кратко характеризует причины смерти в народных поверьях болгар и влахов (судьба, проклятье, грехи, порча и др.). IV глава посвящена собственно смерти и процессу ухода из жизни. Здесь публикуются интересные сведения о прощании с умирающим, включая разнообразные вариации акта взаимной просьбы о прощении (с. 141). Вера в обязательность возжигания свечи на смертном одре сохраняется до сих пор, и если смерть наступает внезапно, в результате несчастного случая, свечу «посылают» на тот свет, помещая ее в гроб следующему умершему в селе (с. 145). Интересны также полевые данные, касающиеся одеяния покойного: если хоронят человека из другой местности, его одевают в традиционную одежду его родного села. Далее подробно анализируются оповещение о смерти, запреты и рекомендации по домашней работе (с. 202–204), подготовка тела умершего к помещению во гроб, подготовка могилы и др. Уникальный ритуал, который сохранился на северо-западе Болгарии, – изготовление мешочка для погребения, небольшой торбы (болг. *торбичка*)¹³ – также описывается в этой главе. Содержание этого мешочка различается у болгар и влахов: болгары помещают в него обычные для повседневной жизни умершего предметы гигиены, фрукты, хлеб, а вlahи к этому добавляют 9 камушков, черепок фарфора и обломок расчески, найденные на кладбище (с. 173). Автор также останавливается на анализе обрядовых угощений, и прежде всего хлеба *пътнина* (от болг. *път* ‘путь, дорога’) и булочек, которые раздаются девяти соседям в день погребения.

В V главе «От дома до могилы» С. Бизеранова переходит к следующему этапу в обрядовом комплексе и подробно описывает вынос тела, публикуя важные сведения о том, что родные, родившиеся в один месяц с покойным (так наз. *едномесечета*), пролезают через расщепленную специально для этой цели толстую ветвь кизила, которую после этого закапывают в ногах покойного в могиле (с. 216). Подробно освещаются действия, направленные против потенциального превращения усопшего в вампира или другого демона (с. 257–258). Этот небольшой раздел основан на проведенном автором анкетировании и демонстрирует сохранность поверий и обрядовых практик в Видинской области.

Обрядность после погребения составляет предмет исследования в VI главе. Первый цикл поминовений начинается у болгар и у влахов с ближайшей после смерти субботы, и этот день в большин-

стве сел области маркирован особыми ритуалами. Это специальные магические действия (с семантикой невозможного), направленные на то, чтобы покойный не превратился в вампира. Сороковины – самое важное поминовение в Видинской обл. В этот день догорает свеча ростом с покойного, которая зажигалась все предыдущие дни, выпекают и раздают 40 лепешек, приносят на могилу воду, вино, хлеб и завершается 40-дневный цикл, когда ежедневно к могиле в особой посуде приносят воду. Если ритуалы с водой фиксируются у болгар и у влахов, то типичный для влахов ритуал поминок по живому человеку (*помана*)¹⁴ не известен болгарскому населению (с. 367). И наконец, VII глава посвящена анализу тех изменений, которые произошли в обрядности после 1944 г., когда были приняты законы, запрещающие совершение религиозных обрядов и участие священника в погребении. Однако атеистические идеи и запреты в Видинской области не повлияли на традиционную обрядность. Этот регион по-прежнему демонстрирует сохранность погребально-поминальной обрядности, «архаическую свежесть» (с. 209), которую по рассказам местного населения можно восстановить в деталях приблизительно до 1920-х гг.

Подводя итоги, С. Бизеранова небезосновательно отмечает, что детальное региональное исследование позволяет сделать выводы исторического, этнологического, культурологического и диалектологического характера. Добавим, что даже если это исследование не вносит особого вклада в развитие методологии и научных интерпретаций обрядов, оно содержит ценный разносторонний материал за длительный период времени. По мнению некоторых современных исследователей, теории приходят и уходят, однако полевые материалы и архивные собрания остаются¹⁵.

Несмотря на очевидные достоинства, в книге есть и обидные недостатки. Не всегда выдерживается логика повествования: из-за желания вместить как можно больше информации автор порой нарушает канву повествования: так, непонятно, почему после подробной характеристики смерти и погребения младенцев идут описания вихря и бурана (с. 283). Трудно согласиться с утверждением автора, что известное в Видине выражение об очень худом человеке «От него только нос остался» связано с представлением о том, что Господь Бог вдохнул в человека душу через нос (с. 115).

Особенно много замечаний вызывает оформление. В книге есть введение, 7 глав, заключение, библиография и приложения с картами, таблицами терминологии, рисунками и цветными иллюстрациями.

В содержании же все разделы, начиная с Введения, нумеруются римскими цифрами, которые не соответствуют нумерации семи глав, что затрудняет ориентацию читателя. Немало замечаний вызывает редакторская работа в целом – не всегда выверена библиография, и формат издания скорее напоминает диссертацию, а не монографию.

В целом же книга С. Бизерановой представляет собой ценный опыт целостного описания погребальной и поминальной обрядности архаичной северо-западной зоны Болгарии и безусловно очень важна для развития и поддержания этнографической науки в Болгарии.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Бизеранова С.* Между живота и смъртта. Погребални и поминални обичаи при българи и власи във Видинско. Враца: Алекспринт, 2013. 544 с.

2 Журнал «Българска етнография» был переименован в «Българска етнология» в 1994 г.

3 *Dead folklore* («мертвый фольклор») – термин, использующийся в противовес термину *living folklore* («живой фольклор») в хрестоматии: *Sims M. C., Stephens M.* Living Folklore: An Introduction to the Study of People and Their Traditions. Logan, Utah: Utah State University Press, 2005.

4 Ср., например, материалы Круглого стола в рамках Конгресса Международного общества по изучению народной прозы (Вильнюс, 2013), опубликованные в: *Gunnell T.* Why Should Folklore Students Study «Dead» Legends? // *Nordic Yearbook of Folklore*. Vol. 69. Uppsala, 2014. P. 171–176.

5 Приведем один, самый свежий пример, см.: Наследство и културен пейзаж. Регионален исторически музей. Т. 18. Русе, 2015.

6 Такие исследования есть по Видинской обл., см.: *Данчева Ст.* Бранковци. Минало и настояще. Видин, 2007, а также и по другим регионам Болгарии: *Георгиева В.* Из миналото на Брезнишкия край. София, 2000; *Петров П., Гълъбов Хр.* Върбешница. София, 2001; *Селнички П.* Пелатиково. Кюстендил, 1993; и мн. др.

7 Представленность этнографических и др. народно-культурных сведений в Интернете – это тема отдельного исследования. Отметим для Болгарии проект «Фольклор и обряды Болгарии» <http://www.folklore-bg.com/>; сайт «Бащина земя» <http://www.bashtina.org/>, первой целью которого является «сбор и публикация этнографических материалов по всей Болгарии и в диаспорах», а также сайты отдельных городов, общин и

сел, богатых архаическими традициями, фольклорными исполнениями и текстами (<http://www.gotsedelchev.bg/>) и др.

8 *Вакарелски Хр.* Български погребални обичаи: Сравнително проучване. София, 1990.

9 *Генчев Ст.* Към проучването на различията между обичаите при погребение от двете страни на ятовата граница в Северна България // Известия на Етнографския институт с музей. Т. 11. София, 1968.

10 Интересное диссертационное исследование принадлежит Галине Лозановой, которое, к сожалению, не опубликовано. Известны некоторые журнальные публикации этого автора, например: *Лозанова Г.* Обредни трапези при погребение у южните славяни // Българска етнография. София, 1991. № 1.

11 *Маринов Д.* Жива старина. Русе, 1892.

12 *Вакарелски Хр.* Етнография на България. София, 1974. С. 7.

13 Мне приходилось видеть этот обычай в с. Стакевцы, район Белоградчика, в экспедиции 2002 г., где мешочки из самодельной ткани, с помещенными в них свечой, хлебом и букетиком (*китка*) несут все, кто приходит прощаться с умершим, для «передачи на тот свет своим покойным родным».

14 *Помана* хорошо описана в этнографической литературе, см.: *Анастасова Е.* Наял се като влах на помана (Още веднъж за помана за жив) // Регионални проучвания на българския фолклор. Т. 4. София, 2002.

15 *Skott F.* Folkloristics and the Folklore Archives // *Nordic Yearbook of Folklore*. Vol. 69. Uppsala, 2014. P. 186.

I. A. Sedakova

A new book on funeral and commemorative rituals
(in the light of contemporary development of ethnography in Bulgaria)

The new book on funeral and commemorative rituals in the North-Western Bulgaria, published by S. Bizeranova, is analyzed in the context of previous studies in this field and also in the light of the development of Bulgarian ethnography in post-socialist period. The merits of the book are its interdisciplinary and comparative methodology, area presentation of the facts, interpretation of the innovations and a study of topics, which are connected with the funeral ritual sphere (evil spirits, the fate, curses, dreams, etc.).

Keywords: *Bulgaria, Vlachs, funeral rites, area studies, ethnography.*

Е. П. Серапионова
(Москва)

Конец Первой мировой войны и возвращение чехов и словаков на родину

В рецензии на книгу Ярослава Вацулика «Реэмиграция и репатриация чехов и словаков после Первой мировой войны» (Jaroslav Vaculík Reemigrace a repatriace Čechů a Slováků po první světové válce. Brno, 2014. 112 s.) анализируется содержание и основные выводы чешского автора, используемые им источники и литература. Ключевые слова: *Первая мировая война, образование Чехословакии, реэмиграция и репатриация чехов и словаков из Америки, России и других стран Европы.*

В 2014 г. в Брно вышла в свет небольшая, но очень интересная книга профессора Университета Масарика, доктора наук Ярослава Вацулика, признанного знатока чешской и словацкой диаспор за рубежом в XIX–XXI вв. Монография опубликована в серии «Сочинения педагогического факультета Университета Масарика», т. 168, при финансовой поддержке Грантового агентства Чешской республики. Рецензентами выступили профессор, д-р философии Ф. Ганзлик (Университет обороны, Брно) и профессор, д-р философии З. Йирасек (Силезский университет в Опаве).

Я. Вацулик уже долгие годы занимается проблемой чешских и словацких колоний за границей. Его перу принадлежит трехтомная монография о судьбах волынских чехов в XIX–XX вв.¹, в 2013 г. переведенная на украинский язык. Он же является автором книг «В поисках своей родины», «Чехи за границей», «Чешские меньшинства в Европе и в мире», монографий о реэмиграции и репатриации чехов и словаков после Второй мировой войны² и других работ.

Новое исследование Вацулика посвящено мало изученной проблеме возвращения на родину, в образованное в 1918 г. независимое Чехословацкое государство, чешских колонистов, военнопленных, легионеров из России³, европейских стран и США. Процессы эти были разного порядка, но проходили в одно и то же время – с 1918 г. по 1923 г., поэтому отделить их друг от друга невозможно, тем более что возвращались эти категории часто вместе.

Автор, как всегда, серьезно подошел к исследованию, изучив различные труды иностранных коллег, посвященные реэмиграции –

поляков из США и Франции, итальянцев, жителей скандинавских стран и уроженцев Юго-Восточной Европы из США, а также возвращению словаков в ЧСР.

Его работа основана на многочисленных материалах чешских и иностранных архивов. Из Национального архива (Прага) использованы документы фондов Министерства социального обеспечения, которое занималось реэмиграцией, а также фондов Министерства школ и национального просвещения, Министерства общественного здравоохранения и физического воспитания, Министерства внутренних дел, Чехословацкого национального совета, Президиума Совета министров. Книга основана также на документах Архива Министерства иностранных дел Чешской республики (фонды II и Вотделов, политическая информация из Москвы и Вены). Частично изучены и материалы Военного государственного архива – Военного исторического архива, а именно фонды Чехословацкой экономической комиссии и органа по эвакуации чехословацких войск из России, легионеров и военнопленных. По признанию самого автора, дальнейшая работа в этом архиве была временно невозможна из-за переезда архива в другое здание.

Что касается иностранных архивных хранилищ, то много достойных интереса материалов Вацулику удалось выявить в Словацком национальном архиве в Братиславе, прежде всего в фондах полномочного Министерства по делам Словакии, представительства Министерства сельского хозяйства 1919–1929 и Совета Министерства социальной справедливости. Любопытные материалы автору удалось получить в Государственном архиве Киевской области, где хранятся списки киевских чехов-реэмигрантов.

Значительное внимание Вацулик уделил изучению периодических изданий того времени, выходивших как в Чехословакии, так и за границей и отражавших проблемы чехов и словаков в разных странах. Большая коллекция газет, издававшихся чешскими и словацкими землячествами за рубежом, находится в библиотеке музея Наперстка при Национальном музее в Праге. Кроме того, в работе использована публицистика и различные брошюры того времени, связанные с реэмиграцией чехов и словаков на родину.

Книга состоит из двух частей: в первой автор знакомит читателей с основными проблемами реэмиграции и репатриации чехов и словаков в ЧСР после Первой мировой войны, а во второй – описывает конкретную ситуацию с возвращением в Чехословацкую республику из различных стран, причем основное внимание уделяет

России, США и Австрии. Вторая часть делится на 6 параграфов, повествующих о реэмиграции и репатриации из России, с Украины, из США, Австрии, Германии и стран Западной Европы, а также из Центральной, Южной и Юго-Восточной Европы.

Книга снабжена списком использованных источников и литературы, именным и географическим указателями, списком сокращений и краткой аннотацией на английском языке. На первой странице обложки дана фотография американских земляков на Старогородской площади в Праге, а на последней – фотография чешских детей на вокзале в Гамбурге.

Несмотря на небольшой объем, монография содержит множество интереснейших фактов, многие документы, используемые автором, вводятся в научный оборот впервые.

Наряду с первой частью, посвященной анализу общих проблем реэмиграции, для нас наибольший интерес представляют собой параграфы, в которых разбирается переезд чехов и словаков из России и с Украины, так как они вносят новые знания не только в чешскую и словацкую, но и в отечественную историю.

Территория России была разделена на три репатриационных зоны: 1) юг России и Кавказ, 2) центральная Россия и Украина и 3) Сибирь. Реэмиграция из каждой из этих зон проходила по-своему.

Вывоз легионеров из Сибири проводил Эвакуационный отдел и Эвакуационная (затем Экономическая) комиссия. Весной 1919 г. первая партия больных и инвалидов из числа легионеров была отправлена домой. Вместе с легионерами вывозили их семьи, а также семьи колонистов. К октябрю 1919 г. из Владивостока были эвакуированы более 6,5 тыс. инвалидов, стариков (старше 50 лет) и больных. Последний же транспорт с репатриантами из Владивостока отплыл 29 января 1922 г. Но затем выяснилось, что еще какое-то количество бывших военнопленных остались в Якутске и Амурской области. Позднее они добирались домой железной дорогой через Москву и Польшу.

До конца 1920 г. около 13 тыс. колонистов и бывших военнопленных вернулись в Чехословакию через Москву, Нарву и Щецин.

Всего Министерство национальной обороны насчитывало в России к концу войны 50 тыс. военнопленных; из них 10 тыс. на юге России и на Кавказе, 10 тыс. в Туркестане, 15 тыс. в центральных губерниях и на Украине и 15 тыс. в Сибири⁴.

Репатриацией пленных и реэмиграцией колонистов занимались представитель ЧСР на юге России, Комитет граждан ЧСР в Киеве,

военный представитель ЧСР в Ростове-на-Дону и Новороссийске, Санационная комиссия в восточной Галиции и военный представитель в Бухаресте. Репатриационные миссии находились также в Москве и Харькове.

В свою очередь в ЧСР было создано Содружество чехов и словаков из России (СЧСР), которое требовало предоставления правительственной поддержки для реэмигрантов⁵. Одной из таких мер стал организованный правительством выкуп российских рублей, чтобы помочь возвратившимся на родину гражданам. В Россию был отправлен поезд Чехословацкого Красного Креста. 10 декабря 1921 г. между правительствами ЧСР, с одной стороны, и правительствами РФСР и УССР, с другой стороны, было заключено соглашение о взаимной репатриации военнопленных и гражданских лиц. К 1 мая 1922 г. советское правительство посчитало эвакуацию военнопленных законченной, но в России еще оставались колонисты и арестованные по подозрению в контрреволюционной деятельности. Часть из них была заключена в тюрьмы, а некоторые лишены жизни. В Чехословакии при СЧСР возник отдел бывших политических узников во главе с председателем, одним из старейших чешских предпринимателей в России, В. Червеным и его заместителем Л. Грундом.

На пути домой возвращавшиеся пережили множество невзгод, холод, голод, плохие условия размещения. В 1923 г. польское правительство дало согласие на транзит еще 6 тыс. репатриантов из России. Репатриацию официально продлили до конца 1923 г. Но и в ЧСР вернувшиеся колонисты терпели нужду, так как потеряли все нажитое в России имущество, а помощь, предоставленная чехословацким правительством, была относительно небольшой. В следующих параграфах анализируется организация реэмиграции из США (в основном словаков) и из ряда европейских стран.

В заключении автор излагает основные результаты исследования. Выводы Я. Вацулика вполне логичны и обоснованы. Главной причиной реэмиграции заграничных чехов и словаков Вацулик считает экономические соображения, стремление сохранить и улучшить свое материальное положение. В случае с Россией на экономические причины накладывались и причины политические, так как люди хотели обезопасить себя от эксцессов Гражданской войны, голода, разрухи, большевистского террора. Речь шла уже не только о сохранении имущества, но и жизни. Создание демократической Чехословацкой республики, где гарантировалась свобода вероисповедания, способствовало возвращению на родину и потомков бежен-

цев по религиозным мотивам. Вместе с заграничными колонистами в ЧСР возвращались военнопленные и legionеры. Репатриация и ре-эмиграция являлись частью мощных послевоенных миграционных потоков в Европе и мире и требовали международного сотрудничества как на уровне официальных государственных органов различных стран, так и взаимодействия с благотворительными общественными организациями, в частности, с Красным Крестом. Трудности, с которыми столкнулись чехословацкие власти, состояли в политической и социально-экономической нестабильности, нехватке транспортных и финансовых средств для отправки на родину и помощи в благоустройстве на новом месте (проблемы обеспечения жильем, устройства на работу). Но, несмотря на все сложности, а часто и недовольство возвратившихся неустроенностью на первых порах, правительству вновь созданной Чехословацкой республики удалось в целом успешно провести реэмиграцию. Безусловно, что этот опыт достоин дальнейшего изучения.

Сильной стороной книги является то, что она почти целиком основана на новых архивных документах. Что касается замечаний, то внутри разделов заметна некоторая хаотичность в изложении материала, некоторые цифры и факты нуждаются в дополнительной проверке, уточнении и обобщении, что, впрочем, никак не умаляет значения и высокой оценки работы.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Vaculík J. Dějiny volyňských Čechů. Díl 1 (1850–1914). Brno, 1997; Díl 2. (1914–1945). Brno, 1998; Díl 3. (1945–1948). Brno, 2001.*

2 *Vaculík J. Hledali svou vlast. Praha, 1995; Idem. Češi v cizině 1850–1938. Brno, 2007; Idem. České menšiny v Evropě a ve světě. Praha, 2009; Idem. Poválečné reemigrace a usídlování zahraničních krajanů. Brno, 2002; Idem. Poválečná repatriace československých tzv. Přemístěných osob. Brno, 2004.*

3 Социальному обеспечению вернувшихся из России legionеров, военнопленных и колонистов до этого были посвящены лишь статьи И. Шедивого (см., напр.: *Šedivý I. Legionářská republika? K systému legionářského zákonodárství a sociální péče v meziválečné ČSR // Historie a vojenství. 2002. Roč. 51. Č. 1; Idem. Sdružení Čechů a Slováků z Ruska a československá vláda 1919–1929 (podpora, subvence, dotace, odškodnění) // Český časopis historický. 1988. Roč. 36. Č. 2), а положению legionеров в*

ЧСР – монография Я. Михла (*Michl J. Legionáři a Československo. Praha, 2009*).

4 Цифры эти, вероятно, весьма приблизительны, так как в литературе можно встретить цифры совершенно иного порядка. Скажем, С. А. Солнцева называет цифру 250 тыс. чешских и словацких военнопленных в России на 1917 г. (*Солнцева С. А. Военнопленные в России в 1917 г. (март–октябрь) // Вопросы истории. 2002. № 1. С. 144*); о 200–250 тыс. пленных чехов и словаков пишет С. Н. Базанов (*Базанов С. Н. Военнопленные-славяне в России в годы Первой мировой войны // Труды Института российской истории. Вып. 11. М., 2013. Режим доступа: <http://ebookiriran.ru/index.php?id=181§ion=8&view=article> (дата обращения 03.12.2015)*).

5 Подробнее об организациях реэмигрантов и легионеров, вернувшихся из России, см.: *Серапионова Е. П. Политика чехословацких властей в отношении возвратившихся из России легионеров, военнопленных и реэмигрантов // Социальные последствия войн и конфликтов XX в.: историческая память. СПб., 2014. С. 113–128.*

E. P. Serapionova

The end of the WWI and the return of Czechs
and Slovaks to the motherland

J. Vaculik's new book review deals with the analysis of its content, historical sources and main conclusion.

Keywords: *The end of World War I, formation of Czechoslovakia, remigration and repatriation of Czechs and Slovaks to the motherland from the USA, Russia and other European countries.*

Э. Г. Задорожнюк
(Москва)

Русская философия в славянском мыслительном поле

Характеризуется изданный на сербском языке дополнительный том энциклопедии по русской философии (второе издание). Подчеркиваются лидерские позиции сербских исследователей в изучении социальной мысли современной России.

Ключевые слова: *Россия, Сербия, социальная мысль, русская философия, отечественные слависты, зарубежные слависты, славистические исследования.*

Интерес сербской общественности к российским научным книжным новинкам не иссякал никогда. Одним из подтверждений этого является выход в Белграде в 2009 г. в переводе на сербский язык первого издания «Энциклопедии русской философии», монографий российских ученых славистов: в 2014 г. – Е. Ю. Гуськовой¹, в 2015 г. – К. В. Никифорова².

В мае 2014 г. в Москве вышло второе издание энциклопедии по русской философии³ – доработанное и дополненное, на чем правомерно поставить особый акцент по следующей причине. Она заключается в том, что дополнительные статьи в этом же году выпущены отдельным томом на сербском языке⁴. Это надо подчеркнуть в связи со следующим: первое издание энциклопедии было впервые переведено именно на этот язык в 2009 г. (в 2010 г. – на французский). Тем самым читатели и исследователи Сербии имеют возможность получить более полное представление о векторе развития исследований по истории русской философии даже по сравнению с русскими.

В этом векторе особенно примечательно расширение списка персоналий за счет включения новых имен – таких отечественных представителей философской мысли, как Э. В. Ильенков, разработки которого по марксизму оказались востребованными сегодня, И. С. Тургенев, «гегелист», претендовавший в свое время на кафедре философии в Петербургском университете, художники в самом широком смысле этого слова – И. Н. Крамской, П. Н. Филонов и С. М. Эйзенштейн. Не менее важно включение в список персоналий отечественных специалистов по истории русской философии, а также зарубежных исследователей. Интерес вызовет группа статей по

философскому истолкованию отечественными аналитиками важных феноменов устоев России. В числе таких статей – «война», «демократия», «права человека», «революция», «сверхобщество» и др.

Еще один блок статей посвящен изучению русской философии в зарубежных странах: Италии, Польше, Сербии, Украине.

Обратимся к предпоследней из них. Небольшая по европейским количественным меркам страна может считаться в этом плане одним из лидеров: прекрасно оформленное первое издание энциклопедии на сербском языке и дополнительный том – этому свидетельство. Эти издания, помимо прочего, предоставили прекрасную возможность выяснить весомое место славистов (в расширительном истолковании данного слова) в исследовании русской философии. Среди отечественных ученых – это в первую очередь ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН – Г. Д. Гачев (1929–2008), портрет которого (на суперобложке) помещен среди таких столпов отечественной мысли, как В. И. Вернадский, Н. Ф. Федоров, К. Э. Циолковский и А. С. Хомяков. Не случайно, что он – автор нескольких десятков монографий, в числе которых «Америка в сравнении с Россией и славянством» (М., 1997), «Образ Божества в культуре. Национальные варианты» (М., 2014), конечно, Г. Д. Гачев заслуживает самого пристального внимания. К славистам можно отнести такие персоналии, как А. Ф. Гильфердинг и А. И. Стронин. Еще важнее статьи о зарубежных славистах: И. Берлине и Дж. Биллингтоне, А. Валицком и Т. Г. Масарике, да и о самом издателе рассматриваемых работ и соавторе (вместе с Б. Пантеличем) статьи «Исследования русской философии в Сербии» в энциклопедии – В. Меденице.

Несколько слов об этой статье. Ее авторы систематизированно описывают процессы рецепции русской философии в Сербии и ход анализа этого феномена сербскими мыслителями. Они справедливо отмечают, что здесь были свои приливы и отливы: рост интереса, связанный с прибытием в Сербию русских философов в 1920-е гг., и падение – во времена Тито. В статье отмечается, что в последней четверти XX в. появилось «новое поколение философов и богословов, для которых изучение русской философии стало предметом главного творческого интереса» (с. 240). Их деятельность сводится не только к выпуску трудов русских философов и работ о них, они организуют публичные лекции и беседы, проводят семинары и конференции, важной задачей которых является «защита духовной и культурной идентичности славянских стран» (с. 241).

В этом направлении Сербия является несомненным лидером, причем не только среди славянских стран. В исследовательском ракурсе в чем-то не отстает от нее и Польша. Так, в соответствующей статье упоминается выпуск уже 8 томов лексикона «Идеи в России» (редактор А. де Лазари). Нельзя не отметить смелого подхода к подаче материала, осуществленного исследователями в Лодзи: каждая из статей располагается параллельно в трех колонках на польском, русском и английском языках, четвертую занимает библиография на этих и других языках. Для славистов и русистов это очень важно, поскольку позволяет сопоставлять выражение одной и той же мысли на разных языках и тем самым выявлять в ней дополнительные оттенки.

Думается, работа авторов и издателей энциклопедии по русской философии должна быть продолжена именно в этом направлении, чтобы нашлось место для анализа процессов рецепции русской философии во всех крупных странах – от Англии до Японии. Но в первую очередь в странах славянских. Польша, которой инкриминируется излишнее русофобство, и Сербия – соответственно русофильство – две крайние точки в этом континууме – в дополнительных статьях энциклопедии уже охвачены. Но как освещать процесс этой рецепции в Чехии и Словакии – вместе или раздельно, с учетом того, что Чехословакия долгое время была убежищем для множества русских философов? Чем объяснить подъемы и спады интереса к русской философии в Болгарии, в чем специфика рецепции этой философии в Белоруссии, по заключениям ее исследователей? И самый непростой вопрос об этом же – в странах-республиках бывшей Югославии, той же Хорватии, история рецепции русской философии, которая началась с контактов философа В. С. Соловьева и епископа Й. Штрессмайера еще в XIX в. Да и в той же крошечной Словении, ставшей местом рождения философа общеевропейской значимости С. Жижека, оригинально трактующего русскую философию.

Это – задача будущего. А в настоящем нельзя не отметить положительного прорыва в изучении русской философии, осуществленного как раз именно в Сербии. Выводы и оценки об академической значимости данного феномена, а также его последствий для многих сфер духовной жизни в Сербии и славянства в целом можно сделать самим славистам – как страноведам, так и представителям различных областей славяноведения. И поместить эти выводы в широкие контексты современной культурной и политической жизни Европы и мира в целом.

Таким образом, рассматриваемое издание весьма примечательно своим интересом к исследованиям в области истории и современно-

го состояния русской философии, которая, «переболев» марксизмом (причем это было тем, что Б. Пастернак называл «высокой болезнью» – творчество того же приверженца марксистского учения Э. Ильенкова вызывает и поныне интерес во всем философском мире), вновь привлекает к себе повышенное внимание. Сербия в этом плане – начальный его пункт; в настоящее время готовятся переводы труда и на другие языки, поскольку из него можно многое почерпнуть не только о русском, но и о славянском мире.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Гускова Ј. Балкански путеви и сумануто беспуће: мишљење руског историчара. Београд: Catena Mundi, 2013.

2 Никифоров К. Србија на Балкану. XX век. Београд: Филип Вишњић; ИГАМ, 2014.

3 Русская философия: Энциклопедия. 2-е изд., доработанное и дополненное / Под общ. ред. М. А. Маслина. М.: Книжный Клуб Книго-век, 2014.

4 Енциклопедија руске философије. Допунски том / У ред. М. Маслина. Београд: Логос Графичар, 2014.

E. G. Zadorozhnyuk

Russian philosophy in the Slavic thought

Made a review of an additional volume of the Encyclopedia of Russian philosophy (second edition), published in Serbian language. It also highlights the leading position of Serbian researchers in the study of social thought of modern Russia.

Keywords: *Russia, Serbia, social thought, Russian philosophy, Slavic domestic scholars, Slavic foreign scholars, Slavic studies.*

К. А. Попов
(Москва)

Новый взгляд на словацкий политический антисемитизм

Рецензия посвящена книге историка Милослава Сабо «От слов к действиям», отображающей эволюцию антисемитизма в словацком национальном движении на протяжении последней четверти XIX – первой четверти XX в. в свете современных научных представлений об этой идеологии.

Ключевые слова: *Милослав Сабо, антисемитизм, словацкое национальное движение, национализм, Венгерское королевство, Австро-Венгрия.*

Братиславское издание «Каллиграм» неустанно поддерживает словацкую историческую науку публикацией актуальных исследований по широкому кругу проблем. Одним из них стала работа Милослава Сабо «От слов к действиям. Словацкое национальное движение и антисемитизм (1875–1922)» (*Szabó M. Od slov k činom. Slovenské národné hnutie a antisemitizmus (1875–1922). Bratislava: Kalligram, 2014. 252 s.*), посвященная развитию антисемитизма в словацком национальном движении.

Темы национализма, расизма и, в частности, неприязни к евреям для него не новы. Косвенно эту тематику затрагивал уже самый первый его труд, «Бог в офсайде» («Каллиграм», 2000), касавшийся культурной истории и истории идей христианских и постхристианских обществ Европы второй половины XIX – первой половины XX в. А в 2005 г. в том же издательстве вышла его вторая монография «Раса и воля», посвященная книге нацистского идеолога Альфреда Розенберга «Миф XX века» и содержащимся в ней концепциям. Кроме того, на момент публикации «От слов к действиям» М. Сабо работал в Венском институте Визенталя по изучению Холокоста.

Присутствие антисемитизма в идеологии и риторике деятелей словацкого национального движения известно каждому, кто знаком с публицистикой Светозара Гурбана Ваянского* или про-

* Светозар Гурбан Ваянский (1847–1916) – писатель-реалист, публицист и политик, самая авторитетная фигура в Словацкой национальной партии

смастривал хотя бы несколько номеров «Словенски тыжденник»*. Несмотря на то, что истории евреев Австро-Венгрии и Чехословакии посвящена обширная литература на разных языках¹, этот аспект досконально пока не исследовался. Данный пробел восполняет рецензируемая работа. Ее автор ищет ответ на вопрос, в какой степени современный антисемитизм** повлиял на мышление и деятельность представителей словацкого национально-го движения в период дуализма и первые годы существования Чехословацкой республики. В своих поисках он опирается как на публицистику соответствующей эпохи, так и на документы местных администраций, материалы судебных процессов и т. д. При этом социальной и этнографической сторон вопроса он не касается.

Начальной датой своих исследований М. Сабо выбрал 1875 г. С этим годом связан один из рубежей в развитии словацкого национального движения****, а также первое проявление венгерского политического антисемитизма в парламентской интерpellации его будущего лидера Гезы Ишточи². Впрочем, вводя читателя в суть проблемы, автор касается и более раннего времени, начиная с 60-х гг. XIX в. Финальной датой служит 1922 г. К этому моменту, как

второй половины XIX в., патриарх ее старшего поколения, так называемого «мартинского центра» (по городу Турчанский Святой Мартин).

* Slovenský týždenník / «Словацкий еженедельник» – газета, выходящая с 1903 по 1918 г. в Будапеште. Ее основал, долгое время лично редактировал и издавал Милан Годжа (1878–1944). Хотя печаталась она в столице Венгерского королевства, целевой аудиторией газеты являлось крестьянское население Верхней Венгрии / Словакии. Годжа надеялся сделать общественно-политическую проблематику понятной для сельского большинства этого региона, включить его во внутривосточную жизнь страны. Таким образом сложилась его идеология словацкого аграризма.

** «Современный» антисемитизм отличается от средневекового своей мотивацией. Он основывается не на религиозных предрассудках, а на реалиях нового и новейшего времени, мотивируясь превратным пониманием социологии, биологии и других общественных и естественных наук.

*** Закрытие Матицы словацкой, единственного культурно-образовательного центра, поддерживавшего словацкий язык, а также окончательный развал Новой школы словацкой.

**** Это политическое течение представляло собой альтернативу Словацкой национальной партии и было ориентировано на конструктивное словацко-магьярское сотрудничество.

утверждается в книге, политизация еврейского вопроса в словацкой половине молодой республики сходит на нет³.

Монография состоит из четырех глав, освещающих основные этапы трансформации антисемитизма в означенный период. Первая посвящена 80-м гг. XIX в., публицистике С. Гурбана Ваянского и отношению представителей Словацкой национальной партии (СНП) к венгерским политическим антисемитам. Во второй главе рассматривается следующее десятилетие, проводятся параллели между антисемитизмом СНП и венгерской Католической народной партии*. Нашла в ней отражение и реакция на резонансные дела о «ритуальных убийствах», имевших место в Верхней Венгрии в 1894, 1895 и 1899 гг. Третья глава касается популистского антисемитизма начала XX в. и влияния на него дифференциации словацкого национального движения. Наконец, последняя глава повествует о практической реализации словацкого антисемитизма в первые годы после создания Чехословацкой республики – ревизии лицензий на производство и продажу спиртных напитков, владение табачными киосками и кинотеатрами. Кроме того, в ней уделено внимание характерному для того периода страху перед евреями как проводниками то большевизма, то венгерского ирредентизма.

На протяжении всей книги прослеживается противоречивость антисемитской идеологии в словацком национальном движении. Показательны в этом свете отношения СНП с другими партиями, использовавшими антисемитскую риторику. Ими были Всеобщая антисемитская партия (*Országos Antiszemita Párt*) и Католическая народная партия (*Katolikus Néppárt*). От первой словацкое национальное движение формально дистанцировалось⁴, со второй же в определенный период активно сотрудничало. Хотя обе организации использовали схожие с СНП идеологические конструкции, предполагавшие «эмансипацию от евреев», решающую роль во взаимоотношениях с ними для словацких деятелей сыграл фактор отношения к национальному вопросу в Венгрии, то есть к немадьярским народам. Указывая на это, автор обнажает острое противоречие, сложившееся в национальной идеологии под влиянием австро-венгерских социально-политических реалий. Выступая против эмансипации одного малого народа, то есть евреев, и желая повернуть этот процесс

* Главная клерикальная партия Венгерского королевства, основанная в конце 1894 г. графами Нандором (Фердинандом) Зичи и Миклошем (Николаем) Морицем Эстерхази.

вспять, активисты СНП добивались расширения прав собственного малого народа. В качестве способа преодолеть это противоречие в исследуемый период хотя бы риторически автор рассматривает попытки провести черту между «негативным» националистическим и «позитивным» экономическим антисемитизмом, которого придерживались словацкие популисты⁵.

Однако реализация их идей на практике в послевоенной республике также отличалась неоднозначностью. В частности, ревизия лицензий на производство и продажу спиртных напитков, владение табачными киосками и кинотеатрами, проведенная полномочным министерством по делам Словакии. Она опиралась на практику Венгерского королевства по вознаграждению, как считалось, евреев за лояльность⁶. Ту же функцию лицензии выполняли и после 1918 г., изменился только критерий оценки. М. Сабо отмечает, что происходящее воспринималось общественным мнением как справедливое взыскание с еврейских предпринимателей за содействие «мадьяризации» в прошлом и в связи с подозрениями в промадьярских симпатиях в настоящем. Таким образом, в одной акции смешался опыт венгерских властей, с которым в других ситуациях решительно порывали, решение объективно существовавших проблем и субъективный популизм.

Со своей же стороны М. Сабо придерживается концепции, согласно которой для антисемитизма современной формации было характерно конструирование образа евреев как антипода нации⁷. Она снимает противоречие между борьбой за собственное национальное равноправие в полиэтническом государстве и отрицанием еврейской эмансипации, а также позволяет объяснить транснациональный характер распространения антисемитизма.

Книга Милослава Сабо освещает действительно сложную проблему, существовавшую в исторический период, заложивший основы национального самосознания и мифологии. То, что автора не остановила опасность быть превратно понятым, делает его труд достойным уважения и внимания читателя. Он наглядно показал, что антисемитизм был присущ словацкой национальной идеологии на протяжении долгого времени, в ходе которого подвергался воздействию внешних факторов и постепенному переосмыслению, никогда не приобретая при этом насильственного характера. Последнее, впрочем, не означало полного отсутствия агрессивных акций на местном уровне, однако их истоки лежали скорее в сфере быта, нежели политической идеологии, которой посвящена монография. Нель-

зя не отметить, впрочем, что хронологические рамки работы, заявленные в заглавии, исходя из ее темы, не являются бесспорными. В частности, словацкое национальное движение как таковое началось раньше, а словацкий политический антисемитизм развивался и позднее выбранного временного промежутка. Это означает, что данное направление исследований еще далеко не исчерпано.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Например: *Adamczyk M. J.* Edukacja a przeobrazenia społeczności żydowskich w monarchii habsburskiej, 1774–1914. Wrocław, 1998; *Frankl M.* «Emancipace od židů»: český antisemitismus na konci 19. století. Praha, 2007; *Fatranová G.* Životnosť antisemitských javov // *Acta Judaica Slovaca*. 2000. Roč. 6. S. 161–176; *Hanebrink P.* In Defense of Christian Hungary: Religion, Nationalism and Antisemitism, 1890–1944. Ithaca, 2006; *Hilsnerová* afera a česká společnost, 1899–1999. Praha, 1999; *The Jews of Austria*. London, 1967; *The Jews of Czechoslovakia*. New York, 1968; *Krejčova H.* Czechs and Jews // *Bohemia in history*. Cambridge, 1998. P. 344–363; *Kulka E.* The Jews in Czechoslovakia between 1918 and 1968 // *Czechoslovakia: crossroads and crises. 1918–1988*. Houndmills, 1989. P. 271–296; *McCagg W. O.* A history of Habsburg Jews, 1670–1918. Bloomington, 1989; *Pulzer P.* Die Entstehung des politischen Antisemitismus in Deutschland und Österreich 1867 bis 1914. Göttingen, 2004; *Rybářová P.* Antisemitizmus v Uhorsku v 80. rokoch 19. storočia. Bratislava, 2010; *Salner P.* Židia na Slovensku: medzi tradíciou a asimiláciou. Bratislava, 2000; *Schmidl E. A.* Jews in the Austro-Hungarian Armed Forces // *Essays of war and society in East Central Europe, 1740–1920*. Boulder, 1987. P. 69–84.

2 *Szabó M.* Od slov k činom. Bratislava, 2014. S. 24.

3 *Ibid.* S. 239.

4 *Ibid.* S. 61–62.

5 См., например: *Ibid.* S. 197.

6 *Ibid.* S. 247.

7 *Ibid.* S. 12–13, 45–46.

K. A. Popov

A new view on the Slovak political anti-Semitism

This review is dedicated to the book by the historian Miloslav Szabó «From words to deeds». It depicts the development of anti-Semitism within the Slovak national movement from the last quarter of the 19th to the first quarter of the 20th century representing the modern scientific view of this ideology.

Keywords: *Miloslav Szabó, anti-Semitism, the Slovak national movement, nationalism, The Kingdom of Hungary, Austria-Hungary.*

Н. М. Куренная
(Москва)

Венгерская литература в контексте национальной истории

В рецензии рассматривается коллективный труд, в котором отражена динамика развития венгерской литературы от первых письменных источников до наиболее значительных произведений современного периода, представлены творческие портреты выдающихся венгерских писателей.

Ключевые слова: *венгерская литература, творческие биографии, поэтика, история, культура.*

«История венгерской литературы в портретах» (М., 2015) – первое в российском литературоведении исследование, посвященное девятивековой истории венгерской литературы, – опубликована издательством «Индрик». Эта коллективная монография – не классическая история национальной литературы. Авторский коллектив (историки и литературоведы) предпринял довольно смелую попытку отобрать из поистине огромного национального литературного наследия самые важные события и знаковые фигуры, представив читателям наиболее характерные черты их творчества на фоне исторического развития Венгрии. Естественно, участники коллективного труда понимали уязвимость такой селекции, но шли на нее сознательно, имея в виду возможное будущее продолжение, которое будет призвано расширить круг имен, более детально проанализировать особенности венгерского литературного процесса, в том числе – национальную специфику, своеобразие индивидуальных поэтик, динамику жанрового многообразия.

Венгерская литература, по мнению авторов труда, – «одна из наиболее самобытных, развитых, мощных литератур не только в регионе Центральной и Восточной Европы, но и в мировом контексте», поэтому для ее более глубокого и объемного постижения выбранная структура монографии представляется вполне оправданной и логичной.

Каждый период развития венгерской литературы предваряют краткие аналитические экскурсы в венгерскую историю. Их авторы, несмотря на продиктованную необходимостью небольшой объем глав, смогли представить читателям наряду с научно выверенной версией национальной истории и собственный взгляд на наиболее

существенные события и факты. Своей основной целью авторы литературоведческих очерков посчитали не только описание жизненного и творческого пути, особенностей поэтики представленных в труде писателей, но и выявление порой незаметных, но значительных взаимовлияний и взаимозависимостей между судьбоносными историческими событиями и сменой литературных парадигм, их характером, появлением новых течений, стилей, в конечном счете – значительных произведений, вошедших в историю венгерской и мировой литературы. Венгерскую литературу всегда отличало стремление к познанию своих корней, обращение к прошлому, наполненному самыми разнообразными событиями, объяснению исторически значимых для венгерской нации поражений и побед.

Как уже было отмечено, редколлегия рецензируемого труда взяла на себя ответственность, связанную с определением круга писателей из очень значительного числа венгерских литераторов. Подтверждением градуса этой ответственности может служить обширная библиография трудов по истории венгерской литературы, изданных в Венгрии за более чем сто лет, наиболее солидное из них – академическое издание в 8-ми томах, первый том которого появился в Будапеште в 1965 г., а последний увидел свет уже в 80-е гг. XX в.

Несмотря на то, что члены авторского коллектива «Истории венгерской литературы в портретах», отдавшие много лет изучению венгерской истории и литературы, имели собственный взгляд и отношение к описываемому периоду или личности, монография оставляет цельное впечатление, чему во многом способствовала работа ответственных редакторов во главе с д. ф. н. Ю. П. Гусевым, а также общее желание представить читателю венгерскую историю и литературу в гармоничном единстве, в виде системного обзора. Именно поэтому рецензируемая монография может служить примером подобного рода издания, предназначенного для углубленного знакомства с отдельными европейскими литературами. В нем нашли отражение первые письменные памятники на латинском языке, поэзия Ренессанса и барокко, становление венгерской прозы в эпоху Просвещения и романтизма, а также творчество литераторов, представляющих самые разнообразные художественные течения XX в.

Благодаря отечественным исследователям и переводчикам изучение венгерской истории и литературы в нашей стране имеет свои традиции, довольно велик и корпус переводов наиболее значительных произведений венгерских писателей и поэтов. Однако на протяжении долгого времени ощущается отсутствие современной, си-

стематизированной истории многовековой венгерской литературы, представляющей теоретический и практический интерес как для специалистов, так и для более широкого круга читателей. Настоящее издание основательно восполнило этот научный пробел. Оно снабжено разделами избранной библиографии венгерской литературы в переводах на русский язык и рекомендуемой литературой для тех, кто хочет расширить свое знакомство с этой самобытной и мощной словесностью.

N. M. Kurennaja

Hungarian literature in the contest of the national history

The review is dedicated to the multi-author book that reflects the dynamics of the development of Hungarian literature from the first written sources to the most important contemporary works. The book offers creative profiles of the most prominent Hungarian writers.

Keywords: *Hungarian literature, creative bibliographies, poetics, history, culture.*

О. В. Цыбенко
(Москва)

Международная конференция «Хоревские чтения: Фактор преемственности в развитии форм художественного мышления. Опыт современных литератур Центральной и Юго-Восточной Европы»

20–21 октября 2015 г. состоялась Международная научная конференция «Хоревские чтения: Фактор преемственности в развитии форм художественного мышления. Опыт современных литератур Центральной и Юго-Восточной Европы», организованная Отделом современных литератур Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения РАН. Во вступительном слове руководитель Отдела *Н. Н. Старикова* приветствовала ученых из Москвы, Калининграда, Гродно и Варшавы, принявших участие в научной встрече, проблематика которой воплощает замыслы профессора *В. А. Хорева*, выдающегося полониста, слависта, организатора науки и русско-польского сотрудничества, долгие годы возглавлявшего Отдел, разработавшего ряд новых направлений в современной гуманитарной науке, воспитавшего учеников и последователей не только в России, но и за рубежом.

Конференцию открыл доклад *М. Трошиньского* (Институт литературных исследований ПАН) «Польская проза после 1989 г. и романтическая парадигма (на примере творчества Ю. П. Гозлиньского и других представителей современной литературы)». Тезис о конце романтической парадигмы в новой – после 1989 г. – общественно-политической реальности стал, по мнению докладчика, своего рода «пророчеством», провозглашенным на пороге перемен в Восточной Европе. Идея о том, что романтическая парадигма, являвшаяся для польской культуры структурообразующей, теперь подвергнется радикальным изменениям, оказалась несостоятельной. Своеобразие преломления творчества С. Жеромского в современной польской литературе исследовала *Г. Борковская* (Институт литературных исследований ПАН) в сообщении «Пепел 1984. О рассказе “Станкевич” Евстахия Рыльского». Она проанализировала парадоксальный анахронизм и (пост)современность этого текста, отметив укорененность прозы Рыльского в милитарном и политическом дискурсе, почерпнутом из творчества С. Жеромского. Восприятию мировой классики современным художественным сознанием был посвящен доклад «Возвращения к XIX веку в современной польской прозе. Бальзакиана Яцека Денеля» *М. Рудковской* (Институт литературных исследо-

ваний ПАН). Она полагает, что для современной польской культуры традиция XIX в. оказывается наследием все более спорным. Литература последних лет запечатлевает следы этой переоценки, распада больших исторических нарративов, эволюцию ее героев и парадигм. Книга Я. Денеля «Бальзакиана» (2008) интерпретируется в контексте других игр с миметическими традициями в современной литературе. *И. Е. Адельгейм* (ИСЛ РАН) в сообщении «Диалог пространств. Топос Возвращенных территорий в польской прозе 1990–2000-х гг. и миф Восточных Кресов» показала, что применительно к художественному обживанию на рубеже XX–XXI вв. пространства Возвращенных территорий можно говорить о преемственности – пространственной, исторической, психологической, художественной – по отношению к прозе этой тематики. Название доклада *В. В. Мочаловой* (ИСЛ РАН) – «Логос “Polonia”» – заимствовано из названия диалога двух известных польских литературоведов, друзей и коллег В. А. Хорева – Марии Янион и Малгожаты Барановской, опубликованного в сборнике работ Янион «В Европу – да, но – вместе с нашими мертвыми». Выбор этих двух концепций, по мнению докладчицы, обусловлен тем, что обе исследовательницы в своих трудах анализируют феномен традиции, исторической памяти и романтической парадигмы в культуре.

После полонистического «блока» в первый день конференции была затронута проблематика традиции и преемственности в других современных славянских литературах. *Г. Я. Ильина* (ИСЛ РАН) в своем докладе «Возвращение к крупным прозаическим формам: традиция и обновление (на примере хорватских романов о Второй мировой войне)» пришла к заключению, что фактор преемственности играет важную роль в современной хорватской военной прозе. Опираясь на национальные и общеевропейские традиции, хорватские авторы в своих произведениях предлагают новые модели симбиоза реалистического и постмодернистского письма. Доклад *Н. Н. Стариковой* (ИСЛ РАН) «“Новые” ориентиры словенской поэзии XXI в.» расширил круг рассмотренных на конференции проблем, так как был посвящен поэзии. Трансформации, которые словенское стихосложение переживает сегодня, отражают умонастроения части словенских поэтов, проявляющих интерес к классической поэтической парадигме. Об этом свидетельствует опыт Бориса А. Новака, опубликовавшего первый в истории словенской литературы поэтический эпос – «Атласы ностальгии» (2014). *Л. Ф. Широкова* (ИСЛ РАН) в своем выступлении «Стереотип или индивидуальность: образ русского в словацкой

прозе XXI в.» коснулась тех изменений, которые наблюдаются в использовании русских персонажей словацкими писателями: от русского (советского) солдата или партизана, встречающегося в военной прозе 1950–1960-х гг., до русских надсмотрщиков и зеков ГУЛАГа из романов 2010-х гг. Теоретические аспекты проблемы традиции и преемственности привлекли внимание *С. А. Шерлаимовой* (ИСл РАН) в докладе «Проблемы литературной преемственности в трактовке Яна Мукаржовского и теоретических размышлениях Милана Кундеры». Основоположник пражского литературного структурализма Мукаржовский рассматривал преемственность в литературе как один из основных факторов ее развития, связанный с развитием социума в целом (работа «Эстетическая функция, норма и ценность как социальные факторы», 1936). Кундера в своих теоретических эссе делает упор на преемственности в контексте мировой литературы, обращая внимание на эволюцию и рецепцию жанра романа.

Во второй день работы конференции были затронуты славянский, румынский и русско-польский аспекты заявленной проблематики. *З. И. Карцева* (МГУ имени М. В. Ломоносова) в докладе «Поэтика синтеза (роман-фуга Эмилии Дворяновой)» на примере произведения современной болгарской писательницы показала, как музыка становится структуроопределяющим элементом литературного текста. *М. Б. Проскурнина* (ИСл РАН) в сообщении «Мир детства и мир взрослости. Особенности проявления национально-ментального начала в творческом хронотопе Тани Урошевич» продемонстрировала, как через художественное осмысление различных ментальных миров – прежде всего находящихся в непростых отношениях взаимного притяжения / отталкивания мира детства и мира взрослости – македонская писательница стремится воспроизвести сложную картину национальной жизни в Македонии в XX веке. В сообщении «Абсурдистские элементы в романах Петру Чимпоешу» *А. В. Усачева* (ИСл РАН) затронула проблему использования абсурдистских приемов авторами современной румынской постмодернистской прозы. *Е. В. Шатько* (ИСл РАН) в докладе «“Следы” национальной традиции в прозе М. Павича (на примере романов “Внутренняя сторона ветра” и “Другое тело”»)» отметила, что исследования средневековой сербской литературы и литературы барокко, которыми занимался Павич, нашли отражение и в его произведениях. *Л. А. Мальцев* (Балтийский федеральный университет имени И. Канта) в сообщении «Поляки Достоевского в рецепции Е. Стемповского: от стереотипов к метаморфозам» проанализировал его подход к польской теме у До-

стоевского, выделив при этом сильные и слабые стороны толкования идей русского классика. Объектом рассмотрения *Н. М. Филатовой* (ИСл РАН) – доклад «Русский правитель Польши в “эпоху неволи”: эволюция художественного образа» – стали представители российской власти (Александр I, великий князь Константин Павлович), в качестве персонажей произведений польской литературы XIX–XX вв. (произведения Ю. Словацкого, Я. Чиньского, С. Выспяньского, В. Гонсёровского, М. Брандыса и В. Терлецкого). *С. Ф. Мусиенко* (Гродненский государственный университет имени Я. Купалы) в докладе «“Движение” сюжета свадьбы в европейских литературах в свете эволюции традиций (Бомарше → Выспяньский → Маяковский)», сопоставив пьесы «Женитьба Фигаро», «Свадьба» и «Клоп», пришла к выводу о том, что свадьбы в них представлены в двух функциях: событийно-реальной и философско-символической. *О. В. Цыбенко* (ИСл РАН) в выступлении «Пушкинский образ русской няни в творчестве Ярослава Ивашкевича» поставила целью проследить, как образ няни Татьяны из «Евгения Онегина» Пушкина вошел в сознание Ивашкевича, что отразилось в его гимназическом сочинении, и получил творческую переработку в зрелом творчестве (рассказ «Voci di Roma», «Путешествия в Италию», «Дневники»). Сопоставительная проблематика нашла продолжение в докладе *Н. Н. Пономаревой* (ИСл РАН) «Болгарская комедиография XX века в типологических параллелях с русской». Докладчица отметила типологические параллели произведений болгарских драматургов с пьесами В. Маяковского, Н. Эрдмана, Е. Шварца. В докладе *А. Г. Шешкен* (МГУ, ИСл РАН) «Проблема преемственности и новаторства в македонской литературе второй половины XX века» была подчеркнута роль мировой литературной традиции в формировании полноценной художественной парадигмы македонской литературы. *Н. А. Лунькова* (ИСл РАН) в сообщении «Эволюция повести и рассказа в творчестве молодых болгарских прозаиков 1970-х гг.» рассмотрела развитие жанров повести и рассказа в творчестве молодых болгарских прозаиков указанного десятилетия, в центре внимания которых оказался внутренний мир современника. В центре внимания *Е. А. Яблокова* (ИСл РАН) в докладе «Ангел с красной звездой (Рассказ Андрея Платонова “Алтеркэ”))» – система исторических и биографических, мифологических и литературных аллюзий в произведении А. Платонова 1939 г., которые расширяют его семантическое звучание. *Л. Н. Будагова* (ИСл РАН) в своем выступлении обратила внимание на научную актуальность проблематики первых «Хорев-

ских чтений», ее связь с уже реализованным проектом «Антитрадиционализм и преемственность в программах и практике славянского литературного авангарда». По ее мнению, сам этот факт подтверждает актуальность сохранения принципа преемственности, который способствует не только созданию новых научных и художественных ценностей, но и сохранению национальной идентичности в эпоху, провоцирующую ее размывание.

Подводя итоги конференции, *Н. Н. Старикова* подчеркнула ее положительные результаты, отметила полезность широкого обмена мнениями, богатство привлеченного к анализу материала и разнообразие исследовательских методик. Завершилась научная встреча презентацией нового научного издания: «*Studia Polonoslavica: К 90-летию со дня рождения профессора Е. З. Цыбенко*». М.: Издательство Московского университета, 2014 (книга вышла в 2015 г.). Книгу представила ответственный редактор *А. Г. Шешкен*.

С. В. Клементьев
(Москва)

Международная научная конференция «Вторая мировая война в славянских литературах и языках»

Кафедра славянской филологии МГУ им. М. В. Ломоносова совместно с Институтом славяноведения РАН провела 10–11 ноября 2015 г. Международную научную конференцию на тему «Вторая мировая война в славянских литературах и языках». В конференции приняли участие ученые из Австрии, Польши, Сербии, Хорватии, Боснии и Герцеговины, Турции, из многих городов России (Волгограда, Ельца, Калуги, Пскова, Саранска, Саратова, Уфы).

Конференцию открыла зав. кафедрой славянской филологии проф. *Н. Е. Ананьева*, рассказавшая о важности и значимости рассматриваемой темы для славянских народов. С приветственными словами к участникам научного форума обратились от имени филологического факультета МГУ заместитель декана по научной деятельности проф. *О. В. Александрова*, от имени Института славяноведения – зав. отделом современных литератур Центральной и Юго-Восточной Европы проф. *Н. Н. Старикова*. С пожеланиями успехов в работе конференции выступили чрезвычайный и полномочный посол Республики Македония *Гоце Караянов*, чрезвычайный и полномочный посол Республики Черногория *Зоран Йоцович*, советники и представители посольств Хорватии, Болгарии, Польши, Белоруссии.

Работа конференции проходила в двух литературоведческих и четырех лингвистических секциях. Заседание секции «Вторая мировая война в современных славянских литературах и культурах» было открыто докладом известного российского литературоведа *Л. Н. Будаговой* (ИСЛ РАН), посвятившей свое выступление чешской поэзии военных лет, рисовавшей образы советских солдат-освободителей. Докладчица отметила, что в поэмах и стихах Ф. Грубина, В. Голана, Ф. Галаса, В. Завады наряду с сакрализацией русских воинов на основе самых общих, былинных представлений утверждались и вполне земные образы советских солдат, отражавшие личный опыт общения автора с ними. Подобные произведения – не просто явления искусства, но и важный источник информации об атмосфере и настроениях военных и первых послевоенных лет, это документы эпохи, которыми нельзя пренебрегать. Их нельзя отредактировать в угоду новым веяниям или политической конъюнктуре. Ревизия истории

далеко не всегда способствует воссозданию более правдивого образа прошлого, когда «новые знания» подменяются «незнанием», субъективизмом, заблуждениями или сознательным искажением фактов.

П. Н. Рудяков (МГУ) в докладе «Эволюция художественного осмысления темы войны и революции в сербской и хорватской литературе во второй половине XX в.» выделил два этапа осмысления военной тематики в литературах сербов и хорватов. Первый этап, по мнению докладчика, характеризовался интересом к конкретному изображению военных событий, утверждением норм новой общественной (социалистической) морали. Вторым этапом (1980-е годы) – время переосмысления итогов предыдущего периода, время переоценки ценностей. По утверждению П. Н. Рудякова, третьим этапом, предполагающим синтез двух предыдущих тенденций, не сложился, так как в Югославии в 1990-е годы началась гражданская война.

Большой интерес слушателей вызвал доклад *З. И. Карцевой* (МГУ) «Пороховые будни войны в болгарской прозе (“Пороховой букварь” Йордана Радичкова)». Исследовательница отметила, что болгарская литература периода войны взволнованно реагировала прежде всего на события, происходящие внутри Болгарии, сумевшей в короткие сроки объединить все прогрессивные силы в мощное Сопротивление, ведущее борьбу с фашизмом – своим и чужим. Наиболее яркое и талантливое воплощение получила тема войны и Сопротивления в болгарской прозе 1960-х гг. Писатели этого времени, пережившие развенчание культа личности и «апрельскую оттепель» 1950-х, начали нелицеприятный разговор о нравственных критериях поведения человека на войне. Таков, в частности, пронзительный и ироничный «Пороховой букварь» Й. Радичкова. Рисуя трудную жизнь болгарских крестьян в годы Второй мировой войны, писатель показал, как, преодолевая собственный страх, эгоизм и равнодушие, они приходили к пониманию новых идей и новой жизни, активному участию в ней или молчаливому согласию с тем, что она несла с собой. Автор пытался ответить на главный для него вопрос – кто и как принимал участие в страшных событиях войны и Сопротивления, почему так по-разному встречали болгарские крестьяне в 1944 г. новую жизнь.

О жанровом многообразии словацкой прозы о войне в динамике литературного развития говорила *Л. Ф. Широкова* (ИСЛ РАН). В словацкой литературе развитие военной темы достигло своего апогея во второй половине 1950-х – первой половине 1960-х гг., когда были созданы крупные эпические произведения о Второй мировой

войне и Словацком национальном восстании В. Минача, Р. Яшика, Л. Тяжкого, Л. Мнячко и др. Разные по идейной концепции и способу ее художественной реализации, они отразили поколенческий и личный опыт современников и участников исторических событий. По мнению Л. Ф. Широковой, с конца 1980-х гг. и вплоть до начала 2000-х тема Второй мировой войны надолго ушла из словацкой литературы, возникая лишь эпизодически. Однако в последнее время писатели вновь заговорили об истории и событиях военных лет, делая акцент на общегуманистических, нравственных аспектах. При этом все больший удельный вес обретает жанр романа, усложняясь и видоизменяясь на основе новых литературных тенденций, опыта постмодернизма.

Много интересных наблюдений представила *И. Е. Адельгейм* (ИСл РАН), анализируя произведения о войне и Холокосте Э. Курылюк, А. Тушиньской, Б. Кефф, М. Тулли («Повествование как аутопсихотерапия: польская проза “детей выживших”»). Докладчица рассмотрела приемы, используемые в автобиографических текстах разной степени художественности и документальности, с помощью которых польские авторы совершают попытку преодолеть травму, унаследованную от переживших Холокост матерей. Писатели также повествуют о травмированном послевоенном польском обществе, демонстрируют универсальный механизм воспроизведения насилия, порождающего или самоощущение жертвы, или потребность сделать жертвой другого, – механизм, действующий и на уровне государственной политики, и в повседневной жизни.

В докладе «Трансформация темы освобождения страны в 1945 г. в чешской прозе» *И. А. Герчикова* (ИСл РАН) выделила три этапа в освещении указанной темы: конец 1940-х – начало 1950-х гг., когда литература воздавала дань уважения советскому воину и представляла исключительно позитивный образ освободителя; во второй половине 1950-х – начале 1960-х гг. в чешской прозе находят отражение антисоветские настроения в общественном сознании чехов, представление освобождения страны в негативном свете; с 1968 г. – пересмотр истории и идеологическая борьба в литературе, появление утверждений, что 1945 год принес не только освобождение, но и новую несвободу.

Сменившийся ракурс освещения в художественной литературе событий Второй мировой войны представила *Г. Я. Ильина* (ИСл РАН). Анализируя современную хорватскую прозу (романы Д. Дрндича «Sonnenschein» и М. Ерговича «Род»), исследователь приходит к вы-

воду, что нынешняя литература опирается на две художественные традиции – реалистическую, тяготеющую к большим жанровым формам, и постмодернистскую, основанную на жанрово-стилевой гибридности. Документальная основа и новеллистическая структура, психологически мотивированные портреты и интертекстуальные аллюзии, совмещение реального и вымышленного – все эти структурные элементы объединяются в единое целое, включенное в исторический контекст.

Н. Н. Старикова (ИСл РАН) показала, как тема Второй мировой войны и ее последствий освещается в творчестве словенских писателей-эмигрантов. Центром словенской послевоенной литературной эмиграции становится Аргентина, где нашли прибежище многие писатели, где был учрежден литературно-критический журнал «Меддобье», создана международная организация «Словенская культурная акция», объединившая деятелей словенской культуры из разных стран мира. Центральной для всех писателей-эмигрантов становится тема недавней национальной трагедии, связанной со Второй мировой войной, – раскол словенского общества, братоубийственная война, вынужденное бегство, жизнь на чужбине. Большую роль в популяризации произведений писателей-эмигрантов сыграли словенские литературоведы, которые внимательно следят за художественными судьбами произведений покинувших родину литераторов. Результатом усилий современных словенских критиков и литературоведов стала трехтомная «Литература словенской эмиграции» (1999), своеобразное подведение итогов исследования литературы словенской эмиграции.

По утверждению *А. Г. Шешкен* (МГУ), тема Второй мировой войны стала основной в послевоенной македонской словесности. Причем эволюция художественных стилей в литературе, переплетение опыта реалистического искусства, модернистских и авангардистских течений, сюрреализма, философии и литературы экзистенциализма, постмодернизма происходило при неизменном осмыслении событий военного времени. С художественным воплощением темы войны связано рождение национальной прозы (И. Бошковский), освоение ею нравственных, психологических и философско-экзистенциальных проблем (В. Милеский, С. Яневский), переплетение реальности и фантастики (Ж. Чинго), поиски новых возможностей современной драмы (Г. Стефановский).

С. Н. Мецераков (МГУ) в докладе «Война и миф в сербском романе 1950–1980-х гг.» отметил переоценку ценностей у сербских

писателей. У М. Лалича («Лелейская гора») герой-трикстер (коммунист Ладо Тайович) не разрушает мир, а творит его. В 80-е гг. XX в. ситуация возвращается в нормальное русло (С. Селенич «Родители и отцы», 1989). В 1950–1960 гг. проявляются параллели между коммунистическим началом и христианством (М. Лалич, Д. Чосич).

В центре внимания *О. В. Розинской* (МГУ) оказались «Дневники военных лет» польской писательницы З. Налковской, увидевшие свет в 1970 г. В польской послевоенной прозе наряду с произведениями, написанными с позиций активной борьбы с фашизмом и героизации подвигов борцов с немецкими оккупантами, создавались и другие, не столь явно выражающие отношение их авторов к событиям истории. Это была субъективно-психологическая документальная проза, фиксирующая внимание на морально-этической проблематике, стремящаяся философски осмыслить время и его героев, дать этому времени свою оценку. Именно к таким произведениям художественно-документальной прозы относятся дневниковые записи З. Налковской военного времени.

Особенности воплощения темы Второй мировой войны в сербской литературе представила *М. С. Кнежевич* (Новисадский университет, Сербия), а *С. Кадич* (Министерство науки, образования и спорта Хорватии, Загреб) проанализировал последствия мировой войны, ее итоги в хорватском политическом дискурсе. В художественной словесности на тему Второй мировой войны литературоведы всегда интересовало, как отражался опыт войны, ее последствия и уроки. Однако возможен и другой подход: «война как предчувствие» в литературе предвоенных лет. Этой проблеме был посвящен доклад богемиста из Московского университета *Е. Н. Ковтун* («Мировая война в прогнозах чешских фантастов»). Сопоставительный анализ произведений К. Чапека, Я. Вайса и И. Гауссмана позволил докладчику выявить их общие характеристики: проблемно-тематическое поле, связанное с прогнозом развития социально-политических процессов, могущих привести к мировой войне; единые принципы создания фантастической образности, родственные композиционные схемы и жанровые формы (антиутопия, притча, роман-памфлет), схожие способы повествования.

Литературоведа *Д. Ротта* из Силезского университета в Катовицах (Польша) заинтересовала проблема отображения Варшавского восстания 1944 г. в современной массовой культуре Польши и Швеции. Народное видение войны, представленное в современной польской деревенской прозе (Т. Новак и В. Мысливский), получило

глубокое освещение в докладе *О. В. Цыбенко* (ИСЛ РАН). Сопоставительному анализу повестей «Панна Зося» Ф. Ф. Торнау и «Зося» В. О. Богомолова посвятила свое выступление *Е. В. Суровцева* (МГУ). Особенности поэзии и переводов военной лирики К. Бачиньского, Т. Гайцы, А. Тшебиньского получили отражение в сообщении аспирантки Московского университета *А. Д. Маглий*.

Работа секции «Вторая мировая война в русской литературе и фольклоре» началась с заслушивания и обсуждения доклада литературоведа из Московского государственного университета *В. Г. Моисеевой*. Свое выступление она посвятила военной теме в новеллистике В. Некрасова 1950–1960-х гг. По утверждению исследователя, содержание рассматриваемых рассказов писателя выходит за рамки частных случаев. Происходит это за счет присутствия в тексте образа рассказчика – участника событий, через призму восприятия которого они даются. Эти произведения отличает ярко выраженное лирико-публицистическое начало, привнесение которого в прозу открывает перед автором возможность сочетания лаконичности изображения и особой многозначности образа.

Внимание турецкого русиста *Б. Джан Эмир* привлекли изображение психологического облика человека на войне и тема «немец тоже человек» в повести Б. Васильева «В списках не значился», *Е. Ю. Зубарева* (МГУ) проанализировала размышления К. Симонова о тайне человеческого противостояния смерти («Парадигма бытия и трагическая амбивалентность войны в произведениях К. М. Симонова»). *О. В. Мякшева* (Саратовский государственный университет) на конкретных примерах показала отличие устных и письменных вариантов воспоминаний о Второй мировой войне у одного и того же автора. В сообщении *Р. А. Шаяхметова* (Уфа) были рассмотрены романы («Мы из прошлого!») о так называемых попаданцах во времена Великой Отечественной войны как предложение на спрос массового читателя.

В целом ряде выступлений была затронута фольклорная проблематика. В докладе *А. А. Ивановой* (МГУ) было показано, как Отечественная война отразилась в «устной истории» жителей бывших оккупированных территорий Калужской и Орловской областей. *Н. В. Большакова* (Псковский государственный университет) продемонстрировала жанровую специфику устных текстов о войне (на основе псковского диалектного и фольклорно-этнографического архива). На примере устных рассказов о Великой Отечественной войне *А. Ф. Балашова* (Колледж «Царицыно», Москва) рассмотрела катего-

рию чуда как проявления неожиданной помощи из реального мира и как помощи, оказанной силами из иного мира («Представление о чуде в нарративах о Великой Отечественной войне»).

Лингвистические аспекты заявленной проблематики конференции сконцентрировались вокруг работы следующих секций: «Языковые особенности художественной литературы, посвященной Второй мировой войне»; «Языковая и конфессиональная политика в годы Второй мировой войны. Воспоминания участников войны»; «Вторая мировая война в лексике и грамматике славянских языков и диалектов»; «Отражение Второй мировой войны в СМИ, научных журналах и Интернете».

Среди массы докладов, связанных с языковедческой проблематикой, можно выделить выступления *И. А. Шелковой* (Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина) «Имена собственные в романе Б. Васильева “В списках не значился”», *Н. Е. Ананьевой* (МГУ) «Полонизмы и польские реалии в военных стихах Давида Самойлова», *А. С. Новиковой* (МГУ) «Живые помощи. Из воспоминаний о войне проф. В. К. Журавлева», *Н. А. Стародубцевой* (Волгоградский государственный университет) «Средства выражения экспрессии в воспоминаниях жителей Волгоградской области о войне», *Л. Писарек* (Вроцлавский университет, Польша) «Вторая мировая война в польско-русском словаре переводных пар», *А. В. Зенкевича* (Венский университет, Австрия) «Преподавание славянских языков на оккупированных территориях (на материале архивных документов Второй мировой войны)», *И. Г. Родионовой* (Пензенский государственный университет) «Особенности газетного дискурса периода Великой Отечественной войны (на материале пензенской региональной газеты “Сталинское знамя”», *А. И. Изотова* (МГУ) «Журнал “Slovo a Slovesnost” в годы Второй мировой войны» и др.

Оживленные дискуссии, возникшие при обсуждении докладов, и вопросы, заданные авторам, свидетельствовали о том, что доклады, прочитанные на конференции, весьма актуальны, а вся конференция в целом вызвала широкий научный интерес.

Г. П. Мельников
(Москва)

Международная научная конференция «Ян Гус в истории и культуре»

6 июля 2015 г. исполнилось 600 лет со дня казни великого чешского проповедника и богослова Яна Гуса, обвиненного Констанцским собором в ереси. Эта печальная дата особо отмечалась в Чехии: прошли многочисленные конференции, выставки, общественные мероприятия, издано много книжных публикаций. Ян Гус для чехов – во многом национальный символ, часть чешской идентичности, один из самых популярных персонажей чешской истории, имеющий также международное значение, поскольку начатая им реформация католической церкви через столетие была продолжена Лютером. В завершение юбилейного года Институт славяноведения РАН провел в Москве 8–9 декабря 2015 г. конференцию «Ян Гус в истории и культуре», в которой приняли участие как российские, так и чешские исследователи.

Большую научно-общественную значимость конференции акцентировала ее поддержка со стороны посольства Чешской Республики в РФ и Чешского центра в Москве. В своем приветственном слове посол Чехии в России *Владимир Ремек* подчеркнул непреходящее значение Яна Гуса для чешского исторического сознания и культуры и выразил благодарность организаторам конференции. Директор Чешского центра в Москве *Марек Гавличек* указал на то, что московская конференция стала органичной частью проекта, посвященного памятной дате, так как в рамках конференции проходит передвижная выставка, посвященная Гусу, подготовленная Гуситским музеем в городе Табор и показанная во многих странах Европы. И. о. зам. директора Института славяноведения РАН *Э. Г. Задорожнюк* отметила глубокий интерес деятелей культуры России к фигуре Яна Гуса: своими идеями он привлекал внимание Льва Толстого. Его противостояние официальной церкви и жизненный подвиг воспел великий украинский поэт Т. Г. Шевченко. Также Гус оказал воздействие на формирование идеи чешской демократии в политической мысли Т. Г. Масарика. Председатель оргкомитета конференции *Г. П. Мельников* отметил глубокую укорененность Гуса и гуситской традиции в чешской культуре, обратив внимание на широкое поле интерпретаций деятельности и сочинений Яна Гуса, которые детер-

минированы спецификой новых исторических эпох и разных идейных и политических течений. Он подчеркнул заслуги чешской гуситологии и указал на то, что отечественная наука в большом долгу перед великим чехом: у нас нет ни одной монографии о Гусе, нет новых переводов его сочинений, многие же, даже самые значительные, не переведены вообще, крайне мало статей о нем. Поэтому наше представление о Гусе далеко от того, что создано современной чешской наукой. Это демонстрирует отличающаяся крайне низким научным уровнем статья о нем, помещенная в таком солидном издании, как «Православная энциклопедия» (2006, т. 13).

Научные доклады, прозвучавшие на конференции, можно разделить на четыре группы. Первую, не очень многочисленную группу составляют выступления, непосредственно посвященные деятельности Гуса и ее отражению у его младших современников. *К. ВEVERKOVA* (декан Гуситского теологического факультета Карлова университета в Праге) проанализировала деятельность Гуса как университетского преподавателя, указав на ее многоаспектность. *О. Д. КАЛАШНИКОВА* (МГУ) охарактеризовала основные направления идеологической борьбы в Праге накануне принятия Кутногроского декрета. *А. М. ЛАНЦЕВА* (ГАСК) представила комплексный анализ знаменитого Йистебницкого канционала, который она непосредственно изучала в Чехии, как памятника ранней гуситской гимнографии. *М. А. ПОЛЯКОВА* (Калужский филиал Московского гос. технического ун-та им. Баумана) рассмотрела рецепцию идей Гуса в религиозной и педагогической системе Лютера.

Вторую группу составили доклады, посвященные современным интерпретациям наследия Яна Гуса и его месту в сегодняшнем мире. *З. ВЫБИРАЛ* (Гуситский музей, г. Табор, Чехия) охарактеризовал то значительное положение, которое Гус занимает в сознании чешского социума наших дней, обратив особое внимание на создание новых музейно-выставочных проектов и их специфику. Известный чешский исследователь истории религии *Я. Б. ЛАШЕК*, бывший многие годы деканом Гуситского факультета Карлова университета, дал характеристику новейшим книжным публикациям о Гусе как стремящимся к преодолению старых мифов и максимальной научной объективности, а также остановился на проблеме отношения современной католической церкви к Гусу, признавшей устами папы Иоанна Павла II несправедливость его жестокой казни, но не пошедшей далее по пути его реабилитации. На эту же тему – справедливо ли было обвинение Гуса в ереси – высказал свои соображения *А. В. ЛУНАТОВ*

(Исл). О новых интерпретациях наследия Гуса богемистами-литературоведами говорила *Л. Н. Будагова* (Исл). Большой интерес вызвал доклад *П. Кроужека*, советника посла Чехии в РФ, показавшего, что по результатам его наблюдений восприятие Гуса в чешском социуме наших дней все еще остается в рамках клише, возникших в предшествующие эпохи.

Третью группу представляли доклады, прослеживавшие интерпретацию гусизма в позднее Средневековье и Новое время. *А. А. Турлилов* (Исл) привел чрезвычайно интересный материал о том, как Гуса трактовали православные славянские книжники. *Г. П. Мельников* (Исл) осветил концепцию религиозного развития Чехии, сформированную чешскими некаатоликами XVI–XVII вв., сосредоточившись на сочинении Павла Странского, где генезис гусизма возводился к традиции православия в Чехии, принесенного туда миссией Кирилла и Мефодия. Очевидно, это сочинение было известно русским славянофилам, о чем говорит текст одной из статей *И. С. Аксакова*. *Е. П. Серапионова* (Исл) осветила малоизвестное явление – попытку создания гуситской церкви у чешских колонистов на Волыни в XIX в., закончившуюся безуспешно.

Четвертая группа – доклады по историографии гусизма. Старейшина такого рода исследований в России *Л. П. Лантева* (МГУ) осветила оценку Гуса представителями позитивистского направления в русской историографии. *Е. П. Аксенова* (Исл) сосредоточилась на высказываниях о Гусе и гусизме видного русского ученого *А. Н. Пыпина*. *И. И. Бучанов* (ИНИОН) проанализировал интерпретации проблемы чешско-немецкого противостояния времен Гуса в отечественной историографии второй половины XX в. Непростому вопросу оценки справедливости процесса над Гусом в современной чешской науке, прежде всего в работах *И. Кейржа*, посвятила свое выступление *Л. М. Гаркуша* (Москва).

В целом конференция показала значительный интерес к гуситской проблематике, что позволяет надеяться на возрождение серьезных гуситологических исследований в России. По мнению многих участников, конференция прошла на высоком уровне, а приуроченная к ней выставка, снабженная текстами на чешском и русском языках, позволила дать современное научное представление о Яне Гусе широкой публике. Демифологизированный Ян Гус оказывается не менее интересным, чем его образы, сформированные позднейшей идеологией и культурой.

Научные чтения, посвященные 100-летию со дня рождения профессора Л. Б. Валева

22 декабря 2015 г. состоялись Научные чтения «Историческая болгаристика. К 100-летию со дня рождения профессора Любомира Борисовича Валева», организованные Институтом славяноведения РАН и российской частью Комиссии историков России и Болгарии. С именем этого видного ученого-слависта прочно связаны не только становление и успешное развитие советского (российского) славяноведения в целом, но и исторической болгаристики в нашей стране.

Открывший заседание директор Института славяноведения РАН *К. В. Никифоров* отметил значимость подобных мероприятий, цель которых – напомнить об основных вехах развития отечественной славистики и, главное, рассказать о людях, внесших заметный вклад в нашу науку. Особенно важен такой рассказ для молодых коллег, принявших творческую эстафету от предшествующих поколений. Любомир Борисович Валев, отметил *К. В. Никифоров*, относился к той плеяде сотрудников Института, которые сформировали основные направления исследований и заложили традиции этого научного учреждения. Начиная с 1948 г., когда Л. Б. Валев пришел в только что созданный Институт славяноведения АН СССР, вся его дальнейшая творческая жизнь была связана с ним. Здесь был пройден путь от младшего научного сотрудника до заведующего сектором, которым он руководил четверть века. При непосредственном участии Любомира Борисовича и под его руководством были созданы знаковые для отечественной историографии труды, вошедшие в золотой фонд советской славистики и болгаристики.

С приветственным словом к собравшимся обратился председатель российской части Комиссии историков России и Болгарии *В. П. Козлов*. Он остановился на роли Л. Б. Валева в работе Комиссии, созданной в 1968 г. Став в 1971 г. заместителем председателя советской ее части, Л. Б. Валев отдавал ее работе много времени и сил, непосредственно участвуя в подготовке и проведении ежегодных совместных заседаний, на которых обсуждался широкий и весьма разнообразный круг организационных и научных проблем. Он внес огромный вклад в развитие творческих контактов советских исследователей с историками Народной Республики Болгарии. Заслуги

Л. Б. Валева в деле развития и укрепления советско-болгарской дружбы неоднократно отмечались правительством Болгарии. В числе его высоких болгарских наград – орден Кирилла и Мефодия I степени.

В адрес участников и гостей Научных чтений поступили приветствия от болгарских коллег-историков. От имени сотрудников Института исторических исследований БАН успешного проведения мероприятия пожелал директор Института проф. *Илия Тодев*. Члены болгарской части Комиссии историков России и Болгарии в своем приветствии отметили, что Любомиру Борисовичу Валеву по праву принадлежит важное место в мировой славистике и болгаристике. Они выразили свое глубокое уважение и сопричастность чувствуанию 100-летия ученого, посвятившего свою жизнь исследованию истории Болгарии, отметили его заметный вклад в исследование ключевых проблем национальной истории, в становление двусторонней Комиссии историков. Отметив, что сегодня идеи сотрудничества, заложенные ее основателями и руководителями с болгарской и российской сторон, поддерживаются и развиваются, болгарские коллеги приветствовали организованное Институтом славяноведения РАН чествование ученого, выразили надежду на продолжение совместной работы и пожелали успешной деятельности коллективу Института.

Т. В. Волокитина (ИСл РАН), выступившая с основным докладом, охарактеризовала жизненный и творческий путь ученого. Необычна была его судьба. Сын болгарского революционера, выросший и сформировавшийся в среде политэмигрантов, как ученый сложившийся в Советском Союзе, Л. Б. Валева остался примером бескорыстного и целеустремленного служения науке, честного гражданина, человека широкой эрудиции и большого личного обаяния. Докладчик подчеркнула, что одной из отличительных черт творчества Валева являлась актуальность исследуемых им явлений и событий, обращение к самым важным и животрепещущим вопросам современности, умение распознать перспективность изучения конкретных проблем. Научное наследие Л. Б. Валева, включающее более 150 работ, ставит его в ряд виднейших советских славистов. Но он был и талантливым педагогом, терпеливо пестовавшим кадры болгаристов, за что был удостоен профессорского звания. Несколько поколений сотрудников Института славяноведения прошли школу Валева и получали от него профессиональные советы и консультации по самым разным вопросам, нередко выходящим за рамки собственно болгарской истории. Л. Б. Валева выступил в качестве официального оппонента по

18 кандидатским и 10 докторским диссертациям. Взыскательность и принципиальность, сочетавшиеся с благожелательностью и тактичностью, уважением к позиции другого ученого, ярко проявлялись и в этой сфере его деятельности, отметила Волокитина.

С личными воспоминаниями о Л. Б. Валева выступили сотрудники Института славяноведения *Г. П. Мурашко, Э. Г. Задорожнюк, С. И. Данченко, А. В. Карасев*. Коллеги Любомира Борисовича тепло вспоминали об ученом, особо отмечая его исключительную доброжелательность и деликатность, открытость для общения, готовность поддержать советом и делом. Обладая все реже встречающимся талантом слушать и слышать, он не оставался пассивным при обсуждении острых дискуссионных вопросов, тактично, но твердо высказывал свое мнение. Внимательное и уважительное отношение к сотрудникам, коллегам и ученикам в сочетании с высокой требовательностью к себе и другим, демократичная обстановка научных дискуссий, культура человеческих отношений – вот те условия, которые создавали творческую научную атмосферу в руководимом им секторе.

На заседании были также рассмотрены различные вопросы истории Болгарии, в том числе и историографические сюжеты. *Е. Л. Валева* (ИСл РАН) в докладе «Историческая болгаристика в России. Современное состояние» сравнила развитие этой отрасли славистики в советский период и в настоящее время, показала, над какой проблематикой работают сегодня болгаристы Института. Она отметила, что изучению вопросов истории Болгарии в СССР были посвящены два последних выступления Л. Б. Валева: на Всесоюзной конференции «Советская болгаристика. Итоги и перспективы» (Львов, январь 1981) и на I международном конгрессе по болгаристике (София, май 1981). Но если в 1970–1980-е гг. в Институте славяноведения поговаривали о «болгарском флюсе», то сейчас обозначились, к сожалению, большие хронологические лакуны, изучение которых тормозит отсутствие специалистов. С уходом старых кадров традиционные темы, которым прежде уделялось много внимания, оказались на периферии исследовательского внимания. Но несмотря на объективные трудности, российские болгаристы стремятся поддерживать традиционные научные направления, вводя в научный оборот новые документы и предлагая собственную их интерпретацию, создают труды, характеризующиеся новыми подходами и обращением к прежде не изучавшимся проблемам. *Н. Н. Червенков* (председатель Научного общества болгаристов Республики Молдова) обрисовал состояние

и развитие исторической болгаристики в Молдове. Он также говорил о связях Л. Б. Валева с молдавскими историками в 1970–1980-е гг. Известная исследовательница научного наследия Дринова, проф. *Л. В. Горина* (МГУ), выступила с докладом «София в творчестве и государственной деятельности историка Марина Дринова». Автор монографии «Марин Дринов – историк и обществен деец» (София, 2006), проф. Горина награждена высшей наградой БАН – «Почетным знаком Марин Дринов». *С. И. Муртузалиев* (Институт всеобщей истории РАН) посвятил свое выступление проблеме «Болгария и болгары в российских источниках XVI–XVII вв.». Докладчик детально проанализировал корпус документов указанного времени, показал важность их всестороннего изучения для формирования представлений о «болгарском племени» в русских землях. *М. М. Фролова* (ИСл РАН), избрав для своего выступления сюжет «Из истории российского консульства в Битоле: *В. А. Максимов* (1873–1877 гг.)», нарисовала яркую картину разносторонней деятельности одного из российских консулов, направленной на развитие двусторонних контактов, расширение взаимных представлений народов друг о друге. *А. Н. Канарская* (ИСл РАН), используя новые документы из архивов Коминтерна, рассказала о неизвестных страницах биографии болгарского коммуниста-политэмигранта Рубена Аврамова. Отметив его участие в Гражданской войне в Испании как комиссара-интербригадиста, докладчик подробно остановилась на деятельности Аврамова в Советском Союзе в 1940–1943 гг. В эти годы болгарский коммунист активно способствовал подготовке национальных кадров коммунистов для будущей их работы в своих странах. *Н. С. Гусев* (ИСл РАН) в докладе «Идея, за которую сражались болгары в 1912–1913 гг. (По свидетельствам сторонних наблюдателей)» на основе выявленных им оригинальных источников охарактеризовал общественные настроения в Болгарии периода Балканских войн через призму отношения общества к «национальной идее», выраженной, в частности, в мечтах о Сан-Стефанской Болгарии. *Г. Д. Шкундин* (Международный независимый эколого-политологический университет – Академия МНЭПУ), автор многих работ по участию Болгарии в Первой мировой войне, проанализировал освещение данного вопроса в отечественной историографии.

На основе заслушанных докладов предполагается подготовка сборника статей, посвященного 100-летию Л. Б. Валева*. В публика-

* Юбилейной дате посвящена статья Т. В. Волокитиной и Е. Л. Валевой «У истоков советской исторической болгаристики. К

ции примут участие и болгарские коллеги. Участники чтений предложили обсудить вопрос о регулярном проведении «Валевских чтений» под эгидой Комиссии историков России и Болгарии.

Оргкомитет Научных чтений

Сведения об авторах

Адельгейм Ирина Евгеньевна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела современных литератур Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения РАН. adelgeim@yandex.ru

Амелина Анна Вячеславовна – младший научный сотрудник отдела истории славянских литератур Института славяноведения РАН. anna.v.amelina@yandex.ru

Антонов Дмитрий Игоревич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и теории культуры РГГУ, старший научный сотрудник Школы актуальных гуманитарных исследований РАНХ и ГС. antonov-dmitriy@list.ru

Аристова Людмила Юрьевна – кандидат филологических наук, главный специалист Отдела редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ им. М. В. Ломоносова. aristova.ly@gmail.com

Вендина Татьяна Ивановна – доктор филологических наук, зав. центром ареальной лингвистики Института славяноведения РАН. vendit@rambler.ru

Виноградова Людмила Николаевна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела этнолингвистики и фольклора Института славяноведения РАН. Inv36@yandex.ru

Ганин Андрей Владиславович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории славянских народов периода мировых войн Института славяноведения РАН. andrey_ganin@mail.ru

Горизонтов Леонид Ефремович – доктор исторических наук, профессор факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». lgorizontov@hse.ru

Гура Александр Викторович – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела этнолингвистики и фольклора Института славяноведения РАН. avgura@mail.ru

Добычина Анастасия Сергеевна – младший научный сотрудник отдела истории средних веков Института славяноведения РАН. andobychina@gmail.com

Дронов Александр Михайлович – младший научный сотрудник Центра по изучению истории многонациональной Австрийской империи отдела истории славянских народов Центральной Европы в Новое время Института славяноведения РАН. dronov938@rambler.ru

Задорожнюк Элла Григорьевна – доктор исторических наук, зав. отделом современной истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения РАН. elzador46@mail.ru

Кирилина Любовь Алексеевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории славянских народов Центральной Европы в Новое время Института славяноведения РАН. kirilina.ljuba@rambler.ru

Клементьев Сергей Васильевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры славянской филологии филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. s.klementiev@mail.ru

Ковалев Михаил Владимирович – кандидат исторических наук, зам. декана факультета экологии и сервиса Саратовского государственного технического университета им. Ю. А. Гагарина. kovalevmv@yandex.ru

Колин Анжела Ивановна – PhD по истории, старший научный сотрудник Института истории АН Молдовы. angelacolin69@yahoo.com

Колядко Светлана Владимировна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела теории и истории литературы Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Белоруссии. kolyadko@list.ru

Кузьмичева Анастасия Евгеньевна – соискатель кафедры истории южных и западных славян исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. aekuzmicheva@gmail.com

Куренная Наталия Михайловна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории культуры славянских народов Института славяноведения РАН. ikurennoy@gmail.com

Кучко Валерия Станиславовна – аспирантка кафедры русского языка и общего языкознания Уральского федерального университета. kuchko@inbox.ru

Лабынцев Юрий Андреевич – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела восточного славянства Института славяноведения РАН. slavvia@hotmail.ru

Лескинен Мария Войттовна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела восточного славянства Института славяноведения РАН. marles70@mail.ru

Майорова Ольга Николаевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела современной истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения РАН. maiorova-olga@list.ru

Мельников Георгий Павлович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории средних веков Института славяноведения РАН. gergamel@mail.ru

Парфирьев Дмитрий Станиславович – историк, бакалавр исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. parfiryeff@yandex.ru

Попов Кирилл Алексеевич – секретарь-референт Генерального консульства РФ в г. Карловы Вары. rсyгil90@gmail.com

Ротт Дариуш – профессор Силезского университета в Катовицах (Польша). dariusz.rott@us.edu.pl

Седакова Ирина Александровна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела типологии и сравнительного языкознания Института славяноведения РАН. irina.a.sedakova@gmail.com

Серапионова Елена Павловна – доктор исторических наук, зав. отделом истории славянских народов периода мировых войн Института славяноведения РАН. serapion@hovrino.net

Смирнов Александр Игоревич – специалист отдела телемаркетинга АО Тинькофф Банк. jokerblini@gmail.com

Старикова Надежда Николаевна – доктор филологических наук, зав. отделом современных литератур Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения РАН. nstarikova@mail.ru

Стыкалин Александр Сергеевич – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории славянских народов периода мировых войн Института славяноведения РАН. zhurslav@mail.ru

Флоря Борис Николаевич – доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, зав. отделом истории средних веков Института славяноведения РАН. sredveka_inslav@land.ru

Цыбенко Ольга Васильевна – кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела современных литератур Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения РАН. cybenko@mail.ru

Шестопалова Ирина Михайловна – историк, переводчик-фрилансер. good-tune@yandex.ru

Щавинская Лариса Леонидовна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела восточного славянства Института славяноведения РАН. slavia@hotmail.com

Яблоков Евгений Александрович – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории культуры славянских народов Института славяноведения РАН. eajablokov@gmail.com

About the authors

Adel'gejm Irina Jevgen'jevna – Doctor of Letters, leading research fellow in the Department of Slavic Literatures of Central and South-Eastern Europe in the Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. adelgejm@yandex.ru

Amelina Anna Vjačeslavovna – minor research fellow in the Department of History of Slavic Literatures in the Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. anna.v.amelina@yandex.ru

Antonov Dmitrij Igorevič – Ph.D. in History, assistant professor of the Department of History and Theory of Culture, Russian State University for the Humanities, senior research fellow, School of Current Research in Humanities in the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. antonov-dmitriy@list.ru

Aristova Ljudmila Jur'evna – Ph.D., the chief specialist in the Department of Rare Books and Manuscripts in Lomonosov Moscow State University Academic Library. aristova.ly@gmail.com

Cybenko Ol'ga Vasil'evna – Ph.D., research fellow in the Department of Contemporary Literatures of Central and South-Eastern Europe in the Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. cybenko@mail.ru

Dobyčina Anastasija Sergeevna – minor research fellow in the Department of Medieval History in the Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. andobychina@gmail.com

Dronov Aleksandr Mixajlovič – minor research fellow in the Centre for the Research of the History of the Multinational Austrian Empire in the Department of Modern History of Slavic Peoples in Central Europe in the Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. dronov938@rambler.ru

Florja Boris Nikolaevič – Doctor of History, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, the head of Department of Medieval

History in the Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences.
sredveka_inslav@land.ru

Ganin Andrej Vladislavovič – Doctor of History, leading research fellow in the Department of Slavic History of the World Wars Period in the Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. andrey_ganin@mail.ru

Gorizontov Leonid Efremovič – Doctor of History, professor of the Faculty of Humanities, National Research University Higher School of Economics. lgorizontov@hse.ru

Gura Aleksandr Viktorovič – Doctor of Letters, leading research fellow in the Department of Ethnolinguistics and Folklore in the Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. avgura@mail.ru

Jablokov Evgenij Aleksandrovič – Doctor of Letters, leading research fellow in the Department for the History of Culture of Slavic Peoples in the Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. eajablokov@gmail.com

Kirilina Ljubov Alekseevna – Ph.D. in History, senior research fellow in the Centre of Multinational Empires History in the Department of Modern History of Slavic Peoples in Central Europe, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. kirilina.ljuba@rambler.ru.

Klement'ev Sergej Vasil'evič – Ph.D., assistant professor in the Department of Slavic Philology, in the Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University. s.klementiev@mail.ru

Kolin Anžela Ivanovna – Ph.D. in History, senior research fellow in the Institute of History in the Academy of Sciences of Moldova. angelacolin69@yahoo.com

Kolyadko Svetlana Vladimirovna – Ph.D., senior research fellow in the Department of Theory and History of Literature, Centre for Belarusian Culture, Language and Literature Studies of the National Academy of Sciences of Belarus. kolyadko@list.ru

Kovalev Mixail Vladimirovič – Ph.D. in History, Vice-Dean of the Faculty of Ecology and Service in Gagarin Saratov State Technological University. kovalevmv@yandex.ru

Kučko Valerija Stanislavovna – Ph.D. student at the Department of Russian Language and General Linguistics, Ural Federal University. kuchko@inbox.ru

Kurennaia Natalija Mixajlovna – Doctor of Letters, leading research fellow in the Department for the History of Culture of Slavic Peoples in the Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. ikurennoy@gmail.com

Kuz'mičeva Anastasija Evgen'evna – the competitor of the Department of History of Southern and Western Slavs, Department of History, Lomonosov Moscow State University. aekuzmicheva@gmail.com

Labyncev Jurij Andreevič – Doctor of Letters, leading research fellow in the Department of Eastern Slavs in the Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. slavia@hotmail.ru

Leskinen Marija Vojttovna – Doctor of History, leading research fellow in the Department of Eastern Slavs in the Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. marles70@mail.ru

Majorova Ol'ga Nikolaevna – Ph.D. in History, senior research fellow in the Department of Modern History of Central and South-Eastern European Countries, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. maiorova-olga@list.ru

Mel'nikov Georgij Pavlovič – Ph.D. in History, senior research fellow in the Department of Medieval History in the Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. geramel@mail.ru

Parfir'ev Dmitrij Stanislavovič – historian, a Bachelor of the Department of History, Lomonosov Moscow State University. parfiryeff@yandex.ru

Popov Kirill Alekseevič – administrative assistant in Consulate General of the Russian Federation in Karlovy Vary. pcyril90@gmail.com

Rott Dariusz – professor of the University of Silesia in Katowice (Poland). dariusz.rott@us.edu.pl

Sedakova Irina Aleksandrovna – Doctor of Letters, leading research fellow in the Department of Typology and Comparative Linguistics in the In-

stitute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. irina.a.sedakova@gmail.com

Serapionova Elena Pavlovna – Doctor of History, the head of the Department of Slavic History of the World Wars Period in the Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. serapion@hovrino.net

Smirnov Aleksandr Igorevič – specialist in the Department of Telemarketing in Tinkoff Bank JSC. jokerblini@gmail.com

Starikova Nadežda Nikolaevna – Doctor of Letters, the chief of the Department of Slavic Literatures of Central and South-Eastern Europe, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. nstarikova@mail.ru

Stykalin Aleksandr Sergeevič – Ph.D. in History, leading research fellow in the Department of Slavic History of the World Wars Period in the Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. zhurslav@mail.ru

Ščavinskaja Larisa Leonidovna – Ph.D., senior research fellow in the Department of Eastern Slavs, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. slavia@hotbox.ru

Šestopalova Irina Mixajlovna – historian, a freelance translator. good-rune@yandex.ru

Vendina Tat'jana Ivanovna – Doctor of Letters, the head of the Centre for Areal Linguistics in the Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. vendit@rambler.ru

Vinogradova Ljudmila Nikolaevna – Doctor of Letters, leading research fellow in the Department of Ethnolinguistics and Folklore in the Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. Inv36@yandex.ru

Zadorožnjuk Èlla Grigor'evna – Doctor of History, the head of the Department of Present Day History of Central and South-Eastern Europe in the Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. elzador46@mail.ru

Научное издание

Славянский альманах

1-2 2016

Издательство «Индрик»

Корректор *М. Н. Толстая*
Оригинал-макет *Ю. Е. Рычаловская*

Условия публикации и правила оформления статей
помещены на сайте <http://inslav.ru/izdaniya/slavianskij-almanah>

По вопросу приобретения книг издательства «Индрик»
обращайтесь по тел.:
(495) 938-01-00
market@indrik.ru
www.indrik.ru

INDRIK Publishers has the exceptional right to sell this book
outside Russia and CIS countries.

This book as well as other **INDRIK** publications
may be ordered by
www.indrik.ru

Налоговая льгота –
общероссийский классификатор продукции (ОКП) – 95 3800 5

Формат 60×90 1/16. Печать офсетная.

29,0 п. л. Тираж 400 экз.

Отпечатано с оригинал-макета

в ППП «Типография «Наука»

121099, Москва, Шубинский пер., 6

